

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

2006 год

Пространство и время
в средневековых текстах

Ответственный редактор тома
Г.В. ГЛАЗЫРИНА

Москва, 2009

УДК 94(4) “04/14”
ББК 63.3(5)
Д73

Издание подготовлено в рамках работы над проектом «Историческая традиция в дописьменных и письменных обществах. Компаративное исследование» по программе фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей»

Публикация осуществлена Русским Фондом Содействия Образованию и Науке, 2009 год, в рамках проекта по подготовке к открытию Университета имени Дмитрия Пожарского

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук *Е.А. Мельникова* (ответственный редактор),
кандидат исторических наук *Г.В. Глазырина*,
доктор исторических наук *Т.Н. Джаксон*,
доктор исторических наук *И.Г. Коновалова*,
кандидат филологических наук *В.И. Матузова*,
доктор исторических наук *А.В. Назаренко*,
доктор исторических наук *А.В. Подосинов*,
доктор исторических наук *Л.В. Столярова*,
член-корреспондент РАН *Я.Н. Шапов*

Д73 **Древнейшие** государства Восточной Европы. 2006 год: Пространство и время в средневековых текстах / Отв. ред. Г.В. Глазырина. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. — 552 с.

ISBN 978-5-91244-007-6

В томе ежегодника «Древнейшие государства Восточной Европы» за 2006 год исследуется восприятие пространства и времени, интерпретация и репрезентация этих представлений в средневековых письменных памятниках, принадлежащих к различным эпохам и культурным традициям. В публикуемых статьях и рецензиях выявляется специфика моделирования пространства и хронологизации времени, уделяется особое внимание взаимодействию разных систем временных и пространственных координат: дохристианских (языческих), средневековых христианских и мусульманских в их синхронном и диахроническом аспектах. Анализируются проблемы пространственной ориентации, принципы землеописания, соотношение карты и текста, а также способы хронологизации истории и совмещение различных комплексов временных представлений в пределах одного произведения.

УДК 94(4) “04/14”
ББК63.3(5)

ISBN 978-5-91244-007-6

© Авторы статей, 2009
© Институт всеобщей истории РАН, 2009
© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Том ежегодника «Древнейшие государства Восточной Европы» за 2006 год посвящен традиционной, но неизменно актуальной проблематике — особенностям восприятия, интерпретации и репрезентации пространственно-временных представлений в памятниках средневековой письменности¹. Живейший исследовательский интерес к этим вопросам обусловлен их важностью и для культурной характеристики отдельной цивилизации, литературной или историографической традиции, и для источниковедческого исследования конкретных памятников или их групп, и для адекватного понимания способов и форм отражения исторической действительности в письменных текстах.

Проблематика первого раздела — осмысление и моделирование пространства в средневековых нарративах — широко разрабатывается в мировой науке в рамках философии, исторической и культурной антропологии, но занимает недостаточное место в отечественной историографии, особенно применительно к древнерусской культуре. Между тем, пространственные представления, свойственные культурным традициям античности и средневековья, как правило, неотрефлексируемые и не выраженные эксплицитно, подспудно влияли на историческое повествование — ведь описываемые события разворачивались в определенном пространстве, которое могло восприниматься как нейтральное, сакральное или эмоционально окрашенное, непрерывное или дискретное, ориентированное по странам света или какому-либо центру и т.д. Пространственные представления находят в текстах косвенное отражение — в виде описания перемещения персонажей, пространственного соотношения объектов, употребления «пространственной» терминологии (обозначений стран света, понятий «верх» / «низ» и т.п.). При этом представления об организации пространства могли принципиально отличаться от современных — поэтому нередко исследователи отмечают как ошибки, вытекающие из недостаточной осведомленности автора, отклонения от сложившейся в Новое время системы, основанной на «компасной»

¹ Эти вопросы поднимались на XVI (2004) и XVIII (2006) Чтениях памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. См.: ВЕДС. М., 2004. XVI: Время источника и время в источнике; ВЕДС. М., 2006. XVIII: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе.

ориентации по странам света и картографическом принципе описания. Достаточно сказать, что в средневековой мусульманской географии одновременно сосуществовали, взаимодействуя друг с другом, три системы организации пространства: восходящее к античности членение Земли на семь широтных «климатов», этногенеалогическое деление народов Земли на потомков Яфета и Афридуна и религиозно-политическое выделение «цивилизационных» пространств — мир ислама, древний Вавилон, Византия, Индия, Китай.

Представления о пространстве отражались в словесном описании, но также и в картах, появившихся уже в глубокой древности. В отличие от текста, однако, карта, вплоть до Нового времени, не имела практического значения, служа иллюстрацией, но она воплощала представления об организации и членении пространства, соотношении его частей.

Второй раздел тома посвящен восприятию времени в средневековье — теме, значительно лучше изученной и в международной, и в отечественной науке. Вместе с тем, сопоставление представлений о временном континууме, его членении и формах его отражения в памятниках письменности в разнокультурных традициях античности и средневековья ставит новые вопросы. Особую актуальность для интерпретации письменных текстов приобретает выявляемая «множественность» времен в рамках одного произведения. Архаическое «мифологическое» время творения и предков может плавно перетекать в «квази-историческое» (эпическое) время, а затем трансформироваться в собственно историческое; генеалогический счет времени — сочетаться в одном произведении с христианским (от сотворения мира или от рождества Христова) или мусульманским летосчислением; актуальное и сюжетное время — сливаться с мировым временным потоком. В еще большей степени, нежели пространство, время — как прошедшее, так и настоящее — может быть эмоционально маркировано и сакрализовано, что находит непосредственное отражение в текстах.

В третьем разделе рассматривается взаимодействие и соотношение временных и пространственных представлений в нескольких средневековых культурных ареалах. При всех отличиях в конкретных проявлениях пространственно-временного континуума (А.Я. Гуревич, ср. «хронотоп» М.М. Бахтина) выявляются некоторые универсалии, как, например, определяющая роль представлений о времени в историческом нарративе и пространства в географических текстах.

Продолжается публикация исследования Л.В. Столяровой о заказах древнерусских кодексов, рецензируются новые книги, связанные с тематикой данного тома.

I. Описание и моделирование пространства в средневековых текстах

А.В. Подосинов

КАРТА И ТЕКСТ: ДВА СПОСОБА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ*

С древнейших времен человечество знало только два способа описания географического пространства — в виде литературного текста и (гео)графической карты. Сочетание этих двух способов в различных культурах различно и вызывает большой интерес исследователей¹.

Словесное описание расположения географических объектов является, вероятно, самым древним и универсальным способом репрезентации географического пространства. От античного перипла до современной описательной лоции — таков путь этой репрезентации, мало изменившийся за прошедшие века. Такое описание дает возможность отразить многие особенности местности, важные для путешественника — движение береговой линии, направление господствующих ветров и течений, удобство причаливания корабля в той или иной бухте, наличие стоянки для корабля, возможность обновить запасы пресной воды и продовольствия, а также торговли и обмена, наличие местного населения (дружественного или враждебного) и особых достопримечательностей (храмов, жертвенников,

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 05-06-80043. Статья представляет собой расширенную версию доклада, который был прочитан на XVIII Чтениях памяти В.Т. Пашуто в апреле 2006 г. (см. тезисы в: ВЕДС. М., 2006. XVIII: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. С. 153–159).

¹ См., например, антиковедческие работы последних десятилетий на эту тему: *Janni P.* La mappa e il periplo: Cartografia antica e spazio odologico. Roma, 1984 (Università di Macerata. Pubblicazioni della facoltà di lettere e filosofia. 19); *Bekker-Nielsen T.* «Terra Incognita»: The Subjective Geography of the Roman Empire // *Studies in Ancient History and Numismatics Presented to R. Thomsen.* Århus, 1988. P. 148–161; *Brodersen K.* Terra Cognita. Studien zur römischen Raumerfassung. Hildesheim; Zürich; N.Y., 1995 (Spudasmata, 59); *L'espace et ses représentations* / Ed. A. Bonnafé, J.-C. de Court, B. Helly. Zaragoza, 2000; *Hänger Chr.* Die Welt im Kopf. Raumbilder und Strategie im römischen Kaiserreich. Göttingen, 2001 (Hypomnemata, 136); *Space in the Roman World* / Ed. R. Talbert, K. Brodersen. Münster, 2004.

пещер и т.д.), возможность переправы через реку, ее судоходство, указание на кратчайший путь между географическими объектами и т.д. и т.п. Все это характерно для географических описаний пути типа перипла — описания путешествия вдоль морских побережий — или перизэгесы (в латинской традиции — итинерария) — описания сухопутных путей.

Эти же особенности свойственны и географическим произведениям, не ставящим практических целей ориентирования путешественников в географическом пространстве, но дающим общее описание (научное или научно-популярное) Земли — собственно «географии». Часто они строятся по принципу именно перипла или перизэгесы (труды Псевдо-Скимна, Псевдо-Скилака, Страбона, Мелы, Плиния, Дионисия Перизэгета, Павла Оросия и др.). Лишь «Географическое руководство» Птолемея, представляющее собой непосредственное описание карты, отходит от этих принципов, являя собой резкий контраст с предшествующей традицией.

От античности и средневековья до нас дошло значительное количество традиционных географических произведений, еще больше их не сохранилось, но мы знаем об их существовании по названиям или даже по фрагментам этих произведений.

Какая же роль отводилась карте как способу репрезентации географического пространства, каково ее применение в жизни античного и средневекового общества?

На мой взгляд, карта, в отличие от текста, никогда вплоть до Нового времени не имела в западной части Евразии того практического значения, которое она приобрела позже — с введением единого масштаба, единой ориентации, единой сетки координат и других атрибутов современной картографии, позволяющих человеку надежно ориентироваться в пространстве, путешествовать, воевать, сосуществовать с соседями, демаркируя территориальные границы, и т.д.²

Вывод, который был ранее сделан в отношении античной, византийской и западноевропейской средневековой картографии (а именно, скептицизм по поводу практического использования карт в античности и их якобы широкого распространения в образованном обществе, отрицание связи между иногда весьма развитой теорией и, как правило, скудной практикой изготовления географических карт, конста-

² См. о революции в истории картографии, произошедшей в XVI в. в Европе: Monarchs, Ministers, and Maps: Emergence of Cartography as a Tool of Government in Early Modern Europe / Ed. D. Buisseret. Chicago; L., 1992.

тация их подчиненной роли по отношению к литературному тексту, ограничение их функций сакральной, дидактико-пропагандистской и научной сферами и т.д.³), этот вывод был в последнее время подтвержден и материалами картографии других культур, в частности арабо-мусульманской, оттоманской и индийской⁴.

Ниже я процитирую ряд высказываний о картах в восточных культурах, взятых из некоторых томов фундаментальной «Истории картографии», изданной в США в 1992–1994 гг.⁵

Об исламской картографии:

«Независимые картографические артефакты, за исключением астрономических, чрезвычайно редки в картографической традиции исламской цивилизации до Нового времени. Почти все сохранившиеся исламские карты — составная часть более широкого рукописного контекста...» (II, 1, с. 4). «Такие карты имели дидактическую или иллюстративную функцию, подчиненную основному повествованию в форме текста... Мы редко можем отыскать твердые исторические свидетельства использования карт в исламских обществах» (II, 1, с. 5). «Примечательно, что, в то время как в развитии математических и астрономических оснований для небесной и географической картографии были достигнуты большие результаты, не было сделано совсем (или лишь в небольшой степени) попыток перенести существующие теоретические знания в картографическую практику... Географические знания мусульман были, судя по богатой географической литературе, особенно на арабском и персидском языках, весьма впечатляющими, но они редко были представлены в графической форме... Основные исламские языки — арабский, персидский и турецкий — не обладают единственным словом, которое бы однозначно называло “карту”» (II, 1, с. 7).

³ Подробнее об этом см.: *Подосинов А.В.* Картографический принцип в структуре географических описаний древности (постановка проблемы) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 22–45; *Он же.* Античная картография (факты и проблемы) // ВИ. 1998. № 8. С. 61–70; *Podossinov A.V.* Die geographische Karte im Dienste des antiken Staates? // *Bürgersinn und staatliche Macht in Antike und Gegenwart: Festschrift für Wolfgang Schuller zum 65. Geburtstag* / Hrsg. von M. Dreher. Konstanz, 2000. S. 225–240; *Janni P.* La mappa e il periplo. Passim; *Brodersen K.* Terra Cognita. Passim.

⁴ См. подробнее разбор литературы: *Подосинов А.В.* Новые работы по истории древней картографии // ДГ. 2001 г. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 349–352.

⁵ *The History of Cartography. Vol. II. Book. 1: Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies* / Ed. J.B. Harley, D. Woodward; Chicago; L., 1992. Vol. II. Book 2: *Cartography in the Traditional East and Southeast Asian Societies* / Ed. J.B. Harley, D. Woodward, C.D.K. Yee. Chicago; L., 1994. Далее ссылки на эти издания приводятся в основном тексте статьи.

О раннем этапе исламской картографии:

«Несмотря на всю эту (географическую. — *А.П.*) активность, мы можем продемонстрировать совсем мало артефактов карт, сомнительно также, что и в то время их было больше» (II, 1, с. 106). Глава в разделе о картографии в Оттоманской империи, названная *Cartography in the Service of the State*, начинается, тем не менее, со слов: «Многие сферы оттоманской административной практики, где следовало бы надеяться найти признаки использования карты, тем не менее оказываются начисто лишены следов пользования картографической презентацией пространства и т.д.» (II, 1, с. 209).

Об индийской картографии:

«Как и следовало ожидать, [в Индии] из далекого прошлого сохранилось мало картографических артефактов. Карты до XVII в. крайне редки. Они включают несколько космографий, самая ранняя из которых датируется 1199–1200 гг., при этом не существует ни одной топографической карты, ни одного плана города, ни одной навигационной карты» (II, 1, с. 504–505). «Именно литературный трактат... был первичным носителем информации, на которой основывались карты; последние лишь иногда иллюстрировали повествовательные тексты. Только на исходе традиционалистской картографии... происходит разрыв единства карты и текста... В целом карты были подчинены тексту... В культурах, предшествующих Новому времени, если не считать астролябий, глобусов и некоторых карт мира, “независимая” карта была исключением в спектре картографической репрезентации пространства» (II, 1, с. 513). «Часто невозможно отделить сакральное от профанного в картографиях большинства культур, описанных в этой книге. Географические карты в Индии, точно так же как карты в индо-исламских иллюстрированных историях, часто выделяют религиозную топографию, пренебрегая при этом другими материальными аспектами ландшафта» (II, 1, с. 514). «Хотя ал-Макдиси писал, что география абсолютно необходима для купцов, путешественников, султанов и юристов, на практике это не всегда приводило к пользованию картами» (II, 1, с. 515). «Как в Риме, имперская пропаганда (в исламе и Индии. — *А.П.*) также была одной из признанных функций карт... Карты для практического использования были слабо развиты в этих традиционных исламской и индийской культурах, несмотря на потенциально многие сферы практического их использования и существование образованного купеческого сословия во многих городах. Карты рисовали в дидактических целях, и это и было практическим использованием карт» (II, 1, с. 515).

Для китайской картографии многие упомянутые выше пределы практического использования карт также оказываются актуальными:

«Карты в китайской культуре использовались не только для указаний расстояний, но и для демонстрации власти, для образования и для эсте-

тического восприятия» (II, 2, с. 55). «Создание карт с масштабом вовсе не было важнейшей задачей китайских картографов, хотя они, конечно, понимали принципы масштабирования» (II, 2, с. 63–64). «*Tu* (китайский иероглиф для карты. — *A.II.*) имеет большое количество значений в текстах до 300 г. до н.э. Он может означать картины, диаграммы, карты и таблицы. В качестве глагола он может означать 'составлять планы', 'предвидеть', 'задумываться о чем-то', или 'иметь дело с чем-то'. Часто невозможно определить, какое значение этого слова использовано в том или ином документе, поскольку мы не обладаем тем знанием контекста, которого древний автор ожидал от своего читателя» (II, 2, с. 26).

Вместе с тем китайская картография отличается от всех других именно тем, что очень рано в Китае карта становится частью политического, административного и военного обихода.

«В четвертом и третьем веках до н.э. существительные все чаще приобретали форму двуиероглифических сложных слов, которые за счет добавления дополнительной информации уменьшали возможность двусмысленности. В это время появилось несколько терминов, означающих только карту и ничего другого. Наиболее употребительный — *ditu* — соединяет *tu* с *di*, который обычно означает страну или местность» (II, 2, с. 27).

Китайская цивилизация с ранних пор умела использовать карты для практических нужд. В «Гуанцзы», китайском трактате о военном искусстве III в. до н.э., в разделе «Карты» есть текст, совершенно немыслимый в европейской или ближневосточной античности и средневековье:

«Все военачальники должны сначала изучить и познать карты. Они должны хорошо знать расположение извилистых горных проходов; потоки, которые могут затопить их колесницы; знаменитые горы; удобные для передвижения долины; главные реки; возвышенности и холмы; местности, где растут трава, деревья и камыш; дистанции на дорогах; размеры городов и городских укреплений; знаменитые города и покинутые города; бесплодные и возделанные земли. Они должны запечатлеть в своей памяти все пути в обе стороны и все приметы ландшафта; после этого они могут передвигать свои войска и нападать на города. При диспозиции войск они будут знать, что находится сзади и что спереди, и не попадут в беду, заблуждаясь относительно местности. В этом заключается непреходимая ценность карт» (II, 2, с. 73).

Таким образом, наш давний, казавшийся предварительным вывод о принципиальном отличии китайской и, скажем, античной и средневековой европейской картографии, в части практического употребления карт подтверждается новейшими исследованиями всего корпуса

китайских карт и текстов, их описывающих. В цитируемой книге делается также попытка объяснить, почему карты в Китае использовались в практике управления: они были вполне реалистичны, так как с самого начала основывались на измерениях и математических расчетах. Последнее же обстоятельство тесно связано с характером китайской цивилизации, построенной на сельском хозяйстве, основанном, в свою очередь, на ирригации, функционирование которой было немыслимо без централизованной бюрократической организации⁶. Астрономия и математика, которые помогали рассчитывать календарь, строить каналы и измерять земельные наделы, стали также основой и стимулом развития китайской картографии (II, 2, с. 96–127). Но и здесь, оценивая научную основу китайских карт, приходится, вслед за автором «китайского» раздела, быть осторожным, поскольку соотношения карты и текста, карт со шкалой расстояний и без нее, карт для практических нужд и для иных надобностей (например, культовых) в разные периоды истории колебались довольно сильно.

Карта как иллюстрация — часто неточная — литературного текста, карта как сакральный объект, поясняющий религиозные космологические схемы, карта как учебное пособие, часто несовершенное, карта как пропагандистское прославление имперской власти, наконец, карта как научно-теоретическое кабинетное построение, — таковы в своем большинстве функции картографии вплоть до Нового времени. Географическая же региональная карта как средство практической ориентации в конкретном географическом пространстве почти неизвестна ранним культурам.

Особенности каждой из двух форм презентации географического пространства (текст и карта), диапазон их употребления и их возможностей в постижении пространства, их общие черты и различия невозможно раскрыть без введения в наше рассмотрение понятия «ментальной карты».

Представляется, что основой обеих форм презентации пространства — речевого акта человека, запечатленного в письменном источнике, и графического изображения пространства,

⁶ Автор раздела о китайской картографии К.Д.К. Йи основывается здесь на работе К.А. Виттфогеля (*Wittfogel K.A. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957*), в которой китайская экономика и даже цивилизация называются «гидравлическими», так как сельскохозяйственное производство поддерживалось здесь экстенсивными ирригационными проектами, которые должны были управляться аграрной элитой.

запечатленного в карте, является когнитивный акт постижения пространства, порождающий в мозгу человека ментальные карты. Это могут быть ментальные карты комнаты, дома, двора, городского квартала, всего города, местности, страны, материка, ойкумены, Земного шара.

С 1913 г., когда К. Трьюбридж впервые употребил термин «ментальная карта»⁷, после работ Ф.Н. Шемякина 1940-х гг.⁸ и А.В. Ярмоленко 1960-х гг.⁹, изучавших законы восприятия и презентации пространства, и Э. Толмена, введшего в 1948 г. понятие «когнитивная карта» и рассматривавшего ее в рамках бихевиористской теории¹⁰, возникла огромная литература о ментальных картах, изучающая этот феномен в рамках разных научных дисциплин — (палео- и нейро-)психологии, географии, картографии, архитектуры, урбанистики, когнитивной лингвистики, исторической антропологии, фольклористики и т.д.¹¹ В области античной картографии плодотворно использовал достижения когнитивной психологии и теории ментальных карт П. Янни¹².

Нет никаких сомнений в том, что ментальная карта местности, с которой ознакомился человек, и уж тем более, если он был давно

⁷ *Trowbridge C.C.* On Fundamental Methods of Orientation and Imaginary Maps // *Science*. 1913. Vol. 38. P. 888–897.

⁸ *Шемякин Ф.Н.* О психологии пространственных представлений // *Ученые записки НИИ психологии*. М., 1940. Т. 1. С. 197–236.

⁹ *Ярмоленко А.В.* Роль речи в отражении пространства // *Проблемы восприятия пространства и пространственных представлений*. М., 1961.

¹⁰ *Tolman E.C.* Cognitive Maps in Rats and Men // *Psychological Review*. 1948. Vol. 55. P. 189–208.

¹¹ См., например, только в географическом аспекте: *Downs R.M., Stea D.* Maps in Minds. Reflections on Cognitive Mapping. N.Y., 1977; *Idem.* Cognitive Maps and Spatial Behavior: Process and Products // *Image and Environments* / Ed. R.M. Downs, D. Stea. Chicago, 1973. P. 8–26; *Tuan Y.-F.* Space and Place. The Perspective of Experience. Minneapolis, 1977; *Idem.* Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes, and Values. Englewood Cliffs (N.J.), 1974; *Spatial Orientation: Theory, Research, and Application* / Ed. H.L. Pick, L.P. Acredolo. N.Y., 1983; *Gould P., White R.* Mental Map. 2-nd edition. Boston, 1986; *Couclelis H.* Verbal Directions for Way-Finding: Space, Cognition, and Language // *The Construction of Cognitive Maps* / Ed. J. Portugali. Dordrecht, 1996. P. 133–153; *Siegel A.W., White S.* The development of spatial representations of large-scale environments // *Advances in Child Development and Behavior* / Ed. H. Reese. Vol. 10. N.Y., 1975. P. 9–55; *Линч К.* Образ города. М., 1982; *Голд Дж.* Психология и география: Основы поведенческой географии. М., 1990; *Величковский Б.М., Блиникова И.В., Латин Е.А.* Представление реального и воображаемого пространства // *Вопросы психологии*. 1986. № 3. С. 103–113 (с отечественной литературой вопроса).

¹² *Janni P.* La mappa e il periplo.

и хорошо с ней знаком, неизбежно возникала в его сознании. Об этом говорят исследования историков картографии так называемых примитивных народов — любой скотовод, охотник или рыбак мог по просьбе европейцев начертить вполне реалистичный план знакомой ему местности, хотя никогда этого раньше он и не делал. Об этом же свидетельствуют многочисленные социологические, психологические и лингвистические исследования, посвященные современному восприятию когнитивного пространства локального, регионального или глобального характера. Работы по изучению развития детских представлений о пространстве, в частности ориентации в нем¹³, показывают, что в своем онтогенезе ребенок проходит практически те же стадии осознания и восприятия пространственных отношений, что и древние народы в своем филогенезе — а именно, от эгоцентрической позиции наблюдателя с избирательным и индивидуальным подходом к системе ориентиров, при котором отдельные группы элементов окружающей среды мало связаны друг с другом (так называемая «карта пути»), до возникновения картины эвклидова пространства, так называемой «карты-обозрения» — «одновременного единого представления системы различных пространственно размещенных и соотношенных компонентов, образующих координированное пространственное единство»¹⁴.

Думается, что проблемы когнитивной географии, изучаемые социологами и психологами, могут оказаться весьма плодотворными и для изучения более древних обществ. Так, «карта пути», описываемая современными психологами, находит аналогию и объяснение в «периплическом» способе репрезентации географического пространства, свойственном ранним географическим представлениям и литературным жанрам, их отражающим, а «карта-обозрение» — в попытках создания единой научной карты мира, образующей «координированное пространственное единство», к чему стремились, например, античные географы и астрономы Эратосфен, Гиппарх, Марин Тирский и Птолемей.

¹³ См., например: *Piaget J., Inhelder B. The Child's Conception of Space.* N.Y., 1956.

¹⁴ *Ярмоленко А.В.* Роль речи. С. 69. Ср. сознательную ориентацию на теорию познания Пиаже, развитую им по отношению к детям, при изучении процесса знакомства древних греков с северной Европой в работе: *Käppel L. Bilder des Nordens im frühen antiken Griechenland // Ultima Thule. Bilder des Nordens von der Antike bis zur Gegenwart / Ed. A. Engel-Braunschmidt u.a. Frankfurt am Main u.a., 2001. S. 11–27.*

Считается установленным, что жители современных городов Европы воспринимают объекты (например, магазины), расположенные на улице от их места жительства в сторону центра, как находящиеся на более близком расстоянии, чем расположенные в сторону периферии города, вне зависимости от реального расстояния¹⁵. Известно также, что проблема завышения расстояний на малоизвестной периферии ойкумены характерна и для географических представлений древних обществ.

Для историков географии и картографии важны выводы современных психологов об эгоцентричности в восприятии бытового и географического пространства («культурный» центр и неизвестная, опасная, демоническая периферия), а также его негомогенности (опасные или чем-то неприятные части окружающей среды воспринимаются и репрезентируются иначе, чем освоенные и приятные; местность состоит как из локусов, связанных с какими-то событиями и потому известных, так и событийно «пустых» и потому исчезающих из поля зрения; путь домой оказывается короче, чем путь из дому; путь между двумя точками, более длинный, но безопасный и приятный, воспринимается как более короткий, чем сопряженный с опасностями и трудностями, и т.д.¹⁶).

Для историков актуальным оказывается и вывод когнитивной психологии о существовании наряду с индивидуальными образами пространственных структур также и образов «общественных», присущих определенной социально-культурной группе людей, объединенных различными обстоятельствами (место проживания, пол, возраст, уровень образованности, социальная принадлежность, профессия и т.д.). Это может объяснять наличие в рамках одной культуры нескольких различных когнитивных схем в восприятии пространства, при существовании неких общенациональных пространственных схем и образов¹⁷.

Когнитивный процесс освоения пространства предполагает оперирование геометрическими фигурами, отражающими внутренние, присущие человеку структурные особенности процессов мыслительной деятельности и имеющими символическое значение (на-

¹⁵ Голд Дж. Психология и география. С. 115–116.

¹⁶ См. об этом относительно античных географических представлений: *Bekker-Nielsen T.* Terra Incognita. P. 148–161; и средневековых: *Мельникова Е.А.* Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV века. М., 1998. С. 13–15.

¹⁷ См.: *Джаксон Т.Н.* Путь как способ освоения пространства («Пути» в картине мира древних скандинавов) // ВЕДС. XVIII. С. 45–47.

пример, крест, вписанный в круг, как символ города или космоса в Египте, Вавилоне и Китае; прямоугольник, трапеция, треугольник); это обстоятельство объясняет многие элементы картографирования в древних обществах, особенно в сакральной области (ср. средневековые западноевропейские *mapae mundi*, планы Иерусалима, восточные мандалы и др.).

Думается, что приверженность традиции и зависимость от нее (т.е. как бы вторичность), характерные для литературной и картографической форм репрезентации географического пространства, свойственны и «ментальным картам», ведь и эти последние зарождаются в голове человека не в малой степени благодаря знакомству с традиционными образами, существующими в литературной или графической форме; особенно это касается отдаленных территорий ойкумены или всей Земли, составить ментальную карту которых невозможно только в результате личного когнитивного опыта. Таким образом, устанавливается и обратная связь между вербально-графическими образами, с одной стороны, и ментальными — с другой.

Обобщая, можно сказать, что любое географическое описание, если это не механическая компиляция, представляет собой «перевод» когнитивной (или ментальной) карты в текст вербальными средствами. То же можно сказать и о географической карте: карта — это перевод ментальной карты в изобразительный артефакт графическими средствами.

Некоторые — весьма, впрочем, малочисленные — свидетельства такого спонтанного перевода, или, другими словами, «ситуативного» изготовления реального плана местности на основе существующей ментальной карты можно встретить в античности и средневековье.

Замечательную сцену рисует Плутарх, рассказывая об обстановке в Афинах, вызванной экспедицией Никия и Алкивиада в Сицилию. В связи с авантюрными планами Алкивиада по захвату Сицилии, а затем Карфагена, Ливии, Италии и Пелопоннеса, по словам Плутарха, в Афинах возник такой ажиотаж, что можно было наблюдать «многих людей в палестрах и лоджиях, рисующих [на песке] очертания (τὸ σκῆμα) острова [Сицилии] и расположение (θέσις) Ливии и Карфагена» (*Plutarch. Alcib. 17, 2–3*). Даже если Плутарх модернизирует картографическую ситуацию в Афинах, сложившуюся за пять веков до него, то нет никаких сомнений, что в его время такой «перевод» был возможен.

Овидий в «Героидах» (I, 31–36) описывает, как вернувшиеся из-под Трои греческие герои в кругу семьи рассказывают о своих подвигах, рисуя топографические планы местности:

Стол поставят — и муж покажет грозные битвы,
Пролитой каплей вина весь нарисует Пергам:
«Здесь протекал Симоент, здесь было Сигейское поле,
Здесь — высокий дворец старца Приама стоял.
Там — Эакида шатры, а дальше — стоянка Улисса,
Гектор истерзанный здесь быстрых пугал лошадей».
(Перевод С. Ошерова.)

Анна Комнина в «Алексиаде» (13, 7) пишет о своем отце императоре Алексее, что, когда его полководец Исаак Контостефан в 1107/1108 г. не смог помешать лангобардам переправляться по Адриатическому морю из Италии в Иллирик, то

«Алексей нарисовал берега Лонгивардии и Иллирика с расположенными по обе стороны пролива гаванями и отправил эту карту Контостефану, объяснив ему в письме, где следует ставить на якорь корабли и откуда, пользуясь попутным ветром, он сможет напасть на переправляющихся кельтов». *(Перевод Я.Н. Любарского.)*

Контостефан все сделал, как ему рекомендовал император, и смог успешно противостоять врагу. Это уникальное для античности и средневековья свидетельство о практическом использовании карты (хотя и «ситуативной», а не «регулярной»), насколько я знаю, никак не оценено в историографии (в издании Я.Н. Любарского оно вообще не прокомментировано).

Представляется, что многочисленные современные карты-реконструкции, прилагаемые к античным или средневековым географическим текстам, представляют собой в тех случаях, когда карта с очевидностью не лежала в основе описания, не что иное как наше видение, нашу реконструкцию ментальной карты древнего географа. Наличие зачастую нескольких вариантов такого восстановления¹⁸ свидетельствует, по-видимому, о нечеткости и недостаточной логичности (ментальной) картины мира этого автора, вынужденного конструировать эту картину из противоречивых и неполных источников, или о несовершенстве нашего понимания

¹⁸ См., например, различные реконструкции карт Агриппы, Юлия Гонория, Равеннского Анонима, приведенные в моей книге: *Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 36–37, 108–109, 165–167.

древнего видения мира, в частности, о модернизаторской склонности за каждым географическим описанием видеть лежащую в его основе реальную карту. Естественно, что ментальная карта античного или средневекового автора (как, впрочем, и любого, в том числе современного человека, как показывают социологические и психологические наблюдения) часто сильно отличается от реальной географической ситуации¹⁹.

Поэтому, чтобы понять нелогичные и неправильные, с нашей точки зрения, локализации географических объектов в текстах древних авторов, следует задаться вопросом о ментальной карте, лежавшей в основе описания. Так, какая-то своеобразная, до конца еще неясная ментальная карта Датского архипелага повлияла на многочисленные описания этого региона западноевропейскими, в том числе скандинавскими авторами, когда движение от восточнее всех расположенного острова Зеландия к острову Фюн и от Фюна к западнее всех расположенному полуострову Ютландия и от всех них к материковой Саксонии рассматривается как движение *на юг*. Вероятно, здесь большую роль играла позиция наблюдателя (ментальная и реальная), а также реальные линии коммуникаций, связывавших эти географические объекты²⁰.

Исходя из тезиса о незначительном практическом значении реальных географических карт в древних обществах, закономерно задаться вопросом, почему переход от ментальной карты к реальной, графической на протяжении античности и средних веков не осуществлялся вообще или осуществлялся крайне редко? Представляется, что причина этого заключается в отсутствии как потребности в такой карте (ее заменяло описание), так и единой, принятой всеми системы картографического изображения (элементов изображения, ориентации, масштаба и т.д., что появляется в Европе только в Новое время). Рисунок, чертеж сам по себе мог быть не понят адресатом, и его информация могла быть не отождествлена с конкретной местностью. Поэтому или рисунок мог только сопровождать текст, иллюстрируя его (что мы видим в большинстве

¹⁹ См., например, ментальную карту Восточной Прибалтики и Восточной Европы, реконструированную А.В. Назаренко по тексту Адама Бременского и наложенную на современную, в книге: Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2003. С. 278.

²⁰ Разбор источников по проблеме см.: Джаксон Т.Н. К вопросу о древнескандинавской системе ориентации // Средние века. 1997. Т. 60. С. 254–265; о ментальной карте средневекового автора см. с. 262.

культур; таков же чертеж Алексея Комнина, о котором речь шла выше и который сопровождался письменным описанием), или же рисунок сам должен был быть сопровожден его автором, который бы его и интерпретировал (например, местный проводник). Карту можно уподобить тут книгам, писать которые отказывался Сократ, говоря, что написанная и опубликованная (т.е. отчужденная от автора) книга плоха уже тем, что она не может сама отвечать на спонтанно возникающие у читателя вопросы к автору, а значит, не возможен диалог автора и читателя²¹.

Ценность карты как практического инструмента ориентации на местности снижалась еще и потому, что карта не могла давать того набора информации, который необходим путешественнику. Какая карта могла заменить собой такой, например, фрагмент из «Перипла Эритрейского моря» (конец I в. н.э.), описывающий только один мыс и один остров в Эритрейском море:

«К этому заливу примыкает огромный мыс, обращенный на восток, называемый Сиагр, на котором стоит крепость [для охраны] страны, и гавань, и склад свозимого ладана, а в море напротив него — остров посредине между ним и лежащим на том берегу мысом Ароматов... очень большой, но пустынный и болотистый; есть на нем реки и крокодилы, много гадюк и огромных ящериц, да так много, что мясо [ящериц] едят, жир же растапливают и используют вместо масла; остров же не приносит ни винных плодов, ни зерновых. Немногочисленные его обитатели живут на одной стороне острова, [обращенной] на север... местные жители — пришлые и перемешались из арабов, индийцев и даже кое-кого из эллинов, отплывших по торговым делам. Приносит же остров черепаху... И подчиняется остров тому самому царю Ладаносной страны... Им пользовались некоторые [торговцы] из Музы и отплывающие из Лимирики и Баригаз, которые случайно на него попадали, менявшие рис, зерно и индийскую хлопковую ткань и женщины-рабынь, привозимых туда, так как [на них есть] спрос, загружая в обмен черепаху в огромном количестве. Сейчас же остров отдан царями на откуп и тщательно охраняется» (Per. maris Erythr. 30–31. *Перевод М.Д. Бухарина*).

Как известно, до появления в Западной Европе в конце XIII в. карт-портолоанов не существовало никакой морской картографии, хотя плаванья в Средиземном море осуществлялись достаточно активно. Специалист по средневековой картографии Т. Кэмпбелл

²¹ См.: Подосинов А.В. К проблеме сократовского диалога // Античная культура и современная наука. М., 1985. С. 25–26.

считает, что навигация в это время зависела от опыта капитанов, которые обладали ментальными картами посещаемых местностей²². Навигационный опыт, накапливавшийся от поколения к поколению в семьях и кланах моряков, оказывался достаточным для ориентации в пространстве.

Карты-портоланы (их называли раньше также компасными картами, картами румбов или локсодромическими картами) считаются одним из самых загадочных явлений в истории картографии: возникнув в XIII в. без всякой видимой предшествующей традиции, они с самого начала удивительно точно передавали конфигурацию побережья Средиземного моря²³. Родиной портоланов считается Италия, затем их стали производить в Каталонии. Первый период истории портоланов начинается в конце XIII в. и заканчивается ок. 1500 г. От этого периода сохранилось свыше 180 портоланов²⁴.

Феномен появления портоланов пытались объяснить по-разному — и непрерывной традицией, идущей от древнегреческих морских карт (которые, однако, не сохранились), и влиянием арабских портоланов, возникших будто бы раньше европейских²⁵. На мой взгляд, объяснять этот феномен следует «переводом» готовых ментальных карт в графические, что происходит, очевидно, с легкостью тогда, когда в этом возникает потребность. Графическая карта и потребовалась тогда, когда был открыт компас, который в сочетании с песочными часами и тригонометрическими таблицами способствовал разработке системы румбов (или «розы ветров»), позволявшей ориентироваться в открытом море (а не только при каботажном плавании) в любое время суток и при любой погоде. Главной особенностью портоланов как раз и была своеобразная сеть румбов, состоявшая из нескольких «роз ветров» и расходящихся от них «ветровых лучей», или румбов, которые помогали морякам ориентироваться в открытом морском пространстве.

²² *Campbell T. Portolan Charts from the Late Thirteenth Century to 1500 // The History of Cartography. Chicago, L., 1987. Vol. I. P. 386–387.*

²³ До этого в средневековье были известны только литературные портоланы, описывавшие, как и античные периплы, плавания вдоль побережий, от порта к порту — отсюда и их название. Промежуточное положение карт-портоланов между периплическим описательным текстом и географической картой проявляется в том, что большинство карт-портоланов подробно описывает только прибрежную часть континентов.

²⁴ *Kupčik I. Münchner Portolankarten: «Kunstmann I–XIII» und zehn weitere Portolankarten. München; Berlin, 2000. S. 9–18.*

²⁵ См., например: *Базров Л. История картографии. М., 2004. С. 60–61.*

Выше уже отмечалось, что ментальные карты были не только источником и основой географических описаний и карт, но и сами, в свою очередь, могли возникать в голове у авторов на основе существующих описаний и, возможно, карт. Как проходил этот процесс, проследить трудно, источники об этом обычно молчат. Но вот что пишет, например, Страбон, собираясь дать географическое описание Индии — отдаленнейшей окраины ойкумены; это описание — образ Индии — он должен был «собрать» из разнообразных предшествующих описаний:

«Читателям приходится снисходительно принимать сведения об этой стране, так как она находится дальше всех от нас и только немногим из наших современников удалось ее увидеть. Однако даже и те, кто видел, видел только какие-то части этой страны, а большинство сведений передают по слухам. Более того, даже то, что они видели мимоходом во время военного похода, они узнали, подхватив налету. Поэтому-то они и сообщают разноречивые сведения об одном и том же предмете, записав, однако, все факты так, как будто они были тщательно проверены. Некоторые из них писали даже после совместного участия в походе и пребывания в этой стране, как, например, спутники Александра, которые помогали ему покорить Азию. Но если они так расходятся в своих отчетах о виденном, то что же следует думать о том, что они сообщают по слухам?» (XV, 1, 2. *Перевод здесь и далее Г.А. Стратановского*).

Из нескольких индивидуальных и не обязательно совершенных ментальных карт Индии, запечатленных в текстах очевидцев, Страбону приходилось создавать свою ментальную карту этой страны.

Некоторые свидетельства он отвергает как невежественные и непригодные для своего труда (XV, 1, 4):

«Современные купцы, совершая плавание из Египта по Нилу и Аравийскому заливу до Индии, редко доходили до Ганга, но это люди необразованные и вовсе непригодные для исследования страны».

(Вспомним выше упомянутые уровень образованности, социальную принадлежность и профессию, влияющие на особенности ментальной картины мира человека.) Вместе с Эратосфеном он больше доверяет документальным свидетельствам (II, 1, 7):

«...Эратосфен подвергает сомнению достоверность свидетельства Патрокла ввиду его разногласия с Мегасфеном о длине северной стороны Индии (Мегасфен определяет ее в 16 000 стадий, а Патрокл утверждает, что она на 1000 стадий короче). Ибо Эратосфен, исходя из какого-то “Списка путевых станций” (*ἀναγραφὴ σταθμῶν*), не доверяет обоим из-за их разногласий, придерживаясь указаний этого “Списка”».

Список был составлен Аминтой, спутником Александра Великого (*Athen.* XI, 500 D; XII, 529 E; *Aelian.* XVII, 17) и представлял, по-видимому, перечень почтовых станций на дорогах персидской империи.

Мне кажется, едва ли Страбон составил свою собственную географическую карту Индии. Скорее на основе различных ментальных карт своих предшественников, которые были явлены ему вербально, а возможно, и графически²⁶, он создал свою ментальную карту, которая, будучи запечатлена в его географическом тексте, могла, в свою очередь, послужить основой для составления ментальной карты Индии его читателями и последующими поколениями географов.

Интересен в этой связи вопрос об уподоблении в географическом описании контуров конкретных местностей геометрическим фигурам и различным предметам, что встречается в античности довольно часто. Особенно любит такие уподобления Страбон: ойкумена, по его словам, имеет форму хламиды, Иберия — шкуры быка, Сицилия — треугольника, Месопотамия — корабля, Ливия — прямоугольного треугольника или трапеции, Индия — ромба, северо-восточная часть Азии — поварского ножа, остров Мероз — продолговатого щита и т.д.

Л.И. Грацианская, собравшая эти примеры, считает, что «введение образных уподоблений пространств в текст, по Страбону, с одной стороны, определяет простоту восприятия этого материала читателем (II, 5, 13), а с другой стороны, косвенным образом указывает на наличие у нашего географа карты (схемы, чертежа) отдельных частей ойкумены, а может быть, и всей ойкумены. Крупномасштабные пространственные части ойкумены выделяются Страбоном явно картографически»²⁷. Возникает, однако, вопрос, обязано такое образное уподобление очертаний географических объектов взгляду географа при описании их на реальную карту или же мы имеем

²⁶ Ср. предположения Л.И. Грацианской о наличии у Страбона карт (*Грацианская Л.И. Страбововское пространство: теория и реальность // ВЕДС. XVIII. С. 33–34*). Сам Страбон свидетельствует о существовании неких карт, вероятно, ойкумены; так, по его словам, Гиппарх рассуждает о несовершенстве измерений и отказывается исправлять конфигурацию Тавра от Киликии до Индии, которая присутствовала на древних картах (*Strabo* II, 1, 11: *ὡς οἱ ἀρχαῖοι πίνακες παρέχουσι*). Далее Страбон пишет: «Но кто может думать, что древние географы более достойны доверия, чем позднейшие, ведь при составлении географических карт (*περὶ τῆς πινακογραφίας*) древние допустили столько ошибок, что Эратосфен правильно критикует их» (*Ibidem*).

²⁷ *Грацианская Л.И. Страбововское пространство. С. 34.*

дело опять-таки с ментальной картой, с образом, возникшим при личном исследовании этой местности или составившимся из сопоставления различных описаний.

В этой связи приведу указанное Л.И. Грацианской место из Страбона об использовании таких фигур (II, 5, 13):

«Границы страны точно определены, когда ее можно ограничить реками, горами или морем, племенем или племенами, наконец, по величине и форме там, где это возможно. Но вообще вместо геометрического определения достаточно простого определения в общих чертах. Таким образом, что касается величины страны, то достаточно указать ее наибольшую длину и ширину... что касается формы, то [достаточно будет] уподобить страну какой-нибудь геометрической фигуре (например, Сицилию — треугольнику) или какой-нибудь другой из известных фигур (например, Иберию — бычьей шкуре, Пелопоннес — листу платана)».

Из этого текста, на мой взгляд, вовсе не следует, что уподобление очертаний местности с фигурами имеет картографическое происхождение. Наоборот, с помощью этих фигур Страбон предлагает читателю создать свою ментальную карту описываемых им местностей, облегчающую восприятие его словесного описания, при этом речь не идет об использовании или составлении каких-то реальных карт.

Существует еще множество проблем, связанных с соотношением карты и текста, в частности, вопрос о закономерностях «перевода» одного в другое в случае иллюстрирования текста картой (карты к «Югуртинской войне» Саллюстия или к «Фарсалии» Лукана), или наоборот, передачи картографического материала с помощью текста, что встречается чрезвычайно редко (по моим данным, только в позднеантичной «Космографии» Юлия Гонория и раннесредневековой «Космографии» Равеннского Анонима²⁸); встречаются также пограничные случаи — карты с чисто условными контурами материков, «территории» которых заполнены или списками топонимов и этнонимов или вполне литературным географическим текстом²⁹. Но это тема другой работы.

²⁸ См. текст, перевод и комментарии к текстам этих авторов: *Подосинов А.В.* Восточная Европа. С. 106–286.

²⁹ См. некоторые средневековые карты, приводимые в книге: *Чекин Л.С.* Картография христианского средневековья VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1999. Илл. 1, 12, 45, 47, 66, 72.

Д.И. Суровенков

КАТЕГОРИЯ ПРОСТРАНСТВА
В ХРОНИКЕ КОМИТА МАРЦЕЛЛИНА
(В КОНТЕКСТЕ РАННЕЙ ЛАТИНОЯЗЫЧНОЙ
ХРИСТИАНСКОЙ ХРОНИСТИКИ)

Кавун Елене Михайловне

В течение весьма долгого времени как в отечественной, так и в зарубежной историографии практически отсутствовал специальной интерес к малым латинским хроникам V–VI вв. Подобная ситуация во многом объяснялась тем, что к середине XIX в. (времени начала научной критики и анализа источников) в сознании исследователей, изучавших историю поздней античности и раннего средневековья, сложилась дихотомия, противопоставлявшая «историю» (продукт «высокой» культуры) и «хронику» (продукт «низкой» культуры) как различные нарративы. С позиций этой дихотомии хроники представлялись самой примитивной формой исторического повествования. При этом само появление церковной хроники (у Евсевия Памфила) объяснялось в контексте гибели Римской империи и считалось дополнительным признаком упадка античной цивилизации.

В научной литературе на протяжении почти всего XX в. малые латинские хроники привлекались, как правило, лишь в качестве вспомогательных источников по тем или иным историческим проблемам. Выше указанная дихотомия стала преодолеваться лишь в последние десятилетия. Что касается хроники Комита Марцеллина, главного объекта исследования данной статьи, то в девяностые годы она была подвергнута филологическому анализу итальянским исследователем Массимо Гуссо¹. В нашей стране в то же время несколько статей, специально посвященных этой хронике, написал

¹ *Gusso M.* Contributi allo studio della composizione e dell fonti del Chronicon di Marcellinus Comes // *Studia et Documenta Historiae et Iuris.* 61. 1995. P. 557–622.

екатеринбургский историк А.С. Козлов². В 1995 г. был опубликован первый перевод сочинения Комита Марцеллина на современный (английский) язык, выполненный австралийским исследователем Б. Кроуком³. А спустя шесть лет, в 2001 г. он же опубликовал монографию «Комит Марцеллин и его хроника», которая подвела итог почти 20-летним исследованиям ученого⁴.

Однако несмотря на истинно монументальный и всеохватывающий характер работы Кроука, его книга не решает всех проблем, связанных с хроникой Комита Марцеллина и хроникописанием поздней античности. Так, на наш взгляд, австралийский ученый недооценивает глубинной сути дихотомии «хроника — история» и дает несколько поверхностное объяснение причин ее появления. Он пишет, что она базируется на современном представлении об историописании как интеллектуально активном процессе, а пренебрежительное отношение к хроникам объясняет их простотой стиля и краткостью⁵.

По нашему мнению, гораздо более значима в этом отношении определенная «обезличенность» хроник. Так, неслучайно американский византист Р. Браунинг отмечает, что при чтении различных хроник складывается ощущение, что все они написаны как будто одним автором⁶. Также неслучайно ученым, которые исследуют и сопоставляют различные хроники того времени, приходится отдельно обосновывать тезис об индивидуальности позиции каждого хрониста⁷.

Как представляется, подобная «обезличенность» хроник во многом объясняется тем структурообразующим принципом, по которому строятся все сочинения этого жанра, — распределением сообщений по годам. Однако, как было показано в нашей работе⁸, погодный принцип повествования является хотя и главным, но не единственным элементом категории времени в подобном типе нарратива (к основным выводам данной работы мы вернемся ниже). Настоящая

² Козлов А.С. Комит Марцеллин о позднеантичном городе // АДСВ. Византия и средневековый Крым. Барнаул, 1992. Вып. 26. С. 46–55; *Он же*. Социальные симпатии и антипатии Комита Марцеллина // АДСВ. Екатеринбург, 1999. Вып. 30. С. 51–60; *Он же*. Комит Марцеллин, Виктор Туннунский и Марий Аваншский о «чужих» народах // АДСВ. Екатеринбург, 2000. Вып. 31. С. 60–91.

³ Croke B. The Chronicle of Marcellinus: Translation and Commentary. Sydney, 1995.

⁴ *Idem*. Comes Marcellinus and his chronicle. Oxford, 2001.

⁵ *Ibid.* P. 2.

⁶ Browning R. The Byzantine Empire. N.Y., 1980. P. 34.

⁷ См.: Козлов А.С. Комит Марцеллин, Виктор Туннунский. С. 60–91.

⁸ Суровенков Д.И. Категория времени в хронике Комита Марцеллина // Источниковедческие исследования. М., 2006. Вып. 3. С. 9–52.

статья является прямым продолжением предшествующего исследования, посвященного анализу категории времени в хронике Комита Марцеллина. Здесь же предполагается комплексно проанализировать категорию пространства в этом источнике как определенную систему пространственных характеристик описываемых в тексте событий.

При этом будет проведен широкий сравнительный анализ указанной хроники с другими сочинениями этого типа, а именно, с хрониками Иеронима Стридонского, Гидация Лемикийского, Проспера Аквитанского, Кассиодора Сенатора, Виктора Туннунского, Продолжателя Марцеллина, Мария Авентикского и Анонима из Цезаравгусты. Все эти хроники связаны с сочинением Комита Марцеллина генетически.

ПОСТИЕРОНИМОВСКАЯ ЛАТИНОЯЗЫЧНАЯ ХРОНИСТИКА В V–VI вв.

Основателем латиноязычной христианской хронистики по праву считается блаженный Иероним Стридонский (340–420). Среди прочих своих трудов, Иероним в 381 г., живя в это время в Константинополе, переводит на латинский язык всемирную хронику Евсевия Памфила, написанную по-гречески⁹. Евсевий поставил перед собой цель объединить и синхронизировать события библейской (т.е. египетской, ассирийской, персидской и собственно иудейской) и греко-римской истории, включая и историю христианской церкви. Начав от сотворения мира, Евсевий довел свою хронику до времени царствования Константина Великого, до 327 г.

Иероним, сделав перевод этого сочинения, продолжил хронику, доведя описание событий вплоть до гибели императора Валента, т.е. до 378 г. Его хроника распадается на две части, принципиально различные по своему происхождению. Первая часть (от сотворения мира до 327 г.) — «редакторская» — это перевод с греческого на латынь, частично подвергнутый редакторской обработке; вторая часть (с 327 по 378 г.) — «авторская» — написана целиком Иеронимом, на основе документов, источников иного типа повествования, нежели хроника, рассказов очевидцев и личного опыта. Последующие хронисты, продолжатели Иеронима, переписывая его хронику, могли оставлять ее без изменения или подвергали также редакторской

⁹ Schanz M., Hosius C., Kruger G. Geschichte der römischen Literatur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian. München, 1959. Bd. IV. T. 1. S. 401.

правке и дописывали продолжения, собственные «авторские» части. Мы в настоящем исследовании будем учитывать только эти оригинальные «авторские» части.

В пятом столетии были написаны два продолжения хроники Иеронима. Первое принадлежит перу Проспера Аквитанского¹⁰. Этот автор не просто переписал хроникера Иеронима, но подверг ее определенной редакторской правке, выпустив часть информации и добавив что-то от себя (в частности, он по-своему исчислил продолжительность правления некоторых римских императоров)¹¹. Что касается продолжения хроники после 378 г., то благодаря текстологическому анализу дошедших рукописей, а также на основе изучения последующей традиции хроникописания учеными установлено, что Проспер выпустил три издания своей хроники. В первый раз он довел изложение событий до 433 г., позднее продолжил повествование до 443 г. И, наконец, существовал третий вариант его хроники, рассказ в котором завершился захватом Рима вандалами в 455 г.¹² Для настоящего исследования привлекается так же, как и в случае с Иеронимом, только собственно авторская часть хроники, т.е. охватывающая события с 378 по 455 г.

Приблизительно в то же время, что и Проспер, продолжение хроники Иеронима написал испанский епископ Гидаций. Он оставил без изменений версию Иеронима до 378 г. и написал продолжение, охватывающее события с 379 по 469 г. Точно не установлено, но, по мнению исследователей, Гидаций мог также выпустить несколько изданий, постепенно продолжая свой труд¹³.

В начале VI столетия еще одним автором, продолжавшим хроникера Иеронима, был Кассиодор Сенатор (ок. 490–590), «один из величайших культурных деятелей средневекового Запада»¹⁴. Свою хроникера он посвятил консулу 519 г. Евтариху, зятю короля Теодори-

¹⁰ Данные о жизни и возможные реконструкции биографии этого и последующих хронистов см. в соответствующих разделах MGM, в предисловиях к текстам хроник. На русском языке см.: *Сиротенко В.Т.* Введение в историю международных отношений в Европе во второй половине IV — начале VI в. Пермь, 1973. Новейшая же реконструкция возможного жизненного пути Комита Марцеллина приводится в монографии Б. Кроука: *Croke B.* Comes Marcellinus. P. 17–48.

¹¹ *Chronica minora.* Saec. IV–VII. Berlin, 1961. Vol. 1. P. 351–353.

¹² *Ibid.* P. 344–346.

¹³ *Толпсон Э.* Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб., 2003. С. 126 (см. также примеч. № 10).

¹⁴ *Голенищев-Кутузов И.Н.* Средневековая латинская литература Италии. Сре-тенск, 2000. С. 122.

ха. Кассиодор подверг существенной редакторской правке хронику Иеронима, поставив в центр повествования историю Рима, причем взял за основу хронику Проспера, следуя ее третьей редакции, которая завершалась 455 г. Таким образом, собственно «авторская» часть хроники Кассиодора, которая привлекается для нашего исследования, охватывает в своем повествовании только события с 455 по 519 г.

Другим автором, который написал продолжение к хронике Иеронима в ее просперовском варианте, причем ко второй редакции, т.е. к той, которая завершалась 443 г., был Виктор Туннунский. Он довел свое изложение до 566 г., до времени восшествия на престол Юстина II.

Уже в конце VI в. неизвестный автор, переписывая хронику Виктора, дополнил ее своими краткими маргиналиями, сообщениями о событиях, происходивших в это время на Западе. Учитывая, что в этих маргиналиях особое внимание придается событиям, связанным с испанским городом Цезаравгуста, исследователи полагают, что эти сообщения являются остатками цезаравгустовской хроники¹⁵, составленной епископом этого города Максимом, о котором упоминает Исидор¹⁶. Личность того, кто дополнил этими сообщениями хронику Виктора, точно установить не удалось.

Также, в конце VI в. было создано еще одно продолжение просперовского варианта хроники Иеронима. Автором его был Марий, епископ города Авентика в Галлии. Так же, как и Кассиодор, он продолжил хронику Проспера в ее последней, третьей редакции, т.е. в той, которая завершалась описанием событий 455 г.

Комит Марцеллин, автор, выбранный нами для настоящего исследования, был современником Кассиодора. Он, как и Гидаций, не редактировал хронику Иеронима, а написал только продолжение к ней, которое включает повествование о событиях с 379 по 534 г. При этом в предисловии автор указывает, что его хроника была выпущена в двух изданиях: сначала он окончил ее 518 г. (время смерти императора Анастасия), а потом продолжил повествование до 534 г. (Marc. Com. praef.).

Так же, как хроника Проспера Аквитанского, хроника Марцеллина была популярна у современников: было создано продолжение его сочинения, сохранившееся, правда, в единственной рукописи. Поскольку об авторе ничего не известно¹⁷, для его обозначения мы

¹⁵ *Chronica minora*. Saec. IV–VII. Vol. 2. P. 221–222.

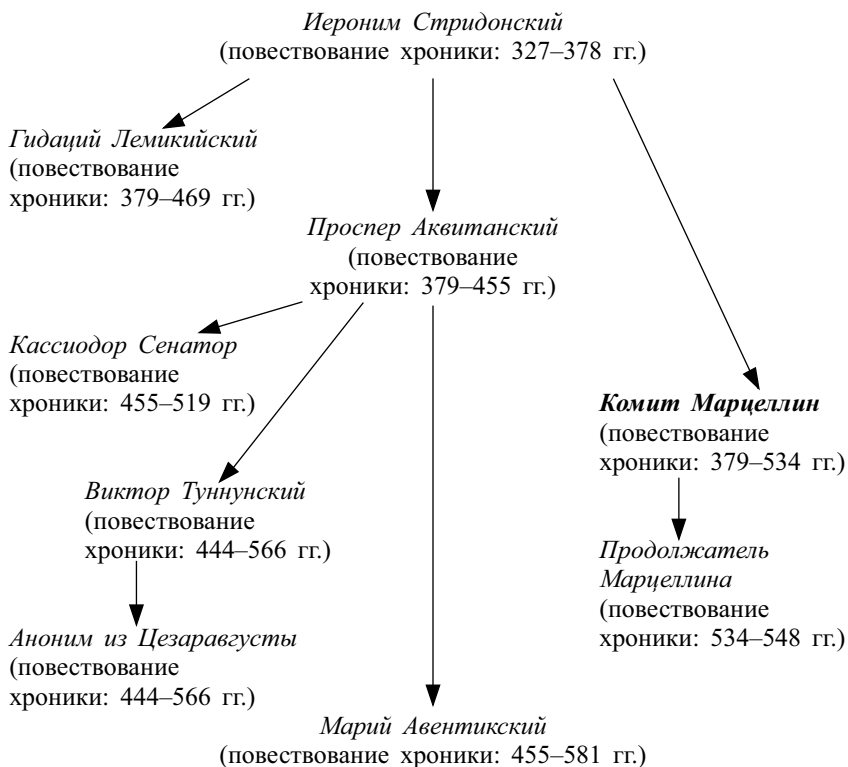
¹⁶ *Ibid.* P. 221.

¹⁷ *Croke B. Comes Marcellinus*. P. 225.

принимая определение Продолжатель Марцеллина (Continuator of Marcellinus), которое предложил современный исследователь Б. Кроук¹⁸. К сожалению, эта хроника сохранилась не полностью: текст в рукописи обрывается на описании событий 548 г.

Итак, для наглядности представим историю развития латиноязычной хронистики, имеющую своим началом хронику Иеронима, в виде стеммы. В ней для самого Иеронима Стридонского, а также для Проспера Аквитанского и Кассиодора Сенатора под повествованием хроники имелись в виду только «авторские части» (формально они начинали свои хроники с сотворения мира).

СХЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ЛАТИНСКИХ АВТОРОВ V–VI вв.,
ПРОДОЛЖАВШИХ ИЕРОНИМОВСКУЮ ТРАДИЦИЮ ХРОНИКОПИСАНИЯ

¹⁸ Ibid. P. 216.

Таким образом, все названные авторы — представители одной и той же нарративной традиции, имеющей несколько ответвлений, однако восходящей к одному истоку — к латинскому переводу хроники Евсевия Памфила, выполненному Иеронимом, а также к продолжению, написанному им же. В силу этого отбор для сопоставительного анализа именно этих хроник представляется правомерным.

Постановка же в центр исследования хроники Комита Марцеллина обусловлена несколькими причинами. Во-первых, его хроника — самая продолжительная во временном отношении (напомним, что в данной работе привлекаются только «авторские» части хроник). Во-вторых, хроника Комита Марцеллина оказывается как бы в центре: четыре хроники из названных были написаны раньше, а четыре — позже, чем она. И, наконец, период, который хронологически представлен повествованием хроники Комита Марцеллина (379–534 гг.), имеет пересечения с периодами, которые охвачены во всех остальных хрониках (исключая, разумеется, хроники Иеронима Евсевия и Продолжателя Марцеллина).

Еще раз отметим, что целью настоящей работы является анализ категории пространства, т.е. системы пространственных характеристик описываемых событий, выявление как общего (характерного для всего круга рассматриваемых источников), так и частного (характерного исключительно для хроники Комита Марцеллина). Данная статья, таким образом, состоит из двух частей: в первой будет комплексно проанализирована категория пространства нарратива хроник традиции, к которой принадлежит сочинение Марцеллина, вторая же будет посвящена непосредственно анализу категории пространства именно этой хроники.

Начать анализ категории пространства в латинских хрониках IV–VI вв. кажется предпочтительнее с рассмотрения географической терминологии.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ХРОНИКАХ

Прежде всего, следует отметить, что для данных хронистов характерно употребление географической терминологии, обозначающей небольшие по площади территории — не больше провинции, так что ни один из авторов хроник не употребляет понятия *diocesis* или *prefectura*. Кроме того, большинство авторов не имели стремления к географической точности указываемых ими объектов, и часто тер-

мины будут употребляться не в их официальном смысле. Об этом можно судить, уже исходя из того, насколько часто в их хрониках встречается тот или иной географический термин.

Если рассмотреть, какие термины используют хронисты при описании в своих трудах исторических событий, то мы увидим, что практически для всех случаев существуют три основных термина, а именно *provincia*, *civitas* и *urbs* (в единственном и множественном числе). Какое значение — официальное или общее — имеют эти термины в различных хрониках?

Начнем с понятия *provincia*, которое встречается у всех хронистов, за исключением Кассиодора.

Единственный автор, в отношении которого можно бесспорно согласиться, что данный термин в его сочинении наполнен официальным смыслом, — это Гидаций. В его хронике понятие *provincia* встречается 19 раз¹⁹ — беспрецедентное число в сравнении с другими авторами. Пожалуй, нет необходимости анализировать каждое упоминание хронистом географического термина. Достаточно отметить, что во всех случаях, когда Гидаций использует понятие *provincia* в единственном числе, речь идет о конкретных провинциях и в тексте приводится их название: Галлеция (Hud. § 2; 31; 49; 214), Бетика (Hud. § 49; 90; 123; 134), Лузитания (Hud. § 49; 138), Палестина (Hud. § 106), Арморика (Hud. § 235), а также Карфагенская провинция в Испании (Hud. § 31; 49; 123; 134; 200) и Тарраконская (Hud. § 170; 172).

В тех случаях, когда в хронике Гидация *provincia* используется во множественном числе — *provinciae*, также всегда ясно, о провинциях какого диоцеза идет речь: об этом либо прямо пишет хронист (Испанские провинции — Hud. § 49; Галльские — Hud. § 150), либо это очевидно из контекста (Hud. § 90 — в том же параграфе упоминается провинция Бетика).

В сочинении испанского хрониста встречается лишь один случай, когда *provinciae* невозможно локализовать, но и тогда этот термин, по всей видимости, также используется в своем официальном значении: Гидаций сообщает о рассылке по провинциям рескриптов римского первосвященника относительно манихеев²⁰ (Hud. § 133).

¹⁹ Hud. § 2; 31 (bis); 49 (quater); 90 (bis); 106; 123; 133; 134; 138; 150; 170; 172; 200; 214; 218.

²⁰ Об официальном значении термина *provincia* в данном сообщении можно сделать вывод, исходя из того, что данное понятие употреблено в контексте *официального* постановления римского папы.

Что касается остальных хронистов, то в их случаях уже нельзя говорить однозначно, что *provincia* указывается в юридически точном значении, в силу самой редкости употребления этого термина в их сочинениях. Так, Иероним в своей хронике использует понятие *provincia* только один раз (Hier. a. 2388:v), два раза встречается этот термин в хрониках Анонима Цезаравгусты (An. Caes. a. 541; 568), но также по одному разу — в сочинениях Мариа Авентикского (Mar. a. 574:2) и Продолжателя Марцеллина (Cont. a. 541:3)²¹.

Впрочем, для хроник Иеронима и Анонима Цезаравгусты возможно предположить официальную семантику данного термина: в их сочинениях *provincia* всегда употребляется с указанием или официального лица²², или конкретного топонима²³.

У двух других хронистов — Проспера и Виктора — этот термин встречается несколько чаще: четыре и шесть раз, соответственно. Кажется необходимым рассмотреть каждый случай более внимательно.

У Проспера Аквитанского термин *provincia* всегда фигурирует только во множественном числе. При этом лишь в двух случаях можно предположить, что под ним подразумевается конкретная административная единица. Проспер сообщает, что «Constantius patricius pacem firmat cum Wallia data ei ad habitandum secunda Aquitania et quibusdam civitatibus confinium provinciarum» («Патриций Констанций утвердил мир с Валлией, дав ему для поселения вторую Аквитанию и некоторые города соседних провинций» — Prosp. § 1271). В данном случае характерно выражение *secunda Aquitania* (вторая Аквитания), т.е. официальное название административного округа — именно наличие этого выражения позволяет предполагать, что и под *confines provinciae* («соседние провинции») подразумеваются официальные округа. В другой раз хронист, рассказывая о походе Аттилы в 452 г., пишет, что «tot nobilium provinciarum latissima eversione credita est saevitia et cupiditas hostilis explenda» («считалось, что вражеская свирепость и ненасытность должны удовлетвориться, [только] в случае тяжелейшего потрясения столь знатных провинций» — Prosp. § 1367). Очевидно, что под

²¹ В хронике Кассиодора Сенатора этот термин вообще не засвидетельствован.

²² Так, у Иеронима: «Illyrici Equitius comes iniquissimis tributorum exactionibus ante provincias quas regebat quam a barbaris vastarentur, erasit» («В Иллирике комит Эквитий несправедливыми взысканиями налогов разорил управляемые им провинции раньше, чем они были опустошены варварами»).

²³ Так, Анонимом Цезаравгусты указаны Таррконская провинция (An. Caes. a. 541) и Бетика (An. Caes. a. 568).

tot nobiles provinciae («столь знатные провинции») подразумевается Италия, т.е. италийский диоцез как совокупность более мелких административных округов.

В другом месте мы можем только предполагать, что под *provincia* подразумевается официальный термин. Проспер сообщает, что папе Льву из допроса манихеев стало известно, «*qui doctores eorum, qui episcopi quive presbyteri in quibus provinciis vel civitatibus degerent*» («кто их проповедники, кто епископы или пресвитеры и в каких областях и городах они проживают» — Prosp. § 1350)²⁴: здесь опять же, как у Гидация, возможно, предполагается отсылка к официальному документу. И, наконец, в одном случае оснований считать, что термин *provinciae* употребляется в его точном юридическом значении, нет. Хронист пишет, что «*exercitus, qui in Sicilia morabatur, ad defensionem Orientalium provinciarum revertitur*» («войско, которое находилось на Сицилии, было отозвано назад для защиты восточных областей» — Prosp. § 1346). Поскольку не уточнено, куда именно было передислоцировано войско, то, скорее всего, имеется в виду просто восточная часть Римской империи, т.е. области на Востоке.

В хронике же Виктора Туннунского *provincia* в единственном числе встречается четыре раза и дважды во множественном. При этом в трех случаях, когда хронистом поставлено *provincia* в единственном числе, речь идет об Африке. Автор так и пишет: «*provincia Africa*» (Vict. a. 533), либо «*Africana provincia*» (Vict. a. 553:1; 544:2). Причем разница между этими выражениями может оказаться существенной: в первом случае говорится о событиях до отвоевания византийцами Африки у вандалов и поэтому здесь Виктор, скорее, использует понятие *provincia* в общем смысле. В двух других случаях речь идет о событиях начала 50-х гг. VI в., когда Африка уже была возвращена под власть римлян. Помимо этого, в этих же сообщениях упоминаются официальные постановления Константинопольского собора (Vict. a. 553:1) и «*Proconsularis concilium*» («проконсульское собрание» — a. 554:2) — в контексте этого термин *provincia*, скорее, следует понимать в его официальном смысле.

Еще один раз Виктор использует термин *provincia*, когда сообщает о событиях в Константинополе (Vict. a. 513), и здесь невозможно определить, понимает ли хронист под ним действительно провинцию или просто территорию вокруг города.

²⁴ Ср. с рассказом Гидация о тех же событиях (Hud. § 133).

Точно так же невозможно с уверенностью сказать, в официальном значении или нет, использует хронист понятие *provinciae* во множественном числе, когда пишет, что король вандалов Гейзерих скончался «post multarum provinciarum clades» («принеся бедствия многим областям» — Vict. a. 464). Помимо этого места, Виктор употребляет слово *provinciae* во множественном числе еще только один раз: он сообщает, что император Юстиниан «per diversas provincias in regni sui finibus constitutas instantissime scribit» («для различных провинций в пределах своего царства написал новейшие установления» — Vict. a. 548:1). Здесь термин *provinciae* также упомянут в контексте официальных постановлений и следует понимать в официальном значении.

Возвращаясь к хроникам Мария Авентикского и Продолжателя Марцеллина, для которых выше уже отмечалась крайняя редкость употребления самого этого термина, следует сказать, что в данных сочинениях, бесспорно, понятие *provincia* используется в его общем, неофициальном значении.

В хронике Мария этот термин уже полностью потерял свою официальную семантику и скорее употребляется как топоним (ср. современный Прованс)²⁵.

В сочинении Продолжателя Марцеллина слово *provincia* встречается, когда хронист сообщает, что после того, как Соломон был убит, «Sergius loco eius dux successit belli moderatorque provinciae» («вместо него военачальником и правителем области стал Сергей» — Cont. a. 541:3). Под *provincia* здесь имеется в виду недавно отвоеванная у вандалов Африка. При этом «moderator provinciae», скорее всего, не является официальным титулом. Во-первых, на это указывает сочетание данного выражения с «dux belli» — а это очень похоже на риторическое объяснение обязанностей Сергия. Во-вторых, в сообщении об аналогичном назначении хронист использует понятие *judex* (судья) для обозначения той же должности преемника Сергия Ариовинды (Cont. a. 546:3). На наш взгляд, уже это обстоятельство позволяет поставить под сомнение употребление термина *provincia* в его официальном значении. Как бы то ни было, понятие *provincia* в хронике более нигде не используется.

Что касается других терминов для обозначения каких-либо пространственных площадей, то они засвидетельствованы только в двух

²⁵ Т. Моммзен в своем издании пишет это понятие с заглавной буквы: MGH AA. T. XI. Vol. 2. P. 179.

хрониках. Это понятие *conventus* в сочинении Гидация и *territorium* у Мария — оба имеют близкое значение: «пространство вокруг города», однако опять же принципиальной будет разница в том, принадлежат ли эти понятия к официальной терминологии.

У Гидация *conventus*, безусловно, строго юридический термин: он встречается в его хронике семь раз²⁶ и всегда прилагается к конкретному топониму: это области городов Лукуса (Hyd. § 102; 194; 202), Аквафлавии (Hyd. § 201), Бракары (Hyd. § 214a) и Астурики (Hyd. § 249; 250). Данное обстоятельство лишней раз подтверждает стремление автора к географической точности в употреблении термина *provincia*.

Напротив, у Мария термин *territorium*, встречающийся три раза (Mar. a. 524:3; 563; 580), не является строго юридическим, что свидетельствует о противоположной тенденции — о «размывании» официальной семантики географической терминологии.

Если рассматривать термины, которые используют хронисты для обозначения городов и прочих населенных мест, то основными для всех хроник будут понятия *civitas* и *urbs*. При этом далеко не во всех сочинениях *urbs* имеет строгое значение «столичный город». Более того, эти два термина часто выступают как синонимы.

Хотя в хронике Иеронима можно встретить и традиционное *urbs* без уточнения, которое указывает на Рим (Hier. a. 2366:f), а Константинополь дважды у него обозначен как *Constantinopolis urbs* (Hier. a. 2375:v; 2389:d), однако та же столица восточной части Римской империи в другом месте, в одной и той же погодной статье (!) названа и *civitas*, и *urbs* (Hier. a. 2389:d). Кроме того, как *urbs* обозначен и провинциальный город Нисибис (Hier. a. 2354:d).

Помимо этого, термин *civitas* в единственном числе используется для обозначения также провинциального города Дрепан, который был переименован Константином в Еленополис (Hier. a. 2343:h), *civitates* — во множественном числе — для обозначения сравнительно небольших городских центров в Палестине: Диокесарии, Тибериады и Диосполису (Hier. a. 2368: k).

Синонимичность терминов *civitas* и *urbs* засвидетельствована и для хроники Гидация: обоими этими терминами здесь назван город Астурика (Hyd. § 186 и Hyd. § 130; 173). Показательно также то, что понятие *urbs* автор употребляет не только в отношении Рима²⁷

²⁶ Hyd. § 102; 194; 201; 202; 214a; 249; 250.

²⁷ Hyd. § 43; 44; 128; 138; 162; 216.

и Константинополя (Hyd. § 106), т.е. в значении «крупный, столичный город», но и в отношении сравнительно небольших испанских городов Ильреда (Hyd. § 142) и Лукуса (Hyd. § 219).

В хронике Кассиодора Рим обозначен и как *civitas*, и как *urbs* (Cass. § 1283, § 1293). В сравнении с этим показательно употребление данной терминологии у Мариа АVENTИКСКОГО. В его хронике понятие *civitas* дважды употреблено по отношению к Риму (Mar. a. 547:2, 3), а вот Равенна один раз названа *urbs* (Mar. a. 526). При этом Марий также называет как *civitas* провинциальные города: Плацентия (Mar. a. 456:1), Дертону (Mar. a. 461), Авинион (Mar. a. 500:2) и Генаву (Mar. a. 563).

У Виктора термин *civitas* может обозначать как сравнительно небольшие города: Плацентия в Италии (Vict. a. 456), Непт в Африке (Vict. a. 479:1), Нукерия в Италии (Vict. a. 497:2), Руспа в Африке (Vict. a. 497:5), Юстиниана прима в Иллирике (Vict. a. 549:1), так и крупные столичные центры — Александрия (Vict. a. 481), которая в другом месте названа *urbs* (Vict. a. 556:2).

Впрочем, есть хронисты, для которых понятие *urbs* еще сохраняет свое традиционное значение («столичный город»), однако только в том случае, если это слово употреблено в единственном числе. Так, Проспер использует этот термин исключительно по отношению к Риму — причем в четырех случаях из шести²⁸ топоним «Рим» даже не назван, — а также (лишь однажды) по отношению к Константинополю и Александрии (Prosp. § 1358).

У Виктора понятие *urbs* используется только для обозначения крупных городских центров: Александрия (Vict. a. 556:2), Карфаген (Vict. a. 523:2), Рим (Vict. a. 455) и Константинополь (Vict. a. 477; 513). Кроме того, он для указания Константинополя в своей хронике 11 раз²⁹ (!) использует выражение *urbs regia* (царственный город).

Тем же выражением пользуется для обозначения восточной столицы и Продолжатель Марцеллина (Cont. a. 535:4; 541:1). Помимо этого, он, указывая на Рим, пишет *Romana urbs* (Cont. a. 535:2) или просто *urbs* (Cont. a. 538:4).

С другой стороны, имеет место разительный контраст в употреблении того же самого термина, но во множественном числе — *urbes* — у тех же хронистов. Проспер, говоря о вторжении

²⁸ Prosp. § 1278; 1309; 1310; 1350; 1352; 1375.

²⁹ Vict. a. 479:1; 498; 515:2; 540:2; 544:1; 551:1; 553:2; 554:1; 565; 566:2 (bis).

гуннов в Галлию, пишет, что были разграблены «*multa Gallicana urbes*» («многие галльские города» — Prosp. § 1364). При этом, несколько выше рассказывая об аналогичных событиях, он указывает: «*Gothi pacis placita perturbant et pleraque municipia vicina sedibus suis occupant*» («готы нарушили спокойствие мира и захватили большинство укреплений»), при этом уточняя, что они были «*Narbonensi oppido maxime infesti*» («особо опасны для нарбонской крепости» — Prosp. § 1324. Выделено мной. — Д. С.). Учитывая, что в его хронике Нарбон также обозначен и как *civitas* (Prosp. § 1324), можно говорить, что для Проспера тождественны понятия *urbes* во множественном числе и *municipia*, а также *civitas* и *oppidum*.

Дважды *urbes* встречаются у Продолжателя Марцеллина. Один раз хронист пишет, что «*Parthi in Syriam ingressi multas urbes subvertunt*» («парфяне, вторгшиеся в Сирию, разрушают много городов» — Cont. a. 540:1). Другое упоминание *urbes* гораздо примечательнее: «*Totila devastat Campaniam urbesque muratas evertens per suos Tiburim obsidet*» («Тотила опустошил Кампанию и, разрушив города, обнесенные стенами, своими людьми осаждает Тибур» — Cont. a. 543:1). Здесь показательно уточнение «*muratas*» («обнесенные стенами»). Фактически, это прямое свидетельство того, что под *urbes* могут подразумеваться и небольшие поселения, даже лишенные стен.

Схожее употребление можно встретить и в хронике Иеронима, где *urbes* во множественном числе упоминаются пять раз. Один раз *urbes* вообще не локализованы (Hier. a. 2346:g) и еще один раз названы просто «*urbes Orientis*» («города Востока» — Hier. a. 2357:h). В трех других случаях речь очевидным образом идет о небольших городах, пострадавших от землетрясений: упомянуты *urbes* на Сицилии и на островах (Hier. a. 2382:a), *urbes* в Кампании (Hier. a. 2361:u), а также *urbes*, соседние с Никомедией (Hier. a. 2374:r).

Делая обобщение относительно терминологии, следует, прежде всего, указать на следующее: хотя возможно признать, что для большинства хронистов термин *provincia* наполнен официальным значением, однако с очевидностью это постулируется только для одного из них, а именно для Гидация Лемикийского. Для остальных характерным является крайне редкое использование этого понятия. При этом в некоторых хрониках (Кассиодор) данный термин вообще не встречается, а в некоторых очевидным образом лишен точнo-юридической семантики (Марий, Продолжатель Марцеллина).

Что касается терминологии, обозначающей населенные пункты, то опять же, за исключением одного Гидация, у всех хронистов эти понятия (*civitas* и *urbs*) имеют «размытое» значение и могут выступать как взаимозаменяемые синонимы. Лишь у некоторых авторов (Проспер, Виктор, Продолжатель Марцеллина) возможно проследить определенное обособление термина *urbs*, обозначающего «крупный, столичный город»; однако тот же термин, но во множественном числе, тем не менее, выступает как тождественный понятию *civitas* (а также *oppidum*).

«ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ СТЕРЖЕНЬ» ХРОНИК

Представляется, что следующим шагом в анализе пространственной категории нарратива хроник должно быть выделение так называемого «*географического стержня*». Под этим понятием подразумевается регион, в котором происходит максимальная концентрация описываемых в хронике событий — тот регион, города и местности которого чисто статистически чаще всего будут упоминаться. Помимо этого, в тех случаях, когда это возможно, следует определить «*центр тяжести*», т.е. тот топоним (один или более), находящийся в пределах «географического стержня», который особенно часто называется хронистом в качестве места действия событий.

Разумеется, как правило, этот «географический стержень» и его «центр тяжести» будут определяться местом жительства самого хрониста, но связь эта не абсолютна. Конечно, автору легче было получить достоверные сведения о событиях, которые происходили в областях, непосредственно рядом с тем местом, где жил он сам. Однако сразу оговоримся, что вопрос о соотношении «географического стержня» хроники и места, в котором жил и писал свое сочинение хронист, рассматриваться не будет³⁰.

Для выявления «географического стержня» необходимо составить *топографический список* хроники, т.е. список всех встречающихся топонимов. При составлении данного списка, помимо прочего, следует учесть и так называемую «*церковную географию*» хроники. Речь

³⁰ Для подобной позиции есть ряд оснований. Отметим главное: о большинстве ранних хронистов мы не располагаем исчерпывающими сведениями. Сами хронисты (за исключением Гидация Лемикийского — *Hud. praef. 1*) никогда не сообщали своего местонахождения. Те представления, которые утвердились в науке о том, где жил тот или иной хронист, как раз и основаны на анализе содержания их хроник.

идет о тех случаях, когда географические объекты упоминаются в качестве атрибутивного определения епископа, пресвитера или другой персоны в церковной иерархии³¹, при том, что само событие, в котором участвует это лицо, может происходить и в другом месте.

Кроме того, для выяснения, насколько географически широко представлена история в той или иной хронике³², предполагается высчитывать *коэффициент географического разнообразия* хроники. Простой подсчет общего числа топонимов мало о чем говорит, поскольку разные хроники повествуют о разном количестве лет (от 15 лет в дошедшей части хроники Продолжателя Марцеллина до 156 лет в хронике Комита Марцеллина). В силу этого представляется целесообразным искать *соотношение* между общим числом географических названий в топографическом списке и общим числом лет, охваченных повествованием хрониста. Топографические списки хроник представляется удобным изобразить в виде таблицы (см. *табл. 1*).

Таблица 1

Топографические списки хроник

Автор хроники	Общее кол-во названий городов	Общее кол-во названий областей	Общее кол-во прочих географических объектов ³³	Общее кол-во названий «церковной географии»	Общее кол-во топографического списка
Иероним Стридонский	43	21	1	14	79
Проспер Аквитанский	19	14	3	4	40

³¹ При этом только в хрониках рассматриваемого времени подобные атрибуты соотносятся исключительно с церковными деятелями. Традиционная категория собощений в хрониках, указывающая выдающихся людей (*vires illustres*), изначально посвящена в более широком смысле всем культурным деятелям: пророкам, поэтам, художникам и т.д. Только хронисты V–VI вв. указывают выдающихся людей из числа церковных писателей и подвижников. В нашем исследовании будет лишь одно исключение: в «церковную географию» попадает атрибут светского лица — афинского софиста Прохересия, упомянутого в хронике Иеронима (Hier. a. 2379:h).

³² Напомним, что все эти хронисты либо претендовали, либо подразумевали, что они пишут хронику *всемирной* истории.

³³ Сюда войдут гидронимы и названия гор и горных цепей, которые встречаются в некоторых хрониках.

Автор хроники	Общее кол-во названий городов	Общее кол-во названий областей	Общее кол-во прочих географических объектов	Общее кол-во названий «церковной географии»	Общее кол-во топографического списка
Гидаций Лемикийский	42	27	10	14	90
Кассиодор Сенатор	8	5	1	–	14
Виктор Туннуненский	21	20	3	24	68
Аноним из Цезаравгусты	11	10	1	–	22
Марий Авентикский	22	15	5	1	43
Продолжатель Марцеллина	38	17	7	1	63

Географический стержень нарратива в хрониках, чаще всего, очевиден. У большинства хронистов он располагается в западных частях империи. Хроника с самым обширным географическим стержнем — это сочинение Проспера. Подавляющая часть названий из топографического списка этого источника располагается в регионе западного средиземноморья: в Италии, Галлии, Испании и Африке. В этих пределах локализуются 14 из 19 упомянутых городов, в том числе и наиболее часто встречающиеся: Рим (назван 11 раз³⁴), Карфаген (5 раз³⁵) и Арелат (3 раза³⁶).

Из всех областей, о которых говорится в хронике, только 8 располагаются внутри географического стержня, однако оставшиеся 6 встречаются в тексте один или два раза. Конкретно, один раз называется Далмация (Prosp. § 1310), Иллирик (Prosp. § 1346) и Восток в целом (Prosp. § 1280); по два раза указаны Британия (Prosp. § 1183; 1232), Паннония (Prosp. § 1310; 1367) и Фракия (Prosp. § 1167; 1346). С другой стороны, названия областей, которые

³⁴ Prosp. § 1238; 1240; 1259; 1263; 1265; 1266; 1292; 1310; 1350; 1352; 1375.

³⁵ Prosp. § 1206; 1266; 1268; 1339; 1342.

³⁶ Prosp. § 1243; 1247; 1285.

собственно и образуют географический стержень, присутствуют в тексте хроники постоянно: Галлия встречается 15 раз³⁷, Африка — 13 раз³⁸, Испания — 6 раз³⁹ и Италия — 5 раз⁴⁰. Кроме того, 4 раза события локализируются на Сицилии⁴¹.

Из трех гидронимов, названных Проспером (Данувий, Миниция, Рен), две реки протекают также в пределах географического стержня, при этом Рен упоминается трижды (Prosp. § 1230; 1250; 1364). Кроме того, в хронике насчитывается 9 локализирующих уточнений (об их характере см. ниже) — все они в пределах географического стержня.

Помимо этого, в границах географического стержня происходили 4 из 6 протяженных событий, о которых сообщает Проспер, и 7 из 8 событий, имеющих точную датировку в хронике⁴². И, наконец, в 24 случаях, когда хронист указывает какой-либо географический термин, в 20 он относится к объекту, находящемуся в пределах географического стержня.

Некоторое отклонение от географического стержня наблюдается только в церковной географии хроники. С одной стороны, из 14 географических объектов, которые ее образуют, 9 также относятся к географическому стержню. Однако картина меняется, если обратиться к частоте упоминания церковных топонимов. Среди наиболее часто указываемых объектов в пределах стержня находятся только Рим и Гиппон. При этом Гиппон в качестве резиденции епископа фигурирует 4 раза⁴³, а Рим даже целых 18⁴⁴. Но второе и третье место по количеству упоминаний, тем не менее, принадлежит Александрии, которая упоминается 5 раз⁴⁵, и Константинополю, про который говорится 4 раза⁴⁶ — эти города, соответственно, располагаются за пределами географического стержня.

³⁷ Prosp. § 1183; 1191; 1197; 1230; 1232; 1246; 1250; 1251; 1254; 1285; 1322; 1339; 1364; 1367; 1371.

³⁸ Prosp. § 1204; 1214; 1249; 1278; 1286; 1294; 1295; 1310; 1327; 1333; 1344; 1347; 1375.

³⁹ Prosp. § 1237; 1243; 1245; 1256; 1278; 1342.

⁴⁰ Prosp. § 1218; 1243; 1294; 1310; 1367.

⁴¹ Prosp. § 1332; 1342; 1344; 1346.

⁴² Не считая двух точных дат празднования Пасхи.

⁴³ Prosp. § 1204; 1210; 1261; 1304.

⁴⁴ Prosp. § 1182; 1220; 1223; 1260; 1261; 1266; 1270; 1281; 1297; 1307; 1309; 1336; 1341; 1350; 1358; 1367; 1369; 1376. Такое обилие частично объясняется и тем обстоятельством, что для Проспера преемственность римских первосвященников служила вспомогательной хронологической системой. См.: *Суровенков Д.И.* Категория времени. С. 27–28.

⁴⁵ Prosp. § 1220; 1297; 1358; 1369; 1376.

⁴⁶ Prosp. § 1220; 1297; 1306; 1358.

У прочих хронистов географический стержень определен в меньших пределах. Так, для хроники Мария — это Галлия и Италия, а для хроники Анонима Цезаравгусты — Галлия и Испания.

В сочинении Мария сами топонимы «Галлия» и «Италия» лидируют по количеству упоминаний: здесь они названы 4⁴⁷ и 7⁴⁸ раз, соответственно. Кроме того, один раз Марий называет их вместе: «Italam Galliamque» («Италия и Галлия» — *Mar. a.* 569).

В пределах этого географического стержня локализуются 11 областей из 15, названия которых сообщаются Марием, и 18 городов из 22, которые фигурируют в хронике, а также 4 гидронима и одно название горы. По частоте упоминания среди городов лидируют Рим (назван 3 раза: *Mar. a.* 500:3; 547:2; 547:3) и Равенна (6 раз⁴⁹). Кроме Рима также 3 раза указан и Константинополь (*Mar. a.* 534:2; 540:2; 547:2); это обстоятельство определяет некоторое отклонение от географического стержня.

Однако внутри стержня локализованы все природные бедствия, которым Марий посвятил специальные сообщения (*Mar. a.* 563; 570:1; 571; 580), а также здание, о постройке которого пишет хронист (*Mar. a.* 505). Наконец, в пределах Галлии произошли оба события, которые Марий точно датировал⁵⁰.

В записках же Анонима Цезаравгусты на территории Галлии и Испании располагаются все (!) города, названия которых фигурируют в хронике, 7 из 10 названий областей и единственный гидроним, отмеченный в источнике. При этом, хотя само наименование Галлия в хронике не встречается, однако топоним Испания лидирует по количеству упоминаний: цезаравгустовский автор указывает его 6 раз⁵¹. Среди топонимов городов лидируют Цезаравгуста (4 раза⁵²) и Барциона (3 раза⁵³). Все прочие городские топонимы названы в хронике по одному разу, так что два выделенных нами города создают незначительный «центр тяжести» географического стержня.

Все четыре протяженных события, длительность которых указывает Аноним⁵⁴, произошли в пределах географического стержня, причем одно из них связано с Цезаравгустой (*An. Caes. a.* 541).

⁴⁷ *Mar. a.* 455:1; 456:2; 509; 570:1.

⁴⁸ *Mar. a.* 489; 539; 568; 569; 570:1; 572; 580.

⁴⁹ *Mar. a.* 461; 472; 525; 526; 540:2; 572.

⁵⁰ *Mar. a.* 580; 581:1 (оба события датированы до месяца).

⁵¹ *An. Caes. a.* 496; 497; 513:2; 529; 541; 542.

⁵² *An. Caes. a.* 460; 504; 506; 541.

⁵³ *An. Caes. a.* 510; 511; 531.

⁵⁴ *Суровенков Д.И.* Категория времени. С. 37, 39.

У хроник Кассиодора и Продолжателя Марцеллина географический стержень один и тот же — Италия. В сочинении Кассиодора в ее пределах находится единственный гидроним, упомянутый хронистом, — река Аддуа (Cass. § 1323). Все области, которые называет Кассиодор — Африка, Галлия, Далмация и Сицилия, — расположены вокруг Италии, а сам топоним Италия лидирует по количеству упоминаний: в этой хронике он встречается 4 раза⁵⁵.

Из 8 городов, которые указывает Кассиодор, 7 располагаются внутри Италии. Единственный город, находящийся за ее пределами, — Константинополь, который назван хронистом лишь однажды (Cass. § 1291). При этом Рим и Равенна образуют «центр тяжести» географического стержня. По количеству упоминаний они значительно опережают все прочие топонимы. Рим назван в хронике 6 раз⁵⁶, а Равенна — 8 раз⁵⁷.

Помимо этого, в хронике Кассиодора присутствуют два сообщения, посвященные выдающимся постройкам (Cass. § 1339 и § 1342). Два конкретных объекта, указанные здесь, — городские стены Рима и акведук Равенны. Помимо них, есть еще один «малый объект» — мост Кандидиана, расположенный в окрестностях Равенны (Cass. § 1326).

В сочинении Продолжателя Марцеллина в Италии локализируются 33 городских топонима из 37, названных хронистом. При этом так же, как и в хронике Кассиодора, по числу упоминаний лидируют Равенна (6 раз⁵⁸) и Рим (15 раз⁵⁹). Из 17 названий областей, которые упоминает хронист, только 9 относятся к Италии, однако итальянские топонимы фигурируют чаще всего. Топоним Италия встречается 4 раза⁶⁰, Кампания — 5 раз⁶¹, также четырежды упомянуты Сицилия⁶² и Тусция⁶³. В пределах Италии локализованы 4 гидронима и одно название горной цепи, указанные Продолжателем Марцеллина. Исключение составляет только Африка, которая, находясь за пределами, также довольно часто названа в качестве места событий (10 раз)⁶⁴.

⁵⁵ Cass. § 1268; 1283; 1319; 1344.

⁵⁶ Cass. § 1280; 1283; 1293; 1299; 1339; 1364.

⁵⁷ Cass. § 1274; 1295; 1324; 1326; 1331; 1342; 1364.

⁵⁸ Cont. a. 536:5; 536:7; 538:5; 539:3; 540:3, 6; 547:3.

⁵⁹ Cont. a. 535:1; 536:5; 536:8; 536:10; 537:1, 2; 538:1, 2, 4, 5; 544:2; 545:3; 546:1; 547:3, 5.

⁶⁰ Cont. a. 535:1; 543:2; 545:3; 547:2.

⁶¹ Cont. a. 536:3; 538:2; 543:1; 547:5; 548:1.

⁶² Cont. a. 535:1; 536:1; 546:1; 547:3.

⁶³ Cont. a. 536:6; 538:4; 542:3; 545:4.

⁶⁴ Cont. a. 536:2; 536:9; 537:3; 539:5; 540:4; 541:1; 542:3; 545:2; 546:3; 547:6.

Впрочем, как и в хронике Мария, некоторое отклонение от географического стержня наблюдается в отношении Константинополя. Этот топоним назван 9 раз⁶⁵ (чаще, чем Равенна). Кроме того, две точные датировки из трех связаны с событиями, произошедшими в этом городе⁶⁶.

Однако третье уточнение времени относится к событиям в Риме. Также два из трех «протяженных» событий, длительность которых указана хронистом⁶⁷, произошли в пределах географического стержня.

Наконец, в хронике Гидация географическим стержнем нарратива выступает Испания. Здесь находятся 24 из 42 названных городов. На первый взгляд, это не так много, однако «удельный вес» испанских городов возрастает, если учитывать только те названия, которые фигурируют в хронике более одного раза. В таком случае получается 12 из 18, т.е. две трети. При этом из шести оставшихся «неиспанских» городов четыре — крупнейшие столичные центры Римской империи: Рим, Константинополь, Карфаген и Равенна. Конечно, географический стержень несколько смещается: ведь Рим и Константинополь, помимо прочего, еще лидируют по количеству упоминаний в хронике. Гидаций упоминает Рим 15 раз⁶⁸, а Константинополь — 10 раз⁶⁹. В большой степени это смещение объясняется опорной хронологической системой, которую избирает Гидаций: по годам правления императоров. Вспомогательная система (последовательность римских пап), а также стремление хрониста фиксировать преемственность восточных патриархов⁷⁰ порождают похожее и даже еще большее смещение, наблюдаемое в церковной географии. Здесь из 25 топонимов только 6 собственно испанских, при этом лидерами по количеству упоминаний становятся Рим⁷¹, Константинополь⁷², Александрия⁷³ и Иерусалим⁷⁴.

Точно так же географический стержень проявляется и в названиях областей. Здесь соотношение «испанских» и «неиспанских»

⁶⁵ Cont. а. 535:2; 536:5; 536:10; 538:5; 539:1, 5; 541:1; 546:4; 547:4.

⁶⁶ Суровенков Д.И. Категория времени. С. 46.

⁶⁷ Там же. С. 39, 41.

⁶⁸ Нуд. § 13; 19; 43; 44; 85; 128; 138; 148; 162; 163; 167; 210; 211; 216; 235.

⁶⁹ Нуд. § 4; 6; 11; 84; 106; 129; 146; 185; 216; 234.

⁷⁰ Суровенков Д.И. Категория времени. С. 26–27.

⁷¹ В качестве резиденции первосвященника упомянут в хронике 9 раз: Нуд. § 15; 35; 52; 65; 87; 133; 135; 221; 248.

⁷² В качестве резиденции первосвященника упомянут в хронике 5 раз: Нуд. § 37; 106; 109; 127; 145.

⁷³ Упомянута 4 раза: Нуд. § 5; 38; 109; 145.

⁷⁴ Упомянут 4 раза: Нуд. § 38; 40; 58; 106.

топонимов составляет 13 к 14. Однако за вычетом тех названий, которые Гидаций упоминает лишь однажды, соотношение становится 10 к 5, удельный вес «испанских» названий тот же: две трети. При этом безусловным лидером по количеству упоминаний становится провинция Галлеция: ее название фигурирует в хронике 27 (!) раз⁷⁵.

Из 9 гидронимов, которые называет хронист, 6 также относятся к географическому стержню: это либо реки⁷⁶, которые протекают в Испании, либо океан, омывающий ее берега. Наконец, горная цепь, название которой один раз сообщает Гидаций, также располагается в Испании (Нервасские горы — Нуд. § 71).

Также можно добавить, что у этого хрониста, для которого зафиксировано стремление к географической точности, важным элементом проявления пространственного стержня становится использование географической терминологии. Так, понятие *provincia* из 19 случаев ее упоминания в тексте в 15 относится к испанским топонимам⁷⁷. Из 18 случаев использования термина *civitas (civitates)* в 11 речь идет об испанских городах⁷⁸. А понятие *urbs (urbes)* употребляется по отношению к ним в 5 случаях из 11⁷⁹. Что же касается термина *conventus*, то он вообще фиксируется только в пределах Испании (см. выше).

Помимо этого, Гидаций включает в свою хронику 19 сообщений о различных чудесах и природных явлениях⁸⁰, из которых 10 имеют указание на место, где они происходили, и в 6 случаях это было в пределах Испании⁸¹.

Протяженных событий, длительность которых фиксируется Гидацием и которые имели место на территории Испании, немного, всего два: упоминание о пребывании вандалов в Бетике (Нуд. § 90) и указание автора на то, сколько времени он сам провел в плену у свевов (Нуд. § 207). Однако географический стержень весьма отчетливо проявляется в сообщениях о событиях с точной датировкой. Из 29 таких случаев поддаются локализа-

⁷⁵ Нуд. § 2; 16; 49; 68; 74; 91; 97; 106; 113; 130; 131; 159; 172; 173; 174; 177; 178; 180; 181; 186; 190; 193; 214; 217a; 219; 220; 253.

⁷⁶ Ана (Нуд. § 90), Дурий (Нуд. § 190), Миний (Нуд. § 253), Сингиллион (Нуд. § 114) и Урбик (Нуд. § 173).

⁷⁷ Нуд. § 2; 31 (bis); 49 (quater); 90 (bis); 123; 134; 138; 170; 172; 200; 214.

⁷⁸ Нуд. § 2; 31; 49; 89; 174 (bis); 186 (bis); 188; 206; 241.

⁷⁹ Нуд. § 48; 130; 142; 173; 219.

⁸⁰ Нуд. § 34; 64; 66; 73; 126; 136; 149; 151; 159; 191; 214; 214a; 217a; 225; 242; 243; 244; 252; 253.

⁸¹ Нуд. § 149; 159; 214; 214a; 217a; 253.

ции 23 (по крайней мере, относительно географического стержня — либо, исходя из собственно сообщения, либо из контекста или сопоставления с ранее указанными сведениями)⁸². При этом только 8 из них происходили за пределами Испании⁸³, остальные же 15 — в границах географического стержня (снова две трети).

Единственный хронист, в сочинении которого географический стержень определен не на западе, а на востоке, — это Виктор, и у него этот стержень не так очевиден, как в других хрониках. Большую часть топографического списка — 13 городов, 11 областей и 24 топонима «церковной географии» — можно локализовать в четырех регионах: Малая Азия, Италия, Египет и Африка. Таким образом, географический стержень хроники оказывается *лишенным пространственной целостности*.

Кроме того, если обратиться к частоте упоминания топонимов, то обнаруживается, что в указанных областях отчетливо лидируют четыре города: Константинополь, Рим, Александрия и Карфаген⁸⁴. Столица империи встречается в хронике 26 раз как место действия описываемых событий⁸⁵ и 29 раз в качестве резиденции патриарха⁸⁶, а Рим, соответственно, 8⁸⁷ и 23 раза⁸⁸. Александрия же упомянута только 6 раз как место действия⁸⁹, но 27 раз как патриаршая резиденция⁹⁰, а Карфаген в первом качестве назван 5 раз⁹¹, и во втором — 13 раз⁹².

⁸² Нуд. § 17; 37а; 42; 115; 137; 140; 142; 149; 151; 157; 173; 174; 178; 187; 189; 198; 200; 201; 207; 214; 217а; 224; 235.

⁸³ Нуд. § 17; 37а; 115; 126; 149; 151; 157; 235.

⁸⁴ Конечно, помимо этих городов у Виктора многократно упоминаются Антиохия и Иерусалим (См.: *Суровенков Д.И.* Категория времени. С. 21–25). Однако они не учитываются для определения географического стержня, поскольку и тот, и другой город указываются в хронике только как резиденция патриарха: 29 и 16 раз, соответственно. При этом Антиохия и Иерусалим ни разу (!) не фигурируют как место действия событий.

⁸⁵ Vict. a. 447; 450:1; 457:1; 471; 474; 475:2; 476; 479; 491:1; 494; 499; 505; 513; 514; 518:2; 522; 530; 534:2; 540:1, 2; 541:1; 544:1; 554:1; 554:3; 560; 565; 566:2.

⁸⁶ Vict. a. 447; 448; 450:4; 451; 473:3; 477:2; 482; 485; 486; 487; 488:3; 489; 491:1, 2; 492:2; 496; 497:1; 501; 514; 515:2; 517:2; 521:2; 524; 537; 540:1; 542:1; 553:1; 565; 566:1.

⁸⁷ Vict. a. 455; 458:1; 463:2; 464; 467; 473:5; 494; 497:2.

⁸⁸ Vict. a. 447; 449; 459; 460; 469; 473:2; 484; 486; 487; 492:1; 497:2; 499; 514; 524; 538:1; 540:1; 541:1; 542:1; 544:2; 553:1; 557:1; 558; 564:1.

⁸⁹ Vict. a. 457:3; 508; 539; 555:2; 556:2; 561.

⁹⁰ Vict. a. 447; 448; 451; 453:1; 457:3; 458:2; 460; 475:5; 477:1; 480; 482; 485; 487; 490:1; 494; 495:2; 497:3; 517:1; 521:1; 521:2; 524; 538:2; 540:2; 541:1; 542:1; 551:2; 553:1.

⁹¹ Vict. a. 497:4; 523:1; 531; 546:2; 555:1.

⁹² Vict. a. 463:1; 479:1; 503; 523:2; 533; 535; 546:1; 551:1; 552:2; 554:2; 555:1; 556:1; 563:1.

При этом сами названия областей встречаются в хронике не так часто: Африка — 10 раз (еще 2 раза в церковной географии, когда речь идет о священниках из Африки — Vict. a. 497:4; 550:1), Египет — 4 раза (еще 1 раз в церковной географии — Vict. a. 484), топоним Италия упоминается только дважды (Vict. a. 449; 554:4). Названия же Малая Азия в хронике по понятным причинам вообще нет, и этот регион представлен «собираательно»: из наименований находящихся там провинций: Армении (Vict. a. 515:1; 559:2), Галатии (Vict. a. 515:1; 562:1), Исаурии (Vict. a. 475:3; 476; 483), Понта (Vict. a. 515:1); помимо этого, в церковной географии названа Вифиния (Vict. a. 484).

Таким образом, для Виктора гораздо более значимы не сами регионы, образующие «географический стержень», а их главные города. Данное обстоятельство обнаруживает значительные «центры тяжести» пространственного стержня.

Кроме того, для хроники Виктора уже отмечалось⁹³ 17 «протяженных» событий. Из них в 15 случаях события локализируются, причем только два раза локализация проходит «на уровне» провинций: упоминается Африка (Vict. a. 534:1) и Исаурия (Vict. a. 476). Во всех прочих местах действия указан город (а иногда локализация идет даже вплоть до «малых» объектов): Рим (Vict. a. 455 (ter); 558), Карфаген (Vict. a. 546:2), Александрия (Vict. a. 460; 495:2) и Константинополь⁹⁴.

Из семи событий, которые имеют у Виктора точную датировку, шесть локализируются⁹⁵. При этом все они произошли в пределах географического стержня, впрочем, только три из них локализованы в «главных» для Виктора городах: конкретно, одно — в Риме (Vict. a. 463:2), одно — в Константинополе (Vict. a. 517:2) и одно — в Александрии (Vict. a. 457:3).

Наконец, в одной из рассматриваемых хроник географический стержень вообще отсутствует — в сочинении Иеронима. Здесь из 65 географических названий большинство (52) встречается по одному разу; из 25 названий церковной географии 15 топонимов также упомянуты только однажды. Из городов чаще всего указываются крупнейшие городские центры империи: Константинополь

⁹³ Суровенков Д.И. Категория времени. С. 37–39, 41–42.

⁹⁴ Vict. a. 475:1; 476; 489; 540:2; 554:3; 566:2.

⁹⁵ Суровенков Д.И. Категория времени. С. 45. Одна точная дата в хронике относится ко дню празднования Пасхи.

(15 раз)⁹⁶, Рим (12 раз)⁹⁷ и Антиохия (8 раз)⁹⁸; из областей — Галлия (8 раз)⁹⁹. В рамках церковной географии чаще всего называются Александрия (6 раз)¹⁰⁰ и Рим (5 раз)¹⁰¹. Все эти топонимы не укладываются в единый регион и, соответственно, можно констатировать, что для хроники Иеронима характерен *географический полицентризм*.

Этот полицентризм проявляется и в сообщениях о различных стихийных бедствиях и о постройках. Так, Иероним пишет о 9 вредоносных или чудесных природных явлениях, происходивших всякий раз в различных местностях¹⁰². Хронист пишет о 6 знаменательных постройках, из которых только 3 были в Константинополе, столице империи¹⁰³, а остальные в других городах (Антиохии, Иерусалиме, Селевкии)¹⁰⁴.

Протяженные события¹⁰⁵, о которых сообщается в хронике, также происходили в различных областях: Галлии (Ниег. а. 2370, b), Вифинии (Ниег. а. 2353, x), Испании (Ниег. а. 2366, d), на границе Киликии и Каппадокии (Ниег. а. 2377, d), Месопотамии (Ниег. а. 2354, b) и Италии (Ниег. а. 2361, u). Данное обстоятельство также свидетельствует в пользу географического полицентризма хроники Иеронима.

Обобщая анализ «географического стержня» хроник, еще раз повторим, что у большинства авторов он определяется на Западе. При этом только в сочинении одного хрониста (Проспера) «географический стержень» повествования охватывает достаточно обширный регион. У остальных же он укладывается в один-два диоцеза Римской империи: Галлия и Италия (Марий), Галлия и Испания (Аноним Цезаравгусты), Италия (Кассиодор и Продолжатель Марцеллина), Испания (Гидаций). Некоторые отклонения от географического стержня связаны либо с церковной географией (Проспер), либо — с указанием на Константинополь (Марий, Продолжатель Марцеллина).

⁹⁶ Ниег. а. 2345:e; 2346:g; 2358:l; 2372:l; 2373:q; 2374:t; 2375:v, x, y; 2380:n; 2382:b; 2383:d; 2385:l; 2389:a, d.

⁹⁷ Ниег. а. 2352:s; 2361:u; 2365:c; 2366:d, e, f; 2369:n, o; 2370:c; 2373:q; 2387:r; 2390:f.

⁹⁸ Ниег. а. 2343:o; 2344:b; 2358:m; 2368:l; 2376:b; 2379:k; 2380:m; 2394:u.

⁹⁹ Ниег. а. 2352:u; 2361:s; 2369:m; 2370:b; 2375:v, x; 2376:c; 2393:q.

¹⁰⁰ Ниег. а. 2346:f; 2355:e; 2359:p; 2361:t; 2378:f; 2389:e.

¹⁰¹ Ниег. а. 2347:l; 2365:c; 2371:g; 2372:n; 2382:c.

¹⁰² Ниег. а. 2349:n; 2357:h; 2360:r; 2361:u; 2374:r; 2382:a; 2383:f; 2383:g; 2386:p.

¹⁰³ Ниег. а. 2376:a; 2386:o; 2389:d.

¹⁰⁴ Ниег. а. 2343:o; 2358:m; 2352:v; 2361:v.

¹⁰⁵ *Суровенков Д.И.* Категория времени. С. 36, 38–41.

Только в хронике Виктора географический стержень определен на Востоке и при этом лишен пространственной целостности. И также только для сочинения одного хрониста (Иеронима) характерен географический полицентризм.

Если рассматривать данные хроники в хронологической последовательности их создания, можно предположить, что изначально базовым для этого жанра было как раз отсутствие географического стержня — это характерно для самого раннего из хронистов, Иеронима. Далее жанр получает два главных пути развития. Один представлен хроникой Виктора: здесь географический стержень только возникает, но еще лишен пространственной целостности. Второй — хроникой Проспера: географический стержень есть, но довольно обширен, однако у последующих хронистов (все остальные) он начинает «сужаться», и хроника из всемирной превращается, по сути дела, в провинциальную.

Рассмотрим теперь, насколько географически разнообразно были представлены в хрониках различные события. Для этого необходимо высчитать «коэффициент географического разнообразия» (т.е. соотношение количества названий в топографическом списке и общего количества лет, охваченных в хронике). Для удобства представим расчеты в виде таблицы (см. *табл. 2*).

Таблица 2

Коэффициент географического разнообразия

Автор хроники	Топографический список	Общее число лет, охваченных хроникой	Коэффициент географического разнообразия
Иероним Стридонский	79	52	1,52
Проспер Аквитанский	40	78	0,51
Гидаций Лемкийский	93	90	1,03
Кассиодор Сенатор	14	65	0,21

Автор хроники	Топографический список	Общее число лет, охваченных хроникой	Коэффициент географического разнообразия
Виктор Туннуненский	68	123	0,55
Аноним из Цезаравгусты	22	119	0,18
Марий Авентикский	43	127	0,34
Продолжатель Марцеллина	63	15	4,20

Как видно из приведенной таблицы, коэффициент варьируется от 0,18 (в хронике Анонима из Цезаравгусты) до 4,20 (в хронике Продолжателя Марцеллина). Однако очевидно, что этот последний результат представляет собой нечто исключительное, из ряда вон выходящее. Соответственно, без учета его, средний коэффициент по семи хроникам составляет 0,62. При этом, если в самом раннем сочинении — Иеронима — в среднем на каждый год хроники приходилось 1–2 топонима, а у его ближайших преемников уже 1 топоним на год (Гидаций) или на два (Проспер), то у хронистов конца V–VI вв. происходит «сокращение» числа топонимов по отношению к количеству лет, что, в общем, также иллюстрирует процесс «сужения» географического стержня.

ТИПЫ ЛОКАЛИЗУЮЩИХ УТОЧНЕНИЙ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ПАРАДИГМА ХРОНИК

Завершающий этап в анализе пространственной категории нарратива хроник — это рассмотрение типов локализирующих уточнений, которые представлены у того или иного автора. С одной стороны, кажется, именно локализирующие уточнения представляют собой как таковую пространственную парадигму нарратива (т.е. принцип репрезентации пространства в рассказе хрониста), с другой — именно их анализ очевидным образом позволяет выявить общее и специфическое в этих парадигмах различных хроник.

Итак, в хронике Иеронима встречается 11 локализирующих уточнений¹⁰⁶: все они строятся по принципу: «в городе *X* провинции (области) *Y*». Условно такой тип уточнений можно назвать «город–область». При этом еще раз напомним, что топографический список в данной хронике практически целиком состоит из названий городов и областей¹⁰⁷, а это означает, что все топонимы теоретически могут быть включены в подобную пространственную парадигму, которая, соответственно, является *базовой* для репрезентации пространства в нарративе Иеронима.

Семь локализирующих уточнений насчитывается в хронике Проспера. Из них три строятся по модели, выявленной для Иеронима, т.е. «город–область» (Prosp. § 1175; 1204; 1290)¹⁰⁸. Другие четыре имеют иной облик: уточняется часть области (провинции или диоцеза) относительно некой границы, обозначенной или определенным объектом, или рекой. Так, Проспер сообщает о захвате бургундами «*partem Galliae propinquam Rheno*» («части Галлии, соседней с Реном» — Prosp. § 1250; дальше по тексту он повторяет это же уточнение, только оккупантами названы франки: Prosp. § 1298), пишет о предоставленной вандалам «*Africae portione per Trigentium*» («части Африки, [разделенной] по Тригентии» — Prosp. § 1321) и, наконец, уточняет, что готы атаковали «*municipia vicina sedibus suis*» («укрепления, соседние с их землями» — Prosp. § 1324). К числу подобных уточнений позволительно отнести и указание Проспера, что Гейзерих начал преследования католиков «*intra habitationis suae limites*» («внутри пределов своего обитания» — Prosp. § 1327)¹⁰⁹.

Появление в этой хронике нового типа уточнения, параллельного системе локализации «город–область», который можно условно называть «пограничным»¹¹⁰, объясняется политическим коллапсом V в.

¹⁰⁶ Hier. a. 2343:n; 2353:x; 2356:f; 2360:r; 2361:v; 2366:d; 2372:o; 2375:u; 2376:b; 2377:d; 2393:q. Из них 7 указывают на города, находящиеся на Востоке империи, а 4 — на Западе. Данное обстоятельство лишний раз подтверждает географический полицентризм хроники Иеронима.

¹⁰⁷ У Иеронима, помимо городских топонимов и названий различных местностей, встречается лишь один гидроним: река Рен (Hier. a. 2389:c).

¹⁰⁸ Все три локализации в пределах географического стержня.

¹⁰⁹ Помимо этого, в хронике Проспера есть еще одно уточнение, которое не укладывается ни в ту, ни в другую схему, а именно относительно гидронима: «*in loco, ubi Minicia fluvius oritur*» («в месте, откуда проистекает река Миниция» — Prosp. § 1243). Однако единичность такого случая делает это уточнение, скорее, случайным.

¹¹⁰ У Иеронима тоже есть одно уточнение такого характера (Hier. a. 2389:c), но здесь его наличие пока еще носит, скорее, случайный характер и не стало нормой.

Собственно говоря, эта локализация идет относительно реальной границы Римской империи: Рен, как известно, был пограничной линией империи; в Тригентии *de jure* были установлены новые границы; показательно, наконец, наличие самого термина *limites* (границы) в Prosp. § 1327. Действительно, в условиях варварской оккупации, с одной стороны, идет изменение границы, с другой — внутреннее административное деление Римской империи становится фикцией.

Значительно чаще, чем в хрониках Иеронима и Проспера, локализирующие уточнения встречаются в сочинении Гидация, однако уточнения типа «город—область» и «пограничные» не составляют большей их части.

В данной хронике насчитывается восемь случаев, когда локализация идет по схеме «город—область»: при этом в пяти случаях речь идет о городах и местностях, находящихся внутри географического стержня, а в трех, — за его пределами (Hud. § 13; 73; 215). По «пограничной» схеме строятся три уточнения, из которых в одном определяются земли «in Aquitania a Tolosa usque ad Oceanum» («в Аквитании, от Толозы вплоть до самого Океана» — Hud. § 69), а в двух других — испанские территории (Hud. § 49; 178).

Помимо этого, в хронике Гидация восемь раз место действия событий указывается относительно определенного города¹¹¹ (условно назовем этот тип локализации «городским»). В отношении географического стержня группы подобных уточнений равноколичественны, т.е. половина уточнений локализует местности за пределами Испании (Hud. § 17; 92; 150; 235), а половина — внутри (Hud. § 90; 173; 186; 253). Важной особенностью уточнений «городского» типа являются точные, в милях, указания хрониста о том, насколько далеко от такого-то города происходили события. Подобные указания имеются в пяти случаях¹¹².

Остальные локализирующие уточнения, которые не строятся по трем рассмотренным выше схемам, определяют крайне важную черту категории пространства в хронике Гидация. Дело в том, что для этого автора (в отличии от Иеронима и Проспера) характерно *дискретное представление провинции* (т.е. провинция в его нарративе представлена как дробный географический объект). Это пред-

¹¹¹ Похожее уточнение есть и в хронике Иеронима, однако оно встречается только один раз (Hier. a. 2353:x) и потому вполне может носить случайный характер.

¹¹² Hud. § 17; 173; 186; 235; 253.

ставление обуславливает, с одной стороны, наличие в его сочинении географического термина *conventus* (округ вокруг города), которого нет у других хронистов, а с другой, порождает обилие уточнений о том, что какие-то события происходили только *в части* той или иной провинции. Уточнения такого рода можно условно назвать «внутрипровинциальными»¹¹³.

Общее число таких уточнений у Гидация составляет 17, т.е. немалого меньше числа всех вместе взятых уточнений трех других систем локализации. При этом все «внутрипровинциальные» уточнения относятся только к областям в пределах Испании, т.е. к географическому стержню хроники.

В семи случаях автор просто сообщает, что события происходили лишь на части провинции¹¹⁴, а в трех — еще и определяет положение этих областей относительно центра провинции (Hud. § 91; 181; 173). В семи оставшихся случаях Гидаций уточняет часть провинции относительно гидронима. Причем только дважды таким локализирующим гидронимом служит река (Hud. § 114; 190), а в пяти случаях речь идет о приморских районах¹¹⁵, что обусловлено географическим положением Испании.

В хронике Виктора Туннунского присутствуют четыре уточнения типа «область–город» и одно «городское» уточнение (Vict. a. 556:2): событие локализуется относительно Александрии. Также можно говорить, что для Виктора, как и для Гидация Лемикийского, характерно «дискретное» представление провинции, потому в его хронике можно встретить три «внутрипровинциальных» уточнения (Vict. a. 516; 523:1; 541:2), при этом в двух случаях речь идет о местностях в Африке.

Однако в отличие от испанского хрониста, для Виктора свойственно *дискретное представление города* (т.е. город в его нарративе представлен как дробный географический объект). Именно оно порождает еще один тип локализирующего уточнения, не зафиксированный в рассмотренных выше хрониках. При локализации такого типа местом действия называется конкретный «малый» объект (конкретное здание или комплекс строений), а далее уточняется,

¹¹³ Внешне такие уточнения очень похожи на уточнения «пограничного» типа, однако их нельзя смешивать, поскольку они обуславливаются не взглядом хрониста на провинцию как на дискретный географический объект, а реальным изменением территории государства.

¹¹⁴ Hud. § 168; 179; 193; 246; 249; 250; 253.

¹¹⁵ Hud. § 90; 171 (bis); 194; 200.

в каком городе он находится. В «чистом виде» таких уточнений два (Vict. a. 455; 556:2), из которых в первом фигурирует Рим, а во втором — Александрия. Сюда же относятся и оговорки хрониста, что событие охватило либо «*totamque civitatem*» («весь город [Константинополь]») — Vict. a. 513), либо «*maximam regiae urbis partem*» («большую часть царственного города» — Vict. a. 540:2). Достигая еще большей конкретизации, Виктор в одном месте своей хроники сообщает, что люди двигались по Константинополю «*per forum Constantini... maiorem ecclesiam*» («через форум Константина... к главной церкви» — Vict. a. 513), а чуть ниже в той же статье он пишет, что от возникшего пожара город был сожжен «*ἀπὸ τῆς Χαλῆς.. usque ad Constantini forum supra longitudinem plateae columnarum XCIV*» («от Халы... вплоть до форума Константина вдоль по улице 94-х колонн» — Vict. a. 513). В другой раз он уточняет место в императорском дворце: «*intra palatium loco, quem Δέλφικα Graeco vocabulo dicunt*» («во дворце, в месте, которое по-гречески называется “дельфика”») — Vict. a. 523:3).

Вообще, на этом уровне конкретизации уточнение само по себе как бы расплывается, порождая обилие «малых объектов». Их в хронике Виктора насчитывается несколько десятков¹¹⁶, причем большая часть упоминаний относится к событиям в Константинополе¹¹⁷. Упоминаются некоторые малые объекты также в Риме (Vict. a. 454), Александрии (Vict. a. 508; 555:2; 565) и Карфагене (Vict. a. 546:2; 553:1). Наконец, хронистом назван лишь один «малый» объект, находившийся за пределами географического стержня (Vict. a. 504).

Незначительное число локализующих уточнений встречается в хрониках Кассиодора и Анонима Цезаравгусты. Так, в сочинении Кассиодора засвидетельствовано лишь одно, строящееся по «городской» парадигме: указывается местность рядом с Римом («*tertio ab Urbe milliario*» («в трех милях от города [Рима]»)) — Cass. § 1283). У Анонима их — четыре. Одно из них строится по

¹¹⁶ Упоминания о так называемых малых объектах присутствуют и в других хрониках, однако их число ничтожно мало в сравнении с количеством указанных Виктором. Так, в хронике Иеронима их всего 7 (Hier. a. 2353:x; 2360:t; 2369:m; 2370:c; 2371:f; 2373:p; 2395:a), у Гидация 5 малых объектов указаны внутри географического стержня (Hud. § 89; 141; 174; 186; 241) и 2 за его пределами (Hud. § 43; 56), а в других и того меньше: 2 у Проспера (Prosper. § 1278 и § 1375), 3 у Кассиодора (Cass. § 1326; 1339; 1342), 2 у Анонима Цезаравгусты (Caes. a. 510; 504), 4 у Продолжателя Марцеллина (Cont. a. 538:1, 3; 547:5; 547:5). Относительно хроники Мария см. ниже.

¹¹⁷ Vict. a. 498; 513; 514; 581:2; 519; 523:3; 530; 540:2; 552:2; 556:2; 565.

схеме «область–город» (An. Caes. a. 541). Два представляют собой случаи «внутрипровинциального» уточнения: хронист указывает, что битва между готами и свевами произошла «in campo Paramo iuxta flumen Orbicum» («на пармском поле возле реки Орбик» — An. Caes. a. 458), а в другом месте, что битва между готами и гуннами «in campis Catalaunicis» («на Каталлаунских полях» — An. Caes. a. 450)¹¹⁸. Данные уточнения можно рассматривать как свидетельство, что Анониму было присуще дискретное восприятие провинции. Наконец, в хронике есть «внутригородское» уточнение: Аноним сообщает, что король Гизалек убил Гоерика «Varcione in palatio» («во дворце в Барционе» — An. Caes. a. 510). Кроме этого дворца в Барционе, из «малых объектов» в хронике упомянут цирк в Цезаравгусте (An. Caes. a. 504). Указание на «малые объекты» именно в этих двух городах лишний раз подчеркивает роль Барционы и Цезаравгусты в качестве некоторого «центра тяжести» географического стержня

Локализирующие уточнения типа «город–область» отсутствуют в хронике Мария, очевидным образом, по тем же причинам, по которым в этом источнике географическая терминология теряет свою официальную семантику (см. выше). При этом здесь есть несколько «пограничных» уточнений (Mar. a. 456:2; 556:5). Кроме того, в хронике встречаются «внутрипровинциальные» (Mar. a. 509; 556:2, 3, 5; 569) и «городские» (Mar. a. 460:2; 463) локализации, позволяющие говорить о дискретном представлении провинции.

В хронике Мария также можно отыскать следы дискретного представления города. Однако оно проявляется не «внутригородскими» уточнениями, но богатым многообразием «малых объектов». Так, Акаунский монастырь, о строительстве которого сообщает хронист (Mar. a. 505), далее назван в качестве места действия событий (Mar. a. 574:2), упоминаются стены Рима (Mar. a. 574:2), мост Исонт (Mar. a. 489), Акаунский «дом церкви» (Mar. a. 565:1); детально перечислены и локализованы «малые» объекты в сообщении о землетрясении близ Женевского озера (Mar. a. 563)¹¹⁹. Из «малых объектов» за пределами «географического стержня» указывается константинопольский цирк (Mar. a. 532).

¹¹⁸ Сюда же можно добавить сообщение хрониста о том, что «*inguinalis plaga totam pene contrivit Hispaniam*» («паховая болезнь опустошила почти всю Испанию») (курсив мой. — Д.С.).

¹¹⁹ В этом же сообщении точно, в милях, указаны протяженность и ширина озера.

В хронике Продолжателя Марцеллина все локализирующие уточнения присутствуют только в пределах «географического стержня». При этом только два уточнения строятся по схеме «область–город» (Cont. a. 542:2, 3). Остальные шесть¹²⁰ локализируют ту или иную местность относительно гидронима. Это не вполне узнаваемые, но все-таки уточнения «внутрипровинциального» типа¹²¹. В любом случае, это свидетельство дискретного представления провинции у данного хрониста.

С другой стороны, при обилии топонимов у Продолжателя, дискретного представления города в хронике нет и упоминаний о «малых» объектах не так много. Хронист указывает вал Клодия, служивший транспортной артерией (Cont. a. 538:4). Еще два «малых объекта» локализованы в Константинополе: дом патриция Иоанна (Cont. a. 544:3), а также главная городская церковь, постройке которой посвящено специальное сообщение (Cont. a. 537:5). Это обстоятельство еще раз подчеркивает отклонение от географического стержня (см. выше).

Все прочие «малые объекты» указаны как находящиеся в Риме: это городские ворота (Cont. a. 538:1, 3), стены (Cont. a. 547:5) и дома (Cont. a. 547:5). Учитывая также, что топоним «Рим» лидирует по количеству упоминаний и что последовательность епископов римской церкви служила для хрониста вспомогательной хронологией¹²², можно говорить, что Рим, помимо прочего, выступает как «центр тяжести» пространственного стрежня.

Делая обобщение, следует еще раз отметить, что большую часть топографического списка всех рассмотренных хроник составляют названия городов и областей. Понятно, что пространственная парадигма нарратива этих сочинений будет базироваться именно на таких топонимах¹²³. Поэтому локализирующие уточнения, строящиеся по схеме «область–город», можно считать естественными и тради-

¹²⁰ Cont. a. 534; 536:6; 538:7, 4; 539:4; 540:5.

¹²¹ Лишь одно из этих уточнений можно с некоторой натяжкой квалифицировать как «пограничное»: хронист пишет о готах «trans Padum» («за рекой Пад» — Cont. a. 540:5) — в данном случае Пад служил границей, разделявшей земли, которые контролировали византийцы, и земли, где готы еще сохраняли свою власть.

¹²² Суровенков Д.И. Категория времени. С. 28.

¹²³ А не на названиях, с одной стороны, улиц, площадей, небольших местечек («малых объектов»), и не на названиях материков, стран («обширных районах») — с другой.

ционными для хроник¹²⁴, тем более, что их наличие характерно для большинства рассмотренных текстов, а их отсутствие в сочинениях некоторых хронистов (Мария, Кассиодора) — исключение.

Внешние причины, мотивированные событиями реального изменения границ, порождают «пограничные» уточнения. Однако такие локализации присутствуют далеко не во всех хрониках.

При этом для некоторых авторов характерно дискретное представление провинции, и в таком случае в их сочинениях обнаруживаются «внутрипровинциальные» или «городские» уточнения.

Менее характерно для наших авторов представление города как дискретного географического объекта (вне сообщений о постройках), которое порождает, с одной стороны, «внутригородские» уточнения, а с другой — обилие «малых объектов», фигурирующих в повествовании (максимально полно это продемонстрировано в хронике Виктора).

Однако совсем отказаться от упоминания «малых объектов» ни один из авторов не в состоянии, поэтому в большей или меньшей мере эти упоминания присутствуют во всех хрониках. Кроме того, выявление «малых объектов» позволяет уточнить или подтвердить «центр тяжести» географического стержня повествования.

Теперь перейдем к детальному рассмотрению пространственной категории хроники Комита Марцеллина.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ХРОНИКИ МАРЦЕЛЛИНА

Все три традиционных для хроник географических термина (*provincia*, *civitas*, и *urbs*) встречаются в сочинении Комита Марцеллина.

При этом понятие *provincia* в единственном числе упоминается 7 раз и всегда с конкретным топонимом: Палестина (Marc. Com. a. 418:1), Каппадокия (Marc. Com. a. 476:1), Понт (Marc. Com. a. 499:2), Дардания (Marc. Com. a. 518:1) и Африка (Marc. Com. a. 534). В тех случаях, когда речь идет о местностях в пределах Римской империи, вполне допустимо понимать термин *provincia*

¹²⁴ Еще раз отметим, что уточнения такого типа являются единственными для сочинения Иеронима — исходной хроники, которую напрямую или через посредников продолжали все остальные авторы.

в его официальном значении, однако в одном месте хронист употребляет понятие «*provincia India*» («область Индия» — Marc. Com. а. 448:1). Понятно, что Индия не входила в состав Римской империи, а, кроме того, сам топоним упомянут в контексте сообщения о внешних дипломатических сношениях, так что в данном случае под *provincia* подразумевается просто «область, страна». Учитывая подобное значение данного термина, зададимся вопросом о том, что подразумевается под этим понятием, когда оно соединяется с топонимом Европа (Marc. Com. а. 454:1). Идет ли здесь речь о провинции Европа, реально существовавшей в Восточной Римской империи, или хронист подразумевает под этим названием часть света, т.е. вкладывает в этот топоним традиционное для античных авторов значение.

Само название Европа фигурирует в хронике еще четыре раза (Marc. Com. а. 394:3; 447:2; 472:1; 512:4). Учитывая, что в одном месте указываются «*aliquantae Europae regiones*» («многие области Европы»), которые сотрясались землетрясением (Marc. Com. а. 394:3), и дважды речь идет о пепле (Marc. Com. а. 472:1; 512:4), который исторгла из себя гора Везувий в Кампании и который покрыл собой «*omnem Europae faciem*» («весь лик Европы»), то логичнее понимать под Европой обширный регион, т.е. часть света¹²⁵. Таким образом, и термин *provincia* в соединении с данным топонимом означает не административную единицу империи, а опять-таки просто «область, страну». В том же значении употребляется и *provinciae* во множественном числе, когда Марцеллин в предисловии к своему труду пишет, что Евсевий Кесарийский в своей хронике описал «*omnium... raene provinciarum monumenta*» («выдающиеся памятники почти во всех странах» — Marc. Com. praef.). Ведь Евсевий начал свой «*mirandum opus*» («удивительный труд» — Ibid.) с сотворения мира и рассказал о выдающихся зданиях в странах, существовавших задолго до появления самой Римской империи.

Термин *civitates* во множественном числе упоминается в хронике Марцеллина шесть раз. Речь идет о городах в различных областях Римской империи: в Палестине (Marc. Com. а. 419:2), в Африке (Marc. Com. а. 439:3), в Иллирике (Marc. Com. а. 441:3) и в Азии (Marc. Com. а. 472). Дважды безлично указываются просто города Европы (Marc. Com. а. 447:2) и «*civitates Romanorum*» («римские города» — Marc. Com. а. 512:11). И, наконец, еще один раз под

¹²⁵ Ср. с «Гетикой» Иордана, где название *Europa* встречается четыре раза (Iord. Get. § 4, 8, 32, 45) всегда в значении части света.

civitates, судя по контексту, подразумеваются небольшие города, расположенные вокруг Константинополя (Marc. Com. а. 447:1).

В единственном числе *civitas* встречается в хронике 32 раза и всегда соотносится с конкретным городом: Италикой в Испании (Marc. Com. а. 379:1), Арелатом (Marc. Com. а. 411:3), Киберой в провинции Азия (Marc. Com. а. 417:2), Кизиком (Marc. Com. а. 436; 460), Элием (Marc. Com. а. 444:4), Аквилей (Marc. Com. а. 452:1), Эмеченой (Marc. Com. а. 453:2, 3, 4), Киром (Marc. Com. а. 466), Равенной (Marc. Com. а. 467), Котгийаем во Фригии (Marc. Com. а. 492), исаврийским Тарсом (Marc. Com. а. 497:3), исаврийской Атиохией (Marc. Com. а. 498:2), Никеей в Вифинии (Marc. Com. а. 498:2), Амидой (Marc. Com. а. 502:2; 503), месопотамским Каллиником (Marc. Com. а. 504), Тарентом (Marc. Com. а. 508), Сидоном (Marc. Com. а. 512:8), Анкирой (Marc. Com. а. 513), Одиссой в Мезии (Marc. Com. а. 514:2).

Важно отметить, что понятие *civitas* определяет не только провинциальные города, но и крупнейшие городские центры империи: сирийскую Антиохию (Marc. Com. а. 398:3; 526), Александрию (Marc. Com. а. 430:3), Карфаген (Marc. Com. а. 534), а также сам Константинополь. Последний может называться и просто «*civitas*»¹²⁶ (Marc. Com. а. 403:3; 438:2; 512:5), может «*regia civitas*» («царственный город» — Marc. Com. а. 446:2; 487), а может — «*Augusta civitas*» («императорский город» — Marc. Com. а. 495).

Понятие *urbs*, очевидно, у Марцеллина означает крупный город и в большинстве случаев определяет столицу империи, т.е. Константинополь. Либо без дополнительных атрибутов, просто «*urbs*»¹²⁷, либо «*regia urbs*»¹²⁸, либо «*Augusta urbs*»¹²⁹.

Также несколько раз понятие *urbs* указывается по отношению к Риму, однако, как правило, с уточнением топонима: «*urbs Roma*» (Marc. Com. а. 410; 413; 455:3; 474:2). Случаи, когда Рим назван хронистом просто «*urbs*» (Marc. Com. а. 389:1; 476:2; 525), скорее являются исключением.

¹²⁶ При этом хронист только один раз уточняет топоним, говоря «*Constantinopolitana civitas*» (Marc. Com. а. 403:3).

¹²⁷ Marc. Com. а. 383:2; 386:1; 395:5; 399:3; 404:1; 429:1; 443:2; 452:1; 481:1; 491:2; 493:1; 494:1; 514:1; 514:3; 523.

¹²⁸ Marc. Com. а. 393; 433; 439:2; 480:1; 527; 528; 532.

¹²⁹ Marc. Com. а. 381:1; 431:2; 435:2; 436; 438:2; 447:1, 3; 501:1, 3; 509:1; 511. Атрибут *Augusta* для обозначения столичного города ни у кого из рассмотренных хронистов более не употребляется.

Однако помимо этих двух столиц, термин *urbs* иногда применяется и в отношении других городов: Элии (Marc. Com. a. 444:4), Эмезены (Marc. Com. a. 453:2), Иерусалима (Marc. Com. a. 516:2) и сирийской Антиохии (Marc. Com. a. 526). При этом все эти города, за исключением Иерусалима, в других местах хроники назывались *civitas*. Отсюда ясно, что для Марцеллина не существовало строго разграничения значений для этих двух географических терминов. Также, судя по всему, в значении синонимичном *civitates*, употреблено *urbes* во множественном числе (Marc. Com. a. 517, ср.: а. 441:3).

Помимо терминов *civitas* и *urbs*, Марцеллин, единственный из всех хронистов, вводит для обозначения собственно города понятие *metropolis* в очевидном значении «главный город провинции». Оно встречается в его хронике три раза: так определены Карфаген в Африке (Marc. Com. a. 439:3), Ларисса в Фессалии (Marc. Com. a. 482:2) и Скуп в Дардании (Marc. Com. a. 518:1). И хотя, скажем, Карфаген в том месте явным образом противопоставлен другим городам (*civitates*) Африки¹³⁰, однако это обозначение (*metropolis*) также не является абсолютным, поскольку, как отмечалось выше, тот же Карфаген в другой раз назван хронистом *civitas* (Marc. Com. a. 534).

Также несколько раз в хронике фигурирует термин *oppidum*. Во множественном числе он обозначает населенные пункты в различных регионах империи: в Иллирике (Marc. Com. a. 441:3), в Вифинии (Marc. Com. a. 444:3), в Азии (Marc. Com. a. 427:3). При этом дважды *oppida* противопоставлены *civitates*: хронист говорит «*civitates oppidaque/vel oppida*» («города и крепости» — а. 441:3; 472:3), подразумевая, очевидно, различные географические объекты.

Однако в случаях употребления *oppidum* в единственном числе противопоставление не столь явное. *Oppidum* в единственном числе всегда соотносится с конкретным топонимом: каппадокийским Лемисом¹³¹ (Marc. Com. a. 476:1), Мелетиадой¹³² возле Константинополя (Marc. Com. a. 487:1), Палтенсием (Marc. Com. a. 512:9), Вифлеемом (Marc. Com. a. 392:2), Стридоном (Ibid.) и Куккосом в Армении (Marc. Com. a. 403:3).

¹³⁰ Хронист пишет, что король вандалов Гейзерих захватил «*Africae civitates Carthaginiemque metropolim*» («города Африки и главный город Карфаген» — Marc. Com. a. 439:3).

¹³¹ Этот пункт назван хронистом не «*oppidum*», а «*oppidulum*» («небольшая крепость»).

¹³² Она, возможно, входила в число *urbes*, упомянутых в Marc. Com. 517.

При этом для *oppidum* Палтенсий указан ее церковный глава Иоанн, который определен как *pontifex*. Любопытно отметить, что в других случаях Марцеллин называет понтификом константинопольского патриарха (Marc. Com. а. 398:3, 470) и римского папу (Marc. Com. а. 430:3; 461:1; 467:2; 498:1).

В итоге можно констатировать, что для Комита Марцеллина, безусловно, свойственна определенная градация географических терминов, однако граница их значений в известной мере размыта. Географические понятия часто используются в их общем смысле. Такое отношение к географической терминологии вполне типично и традиционно для рассматриваемого круга хронистов. То, что Марцеллин в своем сочинении использует исключительный, характерный только для него термин (*metropolis*), также не представляет собой нечто из ряда вон выходящее — аналогичные случаи отмечались для хроники Гидация (употребление понятия *conventus*) и Мария (употребление понятие *territorium*).

ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ХРОНИКИ МАРЦЕЛЛИНА

Топографический список хроники Марцеллина включает 64 названия населенных пунктов, 31 наименование местностей, 5 гидронимов и 2 горных топонима. Сюда же следует прибавить еще 17 топонимов, фигурирующих в хронике только в качестве атрибута церковного лица. В сумме это составляет 119. При этом хроника Марцеллина охватывает 156 лет. Соответственно, коэффициент географического разнообразия хроники приближается к 1 и составляет 0,76. Это несколько выше среднего.

Из городских топонимов по количеству упоминаний лидирует Константинополь (назван 39 раз¹³³), оставляя далеко позади и Рим (14 раз¹³⁴), и Равенну (8 раз¹³⁵). Остальные наименования городов, которые составляют, соответственно, 95% этой части топографического списка, фигурируют в хронике не более 1–2 раз. Если вынести временно «за скобки» Константинополь, то получается парадоксальная

¹³³ Marc. Com. а. 380; 381:1, 2; 382:1; 384:1; 386:1, 2; 391:1; 395:2; 399:3; 401:1; 408; 409; 431:2; 435:2; 436; 437; 438:2; 443:2; 445:2; 446:1; 469; 473:2; 484:4; 485; 487; 488:1; 493:1; 498:2; 501:1, 3; 514:1; 516:3; 519:3; 525; 527; 528; 532; 534.

¹³⁴ Marc. Com. а. 389:1; 392:2; 410; 411:1; 413; 437; 455:2, 3; 465:2; 467:1; 472:2; 474:2; 475:2; 476:2.

¹³⁵ Marc. Com. а. 419:1; 425:2; 430:2; 438:3; 457:2; 473:1; 477; 489.

картина: чаще всего в хронике упоминаются западные городские центры (Рим и Равенна), при этом большинство городских топонимов составляют названия населенных пунктов, расположенных на Востоке.

Среди же топонимов областей по количеству упоминаний в хронике лидируют местности, которые в совокупности не образуют пространственно единого региона: Африка (упомянута 7 раз¹³⁶), Иллирик (5 раз¹³⁷), Исаврия (6 раз¹³⁸), Италия (9 раз¹³⁹) и Фракия (10 раз¹⁴⁰).

Объяснить такое странное положение вещей можно только (опять же, если временно пренебречь упоминаниями о Константинополе) отсутствием географического стержня в хронике Комита Марцеллина. То есть фактически хронист следует традиции *географического полицентризма* своего прямого предшественника Иеронима.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОЛИЦЕНТРИЗМ ХРОНИКИ МАРЦЕЛЛИНА

Как было показано выше, полицентризм проявляется в случаях употребления хронистом географической терминологии (за исключением *urbs*): эти понятия всегда прилагаются к географическим объектам, расположенным в различных регионах.

Также чрезвычайно велик географический охват сообщений, в которых повествуется о разного рода природных явлениях и бедствиях: хронист отмечает, что они происходили в Палестине (Марс. Сом. а. 419:2), в Риме (Марс. Сом. а. 408:2), в Вифинии (Марс. Сом. а. 444:2), во Фригии (Марс. Сом. а. 456:1), в Никомедии (Марс. Сом. а. 459), в Равенне (Марс. Сом. а. 467:3), в Кампании (Марс. Сом. а. 472:1), в Европе в целом (Марс. Сом. а. 472:1; 512:3), в городах Азии (Марс. Сом. а. 472:3), в Лавдикии, Гиераполисе, Триполисе и Агафике (Марс. Сом. а. 494:2), в Понтийской области (Марс. Сом. а. 499:2), в Дардании (Марс. Сом. а. 518:1) и в сирийской Антиохии (Марс. Сом. а. 526).

В различных же областях и городах происходили «протяженные» события, отмеченные в хронике: в Европе в целом (Марс. Сом. а. 390:1), на Пропонтиде (Марс. Сом. а. 401:2), в Риме (Марс. Сом. а. 408:2; 410; 455:2), в Паннонии (Марс. Сом. а. 427:1), в Африке

¹³⁶ Марс. Сом. а. 398:4; 435:2; 439:3; 455:3; 484:2; 529; 534.

¹³⁷ Марс. Сом. а. 441:3; 442:2; 481:1; 517; 530.

¹³⁸ Марс. Сом. а. 475:1; 485; 488:1; 492; 497:3; 498:2.

¹³⁹ Марс. Сом. а. 382:1; 387:2; 391:1; 398:4; 406:2; 434; 437; 488:2; 489.

¹⁴⁰ Марс. Сом. а. 386:1; 422:3; 441:2; 442:2; 452:2; 493:1; 499:1; 502:1; 515:4; 530.

(Marc. Com. a. 534), в Антиохии (Marc. Com. a. 398:3), в Исаврии (Marc. Com. a. 485; 492; 497).

Крайне разнообразна география событий, имеющих точную датировку. Они зафиксированы в Сирмии (Marc. Com. a. 379:1), Лугдуме (Marc. Com. a. 383:3), Виенне (Marc. Com. a. 391:2), Риме (Marc. Com. a. 389:1) и Карфагене (Marc. Com. a. 439:3).

Географический полицентризм хроники проявляется и на уровне локализующих уточнений, строящихся по схемам «город–область» и «внутрипровинциальной».

У Марцеллина встречается 16 локализаций типа «город–область». Уточняются населенные пункты в пределах: Армении (Marc. Com. a. 403:3), области Понт (Marc. Com. a. 403:3), Азии (Marc. Com. a. 417:2), Каппадокии (Marc. Com. a. 440:1; 476:1), Кампании (Marc. Com. a. 476:2), Мезии (Marc. Com. a. 487; 514:2), Исаврии (Marc. Com. a. 488:1; 498:2), Фригии (Marc. Com. a. 492), Вифинии (Marc. Com. a. 498:2), Месопотамии (Marc. Com. a. 504), местности Кавиза (Marc. Com. a. 518:1) и Сирии (Marc. Com. a. 526).

Локализаций «внутрипровинциального» типа меньше: семь. При этом в пяти случаях уточняются местности в пределах Иллирика¹⁴¹, причем три раза указаны гидронимы (реки Ут, Гила и Цурта); кроме того, уточняется, что событие охватило «totam... Africam» («всю... Африку» — Marc. Com. a. 484:2), «totam Cappadociam» («всю Каппадокию» — Marc. Com. a. 515:5), и, наконец, один раз упомянут «Italiae littora» («берег Италии» (т.е. прибрежные районы Италии. — Д.С.) — Marc. Com. a. 508).

Полицентризм проявляется и в случаях репрезентации событий на уровне государства в целом или значительной его части, что у Комита Марцеллина встречается чаще, чем у других хронистов. Как уже отмечалось выше, неоднократно местом действия названа Европа (Marc. Com. a. 394:3; 447:2; 454:1). Присутствующее у многих авторов понятие *Oriens* («Восток») Марцеллин не использует, но в его хронике дважды упоминается антитипичное ему понятие *Occidens* («Запад» — Marc. Com. a. 465:2; 468), которого нет ни у кого другого. Хронист использует выражение «*Orientalis res publica*» («Восточное государство» — Marc. Com. a. 379:1), а также парное к нему «*Occidentalis res publica*» («Западное государство» — а. 434; 454:2), входящее в синонимичный ряд выражений: «*regnum Occidentale*» («Западное царство» — Marc. Com. a. 424:2),

¹⁴¹ Marc. Com. a. 447:5; 461:2; 483; 499:1; 517.

«Hesperium regnum» («Западное царство» — Marc. Com. a. 454:2) и «Hesperium Romanae gentis imperium» («Западная империя римского народа» — Marc. Com. a. 476:2). Один раз названа Персида (Marc. Com. a. 420:3) и один раз варварским землям противопоставлены «*terras atque civitates Romanorum*» («римские земли и города» — Marc. Com. a. 512:11). Кроме того, трижды в хронике упомянуто выражение «*orbis*» («круг земель» — Marc. Com. a. 458; 531; 534). При этом один раз Марцеллин уточняет: «*per univ[er]sum orbem*» («по всему кругу земель» — Marc. Com. a. 458), а в другой, рассуждая о местоположении Африки, как бы глядя на географическую карту, пишет, что «*provincia Africa... in divisione orbis terrarum... in parte tertia posita est*» («провинция Африка... в разделении круга земель... расположена на третьей части» — Marc. Com. a. 534).

Однако географический полицентризм — это лишь одна из ипостасей пространственной категории в хронике Комита Марцеллина. Другая ипостась этой категории, равноправная с первой, — Константинополь. Его роль, значение и место в нарративе хроники столь велики, что позволительно говорить о «*константинополецетризме*»¹⁴² хроники Марцеллина.

«КОНСТАНТИНОПОЛЕЦЕНТРИЗМ» ХРОНИКИ МАРЦЕЛЛИНА

Выше уже отмечалось, что топоним Константинополь лидирует по количеству упоминаний в хронике. В церковной географии наименование этого города в качестве атрибута патриарха встречается 16 раз¹⁴³ и занимает второе место после Рима, который упоминается 21 раз¹⁴⁴. Однако следует учитывать, что последовательность римских пап использовалась хронистом в качестве вспомогательной хронологической системы¹⁴⁵.

¹⁴² А.С. Козлов употребляет выражение «константинополецетристский» дух хроник Комита Марцеллина. *Козлов А.С. Комит Марцеллин о позднеантичном городе. С. 51.*

¹⁴³ Marc. Com. a. 381:1; 398:3; 403:3; 404:4; 415:1; 416:3; 426; 428:1; 430:3; 438:2; 449:2; 470; 494:1; 511; 513; 514:1.

¹⁴⁴ Marc. Com. a. 381:1; 382:3; 383:1; 398:1; 402:1; 417:3; 420:1; 423:1; 430:3; 432:1; 440:2; 451; 461:2; 467:2; 482:1; 494:3; 495; 498:1; 500:1; 515:1; 525. Напомним, что преемственность римских пап служила для Комита Марцеллина вспомогательной хронологической системой — этим и объясняется то, что название «Рим» встречается в хронике даже чаще, чем «Константинополь».

¹⁴⁵ *Суровенков Д.И. Категория времени. С. 28.*

Дисбаланс внимания хрониста по отношению к Константинополю проявляется также в сообщениях о разного рода стихийных бедствиях. В источнике насчитывается 27 параграфов¹⁴⁶, повествующих о таких событиях с указанием локализации, при этом в 12 случаях (т.е. почти в половине) они происходили либо в самом Константинополе, либо в его окрестностях.

Кроме того, Марцеллин продолжает традицию хроники Иеронима и рассказывает о различных выдающихся постройках. Однако если у его предшественника сообщалось о трех зданиях в Константинополе и о трех зданиях в других городах, то Комит пишет исключительно о тех строениях, которые возводились в имперской столице. Причем у Комита Марцеллина 15 таких сообщений¹⁴⁷, где упоминается несколько десятков зданий и «малых объектов» внутри Константинополя.

Из 20 протяженных событий, для которых хронист так или иначе указывает место действия, 8 произошли в «царственном городе»¹⁴⁸. Соответственно, в Константинополе же случилось 7 событий¹⁴⁹ из 14, имеющих точную датировку и поддающихся локализации¹⁵⁰.

Особый статус Константинополю как географическому объекту в хронике придает то обстоятельство, что именно в его пределах сконцентрировано максимальное количество «малых объектов», упомянутых хронистом. Причем они фигурируют в сообщениях не только о выдающихся постройках, но и о стихийных бедствиях, а также в сообщениях, повествующих о событиях военной и церковной истории, о волнениях и народных восстаниях, происходивших в Константинополе. В числе этих «малых объектов» названо несколько городских церквей: молитвенный дом святой Анастасии (Marc. Com. a. 380), атриум Василиска (Marc. Com. a. 403:3), базилика святого Лаврентия (Marc. Com. 439:2), атриум святого Феодора (Marc.

¹⁴⁶ Marc. Com. a. 401:2; 402:3; 404:1; 408:2; 419:2; 433; 444:2; 446:2; 447:1; 448:2; 456:1; 459; 460; 465:1; 467:3; 472:1; 472:1; 472:3; 480:1; 494:2; 499:2; 507:2; 509:1; 510:1; 512:3; 518:1; 526. Курсивом отмечены те места, в которых говорится о стихийных бедствиях, происходивших в Константинополе.

¹⁴⁷ Marc. Com. a. 390:3; 394:4; 399:3; 403:2; 407; 415:1; 421:2; 421:3; 427:2; 435:1; 443:3; 447:3; 506; 509:1; 528.

¹⁴⁸ Marc. Com. a. 462; 512:7; 514:1; 515:6; 516:3; 519:3; 520; 532.

¹⁴⁹ Marc. Com. a. 381:2; 428:2; 438:2; 433; 480:1; 512:2; 532. Три даты связаны с теми праздниками и днями, которые, согласно Марцеллину, «Byzantii annue celebrant» («византийцы (т.е. жители Константинополя. — Д.С.) ежегодно отмечают»).

¹⁵⁰ Суровенков Д.И. Категория времени. С. 45–47.

Com. a. 512:3), атриум Косьмы и Дамиана (Marc. Com. a. 516:3), а также Золотые ворота (Marc. Com. a. 514:1), форум Феодосия (Marc. Com. a. 435:1), форум Константина (Marc. Com. a. 509:1; 512:3, 4, 5, 6), форум Тавра (Marc. Com. a. 447:1), форум Стратегия (Marc. Com. a. 510:1), порт Юлиана (Marc. Com. a. 509:2), два Троадских портика (Marc. Com. a. 448:2; 480:1), константинопольский акведук (Marc. Com. a. 452:1) и прочие. Несколько раз в качестве места действия событий указаны константинопольский цирк (Marc. Com. a. 445:2; 507:1; 521) и императорский дворец (Marc. Com. a. 462; 471; 515:6; 520; 532). В рассказе о восстании партии цереалис во время театрального представления (Marc. Com. a. 501:1,2,3) хронист, становясь предельно конкретным, упоминает портик театра, театральный помост и театральный водопровод.

Такое обилие упоминаний «малых объектов», помимо хроники Комита Марцеллина, было засвидетельствовано только для одной хроники — Виктора Туннунского. Там оно было результатом дискретного представления города, имевшего также воплощение в предельно конкретных «внутригородских» локализациях.

Они присутствуют и у Комита Марцеллина. Так, хронист пишет, что колонна, служившая пьедесталом для статуи Феодосия Великого, была поставлена «*haut longe ab ecclesia*» («недалеко от церкви» — Marc. Com. a. 390:3), что патриций Руфин был убит «*ante portas urbis*» («перед городскими воротами» — Marc. Com. a. 395:5), что крупнейшая городская цистерна была сооружена «*iuxta porphyreticam Constantini imperatoris columnam in foro eius sub plateae transitum*» («возле порфирной колонны императора Константина на его форуме рядом с входом в переулок» — Marc. Com. a. 407), что форум Константина был построен «*in loco qui Heliane dicitur*» («в месте, которое называется Гелиане» — Marc. Com. a. 435:1), что во время пожара сгорели «*utramque porticum a foro Constantini usque ad Perdicae tenuissimam statuam*» («догла оба портика от форума Константина до изящнейшей статуи Пердики» — Marc. Com. a. 509:1).

Кроме того, рассказывая о событиях восстания «Ника», случившемся в Константинополе в 532 г., Марцеллин отмечает, что на пятый день восстания мятежные вожди Гипатий и Помпей «*de foro... ad invadendum conscendunt palatium, uterque eorum ante fores palatii captus est*» («выступили с форума, чтобы напасть на дворец, и оба были схвачены перед входом во дворец» — Marc. Com. a. 532). Наконец, хронист дважды точно указывает место, где Аркадий, а

спустя десять лет Гонорий были своим отцом Феодосием объявлены Цезарями: «septimo ab urbe regia miliario» («в семи милях от царственного города» — Marc. Com. a. 383:2; 393)¹⁵¹.

Помимо этих уточнений, Марцеллин один раз пишет, что отрубленные рука и голова патриция Руфина были пронесены «per totam Constantinopolim» («через весь Константинополь» — Marc. Com. a. 395:5), а описывая различные стихийные бедствия, случившиеся в имперской столице (пожары, землетрясения и пр.), он уточняет, что от них пострадали: «vicinam ecclesiae urbis faciem» («соседний с церковью лик», т.е. район города — Marc. Com. a. 404:1), «maxima urbis regiae pars septentrionalis» («большая, северная часть царственного города» — Marc. Com. a. 433), «plurimi urbis augustae muri... cum quinquaginta septem turribus» («большая часть стен августейшего города... вместе с 57 башнями» — Marc. Com. a. 447:1) и т.д.

Упоминаний о «малых объектах» за пределами Константинополя немного: храм Сераписа в Александрии (Marc. Com. a. 389:3), форум Мира в Риме (Marc. Com. a. 408:2), Марсовое поле (Marc. Com. a. 455:1), порт города Рима (Marc. Com. a. 474:2), ворота города Тарса (Marc. Com. a. 497:3), крепость города Одисс (Marc. Com. a. 514:2). Однако само их наличие указывает, что дискретное восприятие города у Марцеллина не замыкалось на одном только Константинополе. Кроме того, в его хронике детально, с указанием на конкретные «малые объекты» рассказано о землетрясении в провинции Дардания (Marc. Com. a. 518:1) и о пожаре в сирийской Селевкии (Marc. Com. a. 526).

КАТЕГОРИЯ ПРОСТРАНСТВА В ХРОНИКЕ КОМИТА МАРЦЕЛЛИНА: ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Завершая рассмотрение пространственной категории в сочинении Комита Марцеллина, необходимо остановиться на одном тезисе, связанном с изучением этого источника.

О том, что в хронике Марцеллина уделено много внимания Константинополю, известно давно и отмечалось еще в работе

¹⁵¹ Речь идет о военном поле, устроенном еще Константином Великим по примеру Марсового поля в Риме. Оно называлось *Septimum* или по-гречески Эвдом — там была стоянка войск. Кулаковский Ю.А. История Византии. СПб., 1998. Т. 1. С. 78.

О. Хольдер-Еггера¹⁵². Б. Кроук также не ставит данное положение под сомнение и посвящает целую главу обсуждению того, как отражена жизнь этого города у Комита Марцеллина. Однако вместе с этим он еще в ранних своих работах развивает положение о том, что в хронике особое внимание уделено также и событиям, происходившим в Иллирике¹⁵³. Эту точку зрения поддерживает и А.С. Козлов¹⁵⁴.

Мы позволим себе усомниться в справедливости подобного положения.

Само название Иллирик упоминается в хронике только 5 раз¹⁵⁵. Для сравнения напомним, что Исаурия упоминается 6 раз¹⁵⁶, Африка — 7¹⁵⁷, Италия — 9¹⁵⁸. Из 24 событий с точной датировкой на территории префектуры Иллирика Марцеллином зафиксировано только одно (Marc. Com. a. 379:1) и названо только одно протяженное событие (Marc. Com. a. 427:1) из 36. Лишь однажды хронист рассказывает о стихийном бедствии в пределах этой префектуры (Marc. Com. a. 518:1).

Единственное, что как-то выделяет Иллирик из прочих регионов империи, о которых повествует Марцеллин, — то, что именно здесь зафиксированы 3 гидронима из 5, упомянутых в хронике, а также то, что в пределах этой префектуры указаны 5 из 7 локализаций, строящихся по «внутрипровинциальной» схеме (см. выше). Однако, на наш взгляд, это не является достаточным основанием для того, чтобы говорить об «иллиризме» Комита Марцеллина (термин предложен А.С. Козловым), во всяком случае, на уровне пространственной категории хроники.

Как представляется, точка зрения о преувеличенном внимании данного автора к событиям, происходившим в Иллирике, изначально возникла под влиянием сообщения Кассиодора об иллирийском происхождении Марцеллина. В результате исследователи поневоле стали более тщательно анализировать сообщения хрониста именно

¹⁵² Holder-Egger O. Die Chronik des Marcellinus Comes und die oströmischen Fasten // Neues Archiv der Gesellschaft für älteste deutsche Geschichtskunde. Hanover, 1877. Bd. II. S. 71–74.

¹⁵³ Croke B. A.D. 476 the Manufacture of a Turning Point // Chiron, 1983. Bd. 13. P. 87.

¹⁵⁴ См.: Козлов А.С. Комит Марцеллин о позднеантичном городе. С. 52–53.

¹⁵⁵ Marc. Com. a. 441:3; 442:2; 481:1; 517; 530.

¹⁵⁶ Marc. Com. a. 475:1; 485; 488:1; 492; 497:3; 498:2.

¹⁵⁷ Marc. Com. a. 398:4; 435:2; 439:3; 455:3; 484:2; 529; 534.

¹⁵⁸ Marc. Com. a. 382:1; 387:2; 391:1; 398:4; 406:2; 434; 437; 488:2; 489.

о событиях в этом регионе, пытаясь увидеть в них нечто личное, свойственное только этому автору. Кроме того, преувеличение роли Иллирика возникает при изучении иных, *непространственных* категорий источника, например, социальной или просопографической: действительно, у Комита Марцеллина неоднократно упоминаются в качестве персонажей военные и прочие деятели, ведущие свое происхождение из западных провинций Византии (Виталиан, Сабиниан Магн, некоторые иллирийские епископы и, наконец, Юстиниан)¹⁵⁹. Особенное внимание уделяется Иллирику в комментариях и ремарках, сопровождающих повествование, и, наконец, в хронике событиям на Балканском полуострове уделено больше места *в сравнении* с другими византийскими историками¹⁶⁰. Однако говорить о том, что Иллирик в хронике Марцеллина выступает в качестве «географического стержня» (как, к примеру, Италия в сочинении Продолжателя Марцеллина), как кажется, нет достаточных оснований. По нашему мнению, гораздо более правильным было бы утверждение о пространственном дуализме хроники, который проявляется одновременно и в полицентризме, и в «константинополецентризме». Для Марцеллина империя в целом и Константинополь являются как бы равновеликими объектами.

Как уже отмечалось выше, половина стихийных бедствий и чудес отмечена хронистом внутри Константинополя, а половина — за его пределами, т.е. внутри всей империи. Равновеликость также прослеживается в том, где зафиксированы события с точной датировкой и события с указанием на протяженность: в обоих случаях половина таких событий происходила в столичном городе и половина в самых различных уголках империи.

При этом для хрониста характерны как бы два «масштаба зрения»: подавляющее большинство «малых объектов» и почти все (за редким исключением) «внутригородские» локализации связаны с Константинополем, а, соответственно, в пределах империи указываются локализации «область–город» и «внутрипровинциальная». Кроме того, у Марцеллина чаще, чем у прочих хронистов, происходит репрезентация на уровне государства в целом¹⁶¹. О географической широте охвата повествования также свидетельствует

¹⁵⁹ Croke B. Comes Marcellinus. P. 62–81.

¹⁶⁰ Козлов А.С. Комит Марцеллин, Виктор Туннунский. С. 63–64.

¹⁶¹ Неслучайным в данном контексте оказывается и неоднократное упоминание названия Европа, топонима, который не встречается более ни у какого другого хрониста.

следующее обстоятельство: несмотря на то, что сочинение Марцеллина самое продолжительное по количеству лет, «коэффициент географического разнообразия» этой хроники даже несколько выше среднего.

Итак, можно смело утверждать, что именно этот пространственный дуализм (равновеликости всей империи и Константинополя) и является оригинальной чертой пространственной категории хроники Комита Марцеллина, отличающей ее от остальных «малых» латинских хроник.

ХРОНОТОП НАРРАТИВА ХРОНИКИ КОМИТА МАРЦЕЛЛИНА

Прежде чем подводить общие итоги данной работы, напомним основные выводы предшествующей нашей статьи, посвященной анализу категории времени в хронике Комита Марцеллина.

В ходе исследования данной категории были выявлены следующие ее элементы:

1. Опорные хронологические системы;
2. Вспомогательные хронологические системы;
3. Указания на протяженность событий;
4. Точные датировки событий.

Из них первые два являются обязательными (они засвидетельствованы во всех хрониках) и даже более того, они составляют неотъемлемую часть структурообразующего принципа хроник как исторического нарратива — разделения повествования на погодные записи. Именно то, что они служат фундаментом, а также их довольно частое, почти абсолютное преобладание в повествовании (когда прочие элементы имеют случайный характер), на наш взгляд, и порождают пресловутое «единообразие» и определенную «обезличенность» всех хроник.

Два последних элемента можно назвать дополнительными, так как *систематически* они присутствуют только в некоторых из рассматриваемых хроник, а в большинстве либо отсутствуют вовсе, либо их присутствие носит единичный характер и может трактоваться как случайное.

При этом указания на протяженность событий генетически связаны со вспомогательными хронологическими системами и, следовательно, служат для *внутреннего объединения повествования*. Точные же датировки являются прямо противоположным явлением.

Уточнение времени действия до конкретного месяца или даже до конкретного дня укрепляет связь этого события с опорной хронологической системой. Соответственно, точные датировки служат в свою очередь для *внешнего объединения повествования*.

Хроника Комита Марцеллина вполне традиционна в плане базовых элементов категории времени. Опорная хронологическая система, которую использует автор, — консульские списки и индикты — к середине VI столетия уже стала характерной для хроникописания. На уровне вспомогательных хронологических систем сочинение Марцеллина выделяется детальной разработанностью и информативностью в фиксации последовательности правления римских императоров. Однако, с другой стороны, в отличие от других латиноязычных хронистов того периода, Марцеллин не вводит никаких инноваций во вспомогательные системы.

Возвращаясь непосредственно к выводам данной работы, следует отметить, что и для категории пространства возможно выделить ряд составляющих ее элементов:

1. Локализация событий: относительно города/области и по схеме «город–область»;
2. Наличие «географического стержня»;
3. «Дискретное представление» провинции (области);
4. «Дискретное представление» города.

Первый элемент обязателен для всех авторов и присутствует во всех хрониках. Названия городов и областей (провинций, префектур и диоцезов) составляют подавляющую часть топографического списка всех рассмотренных источников. Проявлением этого же элемента пространственной категории является употребление всеми хронистами трех географических терминов: *provincia*, *civitas* и *urbs*. Именно город или провинция, как правило, указывается в качестве места действия событий; локализация же событий по схеме «город–область» является, по большому счету, усложненным вариантом такого указания¹⁶².

Второй элемент пространственной категории («географический стержень»), т.е. явление, когда места, где происходили события,

¹⁶² Стоит отметить, что «пограничная» локализация событий является аномальным случаем локализации «город–область» — она используется хронистами в рассказе о неординарных событиях, связанных, как правило, с территориальными изменениями в государстве (см. выше анализ локализирующих уточнений хроники Проспера).

описанные в хронике, сосредоточены в одном конкретном регионе), позволительно назвать *почти* обязательным (или *становящимся* обязательным) — он присутствует у всех авторов, за исключением Иеронима, основоположника «малых» латинских хроник, а также Комита Марцеллина.

Два последних элемента являются дополнительными: еще раз отметим, что под «дискретным представлением» города/области понимается явление, когда хронист уточняет место действия событий *внутри* города или области. Отдельные случаи подобных уточнений («внутрипровинциальные»¹⁶³ и «внутригородские» локализации, упоминание о «малых объектах») можно встретить почти во всех хрониках, но только в двух наличие этих элементов ярко выражено: дискретное представление провинции — у Гидация, дискретное представление города — у Виктора. Как было показано, пространственные характеристики событий являются прямым следствием дискретных представлений географических объектов в хрониках.

Так же, как и обязательные элементы категории времени, обязательные элементы категории пространства можно назвать *базовыми* для построения хроники как типа исторического нарратива. В не меньшей степени, как и опорные и вспомогательные хронологические системы, локализация по типу «город—область» и географический стержень способствуют выше упомянутой «обезличенности» хроник.

С другой стороны, использование хронистом дополнительных элементов категории пространства приводит к тому, что хроника становится более оригинальной и своеобразной. Кроме того, как кажется, именно оно приводит к увеличению степени подробности повествования. Более всего это очевидно в случае дискретного представления города, когда оно порождает обилие упоминаний «малых объектов» в повествовании хрониста (см. выше анализ локализирующих уточнений хроники Виктора).

При этом сочетание в разных комбинациях элементов (основных и дополнительных) категории времени и пространства создает в пределах хроники собственную *модель историописания*, или хроно-топ хроники, характерную и уникальную для каждого автора.

¹⁶³ «Городскую» локализацию, выделенную в отдельный тип, можно трактовать как особый случай «внутрипровинциальной»: ведь с помощью такой локализации хронистом уточняется некое место относительно города (за его пределами) *на территории провинции* (см. выше анализ локализирующих уточнений хроники Гидация).

В ходе нашего исследования было выявлено, что для хроники Комита Марцеллина характерно два различных дуализма: временной и пространственный. Для прояснения этого явления, для понимания, каковой из них первичен, имеет смысл сначала рассмотреть, какие модели историописания были созданы в хрониках Гидация Лемикийского и Виктора Туннунского.

Сочинения этих авторов уже привлекались для сопоставления с хроникой Марцеллина — в качестве двух полярных случаев хронологической точности¹⁶⁴. Кроме того, как было показано выше, для хроники Гидация характерно ярко выраженное представление области как дискретного объекта, а для хроники Виктора — ярко выраженное представление города как дискретного объекта¹⁶⁵.

Как отмечалось, в хронике Гидация временная точность датировок событий служит для максимального укрепления связи нарративной части с опорной хронологической системой, в качестве которой автор использует продолжительность правления императоров. С другой стороны, в пространственной категории его хроники отчетливо наличествует «географический стержень» — Испания. При этом именно в пределах Испании зафиксировано две трети событий с точной датировкой, которые поддаются локализации. То есть временная (опорная хронологическая система) и пространственная («географический стержень») категории оказываются жестко связаны между собой в его модели историописания при помощи дополнительного элемента временной категории — точных датировок. Таким образом, Гидацию удастся создать известное единство категорий времени и пространства.

В модели историописания Виктора также наличествует жесткая связь между пространственной и временной категориями, однако осуществляется она иначе. Для этого автора обосновывалось некоторое пренебрежение к опорной хронологии, но одновременно большая точность при указании на протяженность событий. Помимо этого, для его хроники постулировалась разветвленная система вспомогательных хронологий, основанная на преемственности церковных иерархов. При этом «географический стержень» его сочине-

¹⁶⁴ Суровенков Д.И. Категория времени. С. 47–49.

¹⁶⁵ Помимо этого, выбор хроник именно этих двух авторов можно обосновать еще тем, что хроника Гидация наиболее близка сочинению Марцеллина генетически: они создавали свои «авторские» части, напрямую продолжая хронику Иеронима, а сочинение Виктора наиболее близко хронике Марцеллина текстуально по охвату лет: с 379 по 534 г. у Марцеллина и с 444 по 566 г. у Виктора.

ния определялся как довольно сложный, состоящий из нескольких регионов, пространственно не соединенных, где центральные города имеют значительный «центр тяжести». Однако эти же города (Константинополь, Рим, Александрия, Карфаген) являются резиденциями епископов, преемственность которых Виктор использовал в качестве вспомогательных хронологических систем. Таким образом, этому хронисту удалось создать модель историописания с несколькими «анклавами», где образуется внутреннее единство категорий времени и пространства, которое важнее, чем единство внешнее (отсюда некоторое пренебрежение к опорной хронологической системе).

Что касается хроники Комита Марцеллина, то, как было отмечено выше, автору свойственно как бы два масштаба зрения: на Константинополь, где присутствуют «внутригородские» локализации и обилие упоминаний «малых объектов», и на империю в целом, где события локализуются по схеме «город–область» и при помощи «внутрипровинциальных» локализаций и где часто (по сравнению с другими хрониками) происходит репрезентация на уровне всего государства или какой-либо его части.

Было бы, конечно, соблазнительно предполагать, что и единство категорий пространства и времени осуществляется по-разному внутри столичного города и в пределах всей империи (скажем, в одном случае при помощи точных датировок, а в другом — при помощи указаний на протяженность событий). Однако анализ данных на этот счет говорит об обратном. Половина событий с точной датировкой зафиксирована Марцеллином в Константинополе, другая половина — в пределах всей империи. Точно так же половина протяженных событий, упоминаемых хронистом, случилась в столичном городе, а вторая половина — за его пределами, т.е. на территории империи. Таким образом, две различные «ипостаси» категории пространства (организованные на основе разных элементов этой категории) Марцеллин объединяет с категорией времени *одинаковым образом*, подчеркивая их равновеликость. То есть категория времени (ее элементы) играет вспомогательную роль.

В результате мы вынуждены прийти к несколько парадоксальному выводу: в хронике Комита Марцеллина, историческом нарративе, который строится на основе концепта времени (погодный принцип повествования), создается такая модель историописания, где категория пространства более значима, чем категория времени. Таким образом, пространственный дуализм хроники первичен, а дуализм хронологический является его следствием.

Е.А. Мельникова

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРИЕНТАЦИЯ В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ*

Ориентация пространства в ранних культурах народов Евразии по странам света принадлежит к числу фундаментальных, но, как правило, не подвергаемых специальному осмыслению основ мировосприятия¹. Заложенные в глубинах сознания, представления об организации пространства поэтому крайне редко находят эксплицитное выражение в письменных текстах античности и средневековья. Они лишь косвенно отражались в письменных памятниках, прежде всего, в указаниях направлений (север, юг, запад, восток), в членении пространства (например, северная, южная, западная и восточная четверти в древнескандинавской ориентационной системе)², в пространственном соотношении местоположения географических объектов (один объект считается расположенным севернее или южнее, западнее или восточнее другого) и др. Именно таким способом принципы ориентации пространства отображены и в древнейших русских летописных сводах — они могут быть восстановлены лишь на основе немногочисленных упоминаний терминов, обозначающих страны света, и производных от них.

«Пространственно-ориентационная» терминология ПВЛ включает наименования четырех стран света, два из которых дублируются: *въстокъ, угъ/полуденье, западъ* и *северь/полунощье*³. Все они при-

* Статья написана в рамках работы над проектом «Геополитические факторы в историческом развитии Древнерусского государства» по программе фундаментальных исследований Президиума РАН 2009–2011 гг. «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Сердечно благодарю А.В. Подосинова и Л.С. Чекина за полезные замечания и уточнения.

¹ *Подосинов А.В.* Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1995.

² *Джаксон Т.Н.* Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // Одиссей. 1994 год. М., 1994. С. 54–64.

³ Выборка терминов осуществлена по словоуказателю О.В. Творогова с небольшими дополнениями. См.: *Творогов О.В.* Лексический состав «Повести временных лет» (словоуказатели и частотный словарь). Киев, 1984.

надлежат к исконной общеславянской лексике, однако обнаруживают существенные различия в происхождении, семантике и употреблении.

Термин *востокъ*, *встокъ* (ср. «восходить, подниматься», польск. *wschód*)⁴ в древнерусском языке употреблялся в значениях «восход (небесных светил, прежде всего солнца)»; «восток» как страна света; «страны, расположенные в восточном направлении»⁵. Значение слова *западъ* (ср. «западать, опускаться») в целом соответствовало значениям слова *востокъ*: «заход, закат (небесных светил, прежде всего солнца)»; «запад» как страна света; «страны, расположенные в западном направлении» = Западная Европа; в XVII в. появляется значение «ветер с запада»⁷. Термины *востокъ/западъ* составляют антонимическую бинарную оппозицию: они образованы по одной словообразовательной модели, имеют однотипные семантические поля с противоположной ориентационной направленностью и общее происхождение, восходя к обозначениям движения солнца по небосклону. В них отражена изначальная связь системы ориентации с солярными представлениями⁸.

Аналогичную бинарную пару составляют термины *полуночь* «север» и *полудень* «юг». Они также имеют одинаковую морфологическую структуру и близкие семантические поля с противоположной ориентацией, что указывает на общность их происхождения. Вместе с тем, в них отчетливо выражен темпоральный аспект. Первым и наиболее распространенным значением этих слов является «середина ночи, полночь» и «середина дня, полдень»⁹. Объединение темпорального и пространственного значений в одном термине восходит к глубокой архаике и отражает способ ориентации пространства (и определения времени) по движению солнца¹⁰:

⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т. I. С. 357.

⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1976. Вып. 3. С. 60–61. Приводимое М. Фасмером значение слова *востокъ* «восточный ветер» фиксируется в северных диалектах (архангельском, олонецком) и очевидным образом является более поздним и специальным развитием его семантики. Последнее значение («страны, расположенные в восточном направлении») требует существенного уточнения, о чем речь пойдет ниже.

⁶ Фасмер М. Этимологический словарь. М. 1967. Т. II. С. 78.

⁷ Словарь русского языка. М., 1978. Вып. 5. С. 255.

⁸ Подосинов А.В. *Ex oriente lux!* С. 369–371. Аналогично значение латинских терминов *oriens* и *occidens*.

⁹ Словарь русского языка. М., 1990. Вып. 16. С. 264, 270; Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. II. Стб. 1138, 1140.

¹⁰ Подосинов А.В. *Ex oriente lux!* С. 621–624.

в полдень оно находится в зените и указывает направление на юг (ср. греч. μεσημβρία и μεσονύκτιον, лат. *meridies* «полдень» и «юг»). Противоположное время суток — полночь — маркировало противоположное направление солнца (север). Таким образом, рассмотренные термины отражают архаическую солярную систему ориентации пространства. В ней, однако, в отличие от современной «компасной» системы ориентации, направления представляют собой не румб (как направление на компасе: N, S и т.д.), а сектор, ограниченный крайними точками восхода (заката) солнца в разное время года. Не случайно, уже в «Хождении» игумена Даниила (начало XII в.) присутствуют термины для обозначения разных положений солнца при восходе и, соответственно, промежуточных румбов: *зимний востокъ* и *лѣтний востокъ*¹¹, которые отмечали направление по точке восхода солнца зимой и летом и обозначали юго-восток и северо-восток соответственно.

Наряду с терминами *полуночь* и *полудень* вторая ориентационная ось представлена еще одной парой обозначений: «север» и «юг». Термин *сiверь* имеет общеславянские параллели: укр. *сiвер* «холод», болг. *север*, сербохорв. *сјѣвер*, чеш., словац. *sever*, родственно лит. *šiaurys* «северный ветер», *šiaurė* «север», лат. *caurus* «северо-восточный ветер», которые позволили М. Фасмеру восстановить его значение как «северный ветер»¹². Однако, как и в случае с термином «востокъ», обозначение ветра словом «север», видимо, возникает достаточно поздно: случаев такого его словоупотребления в древнерусском языке не отмечено¹³. Вероятна связь слова с балто-слав. **seu-* «левый», что соответствует «индоевропейской солярной практике номинации севера левой стороной»¹⁴ и может служить указанием на изначальную связь термина с солярной системой ориентации, но в другой, нежели термины *востокъ*, *западъ*, *полудень* и *полуночь* системе номинации — связанной не с движением солнца («гелиоцентрической», солярной), а с размещением в пространстве

¹¹ Хождение игумена Даниила // БЛДР. Т. 4. С. 26–117. См. об этих терминах: Максимов В.И. Названия сторон света в древнерусских «хождениях»: перевод и реальность // Вестник Общества исследователей Древней Руси. 2002–2003 годы. М., 2007. С. 310–322. Аналогичные термины имеются и в греческом языке.

¹² Фасмер М. Этимологический словарь. М. 1971. Т. III. С. 588–589.

¹³ Словарь русского языка. М., 1999. Вып. 24. С. 12–13; Срезневский И.И. Материалы. СПб., 1903. Т. III. Стб. 885–886.

¹⁴ Трубочев О.Н. // Фасмер М. Этимологический словарь. Т. III. С. 589. См. подробно: Подосинов А.В. Ex oriente lux! С. 371.

человека («антропоцентрической»). При обращении лицом к востоку (восходу солнца), север оказывается по левую руку.

Этимология термина *узь* (праслав. **jugъ*) «юг, южная сторона» не ясна, а его значение «южный ветер» восстанавливается, как и в предшествующих случаях, по более поздним узусам и славянским параллелям: болг. *юг*, сербохорв. *jŭg* «юг, южный ветер», слов. *jùg* «теплый ветер, юг»¹⁵.

Таким образом, древнерусская пространственно-ориентационная терминология, являясь общеславянской по происхождению, отражает совмещение двух ориентационных систем: гелиоцентрической и антропоцентрической, что в целом характерно для всего индоевропейского ареала. Однако вторая система слабо отражена в древнерусском языке: она представлена лишь одним термином, маркирующим ось север—юг и проявляющим малую продуктивность: в отличие от слов *полуночь* и *полудень*, которые образуют устойчивые словосочетания *полунощнии*, *польнощнии страны* и *полуденьные страны* с теми же значениями «север» и «юг», слова *сѣверь* и *узь* не имеют альтернативных вариантов (словосочетания «северные страны» или «южные страны» в ПВЛ отсутствуют). На значительно большую распространенность гелиоцентрической системы ориентации указывает и частотность терминов (см. Таблицу 1): если слово *узь* и *полудень* и производные от него — встречаются в ПВЛ по 4 раза, то слово *сѣверь* использовано 4 раза, тогда как *полунощье* и производные от него — 11 раз.

Особенно показательно для реконструкции системы ориентации пространства в Древней Руси контекстуальное распределение терминов в ПВЛ. В составе летописного повествования можно — с достаточной степенью условности — выделить несколько основных содержательных (и различных по происхождению) контекстов: исторический нарратив (повествования о произошедших событиях, составляющие основную часть текста); библейские парафразы, цитаты, аллюзии, примыкающие к ним рассуждения летописца и «церковные» сообщения (библейско-церковная тематика); документы (воспроизведение или пересказ); географические описания во вводной (недатированной) части ПВЛ. Ориентационные термины встречаются практически во всех перечисленных контекстах, за исключением документов.

¹⁵ Фасмер М. Этимологический словарь. М., 1973. Т. IV. С. 526; Срезневский И.И. Материалы. Т. III. Стб. 1141.

Таблица 1

страна света контекст	Юг		Север		Восток	Запад	Итого
	угь	полуденье	северь	полуноцье			
1. Географический, «ученый»							
Введение		4		3	7	4	18
Описание Пути из варяг в греки	1			1	2		4
Перечень данников Руси				1			1
2. Церковно-библейский							
Библейские цитаты и аллюзии			1		7	2	10
Знаменья	1		2		2	2	7
Пространство церкви / монастыря	2		1				3
3. Нарративный							
Повествование				6	2		8
Итого	4	4	4	11	20	8	51

В целом, случаи обозначения стран света в ПВЛ весьма немногочисленны: на всем протяжении текста их насчитывается всего 51, из которых почти половина — 23 встречается в «географическом» контексте: 18 — в этногеографическом введении, 4 — в описании Пути из варяг в греки и одно — в перечислении народов-данников Руси, восходящем к введению.

Особенно насыщены пространственно-ориентационной терминологией, что вполне естественно, географические описания. Летописец целенаправленно сохраняет (или вводит) обозначения стран света в заимствованных из греческих источников описаниях границ «уделов» сыновей Ноя, предпочитая эти обозначения другим географическим ориентирам, которые существенно сокращает. Это предпочтение И.В. Ведюшкина, как представляется справедливо, объясняет стремлением составителя ПВЛ «соединить библейские

персонажи с восточноевропейскими реалиями через такой “вневременной” и политически (и этнически) нейтральный параметр, как название сторон горизонта»¹⁶.

Географические разделы ПВЛ — этногеографическое введение и описание Пути из варяг в греки — неоднородны по своему происхождению и составу. Описание Земли (точнее ойкумены) было традиционным введением к средневековым историографическим сочинениям. Для раннесредневековых хронистов, основателей национальных историографий и создателей первых сочинений, посвященных локальной истории, так называемых «варварских историй»¹⁷, или «раннеисторических описаний»¹⁸, географическое введение несло чрезвычайно важную смысловую нагрузку: оно позволяло определить место собственного народа в пространстве и соотносить его с христианским миром.

Географические введения, как и другие специализированные географические сочинения раннего средневековья, принадлежали к двум основным типам. Наиболее распространенный представлял собой хорографию, т.е. страноведческое описание ойкумены, восходящее — в западноевропейской традиции — прямо или опосредованно к «Этимологиям» Исидора Севильского (ок. 570–636 гг.), но сложившееся еще в античной географической литературе (Страбон, Помпоний Мела, Плиний и др.)¹⁹. Западноевропейские хорографии состояли по преимуществу из перечней стран, народов, городов, рек и других географических объектов в каждой из третей ойкумены²⁰ и иногда дополнялись сведениями этнографического или исторического порядка.

Вторым было перечисление народов (или земель) по их происхождению от того или иного из трех сыновей Ноя и соответственно

¹⁶ Ведюшкина И.В. Названия сторон горизонта в этногеографическом введении Повести временных лет и его источники // ВЕДС. М., 1999. XI: Контакты, зоны контактов и контактные зоны. С. 138.

¹⁷ Goffart W. The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800). Jordanes, Gregory of Tours, Bede and Paul the Deacon. Princeton, 1988.

¹⁸ Топоров В.Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Вып. VI. С. 106–150.

¹⁹ Мельникова Е.А. Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV века. М., 1998. С. 51–67.

²⁰ Согласно средневековым (унаследованным от античности) географическим представлениям, Земля (или ойкумена — в зависимости от признания или непризнания средневековыми географами теории четырех континентов) состояла из трех частей: Азии, Европы и Африки (Либии).

их размещению в Азии, Африке или Европе. Этот тип землеописания восходил к библейскому «перечню народов»²¹. Однако крайняя узость географического кругозора составителей ветхозаветных книг заставила уже первых христианских авторов, использовавших перечень, расширять его наименованиями известных им народов. В результате средневековые «перечни народов» включали наименования «потомков» Сима, которые заселили Азию, Хама, которые обитали в Африке, и Иафета, которые проживали в Европе. Чрезвычайная популярность «перечней народов» в средневековье была обусловлена тем, что легенда наглядно демонстрировала и обосновывала одну из важнейших догм христианского вероучения — генетическое родство всего человечества, благодаря общему предку Адаму через Ноя и его сыновей. С помощью этой легенды новообращенные народы вводились в христианский мир и находили свое место в мировой истории и мировом пространстве.

В западноевропейской традиции «перечни народов», как и хорографии, основывались на труде Исидора, который в свою очередь использовал переработку библейского текста в «Книге вопрошаний» Иеронима Стридонского (ок. 348–420 гг.). Список народов был существенно дополнен уже Иеронимом и в дальнейшем подвергался изменениям: как правило, включению новых народов в соответствии с познаниями и интересами автора. Так, например, в древнескандинавском трактате «О заселении Земли сыновьями Ноя», сохранившемся в двух редакциях в большом количестве списков, среди Иафетидов перечислены и скандинавские народы: даны, норвежцы, свеи, гауты²².

В византийской литературе сложилось две традиции перечней²³. Первая восходила к труду Евсевия Кесарийского, где последовательно перечислялись народы, произошедшие от одного из сыновей Ноя и проживающие в соответствующей трети ойкумены. К этой традиции принадлежит перечень народов в «Хронике» Иоан-

²¹ Быт. 9:18–10:32. См.: *Simons J.* The 'Table of Nations' (Gen.10): Its General Structure and Meaning // *Ondtestamentische Studien*, 1954. Bd. 10. S. 155–184; см. также: *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. С. 130–131.

²² *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. С. 133–139.

²³ *Gutschmid A.* Untersuchungen über den Διαγεσιμος γῆς und andere Bearbeitungen der Mosäischen Völkertafel // *Gutschmid A.* Kleine Schriften / Hrsg. von F. Rühl. Leipzig, 1894. Bd. V. S. 585–717; *Борцова (Ведюшкина) И.В.* Легендарная традиция о разделении земли в византийских источниках Повести временных лет // *Кавказ и Византия*. Ереван, 1988. Вып. 6. С. 53–60.

на Малалы. Иная традиция, приближающаяся к хорографиям, вела истоки от труда Ипполита Римского²⁴: перечни в ней были подчинены тематическому принципу и не ограничивались только народами (странами); в них могли включаться списки островов, относящихся к данной трети, рек, протекающих в ней и т.п. Таков был перечень в «Хронике» Георгия Амартола.

Предваряя свой труд описанием мира, русский летописец следовал этой широко распространенной традиции. Он использовал легенду о разделении Земли между сыновьями Ноя и с ее помощью включил народы Восточной, Северной и Западной Европы в пространство христианского мира, а также декларировал их генетическое родство с другими христианскими народами — в качестве потомков Иафета.

А.А. Шахматов предположил, что при написании этногеографического введения²⁵ летописец опирался на рассказы о разделении Земли между сыновьями Ноя в «Хронике» Георгия Амартола²⁶, откуда он заимствовал перечни земель в каждой из третей, и в «Хронике» Иоанна Малалы (последнюю он предположительно использовал через Хронограф по великому изложению, составленный в конце XI в.)²⁷, откуда он почерпнул описания границ «уделов» Но-

²⁴ Hupolytus. Werke / Hrsg. A. Bauer. Berlin, 1955. Bd. 4. Die Chronik. § 47–49. Перевод соответствующего фрагмента см.: *Ведюшкина И.В.* Фрагмент о разделении земли сыновьями Ноя в «Хронике» Ипполита Римского (перевод) // ВЕДС. Спорные проблемы истории. М., 1993. С. 92–100.

²⁵ В последние годы интенсивно обсуждается вопрос о времени составления введения, отнесенного А.А. Шахматовым к первой редакции ПВЛ, т.е. 1113 г. (*Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 384–395; см. также: *Алешковский М.Х.* Первая редакция Повести временных лет // Археографический ежегодник за 1967 год. М., 1969. С. 13–40). См.: *Гунтус А.А.* К соотношению начальных пассажей «Повести временных лет» и «Новгородской первой летописи» // ВЕДС. М., 2005. XVII: Проблемы источниковедения. Ч. I. С. 57–60; *Петрухин В.Я.* К ранней истории русского летописания: о предисловии к Начальному своду // Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого. М., 1998. Т. 2. С. 354–363. При всей важности вопроса о датировке введения, однако, для темы данной статьи он существенного значения не имеет.

²⁶ *Georgii Monachi Chronicon* / Ed. C. de Boor. Ed. anni 1904 correctionem curavit P. Wirth. München, 1978. S. 55–56; *Истрин В.М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Л., 1927. Т. I. Текст. С. 58–59.

²⁷ *Ioannis Malalae Chronographia*. I.6 / Rec. I. Thurn. Verolini, 2000; *Истрин В.М.* Первая книга Хроники Иоанна Малалы // Зап. имп. Академии наук. Сер. VIII. Историко-филологическое отд. СПб., 1897. Т. 1. № 3. С. 11; *Он же.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Репр. изд. материалов В.М. Истрина / Подг. изд., вступ. ст. и прил. М.И.Чернышевой. М., 1994. С. 23–24.

акидов, дополнив их описанием европейской трети Земли («части» Иафета) собственными сведениями о народах Восточной Европы и Балтийского региона²⁸. Однако прямое использование составителем введения текста (греческого или славянского) Иоанна Малалы поставлено под сомнение И.В. Ведюшкиной, которая показала, что одинаковые чтения в описаниях границ «уделов» сыновей Ноя в действительности отсутствуют. «Для описания общих границ наследственных частей Хама и Иафета (тот же вывод ранее касался и описания границ Симовой части. — *Е.М.*) Малала мог быть в лучшем случае источником информации — текстологических совпадений нет»²⁹. Источник этих характеристик не обнаружен, и это, вероятно, указывает на активную роль самого летописца, осмыслявшего и подчас радикально перерабатывавшего свои источники³⁰.

Помещение этногенетической легенды в начало сочинения было необычно для византийской историографии³¹. У Амартола и Малалы, как, видимо, и в Хронографе³², рассказ о сыновьях Ноя занимал соответствующее хронологии библейской истории положение, т.е. после повествования о потопе. Вынесение его в начало сочинения принадлежало, очевидно, составителю ПВЛ и отражало то чрезвычайное значение, которое он придавал этому тексту.

Открывая описанием Земли сочинение, которое должно было дать ответ на вопрос «откуда есть пошла Русская земля», летописец с его помощью определял место Руси в мире и показывал ее пространственное соотношение с другими странами. Одновременно, включая славян, русь и другие народы Восточной Европы, многие из которых еще сохраняли язычество, в перечень Иафетидов, он доказывал их родство с другими, христианскими, народами и их, если

²⁸ *Шахматов А.А.* Разыскания. С. 394–395; *Он же.* Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. 1940. Т. 4. С. 42–44, 72–74.

²⁹ *Ведюшкина И.В.* Названия сторон горизонта. С. 137.

³⁰ Значительную свободу в передаче пространственно-ориентационных терминов обнаруживает и древнерусский переводчик «Хроники» Георгия Амартола, который зачастую изменяет термины (особенно часто греч. βορρᾱ «север» на «восток»), «руководствуясь своим опытом и здравым смыслом для того, чтобы адаптировать переводимый текст к своей точке отсчета»: *Ведюшкина И.В.* Лексические эквиваленты греческих названий сторон горизонта в древнерусском переводе хроники Георгия Амартола // Средневековая Русь. М., 2001. Вып. 3. С. 105.

³¹ Равным образом и в западноевропейских исторических сочинениях открывающее их землеописание, как правило, принадлежало к типу хорографий, причем во многих случаях описывался лишь рассматриваемый в хронике регион.

³² *Творогов О.В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 49–50, 274.

не фактическую, то потенциальную принадлежность христианскому миру, их сопричастность мировой истории³³.

Совмещение «географической» и «исторической» задач определило своеобразие композиции землеописания в ПВЛ. В «Хронике» Георгия Амартола изложение подчинялось тематическому принципу: в одном разделе перечислялись границы каждой из третей, в следующем — приводились перечни находящихся в них стран и т.д.³⁴ Летописец избрал менее жесткую композиционную структуру аналогичного повествования у Иоанна Малалы, где описание каждой из третей представляло самостоятельное и законченное целое³⁵.

Согласно А.А. Шахматову (с уточнением И.В. Ведюшкиной), к сочинению Иоанна Малалы восходят общие характеристики третей, списки же стран и народов Азии, Африки и Юго-Восточной Европы принадлежат Георгию Амартолу³⁶:

«Афету же яшася полунощныя страны и западныя: *Мидия, Альванья, Арменья Малая и Великая, Кападокия, Фефлагони, Галатъ, Кольхисъ, Воспориси, Меоти, Дереви, Сармати, Тавриани, Скуфия, Фраци, Макидонья, Далматия, Малоси, Фесалья, Локрия, Пеления, яже и Полопонисъ наречеся, Аркадь, Япиронья, Илюрикъ, Словѣне, Лухитиа, Анъдриокя, Ондрѣятинская пучина. Имасть же и острова: Вротанию, Сикилию, Явию, Родона, Хиона, Лѣзовона, Кофирана, Закунфа, Кефалинья, Ифакину, Керькуру, часть Асийскыя страны, нарицаемую Онию, и рѣку Тигру, текущую межю Миды и Вавилономъ; до Понетского моря, на полнощныя страны, Дунай, Дынгѣстръ и Кавкаисинския горы, рекше Угорьски, и оттудѣ доже и до Днѣпра, и прочая рѣки: Десна, Припеть, Двина, Волховъ, Вольга, яже идетъ на востокъ, в часть Симову. В Афетовѣ же части сѣдять русь, чюдъ и вси языци: меря, мурома, весь, морьдва, заволочская чюдъ, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимѣгола, корсь, лѣтьгола, любь. Ляхове же, и пруси, чюдъ пресѣдять к морю Варяжьскому. По сему же морю сѣдять варязи сѣмо ко вьстоку до предѣла Симова, по тому же морю сѣдять къ за-*

³³ Ту же цель преследовал и приводимый позднее рассказ о путешествии апостола Андрея.

³⁴ Борцова (Ведюшкина) И.В. Легендарная традиция. С. 53–60.

³⁵ Ведюшкина И.В. Легендарные экскурсии о разделении земли в древнерусской литературе // ДГ. 1987 г. М., 1989. С. 178–185; Она же. Этногеографическое введение Повести временных лет: особенности композиции // ВЕДС. Спорные проблемы истории. М., 1993. С. 12–14.

³⁶ Курсивом обозначен текст, соответствующий тексту Георгия Амартола, полужирным — текст, принадлежащий составителю введения. Подчеркнуты обозначения стран света.

паду до землѣ Агнянски и до Волошьски. Афетово бо и то колѣно: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане, волхва, римляне, нѣмци, корлязи, веньдици, фрягове и прочие, ти же присѣдять от запада къ полуденю и съсѣдяться съ племянемъ Хамовымъ³⁷.

У Амартола и Малалы, как и у всех европейских средневековых географов, Восточно- и Североевропейские (а также Западно- и Центральноевропейские) регионы не включались в описания Европы — они были просто не известны им. Самые общие характеристики этих регионов появляются лишь с XIII в.³⁸ Для древнерусских же летописцев — это хорошо знакомая область мира, известная в мельчайших деталях. Однако пополнение хорографии в данном случае предполагало не простое включение в нее нескольких новых наименований³⁹. Оно влекло за собой введение в картину ойкумены двух новых крупных регионов, которые требовалось «вписать» в византийскую географическую модель мира, соотнести их с другими частями ойкумены, а затем уже наполнить конкретными реалиями. Если в изложении модели мира в целом летописец мог следовать — и следовал — известным образцам, то в описании новых регионов он мог опираться только на свои собственные знания и представления и, соответственно, использовать собственную, присущую древнерусскому языку терминологию.

Если этногеографическое введение в большей своей части зависит от византийских образцов, то второй «географический» текст — описание Пути из варяг в греки — полностью самостоятелен и не имеет опоры в византийских источниках.

«...бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, и по Ловоти внити в Ёлмерь озеро великое, из него же озера потечеть Волховъ и вѣтчеть в озеро великое Нево, и того озера внидеть устье в море Варяжское. И по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царя-

³⁷ ПСРЛ. М., 1926. Т. I. Стб. 3–4; ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 3–4; *Шахматов А.А.* Повесть временных лет и ее источники. С. 42–43, 73.

³⁸ *Чекин Л.С.* Территория СССР в западноевропейских описаниях Земли XII–XIII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985. Исключение составляет описание «Германии» (Центральноевропейского региона) в хорографическом разделе англосаксонского перевода книги Павла Орозия «История против язычников», выполненного по заказу короля Уэссекса Альфреда Великого (*The Old English Orosius* / Ed. J. Bately. Oxford, 1980).

³⁹ Как, например, дополнение названиями скандинавских народов «перечня народов» в исландской географической литературе.

города прити в Понть море, в не же втечет Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече из Оковьскаго лѣса, и потечеть на польднѣ, а Двина ис того же лѣса потечет, а идеть на полунощѣ и внидеть в море Варяжское. Ис того же лѣса потече Волга на вѣстокъ, и втечетъ семьюдесять жерель в море Хвалиское. Тѣмже и из Руси можеть ити по Волзѣ в Болгары и въ Хвалисы, и на вѣстокъ дойти въ жребий Симовъ, а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днѣпръ втечетъ в Понетьское море жереломъ, еже море словеть Русское...»⁴⁰.

При том, что почти половина случаев употребления пространственно-ориентационных терминов приходится на географические описания (23), для обозначения направления север–юг в них использованы только «темпоральные» термины *полудень* (*полуденные страны*) и *полунощѣ* (*полунощные страны*). Они употребляются для обозначения как собственно направления («...рѣку Тигру, текущую межю Миды и Вавилономъ; до Понетьскаго моря, **на полнощныя страны...**», «...ти же присѣдять от запада **къ полуденю...**» и др.), так и для характеристики соответствующей части ойкумены («Хамови же яся **полуденная страна...**», «Афету же яшася **полунощныя страны и западныя...**»). Наиболее частотным является термин *востокъ*, что в географическом контексте обусловлено не библейско-церковной символикой востока как местонахождениярая (см. ниже), а отражает пространственные представления летописца.

Вторым по количеству употреблений пространственно-ориентационных терминов контекстом является церковно-библейский (20). В составе библейских цитат или аллюзий на библейские тексты страны света называются 10 раз. Так, в «Речи философа» в изложении библейской истории указывается, что «насади бог рай на **въстоце** в Едеме...»⁴¹, что «се вольсви придоша **с вѣстока**», объясняя свой приход тем, что «видехом бо звезду его **на вѣстоце...**»⁴². Цитируются слова Малахии: «...Понеже от **вѣстока** и до запада имя мое прославися в языцех...»⁴³ и др. В семи случаях страна света упоминается в рассказе о знамениях, например: «В то же лето бысть знамение на небеси... акы пожарная заря от **вѣстока** и **уга** и **запада** и **сѣвера**, и бысть тако свет всю ночь, акы от луны полны светящееся»⁴⁴. Наконец, три раза юг и север упоминаются

⁴⁰ ПСРЛ. М., 1926. Т. I. Стб. 7; ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 6.

⁴¹ ПВЛ. С. 41.

⁴² Там же. С. 47.

⁴³ Там же. С. 45.

⁴⁴ Там же. С. 117.

при определении местоположения гробницы или дверей в церкви. Так, при нападении хана Боняка на Печерский монастырь была подожжена церковь Богородицы: «и придоша к церкви, и зажгоша двери, яже к угу устроении, и вторья же к сѣверу, и влезшее в притвор у гроба Феодосьева...»⁴⁵. Евпраксия Всеволодовна «положена бысть в Печерском манастыре у дверей, яже ко угу»⁴⁶.

В этом контексте наиболее частотным термином также является *востокъ*, однако в большинстве случаев его употребление связано с его маркированным положением в христианском сакральном пространстве. Символическое значение востока проявляется прежде всего в библейских цитатах и аллюзиях (как в «Речи философа»).

Обращает на себя внимание тот факт, что термины *полуденье* и *полунощье* и производные от них в церковно-библейском контексте не встречаются, за исключением двух случаев в рассказе Гюраты Роговича о поездке к югре. Он отождествляет жителей дальнего севера с нечистыми народами, которых Александр Македонский изгнал «на **полунощныя страны** в горы высокия», но в «последние дни... изидуть и си скверни языки, иже суть в **горах полунощных**, по повелению божию»⁴⁷. Сведения о «нечистых народах» Гог и Магог, заключенных Александром Македонским за железной стеной, но освободившихся в конце мира, — широко распространенная в средневековой литературе эсхатологическая легенда⁴⁸, аллюзия на которую в летописи восходит к «Откровению» Мефодия Патарского⁴⁹. Однако этот текст является не прямой цитатой, а переложением сути легенды, включенным в «бытовое» описание северных народов, в котором термин *полунощный* употреблено дважды: «...Югра же людье есть язык нѣм, и сосѣдять с Самоядью на **полунощных странах**. Югра же рекоша отроку моему... “путь до гор тѣх непроходим пропастьми, снѣгом и лѣсом, тѣм же не доходим их всегда;

⁴⁵ ПВЛ. С. 97.

⁴⁶ Там же. С. 120.

⁴⁷ Там же. С. 108. О локализации «нечистых народов» и их «перемещении» на север см.: Карпов А.Ю. «Заклепанные человеки» в летописной статье 1096 г. // Очерки феодальной России. М., 1999. Вып. 3. С. 3–24.

⁴⁸ Anderson A.R. Alexander's Gate, Gog and Magog and the Inclosed Nations. Camb. (Mass.), 1932; Чекин Л.С. Безбожные сыны Измаиловы // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I. Древняя Русь. С. 691–716.

⁴⁹ См.: Истрин В.М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифическое видение Даниила в византийской и славянорусской литературах. М., 1897. С. 142–143. См.: Мильков В.В. Осмысление истории в Древней Руси. М., 1997.

есть же и подаль **на полунощи**»⁵⁰. Поэтому оба эти случая по существу не относятся к церковно-библейскому контексту и могут рассматриваться в составе нарративов.

В повествовательной части ПВЛ наименования стран света встречаются значительно реже — всего восемь раз, включая два употребления в рассказе Гюряты Роговича. Крайне ограничено и количество самих терминов — на всем протяжении ПВЛ упоминаются только *полунощье* (6 раз) и *востокъ* (2 раза). Во всех случаях пространственно-ориентационные термины обозначают направления по странам света относительно какого-либо объекта: в «Корсунской легенде» Настас Корсунянин объясняет, где находятся колодцы, которые надо перекрыть Владимиру, чтобы овладеть Корсунью («Кладязи, яже суть за тобою от **въстока**, ис того вода идетъ по трубе»)⁵¹, в рассказе о походе Игоря 941 г. («Потом же пришедшемъ воем от въстока, Памфир деместик с 40-ми тысящъ...»)⁵², в сообщении о налете саранчи, которая перемещалась «к полунощным странамъ»⁵³, в рассказе Гюряты Роговича (дважды)⁵⁴ и в рассказе ладожан о «полунощных странах»⁵⁵.

Таким образом, анализ пространственно-ориентационной терминологии в ПВЛ выявляет контекстуально обусловленное и крайне неравномерное ее использование. Во-первых, хотя все обозначения стран света принадлежат к общеславянской лексике, термины *угь* — *сѣверь* и *полудень* — *полунощье* строго связаны с определенными контекстами: первые встречаются только в текстах церковно-библейского содержания, вторые — в географических описаниях и нарративе. Это распределение свидетельствует о том, что в обыденной практике нормой было использование «темпорально-пространственных» (*полудень* — *полунощье*) и пространственных (*востокъ* — *западъ*) архаических обозначений, связанных с солярной системой ориентации.

Во-вторых, редкость использования пространственно-ориентационной терминологии в нарративной части ПВЛ говорит о слабом распространении практики ориентации по странам света. Эта система ориентации пространства была известна на Руси, и не

⁵⁰ ПВЛ. С. 107.

⁵¹ Там же. С. 49–50.

⁵² Там же. С. 22.

⁵³ Там же. С. 96.

⁵⁴ Там же. С. 107.

⁵⁵ Там же. С. 126–127.

только ученым монахам-летописцам — достаточно вспомнить рассказ Гюряты Роговича или «Корсунскую легенду». Вместе с тем, определение направления или местонахождения в терминах стран света находило практическое применение крайне редко. Не случайно, мы не находим ни одного случая употребления терминов стран света при описании передвижения из одного места в другое. Говоря о походе князя, поездке в какой-либо город или из него и т.п., летописец указывает не направление, а конечную цель движения: «Иде Игорь на древляны...», Святослав «иде на Оку реку и на Волгу», Святополк «бежа в ляхы», а Ярослав «иде в Киев» и затем «пойде противу Болеславу и Святополку», «пойде Володимерь в лодях, и придоша в Дунай, и поидоша к Цесарюграду». Особенно показательно описание «трудов» Владимира Мономаха в его Поучении, где путь обозначается лишь конечным пунктом похода, иногда указывается промежуточный пункт (или область) и никогда — направление: «первое к Ростову идохъ, сквозь вятиче, посла мя отецъ, а сам иде Курьску; и паки 2-е к Смоленску со Ставкомъ с Гордятичемъ, той паки и отъиде к Берестию со Изяславомъ, а мене посла Смолиньску, то и-Смолиньска идохъ Володимерю...»⁵⁶. Также и при характеристике местоположения города, селения, расположения войск и т.п. отмечаются конкретные приметы (на другой стороне реки, у леса), но не пространственное соотношение объектов.

Для сравнения отмечу, что, например, для средневекового скандинава не было более обычного способа определить направление движения или местоположение объекта в пространстве, нежели указать на соответствующую страну света. Эта особенность восприятия пространства — ориентированного по странам света — явственно проступает в регулярном употреблении соответствующих терминов: например, из 120 рунических надписей, упоминающих поездки в Восточную и Южную Европу, термин «восток» (*austr*) и производные от него содержатся в 45 (более трети). Направление по странам света постоянно указывается, наряду с конечным пунктом поездки, и в исландских сагах: персонаж может ехать «на юг в Вик», «на север к Боргу», «на восток к Гаутаэльв» и т.д. В сознании средневекового скандинава пространство не только ориентировано, но и разделено на регионы (четверти), соответствующие странам света (другой вопрос, что принципы отнесения

⁵⁶ ПВЛ. С. 102.

территории к одной из стран света отличались от современных)⁵⁷. Ориентация по странам света лежит и в основе различения частей одного племени, расселившегося на обширной территории, и самих племенных территорий («южные даны», «восточные англ», «западные саксы»: ср. Уэссекс в Англии; фюльки Южный и Северный Мёр, Эйстридалир — «Восточные долины» в Норвегии и т.д.).

Очевидно, что для древнерусского летописца термины стран света, равно как и сам этот принцип ориентации пространства, являлись частью «ученого», церковного по своей сути знания, а не естественным способом восприятия и описания пространства в повседневной жизни. Наиболее активно ориентация по странам света используется летописцем в географических описаниях, в тексте которых примерно более или менее равномерно распределены все пространственно-ориентационные термины (выделяется своей частотностью только *востокъ*). В нарративной же части летописи единственным маркированным направлением в пространственных представлениях автора ПВЛ является север — *полунощье*. Это — второй из терминов по совокупной частотности: он встречен 11 раз (чаще встречается только термин *востокъ* — 20 раз) и максимально частотный в нарративах (6 раз, *востокъ* — 2 раза). Особое значение севера для древнерусского летописца (а вероятно, и вообще для древнерусской системы ориентации) проистекало, возможно, и из природных условий, и из важности северных областей в колонизационных процессах XI–XIII вв.

В практической же деятельности, как указывают способы описаний в ПВЛ Восточной Европы и перемещений в пространстве (ср. также характеристику местоположения восточнославянских племен — на реках), использовалась совершенно иная организация пространства. В этногеографическом введении к ПВЛ статичный принцип перечисления стран у Георгия Амартола летописец заменяет динамичным, маршрутным. Перемещение в пространстве характеризуется не его направлением, а объектами, маркирующими путь. Главным элементом, структурирующим пространство (по крайней мере, свое, известное, восточноевропейское), в сознании летописцев являются пути⁵⁸. Этот вывод подтверждается последую-

⁵⁷ Джаксон Т.Н. Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // Одиссей. 1994 год. М., 1994. С. 54–64.

⁵⁸ Мельникова Е.А. Пути и народы: К характеристике ментальной карты составителя «Повести временных лет» // Чернигів в середньвіччій і ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернигів, 2008. С. 68–77.

щими, примыкающими к этногеографическому введению разделами недатированной части ПВЛ: описанием путешествия апостола Андрея, которое приобретает (возможно, помимо воли летописца, для которого первоочередную важность в этом повествовании представлял отнюдь не маршрут апостола) характер итинерария, и описанием Восточной Европы как пути «из грек в варяги». Путевой (маршрутный) принцип лежит и в основе упоминаний о поездках персонажей в нарративной части ПВЛ.

Таким образом, представляется, что для составителя ПВЛ пространство организовывалось в двух различных системах координат. В одной, совпадавшей с христианской, византийской, — ориентирами служили страны света. Другая система организации пространства опиралась на сложившуюся еще в VIII–IX вв. сеть коммуникаций в Восточной Европе и отражала их первостепенную роль в славянской колонизации Восточной Европы, сложении и функционировании Древнерусского государства.

* * *

Пространственная ориентация по странам света, таким образом, лежит в основе географических разделов ПВЛ, в первую очередь, этногеографического введения о разделении Земли между сыновьями Ноя. Однако и в этом тексте, и в описании Пути из варяг в греки, встречаются «странные» на первый взгляд и противоречащие современной строгой «компасной» ориентации определения. Так, согласно введению, Волга «идет на восток», варяги (скандинавы) «сѣдят ко вѣстоку» от Балтийского (Варяжского) моря, в описании Пути из варяг в греки Западная Двина «идет на полунощье» и т.д. Вряд ли можно объяснить эти «странности» ошибками или незнанием летописца. Они носят систематический характер, что указывает на некие особенности в определении стран света и ориентировании пространства летописцем. Для установления этих особенностей обратимся к описанию Европы в этногеографическом введении.

В соответствии с христианской географической традицией, составитель ПВЛ выделяет трети земли — «удель» Сима, Хама и Иафета, занимающие, соответственно «восточные», «полуденные» и «полунощныя страны и западныя» (соответствующие Азии, Африке и Европе западноевропейской географической тради-

ции)⁵⁹. В составе «Европы» летописец выделяет три региона. Каждый из них вводится зачином, в котором отмечается принадлежность региона к «части» Иафета: «Афету же яшася...», «В Афетовѣ части...», «Афетово бо и то колѣно...». Завершается описание указанием на его сопредельность с южной («полуденной», принадлежащей Хаму) третью земли.

К первому региону, в соответствии с Георгием Амартолом и Иоанном Малалой, летописец причисляет юго-восточные земли Европы от Кавказа и малоазийской Каппадокии вплоть до Балканского полуострова. Границей этого региона на севере он называет, вслед за Малалой, Черное («Понетское») море, хотя в перечень входящих в юго-восточный регион народов и стран включены сарматы, тавры, Скифия. Южные и восточные границы региона не упоминаются, так же как не дано и его определение по странам света, что, вероятно, объясняется его пограничным положением с восточной (Симовой) и южной (Хамовой) третями.

Второй регион, перечень рек которого предваряет его собственное описание⁶⁰, начинающееся словами «в Афетове же части...», определяется летописцем как северный — «полнощныя страны». Он простирается от Черного моря на север («на полнощныя страны»), доходит до Балтийского («Варяжского») моря и охватывает территорию от юго-восточного побережья Балтики «ко вѣстоку до предѣла Симова».

Третий регион, характеристика которого вводится словами «Афетово бо и то колѣно», определяется как западный. Он идет через Варяжское море на запад и юг вплоть до Средиземного моря, где граничит с «племянемъ хамовым».

Выделение отдельных последовательно описываемых регионов внутри третьей ойкумены было обычным приемом для географической литературы средневековья. Однако отнесение каждого из регионов к той или иной стране света (северу, югу и т.д.), как и наполнение его набором стран и народов в значительной степени зависело от географических представлений и познаний автора.

⁵⁹ Эти наименования третьей ойкумены в ПВЛ отсутствуют, как отсутствуют они и в соответствующем месте славянского перевода Георгия Амартола (*Истрин В.М.* Книги временныя и образныя. С. 58–59). Вопрос о соотношении представлений о третях ойкумены в западноевропейской и древнерусской (восходящей к византийской) географии требует отдельного обсуждения, на что справедливо указал Л.С. Чекин.

⁶⁰ О значении этого перечня см.: *Мельникова Е.А.* Пути и народы. С. 70.

Первый, в современной терминологии юго-восточный регион европейской трети характеризуется во введении списком стран, заимствованным из Амартола. Единственными дополнениями к нему летописца являются этноним «словѣне», помещенный в ряду стран, расположенных на Балканском полуострове после Иллирика, и гидроним «Дньѣстръ»⁶¹. Второй и третий содержат перечни народов, отражающие собственные знания древнерусского историописателя.

Указание на то, чем руководствуется летописец при отнесении того или иного географического объекта к одной из стран света, равно как и при определении направления, можно усмотреть в пояснении термина «на восток» добавлением «в часть Симову», «до предѣла Симова». Упоминание направления «на север» содержит отсылку к «морю Варяжьскому». Показательно, что в этих случаях указанные направления не соответствуют реальным, компасным. Так, «на востокъ в часть Симову» течет Волга⁶², варяги обитают от Варяжского моря «ко вѣстоку до предѣла Симова», а в Варяжское море, «на полунощѣ», впадает Западная Двина. Эти случаи позволяют предположить, что пространственная ориентации составителя ПВЛ основывается не только на «естественной», солярной системе представлений, но и «корректируется» иными, содержательными соображениями. В византийской, унаследованной летописцем, как и в западноевропейской картине земли восток — это, прежде всего, восточная треть мира, «часть Симова». Однако Азиатская треть средневековых (как и античных) географов существенно отличалась от современной Азии. Границей, отделяющей ее от Европы, считался Дон (Танаис), иногда Волга⁶³. Вся сибирская часть (территории к северу от Великого Шелкового пути, проходившего через Среднюю Азию) была абсолютно неизвестна европейским ученым, которые располагали здесь северный участок мирового океана. В христианской географии азиатская треть, принадлежащая потомкам Сима, — это также лишь южная часть Азии от Малой Азии до Индии (иногда Китая). В этногеографическом введении владения

⁶¹ Вставка «словѣне» вытекала из исторических представлений летописца, согласно которым славяне первоначально жили в Подунавье. Ср. то же под 898 г.: ПВЛ. С. 15.

⁶² Повторяется в этногеографическом введении и в описании Пути из варяг в греки.

⁶³ *Джаскон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В.* «Русская река». Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007. С. 70–100.

Сима простираются «от востока и до полуденья», т.е. южной трети. Крайней восточной частью этой трети названа Индия, крайней западной, смыкающейся с «полуденной» третью, — Финикия.

Направление «к востоку» в тех частях текста ПВЛ, где представлена «теоретическая» модель мира, означает отнюдь не реальный восток, а «удел Симов» — в действительности юго-восток или даже юг⁶⁴. Поэтому, стремясь дать систематическое («ученое») описание земли, составитель ПВЛ обозначает как восточное любое направление, движение по которому завершается в «Симовой части», вне зависимости от его реального географического содержания. Впадая в Каспийское («Хвалиское») море, которое находится в восточной трети, Волга тем самым течет на «восток».

Территорию северного региона («полунощные страны») очерчивает, во-первых, список рек к северу от Черного моря и, во-вторых, перечень народов, населяющих центральную и северную части Восточной Европы. Это финно-угорские племена Северного Урала и Зауралья (югра), Верхнего Поволжья (меря, мурома, мордва), Подвинья (пермь и заволочская чудь), Приладожья (весь); прибалтийско-финские (чудь, ямь) и балтские народы (литва, земигола, курши, летигола, ливы, прусы) Восточной Прибалтики; западнославянское население Южной Балтики (ляхи). Область их расселения простирается от Волго-Окского междуречья до Южной Балтики. Наконец, в состав народов, населяющих северный регион, включены варяги. Скандинавские народы (свеи, урмане и гауты) названы и в западном регионе, что указывает на промежуточное, пограничное положение Балтийского моря и обитающих на его берегах скандинавов.

Таким образом, «полунощный», или северный регион в картине мира летописца состоит — в современной терминологии — из Восточной Европы (к северу от степей Северного Причерноморья, которые в средневековой географии обозначались античными терминами Таврия и Скифия и упомянуты в перечне стран юго-восточного региона), Восточной и Южной Балтики и Скандинавии.

Пределом северного региона, очевидно, служит Варяжское море. Именно поэтому течение Западной Двины определено как ориентированное на север. При этом Балтика не отделяется от Восточной Европы, и они воспринимаются как единый регион: в пред-

⁶⁴ Ср. соотнесение с «пределом Симовым» Каспия в описании Пути из варяг в греки (см.: *Петрухин В.Я.* Варяги и «предел Симов» // *Russian History*. 2005. Vol. 32. № 3–4. С. 453).

шествующей второму разделу фразе летописец определяет его как «польнощныя страны», аналогичным образом названы земли, которые населяют народы, «иже дань дают Руси» («живут в странах полунощных»)⁶⁵ и список которых практически идентичен списку восточноевропейских племен во введении.

Третий, западный регион располагается вдоль морского побережья Западной Европы: «от запада къ полуденю». На юге он традиционно граничит с Африкой («племенемъ хамовымъ»), в перечне представлены западноевропейские народы. Граница же его с северным регионом далеко не однозначна. Список населяющих западный регион народов открывается собирательным термином «варязи», за которым следуют конкретные наименования скандинавских народов «свеи, урмане, гъте». Названные и в северном, и в западном регионах, варяги образуют соединительное звено между ними, и летописец подчеркивает их пограничное положение: они живут «ко востоку до предѣла Симова» и «къ западу до землѣ Агнянски и до Волошьски».

Балтийское море в описании этих регионов занимает особое место. Оно является центром, организующим описание: оно трижды упомянуто в связи с локализацией племен и является своего рода точкой отсчета⁶⁶. Вместе с тем, указание на то, что варяги «сѣдять... ко востоку до предѣла Симова», дает основание предположить, что Балтийское море рассматривалось летописцем в неразрывной связи с его продолжением по рекам Восточной Европы. Именно единый водный путь, Путь из варяг в греки, игравший столь большую роль на ранних этапах формирования Древнерусского государства, мог лежать в основе объединения Восточной Европы и Балтики в единый регион⁶⁷.

Таким образом, пространственную ориентацию составителя ПВЛ обуславливают несколько факторов. Доминирующей является солярная система определения направлений по странам света, восходящая к глубокой древности, о чем свидетельствует исполь-

⁶⁵ ПВЛ. С. 10.

⁶⁶ *Melnikova E.* The Baltic on the Mental Map of the Old Russian Chronicle Writer // The Image of the Baltic: A thousand year's perspective. Visby, 2009 (в печати).

⁶⁷ Представление о протяженности Балтийского моря на восток вплоть до Византии за счет речных путей Восточной Европы отражено в «Деяниях гамбургских архиепископов» Адама Бременского (1070-е гг.): *Adam Bremensis Chronicon Hammaburgensis ecclesiae pontificum*, IV, 15 / Rec. B. Schmeidler. 3. Aufl. Hannover; Leipzig, 1917.

зование пространственно-темпоральных терминов. Она отражается как в «ученой» картине мира, представленной летописцем в специальных географических разделах, так и в повествовательной части ПВЛ. Ее отчасти, только по оси север — юг, дополняет «антропоцентрическая» система ориентации, терминология которой (*северь / угь*) мало употребительна и встречается исключительно в церковно-библейском контексте. В «ученой» картине мира на систему ориентации существенное влияние оказывает христианская модель трехчастной ойкумены, вызывая отклонение, подчас существенное, обозначаемого направления по странам света от реального. В практической же деятельности, как показывает употребление пространственно-ориентационной терминологии в нарративной части ПВЛ, ориентация по странам света использовалась весьма ограниченно.

П.П. Толочко

ДРЕВНИЙ КИЕВ
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

Исследуя тему «Историческая топография древнего Киева», я отнес к единой поселенческой агломерации не только центральную часть города, обнесенную оборонительными стенами, но и окольные княжеские села, дворы, пригородные монастыри. На защите кандидатской диссертации одним из оппонентов (М.Ю. Брайчевским) мне было сделано замечание, что я слишком осовременил понятие «город», которое в средневековой Руси относилось только к укрепленным поселениям. Другими словами, территория города в те времена не простиралась дальше его стен.

Будучи совершенно убежденным в своей правоте, я не считал необходимым специально обосновывать такое понимание древнекиевской поселенческой структуры ни в диссертации, ни в подготовленной на ее основе монографии¹. Теперь мне кажется, что вопрос этот заслуживал специального рассмотрения. Уже хотя бы потому, что он неоднозначно понимался и в древнерусское время.

В письменных источниках, рассказывающих о столице Руси, чаще всего встречаются названия «Киев» и «град-город». На первый взгляд, эти термины равнозначны и взаимозаменяемы, однако при внимательном прочтении письменных текстов оказывается, что это не так. Первый практически всегда территориально шире второго, при этом содержание обоих меняется как с течением времени, так и в зависимости от места происхождения источника. Представление монаха Печерского монастыря о городе совершенно иное по сравнению с тем, которое имел человек, живущий в этом самом городе, а взгляд на столицу Руси издали почти всегда отличался от киевского.

Как свидетельствует летопись и подтверждают археологические материалы, точкой роста города Киева являлась Замоквая гора, а

¹ Толочко П.П. Исторична топографія стародавнього Києва. Київ, 1970.

также северо-западный отрог горы Старокиевской. Именно здесь обнаружены культурные слои VI–VIII вв., содержавшие керамические комплексы корчакского типа, серебряные зооморфные и антропоморфные фибулы, браслеты с расширяющимися концами, монеты византийских императоров Анастасия I и Юстиниана I. На Старокиевской горе, раскопками разных лет, удалось проследить остатки древнейших укреплений в виде глубокого рва, который как бы прирезал северо-западный ее отрог к горе Замковой. В его заполнении выявлена керамика корчакского облика, аналогичная той, что сохранилась и в культурном слое².

Независимо от того, каков был социальный статус основателя Киева, о чем спорили уже во времена летописца Нестора, историческая традиция однозначно связывает сооружение его «городка» с высоким днепровским берегом, летописной Горой: «И съдыше Кий на горѣ, кдѣ нынѣ увозъ Боричевѣ». На таких же днепровских горах сидели и мифические братья Кия, которые затем «створиша городокъ, во имя брата ихъ старѣшаго, и нарекоша и Киевѣ»³.

Нет сомнения, что об этом «городке» говорится в статье 862 г., рассказывающей о приходе к Киеву Аскольда и Дира. «И узрѣста на горѣ городокъ и въспрошаста, ркуше: “Чий се городъ”»⁴. В 980 г. в нем затворился князь Ярополк от осаждавших новгородских дружин, приведенных к Киеву Владимиром. Преданный киевлянами, Ярополк «бѣжа изъ града»⁵.

Как видим, ранний Киев тождественен крепости на горах Замковой и Старокиевской. А поскольку она была сравнительно небольшой, летописец употребляет иногда уменьшительную форму термина — «городок». По мере разрастания Киева и появления в нем новых укрепленных частей они также именуется «городом». Убедительными примерами сказанному являются свидетельства статей 1124 и 1140, а также 1147 и 1161 гг. Ипатьевской летописи.

В первом из них, рассказывающем о большом пожаре Киева, читаем: «Тогды жь погорѣ Подолье все... въ утрей же день погорѣ Гора и монастыреве вси, что ихъ на Горѣ въ городѣ, и Жидове»⁶. Из буквального прочтения текста следует, что понятием «город» летописец обозначил здесь только Гору, т.е. территорию, обнесенную

² Толочко П.П. Древний Киев. Киев, 1983. С. 18–29.

³ ПСРЛ. М.; Л., 1998. Т. 2. Ипатьевская летопись. Стб. 7.

⁴ Там же. Стб.15.

⁵ Там же. Стб. 65.

⁶ Там же. Стб. 288.

валами во времена правления Владимира и Ярослава. На «Подолье» и «Жидове» оно, как будто, не распространялось. Второе летописное известие, в котором говорится о штурме Киева черниговским князем Всеволодом Ольговичем, не включает в понятие «город» и Копырев конец: «И пришедь (Всеволод. — *П.Т.*) ста у города в Копыревѣ конци, и нача зажигати двory, иже суть предъ городомъ в Копыревѣ конци»⁷.

Могут быть два объяснения того, что летописцы не отнесли к городу два его крупных района. Традицией, закрепившей это понятие только за центральной частью Киева, так называемой «Горой», или же тем, что ни Подол, ни Копырев конец в это время еще не имели собственных укреплений и не отождествлялись с городом. Последнее предположение кажется предпочтительнее, особенно в свете летописных свидетельств 1147 и 1161 гг.

В статье 1147 г., повествующей об убийстве киевлянами Игоря Ольговича, читаем: «Суботѣ же свитаючи посла митрополить игумена Онанью святого Федора, и приѣха игумень види нагого (Игоря. — *П.Т.*) и облече и, и отпѣ над ним обычная пѣсни и везе на конец града в монастырь святому Семеону»⁸. О том, что речь здесь идет о Копыревом конце, свидетельствует летописная статья 1150 г., сообщающая о перенесении мощей Игоря из Киева в Чернигов: «В то же вереме Святославъ Ольговичъ перенесе мощи брата своего от святого Семена ис Копырева конца в Черниговъ»⁹.

В летописи не говорится о том, когда Копырев конец обрел укрепления, но о том, что они там были, свидетельствует летописная статья 1202 г. Лаврентьевской летописи. Когда волынский князь Роман Мстиславич привел свои дружины к Киеву, то «отвориша ему Кыяне ворота Подольская в Копыревѣ конци»¹⁰. Подтвердили наличие укреплений Копыревого конца и археологические наблюдения. В насыпи вала вдоль современной ул. Обсерваторной, который сносили в конце XIX в., археологи обнаружили обломки византийских амфор, шиферные пряслица, фрагменты древнерусской керамики. Более отчетливо следы древних укреплений Копыревого конца зафиксированы раскопками 1974 г.¹¹

⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 302.

⁸ Там же. Стб. 354.

⁹ Там же. Стб. 408.

¹⁰ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Стб. 417.

¹¹ Толочко П.П. Древний Киев. С. 87–88.

О наличии укреплений Подола вполне определенно свидетельствует статья 1161 г. Ипатьевской летописи. Их пришлось брать приступом дружинам черниговского князя Изяслава Давыдовича и союзных ему половцев. «И нача одоляти Изяславъ: уже бо Половци въѣздяху в городъ, просѣкающе столпие». А немногим выше сказано, что у этих укреплений исполчился киевский князь Ростислав Мстиславич, ожидая неприятеля. «А Ростиславъ стояше съ Андрѣвичем подлѣ столпье, загорожено бо бяше тогда столпиемъ от горы оли и до Днѣпра»¹².

Приведенные летописные известия определенно указывают на то, что термин «город» по отношению к отдельным киевским районам употреблялся только тогда, когда они получали собственные укрепления и включались в общую поселенческую структуру, окруженную единой оборонительной системой.

Именно такое содержание в понятие «град» вкладывал летописец, рассказывая об осаде его татаро-монголами в 1240 г.: «И окружи град и остолпи сила татарская» и «Поставы же Батый пороки городу подълѣ вратъ Лядьскѣх». По существу, здесь речь идет о киевских укреплениях. Когда татары взошли на «избитые стѣны», то через ночь «гражанѣ же создаша паки другии град около святое Богородицы»¹³.

Менее ясна принадлежность пригородных княжеских сел и подворий, а также монастырей. В письменных источниках они выступают и как экстерриториальные по отношению к городу образования, и как органические его части. Особенно показательны в этом отношении представления насельников Печерского монастыря. Как явствует из рассказов Киево-Печерского Патерика «О блаженном Евстратии Постнике», «О преподобном Спиридоне Проскурнике и Алимпии Иконнике», «Житии переподобного Феодосия» и некоторых других, они не относили свою обитель к городу Киеву. В монастырь люди приходили «от Киева» или «от града», и не знаем, что этот «град» находился всего в трех верстах, могли бы подумать, что речь идет о каком-то далеком центре: «Въ единъ же от дний приде къ преподобному Феодосию презвитаръ от града, прося вина на службу святая литургия»¹⁴.

¹² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 515.

¹³ Там же. Стб. 785.

¹⁴ *Абрамович Д.И.* Киево-Печерський Патерик. Київ, 1931 (1991). С. 58, 97, 106–107, 130–131.

Вместе с тем, в том же Патерике есть и свидетельства, указывающие на тесную связь Печерского монастыря с городом Киевом. Архиепископ новгородский Нифонт прибыл в Киев для встречи нового митрополита и остановился в Печерском монастыре. «Прииде (Нифонт. — П.Т.) къ граду Киеву... Бывшу же сему блаженному епископу Нифонту въ святѣм Печерском монастыри»¹⁵. Георгий Шимонович послал в Киев боярина Василия, чтобы оковать раку преподобного Феодосия. «Посла убо единого отъ боярь своих, сущих под ним, именем Василиия, отъ града Суждаля въ богоименитый градъ Киевъ, въ Печерский монастырь»¹⁶. В заглавии «Похвалы» Феодосию Печерскому читаем: «Похвала преподобному отцю нашему Феодосию, игумену Печерскому, иже есть въ богоспасаемом градѣ Киевѣ»¹⁷. О том, что Печерский монастырь находился в Киеве, говорит и «Слово о пришествии мастеров от Царьграда». В начале мастера услышали речь Богородицы: «Хошу церковь възградити собѣ в Руси, въ Киевѣ, велю же вамъ, да возмѣте злата себѣ на три лѣта». На вопрос мастеров, к кому они должны явиться в чужой стране, Богородица сказала: «Сею посылаю Антония и Феодосия»¹⁸. Еще одно свидетельство непосредственной связи Печерского монастыря с Киевом содержится в слове «О святом и блаженном Агапите, безмездном враче». Вылеченный печерским врачом, Владимир Мономах едет из Чернигова в Киев, чтобы отблагодарить его за это: «Прииде же Владимиръ в Киевъ и вниде в Печерский монастырь, хотя почтити мниха и видѣти, кто есть даровавый ему зелье и здравие»¹⁹.

Определенная разногласия о принадлежности киевской околицы содержится и в летописных известиях. В одних она не отождествляется с городом, в других является его составной частью.

Сообщая о приходе Боняка с половцами к Киеву в 1096 г., летописец уточняет, что города он не взял, а только повоевал его южную околицу. «Прииде второе Бонякъ безбожный, шолудивый, отай хищникъ къ Киеву внезапно и мало в городъ не вогнаша Половци, и зажгоша по пѣску около города и увратишася на монастырь»²⁰. В статье этого же года содержится рассказ о погребении Свято-

¹⁵ Там же. С. 97–98.

¹⁶ Там же. С. 84.

¹⁷ Там же. С. 86.

¹⁸ Там же. С. 6.

¹⁹ Там же. С. 130.

²⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 222.

полком своего тестя Тугоркана. Летописец сообщает, что убитого в сражении на Трубеже у Переяславля половецкого хана «привезше к Киеву» и «погребоша на Берестовомъ на могылѣ, межѣ путемъ идущимъ на Берестовое и другимъ въ монастырь идущимъ»²¹. Здесь речь идет о путях, которые вели от города до Берестового и Печерского монастыря. Следовательно, погребение Тугоркана состоялось около города.

Из сообщения летописи об обороне Киева Изяславом Мстиславичем в 1151 г. от Юрия Долгорукого и его союзников следует, что для его автора не была городом и более близкая киевская околица. Говоря о дислокации дружин, оборонявших Киев, летописец замечает, что «Изяславъ не ходяща в городъ, стаства товары перед Золотыми вороты у Язины». Его союзники заняли позиции вплоть до Олеговой могилы справа от него и до Лядских ворот слева, что дало возможность летописцу заметить: «И тако стаща около всего города»²². Левый фланг протянулся от Лядских ворот до Клова, далее до Берестового, до Угорских ворот и до Днепра. Упоминание Угорских ворот, несомненно, указывает на наличие здесь каких-то укреплений, однако летописец не счел возможным уточнить, что обороняющиеся стали у города.

Но в летописи есть достаточно и свидетельств, которые позволяют считать околицу составной частью Киева, а следовательно и города, как социально-экономического и политического средоточия. Вот только несколько примеров.

В 1073 г. между старшими Ярославичами произошла очередная распря, и Изяслав вынужден был уступить Киев Святославу. «Святослав же и Всеволодъ внидоста в Киевъ месяца марта 22 и сѣдоста на столѣ на Берестовомъ»²³. Из буквального содержания этой записи следует, что Берестово было такой же киевской княжеской резиденцией, как и Великий Ярославов двор в центре города. Аналогичная ситуация сложилась и в 1113 г., когда, придя в Киев, Владимир Мономах сел в Берестове.

Близким по значению является известие 1146 г., в котором рассказывается о присяге киевлян на верность Игорю Ольговичу, которая была принесена ими в Угорском. «И пояша Игоря в Киевѣ, иде с ними подѣ Угорьскѣи и съзва киянѣ вси, они же вси цѣловаша к

²¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 222.

²² Там же. Стб. 427–428.

²³ Там же. Стб. 172.

нему крестъ»²⁴. Своеобразным разъяснением того, почему киевляне присягали Игорю «под Угорским», является свидетельство летописной статьи 1151 г. о том, что там находился один из великокняжеских дворцов. Отразив очередную попытку Юрия Долгорукого захватить силой Киев, в нем утверждаются соправители Вячеслав Владимирович и Изяслав Мстиславич. При этом первый занял Великий Ярославов двор, а второй сел «подъ Угорскимъ». Но оба, как замечает летописец, «сѣде въ Киѣве»²⁵. Как видим, и в этом случае Угорское с его княжеской резиденцией являлось составной частью Киева.

Убедительным свидетельством того, что окольные монастыри были киевскими, являются известия о присутствии их игуменов на различных церковных праздниках, поставлениях митрополитов и епископов. Они всегда названы в ряду других киевских игуменов, причем печерский, выдубицкий и спасский всегда первыми. В тех же случаях, когда на празднествах присутствовали игумены из иных городов, летописец всегда уточнял их происхождение. Примером этому может быть сообщение о посвящении в 1231 г. в Софии Киевской митрополитом Кириллом епископа Кирилла Ростову и Ярославлю. Назвав митрополита и епископов, летописец затем заметил, что участниками этого действия были «и игумены мнози»: Анкюндин Печерский, Михайло Выдубицкий, Петр Спасский, Семен Андреевский, Корнил Федоровский, Афанасий Васильевский, Семен Воскресенский, Климент Кириловский. За ними назван игумен Иоанн, который был «от Чернигова»²⁶.

Порядок, в котором перечислены игумены киевских монастырей, видимо, сложился задолго до этого события. В точности такой он в летописных сообщениях о перенесении мощей св. Бориса и Глеба 1072 и 1115 гг. Наряду с митрополитом и епископами, на этих торжествах присутствовали и игумены. В 1072 г.: «Феодосий же игумень Печерский, Сафроний же святаго Михаила игумен, Германъ святаго Спаса игумен и Никола игумень Переяславский, и прочии игумени вси». В 1115 г.: Прохор Печерский, Сильвестр Выдубицкий, Савва Спасский, Григорий Андреевский, Петр Кловский²⁷. В обоих случаях летописец назвал не всех киевских игуменов, обозначив присутствие неназванных словами «и прочии игумень». Еще менее

²⁴ Там же. Стб. 320.

²⁵ Там же. Стб. 445.

²⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 456–457.

²⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 171, 280.

полным является список киевских игуменов, присутствовавших на освящении церкви св. Апостолов в Белгороде в 1198 г., но в нем также на первых местах названы архимандрит Василий Печерский и игумен Моисей Выдубицкий. Другие игумены обозначены словом «прочии»²⁸. Игумены всех киевских монастырей присутствовали и на перенесении мощей св. Феодосия в 1091 г. из пещеры в церковь Успения Богородицы, но сказано об этом общей формулой: «Игумени вси, от всех монастыревъ»²⁹.

В пользу широкого территориального представления современников о Киеве как центре, включавшем в себя не только собственно «град», но и его ближайшую околицу, свидетельствуют летописные рассказы о двух взятиях Киева: 1169 г. дружинами Андрея Боголюбского и 1203 г. дружинами Рюрика Ростиславича. В обоих речь идет об овладении и разорении победителями не только центральных частей Киева — Горы и Подолья, но и его околицы. 1169 г.: «Взять же бысть Киевъ... И грабиша за два дни весь град Подолье и Гору, и монастыри». Среди последних оказался и Печерский, который был зажжен нападавшими³⁰. 1203 г.: «Взять бысть Киевъ... не токмо едино Подолье взяша и пожгоша, но и Гору взяша и митрополью святую Софьи разграбиша... и монастыри всѣ»³¹.

Итак, на основании летописных свидетельств можно прийти к выводу, что термин «град» в них означает центральную укрепленную часть, а название «Киев» практически всегда равнозначно понятию «город» в его полном социально-экономическом и территориальном значении. В Киево-Печерском Патерике частым является словосочетание «град Киев», обозначающее не только киевскую крепость, но и всю поселенческую агломерацию около нее. К приведенным выше свидетельствам в пользу такого представления можно прибавить еще одно. В «Похвале Феодосию» сказано, что он пришел «въ град Киевъ», желая найти в нем «вожда и правителя, дабы сказалъ ему незаблудно путь божественный, и много искавъ, и обрѣте... мужа бо чудна... нарицаемого Антониа»³². Как известно, обрести Антония Феодосий мог только в Печерском монастыре.

Несколько слов о том, осознавалась ли на Руси разница между «градом»-крепостью и «градом»-городом как особым социально-

²⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 707.

²⁹ Там же. Стб. 202–203.

³⁰ Там же. Стб. 545.

³¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 418.

³² *Абрамович Д.И.* Киево-Печерський Патерик. С. 88.

экономическим типом поселения. Насколько известно, в исследованиях так вопрос вообще не формулировался. Видимо, потому, что определение социальной сущности древнерусских «градов» всегда считалось трудной задачей исторических реконструкций. Между тем, у нас есть достаточно аргументов, в том числе и приведенных выше, для утверждения, что древние русичи различали просто укрепленное поселение и поселение городское.

Определенно об этом говорится в слове Киево-Печерского Патерика «О поковании раки Феодосия Печерского». В нем содержится интереснейший рассказ о том, как молитва святых Антония и Феодосия защитила киевского князя Изяслава Мстиславича от половецкого погрома. Битва состоялась под стенами некоего града и окончилась полной победой русичей. Никто не знал, что это за град, и только потом выяснилось, что это был вовсе и не город, а село Печерского монастыря. «Егда бо приидохом на Изяслава Мстиславича Половци, и видѣхом град высокъ издалеча, и абие идохом на нь, и никто не знааше кий то есть град. Половци же бишася у него, и мнози язвени быша, и бѣжахом от града того. Послѣди же увѣдахомъ, яко село есть святыа Богородица обители Печерьскыя»³³. Завершая рассказ, его автор заметил, что здесь «града же николи же ту нѣсть бывало»³⁴. Можно предположить, что в данном случае он говорит о городе, поскольку град-таки здесь был и об этом сказано в начале рассказа³⁵.

Подводя итог сказанному, можно с уверенностью утверждать, что, несмотря на определенную терминологическую разногласию, древний Киев воспринимался его современниками не только как град-крепость на Горе, но и как город в полной его поселенческой структуре, с окольными княжескими селами, дворами и монастырями. Выражаясь фигурально, в Киеве все было киевским, даже дебри, горы и перевозы через Днепр³⁶.

³³ Там же. С. 86.

³⁴ Там же.

³⁵ При обсуждении доклада на XVIII Чтениях, посвященных В.Т. Пашуто, А.В. Назаренко предложил иное прочтение данного рассказа. Согласно ему, в нем речь идет, скорее всего, не о реальности, а о видении. Половцам показалось, что перед ними град, тогда как в действительности это было село. Учитывая жанровый характер Патерика, такое толкование рассказа не кажется искусственным. И, тем не менее, больше оснований видеть в нем отражение реальности. Во-первых, потому, что увиденный половцами град не превратился в образ чудесной твердыни, о которую разбилась их сила. А во-вторых, потому, что многие древнерусские сельские поселения имели свои социальные центры в виде укрепленных дворов-замков.

³⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 16, 44, 327.

Н.Ф. Котляр

ИЗМЕНЧИВОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РУССКОЙ ЗЕМЛЕ В ЛЕТОПИСНЫХ КОНТЕКСТАХ XI–XIII вв.

Как известно, летописи и другие памятники древнерусской литературы XI–XIII в. знали и использовали понятие Русская земля в двух основных значениях: узком и широком. В узком его понимании речь шла о Южной, Днепровской Руси, охватывавшей Киевскую, Черниговскую и Переяславскую земли. В широком — термин применялся ко всей этнической территории восточных славян: от Черного моря до Белого и от Карпат до Волги. В течение всего древнерусского времени оба эти значения топонима Русская земля сосуществовали и параллельно употреблялись в источниках. Однако до сих пор среди историков существуют разногласия относительно конкретного бытования обоих значений в летописях.

Если М.П. Погодин полагал, что название Русская земля в древности понималось весьма широко, охватывая все русские области¹, то его младший современник В.О. Ключевский считал, что этими словами именовали лишь Полянскую землю в рубежах XI в., а также территорию на правом берегу Днепра, на юг от Киева². Его взгляды разделял и В.И. Сергеевич³. Тексты летописей давали основания как для узкого, так и для широкого толкования понятия Русская земля, поэтому дискуссии продолжились и в дальнейшем. Исследования этой темы оживились с началом второй половины XX в. А.Н. Насонов пришел к выводу, что понятие, вначале относимое в основном к Южной Руси, с XII в. распространилось на все земли восточных славян, всегда сохраняя этнический и государственный смысл⁴. Эту точку зрения поддержали Б.А. Рыбаков и

¹ *Погодин М.П.* Исторические замечания. Древность понятий об единстве Русской земли // Москвитянин. 1850. № 6. Кн. 2. С. 21–22.

² *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. М., 1989. Т. VI. Специальные курсы. С. 97.

³ *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности. СПб., 1890. Т. 1. С. 83, 84, 87.

⁴ *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

П.Н. Третьяков. Впрочем, последний считал, что в представлениях русских людей X–XI вв. Русью была лишь Киевская земля⁵. Как показали последующие источниковедческие исследования, ученый ошибался.

Более конкретно определял хронологические и территориальные особенности употребления в летописях топонима Русская земля Л.В. Черепнин. Согласно его наблюдениям, в источниках с середины XII в. начинается определенное сужение содержания термина: ранее употреблявшийся в широком плане, он все чаще приобретал значение Южной земли. Ученый объяснил это нарастанием процессов раздробленности⁶. С ним в общем солидаризовался Б.А. Рыбаков.

Из конспективно изложенных мнений предшественников (среди них — и не названные мною в этом кратком обзоре) складывается впечатление об изменчивости понимания летописцами слов Русская земля, колебаниях в их толковании этого термина в различные хронологические периоды. Вначале, в IX–XI вв., оно было достаточно узким: под Русской землей понимали лишь Южную, Днепровскую Русь. Затем термин распространился на все восточнославянские земли (с конца XI — начала XII в.), но почти одновременно его смысл вновь сузился до границ древней Русской земли: Киевской, Черниговской и Переяславской областей. В действительности, далеко не все историки точно придерживались такого понимания историко-хронологического аспекта содержания термина⁷. Например, М.П. Погодин, а впоследствии Л.В. Черепнин думали, что с самого начала он имел все же общерусское значение.

Итак, представляется несомненным, что с самого начала понятие Русская земля употреблялось летописцами в обоих значениях: широком и узком. Замечу лишь, что всегда оказывалось трудным установить какие бы то ни было хронологические и географические закономерности использования летописцами XI–XIII вв. этого топонима. Моя работа представляет собой попытку пролить свет на эту проблему.

Начну с того, что составители и редакторы Повести временных лет полагали, что описанные во введении к ней все восточносла-

⁵ Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970. С. 73.

⁶ Черепнин Л.В. Исторические условия формирования русской народности и нации до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958. С. 58.

⁷ См. подробный обзор литературы по этой теме: Котляр М.Ф. «Руська земля» в літописах XI–XIII ст. // Український історичний журнал. 1976. № 11.

вянские племена были русскими. Под 898 г. книжник утверждает: «А словеньский языкъ и руский одно есть... от варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша словене, аще и поляне звахуся, но словеньскаа рѣчь бѣ»⁸. Следовательно, летописец полагал, что восточные славяне изначально имели общий язык, который он отождествлял с русским. Отсюда нетрудно придти к выводу, что Повести временных лет изначально присуще широкое понимание термина Русь или Русская земля.

Но уже в первых датированных контекстах Повести встречается и узкое толкование Руси в рубежах Киевской земли. Под 866 г. источник рассказывает о походе киевских князей Аскольда и Дира на Царьград, называя их и их войско Русью («яко Русь на Царьгородъ идеть», «безбожныхъ Руси корабли смяте») ⁹. Но из этих слов не следует делать поспешного вывода, будто с 60-х гг. IX в. узкое значение слова Русь заменило первичное, широкое. Ведь когда в 882 г. Олег сел князем в Киеве, он, по словам того же летописца, заявил: «Се буди мати градомъ русскимъ» ¹⁰. Вероятно, в первом случае термин Русь использован книжником в узком значении — относительно Руси Поднепровской, а во втором — в широком понимании слова как собирательного наименования всех восточных славян.

Под 907 г. летописец вновь широко толкует наименование Русь. В договоре Олега с Византией читаем: грекам надлежит «даяти уклады на руския грады: первое на Киевъ, та же на Чернигов, на Переаславль, на Полтѣськъ, на Ростов, на Любеч и на проча города» ¹¹. Среди крупных русских городов в этом контексте не назван лишь Новгород, но и его в X в., вне сомнения, называли русским. Когда в 977 г. сыновья Святослава Игоревича Ярополк, Олег и Владимир боролись за первенство на Руси, Нестор записал: «А Ярополкъ посадники своя посади в Новѣгородѣ, и бѣ володѣя единъ в Руси» ¹².

Но, в то же время, в Повести за X в. сохраняется и ограниченное, конкретное понимание слов Русская земля в значении Руси Киевской, Южной. Под 980 г. в ней рассказывается о создании Владимиром пантеона языческих богов в Киеве, на холме, рядом с его теремом, и о принесении им жертв. Завершая рассказ, книжник-христианин

⁸ ПВЛ. С. 16.

⁹ Там же. С. 13.

¹⁰ Там же. С. 14.

¹¹ Там же. С. 17.

¹² Там же. С. 35.

записал: «И осквернися кровьюми земля Руска и холмо-ть»¹³. По моим наблюдениям, широкое понимание термина Русь несколько преобладает над узким в летописных контекстах X в.

Затруднительно установить какую-либо хронологическую закономерность или хотя бы тенденцию использования летописцем для описания событий XI в. того или иного значения словосочетания Русская земля: оба они обычно стоят рядом как в начале, так и в конце этого столетия. Например, под 1015 г. в источнике вначале речь идет о том, как киевский князь Владимир, узнав, что «печенѣгом идущемъ на Русь, посла противу имъ Бориса [сына]». Здесь под Русью, очевидно, понимается ее южная часть. Но далее в летописном контексте того же года, несколькими строками ниже, читаем: «Дивно же есть се, колико добра створилъ Русьстѣй земли [Владимир], крестивъ ю»¹⁴. В нем термин Русская земля использован в самом широком значении.

Ту же картину наблюдаем в Повести конца XI в. Под 1094 г. в ней сказано: «Половци же начаша воевати около Чернигова, Олгови [Святославичу] не възбраняюще, бѣ бо самъ повелѣлъ имъ воевати. Се уже третье наведе [Олег] поганья на землю Русьскую...»¹⁵. В этом контексте Русская земля отождествляется с Черниговской, частью Южной Руси. Но, рассказывая о знаменитом Любечском княжеском съезде 1097 г., летописец отмечает, что князья говорили между собой: «Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? А половци землю нашу несутъ розно, и ради суть, оже межю нами рати»¹⁶. В этой летописной статье понятие Русская земля толкуется книжником весьма широко: наряду с Киевщиной и Черниговщиной в нее включены Волынь с городом Владимиром и Галичина с Перемышлем и Тербовлем.

В текстах же Повести временных лет с упоминаниями о Русской земле в XI в. можно заметить две четкие тенденции. Первая состоит в том, что летописец употребляет это понятие в узком его значении, главным образом, тогда, когда речь идет о военных действиях. Вероятно, этим он стремился конкретизировать картину боевой обстановки. Так, в 1018 г. польский князь Болеслав вместе со Святополком Ярополчицем начал войну против Ярослава, и

¹³ Пвл. С. 37.

¹⁴ Там же. С. 58.

¹⁵ Там же. С. 95.

¹⁶ Там же. С. 109–110.

книжник повествует, что «Ярославъ же, совокупивъ Русь, и варягы, и словѣнѣ, поиде противу Болеславу и Святополку...»¹⁷. В этом контексте кияне (Русь) отделены от словен-новгородцев. Когда же составитель Повести ограничивался коротким упоминанием о военных действиях, он мог воспользоваться словом Русь в самом широком значении. Под 1019 г. он заметил, что между Ярославом и Святополком «бысть сѣча зла, яка же не была в Руси»¹⁸.

Толкование понятия Русская земля как Руси Южной присуще также сообщениям летописи за XI в. с упоминаниями о нападениях половцев и торков. Это можно объяснить тем, что кочевники совершали набеги, в основном, на южнорусские земли. Под 1061 г. книжник вспоминает: «Придоша половци первое на Русьскую землю воевать»¹⁹. Из многочисленных аналогичных свидетельств приведу весьма характерное под 1080 г.: «Заратишася торци переяславстии на Русь, Всеволод [киевский князь] же посла на ня сына своего Володимера. Володимеръ же шедь побѣди търкы»²⁰. В этом летописном контексте под Русской землей понимается Переяславщина, на южных рубежах которой кочевали тогда торки, и Киевщина.

Другая тенденция составителей и редакторов Повести за XI в. относительно использования термина Русская земля состоит в дальнейшей конкретизации и стабилизации его узкого значения. Под 1026 г. источник содержит характерную для этой тенденции запись: «Ярославъ... створи миръ с братом своим Мьстиславомъ у Городьця. И раздѣлиста по Днѣпръ Русьскую землю: Ярославъ прिया сю сторону, а Мьстиславъ ону»²¹. Следовательно, Ярославу досталось Правобережье Днепра с Киевом, а Мстиславу — Левобережье с Черниговом. К концу XI в. в Повести временных лет окончательно утверждается узкое понимание названия Русская земля, охватывавшее Киевщину, Черниговщину и Переяславщину. В 1096 г., пишет ее составитель, «Святополкъ [киевский] и Володимеръ [перемыславский] посласта къ Ольгови [в Чернигов], глаголюща сице: “Поиди Киеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли...”»²², имея в виду Южную Русь. В подобном значении выступает Русская земля в записях Повести под 1078, 1093 и 1094 гг.

¹⁷ ПВЛ. С. 63.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 71. Тождественные по смыслу записи см. под 1068 г., на с. 73, 74.

²⁰ ПВЛ. С. 87.

²¹ Там же. С. 65.

²² Там же. С. 96.

Одновременно летописцы XI в. продолжают пользоваться и термином Русская земля в самом широком его понимании. После смерти Мстислава Владимировича в 1036 г. его брат Ярослав «перяя власть [волость] его всю... и бысть самовластець Русьстѣй земли»²³. А под 1071 г. в Повести временных лет изложено пророчество какого-то волхва, пришедшего в Киев и молвившего: «Яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять, и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьскы земли на Руской, а Русьскѣй на Гречьской, и прочимъ землямъ измѣнитися»²⁴. В обоих случаях термин Русская земля применен ко всем территориям Древнерусского государства. Новгородская первая летопись младшего извода под 1060 г. ставит знак равенства между псковичами, новгородцами и Русью²⁵, следовательно, причисляет к Русской земле северную часть восточнославянских земель.

Есть и другие летописные контексты XI в. с употреблением упомянутого понятия в самом широком значении, но, по моим наблюдениям, наименование Русская земля в Повести за это время чаще выступает в узком смысле: Киевщины, Черниговщины и Переяславщины.

Начало XII в., думается, не внесло значительных изменений в понимание летописцами слов Русская земля. Разве что все чаще они употребляются в узком значении — в отношении южнорусских земель (без Галицкой и Волынской). Так, в 1103 г. киевский князь Святополк Изяславич и переяславский Владимир Всеволодич Мономах съехались, чтобы обсудить, как лучше организовать поход на половцев. Когда Святополк согласился с предложением Мономаха пойти вместе в степь, тот ответил: «То ти, брате, велико добро створиши землѣ Русскѣй». По их призыву собрались черниговские и несколько других южнорусских князей. «Половци же, слышавшее, яко идеть Русь, собрашася бе-шисла и начаша думати»²⁶.

В Киевской летописи XII в. времен княжения в Киеве Владимира Мономаха и его сына Мстислава (1113–1132) встречаем лишь узкое понимание термина Русская земля²⁷. Напомню, что Владимир Всеволодич Мономах был последним киевским государем, который сумел удержать под своей рукой все древнерусские земли. Единство Руси во время недолгого княжения его сына Мстислава (1125–1132)

²³ Там же. С. 66.

²⁴ Там же. С. 75.

²⁵ НПЛ. С. 183.

²⁶ ПВЛ. С. 118.

²⁷ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 204 (1116 г.), 205 (1121 г.) и др.

сохранялось, как мне кажется, разве что по инерции, освященное именем его могущественного и харизматического отца.

По моему мнению, подобное понимание киевским летописцем понятия Русская земля для первой трети XII в. отвечало ее политическому статусу. Книжник рассматривает Днепровскую Русь первой трети XII в. как средоточие политической, социальной, религиозной и культурной жизни русского народа того времени, поэтому фокусирует внимание на ней. Не следует, впрочем, забывать, что Киевской летописи, в отличие от Повести временных лет, присуща определенная географическая узость — составители описывают главным образом события в Южной Руси.

К середине XII в. вновь изменяется употребление летописцами понятия Русская земля. При проверке источниками оказалось, что бытующий в историографии тезис, будто топоним Русская земля в IX–XI вв. применялся лишь в отношении южнорусских земель, а в XII в. распространился на все восточнославянские области, нуждается в корректировке. Во-первых, как было отмечено выше, с самого начала летописцы вкладывали в него самое широкое значение²⁸. Во-вторых, с середины XII в. древнерусский книжник конкретизирует широкое понимание названия Русская земля, чего ранее почти не наблюдалось. Источники XI — первой трети XII в. обычно не раскрывали, какие именно княжества и земли (за исключением южнорусских) они так называли.

Если под 1134 г. Новгородская летопись завершает рассказ об усобицах между новгородскими, суздальскими и киевскими князьями общей сентенцией: «И раздърася вся земля Русьская», то уже под 1170 г. этот же источник тщательно называет всех представителей северных и западных русских земель, объединенных им в понятии Русская земля: «Въ то же лѣто, на зиму, придоша подъ Новъгородъ суждальци съ Андреевицемъ²⁹, Романъ и Мъстислав [Ростиславичи] съ смолянны и съ торопычяны, муромьци и рязаньци... полоцьскый князь съ полоцяны, и вся земля просто Русьская»³⁰. Эта тенденция характерна и для Киевского, Лаврентьевского, Московского конца XV в. летописных сводов.

²⁸ Недаром столь большой знаток летописания, как Л.В. Черепнин, ни одним словом не обмолвился о каком бы то ни было расширении содержания смысла термина Русская земля, а вместо этого отметил даже его сужение в конце XI–XII вв. (См.: *Черепнин Л.В.* Исторические условия. С. 58 и сл.).

²⁹ Мстислав, сын Андрея Юрьевича Боголюбского.

³⁰ НПЛ. С. 23, 33.

Под 1155 г. киевский книжник рассказал о походе Юрия Владимировича Долгорукого на юг следующим образом: «Той же зимѣ пошель бѣ Дюрги [Юрий] в Русь, слышавъ смерть Изяславлю³¹; и бысть противу Смоленску, и бысть ему вѣсть...»³². Выходит, в южнорусском источнике Смоленск причислен к Русской земле. Еще четче под названием Русской земли Смоленск и Смоленская земля выступают в контексте Киевской летописи 1180 г.: «Прислаша новгородци муже свои ко Мьстиславу к Ростиславичю [смоленскому князю], зовуче и Новугороду Великому... Онъ же, не хотяше ити из Руской земли, река имъ...»³³. Киевская летопись второй половины XII в. называет Русской землей и Суздаль (1182 г.), и подмосковный город Дмитров (1184 г.), говоря о последнем: «Придоша измаилтяне безбожнѣи половци на Русь воевать ко Дмитрову»³⁴.

Яркий пример конкретизации летописцем широкого понятия Русская земля содержится в Суздальской летописи. Во время знаменитой битвы 1216 г. между владими́ро-суздальским войском, с одной стороны, и новгородским и смоленским — с другой, один из суздальских бояр обратился к своим князьям со словами: «Не было того ни при прадедѣхъ, ни при дѣдехъ, ни при отцѣ вашемъ [Всеволоде Большое Гнездо], оже бы кто вшелъ ратью в сильную землю в Суздальскую, оже вышелъ цѣль, хотя бы и вся Руская земля, и Галичская, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская, никакo противу сей силѣ успѣють...»³⁵.

С 40-х гг. XII в. новгородским летописям присущи известия типа: «Прѣставися въ Руси Всеволодъ [Ольговичъ]», т.е. в Руси Южной (1146 г.), или: «Иде архиепископъ новгородскый Нифонтъ въ Русь»³⁶ — из контекста узнаем, что в Киев (1149 г.). Однако это вовсе не означало, что новгородцы считали свою землю отделенной от Русской. Новгородские летописцы второй половины XII–XIII вв. знали и широкое понимание Русской земли с включением в ее пределы и Новгорода Великого. Под 1214 г. читаем: «И рече Твърдиславъ посадникъ: “Яко, братие, страдали дѣди наши и отчи за Русьскую землю, тако, братье, и мы поидимъ по своемъ

³¹ Киевского князя Изяслава Мстиславича, его племянника.

³² Летопись по Ипатскому списку. С. 328.

³³ Там же. С. 411.

³⁴ Там же. С. 422, 424.

³⁵ ПСРЛ. Л., 1928. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 3. 2-е изд. (далее — Лаврентьевская летопись). Стб. 495.

³⁶ НПЛ. С. 27, 28.

князи”», после чего пошли воевать Черниговскую землю, а затем посадили в Киеве Мстислава Романовича³⁷. Под 1231 г. новгородский летописец, рассказав о голоде, горько заметил: «Се же горе бысть не въ нашей земли въ одной, нъ по всей области Русѣи, кромѣ Киева одного»³⁸.

В первой трети XII в. в древнерусских летописях еще сохранялось характерное для XI в. понимание южной Русской земли в пределах Киевщины, Черниговщины и Переяславщины. Об этом свидетельствует ряд записей северорусского летописца: «Ходи Всѣволодъ³⁹ въ Русь Переяславлю... а целовавъ крестъ къ новгородцемъ, яко хоцю у васъ умерети» (1132 г.)⁴⁰. А под 1135 г. читаем: «Иде въ Русь архиепископъ Нифонтъ съ лучшими мужи и заста кыяны съ черниговъци стояще противу собе, и множество вои, и божиею волею съмиришася»⁴¹.

Что же касается термина Русская земля в его узком понимании, то с 40-х гг. XII в. в источниках появляется новая тенденция: стремление отделить от Руси (с того времени, как правило, в значении Киевщины) другие части Днепровской Руси IX–XI вв.: Переяславщину и Черниговщину, а то и противопоставить их Киевской земле. Всего этого ранее не наблюдалось в летописных контекстах. Вот типичные для этой тенденции сообщения летописей: «Бѣжашю же Святославу [Ольговичу] из Новагорода, идущю в Русь къ брату»⁴² или: «Томъ же лѣтъ ходиша вся Русска земля на Галиць [Галич] и много попустиша область ихъ, а города не взяша ни одного...»⁴³.

Когда в 1140 г. Всеволод Ольгович киевский вознамерился выгнать из Переяславля Южного Андрея Мономахича и посадить там своего брата, «Андрѣй тако рече, съдумавъ съ дружиною своею: ...въ Переяславли хочю, на своей отчинѣ, смерть прияти! Оже ти, братъ, не досити волости, всю землю Русскую държачи, а хощещи сея волости!»⁴⁴ — т.е. мало тебе того, что ты всю землю Русскую (Южную) держишь, так еще надумал прихватить и Переяславщину.

³⁷ НПЛ. С. 53.

³⁸ Там же. С. 71.

³⁹ Мстиславич, внук Мономаха, новгородский князь.

⁴⁰ НПЛ. С. 22.

⁴¹ Там же. С. 24.

⁴² Летопись по Ипатскому списку. С. 221 (1141 г.).

⁴³ НПЛ. С. 27. Речь идет о походе коалиции князей под водительством киевского государя Всеволода Ольговича на Галицкого князя Володимирка Володаревича в 1145 г.

⁴⁴ Летопись по Ипатскому списку. С. 218.

Еще более выразительно противопоставляется Киевской земля Черниговская в рассказе южнорусского летописца под 1151 г. о посольстве, прибывшем к венгерскому королю от киевских князей Вячеслава Владимировича и Изяслава Мстиславича, которые воевали с черниговскими Ольговичами и Давыдовичами, а также с их союзником Юрием Долгоруким. Киевские послы просили помощи, сказав королю: «Гюргий есть силенъ, а Давыдовичи и Олговичи с нимъ суть, а что и половци дикѣи с нимъ... по насъ яла Русская земля вся и черни клобуци»⁴⁵ — мол, нас поддерживает против суздальцев и черниговцев вся Русская земля и еще черные клобуки, тогда как из контекста явствует, что под Русской землей имелась в виду одна лишь Киевская.

Процитированный контекст Киевского свода не стоит особняком. В самом конце XII в. в записи Киевской летописи Чернигов и Черниговщина, на мой взгляд, противопоставляются «Русской земле» — Киевской. Тогда, в 1193 г., киевский государь Рюрик Ростиславич собрался в поход против половцев, и его соправитель Святослав Всеволодич с упреком бросил ему: «Ажь ты идешь изо отчины своя на свое орудье, а язъ паки иду за Днѣпръ [в свой домен Чернигов], своихъ дѣля орудѣи, а в Руской землѣ кто ны ся останеть?»⁴⁶. А в описании последствий битвы с монголами на Калке 1223 г. суздальский летописец вновь отделяет Чернигов от Русской земли — Киевской: «Се же слышавъ Василко⁴⁷ приключшеся в Руси, възвратися от Чернигова»⁴⁸.

Но не только Черниговскую, но даже часть Киевской земли — Овручскую волость — киевский летописец конца XII в. не считал возможным относить к Южной Русской земле, в самом узком значении этого понятия. В 1190 г. киевский князь Святослав находился в Чернигове, а Рюрик подался в Овруч, свое домениальное владение. Когда половцы бросились воевать Русь, Рюрик призвал Святослава вернуться в Русскую землю⁴⁹. Из контекста явствует, что Чернигов и Овруч летописец четко отделяет от Русской земли — великокняжеского домена. Это же повторилось в 1193 г., когда уже Святослав обратился к находившемуся в Овруче Рюрику

⁴⁵ Там же. С. 291–292.

⁴⁶ Там же. С. 455.

⁴⁷ Константинович, князь ростовский, племянник великого князя владимиро-суздальского Юрия.

⁴⁸ Лаврентьевская летопись. Л., 1927. Вып. 2. Стб. 447.

⁴⁹ Летопись по Ипатскому списку. С. 450.

со словами: «Пойди в Русь, стережи же своя земля!»⁵⁰. Число подобных примеров не трудно увеличить.

Итак, с 40-х гг. XII в. летописцы систематически противопоставляют Русской земле (в значении Киевщины) прочие южнорусские земли — даже те, которые издавна считались Русью в узком, поднепровском понимании топонима. В то же время, в летописях сохраняется и самое широкое толкование термина Русская земля. Отмеченные тенденции переходят и в XIII век.

Когда-то я объяснял это явление наступлением удельной (феодальной) раздробленности Древнерусского государства⁵¹. В общем это объяснение мне и сегодня представляется верным. Попытаюсь все же уточнить его. Следует сказать, что раздробленность была неоднозначным, противоречивым явлением, и не только в социально-экономической плоскости, но и в политической области. Изменения на политической карте Древней Руси, как мне кажется, не могли не отразиться и на контекстах источников.

Ослабление власти киевского великого князя, ранее безусловного государя («отца и господина») для прочих князей, привело к тому, что с середины 50-х гг. XII в. он реально владеет разве что своим доменом, Киевской землей. И это, вероятно, вынуждало его подчеркивать истинную «русскость» этой земли, ее исконное превосходство над прочими составляющими Древнерусского государства. С другой стороны, все усиливавшиеся местные князья всячески стремились к обособлению от киевского государя, в том числе и терминологически, что также нашло, на мой взгляд, отражение в летописях. Поэтому, надо думать, в источниках постоянно и параллельно встречаются и временами вступают в противоречие оба толкования понятия Русской земли — узкое и широкое.

⁵⁰ Летопись по Ипатскому списку. С. 456.

⁵¹ *Котляр М.Ф.* «Руська земля» в літописах. С. 107.

Т.Л. Вилкул

«СТОРОНА / СТРАНА»: СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЕ
И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ЛЕТОПИСЦЕВ XI–XIII вв.

Географические представления средневековых авторов о древнерусских землях занимают исследователей давно: специальные работы посвящены таким названиям, как «Русская земля», определениям стран света и нахождению места Руси в скандинавских, арабских и переводных сочинениях. Слово «сторона / страна» в этом смысле менее яркое и привлекательное для историков. Оно использовалось преимущественно технически: как четкий показатель местонахождения автора или редактора летописного свода. Ученых интересовали прежде всего синонимические замены. Уже в начале XIX в. обратили внимание на статью 1151 г., где в Киевском своде (Ипатьевская летопись, далее Ипат.) вписано «сия сторона» Днепра, а в суздальском (Лаврентьевская летопись, далее Лавр.) — «она сторона»¹. Позднее, на рубеже XIX–XX вв., это известие привлекал А.А. Шахматов. Опираясь на сообщение летописи, ученый писал о переяславском происхождении записи, и оно было одним из звеньев в его реконструкции протографа — переяславского свода². Если речь заходит не об общих

¹ Известие привлекал Н.М. Карамзин, а в дальнейшем — М.П. Погодин, С.М. Соловьев, Н.К. Бестужев-Рюмин, Е.Е. Голубинский и др. Обзор мнений см.: *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2. Кн. 1. С. 444, примеч. 4. В записи 1151 г. обычно усматривали «показание черниговца». Упоминание «сей» или, соответственно, «оной стороны» встречается по два раза в Ипат. и в Лавр. под 1151 г. Ср.: «идяше по оной сторонѣ / поидоша по сеи странѣ Днѣпра»; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 331; Т. 2. Стб. 424 (далее ссылки на Лавр. и Ипат. по схеме: 331Л, 424И). «Изяславим сторожем стоящим на оной сторонѣ со Кшарномъ / на сеи же сторонѣ бяшеъ Шварно съ сторожи»; 331Л, 425И.

² *Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 18. Позже мнение о переяславском своде стало традиционным, см.: *Насонов А.Н.* Об отношении летописания Переяславля-Русского к киевскому (XII век) // ПИ. М., 1958. Вып. 8. С. 479, 483 (то же в: *Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII веков. М., 1969. С. 95, 99).

для названных двух сводов фрагментах, а о других участках текста, то определения «сия» и «она», по мнению исследователей, призваны свидетельствовать об устойчивых географических представлениях. В зависимости от точки зрения книжника — «из Киева» или «из Переяславля / из Суздаля» — левая и правая сторона Днепра представляла «сей» или «оной». Тем не менее, словоупотребление в древнерусских летописных сводах имеет свои особенности, и лексем «страна / сторона» могут представлять интерес не только в таком узкоспециализированном значении.

Наиболее высокая частота встречаемости лексем — в Повести временных лет, где «страна / сторона» упоминается свыше 80 раз. Со значением «земля», «часть света», «некий район» не связаны 9 случаев употребления («одиною строною» оружия, «в притворѣ на дѣснѣи странѣ»...³). Всего в светских сюжетах ПВЛ, при всей условности такого разделения, находим 27 примеров⁴, в церковно-книжных — 9⁵, к тексту хроник Георгия Амартола и Иоанна Малалы восходят 11⁶, в договорах с греками «страна» упоминается 24 раза⁷, в Откровении Мефодия Патарского — 2 раза⁸. Выражение «с оной / сея страны» по отношению к Днепру читается

³ Кроме того, особенно в Речи Философа много библейских цитат, где «страна» означает преимущественно «языкъ».

⁴ См.: ПСРЛ. Т. 1, а также, с указанием столбцов и строк, в: The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis / Ed. D. Ostrowski [Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts. Cambridge, Mass., 2003. Vol. X]. P. 1–3. См.: недатированная часть ПВЛ: 9.23–10.1Л, 17.14Л; 912 г.: 38.15Л; 945 г.: 54.13–14Л; 964 г.: 65.2Л; 968 г.: 65.27–29Л (дважды), 66.2, 66.12–13Л, 66.19Л, 66.28Л; 992 г.: 122.10–11Л, 122.13Л, 122.14–15Л (дважды); 1024 г.: 147.27Л, 149.5Л; 1026 г.: 149.16Л; 1066 г.: 166.2–3Л; 1092 г.: 215.15Л; 1093 г.: 219.25Л, 220.2Л, 220.23Л; 1095 г.: 229.22–23Л; 1096 г.: 231.13–14Л, 231.19Л; 1097 г.: 271.9Л.

⁵ Недатированная часть: 11.13Л; 983 г.: 83.14Л; 986 г.: 86.1Л; 987 г.: 108.22Л; 988 г.: 118.8Л, 118.15Л; 1051 г.: 156.13Л; 1093 г.: 225.8–9Л; 1096 г.: 235.3–4Л.

⁶ Фрагменты Хроники Амартола в сочетании с Хроникой Иоанна Малалы помещены в недатированной части или так называемом этногеографическом введении ПВЛ. Всего А.А. Шахматов насчитал 26 заимствований из Амартола (*Шахматов А.А.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. IV. С. 42–60). Упоминания «страны» на заимствованных из Амартола и Малалы участках текста см.: недатированная часть: 3.1Л, 3.13Л, 3.16Л, 5.17–19Л (трижды), 15.7–8Л, 15.13–14Л; 941 г.: 44.7–8Л, 44.9–10Л, 44.17Л.

⁷ 907 г.: 31.21–22Л; 912 г.: 36.4–5Л (дважды), 36.8Л, 36.11–12Л, 36.18Л, 36.20–21Л, 37.22Л; 945 г.: 47.23Л, 48.25Л, 49.17–18Л, 49.20–21Л; 945 г.: 50.26–28Л, 51.1Л (дважды), 51.16Л, 51.17–18Л, 52.14–15Л, 53.1Л, 53.10Л; 971 г.: 73.2–4Л (дважды), 73.6–7Л (дважды).

⁸ 1096 г.: 235.21–22Л, 236.3–4Л.

11 раз⁹, еще несколько раз встречается «сия / она страна» по отношению к мелким пограничным со степными районами рекам — Стугне и Трубежу¹⁰. В то же время, в ПВЛ почти не употребляется «сеи / онъ поль». Насчитывается всего три таких случая: в повествовании о взятии Корсуня Владимиром Святославичем и о борьбе Ярослава и Святополка 1015–1016 гг.¹¹ При том, что как раз по отношению к этим участкам ПВЛ можно предполагать, что в них, хотя и в переработке составителя, отразились версии текстов более ранних, чем время сложения самого первого дошедшего до нас летописного свода. Для сравнения со словоупотреблением в ПВЛ, в отличие от последующего периода, имеем лишь один свод: Новгородскую первую летопись (НПЛ), но в двух редакциях. В НПЛ старшей редакции, начинающейся со статьи 1016 г., в записях за XI в. слово «страна» не появляется ни разу, в младшей редакции (далее НПЛ мл.) в записях за X–XI вв. находим 23 примера (в том числе 7 в чтениях, не совпадающих с ПВЛ)¹².

⁹ При цитировании используются принятые сокращения: Лаврентьевский список (Л), Троицкий (Т), Радзивилловский (Р), Московский-Академический (А), Ипатьевский (И), Хлебниковский (Х). Недатированная часть: 9.23–10.1Л «перевозъ тогда с оной стороны /так ЛТРА, ИХ страны/ Днѣпра»; 968 г. (6 раз): 65.27–29Л «собрашесе людье . оная страны Днѣпра в лодьяхъ . об ону страну стояху»; 66.2Л «не ли кого иже бы могль на ону страну /А сторону/ доити»; 66.12–13Л «они же видѣвше с оной страны . и приѣхаша в лодыи противу ему»; 66.19Л «и княжичѣ умчии на сю страну /РА сторону/»; 66.28Л «и реч кто се приде . и реч ему людие /Л лодья/ оная страны»; 992 г.: 122.10–11Л «и се печенѣзи придоша . по оной сторонѣ /так ЛРАИ, Х со оной страны/ от Сулы»; 1024 г.: 149.5Л «а мнѣ буди си сторона»; 1026 г.: 149.16Л «Ярославъ прия сю сторону /ИХ страну/. а Мьстиславъ ону»; 1096 г.: 231.13–14Л «поидоста на нь по сеи сторонѣ Днѣпра . и придоста къ Зарубу».

¹⁰ Под 992 г.: 122.13Л «и ста Володимерь на сеи сторонѣ /так ЛРА, ИХ странѣ/ а Печенѣзи на оной»; 122.14–15Л (дважды) «и не смяху си на ону страну /так ЛХ, РАИ сторону/ . ни они на сю страну /РАИ сторону/» (о Трубеже); под 1093 г.: 219.25Л «поступимъ на ону сторону рѣки» (о Стугне); 231.19Л «стояху на оной сторонѣ /так ЛИ, РАХ странѣ/ Трубежа исполчившеся».

¹¹ 988 г.: 109.3–4Л «И ста Володимерь об онъ поль города в лимени» (это же выражение читается в НПЛ мл. ред.: НПЛ. М.; Л., 1950 (переиздано в: ПСРЛ. М., 2001. Т. 3). С. 150); 1015 г.: 141.20–21Л «/об/ онъ поль Днѣпра . а Ярославъ объ сю» /так ЛАХ, РИ обсюду/; 1016 г.: 141Л «Приде Ярославъ и стаща противу . оба поль Днѣпра» /в Л о поль, в Сильвестровско-Минейной редакции Сказания о св. Борисе и Глебе, где имеются вставки из ПВЛ — «оба поль». См.: *Бугославський С., Україно-руські пам'ятки XI–XVIII ст. про святих князів Бориса та Гліба*. Київ, 1928. С. 87/. Кстати, в статье 1015 г. составитель ПВЛ, как кажется, пытался править текст, где был «поль», имея в виду «страну»: «об онъ поль... объ сю».

¹² Несовпадающие с ПВЛ чтения подчеркнуты. См.: НПЛ (Предисловие). С. 103–104 (4 раза); 854 г.: С. 104, 105, 106; 955 г.: С. 114; 968 г.: С. 117 (6 раз); 983 г.: С. 131; 986 г.: С. 133, 134 (дважды), 137, 142; 987 г.: С. 149–150; 1016 г.: С. 175 («на ону страну Днѣпра» — в НПЛ старшей редакции «на другиы поль Днѣпра»;

Примечательно распределение полногласных вариантов в ПВЛ. В начальной части «сторона» встречается лишь в отдельных списках или группах списков¹³. Скорее, можно предполагать, что в протографе в этих случаях было неполногласие. Правда, почти во всех списках наблюдается пополнение и полногласных чтений, и неполногласных¹⁴, т.е., видимо, правка шла в обоих направлениях, и реконструкция протографических чтений неизбежно гипотетична. Переписчики сильнее редактировали светские фрагменты и договоры с греками (в договорах было множество неясных мест, что провоцировало исправления), в книжных же оставляли привычную книжную лексику. Но и составитель (или составители) ПВЛ полногласные варианты вводил почти исключительно в «светских» описаниях. Примеры, когда во всех списках (или в группе списков в таком их сочетании, которое позволяет считать, что они отражают протографическое чтение¹⁵) чи-

НПЛ. С. 15); 1066 г.: С. 185. В НПЛ старшей редакции в записях за XI–XII вв. чаще упоминается «поль». См.: НПЛ. С. 15, под 1016 г.; С. 19, 1097 г.; С. 20, 1113 г.; С. 23, 1134 г.; С. 30 (дважды), 1157 г.

¹³ Далее курсивом выделены чтения, где Ипат. группе противостоят Лавр. или наиболее ранний Лаврентьевский список или Л вместе с утраченным Т противостоят РАИХ и где, соответственно, имеется некоторая вероятность того, что полногласие все же было в протографе. См.: 10.1Л ЛТРА *стороны* / ИХ страны; 17.11 Л *стороною* / А и С1 *страною* / Р проп. / ИХ страны; 36.5 РАИ страну / Х сторону; 36.6 РАИ страну / Х сторону; 36.8 РА сторону / ИХ страну; 44.17 ЛРАХ страну / И сторону; 49.18 ЛХ страну / РАИ сторону; 50.26 Л и С1 странѣ / РАИХ *сторонѣ*; 50.28 ЛИХ части / РА *сторонѣ*; 51.1 ЛХ странахъ / РАИ сторонах; 51.18 Л и С1 странѣ / РАИХ *сторонѣ*; 66.2 все страну / А сторону; 66.19 ЛХИ страну / РА сторону; 122.11 все *сторонѣ* / Х страны; 122.13 ЛРА *сторонѣ* / ИХ странѣ; 122.14 ЛХ страну / И сторону + РА сторону; 122.15 ЛХ страну / РАИ сторону; 149.16 ЛРА *сторону* / ИХ страну; 151.6 ЛРА *сторонѣ* / ИХ странѣ; 190.13 все странама / И сторонама; 194.5 все страну / А сторону; 194.6 Л *сторонѣ* / РАИХ странѣ; 212.23 все странѣ / И *сторонѣ*; 215.15 ЛР странама / А сторонама / ИХ проп.; 219.25 ЛИХ сторону / РА страну; 220.2 ЛИХ *сторонѣ* / РА странѣ; 220.23 ЛИ сторону / РАХ страну; 231.19 ЛИ *сторонѣ* / РАХ странѣ; 235.4 все странах / И сторонах; 237.18 ЛИ *сторонѣ* / РАХ странѣ.

¹⁴ Что касается Л, полногласие см. 194.6Л, где Л противостоит остальным спискам, при том, что строкой выше полногласие было только в А, а также 17.11Л; неполногласие — 50.26Л и 51.18Л (правда, последние случаи спорны). Относительно РА полногласие — 50.28Л, 66.19Л, неполногласие — 219.25Л, 220.2Л. Относительно Х полногласие — 36.5Л и 36.6Л (оба случая спорны, так как текст имеется только в РАИХ, в Л на этом участке проп.); неполногласие — 122.11Л. Что касается И, полногласие — 44.17Л, 190.13Л, 212.23Л, 235.4Л; неполногласных правок нет (только вместе с Х).

¹⁵ В основном, надежны сочетания ЛИ против РАХ и ЛХ против РАИ. А.А. Гиппиус предполагает контаминацию РА и ИХ, но, скорее, следует говорить о контаминации РА и И. См.: *Gippius A.A.* О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет» // *Russian Linguistics*. 2002. Vol. 26. С. 63–126; *Вилкул Т.*

тается «сторона», появляются начиная уже с повествования о княжении Владимира Святославича. Под 992 г.: «и се печенѣзи придоша . по онои сторонѣ от Суль»¹⁶; под 1024 г.: «сяди в своемъ Киевѣ ты еси старѣишеи братъ . а мнѣ буди си сторона»¹⁷; под 1093 г.: «поступимъ на ону сторону рѣки»¹⁸, «идяше на деснѣи сторонѣ Стополкъ»¹⁹, «перешедъ на ону сторону Днѣпра»²⁰; под 1096 г.: «поидоста на нь по сеи сторонѣ Днѣпра и придоста къ Зарубу»²¹, «стояху на онои сторонѣ Трубежа исполчившеся»²², «и положиша и у стѣгъ Софѣъ на лѣвѣи сторонѣ»²³; под 1097 г.: «а самъ раздѣлися на .ѡ. части . по .н. на сторонѣ»²⁴. В НПЛ мл. в записях за X–XI вв. полногласные чтения вообще отсутствуют²⁵.

Еще одна примечательная черта: названия конкретных стран — «Болгарская страна», «Руская страна» — встречаются только в договорах с греками и в заимствованиях из Хроники Амартола и Жития Василия Нового. В частности, в договоре 945 г. упомяната «Корсунская» и «Руская страна» (4 выражения)²⁶. В договоре 971 г. есть упоминание о «стране Болгарской». В заимствованиях из Амартола в сочетании с Житием Василия Нового под 941 г. —

Текстология и textkritik. Идеальный проект... По поводу: «Повість временних літ»: Міжрядкове співставлення і парадоксис. Склав і відредагував Доналд Островскі, Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts: Vol. X. С. 1–3. Cambridge, Mass., 2003 // Palaeoslavica. Cambridge, Mass., 2004. Vol. XII. № 1. С. 175–179. То есть РА с ИХ сближается там, где И и Х еще не разошлись. Если же ЛРА противостоит ИХ или Л противостоит РАИХ, определить, какое чтение первоначально, очень сложно, иногда невозможно.

¹⁶ 122.10–11Л, так ЛРАИ. В Х изменено все выражение, читается «со оная страна», вероятнее всего, в Х здесь архаизирующая правка.

¹⁷ 149.4–5Л.

¹⁸ 219.25Л, так ЛХИ, РА страну.

¹⁹ 220.2Л, так ЛХИ, РА странѣ. Здесь привожу все примеры полногласных чтений, в том числе такие, которые не связаны с географическими понятиями.

²⁰ 220.23Л, так ЛИ, РАХ страну.

²¹ 231.13–14Л.

²² 231.19Л, так ЛИ, РАХ странѣ.

²³ 237.18Л, так ЛИ, РАХ странѣ.

²⁴ 271.9Л, так Л, ИХ сторону, РА проп.

²⁵ Первый случай полногласия — в единственной записи за XII в. под 1113 г., но здесь в обеих редакциях «сторона». Массово полногласные варианты начинают встречаться уже со второй половины XIII в.

²⁶ Договор 945 г.: 47.23Л «иже помыслить от страны Руския . разрушити таку любовь»; 50.26–28Л «а о Корсунѣи странѣ (так Л и Софийская 1-я летопись, РАИХ сторонѣ) . елико же есть городов на тои части»; 51.16Л «и воують въ странѣ Корсунѣи»; 53.10Л «и от всѣх людии . от страны Руския». Договор 971 г.: 73.6–7Л «ни на страну Болгарску».

«Вифаньския страны» и «страна Никомидийская»²⁷. В собственном же (условно говоря, «авторском») тексте составителя ПВЛ подобные выражения отсутствуют.

На первый взгляд, все это вполне соответствует словоупотреблению в ранних переводных текстах²⁸. С одной весьма существенной оговоркой — в переводных памятниках на порядок выше удельный вес обозначений типа «Фракийская страна», «Индийская», «Перьская» и т.п. Обычно таких насчитывается свыше 50% от общего количества словоупотреблений. Обратимся к нескольким памятникам, где подобные выражения достаточно частотны и дают надежный материал для сравнения. Имею в виду две хроники — Хронику Георгия Амартола и Иоанна Малалы, а также Александрию Хронографическую и Римский Патерик, изобилующие географическими названиями. В Хронике Амартола — памятнике X или XI в. (перевод сделан на Руси или в Древней Болгарии²⁹) — слово «страна» в различных сочетаниях используется около 140 раз³⁰. И здесь не-

²⁷ 44.7–8Л «и почаша воевати Вифаньския страны»; 44.9–10Л «и всю страну Никомидийскую . поплннвшше». Первое выражение из Амартола, второе — из Жития Василия Нового. См.: *Шахматов А.А.* «Повесть временных лет» и ее источники. С. 55, 70.

²⁸ См., напр.: *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М.; Л., 1958. Т. 3. Стб. 535–536.

²⁹ Где именно — до сих пор ведутся споры. См., напр.: *Станков Р.* Из наблюдений над лексикой древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола // *Slavia Orthodoxa. Език и култура. Сборник в честь на проф. Румяна Павлова.* София, 2003. С. 380–389; *Пичхадзе А.А.* Корпус древнерусских переводов XI–XII вв. и изучение переводной книжности Древней Руси // Национальный корпус русского языка. 2003–2005 гг. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 251–262; *Матвеевко В., Щеголева Л.* Книги временные и образные Георгия Монаха. М., 2006. Т. 1. Ч. 1. С. 26–29.

³⁰ Указание на страницы и строки славянского перевода Амартола по: *Истрин В.М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920. Т. 1. Текст (далее: ГА); в новейшем издании отмечены страницы издания Истрина (*Матвеевко В., Щеголева Л.* Книги временные и образные Георгия Монаха. Т. 1. Ч. 1). См.: ГА 4 (2), 5, 14, 16, 22, 35.1, 35.22, 36.5–6, 36.21–22, 37.4, 37.9, 37.12–13, 38.6–7, 38.13, 39.19, 42.15, 46.24–47.1, 47.1–2, 47.3, 48.25, 51.11, 54.29–55.1, 58.18–19, 58.21, 58.23, 58.28, 59.18, 63.15–16, 63.28, 86.19, 87.5–6, 89.15, 89.20, 90.12–13, 90.16, 91.14–15, 93.19, 135.20, 143.9, 175.16–17, 181.25, 187.4, 194.16–17, 194.17, 196.4–5, 196.21–22, 196.22, 196.23, 199.5–6, 199.24, 209.13, 210.6–7, 217.4, 241.13, 260.3, 301.11, 326.20–21, 336.7–8, 339.2, 339.5, 339.15, 340.18, 340.21, 352.21, 362.29–30, 370.21, 370.22, 372.1, 372.20–22, 373.18, 374.2, 374.15–16, 375.15, 389.27, 399.4, 399.16–17, 411.12, 420.11, 420.15, 428.18, 431.3, 450.6, 453.27, 454.1, 454.13, 454.28, 459.22, 463.27, 464.8, 464.19–20, 464.23, 467.6, 467.12, 468.6, 468.22, 468.25, 472.16, 472.17, 476.7, 478.14, 478.19, 478.25, 481.14, 483.15, 484.12,

которую, но все же сравнительно небольшую долю составляют не относящиеся к нашей теме выражения, например, «грады и страны» (ср. современное «грады и веси»), «сухая страна града» (имеется в виду сухопутная, а не морская сторона периметра Константинополя), «страна градскыя стѣны» и т.п., но таких меньшая часть, около 20 примеров. Названий конкретных стран — «Болгарская», «Фракии́ская»... — более половины, 79 примеров. В том числе имеется «Иудейская страна»³¹, несмотря на наличие библейских заимствований, где «страны» — часто обозначение «языкъ»³², т.е. «неиудеев», а также «Гречьская страна»³³. Хотя подобные сочетания редки и рекорды бьют все-таки «дальние» земли: «Инди́йская», «Миди́йская», «Арменъская» и пр. В древнеболгарском переводе Хроники Иоанна Малалы (X в.) слово «страна» встречается около 175 раз³⁴, из них названий конкретных стран — 98. В Александрии (переведена в Болгарии в X в. или же в Древней Руси в XI в.,

485.10, 487.21, 491.11, 491.19, 498.18, 498.21–22, 506.19, 508.16, 509.10, 509.13, 509.26, 513.17–18, 521.5, 521.7–8, 521.11, 521.19, 522.21, 522.23, 523.6, 524.19, 524.21, 529.27, 530.23, 530.29–30, 533.13, 545.26, 548.13, 563.4–5, 564.29, 565.3, 566.19, 567.19, 568.4. Следует оговорить, что выборка по ПВЛ и другим летописям произведена по электронным вариантам сводов, а по другим памятникам — вручную, что обычно дает некоторую погрешность.

³¹ ГА 37.9, 196.21, 210.6–7, 217.4.

³² Напр., ГА 89.20 «поработаютъ ти страны».

³³ ГА 352.21 «Римьскою и Гречьскою странаю»; ГА 362.29–30 «от Гречьскыя страны въ Персьскую»; ГА 498.21–22 «от Гречьскы страны... в страны Сурскы»; ГА 565.3 «въ Гречьскую страну».

³⁴ *Истрин В.М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. М., 1994. С. 24, 25 (2), 27, 28, 29, 70.8, 72.15, 73.7, 74.20, 75.9, 77.5, 77.8–9, 78.3–4, 78.19, 79.5, 79.11, 79.10, 79.18, 80.6, 80.8, 80.11, 80.21, 83.11, 83.15, 83.23, 85.8–9, 86.11, 87.17, 102.6, 103.7, 103.14, 103.26, 104.12, 109.9, 109.12, 109.16, 109.21, 110.17–18, 110.19, 111.7, 111.9, 111.20, 114.7, 114.10–11, 114.14, 115.18–19, 117.2, 117.3–4, 117.11, 119.5, 122.9–10, 123.19–20, 123.21–22, 123.23–24, 123.25, 124.3, 124.6, 124.11, 124.16, 125.9, 125.17–18, 129.29–130.1, 130.14–15, 133.25, 133.16, 133.27, 134.1, 135.4, 139.4–5, 145.21, 146.22, 148.5–6, 150.5, 150.7, 150.17–18, 150.19, 150.24, 151.21, 152.2, 152.4–5, 152.6, 173.11, 173.11–12, 173.19, 175.12, 176.16, 177.9, 178.19–20, 179.3, 179.10–11, 179.25, 180.13–14, 180.19, 180.20–21, 181.4, 181.15–16, 181.21, 181.23, 182.11, 182.13, 182.14, 182.24, 182.26, 183.16, 183.20–21, 186.10–11, 186.26–27, 188.11, 189.6 (наша), 189.13, 197.2–3, 197.12, 220.4, 221.30, 222.2, 222.12–13, 225.8, 225.15–16, 226.19, 227.16, 228.2, 228.3, 228.9, 228.12, 228.17, 230.21, 231.5, 231.11–12, 232.1, 232.2, 232.5–6, 232.8, 232.17–18, 232.18, 233.11, 233.18, 260.19–20, 261.6–7, 262.3, 264.8–9, 264.15, 265.11, 267.13, 271.10, 272.14–15, 274.5–6, 276.6–7, 280.5, 280.18, 292, 307.14, 308.24, 309.2, 309.4, 313.21–22, 316.1–2, 316.24–25, 319.2, 335.17, 338.9, 340.17, 342.10, 342.16, 342.22–23, 342.25, 344.18, 349.6, 349.14, 349.25, 350.12, 350.18, 354.30–355.1, 360.8.

В.М. Истрин считал, что текст ее присоединялся к спискам Хроники Иоанна Малалы) — 58 раз, удельный вес наименований стран наименьший — 15³⁵. В Римском Патерике (древнеболгарский перевод Х в.) — всего 48 примеров словоупотребления, названий конкретных стран — 37³⁶. Может быть, мы имеем дело с особенностями именно ранних переводов. Во всяком случае, в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, которая, как считается, переведена уже в XII в. древнерусским книжником, «страна» — слово отнюдь не высокочастотное (9 примеров)³⁷.

Нетрудно заметить, что в ПВЛ слово «страна-сторона» появляется преимущественно в книжных или переведенных с греческого фрагментах. Даже там, где сюжеты, казалось бы, светские, часто ощущается опосредованное влияние переводных памятников. Например, эпизод о хазарской дани³⁸ имеет отчетливые библейские коннотации³⁹. В описании периода княжения Святослава Игоревича находим микрозаимствования из Хроники Амартола⁴⁰. Известное высказывание о

³⁵ Подсчеты вместе со статьей «О врахманех». *Истрин В.М.* Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893. Ч. II. С. 6, 27, 27, 29, 32, 32, 34, 37, 46, 47, 48, 51, 56, 56, 59, 66 (2), 66, 67, 70 (3), 71, 71, 74, 75, 75 (2), 75, 79, 80, 81, 85, 88, 90, 91, 93, 95, 96 (2), 96, 97 (3), 98, 101. В статье «О врахманех»: Там же. С. 107, 107, 108, 108, 109 (3), 110, 116, 116, 120 (2).

³⁶ См.: Патерик Римский. Диалоги Григория Великого в древнеславянском переводе / Изд. подг. К. Дидди. М., 2001. С. 15, 25, 27 (2), 41, 51, 59, 69, 73, 75, 83, 91, 93, 99 (2), 115, 165, 213 (2), 215, 219, 221, 225, 225, 231, 251, 261 (здесь примечательное сочетание «въ странах Нурсинскы земля» — ἐν τοῖς μέρεσι τῆς Νουρσίης χώρας), 271, 273 (2), 279, 285, 291, 295, 303–304 (2), 313, 319, 341, 379, 383, 407, 409 (2), 419, 429, 455, 477 (2).

³⁷ «История иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод / Изд. подг. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева, Г.С. Баранкова, А.А. Уткин. М., 2004. Т. 1. 355а.1, 383г.37, 396в.12, 406г.5–6, 428г.36, 429б.16, 430а.17, 430а.24, 477г.33–34. Правда, достаточно высокий удельный вес наименований конкретных стран (6 из 9), притом, греческие соответствия разнообразны (не только χώρα или μέρος). См.: 355а.1 «по вѣсьмъ Галилеискымъ странамъ» — τῆν Γαλιλαίαν; 396в.12 «Несския страны» — τῆς... τοταρχίας; 406г.5–6 «въ Нарватинскыхъ стра/на/хъ» — τῆν... τοταρχίαν; 430а.24 «Скуфьполскую страну» — τῆς... γῆς; 428г.36 «и прочаа страну Иудьскы» — τὰ... κλίματα; 477г.33–34 «въ Египетскихъ странахъ» — в греческом тексте нет соответствия.

³⁸ 17.14Л «...си имуть имати дань на насъ . и на инѣхъ странахъ».

³⁹ *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций. М., 1999. С. 327–335.

⁴⁰ Ср.: 64.22–23Л «князю Стославу възростъшю и възмужавшю . нача вои совокупяти многи и храбры» — ГА 504.24–25 «црю же възможавшю, на ловѣх и о конехъ борзости и подрумию прилежашю». 73.31–74.1Л «и бѣ гладь великъ . яко по полугривнѣ глава коняча» — ГА 180.14 «яко продатися главѣ ослина .л. сребрьникъ»;

разделе земли между Ярославом и Мстиславом 1026 г.⁴¹ попадает в блок известий с несколькими микрозаимствованиями из Хроники Малалы⁴². Краткое известие о нашествии саранчи 1095 г., вероятно, связано с настроениями Откровения Мефодия Патарского⁴³ или, прямо, Апокалипсиса, ведь саранча была одним из апокалиптических знаков. А повествование 1097 г. имеет своим образцом рассказ о чудесном избавлении Гедеоном сынов Израилевых от мадиамитов⁴⁴. Почему нет наименований конкретных стран в авторском тексте ПВЛ — может быть, потому, что «страны» в восточно-болгарской и древнерусской редакциях обозначало также библейское ‘языки’ и ‘язычники’ (что отчетливо показывает «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона). Это если предполагать, так сказать,

ГА 363.6–7 «толикъ гладь одержаше и, яко и конину и мьщину ясти имь». 74.5–7Л «и убиша Стослава . /и/ взяша главу его . и во лбѣ его . съдѣлаша чашю . оковаше лобъ его . и пяху по немь» — ГА 487.24–25 «Никифору ж главу усѣкнувъ, на древѣ повѣсивъ нѣ за колико дни, потом же обнаживъ лѣба и оковавъ серебромъ извну, и повелѣ пити из неа кнземъ блѣгорскимъ».

⁴¹ Под 1026 г.: 149.16Л «Ярославъ прия сю сторону /ИХ страну/ . а Мьстиславъ ону».

⁴² Ср.: 146–147Л и *Истрин В.М.* Хроника Иоанна Малалы. 27.31–36 (греческий текст: *Ioannis Malalae Chronographia* [Corpus Fontium Historiae Byzantinae / Ed. H-G. Bech, A. Kambylis, R. Keydell. Berolini; Novi Eboraci, 2000. Vol. XXXV]. 12.22–24).

ПВЛ

Мьстиславу сущю . Тмутороканю . поиде на касогы... но съидевѣ ся сама бороть... нача изнемагати Мьстиславъ . бѣ бо великъ и силенъ Редедя... зарѣза Редедю . /и/ шедь в землю его . взя все имѣнье его...

Малала

(кн.1) ше^а на акасна нѣкоего (Καυκάσῳ τῖνι) тому сущю мужю и храбру гиганска рода пришедшу от колѣна Сифова (ἐκ τῆς φυλῆς τοῦ Ἰάφεθ) сна Ноева и бився с тѣмъ кавкасином и уби и прия землю его.

См. также о Мстиславе: 150.20–21Л и *Истрин В.М.* Хроника Иоанна Малалы. 117.9, 348.7.

великыма очима . храборъ на рати

(кн. 5) великома очима; (кн.17) бѣ же тѣломъ среднии, на ратехъ добръ

Ближайшее соответствие в портретных описаниях из Хроники Амартола — «очи ему велицѣ», ГА 427.19. «Бѣ же тѣломъ среднии» — также использовано в ПВЛ, имеется в сюжете о Владимире Святославиче и переяславском отроке. Подробнее о микрозаимствованиях из хроник Амартола и Малалы см.: *Вилкул Т.Л.* Повесть временных лет и хронограф // *Palaeoslavica*. Cambridge, Mass., 2007. XV. № 2. С. 56–116.

⁴³ 229.22–23Л, 1095 г. «идяху к полунощнымъ странамъ . ядуца траву и проса». Ср. о «странахъ полунощныхъ» в заимствовании из Откровения Мефодия; 236.3–4Л.

⁴⁴ Ср. 271.9Л и Суд.7.6–8.11. Гедеон также делил «полкъ» в 300 человек на 3 полка, и избитых мадианитов было 100 000.

«литературное» основание того, почему летописец избегал подобных сочетаний. Но, возможно, существовали какие-то предпочтения в древнерусском узусе, для нас сейчас труднореконструируемые. К примеру, слово «страна» могло означать только ‘дальняя страна’ — как это однажды проявилось в рассказе о св. Антонии: «и възложи сему Бъ в сердце въ страну ити»⁴⁵.

Говоря о влиянии на летопись переводных памятников, преимущественно имеют в виду тексты хронографические — в широком смысле этого слова. В хронографы часто входило Восьмикнижие либо отдельные ветхозаветные книги. По крайней мере, древнейшие хронографы, дошедшие до нас, так называемый Иудейский и Троицкий, — включают, кроме фрагментов Хроник Амартола, Малалы и Александрии, также Восьмикнижие (и, фрагментарно, иные книги — пророка Даниила и др.)⁴⁶. Что было в Хронографе по великому изложению — к сожалению, неясно⁴⁷, но очевидно, что ветхозаветные тексты и хроники не отграничивались жестко древнерусскими книжниками друг от друга⁴⁸. При этом слово «страна» встречается особенно часто в Книге Иисуса Навина. Обычно здесь и сочетание «она / си страна» реки, чаще всего применительно к Иордану. В иных библейских книгах частотность меньшая, но также довольно значительная⁴⁹.

⁴⁵ 156.13Л, 1051 г.

⁴⁶ Иудейский Хронограф или Хронограф 1262 г. включает все Восьмикнижие; известен в Виленском, Архивском и Варшавском списках (списки XV–XVI вв.). Троицкий в списке нач. XV в. не имеет начала и начинается с Книги Иисуса Наввина.

⁴⁷ *Творогов О.В.* Летописец Еллинский и Римский. Текстологические и источниковедческие проблемы // Летописец Еллинский и Римский. СПб., 2001. Т. 2. С. 152.

⁴⁸ Иначе говоря, хроники в каком-то смысле включались древнерусскими книжниками в Священное Писание. Например, в Галицко-Волынской летописи (Ипат. за XIII в.) слова Александра Македонского, взятые из Александрии Хронографической и вложенные в уста галицкого князя Даниила Романовича, сопровождаются характерной ремаркой: «яко же Писание глаголетъ». Ср.: 767И «Данилови же рекшоу . яко же писание гтѣ . медля на брань . страшливою дѣю имать» — *Истрин В.М.* Александрия. С. 61 «яко црь, позядся на брань, оуже явился естъ противнымъ, яко страшиву душу имать на брань».

⁴⁹ Разумеется, частотность употребления слова «страна» может варьироваться от списка к списку, синонимами слова «страна» выступают «языкъ» и «поль». По списку Троицкого хронографа — в Ис.Нав. всего 40 случаев словоупотребления, из них «сия / она страна» Иордана или, реже, др. реки — 19, Суд. — 10 случаев, «сия / она страна» — 4, 1 Цар. — 4 случая, «сия / она» — 2, и т.д. Может быть, библейское «сия / она страна» Иордана повлияло и на частотность выражения «сия / она страна» Днепра в летописании XI–XII вв.

В начальной части Виленского списка Иудейского хронографа, куда входят извлечения из Златоуста и Шестоднева, книги 1–4 Хроники Малалы, отдельные

ПВЛ в известном смысле задавала тон для последующих летописей. Тем не менее, картина не была статичной. Позволю себе еще немного статистики. В Киевском своде (т.е. в тексте Ипат. за XII в.) слово «страна / сторона» встречается 58 раз, 10 — в общих с Лавр. фрагментах⁵⁰. В суздальском своде (Лавр.) в записях за XII в. — 15 раз⁵¹. В НПЛ обеих редакций за XII в. — единичное упоминание под 6621 г.⁵² Из них в выражении «сия/она сторона» по отношению к Днепру в Ипат. 20 упоминаний, в том числе 4 общих с Лавр.; в Лавр. именно эти 4 случая⁵³. «Сия /она» по отношению к иным рекам в Ипат. — 12 раз (1 общий с Лавр.), в Лавр. 2 раза⁵⁴. В записях за XIII в. картина следующая: Лавр. — 13 примеров⁵⁵,

заимствования из Амартола и некоторые другие источники (Хронограф Виленский. Библиотека АН Литвы. F19–109/1. Л. 1–95) «страна» упоминается во фрагментах, заимствованных из Шестоднева: л. 2 об., 6 (2) — всего 3 раза. Из книги Бытия: л. 19 об.–20, 23, 23 об., 24, 57, 57 об., 58 об., 59 об., 85 об., 94 об. (2) — 11 раз. Из книги Иова: л. 53 об. — 1 раз. Из Хроники Малалы: л. 25 об.–26, 31 об., 32 (2), 32 об. (2), 33, 34 об., 35, 35 об., 36 (2), 36 об., 37 (2), 37 об. (2), 38 (4), 38 об. (4), 39 об., 40 (3), 41, 41 об., 42 (3), 43 об., 44 (2), 44 об. (2), 46 (2), 47 (3), 47 об. (2), 48 (4), 48 об., 50 (3), 51 — 53 раза. Из Хроники Амартола: л. 29 об., 51 об. (2), 53, 53 об. (5) — 9 раз. Наконец, из неизвестного хронографического источника, л. 26 об. — 4 случая. При этом около половины текста в этой части составляет Книга Бытия.

⁵⁰ Общие с Лавр. обозначены как ЛИ. См.: 1111 г.: 273И; 1114 г.: 277И; 1115 г.: 280И, 281И (дважды); 1126 г.: 289И (ЛИ); 1135 г.: 296И; 1144 г.: 314И, 315И (ЛИ); 1145 г.: 318И; 1148 г.: 362И (дважды); 1149 г.: 379И, 380И, 381И; 1150 г.: 396И, 398И (ЛИ), 402И, 411И, 416И; 1151 г.: 424И (ЛИ), 425И (ЛИ), 425И (дважды), 431И, 432И, 440И; 1152 г.: 448И, 457И, 465И (дважды); 1154 г.: 473И; 1171 г.: 546И; 1172 г.: 549И, 555И (ЛИ), 556И (ЛИ, дважды); 1173 г.: 562И (ЛИ); 1174 г.: 578И; 1175 г.: 591И; 1176 г.: 600–601И; 1178 г.: 610И; 1180 г.: 614И, 615И, 619И; 1183 г.: 631И (дважды); 1185 г.: 639И, 646И, 648–649И, 651И; 1187 г.: 655И (дважды); 1190 г.: 671И; 1193 г.: 675И (дважды), 677И; 1197 г.: 703И.

⁵¹ 1125 г.: 293–294Л; 1144 г.: 311Л; 1150 г.: 326Л; 1151 г.: 331Л (дважды); 1169 г.: 357Л, 358Л, 358–359Л; 1171 г.: 362Л; 1177 г.: 384Л; 1186/1 г.: 399Л; 1186/3 г.: 404Л, 405Л.

⁵² НПЛ. С. 20, 204, 6621 /1113 г. «Въ то ж лѣтъ погорѣ онъ поль на сеи же сторонѣ городъ кромьньи от Лукинъ пожръ». Сочетается «поль» и «сторона», что позволяет предполагать редактирование текста.

⁵³ Ипат. под 1135 г.: 296И; 1148 г.: 362И (дважды); 1150 г.: 396И, 402И, 416И; 1151 г.: 425И, 432И, 440И; 1152 г.: 457И; 1154 г.: 473И; 1171 г.: 546И; 1172 г.: 549И; 1174 г.: 578И; 1185 г.: 648–649И; 1193 г.: 675И. Лавр. под 1150 г.: 326Л–398И; 1151 г.: 331Л–424И, 331Л–425И; 1169 г.: 357Л–555И.

⁵⁴ Ипат. под 1145 г.: 318И; 1149 г.: 379И, 380И, 381И; 1150 г.: 411И (дважды); 1151 г.: 431И; 1152 г.: 448И; 1180 г.: 619И; 1185 г.: 639И, 651И. В Лавр. под 1144 г.: 311Л (ЛИ); 1177 г.: 384Л.

⁵⁵ Под 1206 г.: 424Л; 1223 г.: 445Л, 446Л; 1230 г.: 455Л; 1231 г.: 458Л; 1236 г.: 460Л; 1237 г.: 460Л (дважды), 463Л, 464Л; 1263 г.: 477–478Л, 478Л (дважды), 481Л.

Галицко-Волынская летопись — 30⁵⁶, НПЛ за XIII в. — 15 в старшей редакции и 25 в младшей редакции⁵⁷.

Различно использование неполногласного и полногласного вариантов. Для окончания ПВЛ по Ипат. характерно «страна»: 1111, 1114, 1115 (дважды) гг.⁵⁸ Единственное написание с полногласием — в рассказе о перенесении мощей св. Бориса и Глеба 1115 г., где, однако, давно подозревали редактирование текста и где наблюдается небольшое дублирование и несогласования: «а Давыдъ и Олегъ . хотяшета поставити я в комару . идеже отьць мои назнаменаль . на правои сторонѣ... поставиша я в комару тою на деснѣи странѣ кде ныне лежита»⁵⁹. Напротив, далее в Киевском своде XII в. неполногласие редко, притом встречается преимущественно в тех описаниях, где наличествует церковно-книжная топка. Это статьи 1126 г. (похвала умершему Владимиру Мономаху⁶⁰); 1154 г. (известие о походе, идущее вслед за подробным этикетным описанием похорон Вячеслава Владимировича и сделанное той же рукой⁶¹), 1173 г. (второй поход Михалка Юрьевича на половцев⁶²); 1175 г. (похвала убиенному Андрею Боголюбскому⁶³); 1187 г. (рассуждение

⁵⁶ Под 1224 г.: 741И, 745И (дважды); 1225 г.: 747И (дважды); 1229 г.: 758И, 760И; 1231 г.: 765И; 1234 г.: 773И (дважды); 1237 г.: 782И; 1240 г.: 789И; 1245 г.: 796–797И; 1248 г.: 799И, 799–800И; 1250 г.: 807–808И, 808И, 808–809И; 1251 г.: 810И; 1253 г.: 819И; 1256 г.: 831И; 1259 г.: 844И; 1261 г.: 852И (дважды), 853И (дважды); 1280 г.: 881И; 1283 г.: 893И; 1289 г.: 923И, 933И.

⁵⁷ НПЛ, под 1204 г.: С. 46, 241; 1209 г.: С. 50, 247; 1224 г.: С. 62, 264 (дважды); 1230 г.: С. 69, 277; 1240 г.: С. 290 (только НПЛ мл.), 291 (дважды); 1241 г.: С. 297 (только НПЛ мл., дважды); 1245 г.: С. 298 (только НПЛ мл.), 300; 1251 г.: С. 305 (только НПЛ мл., дважды), 306; 1255 г.: С. 81, 308; 1259 г.: С. 82, 310 (дважды); 1266 г.: С. 85, 314, 315 (дважды); 1270 г.: С. 89, 320 (дважды), 321; 1294 г.: С. 328 (только НПЛ мл.); 1299 г.: С. 90, 329.

⁵⁸ В отличие от последних статей с полногласием («сторона») в ПВЛ обеих редакций (1092–1097 гг.). Впрочем, в целом это не противоречит словоупотреблению ПВЛ, поскольку здесь в книжных сюжетах представлены исключительно неполногласные варианты, а записи 1111, 1114 и 1115 гг. можно с полным правом отнести к книжным.

⁵⁹ 281И «Сторонѣ» только в И, в X «странѣ» (но в X вообще чаще неполногласные варианты, см.: 299И, 425И, 432И).

⁶⁰ Перевод на современное летосчисление от Р.Х. — стандартный, на самом деле 1125 г., год ультрамартовский. Выражение общее с Лавр.: 293–294Л «его имене трептаху вся страны . и по всѣм землям изиде слух его» — 289И «егоже слухъ прозиде . по всимъ странамъ».

⁶¹ 473И «ѡха опять на ону страну к полком своимъ».

⁶² Общее с Лавр., в Лавр. под 1171 г.: 362Л–562И «придоша половци на Киевскую сторону / страну» (сторону ЛРАП, страну ИХ).

⁶³ 591И «и гость приходилъ изъ Цсрягорода и от /и/нихъ странъ . изъ Рускои земли и . аче латининъ . и до всего хрстьянства . и до всеѣ погани».

о знаменях и Божественном провидении⁶⁴); 1197 г. (посмертная похвала Давыду Ростиславичу⁶⁵). В Лавр. такой жесткой корреляции не прослеживается, хотя неполногласие также сравнительно редко: 1125 г. (похвала Мономаху); 1144 г. (описание похода на Галич⁶⁶); 1171 г. (второй поход Михалка Юрьевича на половцев); 1186 г. (в устойчивом выражении «разидошася в страны своя»⁶⁷).

Что касается деления по Днепру и обозначения «сия / она сторона», то, как правило, считают, что для киевского летописца «сей» стороной было Правобережье Днепра («сия» сторона от Киева) и «оной» — Левобережье, а для суздальского и переяславского — наоборот. В большинстве случаев отмеченная закономерность подтверждается⁶⁸. Тем не менее, имеются и исключения. Так, в Киевском своде в статье 1148 г. сказано: «Изяславъ же по оноѣ сторонѣ иде Киеву... и того дѣля поидохомъ на ону сторону», несмотря на то, что князь перешел Днепр у Любеча, возвращаясь в Киев из Черниговской земли⁶⁹. Под 1152 г. говорится, что Вячеслав Владимирович с Изяславом Мстиславичем «стояшета на сеи сторонѣ . Днѣпра у Лжичь»⁷⁰, хотя село Ольжичи находилось на Левобережье и, значит, «сия сторона» здесь могла быть «сей» для черниговчан или суздальцев. То же касается Лавр. В 1150 г., в общем с Ипат. отрывке, Мстислав Изяславич «послася на ону сторону к турпѣмъ и к дружинѣ». Турпеи же проживали в Переяславской земле, и нагнали их у Сакова, городка на Левобережье, что обличает взгляд из Киева⁷¹. Встречается и такое явление, когда обозначение «сия» /

⁶⁴ 655И «знамения же та не по всей землѣ бывають . но на ню же зе страну . влѣдка . что хочеть навести».

⁶⁵ 703И «такое же нѣ^с в полунощной странѣ». Кроме того, еще 2 примера в общих с Лавр. фрагментах (424И, 562И). Всего 10 случаев из 58 (еще 3–4 — только в X, при полногласных вариантах в И).

⁶⁶ В этом случае только по Л и П (Летописец Переяславля-Суздальского), РА аналогично ИХ, где «сторона». Выражение общее для Лавр. и Ипат.: «и ста по сеи сторонѣ (П странѣ) города . а Володимерь об ону страну (так ЛП, РАИХ сторону)»; 311Л–315И.

⁶⁷ Под 1186 г.: 399Л, 404Л, 405Л («иде инѣмъ путем в страну свою»). Пять примеров из 15.

⁶⁸ Ср. Ипат.: 1135 г.: 296И; 1150 г.: 396И, 402И, 416И; 1151 г.: 424ЛИ, 425И (2ЛИ); 1152 г.: 432И, 440И; 1154 г.: 473И; 1171 г.: 546И; 1172 г.: 549И; 1174 г.: 578И; 1185 г.: 648–649И; 1193 г.: 675И, 677И. Лавр.: 1151 г.: 331Л (дважды, известие общее с Ипат., но «сия / она», как уже отмечалось, варьируется), 1169 г.: 357Л (дважды, общее с Ипат.).

⁶⁹ 362И (дважды).

⁷⁰ 457И.

⁷¹ 326Л.

«она» меняется по ходу рассказа, в зависимости от местоположения действующих лиц, а не автора летописной статьи. Так, в Лавр. в описании первого похода Михалка Юрьевича 1169 г. (текст общий с Ипат.)⁷², сказано, что одни половцы подошли к Песочну, городку около Переяславля, «а друзии придоша по оной сторонѣ Днѣпра г Києву . и стаха у Корсуня». Глеб Юрьевич ехал к переяславским половцам, при этом приводятся речи корсунских: «се Глѣбъ ѣхаль на ону сторону къ онѣмъ половцем». Далее Глеб заключил мир с переяславскими и направился к корсунским: «и хотящю ему на ону сторону Днѣпра . г Корсуню». Иными словами, князь переезжает с одного берега на другой, но всякий раз говорится об «оной стороне»⁷³. В Ипат. под 1193 г. встречаем аналогичный рассказ: «Бурчевичи приѣхаша по оной сторонѣ Днѣпра . противу Коневу⁷⁴ . и не ѣхаша на ону сторону но рекоша Стославу и Рю/ри/кови ажъ вамъ любо едите к намъ на сию сторону»⁷⁵. По-видимому, в таком случае, имеем дело с конкретным мышлением. Вообще же переменное значение определений «сия» / «она» не должно удивлять, ведь в суздальский свод вошли фрагменты киевского летописания, а в Киевском своде прослеживается влияние черниговских и суздальских записей. Как уже отмечалось в литературе, можно говорить не только о взгляде «из Суздаля», но и «из Чернигова». Например, статьи 1148 и 1152 гг. Киевского свода, где под «сей» стороною понимается Левобережье, подробно расписывают деяния Вячеслава Владимировича, Изяслава и Ростислава Мстиславичей и касаются вроде бы киевских дел, но, как кажется, выдают черниговца⁷⁶.

Еще одно интересное обозначение — «Киевская» или «Черниговская сторона» (иные определения, такие как «Суздальская», «Галицкая» и т.п. — и в киевском, и в суздальском своде отсутствуют). Хронологически они распределяются так. Лавр. — единственное известие 1171 г. (общее с Ипат., второй поход

⁷² 357–358Л.

⁷³ Аналогичное явление наблюдается в ПВЛ в описании осады Киева 968 г. Ср.: «собрашеся люде . оная страны Днѣпра в лодяхъ . об ону страну стояху» — и в речи тех же людей: «не ли кого иже бы могль на ону страну дойти»; 65.27–29Л, 66.2Л.

⁷⁴ X Канева.

⁷⁵ 675И.

⁷⁶ Может быть, не черниговца, а новгород-северского летописца. См.: *Вілкул Т.* Літопис Святослава Ольговича у складі Київського зводу XII століття // До джерел. Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя. Київ; Львів, 2004. Т. II. С. 63–74.

Михалка Юрьевича, речь идет о Киевской стороне⁷⁷). Киевский свод: 1140 г. (краткое известие о небывалом снегопаде на Киевской стороне⁷⁸); 1173 г. (второй поход Михалка, Киевская сторона); 1180 г. (Черниговская⁷⁹); 1183 г. (Черниговская⁸⁰); 1185 г. (Киевская⁸¹); 1187 г. (Киевская⁸²). Встречаются они, как видим, в основном в 1170–1180-х гг. Вполне возможно, что первое краткое известие Ипат. 1140 г. появилось вследствие редактирования. (Составитель Киевского свода работал, видимо, в первых десятилетиях XIII в.⁸³, но правил в том числе и статьи 30–50-х гг. XII в.⁸⁴) Само известие, скорее всего, не выдуманно, т.к. сообщения о погоде и природных явлениях обычно не пользовались особым вниманием летописцев и не интерполировались задним числом, если только речь не шла о знаменьях. Однако, как кажется, здесь введено уточнение относительно места события (в противном случае необходимо предполагать некиевское происхождение известия). Не исключено, что наличие в Ипат. за XII в. только Киевской и Черниговской сторон связано с известной сентенцией Киевского свода о том, что Ярослав разделил землю по Днепру, и со сценой спора смоленских, волынских и черниговских князей о том, кому принадлежит Киев, вылившегося в спор о «сей» и «оной» стороне: «Вам си сторона не надобе»⁸⁵. С учетом того, что в Киевском своде достаточно много черниговских и новгород-северских известий и здесь давно предполагали руку какого-то черниговского летописца, не исключено, что мотив был достаточно важным для составителя свода и проявился не только в диалогах князей, но и в обозначениях «сторон» Приднепровья.

⁷⁷ В Ипат. и Лавр. два похода Михалка Юрьевича, см.: 355–361Л — 555–559И, 362–363Л — 562–563И. Одно из описаний, по-видимому, сделано на основе второго, или, не исключено, оба на основе какого-то краткого исходного текста.

⁷⁸ 314И.

⁷⁹ 614И, 615И.

⁸⁰ 631И.

⁸¹ 646И.

⁸² 655И.

⁸³ *Толочко А.П.* О времени создания Киевского свода «1200 г.» // *Ruthenica*. Київ, 2006. Т. V. С. 73–87.

⁸⁴ *Вилкул Т.Л.* О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. (предварительные заметки) // *Palaeoslavica*. Cambridge, Mass., 2005. Vol. XIII. № 1. С. 21–80.

⁸⁵ Ср. примечательную неувязку в статье 1174 г.: 578И «чему тобѣ наша отчина тобѣ си сторона не надобѣ... а колко тобѣ до него только и мнѣ». Речь шла о «стороне», но в ответе подразумевается Киев, откуда и муж. род.

Вообще, наименования конкретных «стран» в древнерусских летописных сводах редки, что, как уже отмечалось, контрастирует с переводными источниками. Тон задает ПВЛ, где всего 7 таких названий из 80, притом все они взяты из переводных текстов. Далее в Лавр. единичное упоминание «Киевской страны» в записях за XII в. и еще одно — «Куманских стран» — за XIII в.⁸⁶ Чуть чаще подобные выражения встречаются в Киевском своде, соотношение 6/58 («Киевская сторона» и «Черниговская») и Галицко-Волынской летописи, 3/30 («Немецкие страны», «Черниговские» и «Перемышльская»). При этом известно, что как ПВЛ, так и Галицко-Волынская летопись испытали сильное влияние хронографических сочинений⁸⁷. По моим наблюдениям, то же самое можно сказать и о Киевском своде, где прослеживаются заимствования из Александрии, «Истории иудейской войны», Хроники Георгия Амартола и Хроники Иоанна Малалы⁸⁸. Стандартное же наименование какой-либо области — «земля».

Удивляют колебания частотности и смена полногласных и неполногласных вариантов. Преобладание полногласных вариантов в XII в., казалось бы, должно свидетельствовать о том, что слово освоено. Диссонансом звучит только НПЛ (где «страна / сторона» в записях обеих редакций за XII в. появляется единственный раз⁸⁹), ведь этот свод небезосновательно считается образцом более свободного от книжных конструкций древнерусского языка. Но в летописях XIII в. наблюдаются странные явления. Прежде всего, в Лавр. нет ни одного полногласного варианта и все до одного упоминания «стран» или «страны» встречаем в книжных повествованиях. Первый пример 1206 г. — в библейской цитате⁹⁰, далее следует повесть о Калкской битве (начинающаяся ссылкой на Ме-

⁸⁶ Последнее упоминание из повествования о битве на Калке из суздальского свода позаимствовала НПЛ.

⁸⁷ См., напр.: *Шахматов А.А.* «Повесть временных лет» и ее источники; *Орлов А.С.* К вопросу об Ипатьевской летописи // ИОРЯС. 1926. Л., 1926. Т. XXXI. С. 93–126; *Перетц В.Н.* До питання про літературні джерела давньоукраїнського літопису // Збірник Історично-філологічного відділу УАН. Ювілейний збірник на пошану акад. М.С. Грушевського. Київ, 1928. № 76. Ч. II. С. 213–219; *Вилкул Т.Л.* «Литредакция» летописи (о вставках из Александрии Хронографической в Киевском своде XII в.) // *Герменевтика древнерусской литературы*. М., 2008. Сб. XIII. С. 425–446.

⁸⁸ См.: *Вилкул Т.Л.* О хронографических источниках Киевского летописного свода (в печати).

⁸⁹ И, как уже отмечалось, вообще отсутствует в НПЛ старшей редакции за XI в.

⁹⁰ 424Л «тако и гъ ре^ч . цръ странъ владуть ими . и князи обладають ими».

фодия Патарского)⁹¹, знамение⁹², описание церкви⁹³, повествование о татарском нашествии (включающее библейские цитаты)⁹⁴ и поддержки из Жития Александра Невского⁹⁵. В этой части летописи достаточно часто встречаются заимствования из ПВЛ⁹⁶, в том числе, включающие фрагменты переводных текстов (например, под 1237 г. «имѣнья не мало обою страну взяша» — из статьи 941 г., где составитель ПВЛ использовал Хронику Амартола в соединении с Житием Василия Нового). Галицко-Волынская летопись с точки зрения распределения полногласных-неполногласных вариантов достаточно четко делится на две части: до 1256 г.⁹⁷ и после, что коррелирует с предполагаемыми этапами составления свода: галицким (холмским) и волынским⁹⁸. Первый составитель Галицко-Волынской летописи (до рубежа 1250–1260-х гг.) использовал так называемый Иудейский хронограф⁹⁹, для этого участка текста характер-

⁹¹ 445Л «придоша бо ти Таурмению всю страну Куманьску»; 446Л «и мы слышахо^а яко многы страны по^лѣниша . ясы . обезы . касогы».

⁹² В серии недобрых знамений и природных потрясений под 1230 г.: 455Л «поне^ж оболочи малии частии . с полунощныя стра^ма борзо бѣжаху на слнце на полудѣньну страну».

⁹³ 1231 г.: 458Л «двери црквѣныѣ прекрасны . яже наричются Златыя . сушая на полудньной странѣ».

⁹⁴ 1236 и 1237 гг.: 460Л «Придоша от восточныя страны в Болгарьскую землю безбожнии Татари»; 460Л «На зиму придоша от восточныѣ страны . на Рязаньскую землю лѣсо^а безбожнии Татари»; 460Л «имѣнья не мало обою страну взяша . пото^а поидоша на Коломну»; 463Л «а сюдѣ от сѣверныѣ страны от Лыбеди . ко Оринины^а ворото^а и к Мѣдьяны^а»; 464Л «и оттолѣ всю ту страну . и грады многы . все то пѣниша».

⁹⁵ 477–478Л, 481Л.

⁹⁶ Прохоров Г.М. Радзивилловский список Владимирской летописи по 1206 год и этапы владимирского летописания // ТОДРЛ. М.; Л., 1989. Т. XLII. С. 73 и др.

⁹⁷ Правда, хронология Галицко-Волынской летописи условна, даты, за несколькими исключениями, проставлены только в одном из списков, Ипатьевском, поэтому расхождение с реальными датировками может составлять до 3–4 лет. См.: Толочко А.П. О хронологии Ипатьевского списка Галицко-Волынской летописи // Palaeoslavica. Cambridge, Mass., 2005. Vol. XIII. № 1. С. 81–108.

⁹⁸ Орлов А.С. К вопросу об Ипатьевской летописи... С. 93–126; Он же. О галицко-волынской летописании. С. 15–35; Генсворьский А.И. Галицко-Волынский літопис (процес складання; редакції і редактори). Київ, 1958. В литературе существует мнение о целой серии галицких и волынских сводов (см.: Пауцто В.Т. Очерки истории Галицко-Волынской Руси. М.; Л., 1950, а также работы Н.Ф. Котляра), что, однако, не отменяет основного членения. Гипотеза о делении на галицкую (холмскую) и волынскую части поддерживается и комплексом использованных источников, различных для обеих частей, и особенностями языка, в числе которых распределение полногласных и неполногласных вариантов.

⁹⁹ Во второй половине свода также имеются цитаты из хронографа, но, как отмечалось в литературе, «повторного использования», т.е. из галицкой (холмской) половины.

но неполногласие¹⁰⁰, во второй же части видим заимствования из ПВЛ и Киевского свода, и здесь обычны полногласные варианты¹⁰¹. И именно в «галицкой» («холмской») части свода встречаем наименования конкретных стран, под 1231, 1234 и 1240 гг.¹⁰², что, как мы видели, отнюдь не типично для летописных записей и характерно для книжников, имевших перед глазами хронографические образцы. Записи НПЛ за XIII в. также делятся надвое: в первой половине столетия встречаются неполногласные варианты¹⁰³, во второй половине — полногласные¹⁰⁴. После почти абсолютного неупоминания «стран» и «сторон» в XII в. слово появляется в текстах начиная с «Повести о взятии Царьграда фрягами» (1204 г.)¹⁰⁵. Здесь же в повествовании о Калкской битве, сближающемся с соответствующим фрагментом Лавр., находим выражение «проидоша бо ти Таурмени всю страну Куманьску». «Грады и страны» в плаче о голоде и бедствиях под 1230 г. — выражение из переводной литературы. Создается такое впечатление, что слово «страна» вошло в активный оборот новгородских летописцев в связи с одним из этапов составления НПЛ мл. и было спровоцировано использованием южнорусских и суздальских источников¹⁰⁶.

¹⁰⁰ Не только в отношении слова «страна / сторона», но и «гражане / горожане», «здравье / здоровье» и т.п. См.: *Генсьорський А.І. Галицько-Волинський літопис (лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості)*. Київ, 1961. С. 10–21.

¹⁰¹ Трижды варьируется «страна / сторона» в И/Х, в остальном деление жесткое: до 1256 г. «страна», после — «сторона». Ср.: 1256 г.: 831И «сторонь»; 1259 г.: 844И «сторонь»; 1261 г.: 852И И «страну» / X «сторону»; 852И г. И «сторонъ» / X «стран», 853И «сторонъ» (дважды, X 2-й раз проп.); 1280 г.: 881И «сторону»; 1283 г.: 893И «сторонъ»; 1289 г.: 923И «сторонам», 933И «сторонами».

¹⁰² 1231 г.: 765И «яко така гра^а. не изобрѣтохъ ни в Нѣмѣчкыхъ странахъ»; 1234 г.: 773И «поплѣнилъ бо бѣ всѣ Черниговьскыя страны»; 1240 г.: 789И «собѣ горную страну Перемышльскую мышляше одержати».

¹⁰³ В НПЛ старшей редакции под 1204, 1209, 1224 и 1230 гг.; НПЛ. С. 46, 50, 62, 69. В НПЛ мл., кроме этих примеров (Там же. С. 241, 247, 264 и 277), также в выдержках из Жития Александра Невского и рассказе о Михаиле Тверском, под 1240, 1241, 1245 и 1251 гг. (Там же. С. 290, 291 (дважды), 297, 298, 300, 305, 306.)

¹⁰⁴ Под 1255 г., 1259 г. («страну») только в Комиссионном списке — в остальных «сторону»), 1266 г. («сторону») в НПЛ старшей редакции, «страну» в НПЛ мл.), 1270 г., 1294 г. (только в НПЛ мл., в НПЛ старшей редакции утеряна тетрадь) и 1299 г. НПЛ. С. 81, 308; 82, 310; 85, 314–315; 89, 320; 328; 90, 329.

¹⁰⁵ Повесть о взятии Царьграда, возможно, южнорусского происхождения. См.: СККДР. Вып. 1. С. 352–353.

¹⁰⁶ В НПЛ в первой трети XIII в. ощущается влияние суздальского свода, с чем связано появление некоторых общих с Лавр. известий и путаница в хронологии. В НПЛ старшей редакции все случаи использования неполногласных вариантов укладываются в период до начала 1230-х гг., что соблазнительно было бы связать

Все это в целом противоположно тому, что наблюдается в записях за XII в. Создается впечатление, что слово «страна» в своем «географическом» значении никак не может прижиться и для его появления каждый раз нужен внешний толчок¹⁰⁷. Прежде всего, речь должна идти о хронографической традиции (что верно особенно для ПВЛ, Киевского свода и Галицко-Волынской летописи), хотя, разумеется, влияние хронографических текстов не обязательно должно быть прямым: в опосредованном виде оно проявлялось в наследовании манеры повествования составителя ПВЛ и киевских сводов. Например, в НПЛ в единственном (и, скорее всего, редактированном) упоминании под 1113 г., надо думать, проявилось влияние ПВЛ, с которой в первой половине века, может быть, как раз в 10-х гг. XII в., делался «конспект», послуживший началом НПЛ старшей редакции. Далее, в Лавр. вплоть до 70-х гг. XII в. «страна / сторона» встречается только во фрагментах, общих с Ипат., т.е. появление этой лексемы также связано с киевской традицией¹⁰⁸. В летописных сводах XIII в. Лавр. копирует и много заимствует из ПВЛ,

с границей 1234 г. (*Гимон Т.В., Гунтуис А.А.* Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // НИС. СПб., 1999. Вып. 7 (17). С. 18–47). Что касается известий 1240-х — начала 1250-х гг. в НПЛ мл., то, скорее, это поздние добавки уже младшей редакции, а не протографа обеих редакций (напр., о смерти Александра Ярославича сообщается под 1251 г. — в действительности 1263 г.) и они не показательны для определения особенностей словоупотребления древнерусского периода.

¹⁰⁷ Надо сказать, что и в XII в., по крайней мере, в Ипат. был внешний толчок — хронографические тексты. Кстати, в некоторых случаях хронографическая топка была летописцами полностью освоена, и использовались полногласные варианты (для хронографических источников обычно неполногласие). В Киевском своде, судя по всему, заимствования адаптировались книжниками. Ср., напр., одно из выражений из «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия и Киевского свода:

Ипат.

1140 г.: 304И «и упорозыня Мьстиславъ от рати»

«История иудейской войны»

«егда упразднится от рати»

См.: «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Т. 1. 453г.1.

¹⁰⁸ В Лавр. и Ипат. много общих фрагментов в части до 1177 г. Непосредственный протограф имеет, не исключено, суздальское происхождение, но записи 1140–1150-х гг. восходят в конечном итоге к киевскому источнику: *Вилкул Т.Л.* О происхождении общего текста. С. 35–61. Известие из окончания статьи 1176 г. и начала 1177 г., возможно, также читалось в общем для Ипат. и Лавр. тексте, но в Ипат. здесь при составлении Киевского свода был выпущен обширный фрагмент. Если это предположение верно, тогда самостоятельные добавки Лавр. помещены только в статье 6694 / 1186 г., в книжных оборотах «разидошася в страны своя», «иде путем в страну свою».

Галицко-Волынская летопись использует Иудейский Хронограф в первой своей части и ПВЛ вместе с Киевским сводом XII в. — во второй части. В НПЛ за XIII в. прослеживается влияние южно-русских и суздальских текстов.

Исследование обозначения «страна / сторона» обнаруживает достаточно сложную картину с неожиданными поворотами, требующими объяснения. Многие из наблюдений, сделанных на таком достаточно узком основании, подтверждаются иными материалами. С учетом этих материалов мне показалось возможным предложить свои объяснения особенностям словоупотребления в ранних летописных сводах. Хотя, разумеется, они не могут считаться окончательными и, вполне вероятно, в будущем будут высказаны иные гипотезы.

И.Г. Коновалова

ОБРАЗЫ ОЙКУМЕНЫ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ МУСУЛЬМАНСКОЙ ГЕОГРАФИИ*

Одну из важнейших особенностей средневековой мусульманской географии традиционно видят в богатстве фактического материала, представленного в сочинениях арабо-персидских ученых. Действительно, мусульманские географы сумели собрать колоссальный объем новой информации о населявших землю народах. Халифат непосредственно граничил либо находился в близком соседстве с теми народами, о которых еще не было данных ни в античной, ни в библейской, ни в иранской традиции (или они были чрезвычайно скудны и неопределенны). Географический горизонт арабо-персидских ученых обнимал не только собственно мусульманские страны, но также всю Европу (за исключением ее крайнего севера), Китай, Тибет, Индию, Малайский архипелаг, берега Восточной Африки (до южного тропика); описание Центральной Африки оставалось непревзойденным вплоть до открытий европейских путешественников XIX в.¹

Однако значение средневековой мусульманской географии заключается не только в гигантском объеме накопленных ею фактических данных, но и в разработке многочисленных способов их репрезентации.

Наиболее общим способом организации пространства у мусульманских ученых была унаследованная от античной науки система деления земной поверхности на широтные зоны-«климаты» (араб. *иклим*), выделявшиеся в зависимости от сравнительной длины светового дня на разной широте. Мусульманские географы усовершенствовали систему, введя дополнительные зоны к северу и югу от

* Работа выполнена при финансовом содействии РФФИ (проект № 06-06-80285а).

¹ Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV.

семи известных в античной традиции климатов, и разделили каждый из них на десять поперечных частей-секций, равных по длине и ширине. При этом термином *клим* мусульманские географы называли не только греческие «климаты», но и персидские «кишвары» — географические области, которых насчитывалось также семь².

Климаты очень часто рассматривались не просто как астрономическая категория, но как результат коллективной деятельности древних правителей по установлению и обустройству границ обитаемой земли. Одно из таких определений принадлежит группе ученых X в., так называемым «Чистым братьям». Они именовали климатами «воображаемые линии, которые провели первые цари, обошедшие вокруг обитаемой четверти земли, чтобы узнать в ней границы стран, царств и путей, наподобие ал-Искандара ар-Руми ал-Йунани³, химйаритского тубба⁴, Афридуна ан-Набаги⁵, Ардашира ибн Бабакана ал-Фариси⁶, Сулаймана ибн Да'уда ал-Исра'или⁷, да будет над ними обоими мир, и прочих царей»⁸.

Обитателям того или иного климата приписывались определенные телесные качества и черты характера. В отдельных случаях климаты рассматривались как замкнутые области с ярко выраженной этнической доминантой. Так, географ X в. Ибн ал-Факих писал, что из семи климатов «один климат находится в руках арабов, климат — в руках румов⁹, климат — в руках ал-хабаша¹⁰, климат — в руках индийцев, климат — в руках турок, климат — в руках китайцев и климат — в руках Йаджудж и Маджудж¹¹», причем «жители одних климатов не входят в земли других»¹².

Другим способом членения поверхности Земли, использовавшимся мусульманскими учеными, были этногенеологии. Они служили

² *Tibbets G.R.* The Beginnings of a Cartographic Tradition // *History of Cartography / Ed. J.B. Harley, D. Woodward.* Chicago; L., 1992. Vol. II. Book 1: Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies. P. 90–107.

³ Александр Македонский.

⁴ *Тубба'* — титул царей Йемена в доисламский период.

⁵ Легендарный иранский царь.

⁶ Ардашир I Сасанид (226–241).

⁷ Библейский царь Соломон.

⁸ Цит. по: Арабские источники VII–X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары / Подг. текстов и пер. В.В. Матвеева, Л.Е. Куббеля. М.; Л., 1960. С. 174.

⁹ Арабское наименование византийцев.

¹⁰ Арабское наименование народов, населявших Северо-Восточную Африку.

¹¹ Библейские народы Гог и Магог.

¹² Цит. по: Арабские источники VII–X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары. С. 70.

инструментом, при помощи которого новые знания о неизвестных прежде этносах инкорпорировались в структуру традиционных представлений об ойкумене. Мусульманские этногенеологии на начальном этапе своего формирования опирались, помимо собственно аравийских представлений о легендарных прародителях арабов и о так называемых «исчезнувших народах» (*ад, самуд, джурхум*), на библейский рассказ о разделении Земли между потомками Ноя, к которым возводились генеологии народов ойкумены, и на иранскую мифологическую традицию о разделении Земли между тремя сыновьями Фаридуна.

В своих попытках упорядочить информацию о новых народах, с которыми вступали в контакт жители Халифата, и непротиворечиво включить ее в систему представлений об этнополитической географии мира, мусульманские авторы столкнулись с необходимостью самостоятельно решать, к кому из сыновей Ноя следует возводить тот или иной этнос. В отличие от средневековых европейских и древнерусских книжников, рассматривавших все азиатские народы в качестве потомков Сима, арабо-персидские ученые связывали с Симом лишь часть народов Азии, а именно — жителей Аравии и Ближнего Востока, в то время как другие азиатские этносы они относили к потомству Иафета¹³.

Наряду с климатами и этногенеологиями мусульманские географы использовали религиозно-политический принцип, позволявший не только представить себе всю совокупность стран и народов мира, но и выстроить их иерархию.

Стройная геополитическая картина мира была выработана географами так называемой «классической школы», сформировавшейся в X в. под сильным влиянием персидских традиций. По представлениям географов этой школы, обитаемая земля делилась на четыре царства (*мамлакат*): Халифат, Византию, Китай и Индию. Границы этих государств определялись по религиозному принципу: Халифат объединял мусульманские народы, Византия — христианские, Китай — области тюрков, часть Тибета и других идолопоклонников, Индия — области распространения индуизма и буддизма.

Внутри четырех государств, являвшихся как бы центрами притяжения для прочих стран и народов земли, выстраивалась своя

¹³ Подробнее см.: Коновалова И.Г. Функции этногенеологий в средневековых арабо-персидских источниках // ВЕДС. М., 2001. XIII: Генеология как форма исторической памяти. С. 94–99.

иерархия. Византия, Китай и Индия рассматривались исламскими географами не только в качестве столпов мирового порядка, но и отчасти как тот фундамент, на котором вырос Халифат. По словам ал-Истахри, когда появилось исламское государство, «оно у всех государств захватило часть. От государства румов оно захватило Сирию, Египет, Магриб и Андалус; у Индии — то, что примыкает к завоеванным землям, а также Мултан до Кабула и окраин горного Тохаристана; у Китая — Мавараннахр и присоединило к себе эти обширные государства. Государство ислама возросло, собрав к себе окраинные области этих упомянутых государств»¹⁴. Таким образом, по мысли ал-Истахри, Халифат представлял как центр ойкумены.

При характеристике мусульманскими учеными отдельных стран или крупных географических объектов (к примеру, морей) одним из важнейших инструментов презентации информации были маршрутные данные, которые придавали целостность описываемому пространству и порой выстраивались в многозвенные цепочки. Самое яркое воплощение маршрутный принцип получил в записках путешественников и в так называемых «Книгах путей и стран». При этом маршрутные данные, фигурирующие в сочинениях мусульманских авторов, далеко не всегда можно рассматривать как реальные маршруты, которыми можно пройти от начала и до конца именно в такой последовательности, в какой пункты обозначены в источнике. Зачастую приводимые маршруты являлись реконструкцией самих географов, составленной ими по материалам различных информаторов и в силу этого отражавшей реальное физическое пространство очень опосредованно¹⁵.

Другим способом упорядочения пространства являлось создание более или менее устойчивых географических образов какого-либо объекта, а также страны и населявшего ее народа. Для Восточной Европы такими устойчивыми образами стали «остров русов», «три группы русов», «гора Кукайа», «Русская река» и др. Географический образ выполнял двоякую функцию. Он служил воплощением той или иной географической идеи, а также являлся средством описания страны и народа.

¹⁴ *Viae regnorum: Descriptio ditonionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1870. P. 4.*

¹⁵ Многочисленные примеры см.: *Коновалова И.Г.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий. М., 2006.

К примеру, представление о возможности водным путем пересечь Восточно-Европейскую равнину в меридиональном направлении воплотилось в гидрониме «Константинопольский пролив», использовавшемся географами «классической школы», карты которых отличались предельным схематизмом. Как показано на этих картах, водный поток близ византийской столицы отделялся от Средиземного моря и шел на север, разделяя земли славян, вплоть до омывавшего всю Землю Окружающего океана. К XII в. образ «Константинопольского пролива» как символа водного сообщения между Севером и Югом Восточной Европы себя исчерпал и трансформировался в представление о «Русской реке», берущей начало на Русском Севере и текущей на юг в Черное море¹⁶.

Еще один подобный топоним — «гора Кукайа». Она изображалась в виде протяженной горной цепи, опоясывающей крайний северо-восток ойкумены и простирающейся до страны Йаджуджа и Маджуджа. Этот ороним служил не столько для обозначения реального, физического пространства, сколько маркировал в сознании читателей заснеженные и недоступные северные края ойкумены¹⁷. Впервые появившись в сочинении ал-Идриси, ороним *Кукайа* удержался в арабской географии и продолжал активно использоваться и в XIII в.¹⁸

Хотя упомянутые мною топонимы «Константинопольский пролив», «Русская река», «гора Кукайа» называют единичные предметы (в представлении арабских географов), их семантическое содержание гораздо шире. Эти топонимы имеют образный концептуальный характер, актуализирующий целый пласт культурно-исторической информации и комплекс различных ассоциаций у той аудитории, к которой обращались географы.

Что касается образов страны и народа, то для Восточной Европы одним из наиболее устойчивых образов было представление об «острове русов», различные версии рассказа о котором дошли до нас в составе сочинений многих арабо-персидских авторов

¹⁶ Подробнее см.: Коновалова И.Г. Топоним как способ освоения пространства («Русская река» ал-Идриси) // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Вып. 6. С. 192–219.

¹⁷ Коновалова И.Г. Ал-Идриси. С. 87, 116, 185–187; Она же. Топоним как концепт // Одиссей. 2007. История как игра метафор: Метафоры истории, общества и политики. М., 2007. С. 212–225.

¹⁸ См., к примеру: *Ibn Sa'īd al-Magribī. Libro de la extensión de la tierra en longitud y latitud / Edición crítica y notas del Dr. J. Vernet Gines. Tetuan, 1958. P. 131, 137.*

X–XVI вв.¹⁹ Собственно географические средства, использованные для создания этого образа, крайне скудны. В наиболее ранней и пространной версии Ибн Русте-Гардизи географическими маркерами, с помощью которых определяется пространственное положение «острова», служат всего-навсего два ойконима — Хазаран (т.е. часть города Итиля) и Булгар. Образы же, задающие внутренние параметры «острова русов», все до одного безымянные: не приводится ни название острова, ни наименование хотя бы одного города, реки или горы, не указывается даже название того моря (или озера), в пределах которого находился «остров». Чуть ли не единственной конкретной подробностью географического плана, относящейся непосредственно к земле русов, является сам термин *джазира* (араб. «остров», «полуостров»).

Изначальная географическая неопределенность сведений об «острове русов» приводит к тому, что современный ученый, исследуя рассказ об этом «острове», зачастую оказывается в плену своих собственных географических ассоциаций, которые и становятся для него путеводной звездой в поисках места на карте для «острова русов». Так, например, указание источников на заболоченную почву и сырой климат «острова» рассматривается как убедительное свидетельство местонахождения этого объекта и в Новгородской земле, и на Тамани, а также в Крыму, Северной Добрудже и на острове Рюген²⁰.

Накопление знаний о русах в мусульманском мире привело к появлению новых географических образов Руси, представленных рассказом о трех территориальных группах русов²¹, а также о русах как совокупности множества народов или племен: «Русы — большой народ, включающий в себя [несколько] разновидностей, среди которых есть вид (*джинс*), называемый ал-Луз‘ана; они самые многочисленные [из всех русов] и часто посещают с торговыми целями страны ал-Андалус, Румийю и ал-Кустантийю»²².

¹⁹ Коновалова И.Г. Состав рассказа об «острове русов» в сочинениях арабоперсидских авторов X–XVI вв. // ДГ. 1999 г. Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001. С. 169–189.

²⁰ Библиографию см.: Коновалова И.Г. Состав рассказа. С. 170–172.

²¹ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // ДГ. 1998 г. М., 2000. С. 313–323; Коновалова И.Г. Восточные источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1999. С. 216–220.

²² *Maçoudi. Les prairies d’or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1863. Т. II. P. 18.*

Несмотря на то, что в мусульманской географической литературе сложилось много жанров, в чистом виде тот или иной способ описания пространства почти никогда не встречается. Исключение составляют лишь *зиджи* — астрономические таблицы, представляющие собой сухой перечень координат различных пунктов. Во всех остальных случаях имеет место соединение разных способов описания. Так, климатический, генеалогический или религиозно-политический принцип деления пространства сопровождается включением в описание маршрутных данных и географических образов, переходящих из сочинения в сочинение на протяжении нескольких столетий.

Сверрир Якобссон

НАРОДЫ АУСТРВЕГА И ИСЛАНДСКАЯ КАРТИНА
МИРА: Прощание с историческим мифом*

В обзорных трудах по истории средневековой Европы часто говорится о конфликте и расколе в христианской церкви, достигшем кульминации в «великом церковном расколе» 1054 г., или «разделении церквей» (англ. *the great schism*). С этого времени христиане разделились на «западных», исповедующих римско-католическое христианство, и «восточных», объединившихся под хоругвями греческой православной церкви. Сегодня, когда историки заинтересовались возникновением *Европы* как феномена, между Европой и римским католичеством ставится знак равенства. Греческая православная церковь пошла своим путем, и последовавшие за ней сильные восточноевропейские страны в этом случае не рассматриваются как полноценные европейские государства. Помимо православной церкви, существовали и другие церковные конфессии, еще дальше отошедшие от власти папы римского¹. Разделение церквей является фактом, однако описание в духе дуализма подходит ему не лучшим образом: церковные конфессии были многочисленны и разнообразны.

Вышеописанное видение разделения церквей возникло, конечно, не на пустом месте. В Средние века многие писали о разделении церквей в дуалистическом духе. Порой понятие раскола получало культурологическое содержание; так, в XII в. термин *latinitas* иногда использовался для обозначения римско-католического мира. Подобные примеры есть в трудах, повествующих о выборах гер-

* Оригинальное название: *Sverrir Jakobsson. Austurvegspjóðir og íslensk heimsmýnd: Uppgjör við sagnfræðilega goðsögn*. Перевод с исландского и древнеисландского — Елены Сессель Хельгадоттир (Yelena Sesselja Helgadóttir). В квадратных скобках примечания переводчика.

¹ Ср.: *Brinken A.D. von den*. Die 'Nationes Christianorum Orientalium' im Verständnis der lateinischen Historiographie von der Mitte des 12. bis in die zweite Hälfte des 14. Jahrhunderts. Köln; Vienna, 1973 (Kölner historische Abhandlungen, 22).

манского императора и их возможных последствиях для всего римского мира². Помимо этого, во времена крестовых походов многие западноевропейские проповедники были неблагоприятно настроены по отношению к грекам; некоторые заходили столь далеко, что заявляли, будто Константинополь причастен к христианству лишь на словах, но не на деле³.

Все это хорошо известно и детально излагалось в обзорных трудах и учебниках в течение десятилетий. Однако подобная картина разделения церквей — лишь половина правды, и ее нельзя распространять на все народы, принадлежащие к римско-католическому миру. Анализ исландских средневековых трудов дает совершенно иную картину мира, в которой нет места разделению церквей. Христианский мир был в глазах исландцев единым, «католическим» в изначальном значении этого слова (образованного от греч. *καθολικός* ‘общий’). Помимо этого, корни христианства в Аустрвеге были аналогичны корням той веры, которую приняли исландцы; разница в религии скандинавов и народов Аустрвега представлялась средневековым исландцам незначительной.

Некоторым этот вывод может показаться неожиданным, однако в его пользу говорят аргументы, приведенные ниже. В первую очередь, мы рассмотрим христианизацию Исландии, а также то, каким образом исландские историографы связывали ее с событиями на востоке.

«ИДИ В ГРЕЦИЮ»

В «Книге об исландцах» Ари Мудрого христианизация Исландии на альтинге в 999 или 1000 г. представляется как поворотный пункт в истории страны. Она является одной из вех в летоисчислении «Книги об исландцах» — однако основной точкой отсчета является не сама христианизация Исландии, а гибель Олава Трюгвасона. В некоторой степени это можно считать естественным: согласно Ари Мудрому, Олав был основным инициатором принятия исландцами христианства. Кроме того, особый акцент делается на его

² *Bartlett R. The Making of Europe. Conquest, Colonization and Cultural Change 950–1350. L., 1993. P. 19.*

³ «*Ipsa rem Christianitatis non habet, sed nomen*», ср.: *Bartlett R. Patterns of Unity and Diversity in Medieval Europe // The Birth of Identities. Denmark and Europe in the Middle Ages / Ed. B.P. McGuire. Copenhagen, 1996. P. 37.*

миссионерской роли в Скандинавии — в то время как национальный святой норвежцев, Олав Харальдссон, именуется «Олавом Толстым», а его участие в христианизации преуменьшается.

Точка зрения Ари на конунга-миссионера оказала влияние на других историографов. В основных чертах они придерживались созданной Ари Мудрым картины христианизации Исландии. В Исландии было распространено мнение, что Олав Трюггвасон сыграл большую роль в обращении страны в христианство⁴. Однако иностранные источники, например «Деяния архиепископов гамбургской церкви» («Gesta Hammaburgensis ecclesiae Pontificum») Адама Бременского, не дают каких-либо серьезных подтверждений повествованию Ари Мудрого в этом аспекте⁵.

Олав Трюггвасон играл важную роль в исландском видении собственного прошлого и истории Скандинавии. В силу своей исторической славы он был как бы общим знаменателем для этих двух явлений. В одной из рукописей «Саги об Олаве Трюггвасоне», автором которой считается Одд Сноррасон, монах из Тингэйпар, говорится, что Олав был самым известным человеком «на датском языке» («adansca tungu»). В другой ее рукописи сказано, что Олав был «самым знаменитым человеком в Скандинавии» («fregstr maðr aNorðrlöndvm»)⁶. В «Красивой коже» говорится, что битва при Свёльде была «самой знаменитой в Скандинавии» («frægaz verit a Norrlandum»), — и «в основном, из-за того, что погиб столь великий властитель, бывший тогда самым известным на датском языке»⁷. Однако сфера деятельности Олава Трюггвасона не была ограничена Скандинавией. В том же памятнике говорится, что конунг Олав Трюггвасон стяжал «славу и разные почести» («margs

⁴ Л. Лёнрот полагает, что это явилось отражением реакции исландцев и трёндов на саговую традицию об Олаве святом (*Lönnroth L. Studier i Olaf Tryggvasons saga // Samlaren. 1963. B. 84. S. 61–67*). Халльдоур Лакнесс указывал, что «об участии Олава Трюггвасона в проповеди христианства [...] миру было неизвестно как в его времена, так и позднее» (*Halldór Laxness. Vínlandspúnktar. Reykjavík, 1969. Bls. 27*).

⁵ Cp.: Quellen des 9. und 11. Jahrhunderts zur Geschichte der hamburgischen Kirche und des Reiches / Hrsg. von W. Trillmich, R. Buchner. Berlin, 1961. S. 486 (Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters, 11).

⁶ Saga Óláfs Tryggvasonar af Oddr Snorrason munk / Finnur Jónsson gaf út. København, 1932. Bls. 231.

⁷ «mest firir sacar þess er þvilic hofðinge fell er þa var frægastr a danska tungu» (Fagrskinna. Nóregs kononga tal / Finnur Jónsson gaf út. København, 1902–1903 (SUGNL, 30). Bls. 131).

kuns frægð») в Гардарики и во многих местах в Аустрвеге, в южных и западных странах (т.е. Германии, а также Англии)⁸.

По мнению исландских историографов, эпоха Олава Трюггвасона явилась поворотной в истории Скандинавии. Это четко отражено в «Пряди о Норна-Гесте», где прошлое скандинавов обрамлено событиями, связанными с историей народов континентальной Европы. Роль Олава Трюггвасона — положить конец доисторическим временам, миру Вэльсунгов и битвы на Бравеллир, свидетелем которых является Норна-Гест⁹. Приход Олава к власти и его миссионерская деятельность положили конец скандинавской истории древних времен, которая до тех пор представляла собой единое целое, укладывавшееся в рамки «Пряди о Норна-Гесте». Подобный рассказ есть и в «Пряди о Сёрли» (также именуемой «Сагой о Хедине и Хёгни»), повествующей о великой битве Хьяднингов — битве королей севера и юга, которая не прекращалась, пока конунг-миссионер не освободил их от злых чар:

«Это горе и иго продолжалось с тех самых пор, как они начали сражение, и до того времени, как Олав Трюггвасон стал конунгом Норвегии. Говорят, что это длилось четырнадцать десятков лет и три года, пока этому замечательному человеку, конунгу Олаву, не удалось сделать так, что его дружинник освободил их от этого жалкого несчастья и тяжелых испытаний»¹⁰.

⁸ Основным источником явилась поэма Халльфреда Трудного Скальда, в которой говорится о военных походах Олава против ямтов и вендов, на острова Готланд и Сканэй, против саксов, фризов и фламандцев, на восток в Гарды, против англов, народов Нортумбрии и Кумбрии в Британии и на острове Мэн, наконец, против шотландцев, орклендцев и ирландцев (Fagrskinna. Nóregs konunga tal. Bls. 108–11)

⁹ «[T]he Christian present purges the pagan past in the closing baptism» («В конце христианское настоящее очищает крещением языческое прошлое»). — *Harris J., Hill Th.D.* Gestr's 'prime sign': Source and Signification in *Norna-Gests þátr* // ANF. 1989. B. 104. P. 111.

¹⁰ «Þessi armæða ok anaud gek alla stund fra þui at þeir toku til at beriaz ok framan til þess er Olaftr Tryggvason vard konungtr at Noregi. Segia menn at þat væri fiortan tigir ára ok þriu ar adr en þessum agæta manni Olafi konungi yrði þat lagit at hans hirdmadur leysti þa fra þessu aumliga afelli ok skadligum skapraunum» (Flateyjarbók. En samling af norske konge-sagaer med indskudte mindre fortællinger om begivenheder i og udenfor Norge samt annaler / Udg. Guðbrandur Vigfússon, C.R. Unger. Kristiania (Oslo), 1860–1868. B. I. Bls. 282). Несмотря на то, что повествование о битве Хьяднингов значительно старше, рассказ об Олаве Трюггвасоне является новым элементом в «Пряди о Сёрли». Ср.: *Ashman Rowe E.* Sörla þátr: The Literary Adaptation of Myth and Legend // *Saga-Book of the Viking Society*. 2002. Vol. 26. P. 62–63.

Путешествия исландцев в Винланд также тщательным образом связываются в исландских трудах с миссионерской деятельностью Олава Трюггвасона. В «Саге об Эйрике Рыжем» подчеркивается, что Лейв Эйрикссон был дружинником Олава и проповедовал от его имени христианство в Гренландии после того, как он сбился с пути и попал в Винланд. Это, правда, не упомянуто в «Саге о гренландцах»; однако «Книга с Плоского острова» в другом месте рассказывает о связях Лейва и Олава¹¹. По-видимому, исландцы видели в Олаве скандинавского проповедника христианства.

В свете важности той роли, которую Олав сыграл в крещении Скандинавии, любопытно рассмотреть, каким образом старейшие исландские труды, повествующие о жизни Олава, рассказывают о его собственном крещении. Согласно рассказу Одда Сноррасона, после того, как Олав попал в нелегкое положение в Дании, он пообещал принять христианство. А когда он пришел в Гардавельди, на него снизошло видение. Глас небесный сказал ему: «Иди в Грецию, и тебе будет объявлено имя Господне». Он получил позволение конунга, а в Греции встретил «прекрасных и глубоко верующих проповедников, научивших его правильной вере и заповедям Господним». Олав попросил епископа, которого исландская рукопись саги именует Павлом (Páll), «отправиться вместе с ним в Гардарики и проповедовать там языческим народам имя Господне». Епископ согласился с тем условием, чтобы Олав гарантировал, «дабы правители не противостояли, а дали ему победный знак и поддержали христианство»¹². Таким образом, согласно «Саге об Олаве Трюггвасоне» Одда Сноррасона, христианство пришло в Гардарики из Греции при посредничестве Олава.

Несомненно, существовало немало вариантов повествования о крещении Скандинавии, и очевидно, что вариант, столь возвеличивающий роль Олава Трюггвасона, противоречил, к примеру, трудам, высоко оценивающим роль Германии, в особенности Гамбурга. Автору «Большой саги об Олаве Трюггвасоне», где пересказано это повествование, показалось обоснованным упомянуть данное обстоя-

¹¹ Flateyjarbók. B. I. Bls. 430, 448.

¹² «Far þu til Griklanz. ok mvin þer þar kvnnigt gert nafn drottins»; «dyrliga kenne men ok vel trvaða er honum kendv retta trv. ok gvðs boð orð»; «fara með ser iGardarike oc boða þar guðz nafn heiðnom þioðvm»; «at eige stæde hofðingiar imott helldr veitti þeir honom sigr mark ok styrk til cristninar» (Saga Óláfs Tryggvasonar af Oddr Snorrason munk. Bls. 40–42).

тельство, однако он пытается примирить отличные друг от друга сообщения источников посредством следующей вставки:

«То, что здесь было сказано о миссионерстве Олава Трюггвасона в Гардарики, не является невероятным, поскольку одна замечательная и правдивая книга, называемая *Ymago mundi*, ясно говорит, что народы, называемые: русы, поляки, венгры (Rusci, Polavi, Ungarii), приняли христианство во времена Оттона, третьего императора, носившего это имя».

Правда, после этого добавлено:

«В некоторых книгах рассказывается, что император Оттон пошел с войском в Аустрвег и во многих местах принудил людей принять христианство; с ним был Олав Трюггвасон»¹³.

Эта оговорка содержится также в «Книге с Плоского острова», однако вряд ли она является давней; нет и подробного повествования об этом эпизоде¹⁴. Несомненно, точка зрения, что Олав принес русам христианство из Греции, была более распространенной.

С миссионерской деятельностью на востоке связывали и других людей, имеющих отношение к христианизации исландцев. «Сага о крещении» повествует о судьбе Торвальда Путешественника. Он и «Стевнир Торгильссон встретились после исчезновения конунга Олава. Они путешествовали вместе по всему миру, до самого Йорсалахейма [Иерусалима]. Оттуда они отправились в Миклагард [Константинополь], а потом в Кэнугард [Киев] вверх по восточному берегу Непра [Днепра]. Торвальд скончался на Руси, недалеко от Паллтескьи [Полоцка]. Он похоронен там на горе при церкви

¹³ «Þessir lutir sem nu voro sagðir vm kristni þóðan Olafs Trygva sonar i Garða ríki ero eigi v tuanlighir þviat ein bok ægiæt ok sann froð er heitir Ymago mundi kveðr skyrtr aa at þessar þioðir er sva heita. Rvsci. Polavi. Vngarij. kristnaðvz aa ðggum Ottonis þess er hinn iij^{di}. var kridsti með því nafni»; «Sumar bækr segia at Otto keisari hafi farit með her sinn j Austr ueg ok brotit þar folk víða til kristni ok með honum Olaftr Tryggva s(on)» (Ólafs saga Tryggvasonar en mesta / Ólafur Halldórsson gaf út. København, 1958–2000 (Editiones Arnarnagnæanæ. Series A 1–3). B. I. Bls. 158). Текст саги отличается здесь от «Imago mundi», как указывает П. Спрингборг: «Eine markantere Abweichung von der I.m. findet man indessen bei der Erwähnung der Christianisierung der drei östlichen Völker» («Более очевидное расхождение с I.m. заключается, однако, в упоминании крещения трех восточных народов»). См.: *Springborg P. Weltbild mit Löwe. Die Imago mundi von Honorius Augustodensis in der altwestnordischen Textüberlieferung // Cultura classica e cultura germanica settentrionale. Roma, 1988 (Quaterni linguistici e filologici, III). S. 199.*

¹⁴ Flateyjarbók. B. I. Bls. 119.

Иоанна Крестителя, и там его называют святым»¹⁵. В «Книге с Плоского острова» говорится, что когда Торвальд встретил Олава Трюггвасона, они заговорили друг с другом «потому, что каждый много слышал о мудрости, чести и славе другого»¹⁶.

Одд Snorrason рассказывает, что когда Олав пришел в Гардарики, там господствовало язычество. Однако язычники в Гардарики — благородные люди, они признают значение христианства, они воистину пророки. Сама мать князя Владимира была ясновидящей и увидела, что в Норвегии у конунга родился сын, который будет прекрасным правителем, «и не навредит он твоему государству, а многократно вам его увеличит»¹⁷. Не одна она была ясновидящей в Гардарики; многие предсказатели «говорили, что его судьба столь великолепна, что над ней сияет такой свет, что он освещает все Гардарики и всю восточную половину Земли»¹⁸. Причина этого пророчества — та роль, которую Олав сыграл в крещении Гардарики, а она оказалась немалой. Он столь благороден с самого рождения, что не приносит жертв идолам, и когда конунг просит его об этом, он отвечает, что боги, которым конунг служит, «правят тьмою» («*mapu myrkrunum styga*»)¹⁹.

Олав Трюггвасон — не только миссионер, но и благородный рыцарь. Монах Одд рассказывает, что Олав стяжал «большую честь и славу» («*mícla sǫmð. oc frama*») при князе Владимире, который «вскоре сделал его предводителем в дружине и поручил ему управлять теми воинами, что принесут конунгу славу». Олав быстро рос, и «когда ему было двенадцать зим, он спросил конунга, нет ли каких-нибудь городов или областей, что принадлежали его государству, а язычники забрали из-под его власти, сидят в его владениях

¹⁵ «Stefnir Þorgils s(vn) fvdv eftir hvarf Olafs konvngs. þeir forv baðir s[ama]n víða vm heiminn ok allt út i Iorsala heim ok þaðan til Mikla garz ok sva til Kænu garðz hit eystra eftir Nepr. Þorvalldr andaðiz i Rvzia skampt fra Pallteskiv. Þar er hann grafin i fialli einv at kirkiv Johannis bapiste ok kalla þeir hann helgan» (Hauksbók udgiven efter de arnamagnæanske håndskrifter no. 371, 544 og 675, 4to samt forskellige papirshåndskrifter / Udg. Eiríkur Jónsson, Finnur Jónsson. Kaupmannahöfn, 1892–1896. Bls. 144).

¹⁶ «sakar þess er huorr hafé mart af annars radum fregd ok frama spurt» (Flateyjarbók. B. I. Bls. 272).

¹⁷ «eigi man hann scaða gera þinu ríki. helldr man þat margfalliga auca yðr til handa» (Saga Óláfs Tryggvasonar af Oddr Snorrason munk. Bls. 21).

¹⁸ «sua sogþo þeir mikils hattar vera hans hamingio at þat lios er yfir henni skein at þat dreifþiz um allt Garða ríki od víða um austr halfu heimsins» (Saga Óláfs Tryggvasonar af Oddr Snorrason munk. Bls. 27).

¹⁹ Ibid. Bls. 30.

и ущемляют его честь». С дозволения князя «он отвоевал все города и замки, которые раньше принадлежали конунгу в Гардах, и подчинил конунгу Вальдамару многие иностранные народы». Олав Трюггвасон показывает себя образцовым дружинником и служит своему господину, как верный рыцарь.

«И когда его слава так воссияла, говорят, что он вернулся домой в Гарды после одной большой победы. Они плыли с таким рыцарством и роскошью, что паруса на кораблях были из дорогого атласа, и шатры тоже. Из этого можно сделать вывод, какое богатство он получил от своих подвигов в Восточных землях»²⁰.

Восточное богатство было самым ценным, что можно было добыть для самого себя или своего конунга. Это повествование показывает Олава верным дружинником князя в Гардах.

Средневековые скандинавские источники практически не подтверждают повествование монаха Одда о приключениях Олава в Аустрвеге. Но откуда тогда появилось представление о том, что норвежцы и исландцы проповедовали христианство на Руси? Необходимо иметь в виду тесные и дружественные связи норвежских конунгов с русскими князьями в XI и XII вв. Взаимоотношения Олава Святого, Магнуса Доброго и Харальда Сурового с Гардариками не были беспрецедентными для Скандинавии. Датские конунги были также связаны с русскими князьями семейными узами²¹. Новгородский князь был женат на дочери шведского конунга Инги, а его собственная дочь была впоследствии замужем за норвежским, а затем за датским конунгом²².

²⁰ «setti hann bratt hofþingia innan hirðar. oc at stiorna her monnum þeim er vinna scyldu sömð konungi»; «er hann var xii uetra gamall spyr hann konungin ef nocquorar borgir eða heruð þau er legit hafi undir hans konungdom oc hafi heiðnir menn tekit af hans ríki oc sæti þa yvir hans eign oc soma»; «[v]ann hann aprt allar borgir oc castala þa er fyrr höfðu legit undir ríki Garða konungs. Oc margar þjóðir utlendar ocaði hann undir ríki Ualdamars konungs»; «Oc er hann scein iþuilikri dyrd. þa er sua sagt at eftir einn mikin sigr sneri hann heim til Garða. þeir sigldu þa með sua miclu drambi oc kurteisi. at þeir hafðu seglin yfir skipum sinum af dyrum pellum. oc sua varu tiolldin þeira oc. En af slicu ma marca rikidom þann er hann hafði fengit af stor virkiom þeim er hann vann i Austrlondum» (Saga Óláfs Tryggvasonar af Oddr Snorrason munk. Bls. 28–29).

²¹ Lind J. De russiske ægteskaber. Dynasti- og alliancepolitik i 1130's danske borgerkrig // Historisk tidsskrift. 1992. B. 92. S. 228.

²² Новгородский князь Мстислав Владимирович (именуемый Харальдом в скандинавских источниках) был женат на Кристин, дочери шведского конунга Инги. Дочь Мстислава и Кристин, Ингибьёрг, вышла замуж за Кнута Лаварда (умер в 1131 г.). Мстислав отправился в Киев в 1117 г., а брат Ингибьёрг, Всеволод, был последним

Таким образом, около 1100 г. между русским, норвежским и датским дворами имелись тесные связи.

Они оказали влияние на политику в Скандинавии в XII в. Датский конунг Вальдимар Великий был внуком (сыном дочери) киевского князя Владимира. В «Деяниях данов» («Gesta Danorum»), написанных Саксоном Грамматиком (Saxo Grammaticus) около 1200 г., отмечается, что Вальдимар Великий был воспитан Оцуром, отцом Абсалона и Асбьёрна Храброго; однако в «Саге о Кнютлингах», которая, как полагают, была создана в Исландии около середины XIII в., говорится, что Вальдимар вырос у родственников матери в Гардарики. Джон Линд полагает, что повествование «Саги о Кнютлингах» более правдоподобно и может объяснить причину того, что Вальдимар получил имя своего дедушки по материнской линии²³. Магнус Никулассон, один из главных соперников Кнута Лаварда, был женат на дочери короля Польши и был, таким образом, связан с полоцким княжеским родом, воевавшим с родом Владимира, князя киевского и новгородского. Вальдимара Кнутссона и Кнута Магнуссона можно рассматривать в качестве представителей различных ветвей русского княжеского рода, боровшихся за власть на Руси²⁴. Сыновья Вальдимара были потомками обеих этих ветвей, поскольку он женился на Софии, сестре Кнута, происходившей от русского князя Володара. В то время, пока скандинавские конунги были связаны семейными узами с русскими князьями, русы почитали скандинавских святых королевского рода, например, Магнуса Оркнейского ярла, Кнута Святого и Олава Святого²⁵. Таким образом, вряд ли возможно говорить о религиозных разногласиях между русами и скандинавами в XII в.

Когда Одд Сноррасон писал историю Олава Трюггвасона в конце XII в., отношения власть имущих в Скандинавии с правителями в Аустрвеге были близкими и дружественными. Религиозный раскол или разногласия практически не обсуждались. При описании подвига Олава в Аустрвеге Одду казалось естественным обратить вни-

новгородским князем до того, как в 1136 г. в Новгороде была установлена республиканская форма правления. Мальмфрид, сестра Ингибьёрг и Всеволода, была замужем за Сигурдом Иерусалимским путешественником, а позднее за Эйриком Эймуни.

²³ Lind J. De russiske ægteskaber. S. 235.

²⁴ Ibid. S. 248.

²⁵ Lind J. The Martyria of Odense and a Twelfth Century Russian Prayer. To the Question of Bohemian Influence on Russian Religious Literature // Slavonic and East European Review. 1990. Vol. 68. P. 1–21.

мание на миссионерские деяния конунга. Кроме того, Одд придерживался известного повествования о том, что христианство пришло на Русь из Греции, в чем, согласно Одду, Олав был посредником. Очевидно, что Одд не описал бы таким образом подвиги конунга-миссионера в Аустрвеге, если бы он полагал, что русы впали в ересь, или имел бы что-либо против православной церкви.

Картина миссионерской деятельности Олава Трюггвасона в Аустрвеге, как ее нарисовал Одд, стала доминирующей в исландских трудах об Олаве. К саге Одда добавились другие повествования о миссионерах в Аустрвеге, например, о Торвальде Путешественнике. Когда в конце XIV в. создавалась «Большая сага об Олаве Трюггвасоне», это представление еще оставалось господствующим, несмотря на то, что ее создателю был известен другой источник, высоко оценивающий роль Германии в крещении Руси. Невозможно согласовать эту оценку истории проповеди христианства на Руси и в Скандинавии с представлениями о ереси на востоке и со знанием о разделении церквей. Поэтому есть основания рассмотреть вопрос о том, имелась ли в Исландии информация о разделении церквей и почему она не оказала влияния на обширную саговую традицию об Олаве Трюггвасоне.

«ОТ ТОГО УПРЯМСТВА, ЧТО ОНИ ПРИДЕРЖИВАЛИСЬ В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ»

В исландских средневековых источниках имеется только один случай упоминания «великого раскола». Эхо раскола, по-видимому, донеслось до Исландии лишь в 1274 г.: тогда во многих анналах сообщается, что греки отвернулись от ереси. Подробнее всего об этом рассказывает «Сага о епископе Арни», где говорится:

«В этом же году на вышеупомянутом соборе в Лионе произошло то событие, что греки вновь обратились во всеобщее христианство, отказавшись от того упрямства, что они придерживались в последнее время, по совету и убеждениям папы римского Григория»²⁶.

²⁶ «А þessu sama are urdu þau tydinde a fyrrgreindu þinge in Leontia ad Græci hvurfu aptur til almeneligrar christne af þeirre þrætu sem þeir hofdu hallded umm stundar saker, með radum og roksemdum Gregorii pava» (Árna saga biskups / Útg. Þorleifur Hauksson. Reykjavík, 1972 (Stofnun Árna Magnússonar á Íslandi, 2). Bls. 41–42). См. также: Islandske Annaler indtil 1578 / Udg. Gustav Storm. Christiania, 1888. Bls. 28, 49, 69, 139, 194, 259, 332, 484; Laurentius saga biskups / Útg. Árni Björnsson. Reykjavík, 1969 (Rit Handritastofnunar Íslands, 3). Bls. 7.

Стиль представляется своеобразным и вряд ли указывает на то, что исландские составители анналов много знали о разногласиях, о которых шла речь. Например, говорится о «временном упрямстве», а не о длительном разделении церквей, как будто бы спор, который предстояло разрешить в Лионе, начался совсем недавно.

Если лионское примирение было заключено по вопросу «упрямства... в последнее время», что можно сказать об источниках, которые до настоящего времени считались доказательством того, что исландцы отвергали проповедников-еретиков с востока? Прежде всего можно назвать судебник «Серый Гусь» («Grágás»), где проводится различие между священниками, знавшими латынь, и другими священниками. Из положений «Серого Гуся» очевидно, что не надо было слишком доверять епископам и священникам, «не ученым латинскому языку» («*er eigi egu lærðir á latínutungu*»); особенно упомянуты эрмские люди (из Армении, или Эрмланды) и греческие (*grískir, gerskir*)²⁷. Это толкуется как очевидное признание власти римской церкви, что вполне естественно²⁸. С другой стороны, не так очевидно, что данное положение было принято по инициативе самих исландцев или же в связи с тем, что они знали о «великом расколе». Идея об особом статусе латыни сама по себе не является свидетельством религиозных разногласий или противостояния тем, кто не говорил на латыни. Она показывает, прежде всего, стремление к упорядочению организации исландской церкви посредством признания латыни в качестве единственного церковного языка.

Данное положение часто рассматривается в контексте путешествий в Исландию людей, «называвших себя епископами» («*sem biskupar kváðust vera*»), а также епископов «из других стран» («*af öðrum löndum*»), которые проповедовали «много мягче, чем епископ Ислейв» («*margt linara en Ísleifr byskup*»)²⁹. Информация об этих людях, однако, весьма небогата и обычно туманна. В XI в. церковное устройство в Скандинавии не было четко и окончательно сформировано, и многие могли называть себя епископами.

²⁷ Grágás. Lagasafn íslenska þjóðveldisins / Útg. Gunnar Karlsson, Kristján Sveinsson, Mörður Árnason. Reykjavík, 1992. Bls. 19.

²⁸ Magnús Már Lárusson. Um hina ermsku biskupa // Skírnir. 1959. B. 133. Bls. 81–94 (окоб. стр. 85–88).

²⁹ Ari Þorgilsson hinn fróði. Íslendingabók / Udg. av Anne Holtmark. Oslo, 1952 (Nordisk filologi A.5). S. 25; Byskupa sögur / Útg. Jón Helgason. Kaupmannahöfn, 1938–1978 (Editiones Arnarnæ. Series A 13). B. II. Bls. 77. См., например: Sigurður Lindal. Upphaf kristni og kirkju // Saga Íslands. Reykjavík, 1974. B. I. Bls. 252.

Из труда Адама Бременского «Деяния архиепископов гамбургской церкви», написанного в 70-х гг. XI в., можно заключить, что Ислейва назначил епископом архиепископ Гамбургский и Бременский. В этом случае его можно рассматривать как представителя архиепископа в Исландии³⁰. Из этого следует, что у епископов, посвященных в сан кем-либо другим, не было такой же духовной власти, как у Ислейва. Это точка зрения Ислейва и его преемников, и в этой связи нет необходимости говорить о ереси.

Также не является очевидным, что церковное начальство первых исландских епископов протестовало против «безначальных» епископов по причине религиозных расхождений или различных обычаев. В XI в., на начальном этапе развития христианства в Скандинавии, Адам Бременский, к примеру, с энтузиазмом описывает различные греческие церковные обычаи, перенятые архиепископом Гамбургским и Бременским. Очевидно, автор не знает ни о каком расколе, хотя его труд создан после 1054 г.³¹

Во «Всемирной истории» («*Veraldar saga*»), написанной в середине XII в., разногласия греков и «римлян» определяются как политические. История императоров Константинополя прослеживается в этом труде до 829 г., когда

«лангобарды и многие другие народы наступали на Римское государство. Они [римляне] часто просили помощи у императоров, которые правили тогда в Миклагарде. Однако те не могли помочь римлянам из-за того, что сами были в таком тяжелом положении, что едва могли удержать свое государство перед наступающими на них языческими народами. Тем менее они могли помочь другим. С тех пор они [римляне] искали поддержки у правителей за горами на севере, во Франции; а позднее, когда Пипин по воле папы римского Стефана стал королем римлян, римляне отошли от императоров Миклагарда. С тех пор, как римляне отошли от них, мы не можем рассказать о них никаких правдивых историй. С тех пор каждый из них, стольный князь в Миклагарде и император в Саксонии, именуется выше другого»³².

³⁰ Cp.: Quellen des 9. und 11. Jahrhunderts. S. 486.

³¹ Ibid. S. 366. О напряженных отношениях различных церквей в Скандинавии в то время см.: *Jansson H. Templum nobilissimum. Adam av Bremen, Uppsalatemplet och konfliktlinjerna i Europa kring år 1075. Göteborg, 1988 (Avhandlingar från Historiska institutionen i Göteborg, 21). S. 152–162, 167–171.*

³² «<gengv> Langbarðar ok margar þjódir adrar yfir Rvmveria ríki. þeir beiddv opt kei(sara) þa er varo i Miclagardi ser lidveizlo. En þeir mato eigi Rvmveriom at lidi verþa fyrir því at þeir höfðv sva mikít vandræði at travt mattv þeir hallda sinv ríki fyrir heidnvm þjóðvm er a hendr þeim gengv því sidr mattv þeir odrvm at lidi koma. þadan fra sottv

Так обстояли дела с точки зрения жителя южной Исландии около середины XII в. Правда, автор «Всемирной истории» не был столь же знающим человеком, как некоторые его современники, которые могли рассказать «правдивые истории» из Миклагарда. Во введении к «Книге о заселении страны» говорится, что Лев и Александр были греческими императорами во времена заселения Исландии; однако здесь имеется погрешность в несколько десятилетий³³. В записях анналов, относящихся к IX в., а также позднее, императоры Миклагарда упоминаются редко и информация о них, судя по всему, взята непосредственно из латинских анналов³⁴. В рукописи времен правления Хакона Высокононого перечень императоров доходит до конца XII в.; вероятно, это наиболее точный перечень императоров Миклагарда, сохранившийся в Исландии³⁵.

В «Гнилой коже» и других королевских сагах рассказывается о разногласиях Харальда Сурового с иностранными воинами, служившими императору Миклагарда, которыми управлял «Гюргир, родственник императрицы Зоэ» («Gyrger frændi drottningarennar Zoe»). Настоящее имя этого «Гюргира» было Гиоргиос Маниакес (умер в 1043 г.), и он хорошо известен из современных источников. Между ним и конунгом Харальдом шла борьба за влияние, окончившаяся тем, что Харальд покинул его, «и с ним все варяги и все римские люди, а Гюргир со своими людьми ушел вместе с армией греков»³⁶.

þeir travst þeirra hofðingia er fyrir norþan fiall varo a Fraclandi ok síþan er Pipinv's tok konvngdom yfir Rvmveriom at vilia Stephani pafa þá hvrfo Rvmveriar vndan Miclagardz konvngom. havfv'm ver þadan engar sanligar savgv'r síþan Rvmveriar hvrfo vndan þeim. síþan kallaz hvar þeirra odrvm meiri stolkonvng'r i Miklagardi ok kei(sari) a Saxlandi» (Veraldar saga / Udg. Jakob Benediktsson. Kaupmannahöfn, 1944 (SUGNL, 61). Bls. 69–70).

³³ Landnámabók I–III. Hauksbók, Sturlubók, Melabók m.m. / Udg. Finnur Jónsson. Kaupmannahöfn, 1900. Bls. 3, 129, 261. Лев стал императором не ранее 886 г., а его сын значительно позже. Об этом рассказывается в «Королевских анналах» («Annales regii»). Под 886 г. говорится о кончине императора Василия, а также, что его сын Лев унаследовал государство и правил 18 лет (правильнее, однако, 26). — Islandske Annaler. Bls. 100.

³⁴ В «Королевских анналах» под 872 г. говорится о богатых дарах Василия конунгу саксов Хлёдверу, Василий именуется «imperator Grecorum» («император Греков»). — Islandske Annaler. Bls. 99.

³⁵ Cp.: *Stefán Karlsson*. Alfræði Sturlu Þórðarsonar // Sturlustefna / Ritstj. Guðrún Ása Grímsdóttir, Jónas Kristjánsson. Reykjavík, 1988. Bls. 40–41.

³⁶ «og med honum aller Væringiar og aller Latinomenn. en (þeir) Gyrgir foru med Grickiaher» (Morkinskinna / Útg. Finnur Jónsson. Kaupmannahöfn, 1932 (SUGNL, 53). Bls. 62–64). Указывалось на то, что многие повествования о конунге Харальде имеют аналоги в трудах норманнов, см: *Vries Jan de*. Normannisches Lehngut in den isländischen Königssagas // ANF. 1931. B. 47. S. 63–68.

Очевидно, что в этом случае скандинавам по пути с «римлянами». Этот эпизод можно толковать в контексте противостояния между теми, кто принадлежал к римско-католической церкви и к греческой православной церкви³⁷. С другой стороны, данный источник не упоминает религиозных вопросов, а говорит лишь о расхождении по критерию языка.

Другие источники о религиозном расколе содержат столь же неясные формулировки, как будто отсутствует базовое понимание его предпосылок. В «Саге о святом Ятварде» упоминается, что через несколько зим после гибели Харальда Гудинасона англичане отправились в Миклагард, сражались на стороне конунга Кирьялакса [императора Алексея], и он дал им землю для поселения на северо-востоке; они назвали землю Англией, а города «Лондон, и Йорк, и другими именами главных городов Англии» («Lundun ok Jork ok annarra hofudborga nofnum i Englandi»). Религиозный раскол отражается в том, что они не хотят использовать труд, именуемый в саге «Книгой Павла», «которая была распространена в Миклагарде, а епископов и других священников они привезли из Венгрии (Vngariam)»³⁸.

Несмотря на запрет в отношении армянских и греческих епископов, немного в исландских источниках указывает на раскол западной и восточной церквей. Напротив, из них можно заключить, что об этом расколе было известно мало, а когда новости о нем дошли до Исландии, он был воспринят как временное расхождение или политические конфликты амбициозных предводителей. Раскол не угрожал единству христианства. В сознании исландцев Миклагард оставался одной из столиц христианства.

Разделение церквей не согласовалось с представлениями о единстве всего христианского мира; однако исландцы, как представляется, редко учитывали разделение церквей и едва знали о нем. Их представление о расколе было неясным и не соответствовало тому

³⁷ Наименование *latinoi* редко встречается в трудах, написанных в Миклагарде, вплоть до середины XII в., когда оно становится распространенным; см.: Kazhdan A. Latins and Franks in Byzantium: Perception and Reality from the Eleventh to the Twelfth Century // The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World / Ed. A.E. Laiou, R.P. Mottahedeh. Washington, D.C., 2001. P. 86.

³⁸ «sem geck i Miklagarði ok sottu þeir byskupa ok adra kennimenn i Vngariam» (Flateyjarbók. В. III. Bls. 470–72). Об источниках этой саги см.: Fell Ch. The Icelandic Saga of Edward the Confessor: Its version of the Anglo-Saxon Emigration to Byzantium // Anglo-Saxon England. 1974. Vol. 3. P. 179–196 (особ. стр. 181–189).

значению, которое придается «схизме» в современных исторических трудах о средневековой церкви. Возможно, историки XX в. переоценили значение раскола, усмотрев в нем аналогию современному противостоянию востока и запада.

«ГЛАВА ВСЕГО ХРИСТИАНСКОГО МИРА»

В «Книге с Плоского острова» и других рукописях XIV в. есть повествование, именуемое «Сага об Эйрике Путешественнике». В нем рассказывается о сыне конунга из Трондхейма, который отправляется на восток в поисках Одаинсакр. В Миклагарде он принимает христианство, и стольный князь просвещает его о христианской картине мира, а также о том, что Одаинсакр — это христианский Рай. В конце концов герой доходит до пункта назначения — однако не может пройти по мосту в Рай.

Многое в этом рассказе вызывает удивление. Он открывает крупное собрание саг о норвежских конунгах, однако сам практически не имеет к конунгам отношения. Долгое время он считался одной из саг о древних временах и издавался в одних сборниках с ними, несмотря на то, что его скорее можно назвать легендой³⁹.

Также неожидан статус греческого императора в данной саге. Он является полноценным христианским наставником, *doctor*, который преподает молодому скандинавскому принцу основы христианской веры. Они представлены в соответствии с учеными трудами порядка «*Imago mundi*» и «*Elucidarius*», последовательно описывающими христианское видение мира. Но почему житель Скандинавии отправляется за знаниями о христианском видении мира в Грецию?

Положение данного повествования в «Книге с Плоского острова» показывает, что оно находится там не для заполнения пустого места. Напротив, оно представляет собой введение в собрание саг и как таковое определяет характер этого собрания. Не следует недооценивать роль саг, открывающих собрания трудов. Они задают тон всему, что за ними следует. «Сага об Эйрике Путешественнике» в «Книге с Плоского острова» является повествовательным обрамлением по отношению к истории норвежских конунгов, и это обрамление представляет собой христианскую картину мира.

³⁹ См., например: *Mitchell S.A. Heroic Sagas and Ballads (Myth and Poetics)*. Ithaca, N.Y.; L., 1991. P. 22, 31.

В «Саге о Карламагнусе» говорится о крестовом походе короля в Йорсалаанд [Иерусалим], где он преданно сражается на стороне греческого императора и, как представляется, смотрит на него как на вышестоящего.

«Потом Карламагнус получил позволение отправиться домой, однако греческий конунг предложил отдать ему Миклагард и сделаться его подчиненным⁴⁰. Король Карламагнус отвечает: “Да не прикажет мне этого Бог, ибо ты — император и глава всего христианского мира. Я скорее хочу попросить вас, чтобы вы дали мне с собой в Валланд какую-либо святыню”. Император ответил, что с удовольствием это сделает»⁴¹.

Представление о «главе всего христианского мира» нашло отклик среди исландцев и соответствовало их собственной информации. В описаниях мира Миклагард всегда причисляется к столицам христианства вместе с Иерусалимом и Римом. Сочинение «Стьорн» («Stjórn») редко выходит за пределы древних времен в своем описании мира⁴², однако там упоминается «Константинополь (Constantinopolis), город, который норвежцы называют Миклагардом [...] который по огромному могуществу и заслугам во многом сравним с самим Римом (Roma)»⁴³. В «Младшей Эдде» Христос именуется конунгом неба, солнца и ангелов, «и *Иерусалима, и Иордана,*

⁴⁰ [Данное предложение допускает двоякое толкование, поскольку не вполне ясно, к кому относится местоимение «его»: к греческому императору или к Карламагнусу. В первом случае император предлагает отдать Карламагнусу Миклагард с тем, чтобы Карламагнус стал его, императора, подчиненным. Во втором же случае греческий император предлагает как Миклагард, так и себя самого в подчинение Карламагнуса. Этот перевод представляется предпочтительным с учетом контекста (ср., например, следующее предложение).]

⁴¹ «Sidan tok Karlamagnus leyfi til heimferdar en Grickia kongr baud at gefa honum Miklagarð ok geraz hans vndermadr. Karlamagnus kongr svarar „guð biedi mer þat eigi at gera þar sem þu ert keisari ok höfðingi allrar kristni. vil ek bidia ydr helldr at þer gefit mer helga doma nockura at hafa med mer heim j Valland.“ en keisarin kvuez þat giarna villdu» (Karlamagnús saga. Branches I, III, VII et IX / Udg. Agnete Loth. København, 1980. Bls. 95). Повествования о путешествии Карла Великого в Иерусалим были распространены в Европе уже в XI в., см.: *Erdmann C. Die Entstehung des Kreuzzugsgedankens. Stuttgart, 1935 (Forschungen zur Kirchen-und Geistesgeschichte, 6). S. 276–277.*

⁴² О консервативности в географических описаниях см.: *Brincken A.-D. von den. Mappa mundi and Chronographia. Studien zur imago mundi des abendländischen Mittelalters // Deutsches Arkiv. 1968. Bd. 24. S. 118–86.*

⁴³ «Constantinopolis. su borg sem Nordmenn kalla Miklagarð [...] huer af miklum uoildugskap ok margri uerdskyllan er í marga stadi samuirdandi sealfri Roma» (Stjórn. Gammelnorsk biblehistorie fra verdens skabelse til det babyloniske fangenskab / Udg. C. Unger. Christiania, 1862. Bls. 83).

и Греции... (курсив мой. — С.Я.)»⁴⁴. Христа называют «стольным князем» (*stolkongr*) в «Знамении о Деве Марии»; это же наименование используется для императоров Миклагарда⁴⁵. В описании мира Олава Ормссона от 1387 г. перечисляются святые мощи в Миклагарде; также упомянуты Константин Великий и другие императоры, не названные по имени⁴⁶.

В Миклагарде заслуживали внимания не только религиозные сокровища. Ипподром Падрейм описан в «Гнилой коже» следующим образом:

«Люди, побывавшие в Миклагарде, рассказывают, что Падрейм устроен таким образом, что вокруг поля, равного широкому круглому туну, построена высокая стена, и вокруг, вдоль этой каменной стены, расположены ярусы, и там сидят люди, а представления проходят на поле. Там запечатлены многие события древности, асы, Вэльсунги и Гьёкунги; это выполнено в меди и металле так искусно, что кажется живым, и при таком устройстве людям кажется, что они участвуют в представлении. А ставится оно с большими хитростями и уловками. Кажется, что люди скачут по воздуху и стреляют огнем, а иногда применяется и колдовство. Там используются самые разные музыкальные инструменты, псалтерий и орган, арфы и скрипки и всевозможные струнные инструменты»⁴⁷.

⁴⁴ «ok Jórsala ok Jórdánar ok Griklandz» (*Snorri Sturluson. Edda / Udg. Finnur Jónsson. Kaupmannahöfn, 1900. Bls. 121*).

⁴⁵ Mariu saga. *Legender om jomfru Maria og hendes jertegn efter gamle Haandskrifter / Udg. C. Unger. Christiania, 1871. Bls. 1086*. Согласно традиционному толкованию, слово *stólkonungr* пришло из славянского и означает ‘стольный князь’, см.: *Sigfús Blöndal. Væringja saga. Reykjavík, 1954. Bls. 285*. С другой стороны, греческое слово *στολος* означает ‘военный поход’, особенно морской; оно известно из греческих исторических трудов со времен Геродота и Фукидида. Вполне вероятно, что скандинавские варяги связывали своего господина с морскими походами, в которые они ходили по его повелению, и это отразилось в данном слове. В «*Lexicon Poeticum*» названы два примера использования данного слова в значении ‘флот’. См.: *Sveinbjörn Egilsson. Lexicon poeticum antiquæ lingua septentrionalis. København, 1931. Bls. 539*. Слово *stóll* также используется в кеннингах неба, например, Христос именуется *stólkonungr*.

⁴⁶ Cod. mbr. AM. 194, 8vo. *Alfræði íslenzk: Íslandsk encyklopædisk litteratur / Udg. Kr. Kålund. København, 1908 (SUGNL, 37). B. I. Bls. 25–26*.

⁴⁷ «Þat segia þeir menn er verit hafa íMiclagarþi at þaðreimr se a þa leiþ gøt. at vegr har er settr vm ein voll at iafna til viðs tvns cringlotz. oc gradvr vmhverfiz með steinvegnum oc sitia menn þará. en leicr er avellinom. ero þar scrifot margsonar forn tíþindi. Esir oc Volsvngar. oc Givkvngar. gort af copar oc malmi. með sva miclom hagleic. at þat þiccir qvict vera. oc með þesi vmbvþ þiccir monnom sem þeir se ileicnom. oc er leicrin settr með miclom brogbom oc velom. syniz sem menn riþi flopti. oc við er oc scotelldr hafþr. oc svmt af fornescio. þar við ero hoþf allzconar songføri. psalterium oc organ. Horpor. gigior oc fiþlor. oc allz konar strengleicr» (*Morkinskinna. Bls. 350*).

Маловероятно, чтобы греки интересовались скандинавскими преданиями времен великого переселения народов. О чем же тогда здесь рассказывается? Это описание показывает, каким образом скандинавы связывали собственное прошлое с теми азиатскими странами, которые считались расположенными около центра мира. Оттуда и должны были прийти асы, как это описывается в различных источниках, в частности, в прологе к «Младшей Эдде» и к «Кругу Земному». Таким образом, нет ничего удивительного в том, что история Вёльсунгов и Гьёкунгов связывалась с Византией.

Во времена крестовых походов путешествия скандинавов в Миклагард и Иерусалим участились, хотя они и не стали столь же многочисленными, как в Рим. Одними из первых путешественников стали датский конунг Эйрик Свейнссон (ок. 1055–1103) и норвежский конунг Сигурд Магнуссон (ок. 1090–1130). Мотив уважения и славных приемов также присутствует в «Драпе об Эйрике» Маркуса Скеггясона (ум. в 1107), когда речь идет о путешествиях датского конунга Эйрика Свейнссона в южные страны. Однако слава Эйрика достигает кульминации в путешествии в Миклагард:

Hildingr þá við hæst lof aldar
 hofgan auð í gollri rauðu,
 halfa lest, af harra sjölfum
 harða ríkr í Miklagarði;
 áðan tók við allvalds skróði,
 (Eiríki þó vas gefit fleira),
 reynir veitti herskip honum
 hersa matter sex ok átta⁴⁸.

Очень могущественный конунг принял, под высочайшую хвалу людей, весомое богатство в красном золоте, пол-ласта, от самого господина в Миклагарде; ранее он принял праздничные одежды всемогущего [т.е. императора] (но Эйрику было даровано еще больше), испытатель мощи херсиров [т.е. конунг, император] даровал ему шесть и восемь [т.е. 14] военных кораблей.

Конунг, раздающий почести своим дружинникам, сам принимает их от равных себе иностранных правителей — и более богатых южных королей. Свидетельством тому служат дары и драгоценности.

Первые детально описанные паломничества скандинавов в Святую землю — это путешествия датского конунга Эйрика и норвежского конунга Сигурда в начале XII в. Эти описания объединяет то, что они подробно останавливаются на приеме, оказанном конунгам в Миклагарде, и отношениях конунгов и императора Алексея (1048–1118). Меньше говорится об их религиозном опыте в Иеру-

⁴⁸ Den norsk-islandske skjaldedigtning / Udg. Finnur Jónsson. København, 1912–1915. Rettet text. B. I:B. 800–1200. Bls. 414–420.

салиме. В «Саге о Кнютлингах» дары императора используются для сравнения конунгов:

«Говорят, что греческий конунг Алексис предложил конунгу Эйрику либо подарить ему пол-ласта золота, либо сыграть для него представление, которое греки называют Падремслейк и конунг обычно устраивает в том месте, которое называется Падрейм. И все говорили, что конунг тратит на это представление не меньше золота, чем он предложил конунгу Эйрику. Но поскольку конунгу Эйрику дорого стоило содержать множество людей и у него оставалось мало денег, а предстояла ему дальняя дорога, то он выбрал золото. Тот же греческий конунг Алексис позднее предложил тот же выбор норвежскому конунгу Сигурду Путешественнику-в-Иерусалим. И поскольку конунг Сигурд направлялся тогда домой и уже оплатил большинство своих путевых издержек, он выбрал представление. И люди расходятся во мнении, что было более благородным выбором»⁴⁹.

Этот акцент на благородстве конунгов является главной отличительной чертой повествований об их паломничествах; все остальное отходит в тень. В «Обзоре саг о норвежских конунгах» рассказывается, как Сигурд Путешественник-в-Иерусалим молился перед святым крестом. Однако не замалчивается ни то, что он снискал большую честь в Иерусалиме «и получил там в дар великолепные драгоценности» («og þá þar dýrlicar gørsimar»), ни то, что он «получил большое уважение от того, какой прием ему оказал император, а также большие дары» («mikla tígn af víþrþoko keisarans ok stórar gíafir») в Миклагарде⁵⁰. В «Гнилой коже» говорится, что Сигурд отправился в поход, чтобы «купить себе милость Господню и добрую славу» («at sápra ser guþs miscun oc goþan orztír»); поэтому

⁴⁹ «Þat er sagt, at Álexis Girjakonungr bauð Eiríki konungi, hvárt hann vildi (þiggja) af honum hálfá lest gulls, eða léti hann leika fyrir (honum) leik þann, er Girkir kalla þaðremsleik, ok konungr er vanr að láta leika á Þaðreimi, í þeim stað er svá heitir; ok sögðu allir, at eigi kostaði konunginn minna leikinn en þetta gull, er hann bauð Eiríki konungi. En þvíat Eiríki konungi varð kostnaðarsamt, er hann hélt fjölmenni mikit, ok eyddiz mjök lausafé hans, en farvegr langr fyrir höndum, þá kaus hann heldr gullit. Þessi sami Álexis Girjakonungr bauð síðan Sigurði Nóregskonungi Jórslafara slíkan kost; en með því að Sigurðr konungr fór þá heimleiðis ok hafði þá lokit enum mesta fékostnaði í ferð sinni þá kaus hann fyrir þá sök leikinn; ok greinaz menn at því, hvárt höfðinglicar þótti kosit vera» (Sögur Danakonunga. 1. Sögubrot af fornkonungum. 2. Knytlinga saga / Udg. Carl af Petersens, Emil Olson. København, 1919–1925 (SUGNL, 46). Bls. 192–193).

⁵⁰ Ágríp af Nóregs konunga sögum / Hrsg. Finnur Jónsson. Halle, 1929 (Altnordische Saga-bibliothek, 18). Bls. 50–52.

много рассказывается о сражениях Сигурда с язычниками и меньше о святых местах, что он посетил⁵¹.

Путешествие оркнейского ярла Рёгнвальда в Иерусалим в 1151–1153 гг., вероятно, было предпринято по совершенно другим причинам, чем спасение души. Эйндриди младший, наемный воин в Миклагарде, вернувшийся домой, побуждает его отправиться в путь следующими словами:

«Мне кажется удивительным, ярл, что ты не хочешь отправиться в Иерусалим, а не просто слушать рассказы о тамошних чудесах. Людям с вашими умениями это больше всего подходит. Больше всего тебя уважать будут там, где ты будешь среди знатных людей»⁵².

Правда, Эйндриди прилагает определенные усилия, чтобы навредить ярлу и его спутникам, когда они прибывают в Миклагард, где он «пользуется большим уважением стольного князя». Тем не менее, император хорошо принимает их, и они долго находятся там «в большом великолепии» («i allgöfum fagnafi»). Однако еще больше ценно то, что когда они возвращаются домой, «это путешествие стало самым славным, и все они стали казаться гораздо более значительными людьми после этого путешествия»⁵³. На почет, который эта поездка должна была принести ярлу и его товарищам, обращается больше внимание, чем на спасение души, долженствующее следовать паломничеству.

Почет, оказываемый конунгам и ярлу императором Миклагарда, ведет к тому, что после путешествия они кажутся более значительными людьми. Неясно, в чем еще заключался этот почет; экономическая выгода, по крайней мере, не играет большой роли. Тем не менее, в глазах автора саг почет значил очень много. Выигрыш был символичным, а цель паломничеств конунгов, возможно, была аналогичной цели путешествий сыновей бондов ко двору конунгов и мирских предводителей. Люди соприкасались таким образом с теми, встреча с кем представлялась возвышающей.

⁵¹ Morkinskinna. Bls. 337. Аурманн Якобссон описывает историю путешествия Сигурда как рассказ «о золоте и драгоценностях, славных победах, щедрых приемах и великолепных пирах». См.: *Ármann Jakobsson. Staður í nýjum heimi. Konungasagan Morkinskinna. Reykjavík, 2002. Bls. 208.*

⁵² «þat þicki mer undarligt, iarl, er þu vill eigi fara ut i Iorsalaheim, ok hafa eigi sagnir einar til þeirra tidenda, er þadan eru at segia. Er slikum monnum bezst hent þar, sakir ydvara lista; muntu þar bezst virdr, sem þu kemr med tignum monnum» (Orkneyinga saga / Udg. Sigurður Nordal. København, 1913–1916 (SUGNL, 40). Bls. 215).

⁵³ «varþ þessi ferþ in fregsta; ok þottu þeir allir myklu meira hattar menn siþann, er farit haufþu» (Orkneyinga saga. Bls. 259).

Путешествия конунгов к стольному князю, несомненно, интерпретировались по-разному. По-видимому, в XII в. императоры Миклагарда рассматривали скандинавских конунгов как своих вассалов. Согласно «Саге о Сверрире», в 1196 г. «греческий конунг Кирьялак» (Kíralax Girkjakonungr — император Алексей) отправил некоего Хрейдара к конунгу Сверриру «с письмами и печатью, называемой Золотой буллой» («með brefum oc in-sigli þvi er callat var Gullbulu-sca»), а также других людей с аналогичными посланиями к датскому и шведскому конунгу Кнуту; он просил их прислать к себе воинов⁵⁴. Это можно толковать как просьбу о дальнейшей поддержке, зачастую оказывавшейся ему скандинавами на протяжении предыдущего века, что свидетельствует о сохранении между жителями Скандинавии и Миклагардом в конце XII в. значительных связей. Рыцари архиепископа Абсалона находились при дворе императора Миклагарда в 1184 г.; вероятно также, что в императорском войске был датский отряд⁵⁵. Возможно, скандинавским конунгам было удобно признавать более высокое положение стольного князя, поскольку он не угрожал их самостоятельности так, как соседствующий с ними «конунг саксов» (германский император).

Можно найти различные указания на то, что император Миклагарда пользовался большим уважением, чем другие конунги и даже император Священной Римской империи. Служить такому предводителю было честью, как мы часто видим в сагах об исландцах.

Герой древних времен Барди Гудмундарсон реабилитирует себя, защищая государство греческого императора, а Кольскегг Хамундарсон становится «рыцарем Господа» и предводителем войска варягов⁵⁶. Подобное встречается и в рыцарских сагах. В «Саге о Конраде» говорится, что сын конунга саксов «сказал, что ни к кому не поедет и никому не будет служить, кроме самого богатого во всем мире, “а это сам стольный князь, так что мы отправимся в

⁵⁴ Sverris saga etter Cod. AM 327 4o / Udg. av Gustav Indrebø. Christiania, 1920. Bls. 133.

⁵⁵ *Krijne Ciggaar*. Denmark and Byzantium from 1184 to 1212. Queen Dagmar's cross, a chrysobull of Alexius III and an 'ultramarine' connection // *Mediaeval Scandinavia*. 2000. Vol. 13. P. 118–143.

⁵⁶ Бьярни Гюднасон полагает, что Барди искупил именно свои проступки и колдовство, «защищая христианство от языческих народов» («með þvi að verja kristni fyrir heiðnum þjóðum»). См.: *Bjarni Guðnason*. *Túlkun Heiðarvígasögu*. Reykjavík, 1993 (Studia Islandica, 50). Bls. 65.

Миклагард”»⁵⁷. Знаменитые предводители часто упоминаются среди самых славных «к северу от Адриатического моря», однако никто не пытается сравнить их честь с великолепием императоров Миклагарда или других южных королей⁵⁸.

Ранее был упомянут Торвальд Путешественник. Почет, который он в глазах исландцев получил в Аустрвеге, был не только символичным. В «Саге о крещении» и «Книге с Плоского острова» рассказывается прежде всего о миссионерском труде Торвальда Путешественника в Аустрвеге, труде во укрепление веры Господней. В «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» (XIV в.) оказываемый ему почет носит другой характер:

«Сам стольный князь принял его с большим почетом и преподнес ему много прекрасных даров в знак дружбы, ибо столь близка ему была милость Божья. И его слава облетала весь народ, куда бы он ни шел, так что везде его почитали и славил как большие люди, так и малые как столп и держателя праведной веры, и сам император Миклагарда, и все его правители, и не в последнюю очередь все епископы и аббаты по всей Греции и Сирии чествовали его как благочестиво исповедующего веру Господа нашего Иисуса Христа. Больше всего его почитали в Аустрвеге, куда он был послан императором как предводитель или властитель, поставленный над всеми конунгами Руси и всего Гардарики»⁵⁹.

⁵⁷ «qvez ongan mvndv heim sekia ne neinvm þiona oðrum en þeim, er rikaztr er i ollvm heiminv, “en þar er stol konvngin sialfr; ok skolo ver til Mikla garðz”» (Fornsögur Suðrlanda. Magus saga jarls, Konraðs saga, Bærings saga, Flovents saga, Bevers saga / Udg. Gustaf Cederschiöld. Lund, 1884. Bls. 48). Слово *þar* ‘там’ в оригинале писец, вероятнее всего, написал ошибочно вместо *þat* ‘это’.

⁵⁸ Так, в заключении «Саги о Греттире» говорится, со слов Стурлы Тордарсона, что Греттир Сильный был выдающимся человеком по трем причинам — в частности, потому, «что за него отомстили в Миклагарде, как ни за кого другого из исландцев» («at hans var hefnt út i Miklagarði, sem enskis annars islenzks manns». — Grettis saga Ásmundarsonar / Hrsg. R.C. Boer. Halle, 1900 (Altnordische Saga-Bibliothek, 8). Bls. 315). Было немаловажно, чтобы человек был славно отомщен, и подобная месть является, вероятно, самой славной.

⁵⁹ «Tok sialfr stolkonungin við honum með mikilli virðing ok ueitti honum margar vingiafir aa giætar. þviat sva var guðs miskunn honum na kvæm. ok flaug hans frægð fyrir alþyðu hvar sem hann kom. at hann var virðr ok ueg samaðr sva af minum monnum sem meirum sem einn stolpi ok upp halldz maðr retrtar truar. ok sva sæmðr sem dyrdar fullr iatari vars herra Iesu Kristi af sialfum Mikla garðz keisara ok ollum hans hofþingium ok eigi siðr af ollum biskupum ok abotum vm alt Grick land ok Syrland. Allra mest var hann tignaðr vm Austr uegh þangat sendr af keisaranum sva sem foringi e(ðr) valldz maðr skipaðr yfir alla konunga aa Ruz landi ok i øllu Garða riki» (Óláfs saga Tryggvasonar en mesta. B. I. Bls. 300). [Последнее предложение можно также понимать, прежде всего, так, что Торвальда «почитали в Аустрвеге... как предводителя и властителя, поставленного над всеми конунгами...»]

Подобные фантастические истории мало говорят о жизни Торвальда Путешественника в конце X в., однако показывают, что, по мнению исландцев XIV в., могло раньше ожидать их земляка в восточных странах⁶⁰. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, несмотря на религиозные подвиги Торвальда, его возвышение является мирским, в качестве «предводителя и властителя», поставленного над князьями.

Повествования о путешественниках Эйрике и Торвальде показывают, что в конце XIV в. на императора Миклагарда все еще смотрели как на «главу всего христианского мира», могущего предоставить скандинавам как духовное, так и мирское возвышение. Представляется, что стольный князь находился в особом положении среди христианских монархов: власть, полученная из его рук, имела не только светское, но и религиозное содержание. Подобные труды вряд ли могут быть созданы под влиянием «великого раскола».

«КОНУНГ РУСОВ ПРИНЯЛ ВЕРУ»

Помимо истории Олава Трюггвасона, Одд Сноррасон считается автором «Саги об Ингваре Путешественнике», где рассказывается о странствиях сына шведского конунга в Аустрвеге. О путешествиях Ингвара имеются современные ему источники, например, рунические надписи на камнях, относящиеся к XI в., однако сама сага считается поздней⁶¹. То, что Одд писал о событиях в Аустрвеге, само по себе заслуживает внимания и показывает, что его интерес к восточным странам не ограничивался историей Олава Трюггвасона.

«Прядь об Эймунде Хрингссоне» в «Книге с Плоского острова» повествует о политике на Руси и борьбе князей за власть. Вре-

⁶⁰ Гюдбранд Вигфуссон полагал, что, «несомненно, есть доля истины в том, что Торвальд основал прекрасный монастырь и стал знаменит на востоке. Христианство пришло на Русь из Миклагарда, и поэтому вероятно, что Торвальд был послан стольным князем на Русь, только его величие и слава здесь несколько преувеличены» (*Biskupa sögur / Udg. Jón Sigurðsson, Guðbrandur Vigfússon. København, 1858–1878. V. I. Bls. 48*). Однако можно указать на то, что самые древние повествования о Торвальде были записаны через 300 лет после гибели конунга Олава. Несомненно, Русь приняла православную веру в X в. Однако в Аустрвеге нет ни одного святого, который мог бы быть Торвальдом, и ни один русский источник не повествует о человеке, поставленном над всеми князьями в Гардарики.

⁶¹ Ср.: *Jansson Sven Birger Fredrik. Runinskrifter i Sverige. Uppsala, 1984 [3-е изд.; 1-е изд. 1963]. S. 68–72.*

мя действия в этом повествовании — XI в.⁶² Это поздняя прядь, однако она свидетельствует о том, что исландцы ориентировались как в местных условиях, так и в политических противоречиях в Гардарике⁶³. В пряди рассказывается о конфликтах князя Новгородского со своими братьями, князьями Киевским и Полоцким. В пространной редакции «Саги об Одде Стреле» перечислены князья в Хольмгарде [Новгороде], Морамар [Муроме], Радстове [Ростове], Сурдале [Суздале], Палтескьюборге [Полоцке] и Кэнугардах [Киеве], причем князь Новгородский может также собирать войско «в Кирьялаланде [Карелии] и Тавэсталанде [Тавастии], Реваланде, Вирланде [Вирумаа], Эйтланде [Эстонии], Ливланде [Ливонии], Витланде, Курланде, Ланланде, Эрмланде [Вармии] и Пулиналанде [Земле Польской]»⁶⁴. Это примерно те же самые страны, что перечислены в описании мира в «Книге Хаука»⁶⁵; на данном примере интересно наблюдать, как автор саги о древних временах работал с материалом из ученых трудов.

«Прядь об Эймунде» из «Книги с Плоского острова» исходит из того, что Гардарики — это форпост христианства, а за рубежами Гардарики — «злые народы» («*illar þjóðir*»), как то: бьярмы, тюрки и *Blókumenn* (валахи)⁶⁶. В Гардарики можно было торговать товарами из экзотических стран, и в этой связи особенно упоминается Хольмгард. Эти повествования, похоже, относятся к более позднему времени, когда торговля в Новгороде была важна для Ганзейских купцов. В «Саге о фарерцах» рассказывается о рулевом Хравне, часто плававшем в Гардарики, и потому его звали Путешественником-в-Хольмгард⁶⁷. В «Книге о заселении страны» упоминается Скинна-Бьёрн [Бьёрн Меха], занявший землю в Мидфьорде. Его называли так «потому, что он путешествовал в Хольмгард»⁶⁸. В «Книге с

⁶² Flateyjarbók. В. II. Bls. 118–34.

⁶³ О ценности данной пряди как исторического источника в сравнении с русскими источниками см.: Cook R. Russian History, Icelandic Story, and Byzantine Strategy in Eymundar þáttir Hringssonar // Viator. 1986. Vol. 17. P. 68–71.

⁶⁴ «af Kirjálalandi ok Tafestalandi, Refalandi, Virlandi, Eistlandi, Liflandi, Vitlandi, Kúrlandi, Lánlandi, Ermlandi ok Púlinalandi» (Ørvar-Odds saga / Hrsg. R. Boer. Leiden, 1888. Bls. 187).

⁶⁵ Hauksbók. Bls. 155.

⁶⁶ Flateyjarbók. В. II. Bls. 124–27. О *Blókumenn* см.: Jansson S. Runinskrifter i Sverige. S. 66–68.

⁶⁷ Færeyinga saga / Útg. Ólafur Halldórsson. Reykjavík, 1987 (Stofnun Árna Magnússonar á Íslandi, 30). Bls. 18.

⁶⁸ «þviat hann var Holmgarzfari» (Landnámabók. Bls. 57, 180).

Плоского острова» также описываются древние времена и называется, как норвежский конунг Харальд Прекрасноволосый от правил Хаука Высокие Штаны «в Аустррики тем летом, чтобы он купил мне [Харальду] хорошие и редкие в наших землях вещи». Хаук купил в Аустрвеге плащ, и «говорили, что более роскошного плаща еще не было в Норвегии»⁶⁹. Представляется, что Русь была посредником в отношениях с чудесным восточным миром, однако не его частью.

Неудивительно, что Гардарики было отведено важное место в исландской картине мира: эта страна была как форпостом христианства, так и центром дорогих экзотических товаров. Связи с Гардарики были тесными. Исландские источники особенно останавливаются на десятилетиях, примыкающих к христианизации Норвегии и Исландии, однако в действительности история отношений с Гардарики и продолжительнее, и масштабнее. Русь отличалась от других соседних стран: там правили могущественные предводители, с которыми у высокопоставленных скандинавов были дружественные отношения — не как у сюзеренов, а как у равных или даже подчиненных. Таким образом, путешествия на Русь не были викингскими походами, у них были другие цели.

В XII в. у скандинавских стран были хорошие отношения с их соседями в Аустрвеге, по крайней мере, с Гардарики. Русские источники мало говорят о миссионерстве и вторжениях скандинавов и германцев в земли финно-угорских и прибалтийских народов в XII в. Можно полагать, что отношения славян с западными соседями были в основном мирными⁷⁰. Поэтому считается, что в странах к востоку от Балтийского моря политическое сотрудничество членов различных религиозных групп являлось скорее правилом, чем исключением⁷¹. С другой стороны, русы, принадлежавшие к православной церкви, негативно относились к явлению, которое они называли варяжской верой («вера варяжская»), что было си-

⁶⁹ «j Austriki a þessu sumre at kaupar mer nokkura agaeta gripe ok fasena j uorum londum»; «segia menn at æigi hafvi komit meire gessimi j skickiu til Noregs» (Flateyjarbók. B. I. Bls. 577–578).

⁷⁰ Еще в 1171 г. русы и шведы являются союзниками, поддерживающими папу римского в борьбе с германским императором, см.: *Korpela J. Gravis admodum. Korstågsbulla eller episod i den västeuropeiska diskussionen om suveräniteten i världen // Historisk tidskrift för Finland. 1994. B. 79. S. 421.*

⁷¹ *Selart A. Confessional Conflict and Political Co-operation: Livonia and Russia in the Thirteenth Century // Crusade and Conversion on the Baltic Frontier 1100–1500 / Ed. A.V. Murray. Aldershot, Hampshire, 2001. P. 173.*

нонимом римско-католической веры («вера латинская»)⁷². Против подобной неприязни говорят повествования о вкладе варягов в христианизацию Руси и в основание Киево-Печерского монастыря в Киеве⁷³.

В русских источниках сообщается, что новгородский князь Ярослав вел обширную проповедническую деятельность среди карелов в 1227 г., а впоследствии и среди тавастов⁷⁴. Это привело к столкновениям со шведами. Ярл Биргир отправился в 1239 г. в поход в Финляндию; считается, что именно тогда был возведен город-крепость Тавастехус. Далее шведы, при поддержке папы римского, пошли войной на врагов на востоке в 1240 г.⁷⁵ Проповедовался крестовый поход на русов как еретиков⁷⁶. Это древнейший пример столкновения шведов и русов под предлогом религиозных разногласий.

В 1293 г. шведы построили город-крепость Выборг (Viipuri) в Карелии, у вершины Финского залива. Они стремились к дальнейшим завоеваниям земель. В «Анналах Готтскалька» имеется следующая запись под 1296 г.: «Господин Торгисль, управляющий шведского конунга, завоевал и обратил в христианство две области в Карелии»⁷⁷. Шведы основали крепость Ландскрона в устье Невы, недалеко от того места, где сейчас стоит Петербург, однако русы осадили и взяли крепость. Эти события стали началом многовековой вражды шведов и русов⁷⁸. Уже в 1188 г. новгородские анналы называют шведов *немцами* (как жителей Германии), а в XIII в.

⁷² *Fennell J.* A History of the Russian Church to 1448. L.; N.Y., 1995. P. 101–102.

⁷³ *Franklin S., Jonathan Shepard J.* The Emergence of Rus 750–1200. L.; N.Y., 1996. P. 308; *Fennell J.* A History of the Russian Church. P. 33.

⁷⁴ *Finlands medeltidsurkunder, I.* — 1400 / Udg. R. Hausen. Helsinki, 1910. S. 25–26. Джон Линд сомневается в этих источниках, ср.: *Lind J.* De russiske krøniker som kilde til kontakter i Østersøområdet // Det 22. nordiske historikermøte Oslo 13.–18. august 1994. Rapport I: Norden og Baltikum / Udg. K. Tønnesson. Oslo, 1994. S. 35–46 (особ. стр. 42–45).

⁷⁵ Юкка Корпела полагает, что в это время письма папы были направлены прежде всего против врагов христианства в целом, а не именно русов, см.: *Korpela J.* «The Russian Threat Against Finland» in the Western Sources Before the Peace of Nöteborg (1323) // *Scandinavian Journal of History.* 1997. Vol. 22. P. 161–72 (особ. стр. 162–168). Ср. также: *Lind J.* Early Russian-Swedish Rivalry: The Battle on the Neva and Birger Magnusson's Second Crusade to Tavastia // *Scandinavian Journal of History.* 1991. Vol. 16. P. 269–95 (особ. стр. 284–294).

⁷⁶ См., например: *Christiansen E.* The Northern Crusades. L., 1997 [2-е изд., 1-е изд. 1980]. P. 116–117.

⁷⁷ «herra Þorgisl drottseti Suia kongs uann vel ij hluti Kirkialalands og kristnadi» (*Islandske Annaler.* Bls. 339).

⁷⁸ Ср.: *Korpela J.* «The Russian Threat Against Finland». P. 168–171.

скандинавов называют так очень часто. Скандинавов стали вновь отличать от более южных народов не ранее конца XV в.⁷⁹

Шведская «Хроника Эрика» была написана около 1330 г. В ней упоминаются *the crisno* и *the hedno* в повествовании о столкновениях шведов с русами и их финно-угорскими союзниками, начиная с середины XIII в.⁸⁰ Это обычно интерпретируется таким образом, что словом «язычник» обозначались всевозможные враги конунга⁸¹. Конечно, можно найти аналогичные примеры — так, римский папа Адриан (англичанин Nicholas Breakspear) разрешил в 1155 г. английскому королю Генриху II расширить границы христианской церкви, подчинив себе христианскую страну Ирландию⁸². Русы именуются язычниками в папских буллах еще с середины XIII в., однако использование данного понятия в мирском произведении является новшеством⁸³. В XIV в. такое употребление данного понятия в шведском языке растет. В соответствии с «Откровениями» («Revelationes») св. Биргитты, военный поход Магнуса Эйрикссона на Русь направлен против язычников (*paganos*) и неверных (*infideles*). В шведском тексте речь идет только о язычниках (*hedhninga*)⁸⁴. Лексикон скан-

⁷⁹ Lind J. Consequences of the Baltic Crusades in Target Areas: The Case of Karelia // Crusade and Conversion on the Baltic Frontier 1100–1500. P. 133–150 (особ. стр. 141–142).

⁸⁰ Ср.: Pipping R. Kommentar till Erikskrönikan. Helsinki, 1926. S. 495–496; Jansson S. Medeltidens rimkrönikor. Studier i funktion, stoff, form. Stockholm, 1971 (Studia litterarum Upsaliensia, 8). S. 185–187.

⁸¹ Lindkvist Th. Crusades and Crusading Ideology in the Political History of Sweden, 1140–1500 // Crusade and Conversion on the Baltic Frontier 1100–1500. P. 119–130 (особ. стр. 124).

⁸² Davies R. Domination and Conquest. The Experience of Ireland, Scotland, and Wales, 1100–1300. Cambridge, 1990 (The Wiles Lectures given at the Queen's University Belfast). P. 111.

⁸³ Lind J. Consequences of the Baltic Crusades in Target Areas. P. 149. В «Förbindelsedikten» (сер. XV в.) ненависть к русским становится сильнее. Описывается, как конунг приказывает сбрить их бороды, см.: Svenska medeltidens rimkrönikor // Udg. Gustaf E. Klemming. Stockholm, 1868. B. III. S. 177. Ср.: Blom C. Förbindelsedikten och de medeltida rimkrönikorna. Studier kring omarbetningen av Erikskrönikan och tillkomsten av Förbindelsedikten samt dessa krönikedelars plats i den medeltida rimkröniketraditionen. Lund, 1972 (Bibliotheca Historica Lundensis, 28). S. 194–200.

⁸⁴ См., например: Sancta Birgitta. Revelaciones. Lib. VII / Utg. Hans Aili. Uppsala, 2002 (Samlingar utg. av Svenska fornskriftsällskapet. Ser. 2. Latinska skrifter, VII:8). S. 163; Heliga Birgittas uppenbarelser / Utg. Gustaf E. Klemming. B. I–V. Stockholm, 1857–1884 (Samlingar utgifna af Svenska fornskrift-sällskapet, 14). B. III. S. 397. В 1342 г. у Магнуса Эйрикссона возник конфликт с ганзейскими купцами, поскольку они торговали с *heidningar*, т.е. русскими, ср.: Nordberg M. I kung Magnus tid. Norden under Magnus Eriksson 1317–1374. Stockholm, 1995. S. 61.

динавов в сфере религиозных расхождений часто был ограниченным, и все, что не было христианством, называли язычеством.

Норвежские конунги были вовлечены в эти столкновения в 1319–1355 г. в силу унии со шведами, однако у них были и давние связи с жителями Финмарка. «Анналы Готтскалька» повествуют о том, что в 1323 г. русы напали «с севера на Халогаланд и сожгли Бьяркэй господина Эрлинга Видкунссона». В своем письме Эйливу, архиепископу Трондхейма, Эрлинг называет финов, русов и карелов врагами Господа. В «Анналах лагмана» упомянуто под 1386 г., что «Русы напали на Норвегию с севера и убили мужчин, женщин и детей взяли в плен, а деньги забрали с собой»⁸⁵.

В Исландии военные походы Магнуса Эйрикссона на Русь связывали как с захватом земель, так и с религиозными вопросами. В соответствии с «Фрагментами анналов из Скальхольта», в 1348 г. Магнус

«снарядился в поход и готовился идти на Русь (Ruciam). Он делал это с двумя целями. Он хотел вновь подчинить Швеции большие территории, которые она потеряла, а поскольку норвежцы не хотели идти войной на другое государство, конунг заручился поддержкой папы римского и пообещал крестить людей на Руси (Rucia), если он получит помощь. При помощи святого Олава конунга дело окончилось тем, что конунг русов принял веру, а также многие жители страны»⁸⁶.

Таким образом, религиозные аргументы представляются просто приемом для того, чтобы заставить «норвежцев» согласиться на непопулярную войну. Анналы не всегда упоминают эти аргументы. В «Анналах с Плоского острова» говорится, что в 1351 г. Магнус отправился «на Русаланд и воевал с русами, и хотел привести их ко всеобщей вере. Норвежцы смогли захватить несколько городов, но не более того». С другой стороны, в «Анналах лагмана» сообща-

⁸⁵ «nordan aa Haloga land og brendv Biarckey fyrir herra Erlingi Vidkuns syni»; «Striddu Ruzar a Noreg nordan ok drapu kallmenn en hertoku konur ok born en ræntu penningum» (Islandske Annaler. Bls. 283, 346; ср. также: Diplomatarium Norvegicum. Oldbreve til Kundskab om Norges indre og ydre Forhold, Sprog, Slægter, Sæder, Lovgivning og Rettergang i Middelalderen. B. 1–32. Christiania, 1847–1995. B. VIII. S. 99–100; Regesta Norvegica. B. 1–7. Oslo, 1989 fol. B. IV. S. 149).

⁸⁶ «uti leidangr ok bioz til Ruciam. var þat fyrir ij sakir at hann uilldi afr uinna unndir Suiariki þann storan stad er unndan hafdi gengid ok medr þui at Noregs menn uilldu eigi sækia med hernati i annars kongs riki leitadi kongrinn fulltings herra pafans ok het at kristna folk i Rucia ef hann feingi styrk til. Geck þat maal sua til med fulltingi hins heilaga Olafs kongs at kongr Ruza tok trv ok mickid landz folk» (Islandske Annaler. Bls. 223).

ется, что «конунг Магнус пошел на Русаланд (*Ruzaland*), воевал с русами (*Ruza*) и захватил большой город»⁸⁷. Исходя из этого, можно предположить, что крестовый поход Магнуса не вызвал большого энтузиазма и что исландцы приравнивали его к обычным войнам за земли.

Из источников, которые являлись здесь предметом обсуждения, не вполне ясно, каковы были предпосылки этой войны. Было ли дело в возобновлении старых земельных претензий? Современные источники мало говорят об этом; исторические труды о давних временах не позволяют нам полноценно разобраться в этом вопросе⁸⁸. Однако из рассмотренных источников очевидно, что дискуссия о русах-язычниках при дворе конунга существенно противоречит исландской саговой традиции о восточных соседях.

Подведем итоги. Несомненно, «великий раскол» восточной и западной церкви в Средние века оказал определенное косвенное влияние на организацию и ориентацию исландской церкви. Однако немногое указывает на то, что у исландцев было четкое представление о расколе. Когда редкие новости о разделении римско-католической и православной церковью попадали в исландские анналы, понимание сути разногласий представляется весьма ограниченным — и полностью отсутствует сознание того, что речь идет о длительных религиозных конфликтах. Иногда встречаются повествования о противостоянии греков и «римлян», однако мало говорится о содержании разногласий; ничто не указывает на то, что исландцы, которые писали об этом противостоянии, принимали его слишком серьезно.

Из «Саги об Олаве Трюгвасоне» Олда Сноррасона, а также из последующих трудов о конунге-миссионере очевидно, что исландские историографы рассматривали христианизацию Руси и стран западной Скандинавии как одно и то же событие, и везде в их изложении Олав Трюгвасон играл ключевую роль. Однако им было небезызвестно, что христианство пришло на Русь из Греции.

Уважение, которое все исландские источники оказывают императору Миклагарда, также свидетельствует о том, что он рассматри-

⁸⁷ «i Ruzaland ok striddi vid Ruzsa ok hafdi ætlat at leida þa til almenniligrar truar. gaatu Noregsmenn vnnit nockurar borgir enn ecki vanz at meira»; «Magnus kongr for i Ruzaland ok stridde vidr Ruza ok vann stora borg» (*Islandske Annaler*. Bls. 276, 405).

⁸⁸ *Nordberg M. I kung Magnus tid*. S. 100.

вался как один из главных христианских правителей — или даже как «глава всего христианского мира», как сказано в «Саге о Карла-магнусе». Это особенно заметно в XII в., когда прием, оказываемый скандинавским конунгам и властителям в Миклагарде, играл, судя по всему, очень важную роль. В Исландии подобное представление, видимо, оставалось в силе еще в XIV в., несмотря на то, что позиция в источниках других скандинавских народов уже изменилась. В произведениях, записанных в конце XIV в., император Миклагарда рассматривается в качестве церковного властителя, который может дать религиозным людям немалую власть в Аустрвеге.

Представляется, что в этом контексте повествования о крестовом походе Магнуса Эйрикссона против русов в середине XIV в., и не в последнюю очередь их цель («крестить людей»), идут вразрез с историей крещения Руси незадолго до 1000 г., детально описанной исландскими историографами. Исландских трудов об этом походе не существует; он не привел и к тому, чтобы исландцы заметили наличие «великого церковного раскола». Они все еще верили в единый католический мир.

А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский

ПАНЕГИРИЧЕСКИЕ ФОРМУЛЫ ЩЕДРОСТИ ПРАВИТЕЛЯ НА ПУТИ ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ

В настоящей работе речь пойдет о хвалебных характеристиках правителей, которые могут применяться к самым разным лицам, воспроизводятся на протяжении нескольких столетий и обладают способностью мигрировать из одной культурно-языковой традиции в другую. Мы будем называть эти характеристики формулами в силу их устойчивости и воспроизводимости, однако нужно оговориться сразу, что речь пойдет о формулах особого рода, далеко не во всем сходных с традиционными фольклорными и эпическими формулами или, например, с формулами юридических документов.

Мы предполагаем рассмотреть группу формул, которые в Средние века встречаются как у скандинавов, так и у русских. В них в различных комбинациях используются концепты 'щедрости' (прежде всего, к дружине, к войску) и отплаты за эту щедрость, 'стяжания / нестяжания движимого имущества', 'золота' ('серебра', 'драгоценных тканей'), 'еды' ('угощения'). Упоминание скандинавского материала для нас сейчас совсем не случайно. Теснота скандинаво-русских контактов в X–XII вв. как будто бы не вызывает сомнений. Вместе с тем, как это ни парадоксально, при обилии археологических свидетельств мы можем обнаружить далеко не так много лингвистических, а тем более «литературных» следов этого взаимодействия. Так, в письменных памятниках зафиксировано довольно мало сюжетов, о которых мы могли бы сказать, что они заимствованы скандинавами у русских или русскими у скандинавов, да и в этом не очень обширном списке нет практически ни одного примера, который не вызывал бы ожесточенных споров у историков культуры. Разумеется, если бы на таком фоне удалось показать, что та или иная риторическая формула была заимствована одной из этих традиций у другой, в определенной степени это повлияло бы на наши представления о скандинаво-русских контактах.

Какого же рода устойчивые микротексты мы имеем в виду?

Начнем с русского материала. О новгородском князе Мстиславе Ростиславиче, например, говорится, что он «любезнивь на дружиноу и имѣния не щадашеть и не сбирашеть злата ни сребра но дашаше дружинѣ своеси»¹. О его родном брате, Давыде, сказано: «...злата и сребра не собираеть но даеть дружине бе бо любя дружину»². Их далекий предок, Мстислав Тмутараканский, описывается так: «любаше дружину по велику а имѣния не щадаше ни питья ни гдениа не бранаше»³. В уста его отца, крестителя Руси, Владимира Святого, вкладываются всем хорошо памятные слова: «...тако серебром и злато^м не има^м налѣсти дружины а дружиною налѣзу сребро и злато такоже дѣдъ мои и шѣъ мои доискаса дружиною злата и сребра бѣ бо Володимеръ любя дружину»⁴.

Формула эта представлена многими вариантами. Структурно среди них можно выделить тип антитезы, когда любовь и щедрость князя противопоставлялись его небрежению, равнодушию к имуществу, и, так сказать, присоединительные двучленные конструкции, где говорилось, например, что правитель равно щедр на дорогие дары и на угощения для дружины.

Как видно хотя бы из рассказа о князе Владимире, такие формулы могли соседствовать с родственными им, формульными же описаниями того, как дружина оплачивает своему князю за его щедрость, добывая для вождя все больше золота. Предполагается, что далее следует такой экономический круговорот, когда князь в награду им еще больше раздает, а воины — еще больше добывают.

В определенном смысле равнодушие к золоту ради щедрости к дружине оказывается своеобразной родовой характеристикой Рюриковичей. При этом, конечно, далеко не каждый князь ее заслуживал. С известной долей условности можно сказать, что эта формула обозначала некие качества, которые были присущи всему роду в целом, но проявлялись, манифестировались и подчеркивались лишь для определенных его представителей. Более того, иногда применялся прием трансформации этой формулы, когда неудачность того или иного предприятия или чьего-либо правления в целом подчеркивалась тем, что князь, вопреки родовой

¹ См.: ПСРЛ. М., 2001. Т. II. Стб. 610–611.

² Там же. Стб. 703.

³ См.: ПСРЛ. М., 2001. Т. I. Стб. 150; Т. II. Стб. 138.

⁴ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 126 под 996 г.

традиции, собирал богатства и кичился ими вместо того, чтобы проявлять щедрость к своим воинам, или попросту слишком надеялся на золото, не вкладывая его в приобретение сторонников своевременно.

Так, знаменитый рассказ о Святославе Ярославиче, сыне Ярослава Мудрого, и посетивших его немецких послах является в контексте летописи своего рода антипанегириком, построенным на рассказе о его прадеде — Святославе Игоревиче⁵. Послы произносят над скопленными князем сокровищами обличительную речь, представляющую собой не что иное как инверсию нашей формулы: «В се же лѣто придоша сли из нѣмец къ Сѣтославу Сѣтослав же, величаѣса показа имъ бѣтѣство своеѣ уни же видѣвше, бещисленое мноѣство злато и сребро и паволокы и рѣша се ни въ чтоже кѣсть се бо лежить мертво сего суть кметѣ луче мужи бо са доищють и болше сего»⁶.

Отчасти из-за таких трансформаций, отчасти благодаря тому, что панегирические формулы были хорошо известны, у нас есть и еще один способ их репрезентации, когда формула представлена в измененном виде или не полностью. Разумеется, встречаясь с подобного рода осколками, далеко не всегда можно точно определить — есть ли здесь наши формулы или нет. Приведем пока лишь один, относительно достоверный пример.

Так, Изяслав Ярославич († 1078 г.) в борьбе за Киев бежит к полякам «со имѣниемъ многимъ и съ женою оуповаѣ бѣтѣствомъ многимъ глѣ тако симъ налѣзу воѣ еже вѣша оу него Лахове показаша ему путь ѿ себе»⁷. В данном случае действия и речи Изяслава описываются как прямое нарушение родового формульного правила, выдвинутого его дедом Владимиром — «такъ сребром и злато^м не има^м налѣсти дружины а дружиною налѣзу сребро и злато такоже дѣдъ мои и шѣъ мои доискаса дружиною злата и сребра». «Осколки» помельче присутствуют, по нашему мнению, и в летописных текстах, где речь идет о Игоре Рюриковиче, Ярославе Мудром, Святославе Ярославиче, Всеволоде Ярославиче и Святополке Изяславиче. Однако все они нуждаются в более пространном комментарии.

⁵ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 435–439.

⁶ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 198–199.

⁷ См.: ПВЛ. Т. I. Стб. 173.

Панегирическая характеристика такого рода применялась в летописи по отношению к Рюриковичам столь регулярно, что Д.С. Лихачев в своем комментарии к Повести временных лет назвал ее «любимой идеей русского летописца»⁸. Между тем, есть основания полагать, что идея эта и, что еще более существенно, двучленная формула, в которой эта идея манифестирована, — исходно варяжского, скандинавского происхождения. В Скандинавии подобная конструкция надежно фиксируется уже в X в. Достаточно вспомнить своеобразный диалог двух поэтов — Эйвинда Погубителя Скальдов, воспевающего конунга Норвегии Хакона Доброго, и самого этого конунга Хакона, также не чуждого стихосложению. Эйвинд говорит, что его конунг «милостив к дружине, а не к золоту»⁹. Хакон же так отзывается о своих дружинниках, наблюдая за ними в битве: «мои люди хорошо отплачивают мне [за розданное им] золото и изукрашенное оружие (копья)»¹⁰.

Мы хотели бы подчеркнуть, что в скальдической поэзии и, в частности, в интересующих нас строках Эйвинда Погубителя Скальдов «милостив к войску, а не к золоту» (*gumnum holtr ne gulli*), реализуется не только похвала щедрости конунгу как таковая, но и, так сказать, следующая ступень риторической организации, когда эта похвала облекается в относительно четкую и регулярно воспроизводимую двучленную структуру. Действительно, в этих строках с формальной точки зрения присутствует противопоставление: правитель к дружине милостив, а к золоту — нет. Благодаря этой антитезе вся фраза приобретает легко узнаваемый формульный облик. С другой стороны, по содержанию это высказывание принадлежит к числу собственно панегирических характеристик, в тексте оно нередко соседствует и легко «склеивается» с двучленными конструкциями, антитезу не содержащими, с традиционной похвалой щедрости знатного человека на угощение, на еду. В качестве примера такой похвалы без противопоставления можно упомянуть, например, ру-

⁸ Там же. С. 296.

⁹ См.: Heimskringla / Udg. ved Finnur Jónsson. København, 1893—1900/1901. В. 1–4 (SUGNL, 23). В. I. Bls. 215. В переводе О.А. Смирницкой: «К войску, а не к золоту // Милостив, властитель // Пляса Христ советом // Хвастуна наставил» (*Сноппи Стурлусон. Круг Земной / Изд. подгот. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 84*).

¹⁰ Uæl launa mer mínir menn... hodd oc rekna brodda (*Finnur Jónsson. Den norsk-islandske Skjaldedigtning. В (Rettet tekst). København, 1973. В. I–II (перп. издания 1912–1915 гг.). В. I. Bls. 54; ср. также: Fagrskinna. Nóregis kononga tal / Udg. ved Finnur Jónsson. København, 1902–1903 (SUGNL, 30). Bls. 40*).

ническую надпись XII в., выполненную на кости какого-то животного, надо полагать, съеденного во время пира: «Конунг — самый щедрый на еду, он — самый богатый, он исполнен милостей»¹¹.

Эти поэтические высказывания отнюдь не единичны, по сути дела — это одна из самых распространенных формул, характеризующих в Скандинавии не только правителя целой державы, но и любого стоящего предводителя войска, вождя своей дружины. Зарождается она, по-видимому, в недрах поэтического языка и особенно обильно представлена у скальдов. Приведем еще один, особенно пышный образчик такого рода: «Щедрый на сокровища князь войска, который обогащает наконечники копий, радуется дружинников золотыми кольцами; вождь заставляет мужей восхищаться дарами. Деятельный конунг Норвегии обильно воздает норвежцам; щедр истребитель англоv. Олав рожден под солнцем»¹².

Очень часто в скальдической поэзии мы можем наблюдать игру или своего рода переключку двух родственных формульных моделей — формулы щедрости и формулы отплаты за щедрость, причем оценка того и другого отнюдь не всегда оказывается хвалебной. Так, скальд конца XI — начала XII в., обращаясь к конунгу, задает ему вопрос: «Как твои великолепные, красноречивые на тингах отплачивают (*launa*) тебе за драгоценные дары? Каркасы кораблей содрогаются, [влекомые] течением на запад, — испытай нас, князь!»¹³. Ответом служит стихотворная строфа могущественного норвежского правителя: «Моим богатством (*auð*), которое я роздал многорадостным моим мужам, я распорядился скверно (*illa folginn*)...»¹⁴.

¹¹ *kunukr iaR matr bestr han a f mest han iaR þekili* (*Gustavson H., Snedal Th., Åhlén M.* Runfyn 1989 och 1990 // *Fornvännen.* 1992. B. 87. S. 165–167. Fig. 19–20; *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации: Тексты, перевод, комментарий. М., 2001 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). С. 320).

¹² *Herþengill gleðr hringum // hoddörr – sás rýðr odda – // bekkisagnir – lætr bragna // bragningr gjöfum fagna – // Norðmönnum gefir nenninn // Nóregs konungr stórum // örr es Engla þverrir. Óláfr borinn sólu* (*Morkinskinna / Udg. ved Finnur Jónsson.* København, 1932. (SUGNL, 53). Bls. 296; cp.: *Finnur Jónsson.* Den norsk-islandske Skjaldedigtning. Bls. 382. № 15).

¹³ *Hví launa þér þínir // þingmæltir dýrtingar // – vestr bifask rengir í röstum – // – reyn oss jöfurr – hnossir* (*Morkinskinna.* Bls. 331–332; *Finnur Jónsson.* Den norsk-islandske Skjaldedigtning. B. I. Bls. 404).

¹⁴ *Auð hefk minn — þanns mönnum // margteitum réðk veita — <...> illa folginn* (*Morkinskinna.* Bls. 331–332; *Finnur Jónsson.* Den norsk-islandske Skjaldedigtning. B. I:B. Bls. 402). Cp. также гл. 41 «Саги об оркнейцах» (*Orkneyinga saga / Finnboði*

По всей вероятности, в Скандинавии характеристики правителей, построенные на антитезе и варьирующие при этом тему щедрости, существовали и значительно ранее X в. Об этом свидетельствуют, например, прозвища древних конунгов, такое, в частности, как Хальвдан Щедрый [на Золото], Скупой на Еду (*hinn mildi ok matarilli*), где функция антитезы не является чисто риторической. Во многих средневековых сочинениях, прежде всего, в «Круге Земном» (XIII в.) и в «Книге с Плоского острова» (начало XIV в.), непосредственно за упоминанием такого прозвища конунга Хальвдана следует своеобразный комментарий, где оно разъясняется так: «...рассказывают, что его люди получали столько золотых монет, сколько у других конунгов люди получают серебряных, но жили впроголодь. Он был очень воинственен, часто ходил в викингские походы и добывал богатство»¹⁵.

Позднее упрек в скупости на угощение вкупе с щедростью на все прочее и, в частности, на золото считается своего рода родовым пороком норвежских конунгов-Инглингов. Так, когда один из потомков Хальвдана Щедрого [на Золото] и Скупого на Еду — конунг Хакон Добрый, первый христианин на норвежском престоле — призывал в X в. своих подданных-язычников поститься и не трудиться по воскресеньям, те не соглашались: «Но как только конунг возвестил это народу, сразу же поднялся громкий ропот. Бонды роптали на то, что конунг хочет отнять у них их работы и говорили, что тогда им нельзя хозяйствовать на земле. А батраки и рабы говорили, что, если они не будут есть, они не смогут работать. Есть такой изъян — говорили они — у Хакона конунга и его отца (конунга Харальда Прекрасноволосого. — *А.Л., Ф.У.*) и всей его родни, что они *скупы на еду, хотя и щедры на золото* (*þeir váru illir af mat, svá þótt þeir væri mildir af gulli*)»¹⁶. Разумеется, такая скупость могла быть извинительна для конунга только при безусловной его щедрости в раздаче даров.

Guðmundsson gaf út. Reykjavík, 1965 (ÍF. B. 34). Bls. 99–100), где эти же стихи (с незначительными различиями) помещены в несколько иной контекст, нежели в приведенном нами примере из «Гнилой кожи».

¹⁵ ...svá er sagt, at hann gaf þar í mála mönnum sínum jammarga gullpenninga, sem aðrir konungar silfrpenninga, en hann sveltí menn at mat. Hann var hermaðr mikill ok var löngum í vikingu ok fekk sér fjár (Heimskringla. B. I. Bls. 80; Codex Frisianus: En Samling af norske Konge-Sagaer / Udg. af C.R. Unger. Kristiania, 1871. Bls. 31; *Сноппи Стурлусон*. Круг Земной. С. 36).

¹⁶ См.: Heimskringla. B. I. Bls. 189; *Сноппи Стурлусон*. Круг Земной. С. 75.

Можно, конечно, возразить, что во всякой традиции правителя хвалят за щедрость. Почему же мы решаемся говорить о том, что русские наследуют в этом варягам? Здесь стоит упомянуть, во-первых, необычайную разработанность темы щедрости правителя к воинам, щедрости на золото и угощение в собственно скандинавской традиции и, во-вторых, то обстоятельство, что русские наследуют не только топос, некое общее место, но и способы вербального оформления и, что, пожалуй, наиболее значимо, — саму структуру панегирической антитезы. На этом фоне нет необходимости лишний раз напоминать о том, что первые русские князья Рюриковичи по происхождению своему варяги, а по роду деятельности — предводители войска, дружины.

У скандинавов же эта панегирическая антитеза настолько проросла в скальдическую поэзию, что ее элементы могут даже застыть в виде кеннингов вождя, правителя как «ненавистника золота», «уничтожителя богатства», «разламывателя золотых колец», «растратчика сокровищ и драгоценностей». При этом скандинавские вожди, как, впрочем, и русские князья, отнюдь не были бессеребренниками, и этого от них никто и не требовал. Успешно добывать и пренебрежительно раздавать — вот доминанты образа идеального правителя.

Соответствующая панегирическая антитеза, разумеется, есть не только у скальдов. Переметнувшись из скальдической поэзии в эддическую, можно выделить, например, характеристику Сигурда Драконобойцы «щедрый на золото, скупой на бегство»¹⁷. С ним перекликается поэтическое описание легендарного конунга Гаутрека Щедрого: «Битва возрастала. Князь едва берег лёд тигля [= золото]. Вождь заставлял гнутый янтарь уст [= золотые кольца] лететь прямо в войско; усмиритель мужей [= конунг], несклонный к бегству, охотно метал (сигнальный) огонь наковальни [= золото]; древо копия [= муж] был добр к людям, но зол к злату»¹⁸.

¹⁷ «Будешь велик, как никто под солнцем, // станешь превыше // конунгов прочих, // щедр на золото, // скуп на бегство, // обличьем прекрасен // и мудр в речах» (Þú munt maðr vera // mætstr und sólo // ok hæstr borinn // hveriom iöfri, // giöfull af gulli, // en glöggr flugar, // ítr álitu ok í orðom spakr). См.: Grípisspá // Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrsg. von G. Neckel. Heidelberg, 1936. Bd. 1. Text. S. 161; Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях / Пер. А.И. Корсуна, ред., вступ. ст. и коммент. М.И. Стеблин-Каменского. Л., 1963 (репр.: СПб., 2005). С. 94.

¹⁸ Morð óx, mildingr sparði, // mjök, litt diguljökla, // lét ósa röf ræsir // rétt bjúg á her fljúga; // fira sættir rak flóta // fúss trauðr vita lauðar, þollr var geirs, en golli, // góðr, illr, kyni þjóðar (Finnur Jónsson. Den norsk-islandske Skjaldedigtning. B. I:B. Bls. 500–501. № 28a, 28b).

Характерно при этом, что термин, обозначающий *немилость к золоту (illr)* в этом стихе — тот же, что и в составе антитетического прозвища древнего конунга Хальвдана, той его части, где сообщается о его *скупости на еду (matarilli)*. Сопоставление двух этих примеров позволяет увидеть замечательную амбивалентность элемента *illr*, его способность приобретать в поэтической строке прямо противоположные значения: *злой к золоту = щедрый в раздаче золота, злой на еду = скупой в раздаче еды*.

По-видимому, двухкомпонентная антитеза, использующая эпитеты *злой, добрый*, с определенного времени становится чем-то вроде своеобразной матрицы для порождения хвалебных формул различного содержания. Так, в соответствии с ней строится целый ряд вариантов микротекста, весьма популярного в Скандинавии в христианскую эпоху: ср., например: *góðr vínur sínum en grímmr óvínur* — «добрый к своим друзьям, но жестокий к недругам», *mjúklyndr góðum, harðr illum* — «мягкий с хорошими, суровый с плохими». Источником для данной формулы, скорее всего, послужило инокультурное заимствование, однако ее конкретное воплощение целиком и полностью определялось автохтонной традицией оформления похвальных речений. Замечательно, что на Руси эта формула также была хорошо известна, хотя пришла сюда, по всей видимости, не от скандинавов. В качестве примера ее употребления на Руси можно указать ктиторскую надпись в новгородской церкви Спаса на Нередице, где в похвале князю (со всей очевидностью — Ярославу Владимировичу, внуку Мстислава Великого) говорится, в частности: «злыя обличая, добрыя любя»¹⁹. Вероятно, своеобразным отражением этой характеристики служит летописная реплика, согласно которой, когда тот же Ярослав Владимирович был изгнан из Новгорода, в городе «жаляху по немь добрии, а злии радовахуся»²⁰.

Вернемся, однако, к нашим формулам щедрости. Упоминание антитетической конструкции с добрыми и злыми для нас важно как некий оттеняющий материал, показывающий, что далеко не всякая формула, которая наблюдается и у скандинавов, и у русских непременно заимствуется русскими от скандинавов. До сих пор мы говорили о том, как антитеза щедрости функционировала в скандинавских поэтических текстах и в прозвищах. Это очень важно с

¹⁹ См.: Пивоварова Н.В. Ктиторская тема в иконографической программе церкви Спаса на Нередице // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1991. Т. 23. С. 144.

²⁰ См.: ПСРЛ. М., 2000. Т. III. С. 43 под 1196 г.

точки зрения аутентичности ее в культуре Северной Европы, ведь здесь с письменными памятниками существует проблема, отчасти сходная с той, что была и на Руси: прозаические тексты саг могут описывать события сколь угодно ранние, VIII, IX, X вв., но при этом на пергамент они заносятся только во второй половине XI–XIII столетия. Что же касается скальдических стихов, то мы можем с достаточной уверенностью положиться на их древность и не сомневаться в том, что строки скальда, жившего в X в., дошли до нас в том самом виде, в каком они были сложены.

Тем не менее, функционирование наших панегириков в сагах, коль скоро мы убедились в архаичности этих формул, также весьма значимо для скандинаво-русских контактов. Уже на скандинавской почве наши двучленные конструкции обладали способностью разворачиваться в целый рассказ. Так, в «Саге об Олаве Святом», например, Тормод Скальд Черных Бровей успевает перед смертью похвалить погибшего конунга за щедрость и на золото, и на еду. Он отдает лекарке золотое обручье, гордясь его ценностью и говоря, что его отдал ему конунг, и делает следующее: «После этого Тормод взял клещи и вытянул из раны наконечник стрелы. На его крючьях зацепились волокна сердца, одни красные, другие белые. Увидев их, Тормод сказал: — Хорошо кормил нас конунг! Жир у меня даже в сердце. Тут он упал навзничь мертвый. Здесь кончается рассказ о Тормоде»²¹.

В этой связи уместно вспомнить краткую формулу похвалы русскому князю Мстиславу Тмутараканскому, современнику Олава Святого — «любаше дружину по велику а имѣнѣя не щадаше ни питья ни гдениа не бранаше» (см. выше). С другой стороны, в этот ряд замечательно встраивается немалое число рунических надписей на камнях в самой Скандинавии. Так, XI в. принадлежит надпись, где говорится о некоем Домаре, погибшем на Руси, в которой он назван «милостивым на слова и щедрым на угощение» (**miltan urfa uk mataR kuþan**)²². Вместо золота, имени здесь фигурируют

²¹ См.: Heimskringla. В. II. Bls. 503–504; *Snorri Sturluson*. Круг Земной. С. 367; ср.: Saga Óláfs konungs hins helga. Den store saga om Olav den Hellige. Efter pergamenthåndskrift i kungliga biblioteket i Stockholm nr. 2 4to med varianter fra andre håndskrifter / Udg. ved O.A. Johnsen og Jón Helgason. Oslo, 1941. В. 1–2. В. 1. S. 586.

²² См. о надписях, где также присутствует выражение *mataR godr* «щедрый на угощение»: *Jansson S.B.F.* Runinskrifter i Sverige. Stockholm, 1984. S. 131ff.; *Wulf F. Goðr* in Runeninschriften Götalands // *Altnordistik: Vielfalt und Einheit. Erinnerungsband für Walter Bätke (1884–1978)* / Hrsg. von E. Walter, H. Mittelstädt. Weimar, 1989. S. 111; *Gustavson H., Snædal Th., Ahlén M.* Runfyn 1989 och 1990. S. 165–166.

слова, речи, однако «любезность в речах» описывается с помощью той же многозначной лексемы *mildr*, что и «щедрость на золото».

Данный текст важен для нас сразу по нескольким причинам. Во-первых, рунические надписи высекались, так сказать, по свежим следам, относительно скоро после кончины названного в них человека. В то же время он отчасти позволяет проследить механизм проникновения подобного рода речений на Русь, куда они некогда попадали вместе с предводителями варяжских дружин и прославляющим их окружением. Модель поведения такого рода людей на Руси и в X, и в XI в., по-видимому, вполне сводилась к такому, например, руническому панегирику: «...братья были там из лучших людей на земле и в воинском походе, *держали своих дружинников хорошо*. Он (вероятно, один из братьев. — *А.Л., Ф.У.*) пал в битве на востоке в Гардах (т.е. на Руси. — *А.Л., Ф.У.*), вождь войска (**lis furugi** = li[ð]sforungi), лучший из соотечественников»²³.

При этом у скандинавов гораздо больше примеров, когда на основе интересующей нас формулы выстраивается целый сюжет, когда она, подобно истории скальда Тормода, разрастается в целый нарратив. Среди прочих рассказов на эту тему для нас особенно интересен специфический род саговых историй, описывающих поведение скандинавских вождей на чужбине. Так, согласно рассказу из кодекса «Гнилая кожа», норвежский конунг Сигурд Крестоносец, к слову сказать, женатый на русской княжне Мальмфрид Мстиславне, подойдя к стенам Константинополя, подвергся своеобразному испытанию дарами. Византийский император Кирьялак (Алексей Комнин) отправляет к Сигурду послов, которые принесли большие мешки с золотом и серебром, говоря, что кесарь посылает ему дары. Однако Сигурд едва взглянул на дары и велел разделить их между своими людьми.

Послы вернулись и рассказали об этом императору, который решает, что этот правитель, должно быть, невероятно могущественен и богат (*ricr oc auþigr*), раз он не обратил внимания на богатства и не выразил слова одобрения. Тогда император Кирьялак велел послам доставить еще больше золота и серебра Сигурду. На это Сигурд сказал, что это действительно огромное количества добра и снова приказал разделить его между своими людьми.

²³ См.: Sveriges runinskrifter. В. I. ff. Stockholm, 1900. В. III. S. 323–330. № 338. Подробнее об этой надписи из церкви в Türinge (Сёдерманланд) см.: Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. С. 312. № 5.23.

Послы вновь вернулись и рассказали все императору. Тот сказал, что есть два возможных объяснения поведению Сигурда: либо он гораздо богаче и могущественнее остальных конунгов, либо он не обладает мудростью, подобающей правителю. И император вновь, в третий раз, отправил послов с огромным количеством сокровищ и собственноручно положил сверху два золотых кольца. Сигурд встретил послов с дарами, взял золотые кольца и надел их на руки. Затем он произнес речь по-гречески и поблагодарил кесаря за его великодушие. Он принял сокровища и учтиво распределил богатства между своими людьми, чем заслужил огромное уважение императора²⁴.

Этот эпизод не может не напоминать нам знаменитый летописный рассказ о том, как князь Святослав Игоревич, внук Рюрика, подступил с войском под стены византийской столицы. Два эти текста настолько близки, что иногда рассказ о Сигурде мог бы послужить проясняющим переводом к рассказу о Святославе. Действительно, завидя войско русского князя, приближенные византийского императора уговорили испытать «любъзнивъ ли естъ злату» русский князь. К Святославу прибывают послы с несметными сокровищами. Когда они положили перед ним золото и драгоценные ткани, то, согласно версии Новгородской первой летописи (Комиссионный список), «рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: “возмѣте, кому что будет”»²⁵. Когда же в следующий раз кесарь прислал ему меч и иное оружие, Святослав «приимъ, нача любити и хвалити и цѣловати [яко самого] цесаря. И приидоша опять къ цесарю, и повѣдаша вся бывшая. И рѣша бояре: “лють сѣи мужъ хоцетъ быти, яко имѣнѣи небрежетъ, а оружие емлет и любит”»²⁶.

Как мы видим, в сюжет здесь вплетен один из вариантов интересующей нас формулы — князь не любит золото, раздает его своей дружине, он любит дружину и оружие. Любопытно, как изображается в обоих случаях нарочитое пренебрежение к византийскому золоту. В саге специально оговаривается, что Сигурд даже не взглянул на него (*leit eigi til fjarins*), а Святослав, согласно летописи, распорядился раздать золото «кромѣ зря» (т.е. опять-таки «глядя в сторону, мимо»). Таким образом, главная задача отраженного здесь этикетного канона заключалась в том, чтобы не выказать к дарам даже элементарного любопытства.

²⁴ См.: Morkinskinna. Bls. 348–349.

²⁵ См.: ПСРЛ. Т. III. С. 122.

²⁶ См.: Там же. С. 123.

В известном смысле заключительная часть рассказа о Сигурде может служить комментарием к описанию последней встречи Святослава Игоревича с императорскими послами. В самом деле, когда Святослав соглашается, наконец, принять оружие, его дальнейшее поведение в летописи изображается не вполне прозрачным для современного читателя образом: князь «нача любити и хвалити и цѣловати... цесаря». Это выражение выглядит весьма сходным образом в трех древнейших русских летописях: «примь нача хвалити и любити и цѣлова цѣра»²⁷, «примь нача любити и хвалити и цѣловати цѣра»²⁸. В Академическом и Толстовском списках Новгородской первой летописи сказано «цѣловати [яко самого] царя»²⁹. Судя по всему, это позднейшая вставка, призванная разрешить явные противоречия между отсутствием византийского императора на месте событий и тех действий Святослава, которые описываются в летописи.

К чему — к царю или к оружию — могут относиться глаголы «любити» и «хвалити» в этой фразе и что могло бы означать выражение «целовати царя»? Если сопоставить этот текст с саговым описанием поведения Сигурда Крестоносца, который из всех даров взял себе только два золотых кольца, положенные императором собственноручно, и «затем произнес речь по-гречески и поблагодарил императора прекрасными словами за его великодушие»³⁰, становится ясно, что и в эпизоде со Святославом речь идет о том, что князь выражает любезную и пространную благодарность византийскому императору. По-видимому, в обоих случаях эта учтивая благодарность (резко контрастирующая с первоначальной нарочитой небрежностью) также является частью этикетного поведения, призванного подчеркнуть, что послы императора имеют дело не с варваром, неспособным оценить императорские дары, а с сильным и прозорливым правителем, умеющим предвидеть действие другой стороны на несколько шагов вперед. Условно говоря, он знает, какие загадки ему будут загаданы и как на них следует отвечать.

Сигурд Крестоносец жил, как понятно хотя бы из его прозвища, много позже некрещеного Святослава Игоревича, однако это не имеет принципиального значения для определения вектора заим-

²⁷ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 71.

²⁸ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 59.

²⁹ См.: ПСРЛ. Т. III. С. 123.

³⁰ См.: Morkinskinna. Bls. 349.

ствования нашего нарратива. В скандинавской традиции рассказов подобного рода куда больше, чем в русской: очень близкие истории об испытании дарами рассказывались, например, и о шведском конунге Анунде-Якобе, жившем в середине XI в. Согласно «Легендарной саге об Олаве Святом», Кнут Могучий, правитель Дании и Англии, подослал к Анунду-Якобу людей с богатыми подарками, дабы тот изменил Олаву Святому и отступился от союза с ним. Послы троекратно испытывают шведского конунга, предлагая то золотые подсвечники, то драгоценный кубок, то кольца. Однако Анунд-Якоб не принял даров, хотя и не скрывал своего восхищения ими. В частности, отказываясь от последнего дара, золотых колец, конунг сказал: «Прозорлив конунг Кнут и знает он, что я охоч до богатства и мало разбираюсь в куртуазном [поведении]»³¹. Однако дары были отвергнуты, а союз с норвежским королем Олавом сохранен вопреки посулам конунга Дании Кнута. Любопытно вложенное в уста шведского конунга упоминание «куртуазного», т.е. в данном случае — этикетного поведения. Он, почти кокетничая, обыгрывает свое невежество относительно принятых правил обращения с дарами.

Кроме того, совершенно очевидно, что здесь обыгрываются элементы скандинавского формульного фонда, используются клишированные выражения (такие как *fegiærn* — «охочий до богатства», например). Сюжетный ход с демонстрацией пренебрежения к подарку преломляется здесь в несколько ином ключе: конунг позволяет себе выказать интерес и пристрастие к ценным и красивым вещам, прежде чем их отвергнуть. Однако этот неожиданный ход на самом деле является вполне стандартным приемом и для поэтической, и для прозаической скандинавской традиции. У скальдов перифразой для проявления щедрости может служить выражение «конунг расстаётся со своей скупостью», хотя прежде о его скупости не было речи, а в саге может рассказываться о том, что всего один раз при дележе военной добычи правитель взял себе несколько золотых колец, и это был единственный случай, когда его люди увидели, что он охоч до богатства³².

Безграничная щедрость и полное пренебрежение драгоценными дарами — это та абсолютная добродетель, которую государь должен

³¹ См.: Olafs saga hins helga / Utg. ved O.A. Johnsen. Kristiania, 1922. Kap. 60. Bls. 60.

³² «...og þath eitt sinn sa menn fegirne hans» (Morkinskinna. Bls. 46).

проявлять прежде всего вдали от дома. На родине выказанная им человеческая слабость не роняет его достоинства, а лишь придает дополнительный интерес повествованию, коль скоро предпринятые им в конце концов действия соответствуют этикетному эталону. Различные варианты игры с этим эталоном представлены также в рассказах о приезде конунга Дании, Эйрика Доброго, в Константинополь или в истории прибытия уже известного нам Сигурда Крестоносца на этот раз уже не в Константинополь, а в Иерусалим.

Весьма вероятно, что истории подобного рода бытовали на скандинавской почве и раньше. Вполне возможно, что они фигурировали уже в X в. и, стало быть, в принципе могли попасть на Русь вслед за нашими панегирическими формулами щедрости. Если мы вспомним, что, согласно «Бертинским анналам», первым, кому пришлось столкнуться с норманнской проблемой и разбираться вместе с императором Людовиком, имеют ли право свеоны, т.е. шведы, быть посланниками хакана народа Рос, был византийский император Феофил, живший в первой половине IX в., то становится очевидным, что по крайней мере внешние предпосылки для такого заимствования существовали достаточно рано. С точки зрения хронологии, здесь нет ничего невозможного. Проблема состоит, скорее, в другом.

Нам столь интересны формулы в первую очередь потому, что они являются, на наш взгляд, своеобразной минимальной единицей межкультурного заимствования, более или менее надежным показателем взаимодействия, разумеется, если удастся выявить ее истоки и обнаружить пути, по которым она движется. Что же касается повествования, сколь угодно краткого, то оно, как правило, не может ограничиваться использованием одного единственного клише. Когда мы говорим, что наша формула разворачивается в целый рассказ, в этом есть изрядная доля условности, потому что зачастую такая формула оказывается лишь одним из сюжетобразующих элементов. Другие же нарративные блоки могут оказаться, к примеру, заимствованными из совсем иной культурной традиции, или являть собой вполне устойчивое литературное клише, выработанное здесь на месте, так сказать, в лаборатории автохтонной литературной «школы». В особенно трудном положении мы оказываемся, когда речь идет о длительном взаимодействии и взаимопроникновении как минимум трех культур. Сюжет о Святославе Игоревиче, например, связан не только со Скандинавией, но это уже тема для отдельного исследования.

Возвращаясь к судьбе панегирических формул, легших в основу данного сюжета, подчеркнем, что достаточно рано в русском летописании употребление интересующего нас круга речений успело обрести собственной традицией: князья могли характеризоваться таким образом потому, что так уже были охарактеризованы их предки, правившие на этой земле — они использовались, например, как инструмент сопоставления тѣзок³³. Едва ли при этом всякий раз вспоминали о скандинавском происхождении этого речения. Скорее, вопрос нужно ставить по-другому — вспоминали о нем на Руси хоть когда-нибудь?

Иными словами, перед нами заимствование, полностью освоенное и, по всей видимости, очень рано утратившее какие бы то ни было признаки чужеродности. Вместе с тем, как это нередко бывает, сфера функционирования этого заимствования в культуре-акцепторе оказалось несколько уже, нежели в культуре-доноре. В самом деле, соответствующие панегирические речения на Руси не применялись в летописных памятниках к кому-либо, кроме князей Рюриковичей, тогда как в Скандинавии они могли использоваться для восхваления не только представителей правящего дома, но и других знатных людей, военачальников, предводителей военных экспедиций.

В то же время, и для самих Рюриковичей описание щедрости князя к дружине не превратилось в, так сказать, конституирующую характеристику члена правящего рода, в летописи оно в значительной степени ассоциируется с ранней историей русских князей, а применительно к правителям, жившим после XI столетия, используется лишь спорадически. В самом деле, в раннем русском летописании интересующая нас характеристика с легкостью сочетается с похвалами христианским добродетелям князя. Позднее же эти похвалы милосердию, щедрости к клиру, к нищим, церковному строительству в значительной степени ее вытесняют. Она не уходит полностью: так, в XV в. инок Фома включает в похвальное слово тверскому князю Борису Александровичу рассказ о том, как Борис отверг дорогие дары короля Казимира, приняв только меч, так как «храбр этот князь, ничем не дорожит, а меч любит»³⁴.

Все же в целом можно сказать, что кульминацией бытования нашей характеристики на Руси явилось предисловие к Новгород-

³³ См.: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени. С. 433–447.

³⁴ См.: Инока Фомы слово похвальное о благоверном, великом князе Борису Александровиче / Сообщение Н.П. Лихачева. СПб., 1908 (Памятники древней письменности и искусства. Вып. CLXVIII). С. XLVIII.

ской первой летописи, и уже как бы в рамках самого предисловия начинается «закат» этой прежде столь популярной формулы: «тѣи бо князи не збираху многа имѣния, ни творимыхъ вирь, ни продажъ въскладаху люди; но оже будяше правая вира, а ту возмя, дааше дружинѣ на оружье. А дружина его кормяхуся, воююще ины страны и бьющеся и ркуще: “братие, потягнемъ по своему князѣ и по Руской землѣ”; не глаголюще: “мало есть намъ, княже, двусотъ гривень”. Они бо не складаху на своя жены златыхъ обручей, но хожяху жены ихъ в сребряныхъ; и расплодили были землю Рускую»³⁵. Здесь летописец как бы собирает все ее реминисценции по тексту летописи, но при этом расставляет акценты таким образом, что добродетелью князей становится умеренность в поборах, а дружинников — умеренность в своих запросах. В Скандинавии же эта панегирическая традиция разгула щедрости к воинам равно актуальна как в X, так и в XIII — начале XIV в.

Как уже говорилось, относительно беднее и русский фонд повествовательных сюжетов, построенных на развертывании интересующих нас формул. Кроме того, на Руси эта формула, несмотря на ее регулярный и, так сказать, наследственный характер, все-таки не сочеталась с именованями князей настолько устойчиво, чтобы прирастать к ним в качестве прозвища, как это происходило у скандинавских конунгов уже в IX–X вв. Надо отметить, что на русской почве мы вовсе не находим развернутых прозвищ князя, состоящих из целого характеризующего речения, таких, например, как *Щедрый*, *Скупой на Еду*. Иначе говоря, здесь отсутствует наиболее архаический слой бытования таких речений, когда поэтические высказывания — панегирик и прозвание — существовали в качестве варьирующегося синкретического единства. На Руси воспринимаются уже сложившиеся модели хвалебных формул, до определенной степени усваиваются способы их дальнейшего варьирования и развертывания. Однако сама риторико-поэтическая стихия, эти формулы генерирующая, каковой на скандинавской почве являлась, в первую очередь, поэзия скальдов, остается за пределами древнерусской культуры. Устойчивые панегирические речения оказываются, таким образом, важным свидетельством тесного взаимодействия двух традиций с отнюдь не тождественным устройством соотношения поэтической и прозаической составляющих.

³⁵ См.: ПСРЛ. Т. III. С. 104.

Ерёменко А.Б.

СЮЖЕТ И ПРОСТРАНСТВО В ВИКИНГСКИХ САГАХ

Многие элементы поэтики викингских саг — одной из двух групп исландских саг о древних временах (*fornaldarsögur*)¹ — определяются их сюжетообразующим конфликтом. Немаловажную роль в нем играет географическое пространство, которое не является однородным, но разделяется на три мира — реальный, сказочный, героический². Речь идет не просто о пространственной обособленности — все три мира представляют собой сложные комплексы с большим набором признаков, среди которых нужно назвать:

- а) топографические характеристики,
- б) этническую принадлежность жителей и их общественную организацию,
- в) этические и ментальные особенности населения,
- г) роль в сюжете, отношении обитателей к герою.

В настоящей работе предпринимается попытка охарактеризовать каждый из трех миров этого типа саговых текстов по перечисленным параметрам на материале двух крупных викингских саг — «Саги об Одде Стреле»³ и «Саги о Хрольве Гаутрекссоне»⁴.

¹ Подробнее о классификации исландских саг см.: *Simek R., Hermann Pálsson. Lexikon der altnordischen Literatur. Stuttgart, 1987. S. 179*; о делении саг о древних временах см.: *Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Восточной Европе. М., 1996. С. 9–16.*

² *Ерёменко А.Б. Пространство и сюжет в «Саге о Хрольве Гаутрекссоне // ВЕДС. М., 2006. XVIII: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. М., 2006. С. 61–64; Eremenko A.B. The Dual World of the Fornaldarsögur // The 13th International Saga Conference. Durham and York, 6th–12th August, 2006. Conference Papers. Durham, 2006. P. 217–222.*

³ «Сага об Одде Стреле» цит. по изданию: *Örvar-Odds saga // Fornaldarsögur Norðurlanda / Útg. av Guðni Jónsson, Bjarni Vilhjálmsson. Reykjavík, 1944. Bd. I. Bls. 283–399 (далее: Ö.O.). Текст датируется второй половиной XIII в. (датировка дана по: *Глазырина Г.В. Исландские викингские саги. С. 15*).*

⁴ «Сага о Хрольве Гаутрекссоне» цит. по изданию: *Hrólfs saga Gautrekssonar // Fornaldarsögur Norðurlanda / Útg. av Guðni Jónsson, Bjarni Vilhjálmsson. Reykjavík, 1944. Bd. III. Bls. 45–151 (далее: Hr.Gautr.). Текст датируется концом XIII в. (датировка дана по: *Глазырина Г.В. Исландские викингские саги. С. 15*).*

1. РЕАЛЬНЫЙ МИР

Из трех миров викингских саг реальный мир наиболее точно локализуется в координатах реальной топографии. В рассматриваемых памятниках речь идет о норвежских территориях Согн⁵ (запад страны), Халогаланд (центр/север)⁶, Осло-фьорд (юго-восток)⁷, а также о Ёталанде — области в южной Швеции⁸. Викингские саги писались в Исландии, но повествовали в большинстве своем о временах до заселения острова (последняя треть IX в.), т.е. чаще всего об этнических предках⁹ составителей данных текстов, и таким образом, перечисленные выше земли можно считать примерной зоной «своей территории» викингских саг, т.е. регионами, глубоко интегрированными в культурное пространство авторов и аудитории саг, осознающих эти территории как свою историческую прародину.

Необходимо отметить, что реальный мир, как и остальные миры викингских саг, не имеет четко выраженной границы, и в ряде случаев территории сочетают черты более чем одного мира, как правило, реального и героического. Это можно сказать, в частности, об Англии в «Саге о Хрольве Гаутрекссоне»¹⁰ или шведском городе Упсале в «Саге об Одде Стреле»¹¹. В этих случаях страна или регион обычно выступает как место, где герой получает дружественный прием, однако не остается надолго.

Обитателями реального мира викингских саг являлись обычные люди, принадлежащие к скандинавскому этносу и культуре, его общественное устройство отражает общественное устройство средневековой Скандинавии. Кроме того, именно в реальном мире главные герои усваивают этическую модель, которую отстаивают по ходу действия саги. В целом, реальный мир «Саги о Хрольве Гаутрекссоне» существует по тем же законам, что и мир, в котором это произведение создавалось — фактически, это часть реальности, которая была отражена в саге.

⁵ Hr.Gautr. Bls. 46.

⁶ Ö.O. Bls. 283.

⁷ Ibid.

⁸ Hr.Gautr. Bls. 45.

⁹ *Clunies Ross M. Prolonged Echoes. Old Norse myths in medieval Northern society.* Odense, 1998. Vol. 2: The Reception of Norse myths in medieval Iceland. P. 90–96.

¹⁰ Hr.Gautr. Bls. 116–130.

¹¹ Ö.O. Bls. 323.

В «Саге о Хрольве Гаутрекссоне» довольно подробно описывается устройство власти в Ёталанде, которое имеет явное сходство с норвежской системой власти в том виде, в каком она отражена, в частности, в «Круге Земном»: сага показывает взаимодействие конунга страны (главным образом это касается не Хрольва, а его отца) со своими придворными, которые, обладая собственными интересами и определенной степенью независимости, способны влиять на государственную политику¹², хотя все же в итоге подтверждают свою лояльность правителю¹³. О родителях Одда Стрелы сообщается: «Грим жил в Храфнисте. Он был богат, а также являлся влиятельным человеком по всему Халогаланду и во многих других местах. Он был женат, и жену его звали Лоптена. Она была дочерью Харальда, херсира Ослофьорда на востоке»¹⁴. Сага отражает также семейные и экономические отношения, характерные для средневековой Скандинавии: после долгого отсутствия Одд предъявляет права на имущество, которое принадлежало его семье в Храфнисте, и местные жители признают его требования юридически оправданными, после чего он вступает в право наследования¹⁵. Надо отметить при этом, что наличие в Халогаланде и Осло-фьорде социальной иерархии с правителем-монархом не подчеркивается, и в целом отраженная в этом тексте общественная структура имеет черты сходства с архаичной исландской моделью.

Сюжетная функция реального мира состоит в том, чтобы служить исходным пунктом для приключений героев в других условных мирах саги. В связи с этим он фигурирует только в начале и в конце всего повествования, а также, возможно, одного или нескольких промежуточных приключений, в которых принимают участие основные действующие лица. В финале обеих рассматриваемых саг титульные персонажи в итоге возвращаются в земли, где они родились: Хрольв — в Ёталанд¹⁶, Одд — в Храфнисту¹⁷ в Норвегии. Хрольв приходит в Ёталанд и после двух своих основных походов, в Швецию и в Гардарики¹⁸. В целом, главный герой викингских

¹² Hr.Gautr. Bls. 50–53.

¹³ Ibid. Bls. 55–57.

¹⁴ Ö.O. Bls. 283. Здесь и далее все переводы фрагментов из «Саги об Одде Стреле» и «Саги о Хрольве Гаутрекссоне» выполнены мной.

¹⁵ Ö.O. Bls. 389–390.

¹⁶ Hr.Gautr. Bls. 150.

¹⁷ Ö.O. Bls. 389 passim.

¹⁸ Швеция: Ö.O. Bls. 55, 85 (о какой части Швеции идет речь, не уточняется); Гардарики: Ö.O. Bls. 112.

сага выступает как представитель реального мира, вступающий в контакт с другими мирами викингских саг, и именно поэтому его приключения происходят вне территории реального мира.

2. СКАЗОЧНЫЙ МИР

Одной из фундаментальных характеристик сказочного мира является отсутствие признаков, позволяющих локализовать его в реальном пространстве. Чтобы попасть в эту безмянную локацию, героям приходится странствовать по незнакомым им территориям, отдаляясь от мест обитания людей. Само путешествие в сказочный мир в тексте часто заявляется, но не описывается и не играет никакой существенной роли. Так, в «Саге о Хрольве Гаутрекссоне» злой волшебник-великан Гримнир насылает бурю, чтобы пригнать к своему острову корабль Хрольва, и, хотя из текста мы узнаем, что изначально Хрольв путешествовал из Швеции в Гардарики, сага сообщает, что его судно уносит очень далеко, и никак не уточняет, где герои оказываются после того, как сбились с пути (единственным указанием направления является северо-западная направленность ветра)¹⁹. Непогода, насланная врагами, приводит в страну великанов корабли Одда Стрелы и его спутников, отступающих после успешного набега на Бьярмаланд²⁰. В другом случае Одд просто странствует по безмянным землям, после чего гигантская хищная птица²¹ подхватывает его и переносит на неопределенное расстояние в неизвестном направлении, в результате чего герой оказывается в Рисаланде, дословно — «Земле великанов»²² (стоит отметить, что попадание в нечеловеческий мир при посредстве стервятника — типичный мотив для викингских саг, аналогичный случай есть, в частности, в «Саге об Эгиле и Асмунде»²³). Возвращение Одда из Рисаланда представлено еще более лаконично: «Пошел Одд в тем-

¹⁹ Hr.Gautr. Bls. 94–95.

²⁰ Ö.O. Bls. 298–299.

²¹ Ibid. Bls. 337. В тексте использовано слово *gammr*, которое может означать «гриф», «коршун», «стервятник».

²² Ö.O. Bls. 337–339.

²³ Egils saga einhenda ok Ásmundar berserkjabana // Fornaldarsögur Norðurlanda. Bd. III. Bls. 156. Также см.: *Boberg I.-M. Motif-Index of Early Icelandic Literature*. Copenhagen, 1966. P. 41 (мотив B31.2 «птица *Gam*»); 103 (F110 «путешествие в наземный иной мир»); 120 (F531.6.3 «жилища великанов» — Рисаланд и Йотунхейм).

ный лес. Однажды [...] Одд вышел из леса»²⁴, — после чего он встречает корабли викингов, на которых отправляется «на запад к Англии»²⁵. Наконец, в еще одном случае Одд, находясь в Ёталанде, идет по безымянным и безлюдным землям, пока не оказывается в другой населенной людьми земле, которая долго остается безымянной в саге, — что, по сути, также символизирует уход Одда из знакомого ему географического пространства (в итоге земля оказывается Грецией²⁶).

Фактически, герой «перескакивает» из реального пространства в сказочное — подобный феномен описан как на материале эпоса²⁷, так и волшебной сказки²⁸. При этом иногда территории могут сочетать атрибуты сказочного мира и других миров викингских саг — примером может служить Бьярмаланд. Формально это реальная территория, локализуемая в географическом пространстве, пусть и не совсем точно²⁹, и населенная людьми. Однако его жители подчеркнута чужды скандинавам: в частности, сага указывает, что бьярмов и Одда с его спутниками разделяет абсолютный языковой барьер, исключаяющую всякую возможность общения³⁰. Необходимо отметить, что, хотя в реальной жизни случаи языкового непонимания должны были встречаться довольно часто, для викингских саг это уникальное описание. Кроме того, из Бьярмаланда Одд попадает уже в собственно сказочный мир, не имеющий привязки к реальной территории и населенный резко враждебными к скандинавам великанами, которые, как выясняется, являются союзниками бьярмов.

²⁴ Ö.O. Bls. 344.

²⁵ Ibid. Bls. 348.

²⁶ Ibid. Bls. 359–360. Указание на Грецию приводится в тексте позднее: Ö.O. Bls. 384.

²⁷ Гуревич А.Я. Пространственно-временной континуум «Песни о Нибелунгах» // Гуревич А.Я. История. Нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет. М., 2005. С. 128.

²⁸ Протт В.Я. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998. С. 142.

²⁹ Как отмечают исследователи, термин «Бьярмаланд» чаще всего использовался как собирательное название для земель Русского Севера. См.: Джаксон Т.Н., Глазырина Г.В. Бьярмния в отечественной историографии // История и археология Пскова и Псковской земли: Тезисы докладов предстоящей научно-практической конференции. Псков, 1986. С. 62–64; Джаксон Т.Н. Русский Север в древнескандинавских сагах // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 58–67; Jackson T.N. Bjarmaland Revisited // Acta Borealia. 2002. Nr. 2. P. 165–179.

³⁰ Ö.O. Bls. 294. Побратим Асмунда называет наречие бьярмов «птичьим щебетом» (*fuglaklið*).

В викингских сагах обычно указывается происхождение и общественный статус действующих лиц, однако в «Саге о Хрольве Гаутрекссоне» это не распространяется на тех, кто принадлежит к сказочному миру, который, таким образом, не рассматривается в координатах, обычных для человеческого общества³¹. В «Саге об Одде Стреле» приводится информация о происхождении жителей сказочного мира, однако речь не идет о реальной территориальной и/или этнической привязке: так, Хильдир происходит из вымышленной страны Рисаланда, йотун Гейррэд с Аустрвега (с Восточного пути)³²; остров великанов, куда Одд и его спутники попадают при бегстве из Бьярмаланда, не имеет никакого названия³³, а главный враг Одда Эгмунд является сыном конунга Бьярмаланда и колдуньи-великанши, о которой сообщается только, что она «жила под большим водопадом»³⁴. Однако обитатели сказочного мира, в сущности, вообще являются не людьми, а созданиями, наделенными сверхъестественными способностями или обладающими волшебными атрибутами. О Гримаре сообщается: «Железо не брало его и те двенадцать [воинов], которые за ним следовали. Они все едят сырое [мясо] и пьют кровь. Считается, что они больше похожи на троллей, чем на людей»³⁵, — а о его брате: «Это был ужаснейший великан, какого никто из них еще никогда не видел. Он не был таким уж уродливым, хотя обладал грубыми чертами лица. Он был хорошо одет и нес на спине целого медведя»³⁶.

Представители сказочного мира могут существовать вне общества — Гримнир обитает на пустынном острове, загадочный советник Йольф, который встречает Одда после его «перескакивания пространства» (в терминах В.Я. Проппа³⁷), чтобы дать волшебную помощь, также проживает в отдалении от людей на границе сказочного и обычного миров³⁸. Однако даже когда обитатели сказочного мира организованы в социум, он обладает принципиальными от-

³¹ Hr.Gautr. Bls. 86.

³² Ö.O. Bls. 355. Термин «Аустрвег» обозначал реально существующий регион, однако в тексте этот регион описан как родина вымышленного существа — йотуна.

³³ Ö.O. Bls. 299–303.

³⁴ Ibid. Bls. 245–347.

³⁵ Hr.Gautr. Bls. 86.

³⁶ Ibid. Bls. 97–98.

³⁷ Пропп В.Я. Морфология. С. 142.

³⁸ Ö.O. Bls. 360–361.

личиями от человеческого. В Земле великанов, показанной в «Саге об Одде Стреле», существует примитивный вариант человеческого общества: в нем есть социальная иерархия, хотя власть в ее рамках передается в зависимости от силы и свирепости претендента (кунгом страны выбирается тот из сыновей предыдущего правителя, который убьет самого опасного зверя и держит самую злобную собаку)³⁹. Кроме того, местное общество отличается от общества средневековой Скандинавии, делая упор на магию, а не на технологическое развитие: великан принимает поставленный Оддом парус за колдовство, которое, по изумленному описанию Хильдира, заставляет «всю землю и горы нестись как сумасшедшие, а лодка [при этом] вот-вот потонет»⁴⁰.

Роль сказочного мира в сюжетообразующем конфликте викингских саг состоит в том, чтобы предлагать герою испытание, подобно тому, как происходит и в загробном мире сказки⁴¹. Чаще всего обитатель сказочного мира враждебен человеку из мира реального, и испытание для героя состоит в том, чтобы победить его. Такую роль выполняет Grimnir в «Саге о Хрольве Гаутрекссоне», Эгмунд, Гейррёд и великаны с безымянного острова в «Саге об Одде Стреле». В основе подобных противостояний лежит различие этических воззрений: жители Йотунхейма отказываются от мудрости, Grimnir проявляет жестокость и презрение к правилам, регламентирующим схватку между благородными соперниками, Гейррёд и многие другие просто выказывают злые намерения по отношению к обитателям «реального мира». Как следствие, чтобы достичь своих целей, героям саг требуется проявить определенные этические качества, такие, как мудрость, храбрость или даже смирение⁴².

Надо отметить, что в рассматриваемых сагах чуждость не полностью тождественна отчуждению и агрессивности: в ряде случаев между жителями сказочного мира и скандинавами возможно конструктивное взаимодействие. Одд устанавливает добрые отношения с семьей одного из великанов, от дочери которого у него рождается сын⁴³. Кроме

³⁹ Ö.O. Bls. 338–339.

⁴⁰ Ibid. Bls. 342.

⁴¹ *Протт В.Я.* Морфология. С. 142–145.

⁴² Именно убедившись в наличии у Одда смирения, которого ему долго не хватало, Йольф оказывает герою поддержку (Ö.O. Bls. 360–363).

⁴³ Ö.O. Bls. 351–352.

того, персонажи Йольф и Один-Раудграни⁴⁴ выступают в роли посредников, направляющих героя к испытанию или вознаграждающих за него. Однако мирные контакты скандинавов со сказочным миром в викингских сагах значительно более редки, чем конфликты с его обитателями.

3. ГЕРОИЧЕСКИЙ МИР

Территории и страны, относящиеся к героическому миру, формально локализованы в реальном пространстве, но удалены от Исландии. Речь идет о таких землях, как Дания, Гардарики, Ирландия, Англия и даже Аквитания⁴⁵. В отличие от Норвегии, с которой у исландцев исторически существовали тесные связи и о которой они имели четкое представление, эти регионы были известны им меньше, и поэтому могли быть героико-мифологизированы. Степень «мифологизации» была разной: Швеция воспринимались в целом еще как территория реального мира, хотя и с присутствующими атрибутами других миров — в частности, именно здесь проживает королева-амазонка Торнбьёрг, преуспевшая в воинских искусствах и называющая себя мужчиной⁴⁶. Ирландия, напротив, предстает как колдовское и враждебное человеку место, что приближает ее к сказочному миру. Однако она все же населена людьми, кроме того, герои ищут и находят здесь для себя законных жен, что не характерно для сказочного мира⁴⁷. Многие территории в «Саге об

⁴⁴ Один-Раудграни сообщает Одду важную для него информацию после того, как тот прошел через сказочный мир (Ö.O. Bls. 344–348, 359), а Йольф, убедившись в его подobaющих этических качествах (Одд показывает ему, что обуздал свою гордыню), снабжает героя магическим артефактом, который помогает ему одержать победу в последующих битвах со сверхъестественными созданиями (Ö.O. Bls. 360–363, 382–383). Оба персонажа выступают здесь в качестве эквивалента «магического помощника» из потустороннего мира сказки — об этом подробнее см.: *Ерёмко А.Б.* Фольклорные элементы в викингских сагах: образ дарителя // Скандинавские чтения 2004 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты / Отв. ред. В.Е. Возгрин, Т.А. Шрадер. СПб, 2006. С. 269–277.

⁴⁵ Дания: Hr.Gautr. Bls. 50–53, Ö.O. Bls. 350; Гардарики: Hr.Gautr. Bls. 91–92; Ирландия: Hr.Gautr. Bls. 112, Ö.O. Bls. 312; Англия: Hr.Gautr. Bls. 118–130, Ö.O. Bls. 318–319; Аквитания: Ö.O. Bls. 335.

⁴⁶ Hr.Gautr. Bls. 53.

⁴⁷ Ö.O. Bls. 317–318, Hr.Gautr. Bls. 146–147. Помимо этого, в одном эпизоде Одд становится отцом ребенка, которого рождает обитательница Рисаланда, однако в данном случае речь идет о подчеркнуто незаконном сожителстве.

Одде Стреле» вообще не получают описания, выступая просто как арена для викингских походов героев: сюда относятся, в частности, острова Зеландия и Самсё, Саксония и Фландрия⁴⁸.

В целом, в героическом мире сочетаются атрибуты реального и сказочного миров, хотя он отнюдь не сводился к их механическому наложению друг на друга. С одной стороны, это населенное людьми квазиреальное пространство, в которое переносятся основные принципы организации общества, в частности, государственное устройство и социальная иерархия, присущие скандинавскому обществу. Гардарика и Ирландия обладают такими признаками государства, как верховная власть, двор, войско⁴⁹, а в «Саге об Одде Стреле» абсолютное большинство стран имеют правителей-конунгов. В «Саге о Хрольве Гаутрекссоне» детально описывается социальная иерархия Англии, где присутствуют бедные люди (в том числе амбициозная молодежь, стремящаяся сделать воинскую карьеру)⁵⁰, и состоятельные землевладельцы⁵¹, и знать, серьезно озабоченная своим положением в обществе⁵².

В то же время свойства этого мира обычно гиперболизированы настолько, что были бы невозможными в реальном мире. Здесь регулярно происходят масштабные военные конфликты, часто приводящие к переходу из рук в руки целых королевств, причем речь идет о событиях, которые порой невозможно соотнести с реальной историей, — так, Одд и его побратим Хьяльмар отказываются от добытой ими в бою власти над Англией и дарят страну персонажу по имени Сколли⁵³, что, разумеется, не имеет исторической основы. Действующие лица часто обладают сверхъестественной силой и другими способностями: так, Торир из Гардарика настолько могуч в бою, что способен в одиночку изменять ход сражения целых армий⁵⁴, Хрольв Ирландский обладает даром предвидения: «Конунг был настолько прозорливым, что в своей невероятной злобе он узнавал заранее о приходе [сватов], и успевал подготовить могучее войско, даже когда они

⁴⁸ Зеландия: Ö.O. Bls. 310; Самсё: Ö.O. Bls. 323; Саксония: Ö.O. Bls. 350; Фландрия: Ö.O. Bls. 326.

⁴⁹ Hr.Gautr. Bls. 91–92, Ö.O. Bls. 112.

⁵⁰ Ibid. Bls. 123.

⁵¹ Ibid. Bls. 128.

⁵² Ibid. Bls. 125.

⁵³ Ö.O. Bls. 318–319.

⁵⁴ Hr.Gautr. Bls. 106–110.

пытались заставить его врасплох»⁵⁵; а Ольвор из «Саги об Оdde Стреле» ткет рубашку, которая защищает своего хозяина от любого оружия⁵⁶.

Кроме того, у жителей героического мира гиперболизированы и этические качества. Доблесть Хьяльмара побуждает его вступать в самоубийственный поединок с Ангантюром, который вооружен волшебным мечом⁵⁷. Хрольв Гаутрекссон неоднократно проявляет великодушные по отношению к людям, которые стремились его убить? — в частности, к Сигурду с Бардом⁵⁸ и английским ярлам-заговорщикам, посягнувшим на его жизнь⁵⁹, — а храброму викингу Асмунду, над которым одерживает победу, вообще предлагает дружбу и побратимство⁶⁰. Хрольв также неоднократно проявляет мудрость, например, в эпизоде с великаном Гримниром, который запирает Хрольва и Асмунда в своем доме, намереваясь их убить? — здесь Хрольв находит способ победить столь опасного противника⁶¹. Побратимы-викинги Одд и Хьяльмар следуют подчеркнuto благородному и малореалистичному кодексу чести, который был предложен Хьяльмаром, указывавшим, в частности: «В набегах я буду позволять себе брать у торговцев или крестьян только то, что необходимо моей команде для пропитания. Я не буду также похищать женщин»⁶².

При этом, если у положительных персонажей преувеличены их позитивные свойства, то у отрицательных — негативные. Ирландский конунг проявляет коварство, подготовив тщательную и смертельную ловушку Хрольву и Асмунду, которые прибывают посвататься к его дочери⁶³. Берсерки из Гардарики ведут себя глупо, поддаваясь на словесную провокацию в бою, что дает Хрольву возможность легко с ними расправиться⁶⁴. Воины страны Бьялки также демонстрируют глупость, принимая за колдовство победу Одда над их предводителем Видгрипом, одержанную обычной воинской хитростью⁶⁵. Берсерки Ангантюра проявляют выходящую за

⁵⁵ Hr.Gautr. Bls. 112.

⁵⁶ Ö.O. Bls. 313–314.

⁵⁷ Ibid. Bls. 326–330.

⁵⁸ Hr.Gautr. Bls. 120–121.

⁵⁹ Ibid. Bls. 127.

⁶⁰ Ibid. Bls. 75.

⁶¹ Ibid. Bls. 96–100.

⁶² Ö.O. Bls. 310.

⁶³ Hr.Gautr. Bls. 136.

⁶⁴ Ibid. Bls. 104–105.

⁶⁵ Ö.O. Bls. 379–380.

любые рамки жестокость, выражая намерение убить собственного отца только потому, что он не смог помочь им найти достаточно сильных противников⁶⁶.

Героический мир, где происходит основная часть действия викингских саг, может выступать как промежуточное место пребывания героев — в таком качестве представлены Англия и Дания в «Саге об Одде Стреле»⁶⁷. Однако главная его сюжетная функция состоит в том, чтобы служить ареной для развертывания конфликта, переходящего в сказочный мир только в момент испытания для героя.

Проведенный анализ структуры пространства, изображенного в «Саге о Хрольве Гаутрекссоне» и «Саге об Одде Стреле», позволяет нам установить соотношение трех миров викингских саг между собой и их роль в сюжетах данных памятников. Реальный мир является исходным пунктом для путешествия героя, героический мир служит ареной для основного действия саги, а в сказочном мире — эквиваленте загробного мира — герой проходит свое испытание. Последнее обычно играет важную, хотя не обязательно ключевую, роль для всего сюжета, и кроме того, подчеркивает основной этический посыл саги, поскольку требует от героя проявления положительных моральных качеств.

⁶⁶ Ö.O. Bls. 324.

⁶⁷ Англия: Ö.O. Bls. 348; Дания: Ö.O. Bls. 350.

Ю.Я. Вин

ПРОСТРАНСТВО ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОГО СЕЛА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ*

У живых людей имеются только «здесь» и «там», «вчера» и «послезавтра», «прежде» и «позже», «внутри» и «вне», «вверху» и «внизу». Но ни один нормальный человек совершенно определенно не говорит о времени и пространстве.

О. Розеншток-Хюсси

Современное историческое исследование, обращенное к изучению социокультурных институтов, которые обеспечивают неразрывность общественных и культурных связей социума и преемственность существования свойственных ему социальных структур и отношений¹, вряд ли окажется результативным без рассмотрения в качестве своих главных объектов лежащих в основании культуры универсалий. Важнейшими в гуманитарной науке общепризнаны категории времени и пространства². Именно этот постулат служит основанием для кристаллизации в современной социологии культуры концепции «культурной среды». Эта научная идея хорошо проецируется на жизненное пространство сельской общины в ее исторической ретроспективе. Обращаясь к названной проблеме, следует подчеркнуть особо интерпретацию пространства в современной когнитивной науке. Она рассматривает концепты онтологического пространства и времени в качестве основополагающих представлений о мироустройстве. При этом обыденное сознание зиждется на принципах вещецентризма, в соответствии с которыми

* Исследование выполняется при финансовой поддержке РГНФ (Проект № 09-01-00048а).

¹ Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. М., 1994. С. 50–53.

² Миньяр-Белоручева А.П. Язык историка. М., 2001. С. 25.

ми вещь первична, а ее признаки, будучи вторичны, проявляются в отношениях и изменениях в пространстве и во времени. В процессе формирования абстрактно-обобщенных представлений, которыми люди руководствуются в обыденной деятельности, собственно время постигается через пространство как развертывающиеся в нем изменения. Само же пространство в наивно-обобщенном видении мира соизмеримо прежде всего с двухмерной поверхностью, которую заполняют вещи³. Им так называемый здравый смысл предпосылает наивные концепции времени и пространства, которые обыденное сознание воспринимает как данность существования вещей. Без них нет измерений — нет расстояний, не различимы изменения. А потому обыденное сознание интересуется прежде всего образ заполненного, населенного пространства и времени как основных форм локализации вещей и событий в пространстве и времени⁴.

Согласно общепризнанным научным положениям, в историческом прошлом предметы осознавались и осмыслялись человеком как часть среды или пространства на основе представлений, в которых реализуется идея объединяющего пространство и время «хронотопа»⁵. С точки зрения языкового восприятия и когнитивных особенностей языковой категоризации один и тот же физический объект может восприниматься различным образом в зависимости от «топологического» взгляда на него человека⁶. Наряду с тем когнитивная концептуализация «пространства» позволяет вести анализ пространственных представлений во всей полноте их изменчивости от исторического прошлого к современности⁷. Что касается прошлого, это находит отображение и в обобщенно-целостном представлении человека о пространстве, неотъемлемой частью которого он себя ощущал. Важным компонентом подобных представлений становились принципы доступности пространства непосредственному наблюдению. В соответствии с тем пространство определяло поле зрения и положение объекта, устанавливавшее тождество меж-

³ Подробнее см.: *Никитин М.В.* Основания когнитивной семантики. СПб., 2003. С. 13–14 и далее.

⁴ Там же. С. 18, 23–24.

⁵ *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. С. 254 и далее.

⁶ *Кравченко А.В.* Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск, 1996. С. 32.

⁷ *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. С. 459–460 и далее.

ду концептами «пространства» и «места»⁸. Поэтому здесь уместно характеризовать особенности восприятия пространства в средние века сугубо отличным образом, нежели ныне. С одной стороны, пространство ни в коем случае не отделялось от времени, с другой — отношение к пространству определяла особая эмоциональная окраска, и оно вообще в жизни средневекового человека играло намного большую роль, чем в современности, где такое же примерно значение принадлежит времени⁹. В первую очередь, выдвинутые положения касаются средневекового восприятия географического пространства с присущими человеку той эпохи оценочными и морально-религиозными суждениями относительно глобальных понятий и представлений о земной жизни¹⁰. Они, несомненно, выражали обусловленную спецификой психологии средневекового человека сакрализацию времени и пространства, служивших также воплощением гомогенных, непрерывных, от вечности данных оснований для единиц измерения протяжения, плоскостей, объемов и иных мер, применяемых в повседневной человеческой деятельности¹¹.

Имея в виду специфику средневекового мышления, следует вспомнить об известном эссе П. Шейфера «Культурная среда общины»¹². В первых же строках своего очерка автор заявляет о необходимости рассматривать общину, подразумевая современный вариант самоуправляемого территориально-административного округа, как целостную среду обитания человека. Независимо от того, что она складывается из множества компонентов — социального, политического, экономического, эстетического, религиозного и личностного — канадский ученый призывает видеть в местной самоуправляющейся общине единое целое¹³. Подобный подход находит полное оправдание в методологических основаниях современной теории социальной организации пространства, которая зиждется на пости-

⁸ Там же. С. 466–468 и далее.

⁹ *Martin H. Mentalités Médiévales: XIe–XVe siècle.* Paris, 1996. P. 167; *Europäische Mentalitätsgeschichte: Hauptthemen in Einzeldarstellungen / Hrsg. P. Dinzelsbacher.* Stuttgart, 1993. S. 604.

¹⁰ Подробнее см.: *Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек — Текст — Семисфера — История.* М., 1996. С. 239 и далее.

¹¹ *Петров М.К. Язык, знак, культура.* М., 1991. С. 273.

¹² Русский перевод см.: *Культуры: Пространство и коммуникации.* Париж, 1983. № 1. С. 133–164. Там же указано издание оригинального текста названной статьи П. Шейфера и основная библиография.

¹³ *Шейфер П. Культурная среда общины.* С. 133, 134–135 и далее.

жении последнего как важнейшего атрибута социального движения материи. «Социальное» содержание пространственных форм, с позиций названной теории, признано наиболее общим условием организации жизнедеятельности субъекта на пути становления подлинной общности людей. Город и деревня в рамках данного понимания проблемы организации социального пространства воспринимаются в роли особых качественных форм упорядочивания социума¹⁴. С этой точки зрения, деревню при низком уровне концентрации там искусственно созданных атрибутов социальности отличают крепкие узы с природной средой¹⁵. А главными факторами внутренней организации социального пространства признана нерасчлененность социального времени и естественно-природные посылки развития¹⁶.

Неслучайно поэтому одна из разделяющих взгляды П. Шейфера на окружающий сегодняшнего человека мир последовательниц концепции «культурной среды» отождествляет ее с той частью социальной среды, которая характеризует содержательную, качественную, ценностную сторону социальных процессов, воздействующих на личность¹⁷. Сам же названный ученый, касаясь вопроса об историческом прошлом общины, утверждает, что в средние века она была преимущественно религиозной, и вследствие этого главным институтом общины служила церковь. Жить внутри данной общины, согласно фигуральному выражению зарубежного мыслителя, означало жить в пределах слышимости звона церковных колоколов¹⁸. Даже в селениях разбросанного типа стоящие на некотором удалении от мест проживания церковь и кладбище оказываются главными вехами социального пространства¹⁹. В свою очередь отечественная сторонница концепции «культурной среды», прилагая оную к повседневной сельской жизни, ссылается на идущие издревле традиции сельской общины. Сложившиеся в ее недрах народные обычаи и нормы испокон веков регулировали жизнедеятельность сельских жителей. Правила их общего бытия передавались в

¹⁴ См.: *Виноградский В.Г.* Социальная организация пространства: (Философско-социологический анализ). М., 1988. С. 5–8, 75 и далее.

¹⁵ Там же. С. 85–86.

¹⁶ Подробнее см.: *Виноградский В.Г.* Социальная организация. С. 93 и далее.

¹⁷ *Михайлова Л.И.* Социология культуры. М., 1999. С. 109 и далее.

¹⁸ *Шейфер П.* Культурная среда общины. С. 134.

¹⁹ Ср.: *Pesez J.-M.* L'Habitat dispersé: un problème historique pour l'archéologue // L'Habitat dispersé dans L'Europe médiévale et moderne / Actes des XVIIIes journées internationales d'histoire de l'abbaye de Flaran. 15–16–17 Septembre 1996 / Ed. par B. Cursente. Paris, 1999. P. 22 etc.

поколениях изустно в ходе совместной деятельности и будничного общения, по словам того же культуролога, «на уровне обыденного сознания». Важнейшим элементом этой научной позиции является вывод о том, что древние традиции воздействуют на личность «через подсознательные структуры», т.е. интуитивно²⁰. К сожалению, затронутая проблема осталась на периферии основного направления хода научной мысли в рамках освещенной концепции. Дальнейшим шагом в ее развитии стал тезис о «социокультурных образцах» социально значимой деятельности, поведения и общения как средства идентификации личности в процессе ее социализации и роли в этом так называемой «социокультурной среде» — понятия, которое, увы, не получило надлежащего разъяснения²¹.

Вместе с тем, под каким бы углом зрения не рассматривать разные типы человеческих объединений, в соседской или сельской общине легко распознается естественно сложившаяся форма общности, нераздельно принадлежащая биосоциальной сфере социума, тогда как важнейшей предпосылкой складывания данной структуры признана ее территориальность, т.е. общее жизненное пространство²². Его анализ, однако, без сомнения, вызывает весьма ощутимые трудности в проведении исторического исследования, требуя выявления действующих на интуитивном и произвольном уровне мотивов и побуждений, в которых оказывается сокрытым коллективное бессознательное. Его истинная подоплека раскрывается общим ходом когнитивной эволюции архаического человеческого мышления со свойственным ему типом пространственно-образного восприятия действительности к знаково-символическому (логико-вербальному) типу с присущими ему мысленными образами, что предполагает радикальные культурные изменения и трансформацию мировоззренческих ценностей²³. Некоторые ученые признают это по существу, разграничивая основные формы коллективистического мышления и выделяя в их ряду средневековое²⁴. Осмысление ука-

²⁰ Михайлова Л.И. Социология культуры. С. 111.

²¹ См.: Там же. С. 166, 168 и далее.

²² Белик А.А., Резник Ю.М. Социокультурная антропология: (историко-теоретическое введение). М., 1998. С. 166.

²³ Меркулов И.П. Когнитивная эволюция. М., 1999. С. 63–64. Подробнее о когнитивных особенностях и эволюции архаического мышления человека см.: Там же. С. 68–69 и далее.

²⁴ Ивин А.А. Введение в философию истории. М., 1997. С. 93 и далее. Также см.: Хроленко А.Т. Лингвокультуроведение. Курск, 2001. С. 44.

занного явления требует от исследователя высокого внимания к тем выразительным средствам языка, которые нередко в традиционных исторических трудах остаются в пренебрежении²⁵. В конечном счете историк обязан погружаться в семиосферу изучаемой эпохи с тем, чтобы в ее лоне установить условия и закономерности действия языков, составляющих семиотическое пространство, в котором живет человек прошлого. В этом смысле язык является функцией, сгустком семиотического пространства, вне которого, вне семиосферы нет ни языка, ни коммуникации²⁶. Определяя семиотическое пространство как семиосферу, Ю.М. Лотман вслед за В.И. Вернадским видит в ней результат и условие развития культуры²⁷. В то же время современный историк не должен игнорировать, как было сказано, достижения когнитивной науки, согласно которой акт речи знаменует собой работу с информацией, информация же представляет собой феномен когнитивный, рождающийся в процессах познания и восприятия мира. Во всех видах использования языка — будь то в коммуникации или дискурсе — рефлектируется та или иная деятельность с информацией (ее получение, обработка, хранение, извлечение и достижение новых знаний и т.д.). Все единицы языка, соответственно, тоже служат либо выражению информации, либо ее распределению, либо, наконец, членению потока информации и при том, делая это, они обслуживают как мыслительные процессы в голове отдельного человека, так и способствуют отражению опыта человечества в целом, фиксируя результаты восприятия и познания действительности. Без того, чтобы определить когнитивную сущность каждой единицы языка, каждой языковой категории и каждой языковой классификации, нельзя дать сколько-нибудь разумного объяснения и тем более — охарактеризовать их природу и функции²⁸.

В этой связи особо следует затронуть проблему мифа с точки зрения его возможного влияния на общество. Рассматриваемый с указанных позиций миф в традиционном обществе служит мощным средством социальной регуляции и сплоченности²⁹. Современные исследователи указывают на аккумуляцию социальной энергетики,

²⁵ *Graus F. Mentalitäten im Mittelalter. Sigmaringen, 1987. S. 47.*

²⁶ *Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. С. 163–164.*

²⁷ Там же. С. 165–166 и далее. Также см.: *Неретина С., Огурцов А. Время культуры. СПб., 2000. С. 274–275.*

²⁸ *Кубрякова Е.С. Язык и знание. С. 235–236.*

²⁹ *Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии. М., 1998. С. 145.*

которую миф направляет в определенное русло. Миф обеспечивает слияние восприятия и единство поведения отдельных индивидов, способствуя формированию коллективов, осознанию их членами идентичности коллективного субъекта и приданию объекту — занятой ими территории — определенной пространственной структуры³⁰. Данный подход позволяет обнаруживать органические общности, которым мифология помогает достичь социальной интеграции, идентифицировать их групповые связи и формы внутренней солидарности³¹.

В конечном итоге каждодневная активность человека должна получить достоверное освещение также с позиций теории социального пространства. Согласно одному из ее положений освоение древнейшими общинными коллективами определенной территории требовало досконального знания местности, а длительное пребывание в локально ограниченных ее пределах приучало человека видеть в окружавшем его пространстве единственный обжитой мир³². Надо подчеркнуть, что доселе в поле зрения последователей этой теории попадают преимущественно макрообъекты, которые несомненно выступали в качестве факторов организации социального пространства сравнительно крупного географического и топографического масштаба. Так, к их числу в эпоху господства традиционных форм развития техники по праву относятся дороги, города, порты, рынки, мельницы, как и религиозные центры³³.

Отмеченная закономерность, тем не менее, не препятствует тому, чтобы рассмотреть более подробно территорию села вместе с такими его объектами, которые очерчивали абрис социального пространства сельской общины. Затрагивая в этой связи проблему языкового воплощения воспроизводимого в сознании человека ушедшей в далекое прошлое эпохи восприятия территории в самом общем виде, ни в коей мере нельзя упустить из виду сравнительно редкое для средневековых актов непосредственное словесное выражение идеи пространства. Разумеется, в буквальной своей форме она раскрывается, прежде всего, в славянских текстах. В частности, с этого начинается старосербский перевод XV в. акта святогорского прота Феофана, обнаруженного в апреле 1312 г. по поводу споров

³⁰ *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М., 1996. С. 157–159.

³¹ Ср.: *Там же*. С. 163.

³² *Виноградский В.Г.* Социальная организация. С. 60.

³³ Ср.: *Ракитов А.И.* Философия компьютерной революции. М., 1991. С. 94.

относительно земельных владений запустевшего тогда монастыря Вериота³⁴. Наверное, именно потому сербский переводчик, следуя греческому прототипу, прежде всего вспоминает о периоде расцвета «богополезной» обители, когда она имела в своем распоряжении рационально используемую земельную территорию — ее жизненное «пространство». Эта мысль облекается в красочную риторическую форму: «**Веріѡтова ѹснаа обѣтѣль иже прѣдъ лѣтѣхъ богокористна соѹщи пространство имѣла тогда...**»³⁵. Показательно, что в греческом оригинале при всем его столь же живописном начале собственно идея пространства получает опосредованную, но синтаксически более точную, нежели славянская версия, формулу: «Веріотова честная обитель, в прежние лета будучи более богата, пространная (πεπλατισμένα) имела тогда и свои границы»³⁶.

Приводимый пример показывает, что метафорическое значение понятия «пространство» подразумевало его не вообще, а некую ограниченную его часть, становясь синонимом «места»³⁷. Тем не менее, речь должна идти об окружавшей сельское селение территории в целом. Недаром, как показывает анализ термина византийских источников «хорион», т.е. общепринятого в поздневизантийский период обозначения села, его нередко замещало понятие «хора», иначе говоря «область». Вероятно, подобная замена вполне отвечала обыденным представлениям византийских селян о месте их жительства как едином и неделимом пространстве, таким образом закрепляемым в обиходном разговорном языке. Ярким подтверждением тому служит одна из интерполяций, выявленных издателями подложной копии хрисовула Иоанна Кантакузина в пользу Ивирского монастыря, которая была составлена, по-видимому, на рубеже XIV–XV вв.³⁸ Подкрепляя права собственности монастыря на его метохии и храмы в селе Радоливо и прилегающих к нему поселках, составители подложной грамоты вместо обозначения «хорион» прибегли к понятию «хора», хотя здесь подразумевалось хорошо известное село, точно

³⁴ Подробнее см.: *Живојиновић М., Бубало Ђ.* Акт прота Теофана за манастир Вериота (април 1312, инд. 10) у старосрпском преводу XV века // *Зборник радова византолошког института.* Београд, 2003. Т. 40. С. 245–260. Указанная публикация содержит издание славянской версии документа (АПФ), и греческого оригинала (АРTh). См.: Там же. С. 257–260.

³⁵ АПФ.1.

³⁶ АРTh.1.

³⁷ См.: *Никитин М.В.* Основания когнитивной семантики. С. 14–15.

³⁸ См.: *Actes d'Iviron / Ed. dipl. par J. Lefort et al.* Paris, 1995. Vol. IV: Texte (Далее — Ivir. IV). Append. V.

так же, как они повторяют это понятие и в отношении селения Гултица (Γουλτζήτζα — читай: Βουλτζίστα)³⁹. В виду подложности этого документа сама по себе подмена словоупотреблений в данном случае никак не может объясняться причинами, обусловленными административным статусом этих селений. Основанием тому, судя по всему, служат в первую очередь распространенные в среде местных жителей пространственно-территориальные представления.

Здесь нужно также сослаться на многочисленные поздневизантийские практики (податные перечни крестьянства) и периорисмы (поземельные описания), составители которых размеры земельных владений на территории хориона зачастую выражали с помощью указаний на число, если сказать фигурально, используемых в процедуре измерений «веревко» или «оргий»⁴⁰. Конечно, в этом плане акты следовали традиции трактатов византийских землемеров, где описаны способы измерения земли с помощью названных приспособлений и соответствующих им счетных единиц⁴¹. Однако вовсе не употребление того или иного инструментария и форм счета определяло социокультурное измерение территории византийского села. С этой точки зрения уместно принять во внимание один из главных постулатов современной теории социального пространства, провозглашающий, что любое доиндустриальное общество призвано удовлетворять потребности человека в уединении и общении⁴². Оценивая с данных позиций «общую общительность» средневекового села, как выразили свою мысль французские медиэвисты М. Бурэ и Р. Дюран, они называют в качестве неперенных атрибутов его жизненного пространства в первую очередь кузню, мельницу и источник воды, которые могут находиться на периферии общинной территории, тогда как сельский храм, по мнению ученых, всегда становится ее эпицентром⁴³.

³⁹ Ivir. IV. Append. V. 18–22. Также см.: *Paysages de Macédoine: leurs caractères, leur évolution à travers les documents et les récits des voyageurs* / Bellier P., Bondoux R.-C., Cheynet J.C. et al.; Pr. par J. Lefort. Paris, 1986. P. 134.

⁴⁰ Например, см.: *Actes d'Iviron* / Ed. dipl. par J. Lefort et al. Paris, 1994. Vol. III: Texte (Далее — Ivir. III). № 70.31–49, 160 etc., 318 etc., 388–389 etc.; № 75.59–83, 437 etc., 518 etc.; № 79.57–78, 425 etc., 508 etc.

⁴¹ *Schilbach E.* Byzantinische metrologische Quellen. Düsseldorf, 1970 (Далее — Quellen). Passim. См.: Ibid. I. 4. S. 46.23–26; II. 4. S. 54.15–16.; II. 26. S. 117.1–4. Подробнее см.: *Schilbach E.* Byzantinische Metrologie. München, 1970. S. 22 u. a.

⁴² См.: *Эйбс-Эйбсфельдт И.* Общественное пространство и его социальная роль // *Культуры: Пространство и коммуникация.* Париж, 1983. № 1. С. 118–119.

⁴³ *Bourin M., Durand R.* Vivre au village au Moyen Âge: les solidarités paysannes du 11e au 13e siècles. Paris, 1984. P. 19 etc.

К сожалению, византилисты, в первую очередь имеются в виду некоторые соотечественники названных ученых, характеризуя организацию социального пространства средневекового села на Балканах, соображения морально-этического плана, вопреки своим ближайшим коллегам, как правило, оставляют в стороне⁴⁴. Между тем, наблюдения над византийскими материалами свидетельствуют о том, что несчетные сельские храмы порою воздвигали непосредственно даже на пашенных или иных земельных наделах независимо от места их расположения на территории села⁴⁵. Правда, очевидна необходимость уточнить и дополнить приведенный перечень объектов, которые якобы в первую очередь характеризуют восприятие в глазах средневекового человека сельского пространства, ссылками не только на сложные постройки, такие, как мельницы и плотины, поселки и усадьбы. Их описания включают, в частности, множество иных топографических реалий, без которых невозможно в достоверности раскрыть «картину мира» средневекового селянина. Она предстает сложнейшей крупномасштабной картой с нанесенными на нее прежде всего тропами и дорогами, образовавшими строго иерархизированную систему путей сообщения⁴⁶. Близ них, по рожденной еще столетиями ранее традиции местные жители воздвигали призванные утешить усталых путников путевые «честные кресты», какой, к примеру, отмечен в кадастре Радоливо первых десятилетий XII в.⁴⁷ А сами многочисленные дороги и тропинки пролегали в окрестностях названного хорiona (села), соединяя его

⁴⁴ Прежде всего см.: *Lefort J., Martin J.-M. L'Organisation de l'espace rurale: Macédoine et Italie du Sud (Xe — XIIIe siècle) // Homme et richesses dans l'Empire byzantine. Paris, 1991. T. 2. P. 11–26; Paysages de Macédoine. P. 35 etc., 115–116; Lefort J. The Rural Economy. Seventh — Twelfth Centuries // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century / Ed. by A.E. Laiou. Washington, 2002. Vol. 1 (Далее — ЕНВ. I). P. 231–310. Там же указана основная литература.*

⁴⁵ Например, см.: *Τζαννετάτος Θ.Σ. Τὸ πρακτικὸν τῆς Λατινικῆς ἐπισκοπῆς Κεφαλληνίας τοῦ 1264 καὶ ἡ ἐπιτομή αὐτοῦ: Κριτικὴ ἐκδοσις αὐτῶν. Ἀθήναι: Δωδώνη, 1965. (Далее — Kefal. Pr.). Γράμμη 13, 24, 148, 202, 229–230, 605–606, 617, 738–739, 766, 773–775, 961–963.*

⁴⁶ Подробнее см.: *Lefort J., Martin J.M. L'Organisation. P. 22.*

⁴⁷ См.: *Actes d'Iviron / Ed. dipl. par J. Lefort et al. Paris, 1990. Vol. II: Texte (Далее — Ivir. II). № 53.331. О традиции установления путевых крестов подробнее см.: Schreiner P. Stadt und Gesetz — Dorf und Brauch: Versuch einer historischen Volkskunde von Byzanz: Methoden, Quellen, Gegenstände, Beispiele // Nachrichten d. Akad. d. Wissensch. zu Göttingen. I. Philolog.-hist. Kl. Göttingen, 2001. Jhrg. 2001. № 9. S. 587 (21)–588 (22). An. 57.*

с соседними полями и деревнями⁴⁸. Вместе с тем, главная особенность восприятия окружавшего пространства, выраженная в нерасчлененности представлений средневекового человека о природной среде и местах обитания, находила наиболее яркое воплощение в обустройстве границ землевладений. Их описания неразрывно сочетают естественно-природные и специально созданные искусственные сооружения, от отдельных древесных насаждений до межевых знаков, из века в век служивших селянам привычными и достоверными для них ориентирами⁴⁹. Так, границу земельного участка, проданного в 1008 г. крестьянами хориона Радохоста соседнему монастырю, обозначил и «честной крест», который воздвигли где-то у родника на речном берегу, и стоявший далее камень, что «издалека» будил в воображении селян образ «человека» (μίκοθεν φερόμενος ὡς ἄνθρωπος — sic!)⁵⁰. В конечном счете «карту» окружавшего их повседневно пространства столетиями испещряли порознь помеченные на ней дома, подобно «домам... с гумном»⁵¹, или хижины, оливковые и ореховые рощи, дубравы и даже отдельные деревья, среди которых в документах не обойдены молчанием «дуб большой» или «дуб-корневище»⁵².

Принимая во внимание все особенности таких поземельных описаний, хотелось бы указать на повторение в них от столетия к столетию многих ярких вех в неизменном виде. К примеру, сделанное в первой четверти XIV в. описание межи метоха Лавры Афанасия в Ликосхисме совпадает до мельчайших подробностей с описанием границ монастырских землевладений, размещавшихся в местности между Принарием или Платаном и Аэдаракастром в последней четверти XI в.⁵³ Принципиальное совпадение двух топографических описаний, безусловно, перенесенных из одного документа в другой, опосредует вековое однообразие восприятия окружавшего мира жителями существовавших там селений, повседневному взору которых окрестная местность открывалась на протяжении веков как неизменно самодовлеющая величина.

⁴⁸ См.: Ivir. III. № 55a.3–4, 5, 7–8, 9, 10, 12, 13, 14, 15.

⁴⁹ Lefort J., Martin J.M. L'Organisation. P. 23.

⁵⁰ См.: Actes de Lavra. Texte / Ed. dipl. par P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos, D. Papachryssanthou. Paris, 1970. Vol. I. (Далее — Lavra I). № 14.13–14, 19.

⁵¹ См.: Kefal. Pr. 82, 868.

⁵² Например, см.: Kefal. Pr. 173, 679, 713–714, 848, 938, 1037, 1076.

⁵³ Actes de Lavra / Ed. dipl. par P. Lemerle et al. Paris, 1977. Vol. II: Texte (Далее — Lavra II). № 112.26–44. Ср.: Lavra I. № 42.42–60.

Конечно, необходимо иметь в виду уникальность византийского пейзажа, которую, в первую очередь, определяли сложные орографические условия⁵⁴. И там, где отвесные утесы вдоль прорезавших крутые отроги горных хребтов бурных ручьев замыкали узкие и тесные речные долины, выход из них лежал через пологие склоны поросших кустарниками планин. Поэтому в одном ряду с хозяйственными объектами, такими, как пашенные поля или виноградники и сады, равно и загоны для скота, любой поздневизантийский периорисм упоминает сугубо естественно-природные компоненты — горные гряды, гребни холмов, скалы и камни⁵⁵, русла рек и ручьев⁵⁶ и тому подобные топографические атрибуты местности, типа «два источника пустых», т.е. пересохших⁵⁷. Равным образом, описания границ селений, с неотъемлемой для них обязательностью включающие ссылки на естественно-природные ориентиры, одновременно указывали на искусственные сооружения, предназначенные выкроить в окружавшей односельчан природной среде уютный мир их повседневного бытия. Именно тому отвечало обустройство, что хорошо передает Кефаллиникский практик, границ и межей отдельных землевладений в поле⁵⁸. И если в кефаллиникской деревне обычная изгородь отгораживала сад⁵⁹, то согласно ивирскому практику севаста Иоанна Комнина начала XII в. — целый «хорион»⁶⁰.

Для разграничения владений разных собственников могла служить просто «вросшая» в землю каменная глыба⁶¹, а чаще собранные в кучи камни (*ἀρμάκα*), название которых становилось, по-видимому, синонимом близлежащих земельных участков⁶². Подобные сооружения бывали даже обозначением государственной межи или земельного участка⁶³. В поздневизантийский период смежные землевладения разделяли также рвы⁶⁴, каменная кладка (*λιθέα*)⁶⁵ или всяческие другие обозначения

⁵⁴ Подробнее см.: *Geyer B. Physical Factors in the Evolution of the Landscape and Land Use // ЕНВ. I. P. 32–33.* Там же указана основная литература.

⁵⁵ Например, см.: *Kefal. Pr. 124, 128–128, 188 etc.; Ivir. III. № 61.23–24 etc.*

⁵⁶ Например, см.: *Kefal. Pr. 5, 19, 23, 25, 28, 38, 72, 80, 109, 113, 126, 159 etc.*

⁵⁷ *Kefal. Pr. 690–691.*

⁵⁸ Например, см.: *Kefal. Pr. 243.*

⁵⁹ Например, см.: *Kefal. Pr. 922.*

⁶⁰ *Ivir. II. № 52.172–173.* Также см.: *Ivir. № 52.417.*

⁶¹ Например, см.: *Kefal. Pr. 693–694.* Также см.: *Ivir. III. № 61.23–24.*

⁶² Например, см.: *Kefal. Pr. 85–87, 108–109, 299–300, 473.*

⁶³ Например, см.: *Kefal. Pr. 320.*

⁶⁴ Например, см.: *Kefal. Pr. 26, 57, 65, 73, 76, 79, 83, 108 etc.*

⁶⁵ Например, см.: *Kefal. Pr. 46, 134, 343–344, 819, 823, 958, 975.*

границ — столбы, кресты и рассеянные окрест сел межевые камни. Так, граница землевладений Ивирского монастыря между хорионом Мелициани и Липсохорионом пролегла по скалистому кряжу, будучи отмечена не только межевými метами-«лавратами», несколькими «каменными кучами» (λιθοσφραεία) — а они, согласно землеописанию последнего десятилетия XI в., бывали и «малыми», и «большими»⁶⁶, — но и установленным у ямы «черным каменным знаком» (σύνορον), а далее выходила к некоему возвышению — так называемой τύμβη, над которой виднелись останки заброшенного храма, откуда опускалась к болоту и следовала дальше⁶⁷.

В свою очередь, описания границ ивирского проастия (поместного поселка), а затем хориона Гурнон конца XIII — первой четверти XIV вв. показывают, что собственники обустраивали границы своих землевладений с установлением на них межевых знаков вполне упорядоченно (ἐνορδίως). Соответственно на границе названного имения были установлены древние каменные межевые знаки (σύνορα). Там же находились две парные каменные «оростасии» (δύο διδυμωτὰ λίθινα ὄροστάσια), из которых одна была черная, другая белая. Их дополняли также три «каменные кучи» (λιθοσφραεία), служившие, как отмечают поземельные описи, вместо межевого знака⁶⁸. Заметим, что сведения об упорядоченности (ἐνορδίως) сооружения межевых знаков в некоторых документах воспроизводятся систематически. Тем самым они подтверждают последовательность разграничений соседних землевладений. Соответственно это касается практически всех используемых византийцами способов обозначения границ земельных владений — от специальных межей-«лавратов» (λαυράτα), которые, скажем, были воздвигнуты на границе хорионов Пинсон и Василика, и мраморных межевых столбов, один из которых (κίων μαρμάρινος) украсил границу Неохориона, до устанавливаемых повсеместно межевых «знаков» (σύνορα) и сложенных руками домохозяев «каменных куч» (λιθοσφραεία или просто σφραεία), а также межей-«оростасий» (ὄροστάσια)⁶⁹. Тогда как «черный каменный острый межевой знак»

⁶⁶ См.: Ivir. II. № 45.36.

⁶⁷ См.: Ivir. III. № 70.38–43 etc.; № 75.69–74 etc.; № 79.65–70 etc.; Ivir. IV. № 86.58–62 etc.

⁶⁸ См.: Lavra II. № 90.76–77 etc., 83–84; № 108.19–21 etc.

⁶⁹ Например, см.: Lavra II. № 90.15, 18, 22–23, 33, 43, 76, 84, 113, 164, 171, 308–309, 332, 334; № 108.20, 75–76, 125–126, 131, 144, 155, 355, 658, 676, 688, 725, 868–869, 878–879.

наравне с черной «оростасией» — одной из двух выше описанных каменных межей — был сложен, по-видимому, из скальных пород, судя по упоминанию «уплощенной оростасии» (τὸ ἐπίπλατον ... ὀροστάσιον), для создания подобного сооружения — как и белой из тех двух выше описанных межей — могли быть использованы, наверное, известняковые плиты⁷⁰. А служившую межой на границе с владениями прониаров (получателей так называемой пронии — своеобразного византийского поместья) в хорионе Генна «кучу больших вросших камней», так же, как большие и малые «каменные кучи» на землях Линоброхея составляли, вероятно, ушедшие основанием в почву валуны или их осколки⁷¹. Подлинность же созданных таким образом сооружений удостоверяли установленными на них крестами⁷². Недаром одна из таких «каменных куч» получила название Креста⁷³. Впрочем, вырезанное изображение креста можно было найти и на крупных деревьях, таких, как платан на границе ватопедского метоха Св. Димитрия, где монахи заново отстроили пирг (жилую башню), населив ее крестьянами, которым надлежало обрабатывать прилегающие поля⁷⁴.

Многочисленные межевания и землеотводы бесконечно усложняли привычную и известную для каждого жителя деревни до последнего штриха картину его локально ограниченной жизненной территории, которая подвергалась непрерывным преобразованиям. Судя по данным актов конца раннего — начала развитого средневековья, уже тогда для разграничения церковно-монастырских владений с территориями окрестных сел или отдельными крестьянскими наделами зачастую использовали большие деревья, в частности, старые раскидистые дубы, на которых выставляли кресты и делали надписи⁷⁵. А по свидетельству акта размежевания церковно-монастырских земель конца XI в., на дороге, ведущей в проастиий (сельскую усадьбу) Мелициани — в поздневизантийский период известный как хорион — был установлен большой каменный «лаврат» с по-

⁷⁰ См.: Lavra II. № 90.93–94; № 108.42–43 etc.

⁷¹ См.: Lavra II. № 90.208; № 108.271–272, 349.

⁷² См.: Lavra II. № 108.482–483.

⁷³ См.: Lavra II. № 108.744.

⁷⁴ См.: Actes de Vatopédi / Ed. dipl. par J. Lefort et al. Paris, 2006. Vol. 2: Texte (Далее — Vatop. II). № 81A, esp. 31; № 81B, esp. 16–17, 18–19.

⁷⁵ См.: Actes d'Iviron / Ed. dipl. par J. Lefort et al. Paris, 1985. Vol. I: Texte (Далее — Ivir. I). № 9.33–35 etc.; Ivir. III. № 56.156, 164–165, 168, 191, 192, 193, 196–197, 199, 206–207, 208–209, 214.

лузатертой уже тогда надписью⁷⁶. Согласно грамоте 1059 г. прота Иллариона, владельцы земельного участка складывали «каменные кучи» (λιθοσφραῖα) собственными руками⁷⁷. Появляясь, подобные знамения времени неизбежно попадали в поле зрения местных селян. На сельских межах, как показывает акт размежевания в 1142 г. хорионов Радоливо и Семалты, устанавливали камни и кресты с условными обозначениями, которые служили на долгие времена специальными разграничительными знаками⁷⁸. Спустя полтора столетия, на рубеже XIII–XIV вв., собственникам этих сел, настоятелям и монахам двух афонских монастырей, ввиду возникшего между ними поземельного спора пришлось лично восстанавливать спорные границы землевладений, собственноручно складывая «кучи камней» (στίβας πετρῶν)⁷⁹. Для этого земельные собственники обратились к составленному некогда описанию границы, которая вместе с ее «каменными кучами», межевыми столбами и крестами, расчленила навсегда, как оказалось, пространство, лежавшее между четырех деревень и служившее некогда, до закрепления владельческих прав (τὰ δίκαια) на данную территорию названных хорионов, видимо, общей средой обитания их жителей⁸⁰.

Полностью схожая картина сельского пространства открывается и в материалах славянских документов, которые обозначают межи с помощью заимствованного из греческих земельных описей понятия «синор» и самобытной славянской терминологии. Она, как показывает С. Новакович, словно «живая метафора старого топографического языка», была выражением особого внимания и заботы селян к целостности сельской земли и установленным в ее пределах порядкам⁸¹.

Как совершенно очевидным образом явствует из такого рода документальных описаний, в них систематически наблюдается смешение разного рода компонентов жизненного пространства, благодаря чему наряду с реализацией на топографическом уровне принципа

⁷⁶ См.: Ivir. II. № 45.17.

⁷⁷ Actes de Vatopédi / Ed. dipl. par J. Vompaire et al. Paris, 2001. Vol. 1: Texte (Далее — Vatop. I). № 7.10–11. Эта замечательная зарисовка была воспроизведена столетия спустя в поддельном документе, в качестве образца которого использован акт прота Иллариона. См.: Ibid. Append. II.16 etc.

⁷⁸ См.: Ivir. III. № 55a.10–11.

⁷⁹ См.: Ivir. III. № 69.32–36.

⁸⁰ См.: Ivir. III. № 69.38–39 etc.

⁸¹ Подробнее см.: *Новаковић С.* Село. Београд, 1965. С. 65–66, 83.

локальности прослеживаются факты неполной дифференциации в сознании средневековых селян окружающего их предметного мира. В этом плане специфика средневекового сознания выступала во множестве аспектов и способов фиксации пространственно-топографических представлений, которые прямо или косвенно оказывали заметное влияние на восприятие и отображение социокультурных установок, принятых в сельском социуме. Прекрасным примером тому могут служить способы описания сельских дорог. В этой связи необходимо иметь в виду, что с позиций языкового восприятия пространства описания дорог относятся к отображению линейных физических предметов⁸². При этом в силу когнитивных особенностей их языковой категоризации такие пространственные объекты, как дороги обладают из трех возможных измерений двумя — длины и ширины, которые категоризируются как плоскость⁸³. Подлинное своеобразие описаниям дорог в византийских источниках придавало их средневековое восприятие в качестве объектов, пространственная ориентация и протяженность которых почти всегда определяются направлением дороги не просто по отношению к наблюдающему человеку, а посредством локализации тех населенных пунктов, которые она соединяет. При этом, описания путей сообщения в поздневизантийских актах, как правило, указывают ориентацию дороги в направлении от исходного, обычно удаленного по отношению к наблюдателю, топографического объекта к месту назначения, нередко более близкому к точке описания. Если в качестве пространственных ориентиров используются указания на села, то дорога описывается прежде всего как линия, за немногими исключениями, выходящая из удаленного села или иного поселения и ведущая, как сказано, порою к рядом расположенному населенному пункту⁸⁴. Аналогичным образом это наблюдение бывает справедливо, если такие сведения представляются важными, и для описания сельских троп⁸⁵.

Вместе с тем, территориально-географические аспекты организации социального пространства отнюдь не исчерпывают его сути, которая помимо внешних вех исполнена результатами разнообразной

⁸² См.: *Кравченко А.В.* Язык и восприятие. С. 31, 34.

⁸³ Там же. С. 37.

⁸⁴ Например, см.: *Actes de Docheiariou / Ed. dipl. par N. Oikonomidès.* Paris, 1984. Texte (Далее — Doch.). № 28.10–11, 16–17, 28–29; *Lavra II.* № 90. 270, 273–274 etc. Ср.: *Ibid.* № 108.407–408.

⁸⁵ Например, см.: *Lavra II.* № 90. 217–218. Ср.: *Ibid.* № 108.279–281; 603 etc.

активности человека на производстве и в быту, требующими осмысления внутреннего содержания жизненной среды, в том числе форм поселения⁸⁶. В этой связи речь должна идти не только о производственной деятельности и технологиях, но и о культуре в широком понимании слова, ибо социальное пространство человеческого поселения многолико. Оно охватывает и хозяйственные, и общественно-политические отношения, и культурные взаимосвязи отдельных субъектов, воплощающие в себе различные виды их жизнедеятельности⁸⁷. Иначе говоря, не может быть опущена оценка социокультурной роли поселения, что, разумеется, имеет прямое касательство и к поздневизантийскому селу. Именно в данном свете подлежит рассмотрению многое из того, что известно о его структуре и функциях, определявших социокультурный облик хориона, включая факты сооружения на его территории как хозяйственных объектов типа мельниц, так и культовых зданий — храмов и монастырей.

Надо сказать, что отмеченная сторона жизни византийского села получила в источниках, хотя и опосредованное, но достаточно отчетливое отображение. В частности, это подтверждают неоднократно упоминаемые в поздневизантийских актах топографических объектов, обозначаемых как некая «*τύμβη*», буквально — «курган» или просто «могила». Иначе говоря, это та предметная область, которая сама по себе ассоциируется с доселе недостаточно изученной ритуальной функцией византийского села. Впрочем, современные специалисты полагают, что сельские погосты наряду с городскими кладбищами убеждают в присутствии им всем общинного характера, выраженном в отношении византийцев к смерти и местам захоронения⁸⁸. В этой связи уместно сослаться на ряд земельных наделов, к которым Кефаллиникский практик относит в качестве эпитета определение «*ἐνταφιαστικόν*», т.е. «похоронный»⁸⁹. Происхожде-

⁸⁶ Ср.: *Виноградский В.Г.* Социальная организация. С. 76–77 и далее.

⁸⁷ Там же. С. 89–90 и далее.

⁸⁸ *Nallbani E.* Death and funerary Space in the Balkans in the Early Middle Ages // Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies. London, 21–26 August 2006. L., 2006. Vol. 3. P. 96–97; *Tritsaroli P., Gini-Tsophopoulou E.* Who, Where and How Dead were buried in Byzantine Times? Bioarchaeological Analysis of two Middle Byzantine Cemeteries from Attica and Beotia, Greece (Eleventh to Fourteenth Centuries) // *Ibid.* P. 97–98. Впрочем, до сегодняшнего дня, как показывают материалы заседаний соответствующей секции лондонского конгресса византистов 2006 г., объектом изучения специалистов преимущественно становятся элитарные захоронения и городские кладбища. См.: *Ibid.* Vol. 2. P. 62–66.

⁸⁹ См.: *Kefal.* Pr. 1002, 1003–1004, 1011, 1029–1030, 1030–1031.

ние столь неординарного обозначения можно объяснять как аналогию «подушному вкладу» со стороны прежних хозяев в церковное учреждение. Это не исключает, правда, с учетом ограниченного числа таких наделов и их сравнительно близкого друг к другу размещения, предположения об отводе части земель — соответственно описанию практика в районе монастыря Богородицы Атры — под место захоронений, иначе говоря, для организации нового или расширения старого кладбища. В таком случае название «похоронных» наделов обусловлено их ритуальным предназначением и отправлением принятой на Кефаллинии культовой обрядности.

Что же касается понятия *τύμβη*, приходится признать обнаруживающую себя в поздневизантийских документах его несомненную метонимичность. Достаточно привести сопровождающие названное понятие эпитеты и определения. В их ряду можно встретить не только разъяснение «самая малая» (*μικρά*)⁹⁰, но и сопутствующее ему иногда прилагательное «продолговатая» (*ἐπιμήκη*)⁹¹ или даже «острая»⁹². В поле зрения составителей землеописаний попадала также пространственная конфигурация этого топографического ориентира, скажем, «нарезанная полосой» (*λωρωτομητή*)⁹³. Но наиболее адекватно, по всей видимости, описание кургана, расположенного окрест хориона Русион, потому что оно в духе трактатов землемеров говорит о «вершине» и боковых сторонах (*τὰ πλευρά*) этой возвышенности⁹⁴.

Помимо формы документы освещают и физическое состояние курганов-«*τύμβη*», в особенности если возвышенность была «каменной» (*λιθώδης*)⁹⁵, «каменной» (*πέτρωτή*)⁹⁶ или оказывалась «вымощенной камнем», проще говоря — «булыжной» (*λιθόστρωτος*)⁹⁷. На этом фоне выделяется упоминание возвышенности Келлопеда («*χαμαίτύμβη*» или «*χαμαίτῃ τύμβη*»), т.е., по-видимому, покры-

⁹⁰ Lavra II. № 90.133, 210; № 108.273; Actes de Xéropotamou / Éd. dipl. par J. Vompaire. Paris, 1964. Texte (Далее — Xér.). № 19.17.

⁹¹ Lavra II. № 90.208, 225; № 108.271, 292, 345, 362.

⁹² Lavra II. № 108.489.

⁹³ Lavra II. № 90.132; № 108.205–206.

⁹⁴ Doch. № 28.9–10. Также см.: Actes de Chilandar / Ed. dipl. par M. Živojinović et. al. Paris, 1998. Vol. I: Texte (Далее — Chil. I). № 22.7, 35.

⁹⁵ Lavra II. № 90.224, 225, 288.

⁹⁶ Lavra II. № 108.635.

⁹⁷ Lavra II. № 108.607; Ivir. III. № 70.253; № 75.383–384; № 79.372; Ivir. IV. № 86.208.

той стелющимся виноградником⁹⁸. А на одной из самых малых «тимбэ» находилась, предположительно, «поросль дуба» (βόσιν δρυὸς)⁹⁹. Нужно удостоверить невозможность отождествления той или иной упоминаемой в периорисмах возвышенности-«τύμβη» с могилой, тем более, что «острый пригорок» (τύμβη), носивший название Керамидохомы, описывается «вместе с ее дорогой»¹⁰⁰. А одна из «плоских (ἐπίπлатον) каменных межей» хориона Гимну была установлена непосредственно на «возвышении» (τύμβη), называемом «по-местному» (ἐγχωρίως) Принон¹⁰¹. Аналогично тому расположенное на горном гребне возвышение-«τύμβη» Аналипсимон украшала вросшая в землю скала с изображением креста¹⁰². На холме же Колокунта размещался земельный надел¹⁰³.

Одновременно обращают на себя внимание некоторые возвышенности, уподобляемые «τύμβη», от которой они берут свои обозначения. К примеру, известны три «горки» (βουνοτύμβας), в ряду которых перечисляются «меньшая» и «округлая», а третья — «плоская»¹⁰⁴. Нельзя выпустить из виду безымянный «бугор» (τυμβόβουνος)¹⁰⁵. Наиболее показательны упоминания о «самой большой каменистой курганной гряде (τυμβοράχης)» и таком же каменистом и к тому же заросшем дубом «бугре» (τυμβοβουλίου), «по-местному» названном Микри Крини, где границы землевладений пролегают через их подножие (τοὺς πρόποδας)¹⁰⁶. С этой точки зрения подножие различимо и собственно у возвышенности-«τύμβη», названной по имени некоего Цикала, как и у других таких же топографических объектов¹⁰⁷.

Разумеется, на этом примеры описаний возвышенности-«τύμβη» отнюдь не исчерпываются¹⁰⁸. Почти все они относятся

⁹⁸ Lavra II. № 90.266; № 108.398.

⁹⁹ Χέρ. № 19.17.

¹⁰⁰ Lavra II. № 108.489–490.

¹⁰¹ Lavra II. № 108.511.

¹⁰² Actes de Xénophon / Ed. dipl. par D. Papachryssanthou. Paris, 1986. Texte (Далее — Χέν.). № 12.25–26; № 13.88–89. Также см.: Ibid. Append. I.7–9; Append. II.45.

¹⁰³ Χέν. № 14.35–36; № 25.85. Также см.: Ibid. Append. II.111.

¹⁰⁴ Lavra II. № 108.444, 447.

¹⁰⁵ Lavra II. № 108.917.

¹⁰⁶ Lavra II. № 90.98, 224–225, 248; № 108.290–291, 373. Также см.: Χέν. № 19.54–55; № 21.36.

¹⁰⁷ Lavra II. № 90.246–247; № 108.299, 584–585, 586; Vatop. II. № 81A.21–22; № 81B.8; Χέρ. № 19.30; Chil. I. № 22.11, 12, 41, 42–43.

¹⁰⁸ Также см.: Lavra II. № 108.500, 557, 854; Ivir. III. № 70.177, 186–187, 227; № 75.287–288, 299–301, 349–350; № 79.265, 278–279, 335; Ivir. IV. № 86.123, 134–135, 178–179; Doch. № 20.12; Vatop. II. № 82.105, 106; Χέρ. № 16.317; № 19.11; Chil. I. № 21.5.

к концу XIII — первой половине XIV в., когда многие курганы-«τύμβη» наравне со схожими с ними возвышенностями, по приведенным свидетельствам, получают от местных жителей собственные названия. В этой связи недостаточно сослаться на известное в ивирских практиках пашенное поле «τῆς Τύμβης», которое одновременно было названо «Великий хорафий»¹⁰⁹, или топотесию (территориальное образование, буквально — «местоположение») Тимбе («Τύμβη»)¹¹⁰. Ведь в ряду очевидно восходящих к этому понятию топонимов византинисты отмечают также названия местности и селения «Тимба» («Τύμβα»)¹¹¹. А ведь наряду с тем следует отметить местность Тимбанари (τὸν Τυμπαράρη) с расположенными там пашенными участками¹¹². Конечно же, нельзя не соотнести курганы-«τύμβη» с небольшими, по-видимому, насыпными холмами, которые получили в ряде актов XIV в. весьма схожее обозначение «τούμβη». Судить о том, чем отличаются эти два вида возвышенностей друг от друга, их описания не позволяют, а явное сходство названий побуждает к предположению о тождестве всех этих насыпных сооружений. Одно из первых их описаний относится к последней четверти XI в. Здесь отмечена «тумба» с присвоенным ей характерным названием Рахони (Ῥαχώνη), значение которого, по всей вероятности, адекватно выразит слово «хребтина»¹¹³. А другую «скалистую тумбу» (τὴν πέτρωτὴν τουμβὰν) местные жители называли Плакарий¹¹⁴. И хотя названия остальных аналогичных возвышенностей в этом районе остаются неизвестными, из описания следует, что на одной из них стоял храм Христа Спасителя, а на еще двух — мраморные колонны или столбы (στῆλαι), указывавшие, вероятно, на принадлежность землевладений¹¹⁵. Те же самые возвышения с месторасположением храма Христа Спасителя на одном и памятными «стелами» (στῆλαι) на двух других служат ориентирами при описании владений монастырского метоха Лавры Афанасия на стыке Ликосхисмы и Аэдаракастро́на спустя почти два с половиной столетия — в первой четверти XIV в.¹¹⁶ Что же касается внешнего

¹⁰⁹ См.: Ivir. III. № 70.437; № 75.580; № 79.567; Ivir. IV. № 86.441.

¹¹⁰ Vatop. II. № 82.23.

¹¹¹ См.: Paysages de Macédoine. P. 221, 256.

¹¹² Χέρ. № 16.259–261.

¹¹³ Lavra I. № 42.44.

¹¹⁴ Χέν. № 1.103–104.

¹¹⁵ Lavra I. № 42.53–54, 59–60.

¹¹⁶ Lavra II. № 112.37, 43.

облика этих возвышенностей, то «гумба» на границе землевладений монастырей Кастамониту и Каллиграфу в середине XIII в. была сложена, наверное, из находившихся там скальных обломков¹¹⁷. Однако завещание Феодора Скараны показывает, что на одной из такой возвышенностей-«τούμταν» местный крестьянин выседал чечевицу¹¹⁸. В свою очередь упоминание в перечне недвижимостей Дохиарского монастыря начала XIV в. земельного участка, обустроенного между двух насыпных холмов (τούμτας) сопряжено с соименным им собственным названием местности (τὴν Τούμταν)¹¹⁹. Видимо, здесь же, в «Гумбэ» (τὴν Τούμβην) было продано пашенное поле Ксиропотамскому монастырю¹²⁰. К тому же, согласно грамоте 1361 г. царя Стефана Уроша, жалованной Лавре Афанасия, там, в Гумбе (οἱ Τούμβεῖς) был зарегистрирован ее парик со своею стасью¹²¹.

Конечно, можно лишь повторить, что каждое упоминание в земельных описях «курганов» нельзя расценивать как подлинные места захоронений, даже если соответствующее собственное название является реминисценцией некоей коллективной исторической памяти, наподобие названию «Болгарский курган» (Βουλγαροτούμβη)¹²², или противоположно тому — речь идет о нарицательном обозначении «могилы» индивидуального лица, к примеру, «тимбе Палабоионна» (ἡ τύμβη τοῦ Παλαβοϊώννου)¹²³. Однако и такая интерпретация этих данных вовсе не исключается. Ярким подтверждением тому могут стать сведения дарственной 1285 г. иеромонаха Иосифа, в миру Иоанницы Варда, который после многих лет странствий нашел себе приют в хорионе Селада. Здесь он не только восстановил находившийся в безначалии местный храм, близ которого соорудил себе келью и возделал небольшой земельный участок¹²⁴. Проведя долгих шестнадцать лет на том месте, где Иосиф намеревался дожидаться своей кончины, он «построил свою могилу» (τὸν τάφον μου οἰκοδόμησα)¹²⁵. Передававшая эту мысль фразеоло-

¹¹⁷ Doch. № 7.31–32 etc., 36–37.

¹¹⁸ Хέρ. № 9 А.53–54; В.78.

¹¹⁹ Doch. № 10.15–16.

¹²⁰ Хέρ. № 16.279–280 etc.

¹²¹ *Анастасиевић Д.Н.* Српски архив Лавре Афонске // Споменик Српск. Краљ. Акад. Београд, 1922. Т. 56. № 48. С. 7.15 (= Законски споменици Српских држава Средњега века / Уред. Ст. Новаковић. Београд, 1912. С. 494).

¹²² Lavra II. № 90.80; № 108.24.

¹²³ См.: Ivir. III. № 70.172; № 75.281; № 79.258; Ivir. IV. № 86.117–118.

¹²⁴ См.: Lavra II. № 78.

¹²⁵ Lavra II. № 78.18.

гия свидетельствует о фундаментальности предполагаемого места захоронения, которое требовалось «строить» — словно дом или иное здание. Только сравнение с такой, пусть даже незаурядной, «могилой», пожалуй, объяснит и фактическое предназначение курганной насыпи-«*τύμβη*», в особенности, если она выростала, будучи укреплена в свое время камнями и другими подручными материалами, поблизости от сельского храма. Так, опираясь на уже использованный пример ивирских практиков с описанием *τύμβη*, над которой стояла заброшенная церковь, допустимо предположить, что в данном случае речь идет о действительном захоронении¹²⁶. Точно так же, по всей видимости, не станет большой натяжкой догадка о том и в отношении «могилы Св. Ильи», в честь которого была освящена, судя по всему, местная церковь¹²⁷.

Многие топографические объекты в глазах местных жителей неоспоримо приобретали переносное, метафорическое значение, устанавливающее, как говорит Ю.М. Лотман, отношение взаимодозначного соответствия¹²⁸. Недаром во всех без исключения сельских местностях возникает сопряженная с их топографией топонимика в форме имен собственных, которые апеллируют и к какому-нибудь «источнику»¹²⁹, «реке»¹³⁰, «груде камней» (меже)¹³¹, «колодцу» — скажем, хорафий «Колодца смоковницы»¹³², к «серпу»¹³³, «гумну», в особенности, если оно «Старое»¹³⁴, «водяной мельнице»¹³⁵ или «хижине» («Каливе»)¹³⁶. Одновременно на памяти всплывает название виноградника «Пигадакион», буквально — виноградника «Ключиков», восходящее к уменьшительному обозначению источников. Оно, без сомнения, возникло, судя по сведениям Кефаллинского практика, благодаря местоположению названного участка

¹²⁶ Ivir. III. № 70.41; № 75.72–73; № 79.68; Ivir. IV. № 86.61.

¹²⁷ Например, см.: Ivir. III. № 70. 227; № 75.349–350; № 79.335; Ivir. IV. № 86.178–179.

¹²⁸ См.: Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. С. 54–55.

¹²⁹ Например, см.: Kefal. Pr. 689, 796, 797, 803; № 17.38; Ivir. III. № 77.179; Actes du Pantocrator / Ed. dipl. par V. Kravari. Paris, 1991. Texte (Далее — Pant.). № 16.16.

¹³⁰ Например, см.: Kefal. Pr. 597.

¹³¹ Например, см.: Kefal. Pr. 489–490, 754.

¹³² Kefal. Pr. 461.

¹³³ Например, см.: Kefal. Pr. 94, 102, 112, 182, 205, 293, 352, 353, 370, 375, 379, 387 etc.

¹³⁴ Например, см.: Kefal. Pr. 686–687, 696, 819–820, 854.

¹³⁵ Например, см.: Kefal. Pr. 499.

¹³⁶ Например, см.: Kefal. Pr. 424, 451, 465, 466–467, 472.

выше самого источника, тогда как в том же «топосе источника», на запад от него, описаны и другие земельные наделы¹³⁷. И уж не счесть числа сельских топонимов, восходящих к названию «маслина» (Ἐλαία)¹³⁸.

С другой стороны, местный житель, наверное, не мог пройти без душевного трепета мимо скалистого обрыва, получившего после удара молнии красноречивое название «Изженный молоньей» (Ἰστραποκεκαυμένος)¹³⁹. В свою очередь, обозначение хорафия Ламия, буквально — «Расселина», весьма вероятно, обязано находящейся в той же перииохи (округе) «расселине вод»¹⁴⁰. Но кто знает, не объясняется само по себе столь редкое имя собственное теми ассоциациями, которые вызывала у окрестных жителей протекающая здесь вода, то ли благодаря непрерывному ее рокоту, напоминающему им неутомимого жука-«ламия», то ли из-за формы промытой водой впадины, которую воображение средневекового человека вполне могло олицетворять с образом соименного мифологического чудовища? Помимо каких-либо мифологических или сказочных ассоциаций в душах селян сохранялись вполне определенные исторические воспоминания. И в этом смысле важна не столько достоверность топонимических данных, сколько выражение в них местных преданий, содержащих намек будь то на уже упомянутый «Болгарский курган» (Βουλγαροτόμβη)¹⁴¹ или «поминки Влахов» (τὰ μνημεῖα τῶν Βλάχων)¹⁴². Впрочем, подобные аналогии, явно схожие по своему воздействию на воображение селян, чаще всего носили сугубо приземленный характер, и потому, наверное, естественно-природные очертания обусловили обозначение морской косы «Хиры», т.е. «Свиньи»¹⁴³. И очевидно, недавние реальные события, связанные с вражескими нападениями, повлекли появление на полуострове Кассандра названия лощины «Пленника» (τοῦ Αἰχμαλώτου)¹⁴⁴.

¹³⁷ См.: Kefal. Pr. 638–639 etc.

¹³⁸ Например, см.: Vatop. I. № 43.51, 59; № 64.103, 104; Vatop. II. № 143.1; Ivir. III. № 70.215; № 75.336; № 79.319; Ivir. IV. № 86.166; Lavra II. № 90.227; № 108.293; № 109.963–964; Actes de Lavra / Ed. dipl. par P. Lemerle et al. Paris, 1979. Vol. 3: Texte (Далее — Lavra III). № 161.45.

¹³⁹ См.: Lavra II. № 90.63; № 108.186.

¹⁴⁰ См.: Kefal. Pr. 673–674, 719.

¹⁴¹ Lavra II. № 90.80; № 108.24.

¹⁴² Lavra II. № 90.65–66; № 108.198.

¹⁴³ Doch. № 20.32.

¹⁴⁴ Vatop. II. № 71.21.

В любом случае местной сельской топонимике преимущественно были свойственны черты, в большой мере сообразованные с потребностью селянина легко ориентироваться в занимаемой им среде обитания. И как проистекающее из того следствие на карте села появляются собственные названия, уточняющие содержание апеллиатива с помощью дополнительных признаков, скажем, «Малые Кунтиасты» (τοὺς μικροὺς Κουντίαστας) и в противоположность тому — «Большие Кунтиасты» (τοὺς μεγάλους Κουντίαστας)¹⁴⁵. И уже нет нужды обстоятельно рассуждать о таких названиях как Ано Хорион (Ἄνω Χωρίον), означающее буквально «Верхнее Село»¹⁴⁶. Правда, подобный прагматизм также оставляет для исследователя без ответа не один вопрос. Допустим, весьма затруднительно объяснить название типа «Маврово поле» и порою встречающиеся тому подобные топонимы¹⁴⁷. В частности, вызывает недоумение имя собственное «Маврохорион» (Μαυροχώριον), т.е. «Черное село»¹⁴⁸. Даже замечание, которое приводится в описях хориона Иериссо, о том, что здесь так называли обрабатываемую землю, не может показать достоверный смысл этого топонима¹⁴⁹. Предположение о том, что он подразумевает черноземье, навсегда останется догадкой. Словом, это название само по себе вряд ли когда-либо раскроет свою тайну. Очевидно другое — для односельчан ее не существовало, и они в повседневном общении друг с другом хорошо понимали, о чем идет речь.

Где бы и когда бы ни возникали на селе собственные названия, они, без сомнения, являлись выражением того уровня коллективного сознания, кое взывало к семиотическому пространству, как его определяет Ю.М. Лотман¹⁵⁰, социальной культуры местных селян. Яркое подтверждение тому дают воспроизводимые в документах подчас с изрядной систематичностью наряду с принятыми официально, местные, если можно так сказать, народные названия отдельных топонимов¹⁵¹. Доказательством тому служит не

¹⁴⁵ Doch. № 20.31–32.

¹⁴⁶ Например, см.: Ivir. III. № 75.167; № 79.145–146.

¹⁴⁷ Например, см.: *Острогорски Г.* Серска област после Душанове смрти. Београд, 1965. С. 24.

¹⁴⁸ Например, см.: Ivir. III. № 70.164, 225; № 75.272–273, 347–348; № 79.249, 332–333; Ivir. IV. № 86.109–110, 176–177; Xén. № 14.20; № 25.3; Lavra III. № 136.44; № 139.127.

¹⁴⁹ См.: Ivir. III. № 70.221–222; № 75.343; № 79.327–328; Ivir. IV. № 86.173.

¹⁵⁰ См.: *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. С. 163–166.

¹⁵¹ Например, см.: Lavra II. № 90.81, 104, 166–167, 248, 252–253, 260–261, 261–262; № 108.26, 50, 59, 190, 291, 316, 373, 399–400, 444, 457, 466, 480, 511, 517–518, 520, 599, 634, 642–643, 674, 715, 733, 798, 872, 896.

только находившееся на поле Меманиомену «так называемое по-местному» (οὐτωςὲς τοπικῶς λεγόμενον) местечко Сарракиникон, т.е. «сарацинское»¹⁵². И ведь это наименование отнюдь не единственный пример «местной» топонимики¹⁵³. Здесь следует вспомнить о топотесии Арсеникея, которую из-за созданного там крупного мельничного комплекса местные жители переименовали в топотесию «Мельниц»¹⁵⁴.

Подобные местные названия могли возникать в процессе синтеза греческой и славянской культурной традиций, который на примере топонимики сельских селений серро-струмского района Македонии довольно ярко осветил Г. Острогорский¹⁵⁵. К ряду таких «местных прозваний» (ἐχωρίως... λεγόμενη) относится топотесия Завалтия в хорионе Коцаки, наименование которого (τὸ χωρίον τὸ οὐτωςὲς τοῦ Κотζάκη λεγόμενον), по-видимому, также резало слух окрестных землевладельцев и чиновников, судя по пояснению, в виду своеобычности¹⁵⁶. На этом фоне название селения на Стримоне «Водича» (Βοδίτζα), кажется, оставшееся вне поля зрения югославского историка, не нуждается ни в каком пояснении¹⁵⁷. Наряду с селами свое собственное — особое название мог получить даже источник воды, как это наблюдается в Несионе на Стримоне, где афонскому монастырю Пантократора принадлежало право «...источниковой воды, называемой по-местному Воблицу» (τὴν ὑπόρεια... τοῦ πηγαίου ὕδατος τοῦ οὕτως ἐπιχωρίως λεγομένου Βομπλητζοῦ)¹⁵⁸. А это название, в свою очередь, явным образом созвучно с расположенным на Ликосхиме хорионом Воблиани (Βομπλιανή)¹⁵⁹. Совершенно своеобычное собственное название получила от местных жителей, по-видимому, большая топь или трясына (λακκόσταμα) в окрестностях Липсохориона и села Мелициани — «Древана Лукува» (Δρεβανὰ Λούκουβα), которое, судя по своему созвучию, соеди-

¹⁵² См.: Miklosich F., Müller J. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1871. Vol. 4. T. 1 (Далее — ММ. IV). 159.

¹⁵³ Например, см.: ММ. IV. 246.

¹⁵⁴ См.: Lavra II. № 109.911–912.

¹⁵⁵ Острогорски Г. Серска област. С. 52–56.

¹⁵⁶ Ivir. III. № 81.3, 14–15. На особенности названия села Коцаки и очевидно родственного тому Куцово в свое время обратил внимание Г. Острогорский. См.: Острогорски Г. Серска област. С. 52, 54. Также см.: Paysages de Macédoine. P. 177, 179.

¹⁵⁷ Ivir. III. № 74.177.

¹⁵⁸ См.: Pant. № 16.12; № 17.29–30 = ММ. II. 217.

¹⁵⁹ См.: Pant. № 16.17; № 17.40 = ММ. II. 217–218. Также см.: Paysages de Macédoine. P. 134.

нило в себе истари засвидетельствованное актами славянское и греческое имятворчество¹⁶⁰.

Наряду с природно-естественными признаками важнейшим фактором возникновения сельской топонимики, очевидно, служила производственная деятельность человека. Она находила свое прямое или опосредованное отображение независимо от положительной и, даже напротив, отрицательной оценки результатов попыток сельских тружеников изменить окружающую их среду. Показательно в этом плане название местности расположения хорафиев, принадлежавших Лавре Афанасия — Какон Трафон (Κακὸν Τράφον), т.е. говоря буквально — «Дурная канава»¹⁶¹. Схожим образом прозван местными жителями и «Дурной ручей» (Κακὸν Ῥύακα)¹⁶². В то же время периорисмы хориона Пинссон конца XIII–XIV вв. устанавливают его границы у возвышенности, где, видимо, осуществлялся выпас скота. Потому устройство здесь, наверное, навозной ямы дало основание для соответствующего имени холма, «называемого Вузиариу» (Βουζιάριου), иначе — холма «Навозника»¹⁶³.

Важнейшей чертой идентификации пространства средневекового византийского села всегда являлась антропонимика. Изучавшие общие принципы формирования личных имен обитателей византийского села французские специалисты опрометчиво упустили из поля своего зрения факты проекции антропонимических данных на топонимику¹⁶⁴. Разумеется, в первую очередь их использование, конечно, объясняет стремление жителей села обозначить с помощью своих имен или имен своих соседей принадлежность или даже права собственности на недвижимые имущества и, в особенности, земельные участки, которые были возделаны или использовались в иных хозяйственных целях. В ряду примеров такого рода могут быть отмечены, скажем, пашенные поля, виноградники или сады, а

¹⁶⁰ См.: Ivir. III. № 70.42–43; № 75.73–74; № 79.69–70; Ivir. IV. № 86.62. Также см.: Ivir. I. № 29.22; Ivir. II. № 52.530–531. Принятые объяснения см.: *Dujčev I. Slavica dans les Acta Athoa. I // Byzantinobulgarica. Sofia, 1978. Vol. V. P. 296; Brunet Fr. Sur L'Hellénisation des toponymes slaves en Macédoine byzantine // Travaux et Mémoires. Paris, 1985. Vol. IX. P. 261. Название «Лукува», возможно, восходит к группе понятий со спектром значений от «болота» до «поемного луга». Ср.: *lǫka и другие. См.: Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1990. Вып. 16. С. 141 и далее.*

¹⁶¹ Lavra II. № 101.13.

¹⁶² Lavra II. № 108.443–444.

¹⁶³ Lavra II. № 90.7–8; № 108.108.

¹⁶⁴ Подробнее см.: *Anthroponymie et société. P. 225–238.*

также, допустим, гумно, мельница и тому подобные объекты сельскохозяйственного предназначения¹⁶⁵. С помощью личных имен держателей составители описей отмечали даже рвы, разделявшие земельные участки в поле¹⁶⁶. А в некоторых случаях подобные сведения касались непосредственно усадьбы (καθῆδρα) с жилищем¹⁶⁷.

Подчас в поземельных описях личное имя землевладельца и держателя земельного участка сопровождало указание их социального статуса. С наибольшей последовательностью, кажется, этот принцип соблюдался в отношении париков¹⁶⁸. Или, по крайней мере, делалась ссылка на место жительства¹⁶⁹. В конечном счете, идентификация земельного надела по личному имени происходила и в случаях, опосредованных близостью с соседним участком, т.е. по имени соседа¹⁷⁰.

Принятая система атрибуции недвижимости по личному имени владельца прослеживается также и в процессе разграничения юридических прав собственности (τὰ δίκαια). Правда, тогда ссылки на имена париков могут частично деперсонифицироваться, иначе

¹⁶⁵ Например, см: Lavra II. № 90.74, 297, 338, 344–345, 346, 366; № 108.13, 140, 142 etc., 159, 224–225, 226, 437, 639, 650, 669, 670, 840–842, 849; Ivir. III. № 70.161, 162, 163, 164, 168, 170, 173, 189, 192, 193, 194, 196, 197, 199, 202, 204, 205, 206, 207, 216, 217, 218, 218–219, 223–224, 328 etc., 392, 395, 396, 397, 399; № 75.267–268, 269, 270, 271–272, 274, 277, 283, 303, 309, 310, 312, 313, 316, 319–320, 321, 322–323, 324, 325, 326, 333–334, 337, 338–339, 340, 345, 350, 359–360, 447 etc., 523, 526–527, 528, 529–530; № 79.243, 245, 246, 248, 248–249, 250, 253, 256, 260, 282, 286, 288–289, 291, 292–293, 297, 300–301, 302, 303–304, 305, 306–307, 308, 320–321, 322–323, 324, 330, 434, 437 etc., 512–513, 516, 518, 519, 521, 530; Ivir. IV. № 86.105, 107, 109, 111, 113, 116, 119, 138, 141–142, 143, 145, 146, 149, 152–153, 154, 156, 157, 157–158, 167, 169, 170, 175, 179, 340–341 etc., 401, 404, 405, 406, 408, 415; Vatop. II. № 81A.27, 28, 33, 34, 35, 36, 37, 39; № 81B.14, 15, 21, 22, 23, 27, 32–33.

¹⁶⁶ Например, см.: Lavra II. № 90.73–74, 141 etc., 172; № 108.14, 134–135, 143, 224–225 etc., 277, 870–871; Ivir. III. № 70.326 etc., 392, 397; № 75.447 etc., 522–523; № 79.434 etc., 512–513, 519, 529–530; Ivir. IV. № 86.340 etc., 406.

¹⁶⁷ Например, см.: Lavra II. № 90.181, 201; № 108.40–41, 341–342, 431, 585–587, 914; Ivir. III. № 70.114, 191–192; № 75.216, 306–307; № 79.285, 552; Ivir. IV. № 86.140–141, 296–297, 427.

¹⁶⁸ Например, см.: Lavra II. № 90.17–18, 148 etc., 164, 213–214, 216, 259; № 108.124–125, 277, 386, 869; Ivir. III. № 70.326, 330–331; № 75.447–448; № 79.434–435; Ivir. IV. № 86.340–341.

¹⁶⁹ Например, ср.: Lavra II. № 90.150 — Lavra II. № 108.224–225.

¹⁷⁰ Например, ср.: Lavra II. № 90.374–375; Lavra II. № 108.528, 529, 530, 535–536, 537 etc., 556 etc., 735 etc., 750 etc., 763 etc., 768, 789 etc.; Ivir. III. № 70.229–230 etc., 239–240 etc., 439–440 etc.; № 75.284 etc., 353–353 etc., 582 etc.; № 79.338–339 etc., 350 etc., 570 etc.; Ivir. IV. № 86.181–182 etc., 187–188 etc., 343–344; Vatop. II. № 82. 18 etc.

говоря, указываются только их родовые прозвания в обобщенной форме, а сама их идентификация дополняется собственным именем их господина, как это видно на примере собственных прав поселка-катедры Калиптинов (τῶν Καλιπτῆριῶν), париков некоего Исавра¹⁷¹. Известны множество документальных примеров, в том числе заимствованных из практиков и поземельных описей, «прав» частных лиц¹⁷². Однако сравнение их имен показывает, что их большая часть в поздневизантийской деревне относится к прониарам, сановникам и должностным лицам, о чем говорят соответствующие атрибуты их владельческих «прав»¹⁷³.

Между тем, с точки зрения восприятия односельчанами окружавшего их пространства наиболее выразительны данные антропонимики обобщенно-собирающего характера. Они, как правило, восходят к именам собственным, преимущественно к названиям, скажем, сел и монастырей, чьи совместно проживавшие насельники формировали на протяжении десятилетий устойчивые группы жителей. К их нарицательным обозначениям, таким как, скажем, «иериссиоты» — от названия хориона Иериссо, под которыми подразумевались обитатели этого села, в частности, парики — составители фискальной документации прибегали при необходимости обозначения владельческой принадлежности недвижимости и тому подобных топографических объектов¹⁷⁴. Зачастую же подобная собирающая антропонимика документов, и в первую очередь поземельных описей, бывает соотнесена с обозначением «прав» собственности (τὰ δίκαια). При этом, купно указывались поземельные владения не только монастырей, но и жителей сел¹⁷⁵. Их нарицательные обозначения, «вторично» прилагаемые к топографическим опи-

¹⁷¹ Lavra II. № 108.756–757.

¹⁷² Например, см.: Lavra II. № 90.205, 218, 228, 235 etc., 289; № 108.38 etc., 44, 219 etc., 294 etc., 313 etc., 432, 462 etc., 822; Ivir. III. № 70.194, 346, 352, 398, 408 etc., 448; № 75.309–310, 474, 481, 544 etc.; № 79.270, 278, 459; Ivir. IV. № 86.360, 361, 367, 420; Vatop. II. № 82.51, 66, 74.

¹⁷³ Например, см.: Lavra II. № 90.139, 141, 144, 147, 159–160, 184, 196 etc., 208–209 etc., 221, 242, 245–246, 280, 283, 373, 374; № 108.110, 213, 216–217, 239 etc., 259 etc., 272 etc., 349 etc., 364–365 etc., 369–370 etc., 419, 422, 429–430 etc. 476–477 etc.; Ivir. III. № 70.42–443; № 75.586, 591–592; Vatop. II. № 81A.32, 36; № 81B.20, 24; № 82.15–16, 91 etc.

¹⁷⁴ Например, ср.: Lavra II. № 90.302, 322–324, 327, 367; № 108.708, 718; Ivir. III. № 70.169; № 75.278; № 79.255; Ivir. IV. № 86.115.

¹⁷⁵ Например, см.: Lavra II. № 90.240 etc., 283 etc.; № 108.363 etc., 379–380 etc., 419 etc., 844 etc.

саниям, в ряде случаев превращались в фактически новые подлинные топонимы, наподобие ведущих от названий сел «Аврамитов» (τῶν Ἀβραμίτων), «Дримоситов» (τῶν Δριμοσίτων), «Иерисситов» (τῶν Ἰερυσσιωτῶν), «Мистаконов» (τῶν Μυστακῶνων), «Стриммонитов» (Στρυμμοιτοῦς), «Хлиаропотаминов» (τῶν Χλιαροποταμινῶν) и, надо думать, многих других¹⁷⁶.

Топонимы, возникавшие, как показано, на основе антропонимики независимо от того, восходили ли они к личным именам индивидов или к собирательным их обозначениям, изначально появлялись в тех частях территории села, которые так или иначе были обжиты и введены в хозяйственный оборот прежде всего посредством строительства домов и подсобных построек, проведения земледельческих работ и животноводства. Но с течением времени персонифицируемая топонимика распространялась и на периферию сельской территории, практически не отделенную от «дикой природы». Здесь с течением времени также приживаются новые антропонимичные названия, которые прилагались, что важно подчеркнуть, не к хозяйственным, а естественно-природным объектам. В их числе примером служат и «ручей, зовомый Феодоры»¹⁷⁷, высохший ручей Захария¹⁷⁸ и ручей Курвоелены¹⁷⁹. Равным образом могут быть названы ключ Гостилы¹⁸⁰ и ключ Тараса¹⁸¹, а также «источник, зовомый Михаила»¹⁸². Наиболее показательным сравнение топонимов в окрестностях хориона Гомату, сопряженных с именем некоего обитателя Петрилы. Среди них следует отметить не только гумно Петрилы¹⁸³, но и «укорененную великую скалу, которая называется “Оплот Петрилы” (τοῦ Πετρίλα τὸ Πρόκιμμα)»¹⁸⁴.

Словом, процесс «имянаречения» окрестностей селений, несомненно, продолжавшийся многие годы, по сути отображает, фигурально говоря, «приватизацию» социокультурного пространства

¹⁷⁶ Например, см.: Lavra II. № 90.158, 263–264, 276–277, 283 etc., 323; № 108.380 etc., 410 etc., 423 etc., 462 etc., 708, 722, 861 etc.; Ivir. III. № 70.169, 180–181, 186–187; № 75.278, 292, 300, 466; № 79.255, 270, 278, 452; Ivir. IV. № 86.127, 134–135, 354.

¹⁷⁷ Lavra II. № 90.364.

¹⁷⁸ Lavra II. № 108.594.

¹⁷⁹ Ivir. III. № 70.180; № 75.291; № 79.269; Ivir. IV. № 86.127.

¹⁸⁰ Lavra II. № 90.305; № 108.620.

¹⁸¹ Lavra II. № 108.793.

¹⁸² Vatop. II. № 82.68.

¹⁸³ Lavra II. № 108.607.

¹⁸⁴ Lavra II. № 108.605.

селян. Она сопутствовала восприятию в общественном сознании тех бытовых представлений и настроений, которые реализуются в форме топонимов по мере того, как происходило успешное хозяйственное освоение односельчанами территории их родного села.

Как показано на примерах курганов-«*τύμβη*» и других проблемных описаний сельских территорий, далеко не все вопросы, связанные с восприятием средневековыми жителями села окружающего их пространства, решаются с непрекословной однозначностью. В итоге все отмеченные способы топографических описаний выступают важным компонентом более широких топологических представлений, посредством которых в общественном сознании достигается иерархизация социального пространства деревни. Недаром представления селян об основном месте их проживания обрастают многочисленной терминологией, отображающей складывание на территории села различных хозяйственных и административно-правовых образований, начиная с «периохи» (*περιοχή*) — собственно обозначения территории хориона. В использованных примерах упоминаются также «топотесия», «топос», «катедра» (усадьба), а кроме них следует, конечно, назвать «стась» (*στάσις*) — «хозяйство», а также многочисленные названия разного рода господских имений и поселков. Наконец, к этой понятийно-терминологической «лестнице» присовокупляются, как было показано, представления византийцев о правах собственности (*τὰ δίκαια*) как претворения в повседневной жизни юридических отношений в их самом общем виде¹⁸⁵. И в этой многоступенчатой структуре чрезвычайно подвижных и переменчивых названий наряду с обозначениями различных административных городских центров и сельских селений, включая поселки и хутора, равно и всех иных естественно-природных топонимических объектов, заметная доля которых благодаря антропонимике приписана человеку и созданным им коллективам, находит свое место и «хорион», и, как было показано, близкая ему по социокультурной значимости «хора». Конечно, порою «хорион» уступает многим другим пространственным объектам, подчас даже пиргам, так называемым жилым башням. Тем не менее, в общественном сознании и «хорион», и столь же важная в глазах византийцев по

¹⁸⁵ Подробнее см.: *Вин Ю.Я.* К вопросу о социально-экономическом содержании термина «*τὰ δίκαια*» византийских документов: основные направления исследования // *Российское византиноведение: итоги и перспективы.* М., 1994. С. 34–36.

своей социокультурной роли «хора» выступают в качестве главных пространственных ориентиров в социальном мире селян. А многовековая преемственность бесчисленной сельской топонимики прямо или косвенно подтверждает справедливость постулата о сопряженности пространственно-временных представлений средневекового человека.

С.М. Каитанов

О ЗЕМЕЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЯХ БЕЛОЗЕРСКИХ КНЯЗЕЙ В ПОШЕХОНЬЕ*

По актам XVI в., дошедшим в составе копийной книги Павлова Обнорского монастыря 1684 г.¹, можно судить о землевладении ряда княжеских фамилий, принадлежавших к роду белозерских князей. В этих документах получили отражение факты поступления в Павлов монастырь родовых вотчин князей Шелешпанских, Сугорских, Кемских, Угольских и Дябринских.

Согласно родословцам XVI в., князья Шелешпанские (Шелешпальские, Шелешперские) выделились в особую фамилию на XVI колене от Рюрика. Они ведут свое начало от кн.** Афанасия Васильевича, сына Василия Романовича, представлявшего XV колено и жившего в конце XIV в. Брат Афанасия Васильевича, кн. Семен Васильевич, считается родоначальником Сугорских и Кемских². Таким образом, эти фамилии также возникли на XVI колене от Рюрика, т.е. не раньше конца XIV — начала XV в. Князья Угольские — одна из поздних ветвей князей Шелешпанских, происходящая от Дмитрия Ивановича Судницы (XVIII колено от Рюрика). Дмитрий Судница был сыном Ивана Афанасьевича и внуком упомянутого выше

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №05-06-80059-а).

** В работе приняты следующие сокращения: в. — верста; г — город; д. — деревня; кн. — князь; кнг. — княгиня; поч. — починок; пуст. — пустошь; р. — река; рч. — речка; с. — село; сц. — сельцо.

¹ Гос. музей-заповедник Ростовский Кремль (далее — ГМЗРК). № Р-169. Всего в книге 84 документа, 16 из них изданы нами: *Каитанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 452–453. № 67; *Он же.* Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 139–165. № 1–15. Весь состав копийной книги описан по главам в статье: *Каитанов С.М., Столярова Л.В.* Копийная книга актов Павло-Обнорского монастыря // История и культура Ростовской земли 2001. Ростов, 2002. С. 373–391.

² См., например: Новые родословные книги XVI в. / Введение М.Е. Бычковой // Редкие источники по истории России. М., 1977. [Ч.] 2 (далее РИ-2). С. 160.

Афанасия Васильевича. Первым собственно Угольским князем являлся сын Дмитрия Судницы Константин Дмитриевич (XIX колена от Рюрика)³. Происхождение князей Дябринских в родословцах XVI в. и в «Бархатной книге» XVII в. не зафиксировано.

Документальных свидетельств о землевладении родоначальников названных фамилий в нашем распоряжении нет. В актах копийной книги Павлова Обнорского монастыря дело касается земельных вкладов более поздних представителей княжеских династий Шелешпанских, Сугорских и др. Локализация их вотчин была впервые произведена нами в устном сообщении (докладе) на Ростовской конференции 2003 г.⁴, а затем закреплена в тексте тезисов Пашутиных чтений 2006 г.⁵ Настоящее исследование содержит наиболее полную аргументацию наших первоначальных и последующих наблюдений относительно местоположения владений белозерских князей в Пошехонье.

Начнем с рассмотрения сведений, касающихся вкладов князей Шелешпанских. В жалованной грамоте Ивана IV Павлову монастырю от 11 февраля 1546 г. упоминается, что при Василии III, т.е. в промежутке между 1505 и 1533 гг., «князь Семень Шелешпалскои» «имъ дал по душе» земли «в Белозерскомъ уезде в Шелешпалех»⁶. Под Семеном Шелешпальским подразумевается, видимо, кн. Семен Андреевич Шелешпанский, младший (третий) сын кн. Андрея Юрьевича Шило. Он принадлежал к XX колону от Рюрика⁷; умер бездетным⁸. Его бездетностью, видимо, и определялась передача родовых вотчин в монастырь.

³ Там же. С. 161.

⁴ Доклад назывался «О пошехонских князьях в XVI в.» — см.: История и культура Ростовской земли 2003. Программа научной конференции, посвященной 120-летию основания музея и 160-летию И.А. Шлякова. Ростов, 2003. С. 4. Доклад был произнесен на пленарном заседании не 13 ноября, как значится в программе, а 11 ноября 2003 г.

⁵ *Капитанов С.М.* О владениях белозерско-пошехонских князей // ВЕДС. М., 2006. XVIII: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. С. 93–95.

⁶ *Капитанов С.М.* Из истории. С. 155. № 12.

⁷ См.: Родословная книга // Временник имп. Моск. общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. X. Материалы (далее — Временник-X). С. 42; РИ-2. С. 161; Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... которая известна под названием Бархатной книги. М., 1787 (далее — РККИД). Ч. II. С. 170; *Долгоруков П.[В.]* Российская родословная книга. СПб., 1854. Ч. I. С. 226. № 12; *Петров П.Н.* История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. I (переиздание: М., 1991. Кн. 1). С. 309.

⁸ *Петров П.Н.* История родов. Кн. 1. С. 309.

Вклад кн. С.А. Шелешпанского состоял из девяти деревень (Токарево, Высокое, Инжевар, Подорванное, Грибунино, Конанцово, Вараково, Власово, Боранцово) и трех починков (Матвеев на Хресцах, Любилов и Красное). Деревня Инжевар приобрела позднее статус села. В дозорных, писцовых и переписных книгах 1619–1646 гг. с. Инжевар всегда указывается во главе того комплекса земель, основой которого послужил вклад кн. С.А. Шелешпанского. В XVII в. эти владения числились уже не «в Белозерскомъ уезде в Шелешпалех», а в Ухтомской волости Пошехонского уезда. Согласно писцовым описаниям первой половины XVII в., с. Инжевар, деревни Токарево, Грибунино, Конанцово, Подорванова, Вараково были расположены на р. Ухтоме⁹. Такое же указание имеется в отношении церковной д. Высокой¹⁰. В одном случае д. Конанцово показана не на р. Ухтоме, а «на суходоле»¹¹. Деревня Боранцово в описаниях XVII в. не упоминается. Зато в них постоянно говорится о д. Борисово (Борисово) на р. Ухтоме¹². Починок Матвеев на Хресцах превратился сначала в пуст. Хресцы¹³, а затем в д. Кресцы (Грящи)¹⁴. Деревня Власово в 1619/20 г. была пустошью¹⁵, но к 1631 г. возродилась как деревня¹⁶. Местоположение Хресцов и Власова в писцовых материалах не уточняется. Между тем поч. Любилов, ставший д. Любимово (Любилово), всегда фигурирует как находящийся «на ручью»¹⁷. Название «Красное» в перечне деревень и пустошей рассматриваемого комплекса в описаниях XVII в. не встречается.

Основная часть селений, полученных Павловым монастырем от кн. С.А. Шелешпанского, сохранила прежние названия в XIX–XX вв. В «Списке населенных мест» Ярославской губернии упоминаются казенные деревни Грибунино, Вараково, Высоково, Токарево, Подорваново при р. Ухтоме в 47–50 в. к северо-востоку от г. Пошехони (соврем. Пошехонье)¹⁸. Казенная д. Любилово показана в «Списке»

⁹ ГМЗРК. № Р-169. Л. 171 об.–174, 185 об.–186, 190–191 об., 242 об.–245.

¹⁰ Там же. Л. 190 об. (сотная 1631 г.).

¹¹ Там же. Л. 192 (сотная 1631 г.).

¹² Там же. Л. 173 об., 186, 192, 244 об.

¹³ Там же. Л. 174.

¹⁴ Там же. Л. 245.

¹⁵ Там же. Л. 174 об.

¹⁶ Там же. Л. 193 об.

¹⁷ Там же. Л. 173 об., 186, 192 об., 245.

¹⁸ Ярославская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1865 (далее — СНМ Яр.). № 5355, 5357–5360.

на р. Людинке, в 50 в. к северо-востоку от г. Пошехони¹⁹, хотя в писцовых описаниях XVII в. одноименная деревня помещалась «на ручью»²⁰. Это расхождение в информации источников XVII и XIX вв. не мешает, однако, думать, что речь в них идет об одном и том же месте.

В СМ Яр. мы находим также «Инжеверово (Инжарово)» — погост «при колодце», в 40 в. к северо-востоку от г. Пошехони²¹. Наличие в нем православной церкви свидетельствует о том, что в прошлом это было село. Земли с. Инжевар граничили в XVI–XVII вв. с землями с. Кукобой, расположенного на р. Ухтоме, в 3 км к северо-востоку от Токарева. Межа шла «от реки Ухтомы и до поперечные речки Люденги до становищ и Уголские дороги»²², т.е. земли с. Инжеварово и тянувших к нему деревень находились в районе к востоку от р. Люденги (соврем. Людинка), правого притока Ухтомы.

На карте 1997 г. Инжевар отсутствует²³. На генеральных планах Пошехонского уезда 1792 и 1799 гг. с. Инжеверово (Инжеворово) показано возле устья рч. Инжеровки (или ручья Инжеровского)²⁴. Эта речка впадает в Ухтому справа, с севера. Инжеворово находилось на левом, восточном берегу ручья. Далее к востоку от Инжеворова лежат деревни Высокая при Ухтоме (ее тоже нет на карте 1997 г.) и Токарево. На правом, западном берегу ручья Инжеровского, напротив с. Инжеворова, расположена д. Подорваново. Деревня Любилова, отсутствующая на карте 1997 г., показана на планах XVIII в. к западу от Варакова и северо-востоку от Погорелки, на левой (восточной) стороне р. Люденги (правый приток Ухтомы).

Владения С.А. Шелешпанского начинались восточнее Людинки и тянулись по правой стороне р. Ухтомы в такой последовательности с запада на восток: Любилова — Вараково — Грибунина — Подорванова — Инжеворово — Высокая — Токарево. Расстояние от Любиловой до Токарева — около 4 в. Судя по карте 1997 г., от Варакова до Грибунина — 0,4 км, от Грибунина до Подорванова —

¹⁹ Там же. № 5422.

²⁰ Ср. выше, примеч. 17.

²¹ СМ Яр. № 5406.

²² ГМЗРК. № Р-169. Л. 210; ср.: Л. 210 об. (гл. 47. Полюбовная межевая 1677 г.).

²³ См.: Ярославская область. Топографическая карта. Масштаб 1 : 200000. М., 1997 (далее — Карта Яр). Л. 11.

²⁴ РГАДА. Ф. 1356 (Губернские и уездные планы и атласы). Оп. 1. № 6665, 6667.

0,6 км, от Подорванова до Токарева — 1 км. По атласам XVIII в., от Любиловой до Варакова — 0,8 в., от Варакова до Грибунина — 0,44 в., от Грибунина до Подорванова — 0,48 в., от Подорванова до Инжеворова — 0,32 в., от Инжеворова до Высокой — 0,4 в., от Высокой до Токарева — 0,28 в.

Кроме владений кн. Семена Андреевича, Павлов монастырь приобрел в XVI в. земли, принадлежавшие его старшему брату — кн. Ивану Андреевичу Голове Шелешпанскому. О служебной деятельности последнего сохранились скудные сведения. В разрядных книгах он упомянут в числе постельников, сопровождавших Ивана III в Новгородском походе 1495 г.²⁵ П.Н. Петров считал И.А. Шелешпанского бездетным²⁶, но из актов Павлова Обнорского монастыря мы знаем, что у него была дочь Мария Ивановна. Именно ей он дал в приданое свои родовые вотчины, когда она выходила замуж за кн. Ивана Андреевича Дябринского. После смерти мужа Мария Ивановна, будучи вдовой и имея взрослых сыновей, отдала свою приданую вотчину «в Пошехонье в Шелешпале» Павлову Обнорскому монастырю. Вклад был сделан ею в два приема: в 1563/64 г. в монастырь поступили деревни Васюково, Кузнецово, Андроново, Ивановское и поч. Катафанов²⁷, в 1567/68 г. — сц. Крутое, деревни Юково, Пантелеево, Беляевское, Погорелка, Дядинское, Ченково, Сальково, Онтипино, Парфеново, Гаврилово, Малино, Олешино и пуст. Олюнино²⁸. В межевой памяти от 1 мая 1564 г., составленной по указанию кн. Андрея Ивановича Дябринского, сына кнг. Марии Ивановны, для фиксации границ ее первого вклада, говорится, что «она дала в Павловъ монастырь по душе шесть деревень да починок»²⁹, хотя в грамоте Марии 1563/64 г. названы всего четыре деревни и починок. Дополнительно в межевой памяти 1564 г. указана д. Михалева³⁰.

В писцовых материалах первой половины XVII в. многие объекты вклада кнг. Марии Ивановны показаны «на речке на Люденге».

²⁵ Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подг. текста, вводная ст. и редакция В.И. Буганова. М., 1966 (далее — РК 1475–1598 гг.). С. 26 («Брат Голова Ондреев сын Шелешпанского»). О месте Ивана Андреевича в родословии Шелешпанских см.: Временник-Х. С. 42; РИ-2. С. 161; РККИД. Ч. II. С. 170; *Долгоруков П.[В.]* Российская родословная книга. Ч. I. С. 225. № 10; *Петров П.Н.* История родов. Кн. 1. С. 209.

²⁶ *Петров П.Н.* История родов. Кн. 1. С. 209.

²⁷ ГМЗРК. № Р-169. Гл. 49. Л. 224–225 об. (см. ниже: Приложение, док. № 7).

²⁸ Там же. Гл. 50. Л. 225 об.–228 (см. ниже: Приложение, док. № 9).

²⁹ Там же. Гл. 54. Л. 231 об.

³⁰ Там же (см. ниже: Приложение, док. № 8).

Это деревни Парфеново, Гавриловская (Гаврилково тож), Андроновская, Оленино (Алешино тож), Малино³¹, Погорелка³², Салково³³, Антипино, поч. Конанов или д. Конаново³⁴ (может быть, бывший поч. Катафанов?)³⁵. Деревня Дядинское в дозорных книгах 1619/20 г. значится «на суходоле»³⁶, а в сотной 1631 г. и переписных книгах 1645/46 г. — на рч. Люденге³⁷. Имеются расхождения и в локализации сц. Крутого. Дозорные книги 1619/20 г. помещают его на рч. Люденге³⁸, а сотная 1631 г. и переписные книги 1645/46 г. — на рч. Юковке³⁹. На Юковке же показана и д. Юково в переписных книгах 1645/46 г.⁴⁰

Деревня Васкова (вероятно, тождественная Васюкову грамоты 1563/64 г.) в описаниях XVII в. всегда указывается на р. Ухтоме⁴¹. На Ухтоме находилась и пустошь (затем деревня) Вертково, Кузнецово тож⁴², которую можно отождествить с Кузнецовым грамоты 1563/64 г. Деревня Ивановская, являвшаяся в 1619/20–1631 гг. пустошью, а в 1645/46 г. починком, также значится на р. Ухтоме⁴³. В указной грамоте царя Алексея Михайловича 1649 г. упоминается (со ссылкой на писцовые книги 1628/29–1629/30 гг.) пустошь, «что была деревня» Ивановская «на речке на Ухтоме и на Индруксье»⁴⁴. Она относилась к с. Крутому. На Ухтоме находилась еще пуст. Михалева⁴⁵. По-видимому, она тождественна д. Михалевой межевой памяти 1564 г.

В сотной 1631 г. упоминаются «пуст., что была д. Беляевская на речке на Олюнинке»⁴⁶ и вслед за ней — «поч. Олюлино»⁴⁷. Затем

³¹ Указаны на рч. Люденге в большинстве описаний.

³² Указана на рч. Люденге в сотной 1631 г. (ГМЗРК. № Р-169. Л. 197).

³³ Указано на рч. Люденге в сотной 1631 г. (Там же. Л. 197 об.).

³⁴ Антипино и Конаново указаны на рч. Люденге в сотной 1631 г. и в переписных книгах 1645/46 г. (Там же. Л. 195, 246–246 об.).

³⁵ В сотной 1631 г., помимо поч. Конанова, упоминается еще пустошь, что была д. Дунякова, Дунайка, а Катаринка тож, на рч. Людинге (Там же. Л. 197). Едва ли эта «Катаринка» может быть отождествлена с поч. Катафановым.

³⁶ Там же. Л. 176.

³⁷ Там же. Л. 194 об., 246.

³⁸ Там же. Л. 175, 186 об.

³⁹ Там же. Л. 194, 245 об.

⁴⁰ Там же. Л. 246.

⁴¹ Там же. Л. 175, 186 об., 196, 247.

⁴² Там же. Л. 196 об., 247 об.

⁴³ Там же. Л. 196 об., 245 об.

⁴⁴ Там же. Л. 222 об.

⁴⁵ Там же. Л. 197.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Л. 197 об.

тут указываются «пуст., что была деревня Пантелеевская, Пантелеево тож, на суходоле; пуст., что была деревня Ченково, Челньково тож, на суходоле»⁴⁸. Это объекты, поступившие в монастырь по грамоте кн. Марии 1567/68 г., в которой фигурируют среди прочих деревни Беляевское, Пантелеево, Ченково и пуст. Олюнино.

В «Списке» XIX в. при р. Людинке показаны казенные деревни Беляевская, Погорелка, Алешино, расположенные в 47–48 в. к северо-востоку от г. Пошехони, по правую сторону р. Ухтомы⁴⁹. Рядом с ними значатся казенные деревни Олюнино, Парфеново, Гаврилово, Малино, Дядинская, Сальково и Ченково — каждая «при колодце»⁵⁰. Величина их удаленности от г. Пошехони — 48–51 в. Перед д. Беляевской в «Списке» упоминается Крутово при ручье безымянном, погост с церковью, в 41 в. от г. Пошехони⁵¹.

На современной карте Крутова нет, но ряд других поселений присутствует. Севернее всех расположены Ченково (на правом берегу Людинки) и Сальково (на левом берегу той же реки, напротив Ченкова). В 0,6 км к юго-западу от Ченкова находится Дядинское, по правую сторону Людинки. В 1–1,2 км к югу от Дядинского мы видим Малино на левом берегу Людинки и Алешино на ее правом берегу. В 0,8 км южнее Алешина лежит Беляевское на правом берегу Людинки и еще южнее, в 0,2 км от Беляевского, — Погорелка на левом берегу Людинки. В 0,5 км к западу от Беляевского находится Олюнино. Беляевское и Олюнино показаны на берегах некоего полувывсохшего ручья, отмеченного пунктиром. Вероятно, это и есть рч. Олюнинка, упомянутая в сотной 1631 г. Она является правым притоком Людинки.

На генеральном плане Пошехонского уезда 1799 г. д. Олюнино помещена в устье Люденги, на ее левом, восточном берегу, возле р. Ухтомы. Деревня Беляевское находится на противоположном, правом берегу Люденги, в 0,44 в. к северо-западу от д. Олюниной, немного южнее устья рч. Олюгинки, впадающей в Люденгу с западной стороны, справа по течению последней. Напротив Беляевской, на левом берегу Люденги, лежит д. Погорелка⁵². Таким образом, расположение Беляевской и Погорелки на плане 1799 г. соответствует расположению их на карте 1997 г., в то время как

⁴⁸ ГМЗРК. № Р-169. Л. 197 об.

⁴⁹ СМН Яр. № 5412, 5413, 5415.

⁵⁰ Там же. № 5414, 5418–5421, 5423, 5426.

⁵¹ Там же. № 5411.

⁵² РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. № 6667.

локализация Алюнина на плане 1799 г. принципиально отличается от ситуации на карте 1997 г.

На плане 1799 г. в 0,68 в. к востоку от Алюнина в правобережье Ухтомы показана д. Михалева, а в 1,52 в. к юго-западу от Алюнина — д. Ивановская, тоже в правобережье Ухтомы, на левом, восточном берегу р. Индрохоти, впадающей в Ухтому справа. В 0,32 в. к северо-западу от Ивановской, на том же берегу Индрохоти, находится Новинка. По СНМ Яр. д. Ивановская может быть отождествлена с казенной д. Малой Ивановской при р. Ухтоме, в 45 в. к северо-востоку от г. Пошехони⁵³, д. Новинка — с казенной д. Новинки при р. Ухтоме, в 47 в. от г. Пошехони⁵⁴, д. Михалева — с казенной д. Михалево при р. Ухтоме, в 48 в. от г. Пошехони⁵⁵. Из этих трех деревень на карте 1997 г. имеется только Новинка.

Река Индрохоть плана 1799 г. есть не что иное, как рч. Индрукса (Индрокса) документов XVI–XVII вв. О расположении д. Ивановской «на речке на Ухтоме и на Индрукъсе» говорится в указной грамоте царя Алексея Михайловича 1649 г.⁵⁶ Речка Индрукса (Индрокса) фигурирует еще в межевой памяти 1564 г., также в связи с Ивановской землей: «...деревню Михалеву, от нашии старые деревни от Борисовские межа по реке по Ухтоме вниз до Ивановские земли до Каменного врага вверх меж Вольновым и Ивановскимъ до болотца, да попошедчи вверх с полгонъ, да поворотить направо к Новинкам на старое осечищо да на Индроксу реку на бохоть под Новиньками, да прелетши через речку, да по осеку до ручья, да повернути вверх ручьемъ меж Ивановским и Новинкою...»⁵⁷.

Фигурирующий в межевой памяти ручей «меж Ивановским и Новинкою» мог быть только левым (восточным) притоком Индроксы (Индрохоти).

Судя по межевой памяти, южная граница владения, полученного монастырем в 1564 г., шла все время по р. Ухтоме, с северо-востока на юго-запад. Деревня Михалева, упомянутая в начале описания межи, располагалась на р. Ухтоме. Она соседствовала с отсутствующей на картах и в СНМ Яр. д. Борисовской, которую кн. А.И. Дябринский, сын кнг. Марии Ивановны, называл в 1564 г. «нашею старой деревней». В XVII в. она определенно принадле-

⁵³ СНМ Яр. № 5353.

⁵⁴ Там же. № 5354.

⁵⁵ Там же. № 5356.

⁵⁶ ГМЗРК. № Р-169. Гл. 49. Л. 222 об.

⁵⁷ Там же. Гл. 54. Л. 231 об.–232 (см. ниже: Приложение, док. № 8).

жала Павлову монастырю и находилась на р. Ухтоме — возможно, восточнее д. Михалевой.

Цель межевой памяти 1564 г. состояла в том, чтобы очертить границу всего комплекса владений, полученных монастырем по данной грамоте 1563/64 г. Поэтому в ней не описывается межа каждой деревни отдельно, а характеризуется направление кривой, огибающей комплекс в целом. Начав с д. Михалевой, межевщик сразу же переходит к земле д. Ивановской, рассматривая ее как продолжение земли д. Михалевой (расстояние между Михалевой и Ивановской — 2,32 в.). В межевой указывается не граница между ними, а тот поворот, где находилась западная оконечность д. Ивановской — Каменный враг (овраг), отделявший Ивановское от Вольнова, которое не входило в состав комплекса. По Каменному врагу от р. Ухтомы поднимались «вверх», на север, и затем поворачивали на запад, к рч. Индроксе, которую пересекали ниже (южнее) Новинок.

Оставив Новинки в стороне (они не принадлежали к составу отчуждаемого комплекса земель), шли далее (на восток?) до ручья, протекавшего между Ивановским и Новинками. По ручью следовало идти «вверх» (вероятно, на север или северо-восток) до ельника «меж Кузнецовымъ и Ивановскимъ, до дороги до зимние». В материалах XVII в. пуст. (деревня) Вертково-Кузнецово значится при р. Ухтоме. Логично было бы поэтому думать, что Кузнецово находилось к востоку от Ивановского. Вместе с тем Кузнецово каким-то образом граничило еще и с Новинками, а также с неизвестными нам по СНМ и картам Батмановым и Вором. В межевой памяти 1564 г. упоминаются два Кузнецовских поля, расположенные, видимо, не рядом друг с другом.

От второго Кузнецовского поля шли «меж Новинкою и Батмановым и Кузнецовымъ», достигая некой пустоши, близкой к Вору. Вор не входил в состав отчуждаемого комплекса. Его владельческая принадлежность в грамоте не указана. Идя «по заборуду меж Воромъ и Кузнецовымъ», доходили до Васковского поля. Васково (Васюково) передавалось Павлову монастырю по данной грамоте кнг. Марии Ивановны 1563/64 г. В писцовых материалах XVII в. оно упоминается всегда как расположенное при р. Ухтоме. Предполагаем, что его следует локализовать где-то восточнее Кузнецова. О близости Васкова к Новинкам или Ивановскому в межевой 1564 г. ничего не говорится. Значит, оно было отделено от них землями д. Кузнецово.

Вместе с тем речь идет об «огороде» «меж Олюниным и Васковым». Возможно, имелись в виду земли д. Алюнина, расположенные не на левом берегу Люденги, где находилась, судя по плану 1799 г., сама деревня, а на правом (о переходе через Люденгу в межевой ничего не говорится). Васковское поле, очевидно, соприкасалось с правобережными землями д. Алюнино (Олюнино).

В 1563/64 г. Олюнино еще не отчуждалось монастырю (оно поступило в состав монастырских владений лишь в 1567/68 г.). Поэтому в 1564 г. было нужно указать границу между землями Васкова, становившегося монастырской деревней, и Олюнина, остававшегося деревней княжеской. От Олюнина следовало отмежевать и земли д. Андропова, переходившей к монастырю в 1563/64 г. По писцовым материалам XVII в. д. Андропова локализуется «на речке на Люденге», скорее всего, к северу от Васкова и Олюнина. Из текста межевой памяти 1564 г. видно, что Андропова располагалось вблизи деревень Васкова, Олюнина и поч. Катафанова. Последний граничил с Андроновым и Беляевским.

В 1563/64 г. поч. Катафанов был отдан монастырю, а д. Беляевское оставалась еще во владении кнг. Марии Ивановны, чем и вызывалась необходимость провести границу «меж Катафановым почином и Беляевским». Местоположение Беляевского известно. Оно и сейчас находится на правом берегу Людинки, в 0,5 км восточнее Олюнина. Починок Катафанов был расположен, скорее всего, южнее Беляевского, вероятно, очень близко к Людинке. Южнее поч. Катафанова межа шла уже прямо по правому берегу р. Людинки, видимо, до ее устья.

Итак, кривая замкнулась. Межа начиналась на Ухтоме где-то около устья Людинки и там же заканчивалась. Южным пределом комплекса земель, полученных Павловым Обнорским монастырем в 1563/64 г., была р. Ухтома, от Михалева на востоке до Каменного врага в районе р. Индроксы. На западе граница шла от земель д. Ивановской на юге до земель д. Беляевского на севере. Восточную границу комплекса составляла, видимо, р. Людинка в своем нижнем течении — от земель д. Беляевского на севере до устья р. Людинки на юге.

Но это была лишь часть владений кнг. Марии Ивановны Дябринской, унаследованных ею от отца — кн. Ивана Андреевича Шелешпанского. Другая часть, отданная Павлову Обнорскому монастырю в 1567/68 г., находилась севернее первой. Она располагалась по берегам р. Людинки — от Беляевского на юге до Ченкова —

Салькова на севере. Протяженность этого комплекса с севера на юг достигала 4 км.

Центром земельного комплекса, отданного кнг. Марией Ивановной Дябринской Павлову монастырю в 1567/68 г., было сц. Крутое (в XIX в. — погост Крутово). На генеральном плане Пошехонского уезда 1799 г. с. Крутово помещено на левом берегу рч. Юковки. Эта речка, названная в СНМ Яр. безымянным ручьем, впадает в Люденгу справа, с западной стороны. Крутое находится в 0,32 в. к юго-западу от Дядинского⁵⁸. Расположением Крутого в между-речье Юковки и Люденги объясняется то противоречие, которое мы наблюдаем в источниках XVII в.: в дозорных книгах 1619/20 г. Крутое показано на рч. Люденге, а в более поздних документах — на рч. Юковке.

На плане 1799 г. на левом берегу Юковки, ниже Крутого, в 0,72 в. к юго-востоку, помещена д. Парфеново. Она удалена на примерно равные расстояния (0,26 в.) от ближайшего к ней течения как Юковки, так и Люденги. На другом, правом берегу рч. Юковки, напротив с. Крутого, в 0,28 в. к югу от него, лежит д. Юков Починок. Это и есть д. Юкова, упомянутая в грамоте 1567/68 г. и в писцовых материалах XVII в.

На плане 1799 г. выше (севернее) Юковки изображен еще один правый приток р. Люденги — рч. Алюминка (не путать с Алюгинкой, которая протекает южнее Юковки). На правом берегу рч. Алюминки показана д. Ценкова (Ченкова), в 0,6 в. к северу от Крутого.

Общая картина поселений в бассейне Люденги на плане 1799 г. следующая. В правобережье Люденги между Юковкой на юге и Алюминкой на севере находятся с. Крутое, деревни Парфеново, Дядинская, Ценкова; между Юковкой на севере и Алюгинкой на юге — деревни Юков Починок, Гаврилово, Алешино; между рч. Алюгинкой на севере, Индрохотью и Ухтомой на юге — деревни Беляевская, Новинка, Ивановская. В левобережье Люденги расположены в порядке с севера на юг деревни Салкова, Малиново (Малино), Дергалова, Любилова, Погорелка, Михалева, Алюнина.

В грамоте 1567/68 г. княгиня-вкладчица оставляет за собой право пожизненно владеть с. Крутым и д. Пантелеевым при том, что они переходили в собственность монастыря (тип *precaria oblata*). В начальной части грамоты 1567/68 г. вслед за Крутым названы «деревня престолная Юково да деревня Пантелеево, деревня Бе-

⁵⁸ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. № 6667.

ляевское, деревня Погорелка...». Деревня Юково определяется как «престолная», т.е. церковная, а церковь св. Георгия находилась в сц. Крутом.

Если окинуть взглядом весь состав земель, полученных Павловым монастырем от кн. Семена Андреевича Шелешпанского и от его племянницы, дочери кн. Ивана Андреевича Шелешпанского, кнг. Марии Ивановны Дябринской, перед нами предстанет довольно обширная территория, занимающая не менее 4,8 в. с севера на юг (от Ченкова до течения р. Ухтомы) и около 7 в. с запада на восток (от д. Ивановской до Токарева). Но это, конечно, не вся земля, принадлежавшая роду князей Шелешпанских. Мы не знаем, например, какими землями владел средний сын Андрея Юрьевича Шила — Василий Андреевич Хвост.

Кроме того, имеются прямые данные о том, что большое с. Всесвятское, расположенное при р. Шелекше, недалеко от ее впадения в Ухтому⁵⁹, принадлежало в середине XVII в. кн. Семену Ивановичу Шелешпанскому и его племянникам — князьям Федору, Семену и Якову Андреевичам Шелешпанским (указная грамота 1649 г.)⁶⁰. Это была другая ветвь рода, происходившая от Федора Юрьевича Бедры (XIX колено), брата Андрея Юрьевича Шила. Федор Юрьевич Бедра имел четырех сыновей — Ивана Сову, Алексея (Олешу), Василия и Ивана (XX колено). Третий из них, Василий Федорович, был отцом Михаила и Ивана Васильевичей (XXI колено). Детями Ивана Васильевича являлись Андрей, Семен и Михаил Ивановичи Шелешпанские (XXII колено). У Андрея Ивановича имелись дети Федор, Семен, Тимофей и Яков Андреевичи (XXIII колено)⁶¹.

Князья XXI колена Михаил и Иван Васильевич Шелешпанские упоминаются в Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. как дети боярские по Белоозеру⁶². Семен Иванович Шелешпанский был в 1591–1592 гг. патриаршим сыном боярским по Костроме⁶³; в боярской книге 1627 г. он фигурирует вместе с братом Михаилом⁶⁴. Их стар-

⁵⁹ СМ Яр. № 5471. Показано в 40 в. к северо-востоку от г. Пошехони; ныне — «Всехсвятское» (Карта Яр. Л. 11).

⁶⁰ ГМЗРК. № Р-169. Гл. 48. Л. 218–222.

⁶¹ См.: *Временник-Х.* С. 42; *РИ-2.* С. 161; *Долгоруков П.[В.]* Российская родословная книга. Ч. I. С. 226; *Петров П.Н.* История родов. Кн. 1. С. 210.

⁶² Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подгот. к печати А.А. Зимин. М.; Л., 1950 (далее — ТКДТ). С. 147–148.

⁶³ Там же. С. 238, 432.

⁶⁴ Боярская книга 1627 г. / Подгот. текста М.П. Лукичева и Н.М. Рогожина. М., 1986. С. 87.

шего брата, Андрея Ивановича, находим в росписи русского войска 1604 г.⁶⁵ Сын Андрея, Яков Андреевич, значится среди стряпчих в боярской книге 1658 г., в которой дается ссылка на его оклад по боярской книге «155» (1646/47) г.⁶⁶

Принадлежавшее Семену Ивановичу и трем его племянникам с. Всесвятское лежало по левую сторону р. Ухтомы. Напротив, на правой стороне, располагались владения Павлова Обнорского монастыря, бывшие когда-то родовой вотчиной князей Шелешпанских. Обладая этим плацдармом, монастырь пытался в 40-х гг. XVII в. захватить соседние земли на левом берегу, относившиеся к с. Всесвятскому, вследствие чего возник конфликт между монастырем и кн. С.И. Шелешпанским.

Исходным пунктом монастырской агрессии была, видимо, пуст. Ивановская, тянувшая к с. Крутому и находившаяся между реками Ухтомой и Индруксой: «в прошлом де во 153-м году и после приезжал тот келарь старец Иларион Павлова монастыря с слушками... да с крестьяны села Инжевара и села Крутова деревень съ Ермолкою Скоробогатым с товарищи... в Пошехонской уездъ в вотчину ево на старинную землю под селцо ево Сесвятцкое на лугъ Ивановской за рекою Ухтомою и позади тово ево лугу велель высечь вотчинной ево лес, и межные древа и признаки посекали, и припустили ево вотчинную землю къ монастырской своеи пустоши Ивановской, и после того велел тот ево посеченои лес жечь, и в прошлом во 154-м году велел пахать и сеять пшеницу, а лугъ ево Ивановской косиль насилствомъ...»⁶⁷.

Река Шелекша впадает в Ухтому с левой стороны, в 0,5 км восточнее устья Людинки, впадающей в Ухтому с правой стороны. Земли князей Шелешпанских находились в районе этого перекрестка, по обе стороны Ухтомы, а также в бассейне Шелекши на юге и Людинки на севере. От названия р. Шелекши, или Шелешпы, видимо, и произошла фамилия Шелешпанских.

Село Всесвятское расположено в 0,6 км к югу от устья р. Шелекши. Имелись ли в XVI–XVII вв. владения князей Шелешпанских в среднем и нижнем течении Шелекши, мы не знаем. Брат Семена Ивановича, кн. Михаил Иванович Шелешпанский (XXII колена), в

⁶⁵ Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. / Составл., подгот. текста и вступ. ст. С.П. Мордовиной и А.Л. Станиславского. М., 1979. Ч. 2. С. 15.

⁶⁶ Боярская книга 1658 года / Подгот. текста В.А. Кадик. М., 2004. С. 69.

⁶⁷ ГМЗРК. № Р-169. Л. 218–218 об.

первой трети XVII в. был владельцем с. Никольского, которое он отдал в приданое своей дочери при выходе ее замуж за стряпчего Ивана Тимофеева сына Племянникова. О том, что И.Т. Племянников получил с. Никольское от своего тестя, кн. М.И. Шелешпанского, известно из текста послушной грамоты царя Алексея Михайловича 1646 г. Павлову Обнорскому монастырю на с. Зиновьевское с деревнями и пустошами в Дябринской волости Пошехонского уезда⁶⁸. Выдача послушной грамоты была вызвана жалобой монастыря на Ивана Племянникова, завладевшего четырьмя пустошами с. Зиновьевского («пустошь Хорошево, а Дор тож, пуст. Булавкино, а Карзайка тож, пуст. Неумойка, пуст. Зудино»). И.Т. Племянников считал, что эти пустоши относятся к с. Никольскому, а монастырь доказывал их принадлежность к с. Зиновьевскому.

Монастырские власти ссылались на писцовые книги Юрия Редрикова и Петра Наумова «136», «137» и «138» (1627/28–1629/30) гг., а также на жалованную тарханную грамоту царя Михаила Федоровича «133» (1624/25) г. за подписью дьяка Семена Бредихина. В сотной 1631 г. с книг письма Ю.А. Редрикова и подьячих П. Наумова и П. Гридякина пустоши, ставшие объектом спора в 40-х гг. XVII в., действительно упоминаются в числе владений монастыря, относящихся к с. Зиновьевскому⁶⁹.

Между тем ссылка монастырских челобитчиков на грамоту царя Михаила Федоровича носила явно декларативный характер. Нам известны три грамоты царя Михаила Федоровича Павлову Обнорскому монастырю, подписанные дьяком Семеном Бредихиным. Одну из них — от 15 мая 1625 г. — он подписал при ее выдаче⁷⁰. В тот же день им были подписаны подтверждения к двум более ранним грамотам Михаила Федоровича — 1617⁷¹ и 1621 гг.⁷² Говоря о грамоте «133» г., монастырские власти, очевидно, имели в виду жалованную обельно-несудимую («тарханную»), трехсрочную и заповедную грамоту от 15 мая 1625 г. на всю вотчину Павлова Обнорского монастыря. Во всех трех грамотах состав монастырских вотчин указывался суммарно. Названий пустошей мы тут не находим.

Из пустошей, которыми владел И.Т. Племянников, идентификации как будто поддается «Хорошево, а Дор тож». Эту пустошь мы можем

⁶⁸ Там же. Гл. 63. Л. 259 об.

⁶⁹ Там же. Гл. 46. Л. 205.

⁷⁰ См.: *Кашианов С.М., Столярова Л.В.* Копийная книга. С. 376. Гл. 3.

⁷¹ Там же. С. 376. Гл. 4.

⁷² Там же. С. 376. Гл. 2.

отождествить с позднейшей владельческой д. Дор при р. Кеме, в 50 в. к северо-востоку от г. Пошехони⁷³. На современной карте Дор показан в 0,8 км западнее Ватолина, вблизи правого берега р. Кемы⁷⁴. В сотной 1631 г. перед пустошами Зудино и Неумойка упоминается пуст. Копылово⁷⁵. В середине XIX в. Копылово — казенная деревня при колодце, в 60 в. к северо-востоку от г. Пошехони⁷⁶. Копылово было расположено по соседству с д. Холм на рч. Согожке⁷⁷. По современной карте, от Дора до Холма — 3 км. Севернее Холма находился центр монастырского комплекса — с. Зиновьевское, а еще севернее — д. Марюхино, тоже входившая в этот комплекс. В 1,6 км к северо-востоку от Марюхина лежит с. Никольское⁷⁸ — очевидно, то самое, которым владел И.Т. Племянников, а до него — его тесть, кн. Михаил Иванович Шелешпанский.

Соседство этого села с монастырским земельным комплексом, куда входили с. Зиновьевское, деревни Норкино, Холм, Ватолино, Яшканово, Марюхино, позволяет отождествить Никольское грамоты 1646 г. с позднейшим владельческим сц. Никольским-Масальским при ручье безымянном в 1-м стане Грязовецкого уезда Вологодской губернии, в 26 в. к юго-западу от г. Грязовца⁷⁹.

Итак, в левобережье Ухтомы находились, по крайней мере, два села, принадлежавшие в XVII в. роду князей Шелешпанских — Всесвятское (на западе) и Никольское (на востоке). Расстояние между ними — 18 км. Существование в XVI–XVII вв. владений князей Шелешпанских по правой и левой сторонам р. Ухтомы позволяет говорить о том, что их родовая вотчина была расположена в бассейне этой реки. Основная часть вотчины концентрировалась на перекрестке, образованном реками Ухтомой в середине, Шелекшей на юге и Людинкой на севере. Крайним пунктом владений князей Шелешпанских на востоке являлось с. Никольское.

Какого происхождения был упомянутый выше комплекс земель Павлова Обнорского монастыря, примыкавший к с. Никольскому с юга? В 1550/51 г. Иван Андреевич Кутузов дал монастырю «по

⁷³ СМ Яр. № 5477.

⁷⁴ Карта Яр. Л. 11.

⁷⁵ ГМЗРК. № Р-169. Л. 205.

⁷⁶ СМ Яр. № 5549.

⁷⁷ Там же. № 5550.

⁷⁸ Карта Яр. Л. 11.

⁷⁹ Вологодская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1866 (далее — СМ Волог.). № 2848.

приказу жены своей Евдокеи княж Костянтиновы дочери Охметковича Согорского по ее духовной памяти в Романовском уезде в Пошехонье в Дябрине ее вотчину, чем ее благословилъ отецъ ее, князь Костянтинъ: с. Охметеково и 18 деревень (Ешканово, Ватолино, Матренино, Скоморохово, Починок Дубасов, Вараково, Шилово, Ростаницы, Рудино, Дресьянка, Булавкин Починок, Оникеево, Копылово, Холм, Хорошово Пустошь, Норкино, Дешеково, Добрынкино), а также один починок (Неумоин)⁸⁰. Евдокея Константиновна Кутузова, урожденная княжна Согорская, дочь кн. Константина Охметковича Согорского (XX колено от Рюрика)⁸¹ и его жены Марьи, завещала монастырю свою приданую вотчину, полученную от отца. Земли, отданные монастырю по ее духовной грамоте, представляли собой родовое владение князей Согорских (Сугорских).

В «Списке населенных мест» Ярославской губернии с. Охметеково не значится. Но из 18 деревень, упомянутых в данной грамоте И.А. Кутузова, больше половины (десять) идентифицируются по названиям казенных деревень XIX в. во 2-м стане Пошехонского уезда, расположенных в районе между р. Ухтомой и границей Любимского уезда, к северо-востоку от г. Пошехони (Пошехонья). Так, д. Ешканово грамоты 1550/51 г. отождествляется с д. Яшканово при рч. Согожке, в 55 в. от Пошехони⁸²; д. Ватолино — с одноименной деревней при колодце, в 57 в. от г. Пошехони⁸³; д. Починок Дубасов — с д. Дубасово при колодце, в 57 в. от Пошехони⁸⁴; д. Вараково — с одноименной деревней при р. Кеме, в 55 в. от Пошехони⁸⁵; д. Дресьянка — с д. Дресвянка при колодце, в 59 в. от Пошехони⁸⁶; д. Оникеево — с д. Аниково при рч. Согожке, в 60 в. от Пошехони⁸⁷; д. Копылово — с одноименной деревней при колод-

⁸⁰ ГМЗРК. № Р-169. Гл. 51. Л. 228–230 (см. ниже: Приложение, док. № 3).

⁸¹ См.: Временник-Х. С. 43; РИ-2. С. 161. Отец Константина, кн. Ахметек (во Временнике-Х «Ахметин») Иванович Сугорский (XIX колено от Рюрика) упомянут в числе постельников в разряде Новгородского похода Ивана III августа 1495 г. (РК 1475–1598 гг. С. 26). В генеалогических справочниках он фигурирует как Иван Ахметек Иванович; имел жену по имени Мария (*Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. СПб., 1895. 2-е изд. Т. 2. С. 267. № 13). Сын Ахметека Константин Иванович (Ахметекович) был женат на Марии Ивановне Кемской (Там же. № 18). См. также: *Петров П.Н.* История родов. Кн. I. С. 213.

⁸² СМ Яр. № 5541.

⁸³ Там же. № 5544.

⁸⁴ Там же. № 5543.

⁸⁵ Там же. № 5540.

⁸⁶ Там же. № 5546.

⁸⁷ Там же. № 5551.

це, в 60 в. от Пошехони⁸⁸; д. Холм — с одноименной деревней при рч. Согожке, в 60 в. от Пошехони⁸⁹; д. Норкино — с одноименной деревней при рч. Согожке, в 63 в. от Пошехони⁹⁰; д. Дешеково — с д. Дешаково при колодце, в 62 в. от Пошехони⁹¹.

Локализация по десяти названиям дает ясное представление о концентрации деревень в бассейне рч. Согожки. Кстати, это название на современной карте отсутствует. Если в «Списке» говорится, что деревни Яшканово, Холм, Аниково, Норкино находятся при рч. Согожке, то на карте 1997 г. они показаны на р. Кеме. Отсюда мы делаем вывод, что нынешняя восточная часть верхнего течения Кемы именовалась в XIX в. рч. Согожкой.

Ю.В. Готье локализует Дябринскую волость «в восточной части» Пошехонского уезда «по левым притокам верхней Согожи, на Вологодском рубеже»⁹². На карте, приложенной к книге Ю.В. Готье, Дябринская волость обозначена номером «8», который помещен справа от некоего притока р. Ухтомы, похожего по очертанию на р. Кему, около ее верховья. Это как раз район рч. Согожки. Ю.В. Готье называет Согожку Согожей, как это делали в XVII в., но теперешняя Согожа — совсем другая и несравненно более крупная река, чем Согожка. Согожа впадает в Рыбинское водохранилище около Пошехонья. Река Ухтома является притоком Согожи, в то время как Согожка — приток Кемы, впадающей в Ухтому.

На генеральных планах Пошехонского уезда 1792 и 1799 гг. р. Кема представлена текущей с юга на север и поворачивающей на запад около д. Варакова. На ее левом берегу, юго-восточнее Варакова, помещена д. Дресвянка⁹³, которая в материалах XVII в. значится на речке «Кирбете» (об этом см. ниже). На карте 1997 г. название «Кибрик» присвоено юго-восточному рукаву верхнего течения реки (Кемы?), расположенному южнее Дресвянки. Участок реки от «Кибрика» до поворота на запад у Варакова на карте 1997 г. никак не обозначен, но может восприниматься как нижнее течение Кибрика. В XVII в. это часть реки, видимо, и считалась «Кирбетом» (Кибриком), хотя на планах XVIII в. называется Кемой.

⁸⁸ СМН Яр. № 5549.

⁸⁹ Там же. № 5550.

⁹⁰ Там же. № 5564.

⁹¹ Там же. № 5561.

⁹² Готье Ю.В. Замосковный край в XVII веке. М., 1937. 2-е изд. С. 395.

⁹³ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. № 6665, 6667.

На планах 1792 и 1799 гг. рч. «Согушка» (=Согожка) впадает в Кему с северо-востока, напротив д. Варакова. На левом (южном) берегу Согушки, в ее нижнем течении расположены деревни Аникова, Холм, Копылова, в верхнем — Норкино. На карте 1997 г. Норкино показано не на левом, а на правом берегу Кемы (=Согожки). От Холма до Норкина — около 4 км в направлении с юго-запада на северо-восток. На карте 1997 г. отсутствуют деревни Копылово и Дешаково. Они изображены на генеральных планах Пошехонского уезда 1792 и 1799 гг.: Копылово — на юге, в левобережье Согушки, в 0,32 в. к юго-востоку от Холма и в 0,44 к востоку от Аникова; Дешаково (Дешакова) — на севере, в правобережье Согушки, восточнее верховья рч. Филисовки, севернее д. Кузьминской (которая имеется на карте 1997 г.), в 2 в. к северу от Норкина.

На карте 1997 г. на правом берегу Кемы (=Согожки) показаны Починок (в 1,5 км западнее Норкина) и напротив поворота р. Кемы на запад — Яшканово (в 3,2 км юго-западнее Починка). Судя по плану 1799 г., в Согушку, недалеко от ее устья, впадал ручей Глухой. Устье Согушки показано на этом плане напротив д. Варакова⁹⁴.

Деревня Ватолино находилась в 1 км к северо-западу от Яшканова, у начала безымянного ручья, являвшегося левым притоком ручья Заднего, впадающего в р. Кему с севера. С правой стороны ручья Заднего, вблизи его устья, лежала д. Дор. От Ватолина до Дора — 0,8 в. в направлении с северо-востока на юго-запад.

По СНМ Яр., Дор — владельческая деревня при р. Кеме, в 50 в. к северо-востоку от г. Пошехони⁹⁵. По материалам XVII в. Дор можно отождествить с пуст. «Хорошево, а Дор тож», т.е. с д. Хорошово Пустошь грамоты 1550/51 г. (об этом см. выше).

На левом, южном берегу собственно Кемы самым западным пунктом в пределах рассматриваемого комплекса была д. Дубасово. От Дора до Дубасова — 0,72 в. в направлении с северо-запада на юго-восток. В 0,8 в. к востоку от Дубасова, на том же южном (или левом) берегу Кемы находилась д. Варакова.

Самым южным пунктом данного комплекса являлась, может быть, Дресьянка (Дресвянка), лежащая на левом берегу Кемы или Кибрика, в 1 км на юго-восток от Варакова. Правда, в документах

⁹⁴ Там же. № 6667.

⁹⁵ СНМ Яр. № 5477.

XVII в. на рч. «Кирбете» показана также д. Рудино⁹⁶, но неизвестно точно, где она находилась: южнее или севернее Дресвянки.

Общий размер территории, являвшейся объектом вклада 1550/51 г., был довольно значительным. Расстояние между крайними пунктами владения на западе (Дор) и востоке (Норкино) составляло около 8 км. Между самым северным (д. Дешаково) и самым южным (д. Дресвянка) пунктами насчитывается 6,6 км при измерении по прямой с северо-востока на юго-запад.

В 1577/78 г. к владениям Павлова Обнорского монастыря в районе верхней Кемы–Согожки было сделано существенное добавление. Князь Степан Дмитриевич Согорский дал монастырю «в Романовском уезде в Пошехонье в Дябрине пустошь сельцо Гульнево да пустошь починок Тюшков, благословение тетки своея, князь Александровы Ивановича Кемского старицы княгини Марфы»⁹⁷. Сельцо Гульнево по СНМ Яр. не устанавливается, однако поч. Тюшков вполне может быть отождествлен с казенной д. Тюшково при ручье Филисовом во 2-м стане Пошехонского уезда, в 61 в. к северо-востоку от г. Пошехони⁹⁸.

На планах 1792 и 1799 гг. рч. Филисовка изображена как правый (северный) приток р. Согушки (=Согожки). По ее левому (восточному) побережью расположены (в порядке с севера на юг) деревни Дешакова, Кузьминская, д. Починок Тюшков и поч. Савинский, близкий к правому берегу Согушки. На карте 1997 г. Филисовка показана, но не названа по имени. Имеется на карте 1997 г. и Тюшково. Оно расположено в 1,4 км к северо-западу от Норкина. Судя по планам XVIII в., поч. Тюшков находился примерно в 1 в. к юго-западу от д. Дешакова.

Точная локализация сц. Гульнева затруднительна. В сотной 1631 г. упоминается пустошь, «что была» д. Галкина, Гульнево тож⁹⁹, в послушной 1646 г. — пустошь, «что была» д. Галкино, «Кульнево тож»¹⁰⁰, в переписных книгах 1645/46 г. — сельцо, «что была пустошь Гульнево»¹⁰¹. Второе название этого сельца — Галкино (Галкина), к сожалению, не помогает найти его на картах. Можно полагать, что Гульнево находилось недалеко от Тюшкова.

⁹⁶ ГМЗРК. № Р-169. Гл. 46, 61, 63. Л. 201, 250, 258 об.

⁹⁷ Там же. Гл. 55. Л. 233–233 об. (см. ниже: Приложение, док. № 10).

⁹⁸ СНМ Яр. № 5555.

⁹⁹ ГМЗРК. № Р-169. Гл. 46. Л. 204.

¹⁰⁰ Там же. Гл. 63. Л. 258 об.

¹⁰¹ Там же. Гл. 61. Л. 248.

В писцовых материалах XVII в. во главе комплекса земель, являвшихся объектом вкладов 1550/51 и 1577/78 гг., всегда указывается с. Зиновьевское. Оно дожило до XIX в., когда превратилось в погост Зиновьево при колодце во 2-м стане Пошехонского уезда, в 58 в. к северо-востоку от г. Пошехони. На погосте имелаась церковь¹⁰². Погост Зиновьево (Зиновьев) находим на планах 1792 и 1799 гг. в междуречье Филисовки и Шильмаша, двух правых (северных) притоков Согушки (Согожки). Устье Шильмаша расположено в 1,28 в. западнее устья Филисовки. В верхнем течении эти речки отстоят друг от друга на 2,6 в. Шильмаш, как и Филисовка, показан, но не обозначен на карте 1997 г.

В верховьях Шильмаша, на его левом (восточном) берегу лежит д. Марюхина. В СНМ Яр. она значится как казенная деревня при рч. Шильмаше, во 2-м стане Пошехонского уезда, в 61 в. к северо-востоку от г. Пошехони¹⁰³. Погост Зиновьев находился в 0,8 в. к юго-востоку от Марюхина. На карте 1997 г. крестиком отмечен безымянный погост в 1 км к юго-востоку от Марюхина и в 1 км к юго-западу от Тюшкова. Это и есть погост Зиновьев.

Встает вопрос, не являлось ли Зиновьевское тем селом, которое в данной грамоте 1550/51 г. названо Охметековым? Если в материалах XVII в. все деревни, тянувшие к Охметекову, так или иначе упоминаются, трудно представить себе, чтобы само село исчезло бесследно. Скорее всего, оно было переименовано.

Небесполезно обратить внимание на то, как в документах XVII в. населенные пункты изучаемого комплекса локализуются по рекам и суходолам. В дозорных книгах 1619/20 г. указаны на рч. Шилмеше с. Зиновьево и д. Марюхина; на р. Кеме (или «Кедме») — деревни Яшканово, Ватолино, Дубасово, Вараково, Шилово, Рудино, Дрестьянка; на рч. Согоже — деревни Новоселово, Холм («на Субоже»); «на ручью на Сугоркине» — д. Норкино; на рч. Филисовке — д. Добрынкино; «на ручью» — поч. Тюшков; на р. Ухтоме — пуст. Скоморохово; на суходоле — деревни Дешеково, Рышкова, Скоморохова тож¹⁰⁴. В писцовых книгах 1619/20 г. локализаций меньше: на рч. Шилмеше — с. Зиновьевское, д. Маурина; на рч. Кеме — деревни Ватолина, Дубасово, Вараково, Шилово, Рудина; на рч. «Субоже» (Согоже) — д. Холм; на рч. Филисовке — д. Добрынкино¹⁰⁵. В сотной 1631 г.

¹⁰² СНМ Яр. № 5545.

¹⁰³ Там же. № 5556.

¹⁰⁴ ГМЗРК. № Р-169. Гл. 43. Л. 179–184 об.

¹⁰⁵ Там же. Гл. 44. Л. 187–187 об.

показаны на рч. Шильмеше (Шилмаше) с. Зиновьевское и д. Марюхино, Марюгино тож; на рч. Кеме — деревни Шилово, Вараково, Дубасово, Ватолино, Яшканово; на рч. Согоже — деревня церковная, «что был починок Савинской, а Максимов тож», деревни Норкино, Холм, Аникеево, Новоселок, Новосилово тож; на рч. Кербете — деревни Дрествьянка, Рудино; на рч. Филисовке — д. Добрынкино; «на ручью на Филисовке» — поч. Тюшков; «на ручью» — д. Рыжково, а Скоморохово тож; на суходоле — д. Дешевкова¹⁰⁶.

В переписных книгах 1645/46 г. отмечены на рч. Шилмеше с. Зиновьевское, д. Марюхино (на «Шумлеже»); на рч. Кеме — деревни Шилово, Вараково, Дубасово, Ватолино, Шатолино тож, Яшкрово, Яшкино тож; на рч. Согоже — поч. Савинской, Максимов тож, деревни Норкино, Холм, Аникиево, Новоселок, Новое село тож; на рч. Кербете — деревни Дресвянка, Рудино; на рч. Филисовке — д. Добрынкино; «на ручью на Филисове» — д. Тюшково; «на ручью» — д. Рыжково, а Скоморохово тож; на суходоле — д. Дешевково, Дешевка тож¹⁰⁷. Послушная грамота царя Алексея Михайловича от 30 сентября 1646 г. локализует на рч. Шилмеше с. Зиновьевское, д. Марюхино, Марюгино тож, на рч. Кеме — деревни Шилово, Шерапово, Вороново тож, Дубасово, Ватолино, Яшканово; на рч. Согоже — поч. Савинской, а Максимов тож, деревни Норкино, Холм, Аникиево, Новоселок, Новосилово тож; на рч. Кербете — деревни Дресвянку, Рудино; на рч. Филисовке — д. Добрынкино; «на ручью на Филисовке» — поч. Тюшков; «на ручью» — д. Рыжково, Скоморохово тож; на суходоле — д. Дешевково, Дешукова тож¹⁰⁸.

Материалы XVII в. подтверждают вывод, сделанный нами на основании СНМ Яр.: Согожей (Согожкой) назывался исток р. Кемы, которая как таковая начиналась при слиянии Согожи и Кибрика. Деревни Норкино, Холм, Аниково (Аникеево) были расположены по берегам Согожи (Согожки), а Яшканово, Вараково, Дубасово и Ватолино — на берегах Кемы. Под ручьем Филисовым и рч. Филисовкой подразумеваются, видимо, исток и основное течение рч. Филисовки. Возможно, и в других случаях, когда говорится «ручей», имеется в виду верхнее течение Филисовки. На генеральном плане Грязовецкого уезда Вологодской губернии конца XVIII в. (год

¹⁰⁶ ГМЗРК № Р-169. Гл. 46. Л. 198–205.

¹⁰⁷ Там же. Гл. 61. Л. 247 об.–252 об.

¹⁰⁸ Там же. Гл. 63. Л. 258–259.

в документе не указан) мы видим начало ручья Филисовского, расположенное в 2 в. к востоку от с. Никольского-Масальского¹⁰⁹.

В 8 в. юго-восточнее Никольского на плане обозначена д. Скоорохово вблизи р. Тютеш (в СНМ Волог. она характеризуется как владельческая деревня при ручье безымянном, в 32 в. к юго-западу от г. Грязовца)¹¹⁰. Учитывая близость этой деревни к р. Тютеш, допускаем, что именно она могла иметься в виду в дозорных книгах 1619/20 г., когда речь шла о пуст. Скоморохово на р. Ухтоме (в источниках XVI–XVII вв. Тютеш фактически отождествляется с Ухтой; об этом см. ниже). Перемена названия «Скоморохово» на «Скоорохово» произошла, вероятно, в XVIII в.

Положение д. Яшканово было двусмысленным. Она находилась вблизи слияния Кемы и Согожки. Документы XVII в. помещают ее всегда на Кеме, а СНМ Яр. — на Согожке.

Материалы XVII в. позволяют примерно локализовать некоторые деревни, не идентифицируемые по СНМ Яр. Деревня Шилово в документах XVII в. постоянно указывается на р. Кеме. Скорее всего, она находилась западнее Варакова и Яшканова. Деревня Добрынкино упоминается в документах XVII в. на рч. Филисовке. Если Тюшково характеризуется в этих источниках как расположенное «на ручью на Филисовке», значит Добрынкино, лежавшее вблизи «речки Филисовки», могло находиться южнее Тюшкова, в среднем или нижнем течении Филисовки. Деревня Скоморохово (Рыжково, Скоморохово тож), показанная в дозорных книгах 1619/20 г. на суходоле, а в более поздних документах «на ручью» без названия, располагалась, возможно, у самого истока Филисовского ручья, чуть севернее Тюшкова. О д. Рудино уже говорилось выше. Она находилась на рч. Кибрике, недалеко от Дресвянки.

Некоторые другие объекты вклада 1550/51 г. фигурируют в материалах XVII в. без уточнения их местоположения. Деревня Булавкин Починок упоминается как пуст. Булавкино, а Корзайка тож. Деревни Матренино и Ростаницы также превратились в пустоши. Починок Неумоин стал пуст. Неумойкой.

Сельцо Гульево и поч. Тюшково были расположены между объектами вклада 1550/51 г. — д. Дешаковой на севере и д. Норкино на юге. Не будучи до 1577/78 г. монастырскими, Гульево и Тюш-

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. № 38/344.

¹¹⁰ СНМ Волог. № 2857.

ково вклинивались инородным телом в состав земель, полученных монастырем в 1550/51 г. Вклад Степана Дмитриевича Согорского 1577/78 г. способствовал округлению монастырских владений и превращению их в единый комплекс.

До передачи в монастырь все эти земли принадлежали роду князей Согорских. Но не исключено, что часть их Согорские унаследовали от князей Кемских. Женой Константина Охметековича Согорского была Мария Ивановна Кемская. Земли по р. Кеме Константин Охметекович мог получить в приданое за нею.

Мария Ивановна Кемская была, видимо, сестрой кн. Александра Ивановича Кемского (XX колено от Рюрика). В 1537/38 г. он являлся владельцем с. Кукобой на р. Ухтоме. В любовной межевой от 15 сентября 1677 г. упоминалась старая «межевая запись», «что межевали Павлова монастыря бывшей игумен Протасей со князем Александром Ивановичем Кемьским лета 7046-го село Кукобой з деревнями да их село Инжевар з деревнями»¹¹¹. Позднее с. Кукобой принадлежало Кирилло-Белозерскому монастырю, в XIX в. представляло собой погост при колодце, во 2-м стане Пошехонского уезда, в 48 в. к северо-востоку от г. Пошехони¹¹². На генеральном плане Пошехонского уезда 1799 г. различаются «деревня, что было село Кукобой, Редриково тож», и находящийся к северу от нее «погост Кукобой». Они помещаются между р. Ухтомой на востоке и р. Кувой, притоком Ухтомы, на западе¹¹³.

Село Кукобой было расположено восточнее комплекса земель, полученного Павловым монастырем в первой трети XVI в. от кн. Семена Андреевича Шелешпанского (деревни Подорваное, Токарево, Инжевар и др.).

По данным разрядных книг, Александр Иванович Кемский исполнял должность воеводы в Васильсурске в 1551 г. (начиная с 29 июня)¹¹⁴. Дата его смерти неизвестна. Александр Иванович имел четырех братьев, из которых старшими были Федор (в иноках Феодосий) и Андрей Ивановичи, младшими — Семен и Михаил Ивановичи¹¹⁵. Из данной грамоты кн. Степана Дмитриева сына Согорского 1577/78 г. явствует, что жена (вдова) кн. Александра

¹¹¹ ГМЗРК. № Р-169. Гл. 47. Л. 209.

¹¹² СМН Яр. № 5416.

¹¹³ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. № 6667.

¹¹⁴ РК 1475–1598 гг. С. 150.

¹¹⁵ Временник-Х. С. 43 (вместо Михаила назван Иван); РИ-2. С. 161; Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. 2-е изд. Т. 1. С. 263–264.

Ивановича Кемского приняла иноческое имя Марфа (до этого, возможно, называлась Марией). А.Б. Лобанову-Ростовскому, составившему родословие князей Кемских, имя жены А.И. Кемского как будто не было известно. Старица Марфа Кемская приходилась теткой кн. С.Д. Согорскому. Она отдала ему сщ. Гульнево и поч. Тюшков. Происхождение этих объектов в грамоте 1577/78 г. не раскрывается. Во всяком случае, там не сказано, что они были приданым кнг. Марфы.

Князя Степана Дмитриевича Согорского в других источниках, кроме данной грамоты 1577/78 г., нам найти не удалось. П.Н. Петров указывает в роде князей Шелешпанских кн. Степана Дмитриевича, отец которого Дмитрий Григорьевич принадлежал к XXI колону. По данным Петрова, кн. Степан Дмитриевич получил 3 октября 1630 г. царскую грамоту, в которой за службу ему была дана прибавка к поместью в Жоховской волости Галицкого уезда¹¹⁶. Однако едва ли кн. Степан Дмитриевич, сделавший вклад в Павлов монастырь в 1577/78 г., мог служить еще в 1630 г.

Не был ли отцом Степана Дмитриевича кн. Дмитрий, упоминаемый в Дворовой тетради как сын кн. Данила Уса Даниловича Ухтомского?¹¹⁷ Фамилию Ухтомского-Сугорского носил кн. Иван Федорович¹¹⁸, представитель XXI колена, сын кн. Федора Ивановича (XX колена)¹¹⁹. Отец Дмитрия Даниловича, кн. Данило Ус Данилович также относился к XX колону. Возможно, Степан Дмитриевич Сугорский являлся его внуком и принадлежал к XXII колону¹²⁰. Тогда надо допустить, что жена кн. Александра Ивановича Кемского, приходившаяся теткой Степану Дмитриевичу, была сестрой Дмитрия Даниловича и дочерью кн. Данила Даниловича Ухтомского. К сожалению, это предположение остается пока лишь не подтвержденной источниками догадкой.

¹¹⁶ *Петров П.Н.* История родов. Кн. 1. С. 212.

¹¹⁷ ТКДТ. С. 147. Л. 110 об.

¹¹⁸ Там же. С. 147. Л. 111.

¹¹⁹ Кн. Федор Иванович был сыном кн. Ивана Васильевича Пенки (РИ-2. С. 162).

¹²⁰ Дмитрий Данилович и Степан Дмитриевич не фигурируют в известных росписях князей Сугорских и Ухтомских (см.: РИ-2. С. 161–162; РККИД. Ч. II. С. 174–180). У Долгорукова кн. Данило Данилович Ухтомский показан без потомства (см.: *Долгоруков П.[В.]* Российская родословная книга. Ч. I. С. 228. № 22), что противоречит данным Дворовой тетради, где у него отмечен сын Дмитрий. А.Б. Лобанов-Ростовский доводит роспись Сугорских до XXI колена, в котором помещает лишь княжну Соломону Константиновну (*Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. Т. 2. С. 268).

О землевладении князей Угольских позволяет судить данная грамота кн. Ивана Васильевича Угольского Павлову Обнорскому монастырю 1534/35 г.¹²¹ и полюбовная разъезжая князей Ивана, Федора и Осипа Константиновых детей Угольских со старцами Павлова монастыря 1540/41 г.¹²² В 1534/35 г. кн. И.В. Угольский дал вкладом в монастырь шесть деревень (Нятинино, Фетиньино, Лукино, Куземкино, Веснино, Плющево), три починка (Зыков, Мысок, Давыдов) и займище (Климовское). Из шести деревень, названных в грамоте, три отождествляются по СНМ Волог. с казенными деревнями при рч. Ухтоме, в 1-м стане Грязовецкого уезда, к юго-западу от г. Грязовца, на границе с Ярославской губернией. Это д. Фетинино, в 14 в. от г. Грязовца¹²³; д. Куземкино, в 15 в. от г. Грязовца¹²⁴; д. Плющево, в 20 в. от г. Грязовца¹²⁵. Они находятся на небольшом расстоянии друг от друга: Куземкино — в 0,6 км к юго-западу от Фетинина, Плющево — в 0,2 км к западу от Куземкина¹²⁶. Следует, к сожалению, признать ошибочность наших прежних идентификаций деревень Нятинина и Лукина¹²⁷ — они были отождествлены с пунктами, совпадающими с указанными только по названию, но расположенными в других районах Грязовецкого уезда.

В разъезжей грамоте 1540/41 г. упоминаются в качестве монастырских владений деревни Фетиньино, Плющево, починки Трофимов, Климов, в качестве княжеских — деревни Ульянина, Дьяконица, поч. Иванов. Кроме того, в разъезжей фигурируют Крутой враг, Ульянинская дорога, р. Ухтома и рч. Карагач.

В жалованной грамоте Ивана IV 1546 г. перечислены владения Павлова Обнорского монастыря («в Углеце»): деревни Фетинино, Нятино, Лукино, Плющево, Веснино, Куземкино, починки Нятино, Давыдов, Калинин¹²⁸. Это те земли, которые монастырь получил в 1534/35 г. от кн. Ивана Васильевича Угольского.

В дозорных книгах 1619/20 г. в составе рассматриваемого монастырского комплекса указаны с. Карагач на рч. Карагаче, с церко-

¹²¹ *Кацтанов С.М.* Из истории. С. 146. № 6. Грамота датирована здесь, по ошибке, 1535/36 г.

¹²² Там же. С. 150–151. № 9.

¹²³ СНМ Волог. № 2886.

¹²⁴ Там же. № 2884.

¹²⁵ Там же. № 2881.

¹²⁶ Карта Яр. Л. 11; Вологодская область. Общегеографический региональный атлас. М., 2001 (далее — Атлас Волог.). Л. 117.

¹²⁷ *Кацтанов С.М.* Из истории. С. 146. № 6. Комментарии.

¹²⁸ Там же. С. 155. № 12.

вью Бориса и Глеба, поч. Кокорев «на суходоле», д. Плющево «на ручью», д. Куземкино «на суходоле», пустоши Веснино, Фетиньино и Нетинина¹²⁹. В сотной 1631 г. фигурируют с. Карагач на рч. Карагаче, с церковью Бориса и Глеба, деревни Кокорево и Куземкино на суходоле, д. Плющево, Плащево тож «на речке на Плющовке», пустоши, что были деревни Лукино, Кастиха, Фетиньино, Веснино, а также пуст. Задорка¹³⁰.

Село Карагач превратилось к середине XIX в. в Борисо-Глебский-Карагачский погост при рч. Ухтоме, в 19 в. к юго-западу от г. Грязовца¹³¹. Кокорево значится в СНМ Волог. как казенная деревня при рч. Ухтоме, в 15 в. от г. Грязовца¹³². На современных картах Карагач отсутствует, но имеется «Кокарево» — в 1,4 км к юго-западу от Плющева. Приблизительно в 1,6 км к юго-востоку от Кокарева в Ухтому впадает рч. Тютешь, текущая с юга на север. Из современных карт неясно, что представляет собой другая река, как бы впадающая в Ухтому с северо-востока, напротив устья Тютешь. Ее верхнее течение носит название Рыбинка¹³³. На генеральном плане Грязовецкого уезда Вологодской губернии XVIII в. река, впадающая в основное русло Ухтомы с северо-востока, обозначена как «река Ухтома»¹³⁴. Это не что иное как верхнее, восточное течение Ухтомы. У верхней Ухтомы на плане XVIII в. показаны два притока: справа — рч. Белозерка, слева — ручей Головин. В 0,56 в. к западу от места соединения верхней Ухтомы с основным руслом в Ухтому впадает рч. Карагачь. Она является правым притоком Ухтомы и сама имеет два притока: с северо-запада — ручей Карагачь¹³⁵, с северо-востока — ручей безымянный. Они соединяются в одной точке, рядом с которой, на восточном (левом) берегу рч. Карагачь, у ее истоков, расположен погост Карагачь. Деревни Фетиньино, Куземкина, Плющево и Кокорево лежат в правобережье ручья безымянного. Погост Карагачь находится в 1,04 в. к юго-востоку от Кокорева.

¹²⁹ ГМЗРК. № Р-169. Гл. 43. Л. 178–179.

¹³⁰ Там же. Гл. 46. Л. 205 об.–207 об.

¹³¹ СНМ Волог. № 2885.

¹³² Там же. № 2883.

¹³³ Карта Яр. Л. 11; Атлас Волог. Л. 117.

¹³⁴ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. № 38/344.

¹³⁵ Надпись с названием ручья почти вся стерлась, читаются лишь буквы «Ка» в начале и «ь» в конце, из чего мы заключаем, что здесь было написано слово «Карагачь».

Деревня Плющева больше других удалена от берегов ручья безымянного, но на западе к ней близок другой ручей безымянный, приток рч. Березовки. Возможно, под «речкой Плюшовкой» в сотной 1631 г. подразумевается именно этот ручей. В дозорных книгах 1619/20 г. он назван просто «ручьём».

Длина рч. Карагачь — 0,96 в., ручья Карагачь — 2,08 в., ручья безымянного, впадающего в рч. Карагачь, — 3,44 в., верхней Ухтомы без притоков — 7,2 в. Верхняя Ухтома на востоке и рч. Карагачь с одноименным ручьем на западе образовывали нечто вроде угла, расширяющегося с юга на север. Вероятно, отсюда и название данной местности — «Углец», употребленное в жалованной грамоте 1546 г., а также фамилия князей Угольских. Конечно, это не был угол в геометрическом смысле слова: от места перехода верхней (узкой) Ухтомы в основное (широкое) русло до устья рч. Карагачь имеется промежуток в 0,56 в. по течению Ухтомы.

Судя по плану XVIII в., деревни, полученные в 1534/35 г. Павловым монастырем, находились на пространстве между ручьем Карагачь на юге и ручьем безымянным на востоке. Самый южный пункт — погост Карагачь — был приобретен монастырем позднее. Вероятно, южная часть «Углеца» оставалась в XVI в. в руках князей Угольских.

Попробуем проследить по карте ход межевания 1540/41 г. Оно начиналось и кончалось на Ухтоме. Сначала доходили до монастырской д. Фетиньина, а потом до Плющева. Значит, шли с юго-востока на северо-запад, от берегов верхней Ухтомы или ее притока Белозерки. После Плющева направлялись на юг к «речке» (возможно, ручью) Карагачу. Перейдя Карагач по мосту, шли большой дорогой на юг или юго-восток до Ухтомы. В конце межевания был сделан вывод: «правая сторона княжая, а левая сторона монастырская»¹³⁶. Скорее всего, межевщики стояли лицом к р. Ухтоме — не вполне ясно только, к восточному ее рукаву или к южному. Видимо, за князьями сохранялись земли на южной и, может быть, юго-западной окраине Углеца, в то время как центральная, восточная и северо-восточная его части закреплялись за монастырем. Впрочем, некоторые монастырские и княжеские земли были расположены вперемежку.

Род князей Угольских происходил от Дмитрия Ивановича Судницы (XVIII колена от Рюрика). Его сын Константин Дмитриевич

¹³⁶ Каишанов С.М. Из истории. С. 151. № 9.

Угольский (XIX колена) имел детей Василия, Григория и Константина Константиновичей (XX колена)¹³⁷. Отсюда можно заключить, что Иван Васильевич данной грамоты 1534/35 г. был сыном Василия Константиновича, а Иван, Осип и Федор Константиновичи, действовавшие в 1540/41 г., являлись детьми Константина Константиновича¹³⁸. Все четверо принадлежали к XXI колону от Рюрика. Иван Васильевич как сын старшего из Константиновичей, Василия, унаследовал наиболее крупную часть родового владения, но, вероятно, по причине бездетности¹³⁹ отдал ее Павлову Обнорскому монастырю. Его двоюродные братья отмежевывали в 1540/41 г. остатки родовой вотчины от монастырских владений, имевших тенденцию распространиться по всему Углицу.

В актах Павлова Обнорского монастыря фигурируют несколько князей Дябринских. Князь Семен Васильевич Дябринский выполнял в 1523–1524 гг. обязанности великокняжеского судьи по земельным тяжбам в Служнем стане Костромского уезда¹⁴⁰. К разъезжей грамоте мая 1523 г., составленной по его межеванию, были приложены две печати: самого Семена Дябринского и, видимо, его брата — Федора Дябринского. Приложение печати Федора выглядит несколько странно, поскольку роль второго судьи принадлежала не ему, а Федору Никитину сыну Приклонского. Возможно, у последнего не было своей печати, и в ход пошла печать брата первого судьи. Несколько позже (осенью 1523 г. или в 1524 г.) произошло новое межевание в том же районе и с участием тех же судей — Семена Дябринского и Федора Приклонского, только на этот раз они не сами межевали, а выслушивали доклад сторон о межевании¹⁴¹. В докладной разъезжей брат Семена Дябринского Федор уже не фигурирует.

В 1555/56 г. Семен Васильевич Дябринский, будучи постриженным Павлова монастыря («инокъ Герасим»), дал обители свой вотчинный лес¹⁴². По данной грамоте кн. Андрея Ивановича Дябринского 1559/60 г. во владение монастыря переходила пуст. Лом Савин «в Пошехонье в Романовском уезде в Дябрине». В грамоте

¹³⁷ Временник-Х. С. 42; РИ-2. С. 161; РККИД. Ч. II. С. 171 (князь Константин назван не Угольским, а «Угорским»).

¹³⁸ Ср.: РККИД. Ч. II. С. 172.

¹³⁹ «У князя Василья один сын князь Иван, бездетен» (РККИД. Ч. II. С. 171).

¹⁴⁰ Капитанов С.М. Из истории. С. 139–140. № 2.

¹⁴¹ Там же. С. 140–141. № 3.

¹⁴² ГМЗРК. № Р-169. Гл. 52. Л. 230–230 об. (см. ниже: Приложение, док. № 4).

упомянуты следующие родственники вкладчика: его покойный отец кн. Иван Андреевич и здравствующие мать Мария и жена Матрена, а также братья Никита и Федор¹⁴³. Третий брат Андрея, Василий, к этому времени, вероятно, умер. В отличие от Никиты и Федора, он не выступает в роли рукоприкладчика (подписанта) грамоты. В статье о возможном переделе отцовского наследия упомянуты Никита, Федор и «племянники» Андрея — Васильевы дети, но не сам Василий.

В 1563/64 г. кнг. Мария Ивановна Дябринская, вдова кн. Ивана Андреевича Дябринского, дала Павлову монастырю часть своих приданных земель (об этом см. выше), причем на данной грамоте Марии поставил свою подпись ее сын Андрей¹⁴⁴. В мае 1564 г. он же «указал межу» этим землям¹⁴⁵. В 1567/68 г. кнг. Мария Ивановна сделала новый, еще более крупный вклад в Павлов монастырь¹⁴⁶. Из родственников вкладчицы в грамоте фигурирует ее сын Никита, которому она заложила три деревни в 23-х рублях. Сын Андрей (уже как старец Андреан) выступал в роли одного из рукоприкладчиков (подписантов) грамоты.

С.Б. Веселовский упоминает под 1529 г. кн. Ивана Семеновича Дябринского¹⁴⁷. Скорее всего, Иван Семенович был сыном кн. Семена Васильевича Дябринского, действовавшего в 1523–1524 и 1555/56 гг. В Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. среди дворовых детей боярских по Пошехонью названы четверо Дябринских: «Григорей да Андрей княж Семеновы дети Дябринского. Андреец княж Федоров сын Дябринского. Иван княж Семенов сын Дябринского»¹⁴⁸. Двое Дябринских числились по Белоозеру: «Микита да Фетька княж Ивановы дети Шишкины Дябринского. Федька о[т]ставлен»¹⁴⁹. В 1591–1592 гг. детьми боярскими вологодского архиепископа были Василий княж Андреев сын и Федор княж Андреев сын Дябринские¹⁵⁰.

¹⁴³ ГМЗРК № Р-169. Гл. 56. Л. 234–236 (см. ниже: Приложение, док. № 5).

¹⁴⁴ Там же. Гл. 49. Л. 224–225 об. (см. ниже: Приложение, док. № 7).

¹⁴⁵ Там же. Гл. 54. Л. 231 об.–233 (см. ниже: Приложение, док. № 8).

¹⁴⁶ Там же. Гл. 50. Л. 225 об.–228 (см. ниже: Приложение, док. № 9).

¹⁴⁷ *Веселовский С.Б.* Ономастикон. М., 1974. С. 106; ср.: Архив П.М. Строева. Пг., 1915. Т. 1. (РИБ. Т. 32). № 121. Стб. 198.

¹⁴⁸ ТКДТ. С. 146.

¹⁴⁹ Там же. С. 147 (в издании «оставлен»; в квадратных скобках добавлено по смыслу). Ср.: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 88.

¹⁵⁰ ТКДТ. С. 295.

В наши задачи не входит изучение последующей судьбы рода Дябринских, хотя его представители фигурируют и в документах XVII в. Так, в боярской книге 1658 г. упомянут Иван Иванович Дябринский, имевший большой земельный оклад и денежные вознаграждения за военную и посольскую службу¹⁵¹.

Довольно трудно решить вопрос о том, кто был родоначальником Дябринских. В первой трети XVI в. действовали Семен Васильевич Дябринский и его брат Федор. Их современником и, вероятно, двоюродным братом являлся Иван Андреевич Дябринский. Можно предположить, что отцами Семена и Ивана были два родных брата — Василий и Андрей. Сыновей Василия и Андрея имел Александр Михайлович Андомский (XIX колено от Рюрика)¹⁵². Андома уже в первой трети XV в. входила в состав костромских волостей¹⁵³. Симптоматично первоначальное присутствие Дябринских именно в Костромском уезде. Возводя Дябринских к Александру Михайловичу Андомскому, дадим поколенную роспись известных нам представителей рода князей Дябринских.

Таблица 1

Поколенная роспись князей Дябринских

Колоно	№ п/п	Имя, отчество, прозвание	№ отца
XVIII	1	Михаил Андреевич Андомский	
XIX	2	Александр Михайлович Андомский	1
XX	3	Василий Александрович	2
	4	Андрей Александрович	2
XXI	5	Семен Васильевич Дябринский	3
	6	Федор Васильевич Дябринский	3
	7	Иван Андреевич Дябринский, жена Мария Ивановна	4

¹⁵¹ Боярская книга 1658 года. С. 174.

¹⁵² Временник-Х. С. 41; РИ-2. С. 160; РККИД. Ч. II. С. 165; *Петров П.Н.* История родов. Кн. 1. С. 220.

¹⁵³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л.В. Черепнин. М.; Л., 1950. № 30. С. 76, 78; ср.: № 34. С. 87; *Петров П.Н.* История родов. Т. I. С. 220.

Колено	№ п/п	Имя, отчество, прозвание	№ отца
XXII	8	Иван Семенович	5
	9	Григорий Семенович	5
	10	Андрей Семенович	5
	11	Андрей Федорович	6
	12	Андрей Иванович	7
	13	Никита Иванович Шишкин Дябринский	7
	14	Василий Иванович	7
	15	Федор Иванович Шишкин Дябринский	7
XXIII	16	Василий Андреевич	[11]?
	17	Федор Андреевич	[11]?

Рассматривая вклады в Павлов монастырь Марии Ивановны Дябринской, урожденной княжны Шелешпанской, мы уже говорили, что тут речь шла об ее приданой вотчине, т.е. о родовых землях князей Шелешпанских. Поэтому сейчас мы коснемся только тех вкладов, которые сделали в Павлов монастырь кн. Семен Васильевич Дябринский в 1555/56 г. и кн. Андрей Иванович Дябринский в 1559/60 г. Семен Васильевич дал в 1555/56 г. «своего вотчинново лесу от Нехминского ж починка павловьского ж и от Микулина подле Черную реку в Норкину старую дорогою, меж дороги и реки»¹⁵⁴. Более или менее надежным ориентиром для локализации этого леса служит упоминание Норкина, которое расположено, как мы помним, на берегу рч. Согожки.

В данной грамоте кн. Андрея Ивановича Павлову монастырю 1559/60 г. на «деревню, пустошь Лом Савин» говорится об отводе земли этой деревни «по старым межам, по Городцкую дорогу до Вострово наволока, до реки до Ухтомы, да рекою Ухтомою вниз до Черного ручья, да Чернымь ручьемь вверх прямо на ту ж Городцкую дорогу»¹⁵⁵. В сотной 1631 г. и в послушной грамоте 1646 г. пуст. Лом Савин показана на р. Ухтоме¹⁵⁶.

¹⁵⁴ ГМЗРК. № Р-169. Гл. 52. Л. 230 об.

¹⁵⁵ Там же. Гл. 56. Л. 234 об.

¹⁵⁶ Там же. Гл. 46, 63. Л. 205 об., 259.

Черную речку и Черный ручей мы находим на генеральном плане Грязовецкого уезда Вологодской губернии конца XVIII в.¹⁵⁷ Речка Черная начинается юго-западнее д. Бакланки. В районе деревень Осаново¹⁵⁸ и Почетково (Початково) в нее впадают с юга короткий ручей без названия, с запада — довольно длинный ручей Черный, начинающийся у д. Темниково. По левому (северному) берегу ручья Черного расположены деревни Темниково, Неверово, Почетково, по правому (южному) берегу — деревни Менчакова и Деревница. Между Бакланкой и Темниковым — 5 в. с северо-востока на юго-запад. Ручей Черный в своем среднем течении отстоял примерно на 1,76 в. от р. Ухтомы. На картах Яр. 1997 г. и Волог. 2001 г. Темниково и Неверово показаны на р. Тютешь¹⁵⁹. Такое же положение этих деревень было зафиксировано в середине XIX в.: в СНМ Волог. они значатся на ручье Тютешке, в 26 — 27 в. к юго-западу от г. Грязовца¹⁶⁰.

Видимо, к этому времени о ручье Черном забыли и его течение отождествляли на каком-то участке с ручьем Тютешкой. Другие деревни, которые на плане XVIII в. расположены по берегам ручья Черного (Деревница, Минчаково, Осаново, Початково) показаны в СНМ Волог. при ручье безымянном, в 26–27 в. к юго-западу от г. Грязовца¹⁶¹. Речка Черная в СНМ Волог. фигурирует под именем Чернавка. Так, д. Бакланка значится при рч. Чернавке, в 25 в. к юго-западу от г. Грязовца¹⁶².

Ручей или рч. Тютешка (Тютешь) на картах 1997 и 2001 гг. предстает в качестве южного притока Ухтомы. Но в XVI–XVII вв. она воспринималась как сама р. Ухтома. И если в источниках того времени говорится о Ломе Савине на р. Ухтоме, то на современной карте его следовало бы поместить возле р. Тютешь. Судя по описанию межи Лома Савина в грамоте 1559/60 г., данный объект находился где-то в районе позднейшей деревни Ваганки на ручье Тютешке¹⁶³ (=на р. Ухтоме): межа шла вниз по р. Ухтоме

¹⁵⁷ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. № 38/344.

¹⁵⁸ От названия деревни в рукописи сохранились только буквы «...ова». Восстанавливаем это название предположительно, по упоминанию д. Осаново при ручье безымянном в СНМ Яр. (№ 2847).

¹⁵⁹ Карта Яр. Л. 11; Атлас Волог. Л. 117.

¹⁶⁰ СНМ Волог. № 2842, 2849.

¹⁶¹ Там же. № 2843, 2845, 2847, 2850.

¹⁶² Там же. № 2851.

¹⁶³ Там же. № 2844.

до Черного ручья, а затем по Черному ручью вверх. Грубо говоря, это был путь от Ваганки на северо-восток до Минчакова и далее в том же направлении до Темникова. Сама д. Лом Савин может быть локализована на пространстве между Деревницей и Ваганкой, северо-западнее с. Никольского-Масальского. По карте 1997 г., от Никольского до Темникова 4 км. Примерно на середине пути между ними, т.е. в 2–2,5 км к северу от Никольского, и находился Лом Савин.

Этот объект был богат не столько пашней, сколько лесом. В сотной 1631 г. сказано: «Пуст. Ломъ Савинъ на реке на Ухтоме: худые земли 4 четв. без полуосмины в поле, а в дву по тому ж, сена пять копен, лесу красново девять десятин»¹⁶⁴. Лес, отданный Павлову монастырю в 1555/56 г. кн. С.В. Дябринским, был расположен возле р. Черной, т.е. восточнее Лома Савина, к югу от Бакланки. Насколько далеко он простирался на юг, сказать трудно. Выражение грамоты 1555/56 г. «в Норкину» едва ли можно понимать в том смысле, что лес доходил непосредственно до Норкина на рч. Согожке. Скорее это было указание направления. Как понимать слова той же грамоты: «меж дороги и реки»? В грамоте упомянута только р. Черная. Ее протяженность вместе с южным притоком составляла не более 2 в.

В целом земли князей Дябринских локализируются в районе к северу, северо-востоку и отчасти северо-западу от с. Никольского-Масальского. Их северная граница проходила по линии Темниково — Неверово — Бакланка, южная — предположительно по линии Ваганка — Деревница — Яськино¹⁶⁵ (ныне Яскино) — Рославское (Раславское)¹⁶⁶. Это пространство занимает около 5 в. с запада на восток и около 3 в. с севера на юг.

Владения князей Дябринских находились южнее вотчины князей Угольских (от устья рч. Карагач до начала ручья Черного — 6 в.) и севернее земель, принадлежавших князьям Сугорским (от начала южного притока рч. Черной до начала ручья Филисова¹⁶⁷ — 1,6 в.; от Яскина до Тюшкова по картам 1997 и 2001 гг. — 2,8 км, от Яскина до Норкина — 3,6 км). Между владениями князей Дябринских

¹⁶⁴ ГМЗРК. № Р-169. Гл. 46. Л. 205 об.

¹⁶⁵ В XIX в. Яськино — владельческая деревня при ручье Зубковке, в 33 в. к юго-западу от г. Грязовца (СНМ Волог. № 2855).

¹⁶⁶ В XIX в. Раславское — владельческая деревня при ручье безымянном, в 32 в. к юго-западу от г. Грязовца (СНМ Волог. № 2856).

¹⁶⁷ На генеральном плане Грязовецкого уезда конца XVIII в. начало Филисова ручья показано в 2 в. восточнее с. Никольского (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. № 38/344).

на севере и Сугорских на юге было расположено с. Никольское-Масальское, принадлежавшее князьям Шелешпанским.

Проведенное исследование, главной целью которого было установление границ владений ряда княжеских фамилий в Пошехонье, может, как мы полагаем, способствовать воссозданию ретроспективной картины приобретения местными князьями-Рюриковичами статуса вотчинников. До XVI колена члены рода белозерских князей играли, по-видимому, роль носителей публичной власти, не соединявшейся с вотчинным землевладением. Первый белозерский кн. Глеб Васильевич, живший в XIII в., представлял XII колено от Рюрика. Между ним и основателями фамилий князей-вотчинников прошло, по крайней мере, три поколения безвотчинных князей. Едва ли они имели статус князей удельных. «Удел» — понятие сугубо московское. С помощью уделов достигался определенный уровень централизации государственной власти московских великих князей, и в этом отношении московские «уделы» весьма близки к «апанажам» членов королевской семьи во Франции. Являлись ли безвотчинные белозерские князья XIII–XV поколений «территориальными князьями» в западном смысле слова, сказать трудно. Вопрос этот нуждается в дальнейшем изучении.

Приложение

ДОКУМЕНТЫ КОПИЙНОЙ КНИГИ ПАВЛО-ОБНОРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Ниже публикуется 10 документов копийной книги Павло-Обнорского монастыря, характеризующих земельные вклады в монастырь белозерско-пошехонских князей и вотчинников Рожновых в XVI в. При публикации текстов выносные буквы передаются курсивом; буквы, вносимые в текст при раскрытии аббревиатур и при выносных, помещаются в круглых скобках. Буква «ѣ» сохраняется. Другие древнерусские буквы, вышедшие из употребления, заменяются современными: «s» (зело) заменяется на «з», «i» (и) — на «и», «o» (от) — на «о», «ѣ» (кси) — на «кс», «Ѱ» (фита) — на «ф».

В заголовках, легендах и примечаниях приняты следующие сокращения:

в. — верста; гл. — глава; д. — деревня; дерр. — деревни; доб. — добавлено; дрб. — другая буква; дрбб. — другие буквы; дрп. — другой почерк; дрч. — другие чернила; иг. — игумен; испр. — исправлен, -а, -о, -ы; кв. ск. — квадратные скобки; кн. — князь; кнг. — княгиня; м.б. — может быть; м-рь — монастырь; нап. — написан, -а, -о, -ы; ок. — около; отс. — отсутствует; подпр. — подправлен, -а, -о, -ы; поч. — починок; пуст. — пустошь; р. — река; ркп. — рукопись; рч. — речка; с. — село; ст. — стан; сxp. — сходный почерк; схч. — сходные чернила; сц. — сельцо; тжп. — тот же почерк; тжч. — те же чернила; у. — уезд; уп. — упоминание.

№ 1

1541 г. [сентября 1] — 1542 г. [августа 31]. — Деловая и межсвая Степана, Бориса, Якова и Дмитрия Александровых детей Крюкова Рожнова на вотчину их отца — Демятино [в Служнем ст. Костромского у.]

(Л. 279) Подлинная деловая запис(ь) деревни Демятина¹.

Се аз, Степанъ да яз Борисъ, да яз Яковъ, да яз Митка Александровы² дѣти Крюкова с(ы)на Рожнова // (Л. 279 об.) поделили есмя промеж собою отца своег(о) вотчину Демятино — от Медвидевские земли до Соснового болота вниз по рѣчке по Никъше до пониже пруда, да по рѣчке по Никъше ж(е) гоны³ з двои, да с рѣчки⁴ же с Никъши на елочку на малую, да с тое ж ельки в другомъ поле на елку же под кустомъ, да съ елки посеред драки⁵ на пень на високои на березовой, да со пни на Кругличную землю, да з другою мѣста Кругличные ж земли на Малышовское болото и на колодез(ь) на Малышов, да с колодезя на пень на березовой на високои, да со пни на Говоровской починокъ прямо, да с той же Кругличные земли лядомъ на Люшинское мостицо, да с мо/(Л. 280)стища на Осташковскую землю, а за мостищемъ за Люшинским у насъ земля вопчая.

Мнѣ ся Степану да Якову досталос(ь)⁶ починокъ Самыловъ да Новое Демятино, да Малышовское. А мнѣ ся Борису да Митке досталос(ь)⁷ Демятино Старое да починокъ Агѣев. А поделили есмя вотчину з жереб(ь)евъ, а записи есмя дѣловые писали слово въ слово одного дьяка и послуховъ, и розняли по себѣ.

А на то послуши: Василеи Федоров с(ы)нъ Рожновъ да Бардакъ Михаиловъ с(ы)нъ, да Левонтеи Андрѣевъ с(ы)нъ.

А запись деловую писал Михалко Алексѣевъ с(ы)нъ, лѣта 7050-г(о).

А по тѣм намъ межам ямы копат(ь) и грани класть. //

(Л. 280 об.) А позади подлинной записи пишет: К сеи деловой Степанъ и въ Яковлево мѣсто руку приложил.

К сеи деловой яз Митка и в брата своего в мѣсто в Борисово руку приложил.

Послух Лева руку приложилъ.

Послух Бардакъ руку приложил.

ГМЗРК. № Р-169. Л. 279–280 об. Гл. 71. Список ок. 1684 г.

Уп.: 1) *Титов А.А.* Описание рукописей Ростовского музея церковных древностей. Ярославль, 1889. Ч. 2 (№ 87–174) (далее — *Титов А.А.* Описание. Ч. 2). С. 45. Л. 279. Гл. 71 (без даты; заголовок из оглавления копийной книги); 2) *Капитанов С.М., Столярова Л.В.* Копийная книга. С. 385–386. Л. 279–280 об. Гл. 71 (№ 72).

Примечания: ¹ В оглавлении копийной книги, на л. 7 помещен следующий заголовок этой грамоты: «Подлинная делавая запис(ь) д(е)р(е)вни

Демятина. Глава 71». ² Напротив на правом поле дрп. и дрч. нап.: «71» (буквенная цифирь). ³ По Далю, «гона» — верста, путь в одну версту (см.: *Даль В.[И.]*. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. I. А–З. С. 374). ⁴ Буква «к» как будто подпр. тжч. ⁵ По Далю, «драки» — дор, подсека, росчисть (см.: *Даль В.[И.]*. Толковый словарь. Т. I. С. 490). ⁶ Над последним «о» выносное «с» как будто перечеркнуто титлом; частица «ся» уже была в начале предложения. ⁷ Над последним «о» косая черточка под титлом, которую можно принять за выносное «с»; частица «ся» уже была в начале предложения.

№ 2

1546 г. [сентября 1] — 1547 г. [августа 31]. — *Данная Степана Александрова сына Рожнова Павлову Обнорскому м-рю на Новое Демятино и половину поч. Малышева (к после отца своего живота и жены своеи Опраксы по душе)* [в Служнем ст. Костромского у.]

(Л. 280 об.) Подлинная даная на д(е)р(е)вню Новое Демятино¹.

Се аз, Степанъ Александров² сынъ Рожновъ дал³ еси после отца своего живота и жены своеи Опраксы по душѣ в домъ живоначальные Тро(и)цы и пр(е)п(о)д(о)бному Павлу свою вотчину от Дубакова Новое Демятино да половину починка Малышева в домъ. А буде брат(ь)е // (Л. 281) моеи до той вотчины, и им дати с тое вотчины в домъ Павлу пр(е)п(о)д(о)бному пятьдесят рублевъ денегъ.

На то послуши: Есипъ Федоров с(ы)нъ Кафтырева да Собака Суворов сынъ Волоцкоз(о), да Малах Иванов с(ы)нъ.

А даную писалъ Митка Ивановъ сын Борановъ, лѣта 7055-з(о). Позади данои пишеть:

К сеи данои Степанъ руку приложил.

Послух Собака руку приложил.

Послух Малах руку приложил.

ГМЗРК. № Р-169. Л. 280 об.–281. Гл. 72. Список ок. 1684 г.

Уп.: 1) *Суворов Н.И.* Опись Павлообнорского монастыря Вологодской епархии 1683 года // Известия имп. Археологического общества. СПб., 1865. Т. V. [Вып. 1–6] (далее — *Суворов Н.И.* Опись). Стб. 280: «Даная Стефана Александрова сыны Рожнова

(так! — С.К.) на вотчинную деревню Новое да Демятино, лета 7055 году»; 2) *Титов А.А.* Описание. Ч. 2. С. 45. Л. 280 об. Гл. 72 (без даты; заголовок из оглавления копийной книги); 3) *Капитанов С.М., Столярова Л.В.* Копийная книга. С. 386. Л. 280 об.—281. Гл. 72 (№ 73).

Примечания: ¹ В оглавлении копийной книги, на л. 7 помещен следующий заголовок этой грамоты: «Подлинная даная <на новую> на д(е)р(е)вню Демятино. Глав[а] 72» (слова «на новую» нап. над строкой схп. и схч., но более мелко; слово «Глав» не дописано, в кв. ск. доб. по смыслу; в номере главы цифра «в» испр. на «г» тжч., а затем «г» испр. на «в» дрч.). ² Буква «о» нап. по полусмытой букве «ъ» тжп. и тжч. ³ Напротив на левом поле дрп. и дрч. нап. «72» (буквенная цифирь).

№ 3

1550 г. [сентября 1] — 1551 г. [августа 31]. Москва. — *Данная Ивана Андреевича Кутузова, по приказу его жены Евдокеи, дочери кн. Константина Охметековича Согорского, «по ее духовной памяти», иг. Павлова Обнорского м-ря Протасию на с. Охметеково с дерр. «в Романовскомъ уезде в Пошехонье в Дябрине», с требованием поминания Евдокеи, ее родителей и всего ее рода.*

(Л. 228) Списокъ з даные^{1,2}.

Се аз, Иван Аньдрѣвичъ Кутузов, дал есми в домъ св(я)тои живоначалнои Тро(и)цы и пр(е)ч(и)стои его м(а)т(е)ре, и пр(е)п(о)д(о)бному чудотворцу Павлу по при// (Л. 228 об.) казу жены своєї Евдокеи княж Костянтиновы дочери Охметековича Согорского по ее д(у)ховнои памяти в Романовскомъ уѣзде в Пошехон(ь)е в Дябринѣ ее вотчину, чѣм еѣ бл(а)гословиль отецъ еѣ, кн(я)зь Костянтинъ³: Охметеково село, д(е)р(е)вня Ешканово, д(е)р(е)вня Ватолино, д(е)р(е)вня Матренино, д(е)р(е)вня Скоморохово, д(е)р(е)вня Починокъ Дубасовъ, д(е)р(е)вня Вараково, д(е)р(е)вня Шилово, д(е)р(е)вня Ростаницы, д(е)р(е)вня Рудино, д(е)р(е)вня Дресьянка, д(е)р(е)вня Булавкинъ Починокъ, д(е)р(е)вня Оникиево, д(е)р(е)вня Копылово, д(е)р(е)вня Холмъ, д(е)р(е)вня Хорошово Пустошь, д(е)р(е)вня Норкино, д(е)р(е)вня Дешеково, д(е)р(е)вня Добрынкино, починок Неумоин. И д(у)х(о)вную есми грамоту жены своєї Евдокеи дал в Павлов м(о)н(а)ст(ы)рь игумену // (Л. 229) Протас(ь)ю з братьею на

поминокъ по еѣ душѣ и по еѣ отцѣ по кн(я)зе Костянтине, и по еѣ м(а)т(е)ре по княине по Мар(ь)е, и по еѣ прадѣде, и по дѣде, и по *всему* роду еѣ. И *держат* то село и д(е)р(е)вни, какъ было за мною, за Иваномъ Андрѣвичем.

А игумену Протас(ь)ю з братьею поминати жену мою Евдокею и *отца* еѣ, кн(я)зя Костянтина, и матеръ еѣ, кн(я)гиню Марью, и весь род еѣ, или кто по немъ, игумене, в Павлове м(о)н(а)ст(ы)рѣ иные игумены *будут*, по *дважды* на год, понахида и обѣдня служити⁴ собором, и братью кормити, и нищих кормити. А на братью *кормь* чинити *болшеи* и с масленымъ, и квас сыченои. А *первои* *кормь* чинити м(е)с(я)ца мая въ 21 *де(нь)*, на *памят(ь)* св(я)т(о)го и равноап(о)ст(о)ломъ⁵ // (Л. 229 об.) великоз(о) ц(а)ря Константина и хр(и)столюбивыя его м(а)т(е)ри Елены. А *другои* *кормь* кормити на преставление Евдокеино, м(е)с(я)ца сентября въ 16 *де(нь)*, на *памят(ь)* св(я)тые великом(у)ч(е)н(и)цы⁶ Евѣфимии Всехвалныя по тому *жс*. А поминати игумену Протас(ь)ю з братьею, или кто по нем *иные*⁷ *игумен* *будет*⁷ в Павловѣ м(она)ст(ы)рѣ, докамѣста и м(о)н(а)ст(ы)рѣ *стоитъ*, и написати еѣ, Евдокею, и *отца* еѣ, и м(а)т(е)рь, и *вес(ь)* род еѣ во *вседневной* сенодикъ и в *вѣчной* сенодикъ, и поминати их на обѣдне и на заутрени, и на вечерни по вся дни *покамѣсть* и м(о)н(а)ст(ы)рѣ *стоитъ*.

А мнѣ, игумену Протас(ь)ю з братьею, положить еѣ, Евдокею, у *живоначалной* Трои(и)цы⁸ в Павлове м(о)н(а)ст(ы)рѣ съ еѣ родители. //

(Л. 230) А на то послуши: игумен Елисеи Еуфим(ь)евы пустыни, да старецъ Андреанъ Будукъ, Еуфимьевы *жс* пустыни казначеи, да кн(я)зь Иван Юрьевич Ухтомскоз(о)⁹, да кн(я)зь Петръ Александрович Ухтомского *жс*.

А даную писалъ на Москвѣ Андрюшка Нестеровъ с(ы)нъ Бутыровского, лѣта 7059-г(о).

А *назади* у данные рука Ивана Андрѣвича Кутузова, да послуха игумена Елисея рука, да послуха кн(я)зь Петрова рука, да послуха кн(я)зь Иванова рука.

ГМЗРК. № Р-169. Л. 228–230. Гл. 51. Список ок. 1684 г.

Уп.: 1) *Титов А.А.* Описание. Ч. 2. С. 44. Л. 228. Гл. 51 (без даты; заголовок из оглавления копийной книги); 2) *Капитанов С.М., Столярова Л.В.* Копийная книга. С. 383. Л. 228–230. Гл. 51 (№ 52).

Примечания: ¹ Напротив на правом поле дрп. и дрч. нап.: «Глав(а) 51» (буквенная цифирь). ² В оглавлении копийной книги, на л. 6 помещен

следующий заголовок этой грамоты: «Списокъ з даные Ивана Андрѣевича Кутузова на д(е)р(е)вно Яшканово з д(е)р(е)внями. Глава 51». У Титова вместо «Яшканово» нап. «Жиканово». ³ В букве «я» чернила расплылись, и она читается как «а». ⁴ Буква «ж» испр. как будто из дрб. тжп. и тжч. ⁵ Так в ркп. ⁶ Буквы «велико» нап. над строкой тжп. и тжч., но более мелко. ⁷⁻⁷ Такое согласование в ркп. ⁸ Левая, округлая часть буквы «ы» подпр. или испр. из дрб. («е») тжч. ⁹ Выносное «г» испр. из выносного «і» тжч.

№ 4

1555 г. [сентября 1] — 1556 г. [августа 31]. — Данная кн. Семена Васильевича Дябринского (инока Герасима) иг. Павлова Обнорского м-ря Елисею на вотчинный лес в районе р. Черной возле поч. Нехминского и Микулина [в Дябрине в Пошехонье].

(Л. 230) Список з даные^{1,2}.

Се аз, кн(я)зь Семень Васильевичъ Дябринской, инокъ Герасимъ, дал есми в домъ св(я)тои и живоначалнои // (Л. 230 об.) Тро(и)-це и чудотворцу Павлу игумену Елисъю з братьею своего вотчинново лѣсу от Нехминского ж починка павловъского ж и от Микулина подлѣ Черную реку в Норкину старую дорогою, меж дороги и реки. А дал есми тот лѣс в домъ живоначалнои Тро(и)-це и чудотворцу Павлу игумену Елисею з братьею в вѣки вклад без выкупа.

А на то послуси: Матвѣи Попов с(ы)нъ Борисов да Яков Кондратьевъ с(ы)нъ.

А даную писалъ Ташлыкъ Семеновъ с(ы)нъ, лѣта 7064-г(о).

А к подлиннои данои кн(я)зь Андрѣи руку приложил, да Матвѣи послух руку приложил.

ГМЗРК. № Р-169. Л. 230–230 об. Гл. 52. Список ок. 1684 г.

Уп.: 1) *Титов А.А.* Описание. Ч. 2. С. 44. Л. 230. Гл. 52 (без даты; заголовок из оглавления копийной книги); 2) *Капитанов С.М., Столярова Л.В.* Копийная книга. С. 383. Л. 230–230 об. Гл. 52 (№ 53).

Примечания: ¹ Напротив на правом поле дрп. и дрч. нап.: «Глав(а) 52» (буквенная цифирь). ² В оглавлении копийной книги, на л. 6 помещен следующий заголовок этой грамоты: «Списокъ з даные кн(я)зь Семена Васильевича Дябринского на лѣс. Глава 52».

1559 г. [сентября 1] — 1560 г. [августа 31]. — Данная с отводом кн. Андрея Иванова сына Дябринского иг. Павлова Обнорского м-ря Антонию на д. (пуст.) Лом Савин, по душе отца, кн. Ивана Андреевича, и по всем роде, в вечный поминок, «в Пошехонье в Романовскомъ уезде в Дябрине».

(Л. 234) Подлинная даная на пустош(ь)¹ Ломъ² Савин^{3,4}.

Се аз, кн(я)зь Андрѣи княж Иванов сын Дябринского, дал есми в домъ св(я)тои и⁵ живоначалной⁵ Тро(и)це и пр(е)ч(и)стыя Б(о)гом(а)-т(е)ре и пр(е)п(о)д(о)бного чудотворца Павла игумену Антонию, еже о⁶ Хр(и)стѣ з братьею, свою вотчинную д(е)р(е)вню, пустошь Ломъ Савин в Пошехон(ь)е в Романовскомъ уѣзде в Дябрине, по душѣ отца своего, кн(я)зя Ивана Андрѣевича, и по всем своемъ роду на поминокъ, в наслѣдие вѣчных бл(а)гъ, без выкупа. А дал есми ту пустошь, д(е)р(е)вню Ломъ Савинъ, со всѣми угод(ь)и, с лѣсы и с луги, и с водами, и что к той пустоши истари [по]тягло⁷, куды // (Л. 234 об.) топор и плугъ, и коса ходила, по старым межам, по Городцкую дорогу, до Вострово наволока, до реки до Ухтомы, да рекою Ухтомою вниз до Черного ручья, да Чернымъ ручьемъ вверхъ прямо на ту ж Городцкую дорогу — то межа той д(е)р(е)вне.

А отецъ н(а)шъ, кн(я)зь Иван Андрѣевичъ, при своемъ животѣ вотчиною насъ з братьею моею поделилъ, со кн(я)зем Никитою да со князем Васильемъ, да со кн(я)зем Федоромъ, по четверти всѣм равно; и усадища намъ учинил, гдѣ коему жить. И буде брат(ь)я мои, кн(я)зь Федор да князь(ь) Никита, да племянники мои, княж Васильевские дѣти, позабудутъ бл(а)гословение отца своего, кн(я)зя Ивана Андрѣевича дѣл, какъ исподелилъ, и доспуют // (Л. 235) надо мною силу, а учнут⁸ изнова передѣливать отчину, и буде достанетца та д(е)р(е)вня коему въ их сторону, и мнѣ в тое мѣсто деревни дати иная д(е)р(е)вня своего жъ усадища в домъ живоначалной Тро(и)це в ту ж(е) мѣру, сколько было у мое д(е)р(е)вни лѣсу и земли, и травы, и луговъ. А не дамъ яз, князь(ь) Андрѣи, иные д(е)р(е)вни в тое мѣсто в домъ живоначалной Тро(и)це, и мнѣ за д(е)р(е)вню дать пятьдесят рублевъ.

А игумену Антонию з братьею отца моего и род мои написат(ь) во вседневной листъ и в вѣчной сенодикъ. А о м(а)т(е)ре моеи,

княине Мар(ъ)е, о здравии и о моем здравии, и жены моеи, кн(я)-гини Матрены⁹, здравии игумену Антонию з братьею, или по нем иныи игумен или // (Л. 235 об.) строители у живоначалнои Тро(и)-цы в Павлове м(о)н(а)ст(ы)рѣ будутъ, Б(о)га молити. А Б(о)гъ пошлет по душу м(а)т(е)ри¹⁰ моеи и по мою душу, и по душу княини моеи, и игумену з братьею или строителю по тому *ж* написати нас¹¹ к н(а)шимъ же родителем во вседневной листъ и в вѣчнои сенодикъ.

А на то послуси: Никифор Федоровъ сынъ Дуткин, ярославецъ, да Роман Захар(ъ)инъ сынъ Руготинъ, да Дмитрии Леонтьевъ с(ы)нъ, да Гаврило Филимонов с(ы)нъ Красухина, москвичи.

А даную писал Истомка Суворовъ сынъ.

Да на то *ж* послух попь Аверкеи Попов с(ы)нъ Олферьевъ, лѣта 7068-з(о).

А у подлинной данои позади пишет: К сеи данои кн(я)зь Андрѣи руку приложил.

Послух Никифор руку приложил.

Послух Роман руку приложил. //

(Л. 236) Послух Дмитрии руку приложил.

Послух Гаврило руку приложил.

Послух попь Аверкеи руку приложил.

К сеи данои князь(ъ) Никита руку приложил. К сеи данои кн(я)зь Федор руку приложил¹². По братню дан(ъ)ю и мы дали *ж* ту землю по отцѣ своемъ.

ГМЗРК. № Р-169. Л. 234–236. Гл. 56. Список ок. 1684 г.

Уп.: 1) Суворов Н.И. Описание. Стб. 280: «Даная князь Андрея, князь Иванова сына, Дябринского на вотчинную деревню, что ныне пустошь Лом Савин, ветха» (без даты); 2) Титов А.А. Описание. Ч. 2. С. 44. Л. 234. Гл. 56 (без даты; заголовок из оглавления копийной книги); 3) Каштанов С.М., Столярова Л.В. Копийная книга. С. 383. Л. 234–236. Гл. 56 (№ 57).

Примечания: ¹ Слово нап. над строкой тжп. и тжч., но более мелко. ² Буквы «Ло» нап. по смытому тжп. и тжч.; между «о» и «м» пробел на одну букву. ³ Напротив на правом поле дрп. и дрч. нап.: «Глав(а) 56» (буквенная цифирь). ⁴ В оглавлении копийной книги, на л. 6 об. помещен следующий заголовок этой грамоты: «Даная на пустошь Ломъ Савин. Глава 56». ⁵⁻⁵ Нап. над строкой тжп. и тжч., но более мелко. ⁶ Буква «о» испр. из «е» тжп. и тжч. ⁷ В ркп. «тягло»; в кв. ск. доб. по формуляру. ⁸ Между первым «у» и «ч» след смытой буквы. ⁹ Слово нап. (приписано?) в конце

строки на правом поле тжп. и тжч.¹⁰ Буква «м», кажется, испр. из дрб. тжп. и тжч.¹¹ Буква «н» испр. из дрб. или подпр. тжп. и тжч.¹² Первое «л» нап. вместо полусмытой дрб.

№ 6

1559 г. [сентября 1] — 1560 г. [августа 31]. — *Данная Степана Александрова сына Рожнова иг. Павлова Обнорского м-ря Антонию на д. Новое Демятино и половину пуст. Малышева [в Служнем ст. Костромского у.] «на поминок отцу своему Александру и матери своей Настасии, и по своей душе», с предоставлением жене вкладчика Евпраксии («Опраксе») права жить в этой вотчине за монастырем «до живота своего» в случае невыхода снова замуж.*

(Л. 281) Подлинная ж даная на д(е)р(е)вню Демятино^{1,2}.

Се аз, Степанъ³ Александровъ сын Рожнова, дал еси в домъ св(я)тои и живоначалнои Тро(и)цы и пр(е)п(о)д(о)бному Павлу чудотворцу игумену Антонию // (Л. 281 об.) з братьею после живота своего свою вотчину, бл(а)гословение отца моего Александра, д(е)р(е)вня Новое Демятино да половину пустоши Малышова, на поминок отцу своему Александру и м(а)т(е)ре своей Настасии, и по своей душѣ, и по своемъ роду.

Да в тои же моеи вотчинѣ в Демятинѣ и в пустоши Малышове жити моеи женѣ Опраксѣ до живота своего, а давати женѣ моеи Опраксѣ с тое вотчины в Павлов м(о)н(а)ст(ы)рь на всякъ год з году на год на мою память(ь) по десяти чети ржи да по десяти чети овса. А Б(о)гъ пошлет по душу жены моеи Опраксы, ино та моя вотчина со всѣм в домъ св(я)тои Тро(и)це живоначалнои и пр(е)п(о)д(о)бному Павлу чудотворцу. // (Л. 282) А поидет жена моя Опраксѣса замуж, ино Опраксѣ до тое вотчины дѣла нет никому ни в чем, а даю ту вотчину в Павлов м(о)н(а)ст(ы)рь.

А даю ту вотчину в дом св(я)тои Тро(и)це [в]⁴ вѣки веком на поминокъ и в наслѣдие вѣчных бл(а)гъ. И игумену з братиею отца моего и м(а)т(е)ри моеи, и меня, Степана, из сенодика не выгладити покамѣсть и м(о)н(а)ст(ы)рь стоять.

А на то послуси: Яковъ Афонас(ь)евъ с(ы)нѣ Мастакова да Сокол Симановъ с(ы)нѣ.

А даную писал Третияница Ярковъ сын Рагозинъ, лѣта 7068-2(о) году.

А у подлинной данои позади пишет:

К сеи данои от(е)ць духовной, попь Игнатеи руку приложил.

Послух Якушь руку приложил. //

(Л. 282 об.) Послух Сокол руку приложил.

Степан руку приложил.

ГМЗРК. № Р-169. Л. 281–282 об. Гл. 73. Список ок. 1684 г.

Уп.: 1) *Титов А.А.* Описание. Ч. 2. С. 45. Л. 281. Гл. 73 (без даты; вместо повторения заголовка гл. 73 из оглавления копийной книги написано: «То же» — имеется в виду заголовки гл. 72, тоже относящийся к данной грамоте Степана Александрова сына Рожнова, хотя и другого года, на д. Новое Демятино; ср. выше, док. № 2); 2) *Каишанов С.М., Столярова Л.В.* Копийная книга. С. 386. Л. 281–282 об. Гл. 73 (№ 74).

Примечания: ¹ Напротив на правом поле дрп. и дрч. нап. «73» (буквенная цифирь). ² В оглавлении копийной книги, на л. 7 помещен следующий заголовок этой грамоты: «Подлинная даная на д(е)р(е)вню Демятина. Глава 73». ³ Буква «С» нап. по полусмытой букве «а» тжп. и тжч. ⁴ В ркп. предлог «в» отс.; в кв. ск. доб. по смыслу.

№ 7

1563 г. [сентября 1] — 1564 г. [мая 1]¹. — *Данная кн. Марьи, жены кн. Ивана [Андреевича] Дябринского, дочери кн. Ивана Андреевича [Головина] Шелешпальского, иг. Павлова Обнорского м-ря Антонию на ее «вотчинные приданые» дерр. Васюково, Кузнецово и др. в «Романовскомъ уезде в Пошехонье в Шелешпале».*

(Л. 224) Списокъ з даные^{2,3}.

Се аз, кн(я)гини Мар(ь)я княж Иванова кн(я)гини Дябринского, кн(я)зь Иванова дочи Андрѣевича Шелешпальского, дала есми в домъ св(я)той живоначалной Тро(и)це и пр(е)ч(и)стои его м(а)т(е)ри и великому чудотворцу Павлу Обнорскому игумену Антонию з братьею свои вотчинные приданые д(е)р(е)вни в Романовскомъ уѣзде в Пошехон(ь)е в Шелешпале, д(е)р(е)вню Васюково да д(е)р(е)вню Кузнецово, да д(е)р(е)вню Андроново, да д(е)р(е)вню Ивановское,

да починок Катафановъ, с луги и с лѣсы, и со всѣми угод(ь)и, и что к тѣмъ д(е)р(е)внямъ и к починку истари потягло, куды топор и плугъ, и коса ходила, по старымъ межамъ. //

(Л. 224 об.) А дала есми ту свою вотчину по своей душѣ в наслѣдие вѣчныхъ бл(а)гъ. А покамѣста мнѣ Б(о)гъ подаруетъ живота, и ему, игумену Антонию⁴ з брат(ь)ею, о моемъ здравии Б(о)га молити. А Б(о)гъ пошлет по мою душу, и ему, игумену Антонию з братьею, написати меня к н(а)шимъ родителямъ во всядневной листъ и вѣчной сеноддикъ⁵ и поминати имъ меня покамѣсть⁶ м(о)-н(а)ст(ы)рь Павловъ стоять.

А похотятъ ту мою вотчину выкупити дѣти мои или мой род и племя у живоначалной Тро(и)цы и у чудотворца Павла, ино имъ судитись о томъ в будущей вѣкъ предъ Б(о)гомъ, и не буди на них м(и)л(о)сть б(о)жия и м(о)л(и)твы великихъ чудотворцевъ, и моего бл(а)гословения.

А та моя вотчина не в закладѣхъ, ни в закупѣхъ, ни в кабалахъ нигдѣ. И гдѣ выляжет на ту мою // (Л. 225) вотчину какая крѣпль, и мнѣ, кн(я)гине Мар(ь)е, очищати и убытковъ мнѣ игумена Антония з братьею не довести. А учинитца какои убытокъ игумену Антонию з братьею в тѣхъ моихъ д(е)р(е)вняхъ, и мнѣ, кн(я)гине Мар(ь)е, тѣ убытки платить.

А у даные сидѣли от(е)ць мой духовной, св(я)щенникъ Амос Юрьевъ сынъ.

А на то послуши: Костянтинъ Даниловъ с(ы)нъ Топорковъ, под(ь)-ячемъ, да Елизареи Андрѣевъ с(ы)нъ Малафиева Кочкаревъ, да Федоръ Михаиловъ с(ы)нъ Игумновъ, да Богданъ Аверкиевъ, да Афонаси Козминъ сынъ Курапова, да Иванъ Васил(ь)евъ с(ы)нъ.

А даную писалъ Иванецъ Григор(ь)евъ с(ы)нъ Козловскои, лѣта 7072-г(о).

А позади у данои кн(я)зь Андрѣева рука да отца д(у)х(о)вного⁷ Амоса рука, да послуха Костянтинова рука, // (Л. 225 об.) да послуха Елизар(ь)ева рука, да послуха Федорова рука, да послуха Богданова рука, да послуха Афонас(ь)ева рука, да послуха Иванова рука.

ГМЗРК. № Р-169. Л. 224–225 об. Гл. 49. Список ок. 1684 г.

Уп.: 1) *Титов А.А.* Описание. Ч. 2. С. 44. Л. 224. Гл. 49 (без даты; заголовок из оглавления копийной книги); 2) *Капитанов С.М., Столярова Л.В.* Копийная книга. С. 382. Л. 224–225 об. Гл. 49 (№ 50).

Примечания: ¹ 1-м мая датируется «память» кн. Андрея Ивановича Дябринского об отводе Павлову м-рю земель, данных кн. Марьей, матерью

отводчика: «что она дала в Павловъ м(о)н(а)ст(ы)рь по душе шесть д(е)р(е)в(е)нь да починокъ» (ГМЗРК. № Р-169. Л. 231 об. См. ниже, док. № 8). Правда, в данной Марьи указаны не шесть, а четыре деревни и починок, однако, судя по описанию межей, речь идет о тех же самых землях. Отсюда можно сделать вывод, что данная кнг. Марьи была составлена до 1 мая 1564 г.² Напротив на правом поле дрп. и дрч. нап.: «Глав(а) 49» (буквенная цифирь).³ В оглавлении копийной книги, на л. 5 об. помещен следующий заголовок этой грамоты: «Списокъ з даном вдовы княгини Мар(ь)и кн(я)зь Ивановы кн(я)гини Дябринского на деревню Васюково з д(е)р(е)внями. Глава 49». ⁴ Нап. над строкой тжп. и тжч., но более мелко. ⁵ Так в ркп. (два «д»). ⁶ Буквы «т» и «ъ» (или «ь»?) нап. лигатурой (или у «т» не хватает третьей ножки). ⁷ В ркп. «дхвного» без титла.

№ 8

1564 г. мая 1. — Межевая память кн. Андрея Ивановича Дябринского, по приказу матери его, кнг. Марьи, иг. Павлова Обнорского м-ря Антонию об отводе земель, отданных Марьей по своей душе Павлову м-рю [в Пошехонье].

(Л. 231 об.) Списокъ с межевые подлинны^{1,2}.

Лѣта 7072-г(о), маяя въ 1 день. Памят(ь) игумену Антонию живоначальные Тро(и)цы Павлова м(о)н(а)ст(ы)ря. Что указал между кн(я)зь Андрѣи Ивановичъ Дябринской по приказу м(а)т(е)ри³ своей, кн(я)гини Мар(ь)и, еѣ вотчинным д(е)р(е)внямъ приданымъ, что она дала в Павловъ м(о)н(а)ст(ы)рь по душѣ шесть д(е)р(е)в(е)нь да починокъ, и отводъ тѣмъ землямъ кн(я)зь Андрѣи указал в м(а)т(е)ри своей мѣсто: д(е)р(е)вню Михалеву, от н(а)шие старые деревни от Борисовские межа по рекѣ по Ухтоме вниз до Ивановские // (Л. 232) земли до Каменного врага вверхъ межъ Волюновымъ и Ивановскимъ до болотца, да попошедчи⁴ вверхъ с полгонь⁵, да поворотит(ь) направо к Новинкамъ на старое осечище да на Индроксу на реку на бохоть⁶ под Новиньками, да перелѣтши через рѣчку, да по осеку до ручья, да повернути вверхъ ручьемъ межъ Ивановскимъ и Новинкою, да дошедчи до ельника межъ Кузнецовымъ и Ивановскимъ, до дороги до зимние, да дорогою вверхъ до отводу до Новинковского и до Кузнецовского до отводу, да по огороду до сутокъ⁷ Кузнецовского поля, да перелѣтши осекъ, въ другое поле Кузнецовское, да межъ Новинкою и Батмановымъ и Кузнецовымъ, // (Л. 232 об.) да пустош(ь) к Вору перешедчи, к осеку в сутки, да по забороду межъ Воромъ и Кузнецовымъ, да изшедчи межъ Воромъ и Кузнецовымъ, да перелѣзши

в судках на Васковское поле, да⁸ меж Олюниным и Васковым по огороду, да изшедчи Васковское поле⁸, да к Ондроновскому отводу, да к Олюнинскому отводу, от Андронового отводу вышедчи в другое поле к Катафанову починку по осеку, да изшедчи Катафановское поле, да до суток к Беляевскому полно осекомъ по огороду, да с суток меж Катафановым починком и Бъялевским, да межею по старои межѣ к Люденге рекѣ прямо — то и межа.

А туто были на роз(ъ)ѣзде кн(я)гинини Мар(ъ)инъ от(е)ць д(у)-х(о)внои, попь Амосъ Юр(ъ)евъ с(ы)нъ, да Иван Лазорев сынъ, да Афонасеи Иванов с(ы)нъ // (Л. 233) Инюшина, да Зиновеи Козминъ, да княжие приказшики Козел Федоров да Познякъ.

А позади подлиннои межевои пишеть: По сеи памяти кн(я)зь Андрѣи Иванович Дябринскои межу указал и руку приложилъ.

Попь Амосъ на роз(ъ)ѣзде былъ и руку приложилъ.

ГМЗРК. № Р-169. Л. 231 об.—233. Гл. 54. Список ок. 1684 г.

Уп.: 1) *Суворов Н.И.* Описание. Стб. 280: «Список с данныя, да межевая князя Андрея Ивановича Дябринского, что указал, по приказу матери своей, межу» (без даты); 2) *Титов А.А.* Описание. Ч. 2. С. 44. Л. 231 об. Гл. 54 (без даты; заголовок из оглавления копийной книги); 3) *Каушанов С.М., Столярова Л.В.* Копийная книга. С. 383. Л. 231 об.—233. Гл. 54 (№ 55).

Примечания: ¹ Напротив на левом поле дрп. и дрч. нап.: «Глав(а) 54» (буквенная цифирь). ² В оглавлении копийной книги, на л. 6 помещен следующий заголовок этой грамоты: «Межевая кн(я)зь Андрѣи Ивановича Дябринского, что указал межу по приказу м(а)т(е)ри своеи. Глава 54». ³ В ркп. «мтри» без титла. ⁴ Так в ркп., причем первые две буквы «по» нап. как будто по стертому. ⁵ По Далю, «гона» — верста, путь в одну версту (см. выше, док. № 1, примеч. 3). ⁶ Так в ркп.; чтение «х» как «л» невозможно. ⁷ Так в ркп.; слово «сутки» употреблено здесь, возможно, в значении «угол» или «переулочек» (ср.: *Даль В.[И.]* Толковый словарь. М., 1991. Т. IV. Р—V. С. 365). ⁸⁻⁸ Нап. над строкой тжп. и тжч., но более мелко.

№ 9

1567 г. [сентября 1] — 1568 г. [августа 31]. — [Докладная] данная кнз. Марьи, жены кн. Ивана Андреевича Дябринского, дочери кн. Ивана Андреевича Головина Шелешпальского, иг. Павлова Обнорского м-ря Паисию на ее «приданую» вотчину, сц. Крутое с дерр., «в Белозерскомъ уезде в По-

шехонье в Шелешпале», с возложением на м-рь обязанности платить с этого владения стрелецкие деньги.

(Л. 225 об.) Списокъ з даные грамоты^{1,2}.

Се аз, кн(я)гини Мар(ь)я княж Иванова кн(я)гини Андрѣвича Дябринского, а дочи кн(я)зь Иванова Андрѣвича Головина Шелешпалского. Что моя вотчина приданая, бл(а)гословение отца моего, кн(я)зь Ивана, в Белозерскомъ уѣзде в Пошехон(ь)е в Шелешпале, сельцо Крутое, а в немъ церковь стратотерпца Еоргия³, да д(е)р(е)вня пр(е)ст(о)льная^{4,5} Юково, да д(е)р(е)вня Пантелѣево, д(е)р(е)вня Беляевское, д(е)р(е)вня Погорѣлка, д(е)р(е)вня Дядинское, д(е)р(е)вня Ченково, д(е)р(е)вня Сальково, д(е)р(е)вня // (Л. 226) Онтипино, д(е)р(е)вня Парфеново, д(е)р(е)вня Гаврилово, д(е)р(е)вня Малино, д(е)р(е)вня Олешино, пустошь Олюнино, и яз, княгини Мар(ь)я, ту свою вотчину, бл(а)гословение отца моего, кн(я)зя Ивана, даю за себя и за с(ы)на своего, за старца Андреана, а даю ту вотчину св(я)той и живоначалной Троице и Успения пр(е)ч(и)стыя Б(о)гом(а)т(е)ре и великому чудотворцу Павлу в наслѣдие вѣчных бл(а)гъ да и за долгъ за н(а)шъ, что есми у них преж(е) сего имали взаимы сто рублевъ денегъ. И как г(о)с(у)д(а)рь, православныи ц(а)рь, кн(я)зь великии пожалуетъ, и яз той обителе даю живоначалной Троице игумену Паисею з братьею, или по нем иные игумены будут или строители.

И дѣтем моимъ и внучатамъ, и всему моему роду и племяни до той моеи вотчины // (Л. 226 об.) дѣла нѣтъ, и из-за м(о)н(а)ст(ы)ря им еѣ не выкупать никоторыми дѣлы. А похотят из-за м(о)н(а)ст(ы)ря ту мою вотчину выкупити, ино на них не буди м(и)л(о)сть б(о)жия и пр(е)ч(и)стыя Б(о)гом(а)т(е)ре и молитвъ великих чудотворцевъ, и моего бл(а)гословения ни в сеи вѣкъ, ни в будущи.

А денги стрелецкие платити игумену з братьею з тое вотчины доколе г(о)с(у)д(а)рь, ц(а)рь православныи, кн(я)з(ь) великии пожалуетъ в домъ живоначалной Троице тою вотчиною.

А та моя вотчина не в закладе и не продана, ни в кабалах ни у коз(о).

А дала есми то село и д(е)р(е)вни, и пустошь с луги и с пожнями, и с санными покосы, и с лѣсы, и со всѣми угод(ь)и, что х⁶ к⁶ тому селу и къ д(е)р(е)вням, и къ пустоше истари потягло, куды топор и плугъ, и коса ходила, по старым межам. //

(Л. 227) Да⁷ тое ж есми вотчины заложила у с(ы)на своего, у кн(я)зь Никиты, три д(е)р(е)вни, д(е)р(е)вню Дядинское, д(е)р(е)-

вню Парфеново, д(е)р(е)вню Онтипино, въ дватцати в трех рублех, а приписи⁸ в тои кабалѣ семь рублевъ. И тѣ денги платити кн(я)зю Никите м(о)н(а)ст(ы)ремъ, а д(е)р(е)внями имъ владе*ти*; а в приписи, в семи рублех, мнѣ, княгине Мар(ь)е, очищати. А опричь тог(о) долгу выляжетъ на ту мою вотчину какая закупъ или кабалы денежныя и хлѣбныя, и мнѣ, княгине Мар(ь)е, очищати *жс*, а м(о)н(а)ст(ы)ря в томъ убытка не довести. А учинитца какои убытокъ в тои моеи вотчине, и мнѣ, кн(я)гине Мар(ь)е, *тот* убытокъ м(о)н(а)ст(ы)рю платити.

А мнѣ, княгине Мар(ь)е, по свои живот селомъ Крутым да д(е)р(е)внею Пантелѣвым // (Л. 227 об.) владѣть. А пашия на Крутом кр(е)стьяномъ пахати по старинѣ. А опричь тог(о), мнѣ, кн(я)гине Мар(ь)е, не вступатис(ь) ничѣм. А Б(о)гъ пошлет по мою душу, ино то⁹ село Крутое и д(е)р(е)вня Пантелѣво по сеи данои со всѣмъ в м(о)н(а)ст(ы)рь, да и написати меня во вседневной листь и в вѣчно сенодикъ к н(а)шимъ родителемъ и поминати им меня и мои родители доколе м(о)н(а)ст(ы)рь Павловъ стоить, на мое представление и на мою память(ь) брат(ь)ю кормить.

А у даные сидѣл от(е)ць мои д(у)ховнои, св(я)щенникъ Амосъ Юр(ь)евъ с(ы)нъ.

А на то послуши: попь Фаддѣи Борисов с(ы)нъ да попь Тимофеи¹⁰ Борисов сын, да¹¹ попь Андрѣи Семенов с(ы)нъ¹¹, да Ташлыкъ Семенов с(ы)нъ, да Маноило Яковлевъ с(ы)нъ, да Поздѣи Алексѣевъ сын, да Семен Козминъ сынъ, // (Л. 228) да Иван Лазаревъ сынъ.

А даную писал попь Афонасеи Федоровъ сынъ Егор(ь)евскои с Крутова, лѣта 7076-г(о).

А позади¹² у подлиннои данои рука старца Андреана, да отца духовного попа Амоса рука, да послуха попа Фаддѣя рука, да послуха попа Матфея¹³ рука, да послуха попа Андрѣя рука, да послуха Ташлыкова рука, да послуха Мануилова рука, да послуха Поздѣева рука, да послуха Семенова рука.

ГМЗРК. № Р-169. Л. 225 об.–228. Гл. 50. Список ок. 1684 г.

Уп.: 1) *Титов А.А.* Описание. Ч. 2. С. 44. Л. 225 об. Гл. 50: «Список с данной той же княгини на село Крутово с деревнями» (без даты); 2) *Капитанов С.М., Столярова Л.В.* Копийная книга. С. 382–383. Л. 225 об.–228. Глава 50 (№ 51).

Примечания: ¹ Напротив на левом поле дрп. и дрч. нап.: «Глав(а) 50» (буквенная цифирь). ² В оглавлении копийной книги, на л. 6 помещен сле-

дующий заголовок этой грамоты: «Список з данные грамоты вдовы княгини Мар(ь)и кн(я)зь Ивановы кн(я)гини Дябринского на село Крутое з д(е)р(е)-внями. Глава 50-я». ³ Так в ркп. (начальное «Г» отс.). ⁴ Крыша буквы «т» не дописана справа. ⁵ Слово «престольная» означает здесь «церковная» (ср.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1994. Вып. 19. С. 57–58). ^{6–6} Так в ркп. (два предлога подряд). ⁷ Буква «д» испр. из «з» тжп. и тжч. ⁸ На буквах «иси», которые, возможно, подпр. тжч., чернила расплылись. ⁹ Нап. над строкой тжп. и тжч. ¹⁰ В перечне подписей вместо попа Тимофея указан поп Матфей (см. ниже, примеч. 13). ^{11–11} Нап. над строкой тжп. и тжч., но более мелко. ¹² Буква «и» испр. из дрб. («у»?) дрп. и схч. ¹³ В перечне послухов указан не Матфей, а Тимофей (ср. выше, примеч. 10).

№ 10

1577 г. [сентября 1] — 1578 г. [августа 31]. — Данная кн. Степана Дмитриева сына Согорского иг. Павлова Обнорского м-ря Давыду на пуст. сц. Гульнево и пуст. поч. Тюшков, полученные им от его тетки, старицы кнг. Марфы, вдовы кн. Александра Ивановича Кемского, «в Романовском уезде в Пошехонье в Дябрине».

(Л. 233) Спiсокъ з даные на селцо Гульнево^{1,2}.

Се аз, кн(я)зь Степанъ княж Дмитриевъ сынъ Согорского, дал есми в домъ живоначальные Тро(и)цы Павлова м(о)н(а)ст(ы)ря вотчину свою в Романовском уѣзде в Пошехон(ь)е в Дябрине пустошь сельцо Гульнево да пустошь починокъ Тюшков, бл(а)гословение тетки своя, кн(я)зь Але/(Л. 233 об.)ксандровы Ивановича Кѣмского старицы кн(я)гини Марфы, игумену Д(а)в(ы)ду³ з братьею по своei душѣ и по своих родителех. А та у меня вотчина⁴, пустошь сельцо Гульнево да пустошь починокъ Тюшков, ни продана, ни заложена ни у ког(о), ни в ыные м(о)н(а)ст(ы)ри не отдана никому. И кто в тоe вотчину учнетъ вступатися с какими крепостьми ни буди, и мнѣ, кн(я)зю Степану, та вотчина очищати, а Павлова м(о)н(а)ст(ы)ря игумена з братьею в тои вотчине убытка не довести.

А у даные сидѣл от(е)цѣ мои д(у)х(о)вном, Андреановы пустыни чернои св(я)щенникъ Корнилеи.

А даную писал дьякъ Иевец Василь(е)въ с(ы)нъ Лихачева, а лѣта в данои 7086-2(о).

А у списка позади пишет: К сему списку // (Л. 234) бывшеи архиеп(и)скопъ, старецъ Д(а)в(ы)дъ руку приложилъ.

ГМЗРК. № Р-169. Л. 233–234. Гл. 55. Список ок. 1684 г.

Уп.: 1) *Суворов Н.И.* Описание. Стб. 280: «Список с даные князь Стефана, княжь Дмитриева сына Согорского в Пошехонье, на пустошь Гулнево, да на починок Туюков (*так!* — С.К.), лета 7086 году»; 2) *Титов А.А.* Описание. Ч. 2. С. 44. Л. 233. Гл. 55 (без даты; заголовок из оглавления копийной книги); 3) *Капитанов С.М., Столярова Л.В.* Копийная книга. С. 283. Л. 233–234. Гл. 55 (№ 56).

Примечания: ¹ Напротив на правом поле дрп. и дрч. нап.: «Глав(а) 55» (буквенная цифирь). ² В оглавлении копийной книги, на л. 6 об. помещен следующий заголовок этой грамоты: «Список з даные на селцо Гулнево. Глава 55». ³ В ркп. «Двду» без титла. ⁴ Буквы «ина» испр. из дрбб. (смытых или стертых) тжп. и тжч.

II. Время источника и время в источнике

Н.Ф. Котляр

СОБЫТИЙНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОГО СВОДА

Галицко-Волынский свод существенно и принципиально отличается от прочих памятников летописного жанра. Со времени открытия свода Н.М. Карамзиным ученые неоднократно отмечали его своеобразие: отсутствие хронологической сетки и погодных статей, не всегда систематическое изложение событий в форме свободного рассказа¹.

Карамзин первый заметил, что существующая в Ипатьевском списке нашего свода хронология была грубо, с большими ошибками приставлена к нему намного позднее. Ему был известен и Хлебниковский список Галицко-Волынской летописи, в котором отсутствует разделение на датированные погодные статьи. Историк предположил, что годы были проставлены в Ипатьевском списке XV в. позднейшим переписчиком, поскольку во всех известных ему случаях они неверны². В процессе изучения памятника я пришел к выводу, что более поздний (XVI в.) Хлебниковский список является наиболее исправным и наиболее близким к протографу Галицко-Волынской летописи³.

Многие историки и археологи верили и поныне верят ошибочной хронологической сетке Ипатьевского списка Галицко-Волынской летописи. Даже некоторые авторитетные специалисты в области древнерусской проблематики, недостаточно знающие этот памятник, опирались на указанные в Ипатьевском списке даты как на истинные. Например, известный русский эмигрантский историк Г.В. Вер-

¹ Историографию темы см.: *Котляр М.Ф.* Галицко-Волынский літопис XIII ст. Київ, 1993. С. 5–24.

² *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. 1. Т. 3. Примеч. к 3 тому. СПб., 1842. Стб. 52. Примеч. 113.

³ Галицко-Волынский літопис. Дослідження. Текст. Коментар / За ред. *М.Ф. Котляра*. Київ, 2002. В статье ссылки на Галицко-Волынский літопис даются по этому изданию Хлебниковского списка.

надский в знаменитой статье об Александре Невском не только перепутал одного татарского военачальника Куремсу с другим — Бурундаем, приписав первому требование к Даниилу Романовичу уничтожить укрепления его городов, тогда как Галицко-Волынская летопись свидетельствует, что это сделал Бурундай, но и искренне доверял датам на полях Ипатьевского списка этой летописи, как правило, не соответствующим действительным. Поэтому знаменитая битва у города Ярославла состоялась, по его мнению, в 1249 г. (как отмечено в Ипатьевском списке); на самом деле это случилось в 1245 г. А коронация Даниила произошла будто бы в 1255 г., в действительности же — в 1253 г.⁴ Характерно, что, перепечатавая эту давнюю статью, публикаторы оставили без корректив все ее ошибки — следовательно, сами не разбирались в проблеме. Подобные отмеченные ошибки в знании и понимании Галицко-Волынского свода остаются типичным явлением в работах многих русских и украинских историков и археологов и в наше время.

Выдающийся наш историк Б.А. Рыбаков, неоднократно исследовавший памятники летописания и даже посвятивший им одну из своих книг⁵, в общем принимал неточные датировки Ипатьевского списка. В работе, посвященной военному искусству Руси и написанной преимущественно на свидетельствах Галицко-Волынской летописи, ученый использовал эти даты как действительные. Так, рассказ о русско-венгерских военных действиях в верховьях р. Случь он датирует 1235 г.⁶, тогда как они происходили в 1233 г.⁷; поход Ростислава Михайловича на Перемышль — 1245 г., тогда как это повествование следует отнести к 1243 г. Наконец, знаменитую битву у г. Ярославла, состоявшуюся в 1245 г., Рыбаков, как и Вернадский, точно следуя неверной датировке Ипатьевского списка, отнес к 1249 г.⁸

Можно было бы привести множество примеров из работ современных историков, слепо и буквально принимающих датировки Ипатьевского списка в его Галицко-Волынской части. И вовсе не для того, дабы уличить их в некомпетентности. А для того, чтобы

⁴ Вернадский Г.В. Два подвига св. Александра Невского // Наш современник. М., 1992. № 3. С. 152–154.

⁵ Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

⁶ Он же. Военное искусство // Очерки русской культуры XIII–XV вв. М., 1969. С. 351.

⁷ Эта и следующие даты из статьи Рыбакова уточнены мною: Котляр М.Ф. Комментарий // Галицко-Волыньский літопис. Київ, 2002. С. 211–212, 249, 251–256.

⁸ Рыбаков Б.А. Военное искусство. С. 352, 354.

показать, что проблема хронологии Галицко-Волынской летописи продолжает существовать уже более двухсот лет.

Ученые по-разному объясняли отсутствие датировок в протограффе Галицко-Волынской летописи. Много внимания посвятил этому своду и его хронологии М.С. Грушевский. Ему принадлежит оригинальное, хотя и вряд ли верное объяснение отсутствия хронологической сетки и слишком свободного расположения материала во временной последовательности. Он исходил из убеждения в том, что первая и большая часть источника Летописец Даниила Галицкого принадлежала какому-то одному составителю. «Не ориентируясь хорошо в хронологии тех далеких времен⁹, вероятно, по этой причине автор решил пересказывать события в их связи и развитии, а не по годам. Сохранился этот порядок повествования и позднее, когда оно перешло во времена более близкие, где он мог подробно датировать события»¹⁰.

В свете позднейших исследований жанровых особенностей и структуры Галицко-Волынской летописи подобное объяснение выглядит наивным и недостаточным. Ведь сам жанр и манера изложения решительно отличает ее от традиционных летописей: это свободное от подражания им, следовательно, и от строгого соблюдения хронологии повествование, созданное по иным канонам. В отношении Летописца Даниила Галицкого сказанное мной означает, что его следует рассматривать не как летопись, а как воинскую повесть — либо как серию подобных повестей¹¹.

М.С. Грушевский и некоторые другие исследователи думали, что позднейший редактор свода собирался в конце работы расставить даты. Они исходили из заверения этого редактора: «Число же лѣтомъ zde не писахомъ, в задняя впишемъ... вся же лѣта спишемъ расчетьше в задняя...»¹².

Частично согласился с этой мыслью М.Д. Приселков, считавший, что редактор конца XIII в. перегруппировал текст для расстановки

⁹ То есть первых десятилетий XIII в.

¹⁰ Грушевський М. Історія української літератури. Київ; Львів, 1923. Т. 3. С. 153.

¹¹ Впрочем, в другом месте этого исследования Грушевский несколько по-иному объясняет отсутствие в источнике погодных датированных статей: «Отказавшись от хронологической сетки, он (летописец. — Н.К.) сознательно отказался и от задач летописца-хрониста. Перед нами действительно не летопись, а повесть» (Грушевський М. Історія української літератури. С. 154). Однако, к сожалению, это его верное замечание не отразилось на общей оценке историком Галицко-Волынской летописи.

¹² Галицько-Волинський літопис. С. 114.

дат задним числом, дабы придать ему хронологическую последовательность и внести в него конкретные даты. Но замысел этого гипотетического редактора почему-то не был реализован, и хронологическая сетка была приставлена к своду в Ипатьевском списке, по его мнению, только в начале XIV в.¹³

Взгляды Приселкова на композицию и хронологию Галицко-Волынской летописи были противоречивыми. Одно время ученый считал, что в XIII в. в Галицко-Волынской Руси, как и в прочих древнерусских землях того периода, велись подробные записи событий по годам, на основании которых в конце XIII в. и было создано целостное, но лишенное хронологии и порой хронологической последовательности повествование¹⁴. Но затем отказался от этого мнения.

Л.В. Черепнин рассматривал Летописец Даниила Галицкого не как свод ежегодных записей событий, а как единое композиционно целостное произведение, благодаря чему Летописец, как и волынская часть источника, был сознательно лишен дат. По мнению историка, хронология в Галицко-Волынской летописи (по Ипатьевскому списку) появилась лишь после соединения ее с предшествующей Киевской летописью XII в.¹⁵

Впервые предпринял попытку, и весьма удачную, исправить ошибочную хронологию Ипатьевского списка Галицко-Волынской летописи М.С. Грушевский. Во введении к этой работе он отметил, что автор ее начальной части не выполнил своего обещания расставить даты по окончании своего труда, а его продолжатели также не стали проставлять годы в тексте. Историк сурово отнесся к работе хронологизатора, проставившего даты на полях этого списка: «Сделал он это совсем глупо, т.е. валил годы даже без учета содержания текста, разрывая части одного события на несколько лет или ставя под одним годом события многих лет (напр. под г. 1233)»¹⁶.

¹³ *Приселков М.Д.* Летописание Западной Украины и Западной Белоруссии // Ученые записки Ленинградского гос. ун-та. № 67. Серия исторических наук. Вып. 7. Л., 1941. С. 5–24.

¹⁴ *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 55 и др.

¹⁵ *Черепнин Л.В.* Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. М., 1941. № 12. С. 230, 231.

¹⁶ *Грушевський М.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 2. Установленные Грушевским даты событий в ряде случаев уточнены в моем комментарии к изданию Галицко-Волынской летописи (Киев, 2002).

Для уточнения и исправления хронологической сетки Галицко-Волынского свода Грушевский использовал прежде всего древнерусские летописи, чаще других Новгородскую первую, Суздальскую и Воскресенскую, различные иностранные хроники и исторические сочинения, среди которых особенно важны были свидетельства польских и германских памятников.

«Хронология» Грушевского остается единственной в своем роде работой. Ученые последующего времени не обращались к этой теме. В своем фундаментальном труде о хронологии летописания Н.Г. Бережков обошел молчанием проблему дат Галицко-Волынского свода, хотя исследовал датировки Суздальской (Лаврентьевской) летописи вплоть до начала XIV в., а Новгородской первой старшего извода — даже до XV в.¹⁷

Вместе с тем, хронология Галицко-Волынской летописи неоднократно пересматривалась и уточнялась в работах ученых, исследовавших историю Галицко-Волынской Руси XIII в., прежде всего — в книге В.Т. Пашуто¹⁸. Лишь недавно появилась статья О.В. Романовой, предпринявшей попытку объяснить само появление датировок в Ипатьевской летописи и, главное, — принципы, согласно которым они проставлялись.

Исследовательница предположила, что составитель этой хронологической сетки заимствовал некоторые даты из какой-то летописи, «сделав их как бы каркасом своей хронологии». Таких дат она насчитала 14. Романова пришла к выводу (замечу, спорному), будто бы даты вводились в текст почти исключительно по внешнему и случайному признаку — заглавным киноварным буквам. Она заключила, что хронология Галицко-Волынского свода была, по видимому, составлена в Северной Руси в первой половине XV в., а «каркасом» этой хронологии служили даты, почерпнутые из новгородских летописей¹⁹.

Действительно, Новгородские летописи, в частности первая младшего извода, могли послужить одним из источников для составителя хронологии Галицко-Волынского свода. Однако сводить источник этой хронологии к одним лишь новгородским летописям сейчас было бы преждевременно — ввиду необходимости се-

¹⁷ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

¹⁸ Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

¹⁹ Романова О.В. О хронологии Галицко-Волынской летописи XIII в. по Ипатьевскому списку // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1997. С. 66–69.

резного текстологического анализа, компаративных исследований Галицко-Волынского свода и обширного круга новгородского летописания.

Наконец, в осуществленном мною в соавторстве с В.Ю. Франчук издании Галицко-Волынской летописи помещен обширный комментарий, в котором во многих случаях были уточнены и исправлены даты источника, рассмотренные нашими предшественниками²⁰.

Конечно же, Галицко-Волынская летопись составлялась в основном в соответствии с последовательностью отраженных в ней событий. Это неоднократно отмечалось моими предшественниками. Но мнение относительно того, что авторы и редакторы текста обычно строго придерживались хронологии событий (как это наблюдается во всех остальных летописях) и не нарушали их последовательности, ставится под сомнение замечанием одного из составителей Галицко-Волынской летописи, помещенным непосредственно перед словами: «число же лѣтомъ зде не писахомъ», — «Хронографу же нужа есть писати все и вся бывшаа, овогда же писати в предняя, овогда же вступати въ задняя: чтый мудрый разумѣть»²¹. Этим программным заявлением автор отстаивал свое право вести изложение в форме свободного рассказа — не только без обозначения дат, но и нарушая его последовательность.

Но, продолжая эти слова, летописец все же считал себя обязанным сообщить читателю о своей приверженности к хронологической последовательности при написании текста и даже пообещал расставить годы по окончании своего труда: «Число же лѣтомъ зде не писахомъ, в задняя впишемъ по Антиохийскимъ съборомъ, аломъ-пиадамъ, грецкыми же числьницами, римьскы же высикостомъ, яко же Евъсей и Памфиловъ и инии хронографи списаша отъ Адама до Хрѣстоса; вся же лѣта спишемъ, росчетыше в задняя...»²².

Это рассуждение галицкого книжника издавна сопоставляется с подобным по смыслу текстом из XVIII книги Хроники Иоанна Малалы²³: «Хронографу нужа есть писати все, еликоже есть, кый оубо царствовалъ царь, отнеже был наречень цесарь, лепо есть оубо лет-

²⁰ Котляр М.Ф. Коментар. С. 157–359.

²¹ Галицко-Волинський літопис. С. 114.

²² Там же.

²³ Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. 1. С. 69, примеч. 1; Бестужев-Рюмин К. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868. С. 151, примеч. 235 и др.

няя списания количества смотрити мимотекущихъ летъ, а не точию от приписанныхъ царствехъ»²⁴.

Специально изучавший источники Галицко-Волынского свода А.С. Орлов уделил внимание этому тексту Малалы и поставил вопрос, «заимствовала ли здесь Ипатьевская летопись из XVIII только книги Малалы и только ли Малалы». Он считает, что осталось невыясненным, откуда летописец взял расчет по Антиохийским соборам, олимпиадам и пр. Среди возможных источников упоминания об олимпиадах Орлов называет восьмую книгу Амартола и другие византийские хроники²⁵. С мнением Орлова согласился впоследствии и О.В. Творогов, указавший, наряду с рассуждением галицкого летописца о хронологии, несколько других заимствований у Малалы²⁶.

Заимствование ученым составителем рассматриваемого здесь фрагмента Галицко-Волынского свода из близкой по духу и содержанию хроники Малалы представляется закономерным. Оно вполне в духе времени и тогдашних понятий о книжной учености. А.С. Орлов назвал среди использованных галицкими и волынскими книжниками также компилятивные хронографы, содержавшие хроники Иоанна Малалы и Георгия Амартола, «Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия. Они повлияли на характер изложения, стиль, образительные средства свода²⁷. Как видим, галицкий автор включил в свой труд парафраз высказывания Малалы о праве хронографа писать свободно, не связывая себя жесткими рамками хронологии, поскольку это согласовалось с его намерениями. При этом наш летописец подчеркнул свою приверженность к возможным нарушениям хронологии повествования, дабы произвести большее впечатление на читающих («овогда же писати в предняа, овогда же вступати въ задняа»).

В недавней книге о летописании А.А. Пауткин поместил раздел, красноречиво озаглавив его: «Хронографу же есть ноужа писати все и вся бывшая»²⁸, в котором рассмотрел заимствования и реминис-

²⁴ *Истрин В.М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Кн. 15–18. Пг., 1918. Кн. 18. С. 28.

²⁵ *Орлов А.С.* К вопросу об Ипатьевской летописи // ИОРЯС АН СССР. 1926 г. Л., 1926. Т. 31. С. 123–124.

²⁶ *Творогов О.В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 18–19.

²⁷ *Орлов А.С.* К вопросу об Ипатьевской летописи. С. 98–126.

²⁸ *Пауткин А.А.* Беседы с летописцем. Поэтика раннего русского летописания. М., 2002. С. 213–231.

ценции в Галицко-Волынской летописи из византийских авторов, а также из Иосифа Флавия, собрав эти сведения в соответствующую таблицу²⁹.

Но при всем этом все же события в целом излагаются в Галицко-Волынской летописи в хронологической последовательности, пусть и временами нарушаемой в интересах достижения наибольшей эмоциональности и политической заостренности рассказа. Из-за отсутствия разбивки на погодные статьи и обозначения дат в тексте авторам и редакторам приходилось прибегать к различным приемам, дабы соблюсти эту, весьма относительную во многих случаях, последовательность.

Много лет назад Л.В. Черепнин отметил, что такая последовательность устанавливалась при помощи переходных предложений «в та же лета», «времени минувши» и пр.³⁰ Попытаюсь развить его мысль, дополнив ее рядом соображений. Рассмотрю вначале первую из двух основных частей Галицко-Волынского свода — Летописец Даниила Галицкого.

Довольно часто в качестве хронологической отметки в Галицко-Волынской летописи действительно используется формула «времени минувши». Уже на первых ее страницах в следующих выражениях повествуется о походе венгерского короля Андрея на Галич осенью 1213 г.: «Времени же минувшю король спѣаше рать велику»³¹. Но после этого рассказывается о походе краковского князя Лешека Белого на Волынь и передачу им города Белза двоюродному брату Романовичей Александру Всеволодичу, а уж затем о наступлении венгров. Отсюда ясно, что после собирания королем войска для похода на Галич и самим тем походом действительно минуло какое-то время.

Рассказав о вокняжении Мстислава Удатного в Галиче в 1219 г., галицкий книжник продолжает: «В та же лета, времени минувши, поя у него Даниль дъщерь именемь Анну»³². В этом случае прошло немного месяцев после вокняжения Мстислава в Галиче. Ведь и брак Даниила и Мстиславны, и последующая кампания Романовичей на Волыни против краковского князя укладываются в рамки все того же, 1219 г.

²⁹ Пауткин А.А. Беседы с летописцем. С. 225–228.

³⁰ Черепнин Л.В. Летописец Даниила Галицкого. С. 231.

³¹ Галицко-Волинський літопис. С. 81.

³² Там же. С. 82.

Выражение «времени же минувши» неоднократно используется для соблюдения хронологической последовательности изложения на протяжении всего Летописца Даниила Галицкого (1205–1258)³³. На последних его страницах читаем о приходе в 1258 г. орды монгольского военачальника Бурундая на земли Галицко-Волынского княжества: «Времени же минувшю и прийде Бурондай безбожнѣй, злѣй... в силѣ тяжцѣ...»³⁴. Рассказ о нашествии орд Бурундая относится к 1258 г., а предшествующее повествование галицкого книжника о войне с татарским военачальником Куремсой и восстановлении г. Холма после пожара — к 1256 г.³⁵ Здесь слова «времени же минувшю» обозначают явно немалый временной промежуток.

Дабы создать впечатление о длительном отрезке времени между описываемыми событиями и их финалом, последовавшим через много лет, составители и редакторы Галицко-Волынского свода изредка используют связку: «во ино время». Поведав о походе венгерского войска под водительством бана Фильния на Галич зимой 1220/21 г.³⁶, летописец с удовлетворением пишет о гибели заклятого врага и мучителя Руси: «Богу же того не трѣпящю, во ино время убиень бысть Данииломъ Романовичемъ древле прегордый Филья»³⁷ — имеется в виду гибель бана Фильния от руки Даниила после знаменитой битвы между Русью и Венгрией у галицкого города Ярослава 17 августа 1245 г.: «Тогда же и Филья Гръдый ять бысть... и приведенъ бысть к Данилу, и убиень бысть Даниломъ»³⁸. Следовательно, рассказчик о венгерском нашествии 1220/21 г. забегают вперед на целую четверть века. Подобное встречается в нашем своде неоднократно.

Реже применяются в Летописце Даниила для определения последовательности происходившего выражения «по тех же летех» и

³³ За несколько строк перед рассказом о женитьбе Даниила мы вновь читаем: «По семь жн времени минувши король отья Перемышьль отъ Лестька и Любачевъ» (Галицко-Волинський літопис. С. 82). Речь идет о нарушении венгерским государем соглашения 1214 г. с Лешком в г. Спише о разделе сфер влияния в Галицко-Волынской Руси, по которому города Перемышьль и Любачев отдавались полякам. Поскольку об этом соглашении в своде говорилось пятью строками ранее, составитель счел себя обязанным показать, что в действительности между Спишским договором и его разрывом прошло немало времени.

³⁴ Галицко-Волинський літопис. С. 122–123.

³⁵ *Котляр М.Ф.* Коментар. С. 299–300.

³⁶ *Грушевський М.* Хронологія подій Галицко-Волинської літописи. С. 17.

³⁷ Галицко-Волинський літопис. С. 84.

³⁸ Там же. С. 108.

«в та же лета». Зимой 1232/33 г. венгерское войско вторглось в Галицкую землю: «По тѣхъ же лѣтѣхъ движе рать Андрѣй королевичь на Данила...»³⁹. Эти слова заключают рассказ о вмешательстве Даниила в войну в Поднепровье между киевским князем Владимиром Рюриковичем и черниговским — Михаилом Всеволодичем, перед которым речь шла о посылке королем Белой IV своего сына Андрея с войском на Галич. Упомянутые события охватили немалое время: 1231–1233 гг.⁴⁰

Рассказывая о вторжении орды монгольского военачальника Куремсы в Галицкую землю, наш источник пишет: «В та же лѣта или преже, или по томъ приехавше татаре къ Бакотѣ»⁴¹. В этой формулировке чувствуется стремление книжника дать лишь общую последовательность событий, отметить их протяженность, не привязывая их к определенному (хорошо, полагаю, известному ему) времени. Попытка орды монгольского военачальника Куремсы вторгнуться в Галицкую землю, форсировав Днестр, относится, вероятно, к концу 1252 г.⁴² Обычно историки считают это сообщение летописи свидетельством первого нападения Куремсы на Даниила.

Однако продолжение этого рассказа говорит о том, что вряд ли это была первая встреча монгольского воеводы с Даниилом Романовичем. Несколькими строками ниже, после слов о нападении Куремсы на Бакоту и его неудаче у стен мощной волынской крепости Кременца в 1252 г., повествуется, как давний враг Романовичей новгород-северский князь Изяслав Владимирович обратился к татарам за помощью, собравшись воевать с Даниилом. Монгольские военачальники отказали ему в помощи, заявив: «Како идеши в Галичь, а Данило князь лють есть; иже отъиметь ти животь, то кто тя избавить?!»⁴³.

В этих словах явственно ощущается непосредственное знакомство монголов с сильным войском Романовичей, недавно нанесящим им поражения и у Бакоты, и у Кременца. Сам характер этой записи может свидетельствовать о том, что у Куремсы и его воевод был на то время опыт неудачных столкновений с Даниилом, и они по достоинству оценили мощь его войска. И действительно, эскапада Изяслава окончилась полной неудачей, а сам он был схвачен сы-

³⁹ Галицько-Волинський літопис. С. 95.

⁴⁰ *Котляр М.Ф.* Коментар. С. 208–211.

⁴¹ Галицько-Волинський літопис. С. 117.

⁴² *Грушевський М.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи. С. 38.

⁴³ Галицько-Волинський літопис. С. 117.

ном Даниила Романом и приведен к отцу. После чего исчезает со страниц летописи — и, скорее всего, из числа живых.

Военные действия между Куремсой и Даниилом продолжались вплоть до 1258 г. Галицко-волинский князь неоднократно побеждал Куремсу, и преданный своему господину летописец с гордостью писал: «Данило же дрѣжаше рать с Куремсою, и николи же не бояся Куремсы: не бѣ бо могль зла ему сътворити никогда же Куремьса»⁴⁴.

В свете сказанного формула летописца «или преже, или по томъ» представляется более уместной, чем иные, ей подобные, поскольку отражает события многих лет.

Нередко общее время события устанавливается путем использования переходных формул «преже того» и «древле того», определяющих *terminus ante quem*. 12 апреля 1241 г. одна из армий Батыя нанесла сокрушительное поражение 60-тысячному войску венгерского короля Белы IV и его брата Коломана при р. Сайо, в долине Моги, окруженной горами Токая. Поведав об этом, автор замечает: «Преже того ехаль бѣ Данило князь къ королеви въ Угры, хотя имѣти с нимъ любовь сватѣства; и не бы любовь межи има»⁴⁵. Вероятно, Даниил Романович предложил королю заключить союзное соглашение, скрепленное династическим браком, которое предусматривало объединение сил против монголо-татар, от чего король уклонился. Резонно допустить, что это предложение Даниил Романович сделал незадолго перед вторжением орд Батыя в Южную Русь. Наверное, не случайно книжник поместил процитированный текст непосредственно после сообщения о разгроме венгерского войска Батыем.

Точно так же, на мой взгляд, слова «преже того» и последовавший за ними текст предваряют и подготавливают подробный рассказ о войне 1245 г. между Даниилом Романовичем и черниговским княжичем Ростиславом Михайловичем, вторгнувшимся в пределы Галицкой земли с венгерским и польским войсками: «Преже же войны Даниловы чернѣговское, сѣдящи ему (Даниилу. — *Н.К.*) в Галичи, а Василку въ Володимеру»⁴⁶. После этих слов идет подробный и эмоциональный рассказ о победоносной войне Романовичей с ятвягами и покорении их страны⁴⁷. А «черниговская война»,

⁴⁴ Галицко-Волинський літопис. С. 123.

⁴⁵ Там же. С. 102.

⁴⁶ Там же. С. 106.

⁴⁷ Там же. С. 106.

рассказ о которой следует непосредственно после описания войны с ятвягами, — не что иное, как знаменитая битва между Даниилом и Васильком, с одной стороны, и приведенными Ростиславом Михайловичем венгерскими и польскими войсками и отрядами враждебных Романовичам бояр возле галицкого города Ярослава в августе 1245 г.

В аналогичном смысле употребляется в Летописце Даниила Галицкого выражение «древле того». В особой повести о переговорах Даниила с папой и последующей его коронации в Дорогичине осенью 1253 г., после известия о появлении папских послов в ставке старшего Романовича, рассказывается: «Древле бо того прислалъ (папа. — *Н.К.*) к нему епискупа береньского и каменецкого, рече ему: “Приими вѣнець королевѣства”. Он же в то время не приял бѣ...»⁴⁸. Вероятно, в этом тексте речь шла о встрече Даниила в Кракове с папским легатом Описо в июле 1253 г.⁴⁹ Переговоры галицко-волинского государя с папским престолом продолжались длительное время, начавшись в 1246 г. Возможно, это и повлияло на выбор книжником слова «древле».

Наименее обязывающей составителей Галицко-Волинской летописи к хронологической определенности формулой было краткое «по томъ» — *terminus post quem*: «И по томъ же пустиста (Романовичи. — *Н.К.*) Ярослава и даста ему Перемиль, и по томъ Межибожие»⁵⁰ — речь идет об удельном волинском князе Ярославе Ингваревиче, неудачно пытавшемся отнять у Романовичей Луцк и попавшем к ним в плен. Эта формула встречается в Галицко-Волинской летописи весьма часто, особенно в ее Волинской части.

Например, в освещении событий 1238 г., как они обычно датируются в научной литературе⁵¹, сказано: «И по томъ прииде Ярославъ суждальскый и взя Киевъ подь Володимеромъ, не мога его дрѣжати, иде паки к Суждалю; и взя подь нимь Михаилъ⁵², а Ростислава, сына своего, остави в Галичи, и отгяша отъ Даниила Перемышль»⁵³. Но свидетельство источника о взятии Киева Ярославом суздальским явно выпадает из контекста событий 1238 г. Дело

⁴⁸ Галицко-Волинський літопис. С. 116.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 90.

⁵¹ См., напр.: *Пацуро В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. С. 217.

⁵² Всеволодич черниговский.

⁵³ Галицко-Волинський літопис. С. 98.

проясняет сообщение Новгородской первой летописи младшего извода под 1236 г.: «Поиде князь Ярославъ из Новагорода къ Киеву на столь». Точность датировки подтверждается окончанием этой статьи: «Того же лѣта пришедше безбожнии татарове, плениша всю землю Болгарскую»⁵⁴. Как известно, поход войск Батия на Волжскую Болгарию произошел в 1236 г.

Отсюда и восстанавливаю время и последовательность событий, заметив попутно, что считаю невероятным, чтобы сжатые со всех сторон владениями и войском Романовичей в Галиче Михаил и Ростислав могли отважиться отнять у них Перемышль в 1236 г. Скорее они могли решиться на это именно в 1238 г., когда соперничество между Ольговичами и Романовичами достигло высшей точки. Тогда ими, вероятно, двигало отчаяние. На какое-то время, по-видимому, на несколько месяцев 1238 г., Киевом овладел Владимир Рюрикович, но впоследствии потерял его в пользу Михаила черниговского⁵⁵.

Аналогично с «по томъ» составители Галицко-Волынского свода изредка употребляют аналогичный термин «по семь». Рассказывая об ожесточенной борьбе части галицкого боярства и горожан против венгерской оккупации, книжник поведал о приглашении на галицкий стол слабосильного князька из Пересопницы Мстислава и неудаче его попытки вокняжиться в Галиче в 1211 г. Неожиданно летописец замечает: «И по семь скажемъ о Галичинѣ могилиѣ и о началѣ Галича...»⁵⁶. Перед нами еще одно из многочисленных свидетельств нетрадиционности Галицко-Волынского свода: его создатели свободно передвигаются во временном пространстве, забегая вперед и отступая назад.

Это место Галицко-Волынской летописи всегда вызывало постоянный и жгучий интерес историков, поскольку даже приблизительное время основания города Галича неизвестно. Отмечу лишь, что написавший эти слова, конечно же, знал, что Галич возник в отдаленном прошлом — и, вероятно, собирался осветить его рождение по известным ему источникам или народным преданиям, но почему-то не выполнил своего обещания, о чем приходится лишь сожалеть, — у нас было бы древнее сказание о возникновении Галича, города, обстоятельства рождения и начальная история которо-

⁵⁴ НПЛ. С. 285.

⁵⁵ Котляр М.Ф. Коментар. С. 229.

⁵⁶ Галицко-Волинський літопис. С. 79.

го до 1140 г., когда он впервые появляется на страницах летописи, остаются неизвестными.

Для того, чтобы обозначить длительность какого-либо процесса или явления, авторы и редакторы Галицко-Волынской летописи употребляли термины «всегда» и «иногда» (некогда, однажды, время от времени). Многолетним соперником Даниила и Василько Романовичей в деле овладения Волынской и Галицкой землями был их двоюродный брат Александр Всеволодич, князь белзский. Проверяя о неприязни Мстислава Удатного, в то время галицкого князя, к своему зятю Даниилу (признанному в феодальном обществе истинным наследником галицко-волынского князя, своего отца Романа Мстиславича), он постоянно интриговал против Романовичей. Книжник отмечает: «Олександръ всегда вражду имѣаше къ своимъ братомъ Романовичемъ... слышавъ, яко Мъстиславъ не имѣеть любви къ зятю своему князю Данилови...»⁵⁷.

«Иногда» («овогда») употреблено составителями Галицко-Волынской летописи в повествовании о событиях многолетней борьбы Даниила Романовича с черниговским соперником Ростиславом Михайловичем. Перед рассказом об утверждении Даниила в 1238 г. в Галиче книжник замечает: «Бывшу же межи ими (Даниилом и Ростиславом. — *Н.К.*) овогда миру, овогда рати...»⁵⁸. Речь идет о событиях, охватывавших всю вторую половину 1230-х гг., когда чаша весов военного и политического успеха склонялась то в одну, то во вторую сторону.

Особенно отчетливо подобный метод приблизительного определения времени тех или иных событий проявился в упоминаниях о любимом городе Даниила — Холме. Повествуя о войне Романовичей с Александром белзским в 1222–1223 гг., составитель Галицко-Волынской летописи пишет: «Даниль създа градъ именемъ Холмъ — създание же его иногда скажемъ»⁵⁹. Но ведь Холм был основан Даниилом почти двумя десятилетиями позднее. Можно думать, что автор упомянул о будущем Холме потому, что события, о которых он писал на этих страницах своего труда, происходили вблизи места основания города. А в описании стычки Романовичей с мазовецким князем Конрадом летом 1236 г. составитель Галицко-Волынской летописи сообщает: «Кондратови же ставшю, где нынѣ

⁵⁷ Галицко-Волинський літопис. С. 86.

⁵⁸ Там же. С. 98.

⁵⁹ Там же. С. 85.

градъ Холмъ стоять»⁶⁰. По моему мнению, опирающемуся на свидетельства Галицко-Волынского свода, Холм был заложен Даниилом в промежутке времени между второй половиной 1236 — первой половиной 1238 г.⁶¹

Остается сказать несколько слов о хронологии Волынской летописи, второй крупной части Галицко-Волынского свода. Она гораздо проще той, которая использована в Летописце Даниила Галицкого. Переходные формулы отличаются однообразием: «по семь же», «по томъ же», «тогда же» и т.п. Наверное, так случилось потому, что составители и редакторы Волынской части стремились придать тексту вид настоящей летописи и более, чем авторы Летописца, пытались придерживаться хронологической последовательности в изложении событий⁶².

Приведу наиболее характерные примеры использования подобных связующих фраз, заменивших даты в Хлебниковском списке Галицко-Волынской летописи, и в ее протографе. Между Галицкой (Летописцем Даниила) и Волынской (Волынская летопись) существует разрыв на уровне описания событий 1257–1258 гг. Первая обрывается неоконченным предложением: «Бысть же вѣсть Данилу, полаше Лва и Шварна⁶³ вонь изъ Вьлодимера, рече имь: “Аще вы будете у мене, [вамъ] ездити у станы к нимъ, аще ли азъ буду...”»⁶⁴.

После этого следуют слова: «По семь же минувшима двѣма лѣтома». Но в Ипатьевском списке сказано иначе: «Минувшему лѣту»⁶⁵. Это свидетельствует о свободном обращении составителей обоих списков со временем — для них было важно не точное его исчисление, а отметка временного порога между событиями.

Выражения «по семь» и «по томъ» употребляются в тождественных контекстах, книжники не делают между ними разницы. Так, в описании истребительного похода татарского войска на Польшу 1259 г. сначала сказано: «По семь поиде Бурундай вборзе к Люблину», а в продолжении этого рассказа: «По томъ же пойдоша (Бурундай) къ Лысцю городу»⁶⁶.

⁶⁰ Галицко-Волинський літопис. С. 98.

⁶¹ *Котляр М.Ф.* Коментар. С. 222.

⁶² *Котляр М.Ф.* Галицко-Волинський літопис. С. 114.

⁶³ Его сыновей.

⁶⁴ Галицко-Волинський літопис. С. 123.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 124, 125.

Словосочетание «в то же время» чаще, чем в Галицкой части, употребляется в Волынской летописи в более конкретном смысле: «В то же время умре княгини Миндовгови», «в то же врѣмя преста-вися... Василько»⁶⁷ (Романович, младший брат Даниила. — *Н.К.*).

Следовательно, в Волынской части нашего свода больше, чем в Галицкой, ощущается намерение соблюдать последовательность изложения. Не раз отмеченные историками и филологами отступление назад и забегание вперед в ходе летописного рассказа, столь характерное для Летописца Даниила Галицкого, здесь практически отсутствует. Вероятно, это также связано с отмеченным мною несколько выше стремлением авторов и редакторов Волынской летописи придать тексту «летописный» вид, что, видимо, мало заботило их предшественников — составителей Летописца⁶⁸.

Изложенное выше дает, как мне кажется, основания считать хронологию Галицко-Волынской летописи **событийной** — составленной в соответствии с относительной последовательностью отраженных в ней событий.

⁶⁷ Галицько-Волинський літопис. С. 127, 131.

⁶⁸ *Котляр Н.Ф.* Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // ДГ. 1995 г. М., 1997. С. 137 и др.

А.Р. Гуцин

В ПОИСКАХ НАЧАЛА СУТОЧНОГО КРУГА
В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ.
(ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО)

Рассмотрим пример точной датировки события. В Лаврентьевской летописи под 6698 г. сообщается о рождении сына у Всеволода Большое Гнездо: «<...> Того *ж* . *лѣт*(а) . Родися у бл(а)говерьнаго и х(ри)с(т)олюбиваго князя Всеволода с(ы)нь . м(е)сяця . февраля . въ . 8 . д(е)нь . на память с(вя)таг(о) пр(о)р(о)ка . Захары . и нарекоша и въ с(вя)тьм(я) кр(е)щ(е)ньи Феодоръ . <...>»¹. Казалось бы, в датировке столь подробного сообщения не должно возникать никаких трудностей. Стилль летописной статьи определяется как ультрамартовский. Указанное событие датируется концом 6697 (1189/90) мартовского года². День 8 февраля этого года пришелся на четверг³. Летописная датировка подтверждается показаниями месяцесловов — память св. пророка Захарии в Древней Руси праздновалась 8 февраля⁴. Итак, по всей видимости, княжич, как следует из вышеизложенного, родился по современному юлианскому времячислению 8 февраля 1190 г., в четверг. Эта дата (по крайней мере, в части месяца и числа) принята в литературе⁵.

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 408. Ср.: ПСРЛ. Т. 38. С. 157; Т. 41. С. 120.

² *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 84.

³ *Каменцева Е.И.* Русская хронология. М., 1960. С. 41–47. Табл. 7–10.

⁴ *Лосева О.В.* Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001. С. 266. Ср.: *Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. I–III. [Репр. 2-го изд., испр. и доп.: Владимир, 1901]. Т. II. Ч. 1. С. 37; Т. III. Ч. 2–3. С. 64, 596.

⁵ См., напр.: *Эземлярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. 1. С. 7 (под 1191 г.); *Baumgarten N. de.* Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X-e au XIII-e siècle. Roma, 1927. Tab. X. № 8. P. 44 (под 1191 г.); *Панов О.М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977. С. 170 (почему-то со ссылкой на В.Н. Татищева); *Кучкин В.А.* К биографии Александра Невского // ДГ. 1985 г. М., 1986. С. 74; *Воитович Л.В.* Генеалогія династії Рюриковичів. Бібліографічний довідник. Київ, 1990. С. 153. № 36 (под 1191 г.); *Donskoi D.* Généalogie des Rurikides. (Manuel). Rennes, 1991. Part. 1. P. 120. № 313; *Коган В.М., Домбровский-Шалагин В.И.* Князь Рюрик и его потомки. Историко-генеалогический свод. СПб., 2004. С. 665 (под 1191 г.).

Между тем в части датировки числом и днем недели, возможно, не все так просто. В самом деле, почему летописное 8 февраля без оговорок переводится в такую же дату современного юлианского или, — после прибавления известного числа, — григорианского времясчисления? Разве очевидно, что на Руси конца XII в. сутки отсчитывали с полуночи?

Казалось бы, ясность в эту проблему может внести история церкви вообще и историческая литургика в частности. Когда начинался суточный круг церковных служб? Но здесь не находим определенности. Авторы многотомных историй Русской церкви не уделяют этому вопросу специального внимания, их мнение на сей счет определяется косвенно. Большинство исследователей говорят о вечернем богослужении как начальном в порядке суточных служб⁶, иные — об утреннем⁷. Наконец, некоторые ис-

⁶ См., напр.: *Филарет (Гумилевский), архиеп.* История Русской Церкви. В пяти периодах. [М.], 2001/1847 (здесь и далее после указания времени публикации через знак «/» обозначены даты первых публикаций; в круглых скобках приводятся даты публикаций оригиналов переводных изданий, в квадратных — выходные данные оригиналов репринтных изданий). С. 166; *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. М., 1995/1857. Кн. II. Т. 1. С. 57 (два переня служб — начинающиеся с вечера и с заутрени); Т. 2. С. 246; *Прозоровский Д.И.* О старинном русском счислении часов // Тр. 2-го археологического съезда в С.-Петербурге. СПб., 1881. Отд. IV. Вып. 2. С. 122; ср.: С. 161 (два счета: церковный — с вечера и народный — с утра); *Одинцов Н.* Порядок общественного и частного богослужения в древней России до XVI века. СПб., 1881. С. 54 сл., 90 сл.; *Дмитриевский А.А.* Богослужение в Русской церкви за первые пять веков // Православный собеседник. 1882. Июль–август. Ч. 1. С. 346 1-й паг. сл. Ср. о начале суточного богослужения с полуночи по греческим типиконам: *Дмитриевский А.* Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Киев, 1895. Т. I. Ч. 1. С. LXV 2-й паг. сл.; *Голубинский Е.[Е.]* История Русской Церкви. М., 2002 [Репр. 2-го изд., испр. и доп.: М., 1904]. Т. I. 2-я пол. С. 369; *Никольский К., прот.* Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. М., 1995 [Репр. 7-го изд., испр. и доп.: СПб., 1907]. С. 33, 34, 99. Примеч. 1; С. 143 сл., 152–154; *Скабелланович М.* Толковый типикон. М., 2003 [Репр. изд.: Киев, 1910–1915]. Вып. I. С. 372 сл. (по Уставу Великой церкви); С. 393 сл. (по Святогорбскому типикону); С. 395 сл. (по Студийскому уставу — с полуночи); С. 399 сл. (бытование греческих уставов на Руси); С. 410 сл. (по Иерусалимскому уставу и «Тактикону» Никона Черногорца); Вып. II. С. 5 сл.; *Киприан (Керн), архим.* Литургика. М., 2002/1964. С. 100–103; *Мурьянов М.Ф.* Хронометрия Киевской Руси // СС. 1988. № 5. С. 61; *Пентковский А.М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001. С. 117, 203, 212 (утреня, вечерня); ср.: С. 151 (по болгарским спискам: вечерня, утреня).

⁷ См., напр.: *Желтов М.С., Правдолюбов С., прот.* Богослужение Русской Церкви. X–XX вв. // ПЭ. М., 2000. Т. РПЦ. С. 487.

следователи, говоря о начале суток по древнерусскому счету (церковному или мирскому, имевшему языческие корни?), указывают на рассвет⁸ или на предрассветное время⁹ (ср. с современным суточным кругом служб¹⁰). Исследование древнерусских Часословов студийской традиции (правда, не ранее XIII в.) показывает, что в разных их группах начало суточных служб различно (полунощница, заутреня или вечерня)¹¹. Любопытно, что, как кажется, все девять древнерусских редакций Студийско-Алексиевского устава¹² единодушно отсчитывают суточные службы с вечерни¹³ (однако надо учитывать, что упомянутый Устав не излагал систематически порядка **всех** служб, ограничиваясь описанием их особенностей¹⁴). Следует помнить, что многие аспекты древнерусской литургической традиции еще удовлетворительно не исследованы¹⁵.

Один из возможных путей изучения проблемы восприятия времени суток — рассмотрение произведений, атрибулируемых одному автору. Тексты Кирилла Туровского — едва ли не идеальный объект

⁸ *Симонов Р.А.* Естественнаучная мысль Древней Руси: Избранные труды. М., 2001. С. 259. Ср.: С. 221, 246–260. (Разные даты рождения Ивана Грозного и Петра I как следствие применения разных часовых систем); С. 223. (Возможно, на Руси сосуществовали три способа счета часами.) Ср.: *Он же.* «Косой час» и первые московские куранты // *ЖС.* 1997. № 3. С. 25 сл. [раздельный счет дневного (с рассвета) и ночного (с заката) времени]; *Он же.* Календарное время в древнерусской космологии // *Древнерусская космология.* СПб., 2004. С. 321 сл. (исконный древнерусский счет — с восхода и заимствованный христианский — с захода солнца).

⁹ *Степанов Н.В.* Единицы счета времени (до XIII века) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям // *ЧОИДР.* 1909. Кн. 4. С. 5 сл.

¹⁰ *Шмеман А.* Введение в литургическое богословие. М., 1996/1960. С. 50. Примеч. 9 (начало — вечерня).

¹¹ *Слива Е.Э.* О некоторых церковнославянских Часословах XIII–XIV вв. (Особенности состава) // *Русь и южные славяне.* СПб., 1998. С. 185–197; *Он же.* Часословы студийской традиции в славянских списках XIII–XV веков (классификация по особенностям состава) // *ТОДРЛ.* 1999. Т. LI. С. 91–106.

¹² Их обзор см.: *Пентковский А.М.* Типикон. С. 177–194.

¹³ Там же. С. 233 сл.

¹⁴ Там же. С. 116 сл.

¹⁵ Там же. С. 181. О вариантах суточного счета на средневековом Западе см., напр.: *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992 (1977/1964). С. 167 [сутки — с заката, полуночи, полудня. Примечательно отсутствие рассвета (утра); ср. с кажущимся отсутствием полудня в этом качестве на Руси]. Ср.: *Гуревич А.Я.* Представления о времени в средневековой Европе // *История и психология.* М., 1971. С. 169 сл.; *Он же.* Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М., 1984/1972. С. 346 (указатель).

для подобного исследования — вследствие их многожанровости и большого (по древнерусским меркам) объема¹⁶.

Ниже предлагаются результаты изучения ряда произведений Кирилла Туровского¹⁷. Тексты проанализированы в последовательности, возможно, соответствующей хронологии их написания — Слова, Послание, Молитвы. Внимание было привлечено к лексемам, могущим иметь отношение к представлениям о суточном времени (перечислены в алфавитном порядке; приведены в словоформах и орфографии «Словаря» И.И. Срезневского; числа при аббревиатурах означают количество упоминаний соответствующих лексем с определенными значениями; вследствие неоднозначности синтаксиса текстов, они — неабсолютны). Следует помнить, что

¹⁶ О «древнерусском Златоусте» и его творчестве см.: *Творогов О.В.* Кирилл // СКДР. Л., 1987. Вып. I. С. 217–221 (биб.).

¹⁷ Принятые сокращения:

МВВІ — Молитва во вторник по вечерни (1-я ред.) // *Рогачевская Е.Б.* Цикл молитв Кирилла Туровского: Тексты и исследования. М., 1999. С. 111–112; МВУІ — Молитва во вторник по утрени (1-я ред.) // Там же. С. 106–108; МВЧІ — Молитва во вторник по часах (1-я ред.) // Там же. С. 109–110; МНВІ — Молитва в неделю по вечерни (1-я ред.) // Там же. С. 97–98; МНУІ — Молитва в неделю по утрени (1-я ред.) // Там же. С. 91–94; МНЧІ — Молитва в неделю по часах (1-я ред.) // Там же. С. 95–96; МПВІ — Молитва в понедельник вечером (1-я ред.) // Там же. С. 104–105; МПУІ — Молитва в понедельник по заутрени (1-я ред.) // Там же. С. 99–101; МПЧІ — Молитва в понедельник по часах (1-я ред.) // Там же. С. 102–103; МПятВІ — Молитва в пяток по вечерни (1-я ред.) // Там же. С. 138–139; МПятУІ — Молитва в пяток по заутрени (1-я ред.) // Там же. С. 129–135; МПятЧІ — Молитва в пяток по часах (1-я ред.) // Там же. С. 136–137; МСВІ — Молитва в среду по вечерни (1-я ред.) // Там же. С. 117–118; МСУІ — Молитва в среду по утрени (1-я ред.) // Там же. С. 113–115; МСЧІ — Молитва в среду по часах (1-я ред.) // Там же. С. 116; МСубВІ — Молитва в субботу по вечерни (1-я ред.) // Там же. С. 146–147; МСубУІ — Молитва в субботу по заутрени (1-я ред.) // Там же. С. 140–143; МСубЧІ — Молитва в субботу по часах (1-я ред.) // Там же. С. 144–145; МЧВІ — Молитва в четверг по вечерни (1-я ред.) // Там же. С. 127–128; МЧУІ — Молитва в четверг по утрени (1-я ред.) // Там же. С. 119–124; МЧЧІ — Молитва в четверг по часах (1-я ред.) // Там же. С. 125–126.

П — Послание к Василию о схиме / Подгот., пер. и коммент. Н.В. Поньрко // БЛДР. Т. 4. СПб., 1997. С. 198–204.

СІ — Слово о бельцах и монашестве / Подгот. И.П. Еремин // ТОДРЛ. 1956. Т. XII. С. 348–354; СІІ — Слово на Пасху / Подгот. И.П. Еремин // ТОДРЛ. 1957. Т. XIII. С. 412–414; СІІІ — Слово по Пасхе / Подгот. И.П. Еремин // Там же. С. 415–419; СІV — Слово о снятии тела Христова с креста / Подгот. И.П. Еремин // Там же. С. 419–426; СV — Слово о расслабленном / Подгот. И.П. Еремин // ТОДРЛ. 1958. Т. XV. С. 331–335; СVІ — Слово о слепце / Подгот. И.П. Еремин // Там же. С. 336–340; СVІІ — Слово на вознесение Господне / Подгот. И.П. Еремин // Там же. С. 340–343.

даже древнейшие списки примерно на 100 лет отстают от времени жизни предполагаемого создателя этих текстов.

Вечерь — вечер страстной субботы, когда впервые свидетельствовали воскресение Христово [CIV]; время молитвы [МНВІ, МСВІ, МСубВІ]; вечер дня [МПУІ]; при создании мира был вечер [МПВІ]; вечерняя служба [МПВІ]; вечер [МВУІ, МПятВІ]; вечерняя молитва [МСВІ, МЧВІ, МПятВІ].

День — Пасха [СП-2]; день праздничный [СП, СП-2, CVII]; день победный [СП-2]; иудейский «день опресночный» [СП]; единица измерения божественного возраста (Бог-Отец — «ветхий днями») [СП]; дни крещения — дни выздоровления [CV]; ими измеряется время Христова чуда [CVI]; от Пасхи до Вознесения — 40 дней [CVII]; Страшный суд [CVII, МПятЧІ, МСубУІ]; срок выполнения схимнического обета [П]; день воскресный [МНУІ]; день печали [МНУІ, МВЧІ]; день молитвы [МНЧІ-2, МНВІ, МПВІ-2, МСВІ]; последний час дня [МНВІ]; работник всего дня [МНВІ]; день «преклонился» [МНВІ]; «дневное пребывание» [МПУІ]; вся жизнь [МПУІ-2, МСубУІ-2, МСубВІ]; день за днем [МПЧІ]; жизнь достигла середины [МПЧІ]; измерен часами Господом [МПВІ]; последний час этого дня [МПВІ]; (зря?) прожитая жизнь [МПВІ]; прожитая жизнь [МВУІ-2, МВЧІ-2, МЧУІ-2]; смертный день [МВУІ, МСВІ]; «четверодневный Лазарь» [МВУІ]; этот день [МВУІ, МСВІ]; до этого времени [МСЧІ, МСубВІ]; конец прошедшего дня [МСВІ, МЧВІ, МПятВІ]; день Божий [МЧЧІ]; начало жизни [МЧЧІ]; все время, всегда [МЧЧІ, МСубВІ]; день истинного покаяния [МПятУІ]; время воздаяния грешнику [МПятУІ]; Христос воскрес в третий день [МСубВІ]; всегда — «днем и ночью» [МСубВІ].

Днесь — время праздника [СП, СП]; время познания Господа [СП]; время торжества веры Христовой [СП]; конец «ветхого» времени [СП]; время обновления [СП]; скорби [CIV]; время спасения мира [CIV].

Дремати — да не дремлет ангел-хранитель [МЧУІ, МСубВІ].

Заря — светлая заря искупительной жертвы поднимается над монастырской церковью [СІ]; утренняя заря — время одного из эпизодов воскресения Христова [CIV].

Звезда — силою Божьего имени звезды «хытростию текут» [МВЧІ]; Богородица — «звезда незаходимая» [МСУІ].

Луна — силою Божьего имени «со страхом сияет» [МВЧІ].

Мракь — омраченная душа [МНУІ]; просвещаясь Божьм именем, не омрачусь в смертный день [МСВІ]; греховный мрак [МЧВІ]; темный мрак невоздержания [МПятУІ].

Ночь — мятеж [СІ]; тьма [СІ]; гибель [СІ]; сон [СІ]; грех [СІ]; время молитвы [СІ, П, МНВІ]; время видения Бога [СІІ]; измерена часами Господом [МПВІ]; страшная и трепетная [МВУІ]; ночной покой [МСВІ]; ночь Божья [МЧЧІ]; предстоящая ночь [МЧВІ]; начало предстоящей ночи [МПятВІ]; всегда — «днем и ночью» [МСубВІ].

Полночь — время исповеди [СІ]; полночь накануне воскресения Христова (причем это время — не позднее, а очень раннее) [СІV]; время богообщения [МНВІ]; в грехах полдень — как полночь [МПЧІ]; полуночная молитва [МЧВІ, МСубВІ].

Польдень — в грехах полдень — как полночь [МПЧІ]; «бесполуденный» [МВЧІ]; время молитвы [МСВІ].

Свет — дольний мир [СІ, МЧУІ, МПятУІ]; Пасха [СІІ]; Христос для Богородицы [СІV]; благодаря Христу его увидели пребывающие в аду [СІV]; рожденный крещением — «сын света» [СVІ]; свет божественной благодати [МНУІ]; свет божественной славы [МПУІ]; освещение грешной души божественным светом [МПУІ]; божественный свет просвещает очи [МПЧІ, МЧВІ]; в аду нет света [МПЧІ]; Господь отделил свет от тьмы и увидел, что свет — это хорошо [МПВІ]; немеркнущий райский свет [МСУІ, МПятВІ]; Богородица — «пресветлая свеча» [МСУІ]; Божье имя просвещает [МСВІ]; свет невечерний [МСВІ]; Иоанн Богослов — «церковный светильник» [МЧУІ]; свет истинный [МЧЧІ]; Бог — податель света [МЧЧІ]; «хваление светом» заповедей Божьих [МЧВІ]; Христу: тьму ума моего просвети [МПятЧІ]; свет судеб Божьих [МСубУІ]; св. Феодосий — «вся Руси светильник» [МСубУІ]; Спас — «присносуший начальный свет» [МСубУІ]; «просвещенный разум» [МСубВІ].

Солнце — Христос для Иосифа [СІV]; его восход — знак (начало?) нового дня [СІV]; его заход — время вечернее [МНВІ]; солнце [МВУІ]; светится силою Божьего имени [МВЧІ]; Христос солнце в тьму превратил (?) [МПятЧІ].

Сон — грех [СІ]; смерть [МНВІ]; лень [МВЧІ]; беспамятство [МВЧІ]; адский «червь неусыпающий» [МСЧІ]; сон греховный [МЧУІ]; тяжкий сон [МЧВІ]; легкий сон, без мечтаний и смущения [МЧВІ]; легкий сон [МСубВІ]; да не уснет ангел-хранитель [МСубВІ].

Тьма — место мятежной греховности [СІ]; тьма адская [МПУІ, МПЧІ]; Господь отделил свет от тьмы [МПВІ]; глубокая [МВУІ]; темный мрак невоздержания [МПятУІ]; Христос солнце в тьму превратил (?) [МПятЧІ]; тьма ума [МПятЧІ]; темный искунитель [МСубВІ].

Утро — время одного из эпизодов воскресения Христова [СIV]; время молитвы [МВЧI, МСВI]; утро [МЧВI, МПятVІ]; заутренняя молитва [МСубVІ].

Чась, година — часть дня [СII, МПятУI]; судный час [МНУI, МСЧI]; молитвенный час шестой [МНЧI]; молитвенный час (шестой?) [МНЧI-2]; последний час дня [МНВI, МПВI, МЧВI, МСубVІ]; работник 11-го часа [МНВI]; година вечерняя [МНВI]; время согрешений [МПУI]; Господь часами измерил день и ночь [МПВI]; час молитвы [МПВI-2]; 11-й час [МВУI]; время исповеди раскаявшегося разбойника [МВУI]; все время (вся жизнь?) [МВВI-2]; сейчас [МСУI, МЧУI]; час покаяния [МПятУI]; время греховного наслаждения [МПятУI]; время воздаяния грешнику [МПятУI]; непродолжительное время [МСубVІ].

Ниже результаты исследования представлены в виде таблицы (см. *табл. 1*), где лексемы перечислены в порядке убывания количества упоминаний с распределением по жанрам произведений (С — Слова, П — Послание, М — молитвы):

Таблица 1

Понятие	Кол-во упоминаний	Кол-во значений	Наиболее распространенное значение (кол-во его упоминаний)
День	64 (С-14, П-1, М-49)	36 (С-8, М-1, П-1, М-26)	день молитвы (6: М-6); прожитая жизнь (6: М-6)
Свѣтъ	28 (С-5, М-23)	24 (С-5, М-23)	дольний мир (3: С-1, М-2); божественный свет просвещает очи (2: М-2); немеркнувший райский свет (2: М-2)
Чась, година	27 (С-1, М-26)	18 (С-1, М-17)	последний час дня (4: М-4)
Ночь	16 (С-7, П-1, М-8)	14 (С-6, П-1, М-7)	время молитвы (3: С-1, П-1, М-1)

Понятие	Кол-во упоминаний	Кол-во значений	Наиболее распространенное значение (кол-во его упоминаний)
Вечерь	12 (С-1, М-11)	7 (С-1, М-6)	время молитвы (3: М-3); вечерняя молитва (3: М-3)
Сонь	10 (С-1, М-9)	10 (С-1, М-9)	–
Тьма	9 (С-1, М-8)	8 (С-1, М-7)	тьма адская (2: М-2)
Днесь	8 (С-8)	7 (С-7)	время праздника (2: С-2)
Польночь	6 (С-2, М-4)	5 (С-2, М-3)	полуночная молитва (2: М-2)
Солнце	6 (С-2, М-4)	6 (С-2, М-4)	–
Утро	6 (С-1, М-5)	4 (С-1, М-3)	время молитвы (2: М-2); утро (2: М-2)
Мракь	4 (М-4)	4 (М-4)	–
Польдьнь	3 (М-3)	3 (М-3)	–
Дрѣмати	2 (М-2)	1 (М-1)	–
Заря	2 (С-2)	2 (С-2)	–
Звезда	2 (М-2)	2 (М-2)	–
Луна	1 (М-1)	1 (М-1)	–

Семь лексем, связанных со светлым временем суток, очевидно доминируют по числу упоминаний (117) над девятью «темными» (62); причем лидер «светлых» (*день*) разительно опережает лидера «темных» (*ночь*) — 64 против 16. «Светлые» лексемы встречаются в 82 значениях, «темные» — в 52. Коэффициент полисемантической (отношение числа значений к числу упоминаний) «светлых» — 0,7, «темных» — 0,84. Один из главных претендентов на роль на-

чала суточного круга, однако, — *вечер* — встречается вдвое чаще *утра* (12 против 6); любопытно, что при этом и *полночь* встречается вдвое чаще *полдня* (6 против 3). Следует отметить, однако, затруднение — возможно, непреодолимое — в соотношении *дня с сутками* или с их *светлой частью* — первое значение, естественно, лишает эту лексему большой толики светлого ореола. Если не учитывать *день, днесь* и *ночь*, а также три случая употребления слова *свет* в значении 'дольний мир', соотношение «светлых» и «темных» меняется в пользу последних — 42 упоминания против 46; и те, и другие встречаются при этом в 38 значениях, а коэффициент полисемантической становится: «светлых» — 0,91, «темных» — 0,83. *Час (година)*, при третьем месте по числу упоминаний и значений, в дихотомии «свет — тьма» оказывается нейтральным. Наиболее распространенное значение основных лексем — 'время молитвы'. Интересно, что ни разу не встречаются слова *завтра, вчера* и их производные (видимо, это объясняется их редкостью в древнерусском языке¹⁸). В проанализированных текстах нет прямых указаний на начало суточного круга. Очень любопытно упоминание полуночи накануне воскресения Христова (причем это время — не позднее, а **очень раннее**) — евангелист Лука повествует: «И паки полунощи ины <жъны? — А. Г.> придоша <к Христовой гробнице. — А. Г.> испытат бывшего <...>. <...> зъло рано придоша жены к гробу <...>» [CIV. С. 423. Изложение неточно — ср.: Лк 24: 1–12¹⁹.] (Правда, возможно, представление о ранней полуночи в данном случае является ветхозаветным, и тогда становится интересным, осознавал ли это обстоятельство — первые христиане жили в условиях иудейских реалий и по-иудейски воспринимали время суток — автор текста?) Показательно, что во все дни седмицы утренние молитвы **открывают** суточный цикл; при этом их объем равен или, в большинстве случаев, превышает объем двух других молитв вместе взятых²⁰ (см. ниже *табл. 2*. В ней количество строк приведено без учета заголовков и уставных помет; по 1-й редакции (по классификации и изданию Е.Б. Рогачевской): удельный вес к объему суточных молитв соответствующего дня; до второго знака; с округлением до 100% по вечерней молитве).

¹⁸ СДРЯ. Т. II. С. 286–287; Т. III. С. 289, 354.

¹⁹ О богословско-богослужебной проблеме определения момента Пасхи см.: *Мурьянов М.Ф.* Хронометрия. С. 58–59; соответствующие литургические указания Студийского устава см.: *Пентковский А.М.* Типикон. С. 256 сл.

²⁰ Ср.: *Рогачевская Е.Б.* Цикл молитв. С. 22–24.

Таблица 2

День	Кол-во строк		
	молитва по утрени	молитва по часах	молитва по вечерни
Воскресенье	69 (53,49%)	27 (20,93%)	33 (25,58%)
Понедельник	65 (50%)	34 (26,15%)	31 (23,85%)
Вторник	79 (57,25%)	29 (21,02%)	30 (21,73%)
Среда	67 (52,76%)	25 (19,69%)	35 (27,55%)
Четверг	111 (63,43%)	23 (13,14%)	41 (23,43%)
Пятница	137 (68,16%)	28 (13,93%)	36 (17,91%)
Суббота	92 (59,36%)	23 (14,84%)	40 (25,80%)

Перспективы исследования по обозначенной теме видятся следующими. Надо привлечь другие, помимо 1-й, редакции молитв Кирилла Туровского (к сожалению, утренние молитвы, предположительно содержащиеся в древнейшем списке, утрачены). Показательным было бы сопоставление лексикологической статистики анализируемых произведений и древнерусского языка в целом; например, *день* и *ночь* у Кирилла Туровского соотносятся как $64/16 = 4/1$, при том, что в древнерусском языке XI–XIV вв. это отношение равняется примерно $10000/1000 = 10/1$ ²¹. Любопытным было бы, памятуя о субъективности процедуры, сопоставить семантику слов рассматриваемых произведений и древнерусского языка в целом²². При анализе употребления лексем важно учитывать контексты сообщений. При анализе молитв следует выявить их темы и моменты их (тем) возникновения. Было бы любопытно проследить особенности бытования соответствующих лексем в произведениях, относящихся к разным жанрам. Следует помнить о возможных сюжетных и текстуальных заимствованиях²³. Очень интересно было бы сопоставить тексты разных авторов. Возникает вопрос: существовали ли в Древней Руси особенности восприятия времени, обусловленные

²¹ СДРЯ. Т. III. С. 132–136; Т. V. С. 434–436.

²² О представлениях темпоральности на материале церковнославянского языка см.: Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002. С. 200–204.

²³ См., напр.: Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. 1955. Т. XI. С. 345–346, 346, 350, 351, 352, 355, 357–362; Рогачевская Е.Б. Цикл молитв. С. 26 сл., 50 сл.

социально-культурными различиями наблюдателей?²⁴ Существовало ли что-либо подобное западным представлениям о соотношении посу- и потустороннего времени?²⁵ Надо учитывать вероятное существование различных изменяемых со временем типов богослужения — (соборно-)кафедрального, приходского и монастырского²⁶, возможные отличия в разные дни в рамках одной традиции²⁷, представление о двух этапах бытования идей времясчисления — книжном и практическом²⁸ — и предполагаемые региональные особенности²⁹. Хронологические рамки исследования, хотя бы по причине скудости домонгольского материала, целесообразно раздвинуть как минимум до конца XIV в. Помимо прочего, это даст возможность оценить степень преемственности (или разрыва) традиции в рамках Студийского устава или — при «заходе» в XV в. — при его замене Иерусалимским уставом. Важно привлечь — в первую очередь, для анализа дохристианских представлений — данные этимологии лексем со значением суточной темпоральности (ср., например, прозрачное праслав. *dъль 'светлая часть суток' ← и.-е. *din- (от *di-/*dei- 'светить')³⁰ и темное праслав. *nokъ с неочевидной этимологией³¹; этимология русск. *вчера* ← *вечер* и *завтра* ← *утро*³², как будто, подтверждает исконность представления о начале дня-суток с утра³³).

²⁴ Об этом на западном материале см.: *Ле Гофф Ж.* Другое средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000 (1977). С. 36 сл.

²⁵ *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого. М., 2001 (1985). С. 114 сл.

²⁶ См., напр.: *Лисицын М.* Первоначальный славяно-русский Типикон. СПб., 1911. С. 356; *Уханова Е.В.* Особенности богослужения Русской церкви IX–XIV вв. // Вестник РГНФ. 2000. № 3. С. 83–93; *Пентковский А.М.* Типикон. С. 181, 186, 204 сл., 211 сл., 227. Ср., однако: *Желтов М.С., Правдолобов С., прот.* Богослужение. С. 487. Остаются не вполне понятными причины, помимо требований жизни, этого разнообразия, — бытование разных Уставов, разных редакций Студийско-Алексиевского устава или сочетание этих факторов (последние скорее подходят на следствия)?

²⁷ См., напр.: *Тарасьев А.В.* Откуда у сербов «глувна» и «мироносна» неделя? (Некоторые расхождения в названиях седмиц Постной и Цветной триоди в русской и сербской церкви) // *Philologia slavica*. М., 1993.

²⁸ *Симонов Р.А.* «Косой час». С. 25 (на примере «косого» и «латинского» часов).

²⁹ См., напр.: *Прозоровский Д.И.* О старинном русском счислении. С. 165; *Цыб С.В.* Древнерусское времясчисление в «Повести временных лет». Барнаул, 1995. С. 77 сл.; *Пентковский А.М.* Типикон. С. 216 сл.

³⁰ ЭССЯ. Вып. 5. 1978. С. 213–214.

³¹ Там же. Вып. 25. 1999. С. 175–177.

³² *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. М., 1986–1987 (1950–1958). Т. I. С. 366; Т. II. С. 73.

³³ Ср., однако: *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 2000. С. 455 (древнейший счет суток — по ночам).

Omnis comparatio claudicat, но, возможно, восприятие времени суток в Древней Руси в чем-то было сходно с восприятием времени года: в последнем случае мы имеем дело с январским, мартовским и сентябрьским годами, в первом — с «полночными», «утренними» («рассветными») и «вечерними» («закатными») сутками? Продолжив аналогию, мы придем к догадке об «ультра-(рассветных)утренних» сутках, так относящихся к «полночным», «утренним» («рассветным») и «вечерним» («закатным»), как ультрамартовский год относится к январскому, мартовскому и сентябрьскому³⁴. Во всяком случае, пока, до выяснения различных нюансов (коль скоро их вообще можно выяснить), многие точные датировки, видимо, следует предлагать более осторожно и расширительно. Так, например, предпосланное вышеизложенным рассуждениям летописное сообщение о рождении отца Александра Невского можно предположительно датировать рассветом 7 («ультраутренняя» или «ультрарассветная» датировка) — рассветом 9 («утренняя» или «рассветная» датировка) февраля. При литургическом счете, возможно, речь идет об интервале с заката 7 по закат 8 февраля. Остается неясным, насколько основательно можно помыслить возможность литургического счета с заката 8 по закат 9 февраля (см. *табл. 3*).

Таблица 3

рассвет 7.02	закат 7.02	рассвет 8.02	закат 8.02	рассвет 9.02	закат 9.02
--------------	------------	--------------	------------	--------------	------------

Точную — до минут — хронометрию временных интервалов можно осуществлять, ориентируясь на географическую широту места события (в данном случае — Переяславля-Залесского или Владимира-на-Клязьме?), памятуя о затрудненности визуальной хронометрии при облачной погоде и о вероятной ориентации времени богослужебных книг на широту Геллеспонта³⁵.

³⁴ Об изоморфности разномасштабных временных циклов см.: *Толстая С.М.* Время // СДЭС. 1995. Т. 1. С. 448–452. Ср. двойной счет дней недели: *Толстая С.М.* Дни недели // СДЭС. 1999. Т. 2. С. 95–99 (библ.)

³⁵ *Мурьянов М.Ф.* Хронометрия. С. 62–63.

В.А. Арутюнова-Фиданян

ВРЕМЯ КОМПИЛЯТОРА

Один из самых таинственных памятников средневековой армянской литературы, сборник «История Тарона» приписывается двум авторам — Зенобу Глаку и Иоанну Мамиконяну. В состав его входят два раздела и памятная запись (ишатакаран) епископа Тарона Иоанна Мамиконяна, который предпринял свой труд (согласно этой записи) по просьбе католикоса Нерсеса III Строителя (640–661 гг.).

Первый раздел относится к эпохе христианизации Армении в начале IV в., содержит переписку Григория Просветителя и два рассказа первого игумена монастыря Иоанна Предтечи (св. Карапета) сирийца Зеноба. Второй раздел (помимо списка игуменов-сирийцев) включает в себя изложение событий церковной и общественно-политической жизни в Тароне конца VI — первой половины VII в., о войнах с персами таронских владетелей Мамиконянов и начале арабских завоеваний¹.

Автор памятной записи сообщает, что ему удалось разыскать архив монастыря Глакаванк (св. Карапета) и перевести на армянский язык записи первых сирийских игуменов. Он добавил к этим переводам те материалы, которые собрал сам, и составил сборник «во время царствования Ираклия и смерти Хосрова, по приказу католикоса Армении Нерсеса, в правление Ваана Мамиконяна, которого по материнской линии называли Камсаракан, он был тридцать вторым [правителем Тарона] после Мушега, прозванного доблестным»².

¹ «История Тарона» дошла до нас во множестве списков. Большая их часть находится в Матенадаране (Ереван). Две рукописи относятся к XIII в., одна — к XIV, остальные — к XVI, XVII, XVIII вв. Большое количество рукописей и тысячелетнее бытование сборника доказывает его несомненную популярность у читателей. Критическое издание «Истории Тарона» выполнено А. Абраамяном: *Иоани Мамиконян. История Тарона*. Ереван, 1941 (на др.-арм. яз., далее: История Тарона); *Avdoyan L. Pseudo-Jovhannes Mamikonean. The History of Taron*. Atlanta, 1993. См. указ. там литературу.

² История Тарона. С. 287–288.

Большая часть арменоведов полагает, что «История Тарона» — компиляция, составленная не ранее VIII в., при этом в основу первой части легли поздние церковные предания, а вторая часть — эпос «Таронская война»³. Альтернативную точку зрения представляет историко-филологическое исследование К.В. Айвазяна, предпринятое им в конце 70-х гг. прошлого века. По его мнению, «История Тарона» — произведение ранней историографии, относящееся в первом разделе к началу IV в., а во втором — к концу VI — первой половине VII в.⁴ Оппоненты К.В. Айвазяна не смогли справиться с наличием достоверных реалий в канве повествования «Истории Тарона». В то же время он сам не смог удовлетворительно объяснить многочисленные ошибки и анахронизмы во второй части источника, а также оспорить «смутное представление автора о пережитом им историческом времени» (формулировка А. Абрамяна), т.е. развеять сомнения относительно принадлежности составителя сборника к VII в.

Установление времени составления сборника, на мой взгляд, является главной опорой исследователя при разрешении загадок и противоречий источника. До сих пор не уделялось должного внимания известному факту, что впервые об «Истории Тарона» упоминается в X в. На X в. приходится упразднение власти Арабского халифата и возникновение новых средневековых монархий (царств и княжеств) на территории Армении.

Во второй половине IX в. Багратиды Ширака возродили армянскую государственность, но не единое Армянское царство. Государственные образования, которые по мере упразднения арабского владычества появлялись на территории Армении, были средневеко-

³ Чамчян М. История Армении: В 3 т. Венеция, 1784. Т. 1 (на арм. яз.); Назарян С. Беглый взгляд на историю гайканской литературы до конца XVII столетия // Ученые записки Казанского ун-та. Казань, 1844; Эмин Н.О. Очерк религии и верований языческих армян. М., 1884; Он же. Исследования и статьи (за 1858–1884 гг.). М., 1986; Патканов К.П. Очерки истории древнеармянской литературы // Всеобщая история литературы / Под ред. В.Ф. Корша. СПб., 1880. Т. 1. Ч. 1.; Зарбаналян Г. История древнеармянской литературы. Венеция, 1897. Т. 1 (на арм. яз.); Халатян Г. Зеноб Глак. Сравнительное изучение. Вена, 1897 (на арм. яз.); Gelzer H. Die Anfänge der armenischen Kirche. Sonderabdruck aus den Berichten d. Königl. Sächs. Gesellschaft d. Wissenschaften, 1895; Лео. История Армении. Ереван, 1966 (на арм. яз.); Абеглян М. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975. С. 230–241.

⁴ Айвазян К.В. «История Тарона» и армянская литература VI–VII веков. Ереван, 1976. Библиографию работ, посвященных «Истории Тарона», см. там же. С. 4–6. Изложение дискуссии там же в гл. I («История Тарона» и ее критики). С. 9–42.

выми монархиями с царем или князем во главе (Великая Армения, Васпуракан, Тарон, Сюник и др.). Ширакские Багратиды, азгапеты Багратидского дома, провозгласили себя шаханшахами и сюзеренами всех армянских царств и княжеств, и некоторые исследователи полагают, что феодальная раздробленность и сопровождающие ее междоусобицы не исключали того, что армянские царства и княжества, объединенные этносом, языком и культурой, являлись своего рода феодальной федерацией.

Историографы этого периода отчетливо делятся на историков общеармянских и региональных. Первые полагали своей целью утверждение идеи общей отчизны — коррелята общенациональной церкви, вторые, даже описывая общеармянские события, стремились подчеркнуть изначальную обособленность и независимость своих регионов в государственном и в церковно-иерархическом аспектах. Концепция единого государства и сильной царской власти нашла отражение в «Истории Армении» Иоанна Драсханакертци и «Всеобщей истории» Степаноса Таронечи (Асолика). В то же время появляются региональные анналы Васпуракана и Алуанка: «История дома Арцруни» Фомы Арцруни и Анонима Арцруни, «История Анонимного повествователя» (Псевдо-Шапух Багратуни), «История страны Алуанк» Мовсеса Каланкатуаци (Дасхуранци).

«История дома Арцруни» состоит из произведений двух авторов — Товмы Арцруни (середина IX — первая четверть X в.) и Анонима Арцруни (X в.)⁵. Арцруни — владетельные князья Васпуракана — занимали приоритетное положение в Юго-Западной Армении. Товма и Аноним, посвятившие свой труд дому Арцруни (и, очевидно, происходившие из этого дома), были эрудированными вардапетами, занимавшими видное положение в духовной иерархии и, возможно, принимавшие участие в политической жизни Васпуракана. Товма ставит перед собой две задачи, одинаково важные для него: создать родословную князей Арцруни, показать их роль в истории Армении и описать собственно исторические события. «Мы напишем в эту книгу относящиеся до них [князей Арцруни] повествования и сказания, подкрепив их в меру наших возможностей [сведениями] из древних исторических книг пророков и учителей

⁵ *Товма Арцруни и Аноним. История дома Арцруни / Крит. текст, предисловие и примеч. М.О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 2006; Товма Арцруни и Аноним. История дома Арцруни / Пер. с др.-арм., вступ. ст. и коммент. М.О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 2001.*

Церкви Христовой, а также внешних историков»⁶. «История Анонимного повествователя» разделена на две части; первая, «История Хацюнского креста» — собрание исторических сказаний, связанных с борьбой христианских народов во главе с Византией против маздеистского Ирана, а также церковные предания, в которых утверждается идея единения христиан перед лицом персов, а затем арабов, вторая — цикл сказаний о борьбе (или союзнических отношениях) князей Васпуракана с арабскими эмиратами. Первая часть была создана до X в., вторая — до XII в.⁷

«История страны Алуанк» была составлена Мовсесом Каланкатуанци, или Дасхуранци, армянским вардапетом высокого ранга, может быть, католикосом Алуанка (а до этого настоятелем монастыря в Парисосе), в X в. на основании источников VI–X вв., иногда перенесенных в текст без всяких изменений (труды Мовсеса Хоренаци, Елише, Петроса Сюнеци, Пилон Тиракаци, грамоты, послания, каноны и т.д.), иногда подвергавшихся редакторской правке⁸.

Региональные истории — это компилятивные сборники, в которых материалы (документы, послания, памятные записи, произведения предшествующих историографов, церковные предания и генеалогические легенды) расположены в хронологическом порядке. В задачи составителей этих сборников входило установление изначального приобщения населения своей области к христианской религии и возвеличивание ее правящей династии, и потому в текст сборников обычно входили предания о христианском просвещении региона, и родовые легенды княжеских фамилий.

Составитель сборника «История Тарона» избрал два наиболее ярких периода в истории Таронского княжества: утверждение христианства в начале IV в. и войну с персами в VI–VII вв. Он был знаком, очевидно, с ранней армянской историографией, устными сказаниями о войнах с персами и с родовыми преданиями князей Мамиконян, а типологическое сходство в сюжетах и композиции

⁶ *Товма Арцруни и Аноним. История дома Арцруни.* С. 18.

⁷ История Анонимного повествователя. Псевдо-Шапух — Багратуни (др.-арм. текст с параллельным русск. пер.) / Перевод с др.-арм., предисл. и коммент. М.О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 1971; *Thomson R.W. The Anonymous Story-Teller (also known as «Pseudo-Šapuh») // Revue des études Arméniennes.* Т. 21. 1988–1989. P. 172–232.

⁸ *Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк* / Крит. текст и предисл. В.Д. Аракеляна. Ереван, 1983; *Он же. История страны Алуанк* / Перевод с др.-арм., предисл. и коммент. Ш.В. Смбатяна. Ереван, 1984; *Акопян А.А. Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках.* Ереван, 1987.

с региональными анналами X в. дает возможность предположить, что «История Тарона» также была создана в X в., тем более, что об этом источнике впервые упоминает епископ Ухтанес (вторая половина X в.)⁹.

«История Тарона» — один из самых дискуссионных памятников в арменоведении¹⁰, однако существует проблема, решение которой ни у кого не вызывает сомнений: и сторонники и противники аутентичности сборника единодушны в одном — «История Тарона» составлена (когда бы это ни произошло) с целью прославления рода Мамиконянов¹¹.

И это, на мой взгляд, самая главная загадка если не источника, то источниковедения. Обратимся к памятной записи. Ее автор сообщает, что нашел документы о ранней истории Тарона в монастыре Глакаванк (10 патченов), а сказания о роде Мамиконянов «от царя Трдата до персидского царя Хосрова» обнаружил в Эдессе у священника, который перевез туда часть монастырского архива во время одного из вражеских нашествий («персидских или других войск») — всего 28 патченов, а затем в сборник вошли материалы, собранные Иоанном, в VII в., очевидно, записи местных преданий о князьях Тарона¹².

Однако в сборнике мы находим только начальную и конечную части повествования, заявленного в памятной записи. И возникают обоснованные сомнения в идентичности личности автора памятной записи и составителя сборника. Загадочно, что в памятнике,

⁹ Арутюнова-Фиданян В.А. Время компилятора // ВЕДС. М., 2004. XVI: Время источника и время в источнике. С. 6–8.

¹⁰ Дискутируются жанр, авторство, состав, композиция, время написания, содержание и т.д., и т.п.

¹¹ С.Т. Еремян отмечает, что обычно анналы, возвеличивавшие крупные нахарарские дома Армении, составлялись в их монастырях, «а в Тароне фамильным монастырем Мамиконянов был Сурб Карапет — монастырь св. Иоанна Предтечи (Глакаванк). В этом монастыре создавалась «История Тарона» — сборник разновременных записей, начиная V и кончая VIII в.» (Еремян С.Т. О некоторых историко-географических параллелях в «Повести временных лет» и «Истории Тарона» Иоанна Мамиконяна // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Киев, 1965. С. 152). М. Абегиан писал: «Эта книга по своему простонародному языку, ясному и простому стилю и содержанию в действительности является сборником народных сказаний, который не имеет ничего общего с реальной историей, и, напротив, обладает всеми свойствами народных сказаний... Все это произведение, как в части Зеноба Глака, так и Иоанна Мамиконяна, сочинено в целях восхваления Тарона и нахарарского рода Мамиконянов» (Абегиан М. История древнеармянской литературы. С. 230–231).

¹² История Тарона. С. 288.

созданном в родовом монастыре Мамиконянов, отсутствует генеалогия этого дома — предмет особенного внимания средневековых историков Армении¹³.

Удивительно также, что из сборника изъяты те разделы, которые повествуют о событиях «от царя Трдата до персидского Хосрова», т.е. от конца IV в. до конца VI в. — именно тот отрезок времени, когда Мамиконяны находились на исторической авансцене Армении и в центре внимания эпоса и ранней армянской историографии. «Бузандаран», Елише, Лазар Парпеци предоставляют исследователю достаточно репрезентативный материал. Мамиконяны — владельцы обширных областей (в том числе, Тарона и Тайка), наследственные главнокомандующие (спарапеты) армянского войска, наставники и регенты царевичей, «делатели царей» и правители страны после падения династии Аршакидов — были лидерами борьбы за независимость с Сасанидским Ираном и Арабским халифатом¹⁴. Н. Адонц писал: «Трудно найти в истории такой княжеский дом, который на протяжении веков оставался так верен родовому мировоззрению и традициям. Вместе с кровью они наследовали героический дух своего рода. Даже их имена, переходя из поколения в поколение представляют памятники их прошлого. Они являлись беззаветными защитниками чести и достоинства армянской страны и народа, которые, потеряв свою силу в неравных войнах, сгорели героями в пламени самопожертвования»¹⁵. Мамиконяны — рыцари армянского эпоса и историографии, они отличаются глубоким и действенным патриотизмом, отвагой и мужеством, им присуще чувство чести и справедливости, они — защитники по призванию, милостивы к слабым и к побежденным врагам. Они верны слову, честны и прямодушны, гостеприимны и доброжелательны. Мамиконяны являются собой воплощение физического и нравственного совершенства (*καλοκάγαθία*)¹⁶.

Д.С. Лихачев на материале древнерусской литературы доказывает, «что именно жизнь... выработала те идеалы, которые и в действительности, и в литературе служили мерилom людей. В лите-

¹³ Даже Мовсес Хоренаци, который уделял Мамиконянам гораздо меньше внимания, чем Багратидам, приводит легенду о происхождении их рода (*Арутонова-Фиданян В.А.* Родовое предание и ранняя историография: «Вторичный» эпос // ДГ. 2001 г. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 15).

¹⁴ *Арутонова-Фиданян В.А.* Родовое предание. С. 9–16.

¹⁵ *Адонц Н.* Исторические исследования. Париж, 1948. С. 42 (на арм. яз.).

¹⁶ *Арутонова-Фиданян В.А.* Родовое предание. С. 16–18.

ратурном изображении реальные люди либо подтягивались к этим идеалам, признавались соответствующими им, либо отвергались именно с точки зрения этих идеалов»¹⁷. Очевидно, что армянская действительность IV–VII вв. (борьба за государственную и религиозную независимость) требовала героических деятелей и вызывала их к жизни. Спарапеты Мамиконяны, доминировавшие в коллизиях эпохи, должны были быть близки к идеалу государственных деятелей и воинов. Идеализирующим фактором являлась и близость историографов к их дому (Елише был секретарем полководца Вардана Мамиконяна, а Лазар Парпеци — протеже марзпана Ваана Мамиконяна)¹⁸.

Составитель «Истории Тарона» начинает отсчет таронских Мамиконянов не с выдающихся деятелей этого дома IV–V вв., а с Мушега, также достаточно известного полководца конца VI в., принимавшего участие в возведении на престол Хосрова II.

Составитель, очевидно, знал и «Историю» Себеоса (VII в.), и легенду о Мушеге Мамиконяне, которая легла в основу сочинения Себеоса. Он сознательно ставит самого знаменитого Мамиконяна конца VI в. первым в ряду Таронских Мамиконянов¹⁹.

Однако последующие сюжеты «Таронской войны» с персами не имеют никаких параллелей в других источниках, а Мамиконяны из Тарона не похожи на своих знаменитых предшественников. Второй «патчен»²⁰ второго раздела посвящен походу персидского полководца Михрана на Тарон с целью взять в плен Мушега Мамиконяна. Ваан Мамиконян пообещал перейти на сторону Михрана, «если страну эту отдашь мне во владение, я отдам князя Мушега в твои руки». Ваан принес Михрану присягу, получил под свое командование часть персидского войска и вероломно уничтожил его у города Одз.

Ваан пригласил Михрана на пир и зарезал его (составитель беспощаден к читателям, сообщая подробности этого убийства), он пытками получил от персидских князей пароль для их отрядов и часть их перебил мечом, а часть даже сжег в храме. Он обманом разделил оставшееся войско персов на мелкие отряды и истребил их, оставив в живых лишь сорок человек, чтобы они донесли до

¹⁷ Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 29.

¹⁸ Арутонова-Фиданян В.А. Родовое предание. С. 18–19.

¹⁹ Там же. С. 26.

²⁰ Патчен — это «письмо, послание», а также «список, копия», что, возможно, подчеркивает дистанцию между сюжетом и составителем сборника.

персидского царя весть о случившемся²¹. Ваан гордится своим прозвищем «Гайл» (волк), а его действия — длинная цепь вероломных обманов и притворных клятв. Следующий пагчен озаглавлен «О втором приходе Ваханга с тридцатью тысячами, который построил город Порп и крепость Гаар»²². Это уже не просто набег. Ваханг укрепляет границу по линии Тарон — Палуник, строит опорные пункты, заселяя их персами, т.е. превращает край в персидскую провинцию, демонстрируя переход от тактики набега к освоению захваченных земель. Ваханг, однако, стремится к переговорам и посылает «смелому и великому Ваану» дипломатичное письмо. Ответ Ваана невероятно оскорбителен и для Ваханга, и для его семьи, и для его страны. Ваханг посылает шеститысячный отряд на город Муш, армянское войско ночью нападает на лагерь персов и истребляет большую их часть. Оставшиеся в живых предложили большой выкуп за свою жизнь, и Ваан взял его, однако, «когда Ваан увидел, что они уходят... он напал на них и стал рубить»²³.

Сын Ваана Смбат продолжает эскалацию жестокости и вероломства. Он уничтожает «всех говорящих по-персидски» — мужчин, женщин и младенцев — жителей города Порп²⁴. Смбат истребил войско Ваханга, убил его самого и взял в плен его жену и сына²⁵. Брат Ваханга Сурен прибыл в Тарон, чтобы выкупить родственников из плена. Автор сказания подчеркивает мудрость и терпимость перса, который сносит оскорбления Смбата и предлагает большой выкуп (100 000 дахеканов) за женщину и ее сына²⁶. Смбат ведет его в храм св. Карапета, чтобы закрепить соглашение обменом клятв. «Но когда они пришли к дверям монастыря, вышли монахи и запретили входить из-за Сурена. Смбат, рассердившись, назвал персов погаными, а князь Палуника Вараз набросился на Сурена и отрубил ему голову»²⁷. А затем было истреблено все войско Сурена.

Отметим, что Сурен прибыл с мирной целью, согласился отдать выкуп и принести клятвы, закрепляя мир с таронским князем. Он был гостем и пользовался личной неприкосновенностью. Смбат, в сущности, переступил через законы гостеприимства и рыцарской

²¹ История Тарона. С. 180–201.

²² Там же. С. 205.

²³ Там же. С. 208–214.

²⁴ Там же. С. 226–227.

²⁵ Там же. С. 227–228.

²⁶ Там же. С. 229–233.

²⁷ Там же. С. 235.

чести. Битвы превращаются в резню, Смбат и Вараз громоздят горы трупов. При этом персонажи не испытывают угрызений совести, а автор не высказывает осуждения. Подлое убийство Сурена и истребление его отряда именуется «подвигом Вараза», воспетого «плюсунами»²⁸.

И Смбат, и его сын Ваан во время третьего похода персов на Тарон под командованием Тиграна побеждают только потому, что оказываются коварнее и неразборчивее в средствах, чем их враги. Смбат убивает посла²⁹, Ваан, переодевшись, проникает в лагерь персов «как тать в ночи» и не только убивает персидских военачальников, но и крадет «дорогие вещи, драгоценные камни и отборные мечи»³⁰, т.е. и действует как тать. Подобные поступки в армянской историографии позволяли себе только злодеи и изменники. Для Мамиконянов — это совершенно невозможно, Мушег Мамиконян, захвативший в бою с Бахрамом Чубином царскую сокровищницу Сасанидов, вернул ее персидскому царю³¹.

Итак, Мамиконяны «Истории Тарона» неизменно побеждают врагов, но не мудростью и стратегическим расчетом, а хитростью и коварством, они жестоки, не щадят ни раненых, ни пленных, попирают законы гостеприимства, рыцарской чести и дипломатического протокола. Они неверны слову и неразборчивы в средствах, вероломны и злоязычны.

Большая часть исследователей, подчеркивая постоянные и легкие победы владетелей Тарона, упорно продолжают считать, что «Таронская война» — это «идеализация, полная и доведенная до конца и все это с большей наивностью, чем в “Персидской войне”»³².

А другие, как К.В. Айвазян, исследовавший этот странный феномен, пытаются объяснить его требованиями времени (феодалная раздробленность, отсутствие в стране светского или церковного объединяющего центра, специфичность войн, носивших партизанский характер, когда лишь коварство и обман могли способствовать победе над всегда превосходящими силами противника и т.д., и т.п.). К.В. Айвазян даже утверждает, что эти откровенно низменные свойства героев епископа Иоанна все равно являются «чертами

²⁸ Там же. С. 246–247; *Абеян М.* История древнеармянской литературы. С. 235.

²⁹ История Тарона. С. 253–254.

³⁰ Там же. С. 255.

³¹ *Арутюнова-Фиданян В.А.* Родовое предание. С. 20–21.

³² *Абеян М.* История древнеармянской литературы. С. 237–238.

рыцаря-воина» и что такой образ и есть «идеал эпохи», порожденный «условиями жизни в Армении VI–VII веков»³³.

С этим утверждением трудно согласиться, т.к. у современника Иоанна Себеоса нет ничего подобного. Себеос, разумеется, пишет историю не области, а всей Армении от начала времен до 661 г. Он называет князей из дома Мамиконянов в связи с событиями общепармянского значения, рассказывает о предках Мамиконянов³⁴, о восстаниях Ваана Мамиконяна против Пероза и Вардана Мамиконяна против Хосрова Ануширвана³⁵, о противостоянии Мушега Мамиконяна Хосрову II³⁶. У Себеоса «владельцы Мамиконянские» — Мушег и Амазасп — стоят в центре политической жизни Армении VII в.³⁷ Себеос не только современник Иоанна Мамиконяна, но и сторонник Багратидов, исконных противников знаменитого рода, и тем не менее в его труде образы Мамиконянов традиционно позитивны, между тем социально-политическая обстановка в Армении эпохи Арабского халифата была даже более жесткой, чем в последние десятилетия войн с Сасанидами, и непосредственно соприкасалась с ними: конец VII в. — отступление персов и первые набеги арабов.

В эпосе «Давид Сасунский» идеал рыцаря-воина идентичен образам Мамиконянов IV–V вв. Сасунские храбрецы — герои войн с арабами (IX–X вв.) преданы своей земле, отважны в борьбе с врагом и милостивы к побежденным, верны слову, благородны и верны рыцарской чести. Иными словами, идеал рыцаря-воина в общем остается неизменным в армянском эпосе и историографии на протяжении столетий и резкое выламывание из этого ряда Мамиконянов «Истории Тарона» требует нового осмысления³⁸.

³³ Айвазян К.В. «История Тарона». С. 358–367.

³⁴ История Себеоса / Сводный критич. текст, предисл. и коммент. Г.В. Абгаряна. Ереван, 1979. С. 56–57 (на арм. яз.).

³⁵ Там же. С. 66–69.

³⁶ Там же. С. 76–84.

³⁷ Там же. С. 171–172. К.В. Айвазян отмечает в «Истории Себеоса» странный «вакуум», охватывающий период от Мушега Мамиконяна (конец VI – начало VII в.) до другого Мушега и Амазаспа Мамиконянов (середина и вторая половина VII в.), т.е. именно тот промежуток времени, когда правителями Тарона были: Ваан по прозвищу «Гайл», Смбат, Ваан и Тиран Мамиконяны (Айвазян К.В. «История Тарона». С. 162–163).

³⁸ Трудно согласиться, поэтому, с М. Абегином, который считает «Историю Тарона», с одной стороны, отголоском эпоса «Персидская война», а с другой — одним из источников эпоса «Давид Сасунский» (Абеги М. История древнеармянской литературы. С. 240–241).

Д.С. Лихачев отмечал, что этикет в средневековой литературе становится формой и существом идеализации, но «взятым из жизни, из реальных обычаев этикетным нормам подчинялось только поведение идеальных героев. Поведение же злодеев, отрицательных лиц этому этикету не подчинялось»³⁹.

Учитывая инерционность этикетных установок для идеальных героев, следует предположить сознательную «дегероизацию» персонажей второго раздела «Истории Тарона».

Вряд ли можно обвинить в этом Иоанна Мамиконяна — автора памятной записи, собирателя письменных материалов и устных преданий о владетельных князьях Тарона, жившего в конце VII в. Последний правитель Тарона, упомянутый епископом Иоанном, Тиран погиб в битве с арабами в 640 г., а заказ на создание «Истории Тарона» Иоанн получил от католикоса Нерсеса III (641–661).

Удивительно и то, что сборник завершается разгромом владетелей Тарона в первом же столкновении с арабами и что компилятор X в. не вспомнил о том, как Мамиконяны боролись и сражались еще более века. В 774–775 гг. они возглавили одно из самых крупных восстаний против Арабского халифата, в бою при Арчеше пали Мушег и Артавазд, и род Мамиконянов, как и родственных им Камсараканов, подвергся истреблению, Тарон (и ряд других их владений) был передан Багратидам. Ишханом Армении стал Ашот Багратид, его брат Багарат — спарпетом. Падение Мамиконянов и возвышение Багратидов в конце VIII в. завершает их многовековое противостояние. Монастырь св. Карапета перешел под покровительство Багратидов вместе со всем Тароном.

В качестве рабочей гипотезы можно выдвинуть предположение, что героическая история Мамиконянов IV–V вв. была изъята по приказу новых правителей Тарона в конце VIII в. А затем была проведена последовательная дегероизация Мамиконянов — владетелей Тарона VII в. Негативная трансформация образов Мамиконянов из местных легенд, записанных в VII в., могла пройти долгий путь, прежде чем попала в руки компилятора X в.

Во втором разделе, вероятно, случайно сохранился обломок первоначальной записи Иоанна Мамиконяна. Ваан перед битвой с персидским полководцем Вардухри (четвертый приход персов в Тарон) наставляет сына Тирана «не обольщаться величием», «не творить греха», «не забывать служителей св. Карапета и не делать им зла».

³⁹ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 88–89.

«И ты служи Богу и святым отцам-монахам и священникам, как я. Не прельщался я жизненными благами, не обманул горемык и сирот, но всех, кто был под моей властью — мужчин, женщин и детей, всех верующих во Христа — считал своими братьями, заботился о них, как о членах моей семьи. Сын мой, то же делай и ты. И Господь даст могущество тебе»⁴⁰.

Составитель сборника «История Тарона» (кем бы он ни был) именно в X в., когда Тарон вошел в состав Византийской империи, мог получить доступ к сирийским хроникам монастыря Глакаванк, хранившимся в Эдессе, и архиву Таронского княжества (перешедшего в конце VIII в. к Багратидам). Он был знаком, очевидно, с ранней армянской историографией и устными преданиями о героической борьбе таронских нахараров с персами.

«История Тарона» четко поделена на светскую и церковную, и также четко различаются в ней две хронологические линии: одна — настоятелей монастыря св. Карапета, начиная с Зеноба; другая — таронских владетелей, начиная с Мушега Мамиконяна.

Документальная основа первой части сборника обеспечила четкую последовательность событий христианизации и логично обозначила ареал деяний главных действующих лиц этого времени: Григория Просветителя, царя Трдата, Леонтия Кессарийского, сирийских монахов и т.д.

Памятная запись призвана подчеркнуть, что сюжеты второй части относятся к VII в. и что именно тогда она и была написана. Автор называет главные имена этого периода: византийского императора Ираклия, персидского царя Хосрова II, армянского католикоса Нерсеса, однако только называет их — они не играют существенной роли в его повествовании и служат целям обозначения эпохи. Светскую власть во второй части сборника олицетворяют Мамиконяны, духовную — епископы Тарона и настоятели монастыря Глакаванк. Сборник «История Тарона» является компиляцией разновременных сюжетов, привнесенных из устной и письменной традиции, а события и лица ставятся в тот временной ряд, который представляется наиболее логичным редактору и составителю сборника, жившему в X в., а оценки, возможно, предопределены интересами Багратидов, которые в X в. были не только владетелями Тарона, но и шаханшахами Армянского царства.

⁴⁰ История Тарона. С. 269–270. Составитель сборника тут же добавляет, что в результате военной тактики Ваана пострадали братья монастыря св. Карапета (Там же. С. 274–278).

В.И. Матузова

ВРЕМЯ В «ХРОНИКЕ ЗЕМЛИ ПРУССКОЙ»
ПЕТРА ИЗ ДУСБУРГА

Петр из Дусбурга дважды заявляет о своем отношении ко времени в связи с принципами построения книги. «Построение этой книги будет такое. Во-первых, я опишу, в какое время, кем и как был основан орден дома Тевтонского; во-вторых, — когда и как упомянутые братья вошли в Прусскую землю; в-третьих — о битвах и прочем, что было содеяно в упомянутой земле; из этих событий немногие я видел, о других слышал от тех, которые видели и принимали в них участие, остальные — рассказы о которых признал достоверными. В-четвертых, упомяну в конце пап и императоров, правивших во время учреждения этого ордена, и некоторые, достойные внимания события, происшедшие в это время»¹. Но, похоже, хрониста не столько заботит точное соблюдение хронологии событий, сколько их суть: «Рассказав в общих чертах о войне второго вероотступничества², следует перейти к перечислению сражений отдельных замков и волостей земли Прусской. Посему пусть не волнует читателя, если какое-либо сражение во втором вероотступничестве, изложенное выше или ниже, он найдет не в том порядке, в каком они происходили, ибо они уже стерлись из памяти людей, ныне живущих, так что никто из них не может расположить их должным образом. Ибо по большей части излагается происшедшее, но порядок событий нарушен. Вот почему ты найдешь, что многое здесь помещено и описано наперед» (III, 137).

¹ *Петр из Дусбурга*. Хроника земли Прусской / Подг. В.И. Матузова. М., 1997. С. 8–9. Все последующие ссылки на это издание находятся внутри статьи. Римской цифрой обозначена часть, арабской — глава.

² Вероотступничествами Петр из Дусбурга называет восстания пруссов против немецких крестоносцев. В отечественной исторической науке эти восстания рассматривались как три этапа борьбы пруссов за независимость. См.: *Пауцто В.Т.* Борьба прусского народа за независимость (до конца XIII в.) // История СССР. 1958. № 6. С. 54–81.

Действительно, обратившись к тексту «Хроники», увидим, что первого хрониста Тевтонского ордена далеко не всегда интересует конкретное (датированное) историческое время — вернее сказать, время земной истории. Само начало пребывания Тевтонского ордена в Пруссии никак не датируется: «В то время, когда... князь Конрад правил в Мазовии» (II, 1). Отправная дата — 1226 г. — пожалование Конрадом Мазовецким тевтонским рыцарям Кульмской и Любавской земель. 1226 г. — это и время издания императором Фридрихом II (1212–1250) «Золотой буллы Римини», согласно которой Орден получал право завоевания прусских земель. События, происшедшие ранее (набеги пруссов на Мазовию, учреждение Добжиньского ордена), не имеют конкретных дат: «спустя немного лет» или «в то же время». Многие события, нашедшие отражение в «Хронике», вообще не датируются, или же автор ограничивается только намеком на дату: «все последующее было содеяно во время войны с надровами (т.е., в 70-е гг. XIII в. — *В.М.*)» (III, 180).

Можно подумать, что время не представляет для автора особого значения и что он, следуя эпическим традициям, отдает предпочтение историческому факту, пренебрегая датировками. Однако время средневекового исторического сочинения много сложнее и разнообразнее простых дат. А если речь идет о «Хронике» Петра из Дусбурга, то его восприятие времени — это прежде всего восприятие времени крестоносцем, более того — идеологом крестовых походов в Восточную Прибалтику. В частности, в главе о пруссах, создавая образ «чужого»³, Петр из Дусбурга наряду с прочими характеристиками язычников подчеркивает и то, что «не было у них ни различия, ни счета дней» (III, 5). Действительно, язычники нападали на крестоносцев и в дни христианских праздников: в воскресный день (III, 158), в день святого Михаила (III, 270), в день святого Петра с веригами (III, 345).

Так что, автор далеко не безразличен ко времени, и, несмотря на внешнюю временную «беспорядочность», в «Хронике земли Прусской» можно выделить несколько временных пластов.

Время Библии. Пролог «Хроники» и главы Второй книги, в которых дается обоснование крестового похода на Пруссию («новые войны» и «новое оружие»), насыщены цитатами из Библии. «Зна-

³ См.: *Matuzova V.I.* Mental Frontiers: Prussians as Seen by Peter of Dusburg // *Crusade and Conversion on the Baltic Frontier, 1150–1500* / Ed. A.V. Murray. Aldershot; Ashgate, 2001. P. 253–259.

меня и чудеса свершил надо мною Всевышний. Поэтому подобает мне возвестить о знамениях Его, ибо они велики, и о чудесах Его, ибо они могущественны» — цитирует хронист Книгу Даниила. И это не просто торжественное начало, ибо автор, по его же признанию, «увидел в облике святой общины братьев госпиталя пресвятой Марии... столь великие знамения и такие необыкновенные и от века неслыханные чудеса, которые в земле Прусской милосердно сподобил содеять Всевышний через упомянутых братьев, не страшась обречь тела свои на смерть ради защиты веры, смог сказать: знамения и чудеса...» (Пролог). Так начинается отождествление тевтонских рыцарей с образами Ветхого и Нового Заветов. Они подобны Стефану (Деяния Апостолов), ибо, как и он, «исполнены были веры и силы», впрочем, для того, чтобы свершить такое «знамение», как покорение «сильного, дикого и бесчисленного» народа прусского. Они подобны тем израильтянам, через которых содейл свои знамения Господь, и они, откликнувшись на слова Иисуса: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною»⁴, «понесли крест свой и последовали за Христом, ибо каждый день и час готовы были принять поругание и смертную казнь ради защиты веры» (Пролог). Здесь же, в Прологе, братья ордена впервые сравниваются с Маккавеями: ведь они «словно Иуда Маккавей, очистили святые места земли Прусской, которые язычники раньше осквернили идолопоклонством».

Как и подобает крестоносцу, в восприятии Петра из Дусбурга события библейской истории — это непреходящие события, и потому война с язычниками, осквернителями истинной веры, продолжается по сей день, поэтому она правомерна и поэтому ее можно сравнить с войной Маккавеев, «ибо являются они рыцарями и воителями избранными, твердой рукой подавляющими врагов во имя закона родины» (I, 1).

Главы о «новых войнах» и «новом оружии» построены в духе проповеди, которая обычно предвляла начало крестового похода⁵. Вместе с проповедью в «Хронику» вторгается **время литургии**.

Кульминацией вступительных глав «Хроники» является утверждение Тевтонского ордена Папой Римским Григорием IX (1227–1241), который вменил «упомянутым братьям во отпущение грехов ото-

⁴ Мф. 16: 24; Лк. 9: 23.

⁵ *Maier C.T. Crisis, Liturgy and the Crusade in the Twelfth and Thirteenth Centuries // Journal of Ecclesiastical History. 1997. Vol. 48. № 4. P. 628.*

мстить за поругание распятого Господа и отвоевать землю, обетованную христианам, занятую язычниками» (II, 6). В данном случае папа сравнивается с Иудой Маккавеем, говорившим своим людям: «Не бойтесь множества их, и не страшитесь нападения их»⁶. Одновременно это служит обоснованием похода на пруссов как крестового, ибо он благословлен папой. В дальнейшем поход укрепляется в статусе крестового: Герман фон Зальца получает от Папы Римского крест, чтобы вести миссионерскую деятельность от имени апостолического престола, а папа Иннокентий IV (1243–1254) дает пилигримам, идущим в Пруссию, привилегии и индульгенции, как идущим в Иерусалим.

Библейский материал взят за основу глав о «новых войнах» и «новом оружии» (II, 7–9), в которых библейские образы и Тевтонский орден еще больше уподобляются. Сакральное время многократно вторгается на страницы «Хроники», прежде всего напоминая о том, что тевтонские братья сродни Маккавеям в противостоянии язычникам. Так библейское время, с одной стороны, способствует мифологизации тевтонских рыцарей. Тем самым оправдываются эпические приемы повествования. Например, комтур Кёнигсберга Бертольд Брухаве в изображении хрониста превосходит силой и мудростью таких библейских героев, как Самсон, Давид и Соломон (III, 236). Явление Девы Марии одному бедняку с посланием епископу Кульмскому рисуется как вполне достоверное. С другой стороны (и это главное), Маккавеи постоянно присутствуют в главах о «новых войнах», не просто «удревняя» историю Ордена, но и участвуя (как модель) в создании идейно-теологического обоснования военных действий в Пруссии⁷.

Время/пространство Святой Земли. Оно же — и время крестовосца, и главная составная часть исторической памяти Ордена. Тевтонский орден возник во время 3-го крестового похода, в 1189/90 г. В Святой Земле находились его первые владения, память о которых он сохранил и в Пруссии (например, название иерусалимской крепости Монфор закрепилось в названии «Штаркенберг» в Пруссии). Начальные главы «Хроники» переносят читателя в атмосферу первых лет существования Ордена.

⁶ 1 Мк. 3: 58.

⁷ См.: Матузова В.И. Идейно-теологическая основа «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга // ДГ. 1982 г. М., 1984. С. 152–169; Fischer M. Biblical Heroes and the Uses of Literature: The Teutonic Order in the Late Thirteenth and Early Fourteenth Centuries // *Crusade and Conversion on the Baltic Frontier*. P. 261–275.

Прошло более столетия, и, находясь в Пруссии, хронист остро переживает поражение крестоносцев в Святой Земле — в 1290 г. пала Акра. Главы 77–80 четвертой части «Хроники» — самые эмоционально окрашенные главы всего произведения. Но взволнованный тон повествования не исключает точных датировок. Хронист дважды приводит дату падения Акры — 1290 г. Он помнит, что «около 600 года от Рождества Христова <...> император Эраклий <...> вернул и восстановил церкви Божии и Святую Землю» (IV, 77), разоренную царем персов; что после ухода императора из Святой Земли иерусалимские христиане «490 лет несли на себе тяжелейшее ярмо язычников» (IV, 78); что в 1096 г. в 1-м крестовом походе были взяты Боспор, Антиохия и Иерусалим и что в 1250 г. Святая Земля «начала ощутимо ослабевать» (IV, 78). Но, оплакав Святую Землю (и при этом вложив слова плача в уста самой Святой Земли, как одушевленного существа), Петр из Дусбурга немедленно переходит к проповеди нового крестового похода. Его лаконичный «Призыв Святой Земли к христианам во спасение свое» весь состоит из библейских цитат, но вряд ли упоминаемое здесь оружие можно (как в главах об «оружии плотском и духовном») истолковать аллегорически. Несомненно, ментальность хрониста — это ментальность крестоносца, исторгнуть из которой Святую Землю невозможно. Это его, крестоносца, время/пространство.

Эпическое время. Чудеса и видения постоянно присутствуют на страницах хроники, а в них применительно ко времени постоянно используются эпические числа: 3, 7, 9. Дева Мария предрекает одному воину, смертельно раненному в битве при Рензене, что на третий день он умрет (III, 41), дабы воспарить «к вечной радости». Генрих фон Лихтенштейн и князь Казимир Куявский «9 дней и ночей» опустошали Померанию. Судовы за 9 дней разорили Кульмскую землю огнем и мечом (III, 166). Замок Крейцбург наттанги осаждали 3 года. Или циклическое время: день отщипения самбам, разбившим крестоносцев при Покарвисе, — это «тот же день, что и год тому назад» (III, 98).

Настоящее время. Земное время вбирает в себя и настоящее: нечто происходит «по сей день», или даже сиюминутное настоящее, когда автор обращается к читателю или отказывается от детальных описаний, объясняя это тем, «что было бы чрезмерно долго» рассказывать о чем-либо подробно. Именно в такие моменты особенно ощутимо живое присутствие автора. Важно и то, что хронист датирует свое сочинение: «написано и завершено в год от Воплощения Господня 1326».

Соотнесенность настоящего с прошлым. Это может быть далекое прошлое или совсем недавние события. Но и то, и другие служат созданию неповторимости Тевтонского ордена, доказательству его уникальности, осознанию его идентичности. Это особенно заметно в главах о «новой войне»: прежде войны с пруссами безуспешно велись «Юлием Цезарем, девятью братьями из Швеции, которые назывались Гампты <...> Гуго по прозвищу Потир, наконец, братом Христианом, епископом Прусским...» (II, 7). Впрочем, подобные сравнения делаются иногда и в дидактических целях. Брату Герману из Кёнигсберга явилась Дева Мария со словами: «...твои братья дома Тевтонского некогда говорили в проповедях своих только о Сыне моем и обо мне и о деяниях святых; ныне они говорят только о деяниях королей и правителей и мирской тщете, так что они почти никогда не читают о Сыне моем и обо мне и о жизни святых» (III, 81). Мирские тенденции в жизни Ордена в Пруссии уже заявляли о себе.

Будущее. Взгляд хрониста устремлен в грядущее. «Хроника» создается для того, чтобы «содержащиеся в ней события каждого года остались в памяти потомков». Но есть и другое будущее — будущее предсказаний. Так, в 1261 г. демонами, залетевшими в келью одной монахини в Алемании, была предсказана битва при Покарвисе, закончившаяся поражением Ордена (III, 92). Один из пруссов годом позже предсказал победу тевтонских рыцарей при Калиге (III, 99).

Вечность. Этому понятию посвящены многие страницы трудов Отцов Церкви. У Петра из Дусбурга мы встречаемся с его вполне конкретным представлением как о царстве небесном, куда отлетают души праведников. В 1260 г., перед сражением в Куронии, Герман Сарацин говорит своим соратникам о видении ему Девы Марии, которая пригласила его «к вечной радости» (III, 85). Действительно, многим простым людям было тогда видение, как Дева Мария и святые девы и ангелы Божии с душами павших возносятся на небо (III, 87). В 1273 г. язычники напали на Эльбинг, и тогда небо отверзлось и ангелами возносились души убиенных. В то же время Дева Мария обещает царство небесное одному язычнику, который спас ее образ (III, 207).

Наряду с этим, в земном плане, вечность — это формула дарственных грамот. Конрад Мазовецкий предоставляет Ордену Кульмскую землю «в вечное владение» (II, 5). Тем самым Орден не только обретает новый правовой статус, но и в глазах своего современника, польского князя, становится явлением непреходящим.

Статичное время усопших магистров. В начальных главах хроники библейская история сочетается с вполне земной историей Ордена в лице ее великих магистров, которые возглавляли его у его истоков. По-видимому, при написании этих кратких глав использовались орденские «некрологи». В композиционном (можно сказать, пространственном) построении «Хронику» можно сравнить с готическим храмом⁸, внутри которого есть место и для усыпальниц. Называю это время статичным потому, что краткие характеристики ушедших великих магистров подобны надгробным надписям. Великие магистры, упомянутые в этих главах, сыграли свою роль в становлении Ордена, но для них земное время уже остановилось. То же относится и к прусским магистрам (III, 272, 274). Это время тождественно вечности.

Время внутри Ордена. Точный распорядок дня братьев Ордена не вошел даже в «Статуты». Понятно, что в нем, как и в любом монашеском ордене, было место для сна и приема пищи, но главным образом — для молитвы. В «Хронике» об этом говорится неоднократно: «Они еженощно встают с ложа своего и сходятся в молельне и много раз днем...» (III, 70). Специально назначенный звонарь отбивал колоколом время. Когда братья ордена покидают осажденный замок Бартенштейн, то оставляют в нем человека, который каждый канонический час подавал колоколом сигнал (III, 121). Иногда хронист указывает час совершившегося события: при осаде замка Бартенштейн братья скрывались за его стенами «с утра до девяти часов» (III, 121); иногда ограничивается указанием времени суток: штурм литовского замка Бисены длился «с утра до полудня» (III, 222).

Зато «Статуты» дают подробный перечень церковных праздников, отмечавшихся в Ордене: 1 января — обрезание Господа, 6 января — Крещение, 25 января — крещение св. Павла, 2 февраля — очищение Пресвятой Девы (Сретение), 24 февраля — апостол Матфей, 25 марта — Благовещение, 23 апреля — св. Георгий (*festum beati Georgii martiris secundum consuetudinem patrie observetur*), 1 мая — апостолы Филипп и Иаков, 8 мая — Обретение Святого Креста, 24 июня — Иоанн Креститель, 29 июня — апостолы Петр и Павел, 22 июля — Мария Магдалина, 25 июля — апостол Иаков, 1 авгу-

⁸ См.: Матузова В.И. «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга в культурно-историческом контексте // Балто-славянские исследования. 1985 г. М., 1987. С. 102–118.

ста — апостол Петр с веригами (ad vincula Petri apostoli secundum consuetudinem patrie observetur), 10 августа — Лаврентий мученик, 15 августа — Успение Пресвятой Девы, 24 августа — апостол Варфоломей, 29 августа — усекновение главы святого Иоанна Крестителя (decollatio sancti Iohannis baptiste secundum consuetudinem patrie observetur), 8 сентября — Рождество Девы Марии, 14 сентября — Воздвижение Святого Креста, 21 сентября — апостол Матфей, 29 сентября — архангел Михаил, 28 октября — Симон и Иуда, 1 ноября — день Всех Святых, 11 ноября — епископ Мартин, 19 ноября — Святая Елизавета, 25 — Дева мученица Екатерина, 30 ноября — апостол Андрей, 6 декабря — епископ Николай, 20 декабря — апостол Фома, 24 декабря — Рождество Христово, 26 декабря — первомученик Стефан, 27 декабря — Иоанн евангелист, 28 декабря — святой Иннокентий (sanctum Innocentium secundum consuetudinem terre observetur)⁹.

Календарь вполне соответствует христианскому католическому календарю, но в Ордене большое значение придавалось «марианским» праздникам. Культ Девы Марии превосходил даже культ Христа, поскольку она была святой покровительницей Ордена и как заступница всегда приходила на помощь. Не случайно в 1309 г. главной резиденцией верховных магистров Тевтонского ордена становится крепость Мариенбург в Пруссии. Недаром столь важное значение хронист придает тому, чтобы поведать в отдельной главе (III, 305) о том, что «одолеваемые невзгодами» братья Ордена стали ежечасно возносить молитву Богородице — календарное время «марианских» праздников словно бы вытесняется временем **литургии**. Культ Девы Марии имел и военно-политическое звучание, и нередко в праздники Девы Марии (Сретение, Успение, Рождество Богородицы) рыцари Ордена начинали свои боевые действия или выступали в военные походы на Литву¹⁰. Наряду с этим большое значение в Ордене имели культы святых Георгия и *орденской* святой Елизаветы (Тюрингской). Штурм литовской крепости Колайны был предпринят в 1290 г. в день святого Георгия, а Юнигеды и Писты — в день святого апостола Иакова (III, 254). Второе восстание пруссов (в глазах хрониста, испытание, посланное крестоносцам)

⁹ Die Statuten des Deutschen Ordens nach den ältesten Handschriften / Hrsg. M. Perlbach. Halle a. S., 1890. S. 76–77.

¹⁰ *Dygo M.* The Political Role of the Cult of the Virgin Mary in Teutonic Prussia in the Fourteenth and Fifteenth Centuries // *Journal of Medieval History*. 1989. Vol. 15. № 1. P. 67.

началось в канун дня св. Матфея. Ко времени Пасхи приурочено сооружение крепости Христемель. Столь же чтимым был культ Святого Креста, два праздника которого напоминают об истории Ордена в Святой Земле. Таким образом, наблюдается некая «соподчиненность» церковных праздников и исторических событий.

Время Ордена в Пруссии. Это время тесно связано с пространством. Его отсчет ведется от получения «Золотой буллы» 1226 г. императора Фридриха II и буллы Папы Римского Григория IX в 1234 г. и от основания Фогельзанга, первой крепости в Кульмской земле. Далее оно протекает как завоевание одиннадцати прусских земель. И хотя события нередко лишены точных датировок, автор почти всегда оговаривает количество лет, которое понадобилось для «покорения» той или иной земли. Точно так же он поступает и в случае описания прусских восстаний («вероотступничеств»). «Итак, со дня, когда началась война Святополка, прошло 11 лет, и земля Пруская успокоилась в мире» (III, 67). Второе восстание «длилось более 15 лет» (III, 172). Последнее интересно тем, что Петр из Дусбурга пользуется случаем, чтобы вновь проповедовать о месте Ордена на Земле как избранника Божьего. Ведь даже страшные испытания и невзгоды и те посланы во благо Ордену. Не давая «много времени» «нечестивцам», Бог проявляет «долготерпение» к братьям Ордена: «Он никогда не удаляет от нас Своей благодати и, наказывая несчастиями, не оставляет Своего народа» (III, 172).

Время Ордена в Литве. Петр из Дусбурга обособляет события, связанные с войной против Литвы. Начало главы 221: «Окончена Пруская война. Начинается Литовская война». Указана дата — 1283 г.: «от начала войны с народом пруссов протекло уже 53 года». Хронист вводит читателя в иное географическое пространство. Однако события обеих войн пересекаются во времени. Сюда вошли события «пятого вероотступничества», главы о комтуре Кёнигсберга, события в Польше и Ливонии.

Время/пространство всемирной истории, чему посвящена четвертая книга «Хроники». В ней Петр из Дусбурга порывает с сакральным временем Библии. И хотя хронист отводит место необъяснимым чудесам и удивительным явлениям природы, но преимущественно в этой книге собраны события мировой истории, синхронные времени существования Тевтонского ордена и завоевания им Пруссии. Это время не только протекает параллельно времени истории Ордена в Пруссии, но и дублирует его, поскольку говорится и о более ранних событиях истории Ордена, которым по

всей логике не было места в основном тексте источника. Хроника завершается 1326 г., но в Дополнениях она доведена до 1330 г., освещая те события, свидетелем или участником которых был хронист. Вместе с тем раздвигается и географическое пространство «Хроники». События, описанные в этой части, разворачиваются на всем пространстве Западной и (отчасти) Восточной Европы. Точнее, это события, которые имеют прямое или косвенное отношение к истории Тевтонского ордена.

Итак, диапазон времени хроники огромен: от отбиваемых колоколом канонических часов до событий всемирной истории на Земле и до вечности на небесах. Особенности восприятия времени, свойственные ментальности рыцаря-крестоносца, способствуют созданию Петром из Дусбурга необычной хроники, представляющей собой «многожанровое» произведение. Усилия хрониста направлены на создание апологии Тевтонского ордена.

Т.В. Гимон, З.Ю. Метлицкая

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ
АНГЛО-САКСОНСКОЙ ХРОНИКИ
(КОНЕЦ IX — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XII в.)

«Англо-Саксонской хроникой» называют анналы на древнеанглийском языке, писавшиеся в Англии как минимум с конца IX по середину XII в. Сохранилось восемь пергаменных рукописей таких анналов (обозначаемых обычно буквами латинского алфавита: *A, B, C, D, E, F, G, H*). Рукописи находятся в сложных текстологических отношениях друг с другом: какие-то фрагменты в них совпадают дословно, другие — различаются. Поэтому термин «хроника» (в единственном числе) в достаточной мере условен¹. Скорее, можно говорить об английской анналистике², отразившейся в восьми сохранившихся кодексах X–XII вв.

¹ Ч. Пламмер — крупнейший исследователь и издатель Англо-Саксонской хроники — отмечал в 1899 г., что правильнее было бы говорить не о «хронике», но о «хрониках» (*Two of the Saxon Chronicles Parallel: A revised text / Ed., with intr., notes, appendices and glossary by Ch. Plummer; On the basis of an edition by J. Earle. Oxford, 1899. Vol. 2. P. XXIII*). Это не отменяет, разумеется, того обстоятельства, что все рукописи написаны в рамках одной традиции и имеют много общих черт, включая, возможно, общий замысел.

² Мы не будем затрагивать в этой статье сложный вопрос о соотношении терминов «анналы», «хроника» и «летопись». Отметим, что в англоязычной литературе термины «*annals*» и «*chronicles*» чаще всего смешиваются; иногда даже постулируется отсутствие между ними принципиального различия (*Dumville D.N. What is a Chronicle? // The Medieval Chronicle II: Proceedings of the 2nd International Conference on the Medieval Chronicle, Driebergen / Utrecht 16–21 July 1999. Amsterdam; N.Y., 2002. P. 1–27*). Напротив, в континентальной историографии различие между анналами и хрониками обычно проводится [см., например: *McCormick M. Les annales du Haut Moyen Age. Turnhout, 1975. (Typologie des sources du Moyen Age occidental / Dir. L. Genicot; Fasc. 14)*]. Российская историография по большей части следует за континентальной (см., например: *Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955. С. 41 и др.*). Если проводить различие между анналами и хрониками, то Англо-Саксонская хроника, скорее, принадлежит к анналам; по крайней мере, если рассматривать это понятие расширительно и не сводить «анналы» к кратким записям.

В основе всех рукописей Англо-Саксонской хроники лежит общий архетип — «common stock», своего рода Начальные анналы, составленные в Уэссексе в 890-х гг., в период правления Альфреда Великого. В дальнейшем текст этих анналов подвергался переработке, продолжался записями за новые годы в различных городах и монастырях Англии. Разные летописные центры, очевидно, обменивались текстами, и из-за этого картина сходств и различий между сохранившимися рукописями весьма запутана. В целом, текст Англо-Саксонской хроники весьма разнообразен. В ее состав входят как краткие известия, так и развернутые, «литературные» рассказы об исторических событиях, а также поэтические фрагменты. Наиболее цельными с литературной точки зрения являются так называемые «продолжения» Начальных анналов (текст за 892–896 и 900–910 гг.) и «этельредовский фрагмент» (связное повествование о событиях 993–1016 гг., времени правления Этельреда Нерешительного), составлявшиеся, скорее всего, одновременно, а не год за годом, вслед за событиями³. В тех случаях, когда в основе дошедших до нас погодных статей лежит ведшаяся из года в год летопись, их текст пестрит сообщениями на самые разные темы (смены епископов в разных городах Англии, природные явления и т.д.), для него менее характерно наличие центральной сюжетной линии⁴. Английские раннесредневековые анналы находят себе параллель в летописании других народов и, в частности, весьма схожи с древнерусскими летописями⁵.

Цель настоящей статьи — систематизировать и проанализировать хронологические указания, содержащиеся в рукописях Англо-Саксонской хроники. Предметом нашего исследования является не

³ См.: *Метлицкая З.Ю.* История в хрониках: Историческое сознание англосаксонской Англии // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 155–188.

⁴ Таков, например, текст рукописи *C* за 1040-е гг., который представляет собой подлинник летописи, ведшейся из года в год. На соответствующих страницах рукописи часто меняется цвет чернил, меняется толщина пера, меняется или слегка трансформируется почерк. См.: *Guimón T.V.* The Writing of Annals in Eleventh-Century England: Palaeography and Textual History // *Writing and Texts in Anglo-Saxon England*. Woodbridge, 2006. P. 137–141.

⁵ См., например: *Гимон Т.В., Гунтиус А.А.* Русское летописание в свете типологических параллелей (к постановке проблемы) // *Жанры и формы в письменной культуре средневековья*. М., 2005. С. 176–180.

историческая хронология⁶, но внутренняя форма летописного текста. Нас интересует, какого рода хронологические указания можно встретить на страницах анналов, как соотносятся хронология и структура текста, какие словесные формулы использовались летописцами для обозначения абсолютных и относительных датировок. Такое исследование, на наш взгляд, может быть полезно для более глубокого понимания жанра анналов, их особенностей как исторического источника, памятника историописания и литературы. Оно может стать фактической основой для дальнейших сравнительных исследований — для сопоставления английской анналистики с летописанием других народов (например, с древнерусским). В некоторых случаях анализ хронологических указаний может дать новые сведения относительно истории текста анналов. Кроме того, наше исследование имеет «прикладное» значение — для перевода Англо-Саксонской хроники на русский язык.

Внутренняя форма английских раннесредневековых анналов уже не раз становилась предметом научного рассмотрения. Коротко, но очень емко ее охарактеризовал Ч. Пламмер⁷. В известной статье С. Кларк рассмотрена эволюция стиля Англо-Саксонской хроники, литературные особенности различных ее составных частей⁸. Жанру и особенностям структуры Англо-Саксонской хроники посвящена работа А. Крепена⁹. Очень интересное исследование П. Климоуза касается роли слова-зачина «Her», обычно открывающего погодную статью, в тексте анналов¹⁰. Внешней форме анналов — разлиновке, расположению заголовков погодных статей относительно текста, оформлению «пустых годов» и другим подобным вопро-

⁶ О хронологии английских анналов (проблеме новогодия, хронологических сбоях, истинной хронологии исторических событий и т.д.) см.: *Vaughan R.* The Chronology of the Parker Chronicle, 890–970 // *The English Historical Revue.* L., 1954. Vol. 69. № 270. P. 59–66; *Whitelock D.* On the Commencement of the Year in the Saxon Chronicles // *Two of the Saxon Chronicles Parallel: A revised text.* 3rd ed. Oxford, 1965. Vol. 2. P. CXXXIX–CXLII; *Harrison K.* The Framework of Anglo-Saxon History to A.D. 900. Cambridge etc., 1976; и др. работы.

⁷ *Two of the Saxon Chronicles Parallel.* Vol. 2. P. XVII–XXII.

⁸ *Clark C.* The narrative mode of the Anglo-Saxon Chronicle before the Conquest // *England before the Conquest: Studies in primary sources presented to D. Whitelock.* Cambridge, 1971. P. 215–235.

⁹ *Crépin A.* Etude typologique de la Chronique Anglo-Saxonne // *La chronique et l'histoire au Moyen Age.* Paris, 1984. P. 137–148.

¹⁰ *Clemons P.* Language in Context: *Her* in the 890 *Anglo-Saxon Chronicle* // *Leeds Studies in English.* New Series. 1985. Vol. 16. P. 27–36.

сам посвящена статья Дж. Бейтли¹¹. Функции знака «7» (заменяет союз «and», т.е. «и») в одной из статей Англо-Саксонской хроники рассмотрены в небольшой статье Б. Митчелла¹². Наконец, немало наблюдений и обобщений, касающихся внутренней формы англо-саксонских анналов, содержится в недавно вышедшей монографии П. Бредехофта¹³.

Тем не менее, систематического исследования хронологических указаний Англо-Саксонской хроники, насколько нам известно, не предпринималось. В частности, если заголовкам погодных статей и их оформлению уделялось достаточно большое внимание, то хронологические формулы внутри погодных статей ни разу не становились предметом специального систематического изучения.

Для нас очень важны исследования, посвященные хронологическим формулам и структуре летописей, анналов и хроник других народов, ведь результаты этих штудий могут быть сопоставлены с английским материалом. Так, в целом ряде научных работ затрагивались хронологические формулы древнерусских летописей¹⁴, хотя систематического их исследования также не существует. Одним из наиболее близких нам по подходу является исследование Д.И. Суруленкова о категории времени в малых латинских хрониках IV–VI вв. — текстах, весьма сходных с изучаемыми здесь анналами. В работе Суруленкова проведен систематический анализ хро-

¹¹ *Bately J.M.* Manuscript Layout and the Anglo-Saxon Chronicle // *Bulletin of the John Rylands University Library of Manchester*. 1988. Vol. 70. № 1. P. 21–43.

¹² *Mitchell B.* The Sign 7 in the Annal for 871 in the Parker Chronicle, MS. Cambridge Corpus Christi College 173 // *Alfred the Wise: Studies in honour of J. Bately on the occasion of her sixty-fifth birthday*. Cambridge, 1997. P. 127–133. Б. Митчелл не согласен с выдвигавшейся ранее М. Парксом гипотезой о том, что «7» в ряде случаев — это не союз «и», но знак, ставящийся в конце предложения.

¹³ *Bredehoft Th.A.* Textual Histories: Readings in the *Anglo-Saxon Chronicle*. Toronto; Buffalo; L., 2001. См. также рецензию на эту книгу: *Метлицкая З.Ю.* [Рецензия] // *Атлантика: Записки по исторической поэтике*. М., 2005. Вып. 7. С. 220–226.

¹⁴ *Еремин И.П.* Литература Древней Руси: Этноды и характеристики. М.; Л., 1966. С. 98–124; *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. С. 254–270; *Франчук В.Ю.* Киевская летопись: Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986. С. 53–63; *Лаушкин А.В.* Точные датировки в древнерусском летописании XI–XIII вв.: Закономерности появления // *ВЕДС*. М., 2004. XVI: Время источника и время в источнике. С. 101–104; *Гимон Т.В.* К вопросу о структуре текста русских летописей: Насколько дискретна погодная статья? // *Там же*. С. 30–34; *Иванова Н.П.* Источниковедческое исследование месячных показаний в летописях: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002; *Она же*. Месяцесловные показания Синодального списка Новгородской первой летописи // *ПИ*. М., 2006. Вып. 1 (12). С. 41–49.

нологических указаний у восьми латинских хронистов IV–VI вв., выявлены как общие черты, так и индивидуальные особенности разных хроник¹⁵. К исследованию Суровенкова мы еще вернемся чуть ниже — в связи с проблемой систематизации хронологических указаний.

При подготовке статьи нами был проведен сплошной анализ хронологических формул трех рукописей Англо-Саксонской хроники: *A*, *D* и *E*. Этот выбор обусловлен следующими обстоятельствами. Рукопись *A* — древнейшая из сохранившихся рукописей английских анналов и, кроме того, после написания она пополнялась и редактировалась на протяжении наиболее длительного времени (не менее двух столетий). Рукопись *E* — наиболее поздняя, и, кроме того, ее текст охватывает наибольшее количество лет. Рукопись *D*, написанная вскоре после Нормандского завоевания, интересна тем, что в ней несколько почерков и она представляет собой до определенной степени механическую компиляцию из более ранних летописей. В этой рукописи неоднократно меняется способ оформления погодных статей и наблюдается гетерогенность по другим формальным признакам. В совокупности эти три рукописи хорошо представляют английскую анналистику эпохи как до, так и после Нормандского завоевания.

Рукопись *A* (Cambridge, Corpus Christi College, 173, известна также как «Паркерова хроника», «the Parker Chronicle»)¹⁶ содержит погодные статьи за период с 60 г. до н.э. по 1093 г. н.э. Она представляет собой классический пример «живой летописи». Будучи впервые написана в конце IX или в начале X в.¹⁷, рукопись *A* затем продолжалась вплоть до конца XI — начала XII в. Местом

¹⁵ Суровенков Д.И. Категория времени в хронике Комита Марцеллина // Историко-филологические исследования. М., 2006. Вып. 3. С. 9–52. См. также работу Д.И. Суровенкова в настоящем томе.

¹⁶ Факсимильное издание см.: The Parker Chronicle and Laws (Corpus Christi College, Cambridge, MS. 173): A facsimile / Ed. R. Flower, H. Smith. L., 1941 (Early English Text Society Series. Vol. 208). Новейшее дипломатическое издание см.: ASC. 1986. Vol. 3: MS A: A semi-diplomatic edition with introduction and indices / Ed. J.M. Bately.

¹⁷ На этот счет существует две точки зрения. По мнению М. Паркса, эта часть создавалась поэтапно в конце IX — начале X в. (Parkes M.B. The palaeography of the Parker manuscript of the *Chronicle*, laws, and *Sedulius*, and historiography at Winchester in the late ninth and tenth centuries // Anglo-Saxon England. Cambridge, 1976. Vol. 5. P. 149–171). Согласно Д. Дамвиллу, весь текст *A* вплоть до статьи 920 г. был написан в первой четверти X в. (Dumville D.N. Wessex and England from Alfred to Edgar: Six Essays on Political, Cultural, and Intellectual Revival. Woodbridge, 1992. P. 56–123).

создания рукописи был, по-видимому, Винчестер, главный город королевства Уэссекс. В этом же городе она пополнялась новыми записями на протяжении всего X в. В части рукописи за конец IX–X в. меняется несколько почерков, причем исследователи спорят об их количестве и границах. В XI в. рукопись *A* была перевезена в Кентерберри, где ее дополнили записями за 1005–1070 гг. на древнеанглийском языке и за 1070–1093 гг. — на латыни. Текст за XI в. был написан, как считается, в конце XI или даже в первой половине XII в., несколькими писцами. Кроме того, уже в Кентерберри в текст рукописи были внесены многочисленные исправления и дополнения¹⁸.

Рукопись *D* (London, British Library, Cotton Tiberius B. iv)¹⁹ относится к XI в. Она содержит погодные статьи за 60 г. до н.э. — 1080 г. н.э.²⁰, однако тетрадь с текстом за 262–692 гг. утрачена. Рукопись *D* написана несколькими почерками, но вопрос об их количестве и границах остается дискуссионным. Часть *D* до 1053 г., безусловно, написана единовременно, а текст за 1054–1080 гг. чрезвычайно неоднороден в палеографическом отношении, причем точное число почерков в этой части рукописи не ясно. В литературе высказывались две точки зрения относительно того, как была написана рукопись *D*. Одни ученые полагают, что она в 1050–1070-х гг. пополнялась из года в год; по мнению других, весь кодекс был написан единовременно — после 1079 г. (некоторые даже датируют написание рукописи началом XII в.). По нашему мнению, рукопись *D* была написана единовременно в 1079 или одном из ближайших последующих годов²¹. Также дискуссионным является вопрос о месте написания *D*: назывались Вустер, Ившем и Йорк. Нам кажется наиболее вероятным, что рукопись *D* была написана

¹⁸ Об истории рукописи *A* и связанных с ней дискуссионных проблемах см.: *Parkes M.B.* The palaeography. P. 149–171; *Dumville D.N.* Some aspects of annalistic-writing at Canterbury in the eleventh and early twelfth centuries // *Peritia: Journal of the Medieval Academy of Ireland*. 1983. Vol. 2. P. 23–57; *Idem.* Wessex and England. P. 55–139; *ASC*. Vol. 3. P. XIII–CXXVI.

¹⁹ Новейшее дипломатическое издание см.: *ASC*. 1996. Vol. 6: MS D: A semi-diplomatic edition and indices / Ed. G.P. Cubbin. Факсимильно рукопись *D* не издавалась.

²⁰ Статья «1080» года в действительности описывает события 1130 г., т.е. является поздней припиской (вместо «MCXXX» написано «MLXXX» — см.: *ASC*. Vol. 6. P. XV). Таким образом, основная часть рукописи *D* доходит до 1079 г.

²¹ См.: *Guimon T.V.* The Writing of Annals. P. 141–145. Там же см. отсылки к предшествующим точкам зрения.

на севере Англии, возможно, в Йорке²². Текстологически *D* — одна из самых сложных рукописей, но в целом можно говорить о том, что ее текст — это компиляция из двух основных источников — одного, близкого к *B* и *C*, и другого, близкого к *E* и *F*²³.

Рукопись *E* (Oxford, Bodleian Library, Laud Misc. 636)²⁴ часто фигурирует в специальной литературе под названием «Хроника Питерборо» («the Peterborough Chronicle»). Эта рукопись отличается наибольшим хронологическим охватом: в ней описываются события с 60 г. до н.э. по 1154 г. н.э. Текст до статьи 1121 г. включительно написан единовременно и одним почерком. Статьи 1122–1131 гг. написаны тем же писцом, однако в несколько приемов, из года в год. Наконец, текст за 1132–1154 гг. написан совершенно другим почерком и единовременно. Связь данной рукописи с аббатством Питерборо не вызывает сомнений.

Итак, перейдем к анализу хронологических указаний рукописей *A*, *D* и *E*. Выше уже говорилось об исследовании временных указаний латинских хроник IV–VI вв., предпринятом Д.И. Сурувенковым. В его работе была предложена классификация таких указаний. Исследователь выделяет четыре их типа: 1) *опорные хронологические системы* (счет годов, образующий погодную структуру хроники, — по годам правления римских императоров, годам от Авраама, олимпиадам, консульствам, индиктам и т.д.); 2) *вспомогательные хронологические системы* (сообщения о событиях повторяющихся и потому образующих единый ряд, как бы параллельный погодной сетке хроники, — о сменах императоров, епископов и т.д.); 3) *указания на временную протяженность событий* (длительность чьего-либо правления или жизни, продолжительность войн, сражений и перемирий, указания на временные интервалы между событиями и т.д.); 4) *точные датировки* (указания на месяц или день событий)²⁵.

²² *Гимон Т.В.* Ведение погодных записей в средневековой анналистике (Сравнительно-историческое исследование): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 13–14.

²³ *Meaney A.L.* D: An undervalued manuscript of the Anglo-Saxon Chronicle // *Parergon*. New Series. 1983. № 1. P. 13–38; *ASC*. Vol. 6. P. XVII–LV; *Гимон Т.В.* Ведение. С. 12–14; *Гимон Т.В.* The Writing of Annals. P. 137–138, 143–145.

²⁴ Факсимильное издание см.: *The Peterborough Chronicle (The Bodleian Manuscript Laud Misc. 636)* / Ed. D. Whitelock with an appendix by C. Clark. Copenhagen, 1954 (Early English Manuscripts in Facsimile. Vol. 4). Дипломатическое издание и характеристику рукописи см.: *ASC*. 2004. Vol. 7: MS. E: A semi-diplomatic edition with introduction and indices / Ed. S. Irvine.

²⁵ *Сурувенков Д.И.* Категория времени. С. 9–52.

Наша классификация хронологических указаний несколько отличается от предложенной Д.И. Суровенковым, по ряду причин:

1) В поле нашего внимания оказываются формулы, выражающие хронологические отношения между событиями, но не содержащие сами по себе оригинальной хронологической информации (простейший пример — формула «В том же самом году», открывающая новое сообщение той же погодной статьи). Такие формулы не рассматривались Суровенковым, однако, на наш взгляд, они очень важны для понимания жанровой специфики Англо-Саксонской хроники.

2) Применительно к рассматриваемому нами материалу, понятие «вспомогательные хронологические системы» кажется некоторой натяжкой. Конечно, мы можем рассмотреть в этой статье все известия о сменах королей, архиепископов и епископов в качестве «вспомогательной хронологической системы», однако в Англо-Саксонской хронике такого рода события фиксируются не вполне последовательно и, соответственно, чаще всего не образуют непрерывной цепи, пронизывающей весь текст и дублирующей погодную сетку.

3) В то же время, нам бы хотелось рассмотреть довольно обширный круг указаний, *выводящих читателя за рамки погодной статьи*. Вообще говоря, в Англо-Саксонской хронике в каждой погодной статье описываются события одного года²⁶. Однако довольно часто появляются сообщения, не укладывающиеся в это правило: отсылки к более ранним или более поздним событиям, указания на продолжительность правлений или на временную протяженность событий, которые выходят за рамки данного года, генеалогии королей (разумеется, охватывающие сразу много лет), некрологические характеристики умерших, риторические указания хрониста на то, что подобного события не помнит никто из живущих в его время, и пр.

Поэтому мы остановились на следующей классификации хронологических указаний анналов: 1) *структурные формулы* (то, что задает саму структуру анналистического текста — заголовки погодных статей и обороты, начинающие каждое новое известие погодной статьи); 2) *датировки, более дробные, чем годовые* (месяч-

²⁶ Ошибка летописца может, разумеется, привести к тому, что события одного года окажутся в соседней погодной статье. Иногда сдвиг летописной хронологии в сравнении с истинной бывает даже больше. Однако *по идее* погодная статья предназначена для описания событий одного года, в этом весь смысл анналов.

ные, дневные и т.д.); 3) формулы, употребляемые внутри рассказа для выстраивания относительной хронологии или для обозначения продолжительности событий (например: «И спустя два дня», «И после этого»); 4) хронологические указания, выводящие читателя за пределы погодной статьи. Кроме того, отдельно следует упомянуть обобщающие характеристики года, появляющиеся только в погодных статьях рукописи *E* за XII в. Проанализируем подробно каждую из этих групп хронологических указаний на материале рукописей *A*, *D* и *E* Англо-Саксонской хроники.

1. СТРУКТУРНЫЕ ФОРМУЛЫ

Они задают структуру анналистического текста, создают костяк, на который, если так можно выразиться, нанизывается описание событий. В данном случае анналисту важно не только и не столько указание на определенное время или временные соотношения, сколько организация самого текста. Внутри этой группы можно выделить три подгруппы.

1.1. Заголовок погодной статьи. Он обязательно содержит порядковый номер года от Рождества Христова, написанный римской цифирью. Чаще всего числу предшествует латинское сокращение «AN» — «An(no)», т.е. «В год». Вот пример наиболее типичного заголовка погодной статьи: «AN. .dcccxxx.» («В год 730»). Иногда «AN» отсутствует и заголовок состоит из одного только номера года.

Начиная со статьи 1000 г., рукописи *A* и *D* и *E* независимо друг от друга перестают использовать сокращение «AN». 1000 г. в рукописи *D* озаглавлен «Mille anni», в рукописи *A* — просто «M». В рукописи *A* с 1002 г. заголовки начинаются с сокращения «i^m» («одна тысяча»); в рукописи *D* — или со слова «Mille» («Тысяча»), или просто с буквы «M». Далее следуют буквенные обозначения десятков и единиц. В рукописи *E*, начиная с 1001 г. используется сокращение «Mill(essim)mo» («В тысячный»; реже — просто «M.»), за которым следуют обозначения сотен, десятков, единиц. В заголовке погодной статьи 1090 г., помимо датировки по названному выше образцу, присутствует указание на индикт: «INDICTIONE XIII». В заголовках погодных статей 1000, 1096 и 1097 гг. перед «M» присутствует «AN» (как в статьях до 1000 г.).

Заголовки погодных статей могли по-разному располагаться на странице (на левом поле, в начале строки, посреди строки, внутри

неразрывного текста, на правом поле и т.д.). Они могли оформляться с помощью красной или синей краски (целиком или только буква «А»). В рукописи *D* в статьях за 795–997 гг. (л. 27–56) всюду стоит только вторая буква («N»), т.к. первую букву («А») намеревались вписать красной или синей краской, однако забыли это сделать²⁷. Писцы рукописи *D* любили чередования: в статьях 1–794 гг. (л. 1–26) заголовки через один начинаются то с красной, то с синей буквы «А»; на многих листах той же рукописи, описывающих события XI в., почти строго через один чередуются два варианта начертания заглавной буквы «М» — с острыми и со скругленными углами (статьи 1017–1049 и 1072–1077 гг., л. 68–71 об., 83–85).

Весьма характерны для английской анналистики т.н. «пустые годы», т.е. случаи, когда погодная статья состоит из одного заголовка, а никакой информации о событиях не содержит. Так, в рукописи *A* «пустыми» являются все статьи за 190–282, 284–378 гг. и многие другие. «Пустые» годы по-разному оформлялись разными летописцами — в одну колонку, в две колонки, в строчку, иногда даже — в конце той же строки, на которой заканчивается текст предыдущей, не «пустой» погодной статьи.

Известно, что иногда писец мог вначале написать колонку заголовков погодных статей, а затем вписывать напротив текст самих статей — отсюда характерные ошибки в хронологии на один год или более. В рукописи *A*, например, по этой причине возникли некоторые хронологические сдвиги. Первоначально в летописи было по два заголовка статей 891, 912, 913, 914 и 915 гг. — один «холостой» и один — с текстом. Впоследствии какие-то безымянные книжники стали «исправлять» хронологию рукописи *A* — так, чтобы каждому году соответствовал только один заголовок погодной статьи. Например, второй заголовок статьи 891 г. был переименован в «892», и так далее. Благо, римская цифирь, применявшаяся в Англии в это время, делает подобные исправления крайне простыми: в большинстве случаев надо просто добавлять палочки к уже написанному номеру. Статья 915 г., например, превращается в статью 918 г. так: «AN .dccccxviii» (л. 22 об.). Иногда правщику приходилось затирать один или два символа, но это тоже не составляло очень большого труда. В результате в летописи образовался хронологический

²⁷ См.: ASC. Vol. 6. P. 18, note 1; P. 50, note 1.

сдвиг — для разных групп погодных статей он составляет от одного до четырех лет²⁸.

В любом случае, номера погодных статей — основа всей структуры анналов или, выражаясь словами Д.И. Суровенкова, их «опорная хронологическая система»²⁹.

1.2. Начало первого известия погодной статьи. Сразу после заголовка погодной статьи в абсолютном большинстве случаев (в рукописи *A* — в 86,4 % не «пустых» погодных статей; в рукописи *D* — в 82,1 %; в рукописи *E* — в 76,1 %) следует слово «Her» (современное англ. «here»). В других древнеанглийских текстах это слово обычно определяет конкретную точку в пространстве («в этом месте», «тут» или «в этом мире») или во времени («в этот момент», «тогда», «сейчас») ³⁰. По мнению П. Климоуза, слово «Her» относится непосредственно к расположению текста на странице: слева находится колонка номеров лет, а текст, относящийся к конкретному году, к конкретному месту на листе пергамента, вводится словом «Her» ³¹. В качестве предварительного (хотя далеко не совершенного) варианта перевода этого слова мы избрали слово «здесь» ³². Буква «H», которой, как вытекает из сказанного, начинается большинство погодных статей, часто представляет собой инициал, иногда — киноварный.

Существуют и другие варианты формулы, вводящей первое сообщение статьи: «Her on þysum gearе» («Здесь в этом году»), «On þysum gearе» («В этом году») и еще несколько очень близких.

²⁸ О хронологии рукописи *A* и исправлениях номеров годов см.: *Armitage-Robinson J.* *The Times of St Dunstan.* Oxford, 1969. P. 19–20; *Angus W.S.* *The Chronology of the Reign of Edward the Elder // The English Historical Review.* 1938. Vol. 53. № 210. P. 199–201; *Idem.* *The Eighth Scribe's Dates in the Parker Manuscript of the Anglo-Saxon Chronicle // Medium Ævum.* 1941. Vol. 10. P. 128–149; *Vaughan R.* *The Chronology.* P. 59–66; *Parkes M.* *The Palaeography.* P. 170; *ASC.* Vol. 3. P. XCVIII–XCIX; *Dumville D.* *Wessex and England.* P. 99–102.

²⁹ *Суровенков Д.И.* Категория времени. С. 16. См. также выше. О том, как предположительно формировалась внешняя и внутренняя форма погодных статей анналов, см. в блестящей работе Дж. Бейтли, сопоставившей оформление годовых статей и «пустых годов» в начальной части ряда рукописей Англо-Саксонской хроники: *Bately J.M.* *Manuscript Layout.*

³⁰ В «Грамматике» Эльфрика (ок. 998 г.) это слово представлено как аналог латинского «hic» («здесь»). Часто употребляется также для обозначения земного («этого», «нашего») мира в противоположность небесному царству (ср. *her-buende* — люди, смертные; *her-cyme* — пришествие). См.: *Bossforth J., Toller T.N.* *An Anglo-Saxon dictionary based on the manuscript collections.* Oxford, 1898. P. 531–532.

³¹ *Clemons P.* *Language in context.* P. 27–36.

³² Ср. то обстоятельство, что в переводах Англо-Саксонской хроники на современный английский язык используется слово «Here» («здесь»), а не «Then» («тогда»).

В этих случаях в начало статьи попадают обороты, более характерные, как мы увидим, для связок внутри погодных статей.

Интересно, что варианты начала статьи, отличные от простого «Her», почти всегда образуют компактные группы. Например, в статьях 893–896 гг. (в *A*; в *D* почти то же), рассказывающих о войнах короля Альфреда и в значительной степени представляющих собой связное повествование, используются следующие зачины: «On þys geare» («В этом году», 893 г.); «Ond þa sona æfter þæm on ðys gere» («И тогда, вскоре после того, в этом году», 894 г.); «On þy ilcan gere» («В том самом году», 895 г.); «Þa þæs on sumera on ðysum gere» («Тогда после того, в лето в этом году», 896 г.). То же касается и описания войн против данов в конце X — начале XI в. в рукописях *D* и *E*, а также некоторых других групп статей. Впрочем, даже в рамках таких компактных групп «нестандартные» обороты перемежаются со стандартным «Her», как, например, в статьях 1050–1077 гг. рукописи *D*.

Три статьи рукописи *D* выбиваются из общего ряда. Статья 975 г. начинается дневной датой: «viii idus Iulii. Her» («8 иды июля. Здесь»), статья 919 г. — «Her eac» («Здесь также»), а статья 1013 г. (как и в *E*) — «On þæm æfteran geare þe se arcebisceop wæs gemartred» («В том году, следующем [после того], в котором архиепископ был замучен»).

В поздних погодных статьях рукописи *E* мы наблюдаем, как зачин «Her» постепенно выходит из употребления. В статьях 1066–1121 гг. из 53 зачинов погодных статей слово «Her» присутствует лишь в 22 (41 %), а начиная со статьи 1121 г. — не встречается вовсе. Вместо него, помимо «On þyssum geare» («В этом году»), начинают использоваться варианты «Eall þis gear» («Весь этот год»), «On þis gear» («В этот год») и просто «Þis gear» («Этот год»).

Погодные статьи, написанные на латыни, могут начинаться со слов «Hic» («Здесь»), «Nos anno» («В этом году»), «Nos tempore» («В это время»), «Huius tempore»³³. В рукописи *A* дважды используется «Nos anno» (988, 1070 гг.) и один раз «Hic» (1038 г.). В рукописи *E* в четырех случаях погодные статьи на латыни начинаются с «Nos tempore» (379, 431, 490, 528 гг.), в трех — с «Hic» (964, 1056, 1060 гг.), в двух — с «Huius tempore» (425, 449 гг.), в одном — с «Nos anno» (1062 г.). Также семь раз встречается конструкция «...[имя] para hic [глагол]» («...папа [имя] здесь [глагол]» — 114, 124, 202, 254, 403, 433, 439 гг.).

³³ Это грамматическая ошибка. Правильно: «Huius temporis» («Того времени»).

Наконец, встречаются погодные статьи, начало которых не отмечено никакой специальной формулой. В рукописи *A* таких статей шесть. В трех из них содержатся только датировки — от Сотворения мира (6 г.) и от Рождества Христова (200, 300 гг.). Две другие — это две первые погодные статьи Англо-Саксонской хроники, которые сообщают о приходе Цезаря в Британию в 60 г. до н.э. (текст этой статьи сам по себе содержит датировку) и о начале правления Октавиана. Еще одна — погодная статья 1036 г. — написана на латыни и гласит: «Кнут умер». В рукописи *D* не имеют вводной хронологической формулы статьи 60 г. до н.э., а также 1, 6 и 12 гг. н.э.³⁴ В последующем тексте рукописи *D* таких статей нет. Из погодных статей рукописи *E*, написанных на древнеанглийском языке, помимо тех, что сообщают о приходе Цезаря и начале правления Октавиана, не имеет зачина статья 11 г. н.э., содержащая датировку от Сотворения мира, а также статья 1086 г., начинающаяся с датировки от Сотворения мира и по году правления Вильгельма Завоевателя. Остальные статьи рукописи *E*, не имеющие зачина, написаны на латыни (769, 810, 928 гг.) или начинаются с латинского текста (1046, 1054 гг.) и содержат сведения по истории Нормандии.

Данные о том, какими формулами начинаются погодные статьи в рукописях *A*, *D* и *E*, удобно представить в виде таблицы:

Таблица 1

Начало первого известия погодной статьи

	Рукопись		
	<i>A</i>	<i>D</i>	<i>E</i>
Общее число не «пустых» погодных статей	309	302	461
Слово «Her»	267 (86,4%)	247 (81,8 %)	351 (76,1%)
Другие формулы, начинающиеся со слова «Her»	26 (8,4%)	31 (10,3 %)	52 (11,2%)

³⁴ То есть сообщения о приходе Цезаря в Британию (60 г. до н.э.), о начале правления Октавиана (1 г. н.э.), о разделе Ликии и Иудеи (12 г.), а также о числе лет, прошедших от Сотворения мира (6 г. н.э.).

	Рукопись		
	<i>A</i>	<i>D</i>	<i>E</i>
Формулы без слова «Her»	10 (3,2%)	20 (6,6 %)	50 (10,8%)
Нет вводной формулы	6 (1,9%)	4 (1,3 %)	9 (1,9%)

1.3. Связующие формулы внутри текста погодной статьи (начало нового известия). Погодные статьи Англо-Саксонской хроники очень часто состоят из сообщений на разные темы и разной степени пространности³⁵. Как правило, для их разграничения служат многочисленные варианты оборота «В этот самый год» — «7 on þam ylcan geare» («И в том самом году»), «7 on þisan geare» («И в этом году»), «7 on þam geare» («И в том году»), «7 þu ilcan geare» («И тем самым годом»), «Ʀæs ilcan geres» («Того самого года»), «7 Ʀæs geres» («И того года») и т.д. Они различаются употреблением местоимения «этот» (форма среднего рода «þis») или «тот» («Ʀæt»), наличием или отсутствием слова «самый» («ilca»), наличием или отсутствием предлога «on», употреблением родительного, дательного или творительного падежа, наличием или отсутствием союза «и» («and», «7») в начале формулы.

В некоторых случаях используются сходные обороты, но отсылающие не к году, а к определенному сезону или какому-то иному периоду, более краткому, нежели год: «7 Ʀæs ilcan sumeres» («И того же лета»), «7 þa on þæm ilcan lænctene» («И тогда, в ту же весну»), «And þu ilcan dæge» («И тем же днем»), «On þyses cinges dagum» («Во дни этого короля»), «7 on þam timan» («И в то время») и т.д. Иногда употребляются «комбинированные» формулы, в которых сочетаются указание на год и более точная отсылка: «Eac on þis ylcan geare togeanes Eastron» («Также в тот же год на Пасху»), «Ʀises geares eac on Sancte Martines mæssedæg» («Также этим годом в день св. Мартина») и т.п.

³⁵ Как правило, погодные статьи членятся на сообщения об отдельных событиях достаточно однозначно (ср. картину в древнерусских летописях: *Гимон Т.В.* К вопросу о структуре текста.). Однако бывают случаи, когда не вполне ясно, считать ли тот или иной фрагмент текста новым известием или же продолжением предыдущего. В таких случаях мы старались ориентироваться не на употребление летописцем связующих формул (например, формулы «В этот самый год»), но на содержание текста — насколько текст после формулы логически связан с предыдущим повествованием.

В рукописи *A* такие обороты встречаются сравнительно редко, их всего восемь: среди них три отсылки ко времени года, причем все три раза упоминается лето (875, 896, 917 гг.), две «комбинированные» формулы, в которых в качестве уточняющей датировки фигурируют «середина зимы» (Рождество) и Пасха (885, 891 гг.), две формулы типа «В его дни» («On hiera dagum» — 449 г., «On his dagum» — 787 г.) и одна — «В это время» («On þam timan», 381 г.).

В рукописи *D* формулы с указанием на время года встречаются 6 раз — трижды упоминается лето (в статьях 1002, 1067 и 1071 гг.), дважды — весна (1002, 1071 гг.) и один раз — осень (в статье 975 г.). Также в рукописи *D* присутствуют обороты: «В то время» («In þas tid», 693, 785 гг.; ср. аналогичный оборот под 975 г.); «И тогда на Пасху» («7 þa on Eastron», 1020 г.; ср. под 1067 г.); «И в его дни» («7 on his dagum», т.е. в дни правления короля Беорхтрика, 787 г.; аналогичный оборот под 860, 975 гг.). Наконец, под 887 г. в рукописи *D* новое известие начинается словами: «И в том же году, когда войско [викингов] перешло через мост в Париже» («7 þu ilcan gearе þе se here for forð up ofer þa бrycge æt Paris»), а под 992 г. — словами: «Тогда после кончины архиепископа Освальда» («Ða æfter Oswaldes arcebiscopes forside»). В статье 975 г. рукописей *D* и *E* имеется редкая формула «7... þa on ðam æfran gearе» («И... тогда, в следующем году»), означающая, что событие произошло уже в следующем году, однако описано, тем не менее, под 975 г., что, в принципе, нетипично для анналов. Наоборот, под 942 г. в рукописи *A* (то же — в *D* под 943 г.) употреблена формула: «7 þu ylescan gearе, umb tela micel fæc» («И в том году, через весьма большой промежуток времени»).

В рукописи *E* связующих формул отличных от вариаций формулы «В тот самый год», но родственных ей, существенно больше — в основном за счет погодных статей второй половины XI — первой половины XII в. Варианты формулы «В то время» встречаются 18 раз [380, 449, 528, 627, 870, 975, 1013, 1041, 1052, 1086, 1107, 1114 (2 раза), 1122, 1123 (3 раза), 1154 гг.]; формулы типа «В его дни», «В дни этого короля» — 9 раз (565, 616, 654, 656, 675, 777, 778, 860, 1039 гг.); формулы с отсылками ко временам года — 8 раз [875, 1002 (2 раза), 1006, 1067, 1070 (2 раза), 1085 гг.]. Из комбинированных формул чаще всего используются формулы с отсылками к церковным праздникам: таких оборотов — 16 [885, 1014, 1086, 1095, 1096, 1097, 1098, 1099, 1102, 1107, 1118 (2 раза), 1121, 1124, 1129, 1131 гг.]. В восьми случаях в комбинированных

формулах присутствуют отсылки ко времени года (975, 1013, 1083, 1086, 1098, 1100, 1114, 1127 гг.). В шести случаях дается ссылка на точную дату по календам [793, 1104, 1117 (3 раза), 1124 гг.]. Несколько раз встречаются необычные формулы с указаниями на какое-либо событие или период времени, например: «И в тот год, когда он был королем» («7 þu ilcan geare þe he cyng wæs», 1066 г.); «Тем временем, пока архиепископа не было в стране» («Ða hwile þet se ærcebiscop wæs þe ut of lande», 1123 г.); «Тем самым годом, прежде чем епископ Линкольна занял свою кафедру» («Ðes ylce geares, ær se biscop of Lincolne com to his biscoprice», 1123 г.).

Иногда известия на совершенно разные темы отделяются друг от друга словами или оборотами, которые более типичны внутри связного рассказа: «7 eac» («и также»), «7 þa» («и тогда»), «7 sona æfter þam» («И вскоре после того») и целый ряд других вариантов, родственных названым. В поздних погодных статьях рукописи *E* в качестве структурных связей широко используются слова «æfter», «heræfter», «þeræfter» («потом», «после этого», «после того»), а также конструкции «And toforan» («И перед», далее указывается дата по календам и название праздника).

Также в качестве разделителя известий может использоваться уже знакомое нам слово «Her» (варианты: «7 her», «Her eac» — «И здесь», «Здесь также»). Интересно, что в рукописи *A* «Her» выступает в таком качестве почти исключительно в интерполяциях, сделанных другим почерком в конце XI — начале XII в. В рукописи *E* подобная связка встречается 23 раза, в рукописи *D* — 33 раза, причем все эти случаи, за исключением двух, относятся к тексту за X–XI вв.

Вообще, надо отметить важность значка «7» («и» — «and», «ond»). Весьма часто он служит единственной связкой между двумя известиями³⁶, иногда с него начинается формула («И в этом самом году», «И также» и т.д.), так что в целом значком «7» начинается, наверное, большинство известий. С другой стороны, конечно, «7» широко используется и внутри связных рассказов на одну и ту же тему³⁷. В одном случае в рукописи *D* вместо значка «7» новое изве-

³⁶ Так, в рукописи *D*, по нашему подсчету, более трети известий начинаются просто со значка «7», без какой-либо другой хронологической формулы. Наиболее типично это для текста *D* за VIII и XI вв. (соответственно, 46 и 34 случая).

³⁷ Так, по подсчету Б. Митчелла, в статье 871 г. рукописи *A* 37 из 43 предложений начинаются со значка «7» (Mitchell B. The Sign 7. P. 27–33).

стие открывается полностью написанным словом «And» (1056 г.)³⁸. В поздних статьях рукописи *E* «7» в качестве связки также начинает регулярно замещаться полным словом: таких случаев восемь [1099, 1100, 1116, 1117, 1118, 1120, 1121 (2 раза) г.].

Очень редко бывает, что новое сообщение вводится вообще без какого-либо вводного слова или оборота. В рассмотренных нами трех рукописях, как кажется, всего один такой случай: в статью 1076 г. рукописи *D* (или 1075 г. — *E*).

Таблица 2

Связующие формулы, начинающие новые известия
внутри погодных статей

	Рукопись		
	<i>A</i>	<i>D</i>	<i>E</i>
Всего известий (кроме первого известия погодной статьи)	107	286	381
Варианты формулы «В тот самый год»	54 (50,4%)	87 (30,4 %)	167 (42,2%)
Родственные ей формулы (например, «В то самое время»)	8 (7,4%)	24 (8,4 %)	69 (18,1%)
Слово «her» («здесь») и формулы, его включающие	5 (4,6)	33 (11,5 %)	23 (6,1%)
Другие обороты	11 (10,2%)	32 (11,2 %)	102 (26,7%)
Значок «7» (союз «and», «and» — «и»)	29 (26,8%)	109 (38,1 %)	25 (6,5%)
Нет никакой формулы	0	1 (0,3 %)	1 (0,26%)

2. ДАТИРОВКИ, БОЛЕЕ ДРОБНЫЕ, ЧЕМ ГОДИЧНЫЕ

Иногда такие датировки могут содержаться уже в самой формуле, отделяющей одно известие от другого (примеры приведены выше).

³⁸ Это краткое известие, заключающее собой статью 1056 г., вызывает палеографические вопросы: написано ли оно тем же почерком, что и предыдущий текст статьи 1056 г. или же почерком статьи 1057 г. (см.: ASC. Vol. 6. P. XIII)? Вряд ли здесь можно что-то говорить с уверенностью, однако при визуальном знакомстве с рукописью создается впечатление, что это известие вообще вписано позже, чем основной текст. Оно написано чуть более неровно и крупно, чем предыдущий и последующий текст, и не исключено даже, что другими чернилами.

В других случаях после рассказа о каком-либо событии написано: «Эта битва была в такие-то календы такого-то месяца» или «Он умер в такие-то календы». Но чаще всего датировка находится внутри известия, грамматически представляя собой обстоятельство времени.

В рукописи *A* 26 из 32 дробных датировок приходятся на статьи 870–918 гг. (после этого текст *A* в основном очень краток, но из шести оставшихся датировок четыре относятся к тексту за X–XI вв.). В других рукописях количество датировок, более дробных, чем годовичные, увеличивается по мере приближения к XI в. В тексте *D* за XI в. имеется 108 таких датировок (в тексте за X в. — только 20, а за IX в. — 11). Это связано с тем, что текст *D* за XI в. в наибольшей степени отражает летописание, синхронное событиям³⁹. Однако значительное число таких датировок мы находим также в статьях 693–806 гг. рукописи *D* (44 случая). Дело в том, что при создании «северной версии» Англо-Саксонской хроники, отразившейся в рукописях *E* и *D*, именно эта часть «common stock» пополнялась сведениями из недошедших до нас «северных анналов», вероятно, латиноязычных⁴⁰. Сходную картину мы видим в рукописи *E*: 50 «дробных» датировок находятся в погодных статьях до 803 г.; 6 — в статьях за IX–X вв.; 116 — в статьях за XI в.; 168 — в погодных статьях первой половины XII в.

Можно выделить несколько разновидностей датировок, более дробных, чем годовичные: по времени года, по календам, по церковным праздникам, по летнему и зимнему солнцестоянию (дословно — «середина лета» и «середина зимы», под последней может иметься в виду и Рождество). Последние две разновидности часто играют роль не точных, а приблизительных дат. Весьма характерны обороты типа «æfter middansumera» («после середины лета») или «toforan þam Eastron» («перед Пасхой»), а также «seofon niht ær Cristmæssan» («за семь дней до Рождества»).

Для погодных статей Англо-Саксонской хроники до XI в. (если не учитывать текст, восходящий к «северной версии») наиболее типичны «дробные датировки» по времени года, а также летнему и зимнему солнцестоянию. Из церковных праздников в качестве «точки отсчета» встречается почти исключительно Пасха. В погодных статьях XI–XII вв. преобладают датировки по календам и церковным праздникам, причем

³⁹ Гимон Т.В. Введение. С. 11–15.

⁴⁰ См., например: Rollason D. The Northern Annals // The Blackwell Encyclopaedia of Anglo-Saxon England. Oxford, 1999. P. 333–334.

«набор» этих праздников становится гораздо более обширным: помимо Пасхи и Рождества (вытеснившего «середину зимы») в подобной роли могут выступать Пятидесятница, Рождество Богородицы, а также дни памяти святых — Мартина, Августина, ап. Андрея, ап. Иоанна и др. Учитывая тот факт, что с 1085 г. в рукописи *E* начинают ежегодно появляться стандартные сообщения о том, где король проводил Рождество, Пасху и Пятидесятницу, можно предположить, что эти три главных праздника, определяющие деление литургического года, в представлении летописцев стали частью общей хронологической сетки.

В погодных статьях конца XI — XII в. рукописи *E* появляются также указания на день недели. В тексте за 1100–1154 гг. имеется 11 таких указаний. В более раннем тексте Англо-Саксонской хроники находим всего два указания на дни недели, и оба раза — в погодной статье 1012 г., рассказывающей о мученичестве архиепископа Эльфхеаха (рукописи *D* и *E*). В заключительной части рукописи *E* также присутствуют два указания на лунный день (1106, 1121 гг.).

Указания на время суток встречаются почти исключительно в сообщениях о солнечных или лунных затмениях, либо других необычных природных явлениях. Скажем, в рукописи *E* имеется всего 30 таких указаний (из них 18 — в погодных статьях за XII в.), из которых 24 дополняют сообщения о бедствиях. В остальных случаях подобные указания встречаются внутри связных рассказов, вводя в них новый эпизод: «и наутро», «а ночью» и т.д. В рукописи *D* указаний на время суток шесть, из них три — в известиях о небесных знамениях (774, 800, 802 гг.), одно — в сообщении об убийстве короля Эдварда (979 г.) и два — указания «наутро» внутри обширных рассказов (1012, 1052 гг.). В рукописи *A* время суток упоминается дважды, оба раза в известиях о необычных природных явлениях (538, 540 гг.).

3. ФОРМУЛЫ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЕ ВНУТРИ РАССКАЗА ДЛЯ ВЫСТРАИВАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ ИЛИ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ СОБЫТИЙ

Таких формул очень много, и некоторые из них мы уже упоминали. Достаточно часто в этой роли выступают обороты типа «В тот самый год», которые не разделяют известия, но оказываются в середине связного повествования на какую-то одну тему. Несколько раз таким образом используются обороты, включающие в себя наименования времен года (ср., например, в рукописи *D* под

897 г. оборот «Тем же летом» [«*ƿa ylcan sumere*»], находящийся внутри повествования о войне с викингами и вводящий его очередной эпизод). Употребляются внутри пространных рассказов о политических и военных событиях и другие формулы: «*binnan sefon nihton ƿæs*» («в течение семи ночей после того»), «*ƿa æfter ƿisum gefeohte*» («Тогда после этой битвы»), «*ƿa sona æfter ƿæm*» («Тогда скоро после того»), «*7 ƿes umb...*» («И после того, через столько-то времени»), и т.п. Ввиду многочисленности и разнообразия подобных указаний их подсчет и систематический анализ в рамках настоящей статьи вряд ли целесообразны.

4. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ, ВЫВОДЯЩИЕ ЗА ПРЕДЕЛЫ ПОГОДНОЙ СТАТЬИ

Хотя жанр анналов в целом подразумевает описание в каждой погодной статье событий только одного года, в ряде случаев этот принцип нарушается и летописцы отсылают нас к событиям других годов или же дают какие-то сведения, касающиеся большего, нежели один год, периода. Среди подобных хронологических указаний можно выделить следующие разновидности.

4.1. Указания на годы от Сотворения мира. В тексте Англо-Саксонской хроники такие указания крайне немногочисленны. В рукописях *A* и *D* они присутствуют только в одной погодной статье — 6 г. н.э., в рукописи *E* — в четырех статьях: 11, 33, 654 и 1086 гг. Для 6, 11 и 33 гг. датировка от Сотворения мира является единственным содержанием погодной статьи.

4.2. Указания на продолжительность правлений и временную протяженность событий. В Англо-Саксонской хронике достаточно последовательно фиксируются сроки правления королей, реже — сроки пребывания в должности епископов и аббатов (в рукописи *A*, соответственно, — 40 и 9 указаний; в рукописи *D* — 31 и 16; в рукописи *E* — 71 [указаны также сроки правления нормандских герцогов] и 19). Во всех трех изученных рукописях имеются сообщения о продолжительности правления трех императоров — Октавиана Августа (под 1 г. н.э.), Септимия Севера (под 189 г.)⁴¹ и Карла

⁴¹ Этот император привлек внимание английских летописцев тем, что умер в Британии, в Йорке, о чем и сообщается в статье 189 г. Действительная дата его смерти — 211 г. н.э.

Великого (под 812 г.). Как правило, сведения о продолжительности правления того или иного лица приводятся одновременно с известием о его смерти, реже — о его вступлении на трон или кафедру. Для указаний такого рода имеется стандартная формула «*heold þæt rice (þone bisceopdom)... wintra*» [«держал это королевство (это епископство)... зим»], повторяющаяся с небольшими вариациями. В рукописи *E* последние указания на сроки правления и пребывания в должности относятся к 1042–1043 гг., далее такого рода сведения не фиксируются. Иногда сообщается, что то или иное событие имело место на таком-то году правления данного короля. В рукописи *D* подобных указаний четыре (под 752, 874, 918 и 972 гг.). Изредка встречаются упоминания о возрасте или продолжительности жизни королей или епископов (обычно в тех случаях, когда человек жил очень долго или умер юным). Так, в рукописи *D* имеется два таких указания — под 972 и 1065 гг.

Кроме того, в погодных статьях конца IX и начала XI в. нередко указывается продолжительность пребывания викингов в том или ином месте: «*7 þær sæt...*» («и оставались там...»). В рукописи *A* таких указаний 8, в рукописи *E* — 11. В погодных статьях второй половины XI — XII в. рукописи *E* появляются многочисленные указания на сроки пребывания различных лиц (королей, епископов, аббатов, эрлов) в том или ином месте, а также на длительность различных событий (осада, явление кометы или затмение и пр.). В названный период таких отсылок 46 — при том, что за весь предшествующий период их только 13 (включая уже упомянутые указания на срок пребывания викингов). Однако большинство этих отсылок не выводят за пределы погодной статьи и служат для выстраивания относительной хронологии. Точно так же, не выводят нас за пределы погодной статьи и некоторые указания на хронологический интервал между двумя событиями⁴².

4.3. Генеалогические экскурсы и сведения о жизни умершего правителя. В текст Англо-Саксонской хроники включены 17 генеалогий англо-саксонских королей из разных династий. Все они, кроме генеалогии Этельвульфа, отца Альфреда Великого, содержатся в ранних погодных статьях (547–755 гг.). В рукописи *E* все

⁴² В погодной статье 888 г. рукописей *A* и *D* указано, что архиепископ Этельред и элдормен Этельвольд умерли «в один месяц». В статье 900 г. рукописи *A* и в статье 901 г. рукописи *D* сообщается, что элдормен Девона Этельред умер «за четыре недели до короля Альфреда».

эти генеалогии опущены, либо оставлено только имя отца. При этом одна генеалогия была вставлена — заимствованная у Беды родословная легендарных предводителей первых англо-саксов, приплывших в Британию — Хенгеста и его сына Хорсы. Все генеалогии — восходящие. Иногда генеалогию заменяет указание на то, что род правителя восходит к Кердику, родоначальнику уэссекской (впоследствии, англо-саксонской) королевской династии. В погодных статьях 1042 и 1066 гг. рукописи *D* за сообщением об избрании нового короля (соответственно, Эдуарда Исповедника и Эдгара Этелинга) следует указание «eallswa him wel gesynde wæs» («как ему по роду положено было»). Один раз встречаем генеалогию не англо-саксонских, но франкских королей — под 885 г. в рукописях *A* и *D* (в рукописи *E* пропущена и эта генеалогия).

Иногда хронисты, сообщая о смерти или (реже) о вступлении на трон короля, дают характеристику ему или его правлению. Большинство такого рода характеристик имеют форму кратких «памятных записей». Например, об Эгберте, деде Альфреда Великого, одновременно с известием о его смерти, сказано, что «прежде, чем он стал королем, король Мерсии Оффа и уэссекский король Биртхрик изгнали его на три года из английской земли в землю франков». О Хардакноте, сыне Кнута, в рукописях *C* и *D* под 1040 г., одновременно с известием о его восшествии на престол, говорится, что он «за все время, пока правил, не совершил ничего достойного короля»⁴³. В рукописях *A* и *D* имеется по семь таких кратких характеристик, в рукописи *E* — шесть. Другая разновидность характеристик правителей — поэтические некрологи. В текст рукописи *D* входят поэмы на смерть Эдгара (975 г., она же присутствует в рукописи *A*), Эдварда Мученика (979 г.) и Эдуарда Исповедника (1066 г.). В рукописи *E* имеется развернутый «некролог» Вильгельму Завоевателю, в который входят, помимо прочего, и стихи (1086 г.). В той же рукописи имеются достаточно детальные посмертные характеристики личных качеств и деяний королей Вильгельма Рыжего (1100 г.) и Генриха I (1135 г.).

4.4. Риторические указания на то, что ничего подобного ранее не бывало (или не бывало на памяти живущих людей). Большинство указаний такого рода сосредоточено в погодных статьях за

⁴³ Подробнее о генеалогиях и кратких характеристиках правителей см.: *Метлицкая З.Ю.* Деятель и «посредник»: Фигура правителя в Англосаксонской хронике как воплощение «связи времен» // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 105–118.

XI–XII вв. Так, в рукописи *D* имеется 13 таких отсылок, из которых 2 — в тексте за IX в., а остальные — в погодных статьях XI в. В тексте рукописи *E* до начала XI в. имеется одно такое указание, в статьях за XI в. — 7, а за первую половину XII в. — 11. Чаще всего эти отсылки встречаются при описании необычных природных явлений или стихийных бедствий, их стандартная форма: «swa it næfre ær ne wæs» («как никогда прежде не было») или «swa nan man ærog ne gemunde» («чего никто не помнит»). Несколько раз похожие речения используются при описании военных действий, например: «и столько было убито тогда язычников, что мы не слышали ни о чем подобном до сего дня» (851 г., рукопись *A*, почти то же — в *D* и *E*); «и собрал он такой большой флот, какого никто прежде не собирал» (1066, рукопись *D*).

4.5. Отсылки к более поздним событиям. Указания такого рода единичны, но их можно поделить на несколько групп. Первый вариант: после сообщения о событии следует отсылка «в будущее», например: «и с этих пор римляне не правили более в Британии» (409 г.); «и с этого времени в Уэссексе правят его потомки» (519 г.) и т.п. Второй вариант: сопоставление двух периодов, границей между которыми является рассматриваемое событие: «прежде были римские епископы, а после этого — английские» (692 г.). Третий вариант: указание на то, что данное событие происходит впервые: «тогда впервые три корабля данов пришли в землю англов» (787 г.); «и в тот год было решено впервые выплатить откуп данам...» (991 г., последнее указание имеется только в рукописях *D* и *E*); и т.д. Имеются и другие случаи, когда анналисты показывают свое знание последующих событий. Так, например, в рукописи *D* под 1041 г. сказано, что будущий король Эдуард Исповедник жил при дворе его брата Хардакнута «пока тот был жив» («þa hwile þe he leofde»)⁴⁴. Под 1065 г. в той же рукописи говорится, что окрестности Нортгемптона были разорены «так, что этот шайр и другие шайры вокруг него на протяжении многих лет оставались худшими»⁴⁵.

4.6. Отсылки к более ранним событиям. Разного рода отсылок к более ранним, чем описываемый год, событиям в Англо-Саксонской хронике довольно много⁴⁶. Так, в погодной статье 940 г.

⁴⁴ О смерти Хардакнута сообщается в следующей погодной статье, под 1042 г.

⁴⁵ Всего в рукописи *D* мы насчитали 18 отсылок к более поздним событиям.

⁴⁶ Так, в рукописи *D* мы насчитали 34 таких отсылки. К этому числу можно добавить также указания, отнесенные нами выше к группам 4.3 и 4.4.

рукописей *A* и *D* сказано, что король Этельстан умер через сорок лет без одного дня после короля Альфреда. В рукописи *D* под 1052 г. сказано: «В том же году король Эдуард отменил херегюльд⁴⁷, который ранее установил король Этельред; это произошло на 39-м году с тех пор, как он был установлен». Неоднократно летописцы отсылают к более ранним событиям при помощи слова «forespresen» («вышеупомянутый») и сходных оборотов.

Наконец, в погодных статьях XII в. рукописи *E* встречаются стандартные **обобщающие характеристики года**, помещаемые в любом месте (начале, середине, конце) текста (всего таких характеристик 14), например: «этот год был очень тяжелый...»; «это был трудный, тяжелый, печальный год...» и т.п. Под 896 г. в рукописи *A* (под 897 г. в *D*) находим развернутую обобщающую характеристику сразу трех лет, весьма тяжелых для Англии.

Подводя итоги, можно сказать, что Англо-Саксонская хроника буквально пронизана различными хронологическими указаниями. Хронология не только формирует структуру текста (погодная сетка, зачины первого и последующих известий каждой статьи), но и присутствует на уровне многочисленных точных датировок, уточнений и отсылок внутри сообщений о событиях. Несмотря на то, что жанр анналов предполагает в рамках погодной статьи рассказ о событиях одного года, в Англо-Саксонской хронике мы видим многочисленные указания, нарушающие строгую хронологию изложения и выводящие нас за пределы погодной статьи. Собранный в настоящем исследовании материал, как мы надеемся, не только поспособствует лучшему пониманию Англо-Саксонской хроники как памятника историописания, но и будет полезен в дальнейших сравнительно-исторических исследованиях.

⁴⁷ Ежегодная подать, установленная королем Этельредом Нерешительным в 1012 г.

Г.В. Глазырина

ВРЕМЯ В ДРЕВНЕИСЛАНДСКИХ САГАХ
(история, повседневность, временные ориентиры)*

В исландских сагах естественным образом сочетаются разнообразные способы хронологизации времени — сезонное время, время родословий, счет «по правлениям», т.е. по срокам пребывания у власти (конунги) или в должности (церковные иерархи), счет на основе соотнесения с каким-либо знаменательным событием (например, с известными битвами, с сожжением Ньяля), отсчет от Рождества Христова и др. Многообразие форм счета времени в письменных памятниках обусловлено отражением в них двух обширных пластов культурного наследия: традиционного, восходящего к древнегерманским корням, и христианского, пришедшего на остров с принятием новой веры в 1000 г.

Проблема соотношения традиционного и христианского элементов в средневековой культуре Исландии всегда занимала заметное место в истории изучения исландских саг¹. Наиболее глубоко это дихотомическое единство было проанализировано в работах шведского саговеда Л. Лённрота, посвятившего ей целую серию исследований². Хотя в своей оценке процесса становления древне-

* Статья написана по проектам: «Трансформация исторической памяти: от устной исторической традиции к письменной» по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» и «Историческая традиция в дописьменных и письменных обществах. Компаративное исследование» по программе фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

¹ *Paasche F.* Über Rom und das Nachleben der Antike im norwegischen und isländischen Schrifttum des Hochmittelalters // *Symbolae Osloenses*. Oslo, 1934. B. XIII; *Turville-Petre G.* Origins of Icelandic Literature. Oxford, 1953; *Bekker-Nielsen H., Widding O.* *Norrøn Fortællekunst*. Copenhagen, 1965.

² *Lönroth L.* Studier i Olaf Tryggvasons saga // *Samlaren*. 1963. S. 54–94; *Idem.* Det litterära porträttet i latinsk historiografi och isländska sagaskrivning — en komparativ studie // *Acta Philologica Scandinavica*. 1965. T. 27. S. 68–118; *Idem.* Tesen om de två kulturerna — kritiska studier i den isländska sagaskrivningens sociala förutsättningar //

исландской литературы автор, являясь сторонником так называемой «теории книжной прозы» («bookprose theory»³), несомненно, склонен пренебрегать устно-традиционным периодом ее существования и отдавать приоритет влияниям извне, его выводы о необходимости выявления и сопоставительного анализа двух пластов, соединившихся в культурном наследии исландцев, и рассмотрения результатов их синхронного влияния на отдельные категории культуры⁴ не могут быть переоценены. Тезис о двух культурах, одной — исконной, составлявшей основу мировосприятия исландцев, и другой — континентальной, пришедшей на остров с принятием христианства и в значительной мере потеснившей первую, — оказывается существенным и при рассмотрении такой категории как представления о времени.

Исследователи древнеисландской литературы практически единодушны в том, что в памятниках средневековой исландской словесности история трактуется как процесс, интегрирующий прошлое и настоящее⁵. Исландские клирики, которые переводили на родной язык сочинения, пришедшие с континента, и записывали саги и другие произведения, под прошлым понимали, в первую очередь, дохристианский, языческий этап истории своего народа. Они рассматривали его как естественный период развития общества, ста-

Scripta Islandica. 1964. B. 15. S. 1–97; *Idem*. European Sources of Icelandic Saga-Writing. An Essay Based on Previous Studies. Stockholm, 1965.

³ Различия в оценке происхождения исландских саг сторонниками двух концепций — так называемых «теории книжной прозы» и «теории свободной прозы» — основаны на понимании роли устного традиционного материала, лежащего в основе сагового текста. Приверженцы первой теории исходят из приоритета авторского начала при создании произведения: автор отбирает материал из имеющегося фонда, структурирует его и излагает своими словами. В соответствии же со второй позицией, роль автора сводится лишь к фиксации устойчивого сюжета на пергамене и незначительному его редактированию. Как справедливо отметил Гисли Сигурдссон, ученые, позиционирующие себя как сторонники того или иного подхода, тем не менее не ставят под сомнение тот факт, что устная традиция является первоосновой саги (*Gisli Sigurðsson*. The Medieval Icelandic Saga and Oral Tradition. A Discourse on Method. Harvard, 2004. P. 17–21. См. также: Old Norse-Icelandic Literature. A Critical Guide / C.J. Clover, J. Lindow. Ithaca; L., 1985. P. 239–45, 253–254, 279–286).

⁴ *Lönnroth L.* European Sources.

⁵ *Clunies Ross M.* Prolonged Echoes. Old Norse myths in medieval Northern Society. Odense, 1998. Vol. 2: The Reception of Norse myths in medieval Iceland. P. 82. Категория будущего проявляется, в основном, в прорицаниях и снах. См. новейшую работу на эту тему, содержащую отсылки на литературу: *Гуревич Е.А.* Стихи, услышанные во сне: об одном типе вставок в древнеисландской прозе // Стих и проза в европейских литературах Средних веков и Возрождения. М., 2006. С. 86–116.

новления ментальности и верований, сыгравший важную роль в формировании того общественно-культурного наследия, которое, как мы знаем теперь, выделяет Исландию среди других западноевропейских государств и народов. Настоящее, согласно этому подходу, наступает с момента введения в стране христианства. Включение языческого периода в свою концепцию истории позволило исландцам, как и другим народам, воспринимать развитие общества как непрерывное, обеспечив тем самым интеграцию идей и принципов, относящихся к разным по своему происхождению культурам.

В восприятии отдельного человека или группы людей прошлое и настоящее, естественно, не всегда совпадали с широкими историческими периодами. В повседневной жизни людей эти периоды сужались до пределов жизни отдельных поколений. Привычка наблюдать за течением временем была связана с обычной хозяйственной деятельностью и социальной активностью, в которых события характеризовались редкой устойчивостью. Примеры такого «бытового» взгляда на повседневную жизнь сохранились в письменных памятниках, относящихся к традиционным литературным и историческим жанрам. Факты и явления, выходявшие за рамки привычных, становились предметом особого внимания и нередко переходили в разряд событий, о которых долго говорили и сочиняли сказания.

Особенности отражения истории в произведениях разных жанров и специфические средства, используемые в них для обозначения хронологических периодов, существенно разнятся. Наиболее тесную связь с устной традицией проявляют исландские саги, особенно родовые. Написанные индивидуальными авторами (их имена по большей мере нам остались не известными⁶), саги в своей основе сохраняют сказания и сюжеты, большинство из которых имеет длительную историю бытования в устной форме. Как заметил Вестейнн Оуласон, «устная традиция была живой и продуктивной, однако

⁶ Выявление авторства той или иной саги не сводится только к поиску имени автора в самом произведении или упоминаний о нем в других сочинениях. Атрибуция авторства основана на анализе общих принципов композиции сюжета и отдельных эпизодов, устойчивых языковых клише, на выборе лексических оборотов и многих других признаках. Именно комплексная оценка этих признаков позволила, например, Йоунасу Кристианссону предположить, что «Сага об Эгиле» — одна из наиболее популярных в Исландии саг о скальдах — была написана Снорри Стурлусоном, автором «Круга Земного», около 1240 г. (*Jónas Kristiansson. Egilssaga og konungasögur // Sjótíu ritgerðir / Einar Gunnar Pétursson, Jónas Kristjánsson. Reykjavík, 1977. Bls. 449–472*). Правда, эта идея была поддержана не всеми саговедами.

контакт с письменной культурой оказал влияние на некоторые, если не все аспекты традиционного устного знания. Очевидно, что как форма, так и содержание с течением времени подверглись изменениям, а те жанры, которые были наиболее восприимчивы к письменным влияниям, частично утратили свою творческую активность»⁷. Естественно, что отношение ко времени, отразившееся в сагах, хотя и было, безусловно, скорректировано влияниями «ученой» литературы позднейшего времени, но все же в основных чертах передает особенности дохристианского восприятия времени.

Можно полагать, что древнейшей формой счисления времени было соотнесение события с определенным временем года. *Сезонное счисление времени* характеризуется относительностью и лишено точности. Как определить время наступления нового сезона, четко разъяснено в судебнике «Серый Гусь»:

«Первым днем лета должен быть четверг; если отсчитать от него три месяца по тридцать ночей и еще четыре ночи, будет середина лета. От середины лета до зимы три месяца по тридцать ночей. Первым днем зимы должна быть суббота, а от нее до лета шесть месяцев по тридцать ночей; и должно пройти десять недель лета, когда люди должны собраться на альтинг. В календаре день всегда предшествует ночи»⁸.

В этом положении исландского судебного кодекса, как мы видим, приводится жесткое членение года на сезоны, не допускающее разночтений. При этом не столько само время года, как возможность осуществлять в этот период ту или иную хозяйственную деятельность или участвовать в общественной жизни, становится причиной для называния сезона. Зима, во время которой передвижение по острову становилось затруднительным, является тем хронологическим барьером, до наступления или после завершения которого происходит подавляющее число различного рода контактов между жителями, описываемых в сагах, — что и отмечается в текстах.

⁷ *Vésteimn Ólason*. Dialogues with the Viking Age. Narration and Representation in the Sagas of Icelanders. Reykjavík, 1998. P. 41.

⁸ «EN fimti dagr vikv scal vera fyrstr i svmrí. þáþan scal telia .iij. manvðr .xxx. náta. oc nætr .iiij. til mið sumars. EN fra miþiv svmrí scal .iij. manvþr .xxx. natta. til vetrar. Lavgar dagr scal fyrstr vera I vetri. en þáþan fra scolo vera .vi. manvðr .xxx. natta. til sumars. eN .x. vikvr scolo vera af sumri er meN koma til alþingis. Dagr scal fyR koma allz misseris tals eN nott». — Grágás. Konungsbók / Udg. Vilhjálmur Finsen. Kjöbenhavn, 1852 (Reprint: Odense, 1974). Bd. I. Bls. 37. О зафиксированных в «Сером Гусе» положениях о счислении времени см.: Глазырина Г.В. Практическое счисление времени в исландском судебнике «Серый Гусь» // Время в координатах истории. Международная научная конференция. Тезисы. М., 2008. С. 92–94.

Для разных видов деятельности времена года имели неодинаковое значение. Поэтому когда речь заходит, например, об организации дальнего морского похода либо плавании в прибрежных водах на дальнее расстояние временем отсчета, как правило, выступают весна и начало навигации либо осень и прекращение передвижений по морю. Слово «лето» довольно редко выступает в функции временного маркера, а летние хозяйственные работы в большинстве своем не описываются. В целом же сезонное счисление времени широко используется в произведениях разных жанров.

Рассказывая об одном и том же периоде времени, автор обычно лишь однажды уточняет временные обстоятельства событий. Время линейно и однонаправлено. Даже если в сюжет вводится новый персонаж, мы можем быть уверены, что речь пойдет о событиях, синхронных тем, о которых только что говорилось, если не указано на другое время⁹.

В сагах весьма редко упоминаются конкретные даты. Время, к которому можно отнести события, описанные в том или ином сюжете, никогда не бывает точным. Оно может быть установлено лишь приблизительно, на основе сопоставления целого комплекса параметров, для обозначения которых удобен предложенный А.Я. Гуревичем термин «временные ориентиры»¹⁰. В древнеисландских памятниках такими ориентирами могут выступать самые различные элементы. При «сезонном» счислении времени это, прежде всего, указания на времена года. Другой вид ориентира — событие, соотнесение с которым помогает установить последователь-

⁹ Например, в «Саге о Ньяле» говорится: «Весной Хрут узнал, что Сотти отплыл на юг, в Данию, и увез с собой все наследство». После этого Хрут связывается с персонажами, заинтересованными в отъятии этого наследства, «и Хрут со своими людьми отплыл на юг» (Сага о Ньяле // Исландские саги / Под ред. О.А. Смирницкой. Вступит. статья М.И. Стеблин-Каменского. СПб., 1999 (здесь и далее фрагменты из «Саги о Ньяле» приведены в переводе С.Д. Кацнельсона). Т. II. С. 56). Вслед за этим, в новой главе вводится незнакомый персонаж — Атли, сын ярла Арнвида из Восточного Гаутланда, объявленный вне закона как датским, так и шведским конунгом. Он также направляется в Данию, где и происходит морской бой между Хрутом и Атли (Сага о Ньяле. С. 56–57). В сюжете саги до этого момента Атли никак не был связан с исландцем, не участвует он и в других эпизодах. Однако саговые принципы хронометрии не позволяют автору прервать поток времени, вернуться на много лет назад и рассказать историю Атли. Поэтому представление Атли ограничивается его генеалогической характеристикой и краткой биографией, лишенной динамики.

¹⁰ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. 2-е изд., испр. и доп. С. 109.

ность действий (событий) и датировать их. В приведенную выше статью судебного «Серый Гусь» о временах года включена дата начала альтинга — всеобщего собрания, которое проводилось на регулярной основе в строго определенные дни июня. Альтинг часто выступает в качестве временного показателя в сагах об исландцах. Спрессованность времени в саге не могла смутить современника: даже если чередование времен года в тексте не прослеживается, ссылка на альтинг всегда указывает на то, что дело происходит летом¹¹. Таким образом, *ссылка на событие* является и временной характеристикой происходящего.

Наряду с «сезонным» и «событийным» способами счета времени, которые были известны и другим скандинавским народам и применялись задолго до того времени, как в 870-х гг. была заселена Исландия, в сагах отразился другой принцип соотнесения событий, который характеризует мировоззрение исландцев и заключается в их стремлении и способности рассматривать окружающую действительность в связи с историей семейно-родовых групп — *генеалогическое время*. На эту черту обратил специальное внимание А.Я. Гуревич, который показал, что для саг об исландцах родословия, перечисления предков (*langfæðgatal*), которыми изобилуют дошедшие до нас произведения, также выполняют функцию временных ориентиров¹². Глубина родословий, приведенных в сагах,

¹¹ Приведем пример из «Саги о Ньяле» — одной из наиболее широко известных исландских родовых саг. О событиях, происшедших с весны после начала разлада между Хрутом и его женой Унн, дочерью Мёрда Скрипицы, практически не упоминается, но описание отъезда супругов на альтинг сигнализирует смену времени года и наступление лета (Сага о Ньяле. С. 60–61).

¹² А.Я. Гуревич пишет: «Существенным аспектом времени был счет поколений. Определив принадлежность лица к тому или иному поколению или установив их последовательность, получали вполне удовлетворявшее представление о связи событий, ходе вещей и обоснованности правовых притязаний. Понятие поколения воспроизводило ощущение живой преемственности органических человеческих групп, в которые индивид включался как реальный носитель связей, соединяющих настоящее с прошлым и передававших их в будущее. И это ощущение имело гораздо больший смысл и ценность, нежели простое указание на некоторую точку абстрактной хронологической шкалы. Но счет на поколения отражает локальное восприятие и исчисление времени. Такой отсчет практиковался в генеалогиях, родовых сказаниях, сагах. Посредством перечисления предков выясняли не общую хронологию народа, племени, государства, а преемственные связи в пределах рода, семьи, далеко не всегда устанавливая их соотнесенность с течением времени за пределами круга родства. <...> На каждом хуторе, в поселке, общине время текло, подчиняясь ритму смены поколений и тех немногочисленных и мало разнообразных событий, которые налагали отпечаток на жизнь группы». — Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С. 109.

может варьироваться от упоминания нескольких — до девяти — поколений предков, до именованя только отца или деда. Генеалогии могли состоять из двух частей, сопровождая «историческое», т.е. верифицируемое родословие «легендарной» частью, относящейся к доисландскому или даже мифопоэтическому времени, и также могли быть распространены в различной степени¹³. Именно генеалогии персонажей, сопровождающие сюжетную канву родовых саг, дали возможность исследователям выстроить хронологическую шкалу для этих произведений.

История исландских родов, изложенная в сагах, состоит из эпизодов местного либо семейного значения: свадеб, смертей, конфликтов внутри рода и между родами, предательств, убийств, судебных разбирательств, кровной мести и иных событий — по словам Вестейнна Оуласона, «событий варварских, запутанных и скучных»¹⁴. Став предметом всеобщего интереса жителей Исландии, саги фиксировали имена людей, которые, благодаря многократному повторению их в устных рассказах, становились знаменитыми внутри страны, а иногда и за ее пределами. Прослеживая время жизни этих людей и обстоятельства, связанные с ними, всегда можно было уточнить тот отрезок времени, когда произошло некое событие. Ясное представление современников об очередности поколений и их числе помогало приблизительно определить место каждого конкретного лица в социуме. История каждого исландского рода располагала устными генеалогическими легендами, построенными вокруг имен наиболее известных семей и их глав¹⁵. Имена этих людей были знакомы каждому исландцу и нередко также использовались в качестве временных ориентиров: соотнеся с ними рассказ об отдельном человеке, можно было уточнить время его жизни. Данная система ссылок, отмечает А.Я. Гуревич, применялась в тех случаях, когда речь шла о событиях

¹³ *Литовских Е.В.* Генеалогические представления в средневековом исландском обществе (на материале «Саги о Ньяле»). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 14.

¹⁴ *Vésteinn Ólason.* Dialogues with the Viking Age. P. 95.

¹⁵ Примером такого типа родовых легенд являются пряди, вычленяемые исследователями из более крупных произведений, в частности — из «Книги о занятии земли» («Landnámabók»). См.: Исландские саги / Пер. прозаич. текста с древнеисландского, общ. ред. и коммент. А.В. Циммерлинга; стихи в пер. А.В. Циммерлинга и С.Ю. Агишева / Под ред. С.Ю. Агишева, А.В. Бусыгина, В.В. Рыбакова. М., 2004. С. 132–141 («Пряди о Людях из Широкого Фьорда»), 244 («Пряди о Людях из Северной Четверти»).

локальной истории, т.е. истории Исландии, и отражала «локальное восприятие и исчисление времени»¹⁶.

Когда же рассказ об исландцах переносится за пределы острова, в текстах родовых саг появляются ссылки на время правления конунгов различных Скандинавских стран. Эти временные показатели всегда непосредственно связаны с сюжетом. Например, когда в «Саге о Ньяле» говорится о поездке Хрута из Исландии в Норвегию, именно этот прием используется автором для введения сюжета в иной пространственно-географический контекст и хронологического уточнения:

«В Норвегии правил в то время Харальд Серая Шкура, сын Эйрика Кровавая Секира, внук Харальда Прекрасноволосого. Мать его звали Гуннхильд. Она была дочь Эцура Тотти. Они жили в это время на востоке, в Конунгахелле» (здесь и ниже курсив мой. — Г.Г.)¹⁷.

Через некоторое время в Норвегию отправляется Гуннар. Автор саги поясняет:

*«Гуннар уехал из Исландии вместе с братом Кольскеггом. Они приплыли в Тунсберг и пробыли там всю зиму. В Норвегии в это время сменились правители. Харальд Серая Шкура и Гуннхильд умерли. Страной стал править ярл Хакон, сын Сигурда, внук Хакона, правнук Грьотгарда. Мать Хакона звалась Бергльот. Она была дочерью ярла Торира и Алов Красы Года, дочери Харальда Прекрасноволосого»*¹⁸.

Гуннар и Кольскегг, однако, не захотели посетить этого правителя и уехали в викингский поход в Восточную Прибалтику, а затем отправились в Данию.

*«Гуннар отплыл, увозя с собой большое богатство. У него было теперь десять кораблей. Он поплыл в Данию, в Хейдабёр. Данией правил тогда конунг Харальд, сын Горма. Ему сказали, что Гуннару нет равных во всей Исландии. Конунг послал к нему своих людей и пригласил к себе. Гуннар не замедлил приехать к нему. Конунг принял его хорошо и посадил рядом с собой. Там Гуннар оставался полмесяца»*¹⁹.

Примеры такого рода в сагах об исландцах можно найти в изобилии. Временные маркеры, построенные с использованием имен правителей Скандинавских стран, на самом деле выполняют в сюжете сложную функцию и не являются исключительно временными по-

¹⁶ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С. 109.

¹⁷ Сага о Ньяле. С. 53.

¹⁸ Там же. С. 94–95.

¹⁹ Там же. С. 99.

казателями. Названные же в формульных конструкциях персонажи становятся в саге действующими лицами (либо не становятся, как в случае с узурпировавшим власть в Норвегии ярлом Хаконом), и потому, как принято в сагах, их введение в сюжет сопровождается генеалогической характеристикой.

В сагах об исландцах естественным образом соединяются сразу несколько принципов счисления времени, в результате чего момент, о котором идет речь, становится хронологически достаточно определенным. Это хорошо демонстрирует, например, фрагмент из «Саги о Гисли»:

«Вслед за тем Торгрим поехал домой, и эта поездка принесла ему славу. Зиму он проводит у себя на хуторе. А весной зятя, Торгрим и Торкель, снаряжают корабль, принадлежавший норвежцам. Норвежцы эти прослыли большими смутьянами у себя в Норвегии, и им нельзя было там оставаться. Вот снаряжают зятя корабль и выходят в море. В то же лето выходят в море из Ракушечной Бухты во Фьорде Стейнгрима и Вестейн с Гисли. Пока те и другие в плаванье, Энунд из Средней Долины хозяйствует на хуторе у Торкеля и Гисли, а Сака-Стейн вместе с Тордис — в Морском Жилье. *Во время всех этих событий в Норвегии правил Харальд Серая Шкура.* Торгрим и Торкель приводят корабль на север Норвегии и тотчас едут встретиться с конунгом, и, представ перед ним, его приветствуют. Конунг хорошо их принял. Они стали его людьми. Им досталось немало добра и немало почестей. Гисли и Вестейн плавали больше ста дней и раз, в начале зимы, у берегов Хёрдаланда попали ночью в сильную метель и бурю, и корабль их разбился в щепки, но добро свое и людей они уберегли»²⁰.

Как видно из текста, здесь одновременно использовано несколько систем счисления времени: «сезонное» время, указание на **период правления** конкретного норвежского конунга, а также такой способ хронологизации, как **перечисление последовательности событий**, который позволяет установить соотношение действий между собой.

Королевские саги, подобно родовым сагам, содержат пространные свидетельства о сложных и разветвленных связях основных персонажей. Повествование в них также однонаправлено — от древности к современности (в широкой перспективе), от начала какого-либо действия или события до его состояния в сюжете произведения (в узкой перспективе). Поскольку королевские саги находятся на стыке с историографией, они используют также свойственную ей методи-

²⁰ Сага о Гисли // Исландские саги / Под. ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. I. С. 512. (Перевод О.А. Смирницкой.)

ку. Основная хронологическая шкала строится «по правлениям», т.е. в соответствии с последовательностью правления отдельных конунгов. Для относительной датировки используются имена персонажей «большой истории», в частности норвежских конунгов. «В иных случаях, — пишет Гуревич, — ссылки на королей имеют целью выявить влияние исторических событий на судьбы персонажей саги (например, объединение Норвегии Харальдом и эмиграция из нее предков героев саги; христианизация и конфликтная ситуация, в которую она поставила те или иные семьи)»²¹. По сути, династическая сетка в королевских сагах выполняет ту же роль, что генеалогия в сагах об исландцах. Это — элемент исторического сознания, относящийся к традиционным представлениям о течении времени и смене исторических поколений. Однако рассказы о конунгах и их ближайшем окружении не исчерпывают всего содержания исландских королевских саг, в которых много дополнительных сюжетных ходов и эпизодов, посвященных не столь важным персонам (например, второстепенные персонажи, «массовка», титульные персонажи отдельных прядей и т.п.). Для этой категории персонажей, как правило, приводятся краткие генеалогические данные, и таким образом, они оказываются «заземлены» и хронологически определены не столько рамками династических связей, сколько собственными родственными контактами.

Говоря о специфике трактовки времени в сагах о древних временах, С. Митчелл указывает на их уникальность. Время в сагах этого вида, полагает он, часто сходно со временем в волшебных сказках. Временные рамки не обозначаются вообще либо отмечается, что события происходят задолго до заселения Исландии. В любом случае, здесь отсутствуют фразы того типа, который характерен для королевских и отчасти родовых саг, как, например: «Это случилось во времена конунга Харальда Прекрасноволосого» («Þat var á dögum Haralds konungs ins hárfagra») ²². В отдельных случаях, полагает Митчелл, время предстает в гипербололизированном виде и тогда оно, согласно замыслу средневекового автора, несет определенную художественную нагрузку ²³.

²¹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С. 109–110.

²² Mitchell S. Heroic Sagas and Ballads. Ithaca; L., 1991. P. 28.

²³ Например, в «Саге об Оdde Стреле» («Örvar-Odds saga») главный герой проживает триста лет. Наделяя своего персонажа таким невероятно длинным жизненным сроком, считает Митчелл, автор не только стремится показать всю необычность Одда, но использует это его качество, чтобы заставить Одда «получать одни и те же уроки снова и снова». См.: Mitchell S. Heroic Sagas. P. 54.

Такое необычное представление о «времени без времени» Митчелл считает чертой, подтверждающей фольклорное происхождение саг о древних временах.

Можно сказать, что время саг об исландцах — время локальной истории, время саг о норвежских конунгах — время внешней по отношению к Исландии, широкой истории, а время саг о древних временах — доисторическое либо вневременное²⁴. Саги, таким образом, комплементарны в своей трактовке исторического времени: один вид саг дополняет другой, и только рассмотренные в своей совокупности, они могут дать представление о том, как средневековые исландцы мыслили себе исторический процесс, сменяющие друг друга эпохи, какими специфическими чертами они их наделяли. В этой особенности комплекса памятников «дробить» время на периоды можно увидеть признаки существования единого нарративного фонда, в котором каждому эпизоду истории, будь он связан с малой, локальной историей жителей исландского хутора или большой историей правителей Скандинавских стран, отведено свое специфическое место.

Принципы счисления времени, характерные для традиционного общества и отразившиеся в устной традиции, послужившей основой сюжетов исландских саг, были хорошо знакомы и привычны исландским клирикам, которые уже, очевидно, с конца XI в. были вовлечены в работу по созданию рукописей, в которых разнообразные знания, актуальные для исландского общества, закреплялись на пергамене. Сама по себе письменная традиция является весьма показательной с точки зрения хранения информации: хорошо известные и получившие широкое распространение сюжеты и знания переносятся на пергамен значительно позднее, чем новые, недавно проникшие в данную культуру или возникающие под их влиянием. Последовательность фиксации в письменности произведений древнеисландской литературы (в широком смысле слова) в настоящее время представляется достаточно понятной. Состав древнейших исландских рукописей (наиболее ранние из дошедших до нас датируются второй полови-

²⁴ Мы говорим здесь лишь о трех основных видах исландских саг. Другие виды саг (например, «Сага о Стурлунгах», саги о святых или саги о епископах) и жанры древнеисландской литературы (такие как эддическая поэзия) характеризуются иными представлениями о времени, отличными от тех, о которых мы говорили. Их сюжеты обладают своей спецификой и воплощают определенный тип времени — например, в «Старшей Эдде» — это время мифопоэтическое.

ной XII — началом XIII в.²⁵) свидетельствует о том, что ученые клирики, осуществлявшие записи текстов, четко разделяли произведения, составлявшие обширный фонд устной словесности, по принципу актуальности содержащейся в них информации. Некоторые тексты (например, библейские парафразы, сочинения Отцов Церкви, жития святых, литургические произведения, христианские дидактические произведения и др.) воспринимались как приоритетные для записи в тот период времени, и именно потому они оказались в числе наиболее ранних зафиксированных памятников. Одной из причин, настоятельно требовавшей немедленной фиксации памятника, была, очевидно, новизна и востребованность его содержания: только что пришедшие на остров актуальные знания и иные, чем традиционные исландские, сферы культуры, новые, а потому еще не привычные слушательской и (реже) читательской аудитории, фиксируются в письменности в первую очередь. Новизна произведения в это время была неразрывно связана с актуальностью тематики²⁶.

Автор «Первого грамматического трактата» (ок. 1150 г.), рассуждая во введении к своему труду об адаптации латинского алфавита к особенностям исландского языка, говорит о необходимости разработки и введения в Исландии общих правил орфографии, «чтобы было легче писать и читать»; он называет группу известных ему текстов — «законы, генеалогии, священные книги, а также те исторические знания, которые Ари Торгильссон сохранил в своих

²⁵ Целый ряд древнеисландских рукописей, в том числе одна из наиболее древних — AM 237 a fol. (середина XII в.; см.: *Ordbog over det norrøne prosasprog. Registre*. København, 1989. S. 436), состоящая из двух листов, оцифрован и доступен на сайте <www.am.hi.is>.

²⁶ Это наблюдение, вероятно, может быть распространено и на принципы записи произведений в пределах одного вида или жанра. Аналогия наблюдается и в записи христианских скальдических стихов того же времени. Как отмечает И.Г. Матюшина, «большая часть христианских драп XII в. получила письменную фиксацию в рукописях непосредственно вслед за тем, как была сочинена, таким образом их тексты подверглись значительно меньшим искажениям, чем древняя дохристианская (и ранняя христианская) поэзия, бытовавшая в устной традиции и передававшаяся скальдами из поколения в поколение. Сходные процессы можно наблюдать во многих культурных традициях (например, современных африканских племен), постепенно переходящих от фольклора к литературе: прежде всего переносятся на пергамен сочинения на дидактические темы, и только после этого в письменности находит отражение исконное устное творчество» (*Матюшина И.Г. Католические драпы скальдов // Скандинавские языки: Синхрония и диахрония*. М., 1999. С. 16).

книгах»²⁷, которые, очевидно, уже до него были записаны по разным, не унифицированным правилам.

Ранние исландские рукописи сохранили, в основном, те произведения, которые были упомянуты грамматиком: переводы с латинского языка житий апостолов и Девы Марии и рассказов о чудесах христианских святых, сборники проповедей, фрагмент исландского судебного «Серый Гусь» («Grágás»), содержащий календарь основных церковных праздников, но также и переложённые на древнеисландский язык популярные латиноязычные сочинения, такие как «Элусидарий» Гонория Августодунского и «Физиолог»²⁸, ставшие неотъемлемым элементом континентальной энциклопедической и назидательной литературы. В это же время создаются и записываются первые саги о святых: в 70-х гг. XII в. на исландском языке — «Сага о св. Сесилии», около 1200 г. — «Сага о Пласидусе» — св. Евстахии; на латыни пишутся *vitae* конунга Олава Трюгвасона, новых исландских святых — епископов Торлака Торхальссона (канонизирован в 1198 г.) и Йона Эгмундарсона (канонизирован в 1200 г.)²⁹. Сохранились фрагменты рукописи (AM 655 VII 4to, ок. 1200), содержавшей «Всемирную сагу» («Veraldar saga») — историю от Сотворения мира до времени императора Фридриха Барбароссы, написанную, как полагают исследователи, с учетом сочинений Беды Достопочтенного и Исидора Севильского³⁰.

Перевод книг Священного Писания и сочинений Отцов Церкви будет осуществлен значительно позже. Так, «Сага об иудеях» будет переведена с латыни Брандом Йонссоном, будущим исландским епископом, около 1262/1263 г.³¹, «Stjórn» — переложение книг Ветхого Завета — создается только на рубеже XIII–XIV вв., отрывки из «Диалогов» Григория Великого появляются на древнеисландском языке ок. 1300 г. и т.д. Однако благодаря расширению повседневной церковной деятельности (через проповеди и путем непосредственного знакомства с переводными сочинениями, а также вследствие

²⁷ First Grammatical Treatise. The Earliest Germanic Phonology / An edition, translation and commentary by Einar Haugen. Longman, 1972 (2nd ed.). P. 13.

²⁸ Turville-Petre G. Origins of Icelandic Literature. Oxford, 1953; *Clunies Ross M.* Prolonged echoes. P. 45.

²⁹ Cormack M. Christian Biography // A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture / Ed. R. McTurk. Oxford, 2005. P. 29–30.

³⁰ Wirth S. Historiography and Pseudo-History // A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture. P. 168–169.

³¹ Wolf K. Gyðinga saga // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia / Ed. Ph. Pulsiano. N.Y.; L., 1993. P. 253–254.

необходимости соблюдать церковный календарь³²), приобщение исландцев к всемирной истории и вселенской практической хронологии привело к тому, что уже в XII в., как свидетельствуют сохранившиеся письменные памятники, главным образом, исторические и церковные сочинения, принцип летосчисления *от Рождества Христова* (*Anno Domini*) получает широкое распространение и становится основным в Исландии. Одним из результатов этого стало осознание исландцами новых перспектив своей истории, которая вышла за рамки ограниченного исторического периода существования их государства, начавшегося с заселения острова Исландия в 870-х гг. н.э., и через посредство христианства оказалась сопричастной историческим событиям других стран.

Считается, что счет от Рождества Христова, введенный в обращение церковным писателем и хронологом Дионисием Малым (? — между 540 и 556 г.) и примененный в Риме в 525 г., первым в Исландии использовал историограф Ари Торгильссон (Ари Мудрый, 1068–1148) в «Книге об исландцах» («Íslendingabók»)³³, написанной около 1122–1132 гг.³⁴ С точки зрения летосчисления, однако, труд Ари Мудрого представляет явление уникальное, поскольку в нем обнаруживается не одна, а несколько различных систем счета времени. К ним относятся: 1) численное обозначение конкретного года от Рождества Христова; 2) соответствие тому или иному году правления исландских епископов; 3) соотнесение

³² А.Я. Гуревич отмечает: «Переход от язычества к христианству сопровождался существенной перестройкой всей структуры временных представлений в средневековой Европе. Но архаическое отношение ко времени не исчезло — оно было лишь отнесено на задний план, как бы в «нижний» пласт народного сознания. Языческий календарь, отражавший природные ритмы, был приурочен к нуждам христианской литургии. Церковные праздники, отмечавшие поворотные моменты годичного цикла, восходили еще к языческим временам. Аграрное время было вместе с тем и временем литургическим. Год расчленился праздниками, знаменовавшими события из жизни Христа, днями святых. Год начинался в разных странах не в одно время: с рождества, со страстной недели, с благовещения. Соответственно и отсчет времени велся по числу недель до рождества и после и т.д. Долго богословы противились тому, чтобы считать новый год от 1 января, так как это был языческий праздник; но 1 января — также и день обрезания Христа» (Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С. 114).

³³ Cormack M. Christian Biography. P. 36.

³⁴ Возможно, однако, что счет от Рождества Христова мог быть использован в исторических сочинениях, написанных предшественником Ари Сэмундом Сигфуссоном (Сэмундом Мудрым, 1056–1133), ныне утраченных, о которых известно лишь по упоминаниям в позднейших источниках.

(при помощи временных промежутков) различных событий между собой³⁵; 4) соответствие времени пребывания на должности того или иного законоговорителя³⁶; 5) генеалогический счет — по поколениям.

Два первых способа, т.е. отсчет от Рождества Христова и от начала правления епископов, могли войти в исландскую хронологическую культуру лишь с введением в стране христианства. В начале XIII в. параллельно с системой летосчисления от Рождества Христова по Дионисию в Исландии получила ограниченное распространение и хронологическая система счета по Герланду (? — ок. 1100 г.) — *computatio Gerlandi*, в соответствии с которой датировка событий различалась на семь лет с повсеместно использовавшейся в средние века системой счисления по Дионисию. Правда, счет по Герланду широкого распространения и продолжительного бытования здесь не получил. Известно лишь несколько произведений, датировки в которых приведены на его основе: «Сага о Торлаке» («Þorláks saga»), «Пробуждающая голод» («Hungrvaða»), «Сага о Пале» («Páls saga»), «Сага о священнике Гудмунде Арасоне» («Prestssaga Guðmundar Arasonar»), одна из редакций «Саги о св. Йоне» («Jóns saga»), восходящая, очевидно, к латинскому оригиналу, написанному монахом Гуннлаугом Лейвссоном³⁷. Существуют различные точки зрения относительно распространенности ведения календаря по Герланду. По мнению Д. Хофманна, оно было характерно лишь для авторов, работавших в монастыре Тингэйрар на севере Исландии³⁸. Т.Н. Джаксон полагает, однако, что использование счета по Герланду было распространено не только в диоцезе Холар, куда относился монастырь Тингэйрар, но также и в епископстве Скальхольт на юго-западе страны³⁹. Счет от Рождества Христова считался, по-видимому, нормальным летосчислением, в то время как счет по Герланду — отходящим

³⁵ Джаксон Т.Н. *AT ALPÝÐU TALI*: Об использовании христианского летосчисления в исландско-норвежском историописании XII–XIII веков // ВЕДС. М., 2004. XVI: Время источника и время в источнике. С. 58–59.

³⁶ *Gísli Sigurðsson*. The Medieval Icelandic Saga and Oral Tradition. P. 59.

³⁷ *Cormack M.* Christian Biography. P. 32, 36. Согласно Т.Н. Джаксон, в исландских источниках встречается десять датировок по Герланду (Джаксон Т.Н. *AT ALPÝÐU TALI*. С. 58).

³⁸ *Hofmann D.* Die *Yngvars saga víðförla* und Oddr munkr inn fróði // *Speculum Norroenvm. Norse Studies in memory of Gabriel Turville-Petre* / Ed. U. Dronke, Guðrún P. Helgadóttir, G. W. Weber, H. Bekker-Nielsen. Odense, 1981. S. 198–199.

³⁹ Джаксон Т.Н. *AT ALPÝÐU TALI*. С. 58

от нормы. Отсюда в «Книге об исландцах» Ари Мудрого⁴⁰, а также в других источниках⁴¹ появилось уточнение *at alþýðutali* («по всеобщему летосчислению»; вариант: *at allmannatali*), которое не только давало читателю представление о том, какая хронологическая система принята в данном тексте, но и показывала степень интегрированности истории исландского общества в историю других христианских стран.

Другие способы хронологизации, использованные Ари, — традиционны. Так, третий принцип счисления времени, примененный им, который заключается в соотнесении событий между собой, можно считать универсальным методом счисления времени, который известен в традициях многих народов мира, и именно этот принцип, как мы видели выше, является основным в счислении времени в фольклоре. У Ари Мудрого, в частности, использована система счета по периодам пребывания в должности исландских законоговорителей, что отметил А.Я. Гуревич⁴² и на чем специально остановился Гисли Сигурдссон. Институт законоговорителей представляет собой специфический исландский феномен. Это была единственная выборная должность в стране, утверждавшаяся на три года, которую занимали образованные люди, пользовавшиеся особым почетом в обществе. В «Книге об исландцах» Ари Торгильссон вводит информацию о людях, выбранных на эту должность, начиная с третьей главы своего труда, посвященной учреждению альтинга⁴³. Для исландцев ссылка на период пребывания в должности определенного законоговорителя, полагает Гисли Сигурдссон, была сходна со счислением по периодам правления конунгов в других Скандинавских странах и — шире — в европейских государствах. «Неясно, однако, — пишет Гисли Сигурдссон, — насколько сильное влияние эта хронология Ари оказала на современников; имеется мало примеров того, что и другие авторы восприняли систему счисления по официальным годам пребывания в должности законоговорителей»⁴⁴.

⁴⁰ *Ari Thorgilsson. The Book of the Icelanders (Íslendingabók) / Ed. and tr. with introductory essay and notes by Halldór Hermannsson. N.Y.; L., 1930. Bls. 54 (Islandica XX). P. 57.*

⁴¹ Например, в одной из рукописей «Саги об Ингваре Путешественнике». См.: Глазырина Г.В. Сага об Ингваре Путешественнике. Текст, перевод, комментарий. М., 2002. С. 361–362.

⁴² Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С. 113.

⁴³ *Ari Thorgilsson. The Book of the Icelanders (Íslendingabók). P. 49, etc.*

⁴⁴ *Gísli Sigurðsson. Túlkun Íslendingasagna í ljósi munnlegrar hefðar. Tilgáta um aðferð. Reykjavík, 2002. Bls. 63; Gísli Sigurðsson. The Medieval Icelandic Saga and Oral Tradition. P. 59.*

Действительно, подобные отсылки не характерны для саг, однако не будем забывать о том, что упоминания альтинга в сагах как важнейшего общественного события года нередко служит датирующим моментом. Нельзя отрицать прямой связи между данным временным ориентиром и попыткой Ари Мудрого выстроить более надежную хронологическую шкалу на этой основе.

Наряду с последовательным перечислением Ари Мудрым периодов нахождения во главе исландской церкви епископов Скальхольта и Холара и последовательным поименованием законоговорителей, что является вариантом счисления «по правлениям» (здесь — по времени пребывания в должности), в его труде присутствует и генеалогическая система счисления времени: для большинства лиц, упоминающихся в «Книге об исландцах», Ари приводит краткие генеалогические справки.

Таким образом, Ари Торгильссон, стремясь к максимальной достоверности, комбинирует различные принципы летосчисления — старые, которые уже традиционно использовались в исландской хронологической культуре, и новые, одни из которых он перенимает из западноевропейской литературы, пришедшей в страну с введением христианства, другие же конструирует сам, опираясь на здравый смысл и традицию⁴⁵. Можно сказать, что Ари создал образец для

⁴⁵ Метод работы Ари Торгильссона по совмещению различных датирующих принципов прокомментировал А.Я. Гуревич, который пишет: «Произведение исландского историка Ари Торгильссона — “Книга об исландцах” — наполнено событиями европейской истории, к которым он приурочивает факты ранней истории Исландии. Наряду с христианским отсчетом времени — от рождества Христова — Ари берет за отправной пункт дату убийства английского короля Эдмунда Святого, а также ссылается на понтификаты римских пап, на время правления крестоносного короля Балдуина, королей Норвегии и Швеции, византийских императоров, патриарха иерусалимского. Кроме того, хронологические вехи дают сроки правления исландских епископов и законоговорителей. Однако, желая установить собственную родословную, Ари возводит свой род к Инглингам, династии шведских и норвежских королей, и к ее основателям — языческим богам Ньёрду и Фрейру. “Книга об исландцах” проникнута заботой о хронологической достоверности. Особая глава посвящена реформе исландского календаря. По словам Ари, исландцы, присутствовавшие на альтинге, когда была проведена эта реформа, отнеслись к ней с огромным интересом. И все же при столь живейшем внимании Ари к проблемам хронологии приходится констатировать, что он опирался преимущественно на свою память и на воспоминания предшественников. О Торкеле Геллиссоне, на авторитет которого он ссылается при установлении даты начала заселения Исландии, Ари пишет: “Он помнил далеко назад”». — *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. С. 113. О времени у Ари см. также: *Hermann P. Spatial and Temporal Perspectives in Íslendingabók: Historiography and Social Structures // Viking and Medieval Scandinavia.* 2005. №1. P. 73–89.

позднейших исландских авторов, указав на возможность совмещения в одном тексте традиционных и христианских методов описания действительности. Исландцы воспринимали «большую историю» — историю других, в первую очередь Скандинавских, стран — через историю «локальную», соотнося исторические факты с событиями жизни отдельного человека. Возможно, именно поэтому в тех достаточно редких случаях, когда в сагах делаются попытки указать на точное время, когда произошло какое-либо событие, были распространены ссылки не только на Рождение Христа, что было характерно для летосчисления во всей Европе, но также на время введения христианства в Исландии, т.е. на событие, не только позволившее Исландии встать в один ряд с другими просвещенными странами, но оказавшее существенное воздействие на менталитет исландцев и их отношение к происходящему вокруг них.

Осознание важности культурной ассимиляции с другим миром не делало в глазах исландцев свою национальную историю менее значимой. Видимо, этим можно объяснить факт появления в письменной традиции многочисленных случаев использования *совмещенных датировок* событий. Обычно они представляют собой двойные датировки, одна из которых характеризует связь данного события со всемирной историей, другая — с историей локальной. Принципиальная возможность одновременного использования исторических вех для определения конкретной даты была показана Ари Мудрым, который, например, рассказывая о смерти Олава Трюггвасона, пишет:

«И конунг Олав Трюггвасон погиб в то же лето, как свидетельствует священник Сэмунд. Тогда он сражался против Свейна Харальдссона, конунга данов, и Олава Шведского, сына Эйрика, конунга свеев из Упсалы, и Эрика Хаконарссона, который впоследствии стал ярлом Норвегии. *Это было 130 зим после убийства Эдмунда и 1000 [зим] после рождения Христа по всеобщему летосчислению*»⁴⁶.

Этому принципу, многократно примененному Ари Мудрым в «Книге об исландцах»⁴⁷, следовали авторы саг, комбинируя в своих

⁴⁶ «En Olaftr Tryggvason fell it sama sumar at sögu Sæmundar prests. Þá barðisk hann við Svein Haraldsson Danakonung ok Olaf inn sænska Eiríks son at Uppsölum Svíakonungs, ok Eirík, er síðan var jarl at Norvegi, Hákonarson. Þat var cxxx vetra eptir dráp Eadmundar, en m epter burð Krists at alþýðu tali». — *Ari Thorgilsson. The Book of the Icelanders* (Íslendingabók). Bls. 54. Примеры такого рода у Ари многочисленны. См.: Bls. 50, 54, 55, 57 и др.

⁴⁷ Например, в рассказе о заселении Исландии, с которого начинается «Книга об исландцах» (*Ari Thorgilsson. The Book of the Icelanders. Bls. 48*).

датировках опорные события скандинавской и всемирной истории⁴⁸. Древнеисландские саги позволяют проследить, как событие локальной истории начинает восприниматься и использоваться в качестве временного ориентира. Такой материал, как представляется, дает древнеисландская «Сага о гренландцах», которая, наряду с «Сагой об Эйрике Рыжем», составляет так называемые «Саги о Винланде», повествующие об освоении исландцами Северной Америки в конце X в.

Под 986 г. исландские анналы фиксируют факт, имевший большое значение для судеб многих жителей северного острова: «Эйрик Рыжий заселил Гренландию»⁴⁹. Однако, согласно общему мнению исследователей, эта дата — как и многие другие в анналах — условна, поскольку значительная часть статей исландских анналов написана на основе сообщений саг, выстроенных по хронологическому принципу. Та же информация, включенная в «Сагу о гренландцах», созданную веком раньше⁵⁰, облечена в иную форму, свойственную саговому повествованию, в котором время не имеет точной датировки, а исчисляется относительно какого-либо знаменательного исторического события. В отличие от анналиста, вводящего свое сообщение в погодную статью, автор саги использует другие средства для счисления времени, и он говорит о времени отъезда Эйрика Рыжего в Гренландию, прибегая к описательной конструкции:

«Сведущие люди говорят, что в то лето, когда Эйрик переселился в Гренландию, двадцать пять кораблей отправились туда из Широкого и Городищенского Фьордов, но доплыли только четырнадцать. Некоторые отнесло назад, некоторые погибли в море. *Это было за пятнадцать зим*

⁴⁸ Так, например, аналогичный случай в «Саге об Ингваре Путешественнике». — Глазырина Г.В. Сага об Ингваре Путешественнике. С. 30 («А тогда, когда умер Ингвар, прошло от рождения Иисуса Христа mxi и одна зима. Тогда было ему двадцать пять лет, когда он умер. Это было через девять лет после смерти святого конунга Олава Харальдссона»).

⁴⁹ *Íslandske Annaler indtil 1578 / Udg. Ved Gustav Storm. Christiania, 1888. Bls. 104 (Annales regii). В большинстве анналов приводится более краткая формулировка: «Заселение Гренландии» — Bls. 16 (Annales Reseniani), 48 (Annales vetussimi), 178 (Skálholts-Annaler), 249 (Lögmans-annáll), 315 (Gottskalks Annaler). Развернутое сообщение содержится в Oddveria Annall, Bls. 463: «Тогда уехал Эйрик Рыжий в Гренландию и заселил Эйриков Фьорд».*

⁵⁰ «Сага о гренландцах» («Grœnlendinga saga») была создана, по-видимому, в конце XII в. и основана на устных сказаниях, бытовавших на севере Исландии. Сага сохранилась в рукописи «Книга с Плоского Острова» («Flateyjarbók»), написанной около 1387 г. См.: *Wahlgren E. Vinland Sagas // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia. P. 704–705.*

до того, как христианство стало законом в Исландии. В то самое лето епископ Фридрек и Торвальд, сын Кодрана, уехали из Исландии»⁵¹.

Первая фраза «*Это было за ... зим до того, как христианство стало законом в Исландии*» является стандартной конструкцией, которая использовалась в тех случаях, когда речь шла о событиях, происходивших в самой Исландии; она является примером **соотнесения событий между собой для установления их времени**. Во фразе содержится один из наиболее распространенных временных ориентиров — упоминание о годе введения христианства. (В тех же случаях, когда действие переносилось за пределы острова, временным ориентиром, занимавшим первое место в двойных датировках, обычно был счет лет от Рождества Христова.) Принятое в 1000 г. на альтингге решение о том, что все жители страны должны принять христианство, фактически разделило историю страны на два периода. Все события, предшествовавшие этому историческому решению, стали восприниматься как произошедшие в дохристианское, т.е. языческое время. С 1000 года начался отсчет иной истории страны, связанной с ее новым положением как одного из христианских государств. Многочисленность ситуаций, когда в сагах проводится **соотнесение событий со временем введения в Исландии христианства**, позволяет, на наш взгляд, выделить этот способ хронологизации в качестве самостоятельного, вне связи с другими случаями соотнесения с отдельно взятым событием.

Жители острова в тот момент едва ли могли оценить значение этого факта в исторической перспективе: «большая» история воспринималась ими через призму истории «малой» — восприятие истории страны через историю своего рода и своей семьи⁵². Главным в их восприятии было не изменившееся положение страны, а начало нового этапа истории своего рода. Для потомков те родственники, которые жили и умерли во времена, предшествовавшие знаменитому альтинггу, навсегда остались язычниками. Остальные же воспринимались как христиане — с поправкой на то, что и

⁵¹ Сага о гренландцах // Исландские саги. Т. I. С. 454. Перевод М.И. Стеблин-Каменского. («Svá segja fróðir menn, at á því sama sumri, er Eiríkr rauði fór at byggja Grænland, þá fór hálfir þriði tógr skipa ór Breiðafirði ok Borgarfirði, en fjórtán kómusk út þangat; sum rak aprt, en sum týndusk. Þat var fimmtán vetrum fyrr en kristni var lögtekin á Íslandi. Á því sama sumri fóru útan Friðrekr byskup ok Þorvaldr Koðránsson». — Grœnlendinga saga / Íslenzk fornrit. Reykjavík, 1935 (Reprint: 1985). B. IV. Bls. 243).

⁵² Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С. 109.

в тот и в другой период не обходилось без исключений. Таким образом, первый временной ориентир, составляющий в «Саге о гренландцах» двойную датировку времени переселения Эйрика Рыжего в Гренландию, прежде всего, подчеркивал, что речь идет о том времени, когда большинство жителей Исландии были язычниками.

Однако автор «Саги о гренландцах» не считал возможным ограничиться лишь обратным отсчетом от даты принятия в стране христианства. Он ссылается еще на одно событие, которым тот год, когда Эйрик навсегда переселился в Гренландию, запомнился его соотечественникам: «*В то самое лето епископ Фридрек и Торвальд, сын Кодрана, уехали из Исландии*». Эта фраза отсылает читателя к «христианскому» эпизоду в языческий период истории страны, который подробно описан в «Саге о крещении»⁵³ и «Пряди о Торвальде Путешественнике»⁵⁴. Он связан с ранней попыткой проповеди христианства, предпринятой в 981–986 гг. саксонским епископом Фридрекком, содействие которому оказывал исландец Торвальд Кодранссон, сам незадолго до того ставший христианином. В сагах об исландцах этот факт неоднократно использован в качестве самостоятельного временного ориентира. Так, например, со ссылки на него начинается рассказ в одной из глав в «Саге о людях из Озерной Долины»:

«Примерно в это время в страну приехали епископ Фридрек и Торвальд Кодранссон, который был прозван Путешественником»⁵⁵.

События, описанные далее, происходили в то время, когда Фридрек и Торвальд находились в Исландии и пытались объяснить людям суть новой религии. Для автора «Саги о людях из Озерной Долины» важно было показать, что действие в ней началось одновременно с приездом Фридрека и Торвальда и происходило в период их пребывания в Исландии.

⁵³ Kristni saga // Biskupa sögur / Útg. Sigurgeir Steingrímsson, Ólafur Halldórsson, P. Foote. Reykjavík, 2003. B. I. H. 2. Bls. 3–13.

⁵⁴ Þorvalds þáttur víðförla // Óláfs saga Tryggvasonar en mesta / Ólafur Halldórsson. København, 1958. B. I (Editiones Arnarnagæaenæ. Series A. Vol. 1). Bls. 280–300. Новейшее издание «Пряди о Торвальде Путешественнике» в нормализованной орфографии по разным редакциям: Biskupa sögur. Bls. 49–89.

⁵⁵ «Nærri þessum tíma kom út Friðrekr byskup ok Þorvaldr Koðránsón, er kallaðr var inn víðförli». — Vatnsdæla saga // Íslensk fornrit. Reykjavík, 1939 (Reprint: 1958). B. VIII. Bls. 124.

Автор «Саги о Греттире» не просто соотносит события, но включает в свое повествование более пространное описание того, чем запомнилось в Исландии именно это время:

«Все это происходило уже после того, как в Исландию приехал Фридрек епископ и Торвальд, сын Кодрана. Они в то время жили у Слияния Ручьев. Они первыми проповедовали христианство на севере страны. Торкель принял неполное крещение, а с ним и многие другие. Много всего было между епископом и людьми с севера, о чем не рассказывается в этой саге»⁵⁶.

Автор «Пряди о Свади и Арноре Старушечьем Носе», напротив, помнит отъезд этих двух персонажей из страны:

«Спустя некоторое время после отъезда епископа Фридрека и Торвальда Кодранссона в Исландии случился такой великий голод, что многие люди умерли»⁵⁷.

Среди фактов «языческого» периода истории страны, по-видимому, было немало таких, которые помнились и могли бы служить временным ориентиром. Тем не менее, авторы-христиане, записывавшие саги, соотносили время в своих рассказах с тем, что им самим казалось наиболее важным — с попыткой — пусть неудавшейся — крещения жителей Исландии в 80-х гг. X в.

Из двух временных ориентиров, использованных в «Саге о гренландцах», которыми являются ссылка на время введения христианства на альтинге Исландии и упоминание о пребывании в стране епископа Фридрека и Торвальда, второй, скорее всего, принадлежит локальной устной традиции. Только так можно объяснить тот факт, что во всех редакциях исландских анналов, созданных в период с конца XIII по XVI в., попытка христианского просвещения связывается только с именем Фридрека⁵⁸. Имя Торвальда, хорошо известное авторам саг, в них не упоминается. Его не знают также

⁵⁶ Saga о Греттире // Исландские саги. Т. I. С. 591. Перевод О.А. Смирницкой. («Þetta var eptir útkvámu Friðreks byskups ok þeira Þorvalds Koðránssonar; þeir bjuggu þá at Lækjamóti, er þetta var. Þeir boðuðu kristni fyrst fyrir norðan land; lét Þorkell prímsignask ok margir menn með honum. Mart bar til tíðenda um sameign þeira byskups ok Norðlendinga, þat er ekki kemr við þessa sögu». — Grettis saga / Guðni Jónsson // Íslenzk fornrit. Reykjavík, 1936. B. VIII. Bls. 35.)

⁵⁷ «Nökkuru eftir útanför Friðreks byskups ok Þorvalds Koðránssonar gerðist á Íslandi svá mikit hallæri, at fjölöi manns dó af sulti». — Svada þátr ok Arnórs Kerlingarnefs // Íslendinga sögur / Guðni Jónsson. Reykjavík, 1947. B. VIII. Bls. 22.

⁵⁸ О приезде Фридрека в Исландию: *Islandske Annaler*. Bls. 16 (*Annales Reseniani*), 48 (*Annales vetustissimi*), 104 (*Annales regii*), 178 (*Skálholts-Annaler*), 249 (*Lögmanns-annáll*), 315 (*Gottskalks Annaler*), 463 (*Oddveria Annal*); об отъезде из страны: Bls. 104 (*Annales regii*).

ранние редакции «Книги о занятии земли», и оно появляется лишь в XIV в.⁵⁹, как можно полагать, под влиянием устной традиции, бытовавшей на севере страны⁶⁰.

Двойная датировка в рассказе об отъезде Эйрика Рыжего из Исландии, которая приводится в «Саге о гренландцах», отнюдь не была избыточной. Для понимания сюжета саги недостаточно было соотнести рассказ лишь с «официально» значимым фактом истории страны, каким являлось принятие христианства. Простое отнесение повествования в «дохристианское» время могло бы вызвать недоумение слушателей, поскольку в сюжет произведения входит значительное число эпизодов, рассказывающих о том, что многие переселенцы, следовавшие за Эйриком через Атлантику, были христианами. Логика сюжета подсказывает, что они приняли крещение еще до отъезда из страны, возможно, именно благодаря усилиям епископа Фридрека. О важности христианской темы свидетельствует включение в сагу рассказа о «правильных» похоронах погибших от голода исландцев. Об этом же говорят и проходящие рефреном в тексте саги замечания автора, регулярно напоминающего читателю о меняющемся статусе христианской веры в Гренландии:

«Эйрик Рыжий жил на Крутом Склоне. Его очень уважали, и все ему подчинялись. У Эйрика было три сына — Лейв, Торвальд и Торстейн, а дочь его звали Фрейдис. Она была замужем за человеком по имени Торвард, и жили они в Дворах, где теперь живет епископ. Она была властная женщина, а он — тихоня. Она была отдана за него больше ради денег. *В то время в Гренландии все были язычниками.* Бьярни приехал на своем корабле в Пески летом того самого года, когда его отец уехал весной из Исландии...»⁶¹.

В рассказе о смерти Торвальда:

«Торвальд спросил у своих людей, есть ли среди них раненые. Они ответили, что нет.

⁵⁹ Landnámabók I–III. Hauksbók. Sturlubók. Melabók / Udg. av Finnur Jónsson. København, 1900. Bls. 273.

⁶⁰ См.: Глазырина Г.В. О генеалогии исландца Торвальда, странствовавшего на Русь в X веке // ДГ. 2002 г. М., 2004. С. 78–94.

⁶¹ Saga о гренландцах. С. 455. («Þessi váru börn Eiríks: Leifr, Þorvaldr ok Þorsteinn, en Freydís hét dóttir hans; hon var gipt þeim manni, er Þorvarðr hét, ok bjuggu þau í Gørdum, þar sem nú er byskupsstóll. Hon var svari mikill, en Þorvarðr var lítilmenni; var hon mjök gefin til fjár. *Heiðit var fólk á Grœnlandi í þann tíma. Þat sama sumar kom Bjarni skipi sínu á Eyrar, er faðir hans hafði brott siglt um várit.*» — Grœnlendinga saga. Bls. 245–246.)

— Меня ранило под мышку, — говорит Торвальд. — Стрела пролетела между бортом и моим щитом и попала мне под мышку. Вот эта стрела. Она принесет мне смерть. Советую вам поскорее ехать назад. А меня отнесите на тот мыс, где мне так хотелось поселиться. Возможно, я невольно сказал правду, говоря, что поселись там. Похороните меня там, поставьте крест в головах и в ногах, и пусть это место называется Крестовый Мыс.

Гренландия уже была крещена в это время, но Эйрик Рыжий умер до христианства.

Торвальд умер, и его люди сделали все, как он просил. Затем они поехали назад, и встретили остальных, и рассказали друг другу все, что с ними случилось»⁶².

Иногда указание на статус христианской веры кажется привнесенным позднее, поскольку явно не вписывается в рассказ:

«Торстейн, сын Эйрика, стремился поехать в Виноградную Страну за телом своего брата Торвальда. Он снарядил тот же самый корабль и подобрал себе самых сильных и рослых людей. С ним поехали двадцать пять человек и еще его жена Гудрид. [Они приплыли в Гренландию, подыскали жилье своим людям, но себе с женой Торстейн ничего не нашел.] Так они оставались вдвоем на корабле несколько ночей.

В то время христианство было еще молодым в Гренландии.

Однажды рано утром к их палатке подошли люди, и предводитель этих людей спросил, кто в палатке...»⁶³.

Обратим внимание на то, что замечания автора саги о том, насколько крепко укоренилось христианство в Гренландии, не всегда

⁶² Cara о гренландцах. С. 463. («Þá spurði Þorvaldr menn sína, ef þeir væri nokkut sárir; þeir kváðusk eigi sárir vera. “Ek hefi fengit sár undir hendi,” segir hann, “ok fló ǫr milli skipborðsins ok skjaldarins undir hönd mér, ok er hér ǫrin, en mik mun þetta til bana leiða. Nú ræð ek, at þér búið ferð yðra sem fjótast apr á leið, en þér skuluð föra mik á höfða þann, er mér þótti byggiligast vera; má þat vera, at mér hafi satt á munn komit, at ek muni þar búa á um stund; þar skulu þér mik grafa ok setja krossa at höfði mér ok at fótum, ok kallið þat Krossanes jafnan síðan”. — *Grænland var þá kristnat, en þó andaðisk Eiríkr rauði fyrir kristni.* — Nú andaðisk Þorvaldr, en þeir gerðu allt eptir því, sem hann hafði mælt, ok fóru síðan ok hittu þar fǫrunauta sína, ok sǫgðu hvárir ǫðrum slík tíðendi, sem vissu...»). — *Grœnlendinga saga*. Bls. 256–257.)

⁶³ Cara о гренландцах. С. 463. («Nú fýstisk Þorsteinn Eiríksson at fara til Vínlands eptir líki Þorvalds, bróður síns, ok bjó skip it sama ok valði hann lið at affi ok vexti ok hafði með sér hálfan þriðja tög manna ok Guðríði, konu sína... Nú váru þau eptir at skipi tvau nokkurar nætr. Þá var enn ung kristni á Grænlandi. Þat var einn dag, at menn kómu at tjaldi þeira snimma; sá spurði, er fyrir þeim var, hvat manna væri í tjaldinu». — *Grœnlendinga saga*. Bls. 257–258.)

прямо увязаны с сюжетной линией. Зачастую создается впечатление, что эти фразы — позднейшие вставки в более ранний текст. Однако, даже если эти замечания принадлежат позднему редактору саги и не входили в традиционный текст, передававшийся изустно, они подчеркивают то значение, которое эта тема представляла для современников⁶⁴.

В «Саге о гренландцах» двойные временные ориентиры ограничивают хронологические рамки сюжета и подчеркивают значение присутствующего в изложении христианского мотива. При отсылке только к языческому периоду истории Исландии, автор не имел возможности убедительно рассказать о ранних исландцах-христианах. Выбор второго события и упоминание об отъезде из страны миссионеров облегчили ему эту задачу.

* * *

Традиционная культура Исландии располагала целым рядом способов хронологизации времени. На основании анализа саг можно говорить о том, что в них отразились, по меньшей мере, следующие хронологические принципы:

- 1) сезонное время;
- 2) соотнесение событий между собой как для установления последовательности событий, так и для их точной датировки;
- 3) генеалогическое время;
- 4) счет «по правлениям» — сначала по срокам нахождения у власти конунгов, затем этот же принцип породил варианты счета по пребыванию в должности законоговорителя на альтинге, а с приходом христианства он был распространен на представителей церкви (время пребывания на епископской кафедре).

После 1000 г. хронологическая система Исландии расширилась и пополнилась новыми принципами:

- 5) она восприняла счет от Рождества Христова;
- 6) определился принцип датирования событий «до» и «после» принятия христианства в Исландии.

⁶⁴ Особое место в раскрытии этой темы занимает повествование о судьбе христианки Гудрид, дочери Торбьёрна, которая переселилась в Гренландию вместе со своими родителями, родила там сына — первого европейца, появившегося на свет на этой земле, а потом уехала на родину и по прошествии нескольких лет отправилась в паломничество в Рим. Вернувшись в Исландию, она построила церковь, уединилась и была благочестивой затворницей до конца своих дней. В числе потомков Гудрид были первые исландские епископы. См.: Сага о гренландцах. С. 472.

В результате возникла система совмещения датировок, при которой соплагались события всемирного и локального значения. Использование комплексного подхода к счислению времени в древнеисландских текстах, как мы пытались показать, было обусловлено, в первую очередь, особенностями национального взгляда исландцев на историю. Осознавая важность присоединения их страны к широкому миру христианских стран, исландцы ценили и берегли собственную культурную идентичность и стремились найти на хронологической шкале достойное место для событий своей локальной истории.

III. Пространственно-временные представления средневекового автора

В.Я. Петрухин

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ КИЕВСКОЙ ЛЕГЕНДЫ

Один из заглавных вопросов ПВЛ (в лаврентьевской редакции) как бы разрывает вопрошание о начале Русской земли — «откуда есть пошла Руская земля» и «откуда Руская земля стала есть». Ответ на вопросы о Русской земле содержится в тексте, непосредственно следующем за «вопрошанием», — рассказом о разделении земли между сыновьями Ноя, основанном на Хронографе по великому изложению и Хронике Амартола. Русь «пошла» в Иафетовой части от заморских варягов, и «стала есть» в Восточной Европе среди народов — чудских и балтских данников Руси, как государство.

Ответ же на вопрос о первом киевском князе содержится в ином летописном «дискурсе»: повествовании о расселении словен от Дуная «по мнозех времях» после разделения языков. Сам этот текст осложнен разнообразными вставками, в том числе глоссой о пути из варяг в греки, разрывающей повествование о полянах, живущих на днепровских горах. По сути, подобной глоссой является и комментарий летописца о княжеском достоинстве Кия. После изложения топонимической легенды о горах, прозванных в память о Щеке и Хориве, и об основании ими города, поименованного в честь старшего брата Кия, летописец вступает в полемику с топонимическим преданием, по которому Кий был «перевозником» с «оной стороны Днепра». Он приводит иное предание, согласно которому Кий «княжаше в роде своем» и «ходил к Царюгороду», где принял великую честь «от царя». В Лаврентьевском списке текст об этом царе явно сокращен — в Ипатьевской и Радзивилловской летописях сохранилось признание летописца о том, что этот цесарь — неведомый, «не свемы»¹. Главным доводом в пользу достоверности этого «княжеского» предания оказывается опять-таки топонимика: Кий пожелал после встречи с неведомым царем остановиться на Дунае, где срубил «градок мал», «и не даша ему ту близь живу-

¹ Ср.: ПВЛ. С. 10, 390; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 8; ПСРЛ. Т. 38. С. 13.

шии», но «дунайцы» и доныне зовут это «городище Киевецъ». Кию пришлось возвращаться в свой град на Днестре, где он и кончил свою жизнь вместе с братьями.

«И по сих братьи, — продолжает летописец, — держати почаша род их княжене в полях, а в деревлях свое» и т.д. о племенных княжениях у славян. Эти события приурочиваются к дохазарскому периоду славянской истории. Ибо, продолжает летописец после вставок о славянских княжениях, вторжении болгар на Дунай, обычаях славян и прочих языков, поляне «по смерти брате сея быша обидимы древлями и инеми околними. И наидоша я козаре, сидящая на горах сих в лесех, и реша козари: “Платите нам дань”».

Ремарка о полянах, «обидимых» традиционными супостатами Киева, древлянами в Правобережье Днестра, существенна, во-первых, для понимания того, почему «левобережным» хазарам удалось подчинить себе полян, а во-вторых, для уяснения того, почему в фольклоре Кий предстает перевозчиком. И на Дунае славяне оказывали тюркам-кочевникам такие услуги, поставляя для них лодки. Территория же Киева действительно в VIII в. представляла собой анклав левобережной волынцевской культуры, развивавшейся под очевидным хазарским влиянием.

Летописца, однако, интересовали не эти исторические обстоятельства. Далее он приводит рассказ о полянской дани мечами, завершающий космографическое введение к ПВЛ: властители оказались сами рабами, так как «володеють бо козары руський князи и до сего дни»². Космографическое введение продолжается датированной частью летописи, повествующей о начале Русской земли.

Со времен Шахматова признается, что тексты преданий о Киеве и трех братьях относятся к древнейшим пластам русского летописания. В первую очередь это явствует из Новгородской первой летописи (НПЛ), отражающей — вместе с ПВЛ — более ранний Начальный свод. Однако новгородская редакция преданий о Кие существовавшим образом отличается от редакции ПВЛ — в ней отсутствует рассказ о княжеском достоинстве Кия, истекающего из «факта» его похода на Царьград. Можно было бы предположить, что этот мотив был сознательно изъят новгородцем, который заявлял во вступлении, что расскажет о том, как «преже» была Новгородская волость, и потом Киевская — ведь именно в Новгород были призваны первые — варяжские — князья. Правда, принятие

² ПВЛ. С. 12.

этого довода осложняется последующим пассажем, где говорится о том, что Киев был назван в честь «великого князя», как Рим в честь «Рима» и т.д. Это введение, однако, было составлено не ранее XIII в., так как (в полном соответствии с композицией) НПЛ обещает довести изложение до Алексея (Алексы) и Исаака Ангелов.

Очевидно, что новгородец сокращал текст ПВЛ, ибо и в легенде о призвании варягов он предпослал анахроничное введение, относя призвания ко «временам» Кия, Щека и Хорива, хотя сам же перед этим рассказал о хазарской дани с полян, которую те собирали по смерти братьев. Однако не менее очевидно, что и в ПВЛ рассказ об основании Киева, смерти братьев и нашествии хазар был «распространен» вставками: вставной характер носит, как мы уже предполагали, и полемика летописца о княжеском достоинстве Кия.

Зачем летописцу понадобился этот рассказ? Конечно, можно предположить, что основанием для него были сведения о городище Киевец на Дунае: составителю ПВЛ было известно, что распорядиться городами на Дунае мог лишь «царь» или «великий князь», как это произошло при Мономахе (ПВЛ под 1116 г.)³. То, что топонимика оказывалась основой исторической памяти и историографических конструкций, приходило в голову и Б.А. Рыбакову: «Может возникнуть мысль, что весь рассказ Нестора о Кие (или по крайней мере та его часть, которая повествует о Киевце) навеян наличием созвучного города на Дунае»⁴. Но эту мысль Рыбаков от себя отогнал, оставшись сторонником «исторической школы», напрямую усматривающей за каждым книжным сюжетом исторические или археологические «реалии».

Летописец говорит о княжении «рода» легендарных братьев у полян, не помяная, однако, никаких князей в эпизоде, связанном с хазарской данью — по смерти братьев поляне были обижены соседями.

Последнее свидетельство неслучайно, ибо та же ПВЛ, рассказывая о походе Аскольда и Дира, именуемых боярами призванного в Новгород Рюрика, свидетельствует, что на вопрос варягов: «Чей се градок?», поляне ответили: «Была суть 3 братья, Кий, Щек, Хорив, иже сделаша градоко съ, и изгибоша, и мы седим, *род их*, платяче дань козаром» (Курсив мой. — В.П.)⁵. Аскольд и Дир остались в

³ Ср.: *Алешковский М.Х.* Повесть временных лет. М., 1971. С. 43–44.

⁴ *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 30–31.

⁵ ПВЛ. С. 13.

этом «выморочном» городе и «начаста владети польскою землею» как князья.

Далее происходит известная коллизия, «легитимистские» основания которой очевидны в ПВЛ и неясны в НПЛ: законные наследники Рюрика Олег и Игорь (или один Игорь — в НПЛ) являются из Новгорода в Киев и убивают Аскольда и Дира как узурпаторов, не принадлежащих княжескому роду. Стремление усмотреть вторичность текста ПВЛ по отношению к тексту НПЛ, якобы в большей мере отражающему некий Начальный свод, безосновательны по той причине, что оба эти текста «вторичны». Так, фраза НПЛ — «рече Игорь ко Асколду: “вы неста князя, ни роду княжа, нь аз есмь князь, и мне достоить княжити”» — свидетельствует не о том, что в первоначальном тексте один Игорь противостоял одному Асколду, а о том, что новгородец переиначил текст, известный по ПВЛ, где Олег, как представитель княжеского рода, обращается к двум узурпаторам: об этом свидетельствует двойственное число — «вы неста князя»⁶.

Историческая же реальность — точнее, реалии — являет себя там, где она подлежит «коллективной проверке»: это традиционная для ранних летописных текстов этиологическая концовка, призванная подтвердить достоверность описываемых событий (вспомним о городище Киевец и о самих киевских урочищах). «И убиша Асколда и Дира... и погребоша и на горе, еже ся ныне зоветь Угорьское,

⁶ НПЛ. С. 107. Такому разведению судеб Олега в новгородской и киевской версии, равно как судеб Новгорода и Киева, видимо, способствовала и информация о могиле Олега, которая, согласно, НПЛ, находилась в Ладоге (киевские летописцы знали эту могилу у горы Щекавица: см. *Петрухин. В.Я.* Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и русский княжеский род // ДГ. 1998 г. Памяти члена-корреспондента РАН Анатолия Петровича Новосельцева. М., 2000. С. 222–229). Текст НПЛ о смерти Олега явно представляет собой неудачное сокращение текста ПВЛ, ибо фраза о возвращении Олега из похода на греков (заимствованная из ПВЛ): «И прозваша Олга вещи; и бяху люди погани и невегласи» (НПЛ. С. 109) лишена смысла — новгородцем исключен текст о смерти от коня, а ведь именно он был призван разоблачить невежественность почитателей Олега. Неясно, насколько основательной была традиция о могиле Олега в Ладоге: позднее приурочение этого названия к одной из ладожских сопкок вторично — скандинавы не хоронили в словенских сопках. Впрочем, для фольклорной традиции можно предполагать варианты преданий с разными локализациями могилы одного и того же героя или несколько могил, приписываемых одному и тому же лицу (ср.: *Ловмянский Х.* Русь и норманны. М., 1985. С. 143, и книжный сюжет о могилах Хальвдана в «Круге земном»: *Сноппи Стурлусон.* Круг земной. М., 1980. С. 42). Тем не менее, известие о могиле Олега в Ладоге давало новгородскому летописцу основания для создания собственной версии истории Олега.

где ныне Ольмин двор; на той могиле поставил Ольма церковь святого Николу; а Дирова могила за святою Ориною»⁷. Могилы Аскольда и Дира, в отличие от могил легендарных Кия, Щека и Хорива, были хорошо известны в Киеве, во всяком случае, еще в эпоху составления Начального свода. Очевидно, что поляне и «кыяне», не принимавшие участия в призвании варяжских князей по новгородскому «ряду», помнили о курганах Аскольда и Дира, как о могилах своих князей — для бесписьменного периода характерна такая фольклорная память.

Значение этих данных не было оценено, в частности, в текстологических штудиях А.А. Шахматова: исследователь исключил из своей реконструкции Древнейшего киевского свода упоминание конкретных «адресов» этих киевских урочищ — Аскольдовой и Дировой могил⁸. Между тем именно информация, которую содержала историческая память о княжеских могилах, позволяет понять те проблемы, с которыми столкнулись первые русские летописцы при воссоздании самого темного периода начальной русской истории, периода вокняжения первых князей. Фольклорная «генеалогическая» память материализовалась, воплощалась в топонимии, в урочищах. Наследники Олега должны были передать летописцам легенду о призвании варягов — легитимных князей во главе с Рюриком, но в эпоху составления первых сводов в Киеве еще помнили о курганах Аскольда и Дира — урочищах, где они располагались (недаром НПЛ и ПВЛ приводит их точные координаты), и киевляне знали, что то были могилы древних князей⁹.

Кем бы ни были Аскольд и Дир — варяжскими князьями, обосновавшимися на Среднем Днепре до призвания Рюрика, или боярами новгородского князя, киевским князьям и киевскому летописцу (НПЛ вообще не интересовало происхождение Аскольда и Дира) важно было продемонстрировать легитимность правления династии Рюриковичей в Киеве. Для этого необходимо было превратить фольклорную фигуру основателя города — Кия — в первого князя, не оставившего наследников, и поместить рассказ о нем в предысторическую хронографическую часть летописи.

В новгородской версии киевская легенда связана не с дунайской прародиной славян, рассказ о которой был изъят вместе с кос-

⁷ ПВЛ. С. 14.

⁸ Ср.: Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1. С. 362.

⁹ Ср.: Ловмянский Х. Русь и норманны. С. 143.

мографическим введением, а со временем призвания варягов — т.е. с началом истории Новгорода, ибо «Новгородская волость» была прежде киевской, как сказано во введении к НПЛ. Отсюда несообразность и сбивчивость первой статьи НПЛ (6362 г.): глава «Начало русской земли» предваряет там киевскую легенду о братьях Кие, Щеке и Хориве, где о Русской земле ничего не говорится, сама же легенда вводится лишней смыслом библейской фразой «живяху кождо родом своим» и т.д., вырванной из контекста космографического введения; поход Руси на Царьград никак не увязывается ни с Киевом, ни с Аскольдом и Диром, хотя и разрывает рассказ о киевской предыстории — предшествует повествованию о смерти Кия и хазарской дани с полян¹⁰ (рассказ о походе руси заимствован из Хронографа по Великому изложению). М.Н. Тихомиров¹¹ специально обратил внимание на несообразность в этой вставке: поход руси отнесен ко времени Михаила III и его матери Ирины, в то время как матерью императора была Феодора, которая действительно возвестила «поклоняние иконам», о чем сообщает НПЛ. Тихомиров предположил, что имя Михаила появилось во вставке в результате работы компилятора, первоначально же речь шла об Ирине (видимо, матери Константина VI, также императрице иконопочитательнице, но правившей после 780 г.); это предположение Тихомиров обосновывал не текстологически, а исходя из исторического, точнее — предысторического контекста киевской легенды: ведь Кий должен был править во времена начальной славянской истории, в эпоху расселения с Дуная, в новгородской же редакции получалось, что он жил во времена призвания варягов. Если так, то новгородский «компилятор» действительно в своей конструкции ориентировался на киевскую легенду ПВЛ, повествующую о древнем князе Кие, и сама конструкция не может относиться к гипотетическому Начальному своду.

Далее в НПЛ говорится о призвании в Новгород варяжских князей и, наконец, о Русской земле, что прозвалась «от варягов». Эта фраза из ПВЛ в новгородской летописи также лишена смысла, ибо русь включалась в число варяжских народов в изъятном новгородцем космографическом введении. Текст НПЛ об Аскольде и Дире очевидно отсылает к тексту ПВЛ, где Аскольд и Дир «придоста» в Киев из Новгорода по пути из варяг в греки. Но новгородцу

¹⁰ Ср.: *Шахматов А.А.* История русского летописания. С. 83–84; *Творогов О.В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 71.

¹¹ *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 52–53.

требовалось развести новгородскую и киевскую историю, о чем он заявлял во введении к летописи, противопоставляя Новгородскую волость Киевской. Этот текст НПЛ не раз использовали сторонники исконной династии «Киевичей», к которой приписывали Аскольда и Дира (начиная с Яна Длугоша).

При этом в хронологической статье о начале Русской земли «от Адама» — первой погодной статье ПВЛ (852 г.) — первым «историческим» киевским князем назван, естественно, не Кий, а Олег. Могилы же Аскольда и Дира ставили перед киевским летописцем сложную проблему первенства князей¹². Очевидно, что киевские урочища заставили составителя ПВЛ сконструировать книжный сюжет о доисторическом (дорусском) походе на Царьград и изобразить Кия первым князем — основателем города, в соответствии с традициями средневековой этимологии (используя информацию о Киевце на Дунае и название самого Киева). Сходным образом существование урочища Угорского под Киевом позволило летописцу увязать продвижение венгров в Паннонию с эпохой Олега.

Не могилы князей, а название Киева и киевских горок — Хоревыцы и Щекавыцы стали основой для реконструкции имен трех киевских братьев, обычная для средневековых хроник этимологическая традиция¹³. В явном виде они содержатся в не раз упомянутом введении к НПЛ: «якоже древле царь Рим, назвася и во имя его город Рим... тако ж и в нашей стране зван бысть град великим князем во имя Кия, его же нарицают тако перевозника бывша». Для дискуссии о времени составления этого введения¹⁴ существенно, что полемическая формулировка НПЛ явно отсылает к легенде о княжеском достоинстве Кия в ПВЛ, ибо новгородская летопись такой информации не содержит. Кроме того, наименование Кия «великим князем» связано с традицией «удельного периода», когда формализуется этот титул. Князь Кий нужен был составителю ПВЛ для легитимизации княжения Олега и Игоря, убийц Аскольда и Дира.

* * *

В зачине «Задонщины», повести о Куликовской битве, написанной вскоре после знаменитого Мамаева побоища 1380 г., вели-

¹² Ср.: Там же. С. 51–52.

¹³ *Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.

¹⁴ Ср.: *Гунтус А.А.* Два начала начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер. К 60-летию В.М. Живова. М., 2006. С. 56–96.

кий князь Московский Дмитрий обращается к своему брату, князю Владимиру Андреевичу: «Пойдем, брате, тамо в полунощную страну — жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися *русь православная* (курсив мой. — В.П.). Взыдем на горы Киевския и посмотрим славного Непра и посмотрим по всей земле Руской. И оттоле на восточную страну — жребий Симова, сына Ноева, от него же родися хиновя — поганые татаровя, бусормановя. Те бо на реке на Каяле одолеша род Афетов. И оттоля Руская земля седит невесела; а от Калатьския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрываша...»¹⁵.

Киев давно перестал быть столицей некогда единого Древнерусского государства, не существовало и политического единства древнерусских земель, разделенных между Ордой и Литвой, и все же Киев оставался центром мира в русской средневековой культуре.

Средневековая культура основывалась на традиции, и «Задонщина» следовала Начальной летописи — Повести временных лет: события на Руси — средоточие всемирной истории, где сходятся судьбы — «жребии» — потомков сыновей Ноя. Жребий Иафета, от которого произошла *Русь*, автор Задонщины вслед за Нестором помещает в полунощной — северной — стороне: таков традиционный библейский взгляд на мир (взгляд из Иерусалима); но историческим центром, откуда смотрят на этот мир герои «Задонщины», остаются Киевские горы. Реальный исторический рубеж, определяющий судьбы Руси — битва на Калке-Каяле, где татары именуются древним именем гуннов (*хиновя*). Легендарный Боян поет в «Задонщине» славу первым киевским князьям, Игорю Рюриковичу, Владимиру Святославичу и Ярославу Владимировичу — предкам Дмитрия Донского: пространство и история (включающая происхождение московского княжеского рода) сходятся в одном центре — Киеве, при том, что сам этот центр реально находился под властью Литвы.

Удивительно то, насколько при общем непонимании ценности и отсутствии живого интереса к памятникам древнерусской культуры в послепетровскую эпоху, сохранился этот взгляд в русской культуре нового времени. Через четыре с половиной столетия после «Задонщины» Н.В. Гоголь, не разделявший в своих произведениях малоросское — украинское — и собственно русское, так же видит

¹⁵ ПЛДР. XIV — середина XV в. Л., 1981. С. 96.

из Киева весь свет, как видел его Нестор-летописец. Сравним текст из «Страшной мести»:

«За Киевом показалось неслыханное чудо. Все паны и гетманы собирались дивиться сему чуду: вдруг стало видимо далеко во все концы света. Вдали засинел лиман, за лиманом разливалось Черное море. Бывалые люди узнали и Крым, горою подымавшийся из моря, и болотный Сиваш. По левую руку видна была земля Галичская. “А это что такое?” допрашивал собравшийся народ старых людей, указывая на далеко мерещившиеся в небе и больше похожие на облака серые и белые верхи. “То Карпатские горы!” говорили старые люди...»¹⁶.

Ю.М. Лотман в работе о пространстве у Гоголя писал в связи с этим пассажем о свойстве вогнутого волшебного пространства, периферия которого как бы поднимается, обнаруживая дальние дали перед наблюдателем, располагающимся в его центре¹⁷. Но и сам Киев расположен на горах, и чудо, открывающееся за Киевом взорам народа в «Страшной мести» в начале самой развязки — гибели колдуна — означает, что событие происходит в центре мира, откуда видно во все стороны света. Сторонний наблюдатель XVI в. — писавший по-латыни Михалон Литвин¹⁸ — приводит подлинное фольклорное свидетельство такого отношения к Киеву, «народную поговорку роксоланов» (характерное для польско-литовской позднесредневековой традиции наименование архаичным этнонимом *русских*, именуемых также рутенами, русинами и обитающих на землях, подвластных Речи Посполитой): с холмов крепости Киева «можно видеть многие другие места». Киевские горы, на которых, по летописной легенде, предрек славу будущему городу Андрей Первозванный, очевидно, в православном сознании (ср. *русь православную* «Задонщины») соотносились со Святыми горами: Святая земля — это место, возвышающееся над всем миром, в эту землю и библейский центр мира — Иерусалим — паломники совершают «восхождение».

В зачине поздней русской былины о монголо-татарском нашествии в Киеве также открывается зрителям «чудо чудное, диво дивное»: «душа красна девица» выходит из Божьей церкви и из городских

¹⁶ Гоголь Н.В. Страшная месть // Собр. соч.: В 8 т. М., 1984. Т. 1. С. 230.

¹⁷ Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988. С. 260–261.

¹⁸ Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 96. Фрагм. 9.

стен, спускается под «круту гору» по колени в синее море (!), кладет книгу на алтын-камень, читает ее и плачет о грядущей судьбе Киева, осажденного татарами. В былине объясняется, что красна девица — это сама «мати Божья — Богородица»; в других вариантах былины плачет «стена мать городовая». В.Я. Пропп возводил этот былинный мотив к образу Богородицы на апсиде Святой Софии Киевской (византийская мозаика XI в.) — «нерушимой стены» и Градодержницы¹⁹. Добавим, что синее море и алтын-камень также не случайны, ибо алтын или алатырь, «бел-горюч камень» русского фольклора, «всем камням отец», стоящий посреди моря-океана — это русский вариант пула земли, где происходят главные события, определяющие судьбы мира (и человека), где растет мировое древо, стоит престол Господень, пребывает сам Господь со святыми и апостолами. Совмещение «пула земли» и Киева, перемещение алатыря и моря к подножию Киевских гор — чудо русской былины, записанной на р. Мезени в начале XX в., и чудесное видение в повести Гоголя объединяются тем механизмом передачи или, точнее, удержания традиции, который ранее относили к сфере архетипического, в современной же науке принято именовать «ментальностью».

Конечно, этот архетип формировался исторически, прежде всего — в трудах и сознании древнерусских книжников и правящего Русской землей княжеского рода. Текст Начальной летописи, рассказывающий о жребиях сыновей Ноя, сходящихся на Руси, восходит к апокрифической Книге Юбилеев или Малому Бытию. Суть этого текста — в чрезвычайно актуальной для раннего летописания — и древнерусской истории — заповеди, данной в Книге трем братьям Симу, Хаму и Иафету — «не преступати никому же в жребий братень». Эта заповедь была повторена летописцем в связи с распрями трех сыновей Ярослава Мудрого, преступивших в 1072 г. завет отца, который разделил между ними Русскую землю и три города ранее неделимого княжеского домена в Среднем Поднепровье — Киев, Чернигов, Переяславль.

Киев должен был оставаться в руках старшего представителя княжеского рода — старшего брата, и это право подтверждала традиция — записанная Нестором киевская легенда, которая связывает само основание города со старшим братом.

Вопрос: «Кто в Киеве нача первее княжити», вводит первый собственно «исторический» сюжет русской истории, легенда об

¹⁹ *Пропт В.Я.* Русский героический эпос. М., 1958. С. 306.

основании Киева призвана ответить на один из заглавных вопросов летописи²⁰. При этом сама легенда помещена в лишенную летописных дат вводную — космографическую часть летописи, которая начинается повествованием о расселении потомков трех сыновей Ноя, среди них — славян, в том числе киевских полян, потомков Иафета, от Дуная. Космографическое введение к летописи насыщено легендарными мотивами, в том числе и очевидно фольклорного происхождения: к таковым относится общеславянское предание о Дунае как главном мифоэпическом рубеже, об аварах-обрах, которые угнетали славян, были горды и велики телом, и Бог истребил их, как библейских допотопных великанов; «обры» действительно стали древними великанами в славянском фольклоре.

Во введении к НПЛ, которое Шахматов считал принадлежащим Начальному своду, предшествующему ПВЛ, Кий именуется «великим князем», а затем «перевозчиком» и «ловцом», что явно отсылает к некоему тексту, где это противопоставление было бы как-то прояснено. Этот текст и содержится в легенде ПВЛ о Кие, Щеке и Хориве, где говорится, что Кий был князем, а не перевозчиком, и ходил на Царьград, но он был изъят из варианта киевской легенды новгородской летописи, где Кий князем не именуется. Можно понять, почему новгородец изъят, казалось бы, актуальный для него рассказ о походе Кия на Царьград и получении им княжеских почестей от царя: ведь киевская легенда перемещена в НПЛ из вводной части в летописную — статью 6362 г., повествующую о царствовании Михаила III, но при нем на Царьград ходил не Кий, а Аскольд и Дир, о чем и рассказывается в той же статье НПЛ²¹. Во введении к НПЛ мы имеем дело не с изначальным «фольклорным мотивом», а с характерной для древней книжности этимологической конструкцией: как Рим был назван «во имя» царя Рима, Антиохия в честь Антиоха, и Александрия в честь Александра, «также ж и в нашей стране зван бысть град великим князем во имя Кия, его же нарицают тако перевозника бывша; иней же: ловы деяше около города». Заметим, что среди столиц не назван Царьград — Константинополь, хотя Константин был образцом правителя в конструкциях русских книжников: предисловие, как и пишет его автор, было составлено

²⁰ *Петрухин В.Я.* Как начиналась Начальная летопись? // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. LVII. С. 33–41.

²¹ Ср.: *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. С. 51–53.

после царствования «Александра и Исакия»²² — взятия Царьграда фрягами в 1204 г.

Исходным для новгородского летописца был текст ПВЛ — но был ли он «фольклорным», а не результатом традиционной этимологической конструкции, производящей из топонима Киев его эпонимического основателя Кия? Опирался ли этот текст на «былинном» мотиве похода на Царьград и попытке Кия закрепиться в Киевце на Дунае, чего ему не позволили «дунайцы», так что лишь городище Киевца сохранилось от этого деяния? Исторические «реалии» этого текста волновали уже редакторов ПВЛ: в киевской легенде Ипатьевской летописи, вместо неуклюжего текста Лаврентьевской, где Кий «велику честь приял от царя, при котором приходив цари»²³, говорится, что Кий «велику честь приял есть от царя, которого не вем»²⁴. Отметим, что Ипатьевская редакция концентрировалась на вопросе не о том, кто первым княжил в Киеве, а о том, кто первым начал княжить в Русской земле, и проблема основания Киева не была для нее настолько актуальной, насколько она была значима для Лаврентьевской; для НПЛ мотив дунайского похода был нерелевантен, поскольку Кий и так приравнялся Ромулу («Риму») и Александру.

Исторические «факты» для реконструкции деяний и самого образа Кия остаются во всех вариантах киевской легенды стереотипными для средневековой хронографии: как правитель он должен был основывать города²⁵ — Киевца (городище) на Дунае и Киев на Днепре свидетельствуют о его деяниях. Эти построения целиком соответствуют вполне очевидной для ПВЛ тенденции — стремлению увязать историю киевских полян с Дунаем, где они должны были среди прочих дунайских славян получить письменность от Кирилла и Мефодия (анахроническая статья 898 г.). Тем не менее, в историографии продолжают существовать схемы, продолжающие конструкции средневекового книжника: киевская легенда считается наследием древнего славянского фольклора (передаваемого какими-то «языческими волхвами»²⁶) или отражением исторических реалий,

²² НПЛ. С. 104.

²³ ПВЛ. С. 9.

²⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 8.

²⁵ Ср.: Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М., 2000. С. 28–29; Мельникова Е.А. Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и Сага об Инглингах) // ДГ. 2001 г. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 70–72.

²⁶ Ср.: Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. Древняя Русь. С. 32.

сохраняемых исторической памятью на протяжении столетий — в построениях «исторической школы» Б.А. Рыбакова. При этом большая часть исследователей сходится на том существенном обстоятельстве, на которое указывал еще С.М. Соловьев: основой летописной конструкции были известия о городище Киевец на Дунае, сохранявшемся до начала XII в., когда составлялась ПВЛ.

Как уже говорилось, и Б.А. Рыбаков уловил «хорографическую» систему, на которую мог опираться летописец: параллелизм болгарско-дунайской столицы Преслав, Переяславца на Дунае, где хотел основать центр своей державы Святослав, Переяславля на Днепре и соответственно Киевца на Дунае и Киева на Днепре, но он прямо отнес эту систему в праславянскую древность, связав дунайские города с походами антов VI в. на Византию. Указал он (вслед за В.Г. Васильевским) и на наиболее созвучный Киеву пункт на Нижнем Дунае — город *Cius*²⁷. Попытки напрямую соотнести данные киевской археологии с летописными, неоднократно предпринимавшиеся и после работ Б.А. Рыбакова, не выдерживают критики — ранние додревнерусские поселения или монетные находки на территории Киева не имеют прямого отношения к истории города; эти остатки не могут свидетельствовать о существовании Киева за полтысячелетия до возникновения других русских городов (прежде всего, с точки зрения теории общественно-экономических формаций, которой придерживались исследователи, праздновавшие в советские годы 1500 летний юбилей Киева)²⁸.

Более реалистичные исследователи признают, что эта система не могла быть известна в Киеве до походов Святослава в 970-е гг. В.Б. Перхавко подробно изучил историографию проблемы и материалы, известные из Киуса/Циуса — исходно римской крепостцы на Дунайском лимесе, основанной в III в. на месте гето-фракийского поселения. Однако по археологическим данным этот город продолжал существовать в VIII–XI вв.²⁹ — т.е. не стал городищем, упомянутым ПВЛ. Впрочем, прямолинейное соотнесение данных археологии с историческими «реалиями» рискованно.

Возвращаясь к летописи, нельзя не заметить, что информация о Киевце отсутствует в НПЛ, а стало быть, и в реконструируемом

²⁷ Рыбаков Б.А. Древняя Русь. С. 30–31.

²⁸ Ср. из последних работ: *Комар А.* К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // *Ruthenica*. Київ, 2005. Т. IV. С. 132–134; *Sahaidak M.* Medieval Kiev from perspective of an Archaeological Study of the Podol District // *Ruthenica*. Т. IV. P. 138 ff.

²⁹ Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. Древняя Русь. С. 27–29.

Шахматовым Начальном своде конца XI в. Если городище Киевец стало известно лишь составителю ПВЛ, то информация о нем могла достичь его только во время дунайских деяний Мономаха (захват городов на Нижнем Дунае в 1116 г.). Созвучие имен дунайского городища и Киева, подкрепленное известной летописцу ассоциацией Переяславец — Переяславль (город на рубеже собственно Русской земли), равно как и договор Святослава с греками, способствовали конструированию летописного текста о дунайском походе Кия; он должен был дезавуировать фольклорную легенду о Кие — перевознике. Вместе с тем, очевидно, что летописец не следовал собственным домыслам или некоему фольклорному тексту: ранняя история, точнее — предыстория Киева является плодом ученой этимологической конструкции.

Раскопки последних лет в Киеве показали, что традиционное отнесение начального города к поселению «на горе» не имеет определенных исторических оснований. На горе располагался киевский некрополь X в. Древнейшие городские кварталы обнаружены на Подоле³⁰. Насколько анахроничным в таком случае следует считать летописный рассказ о древлянском посольстве к Ольге, которое прибыло по воде к Боричеву спуску, «бе бо тогда вода текущи въздоле горы Киевския, а на подоли не седяху людье, но на горе»?³¹ Последующий летописный текст по киевской топографии проясняет ситуацию: Владимир ставит кумиров «на холму вне двора теремного»³². На горе рядом с дружинным некрополем располагался лишь княжеский **двор**. Вероятно, неслучайно и Ярополк должен был укрываться от варягов Владимира не в самом Киеве, а в более укрепленном Родне на крутом мысу в устье Роси (городище Княжья гора). Это позволяет еще раз вернуться к значению скандинавского наименования Киева *Kaenugarðr* с формантом *garðr*, «укрепленный двор», и значению наименования всей Руси — «Гарды»: возможно, это наименование обязано своему появлению не только топографии Новгорода и поселений Поволховья³³. Исто-

³⁰ Ср.: Зоценко В. Скандинавские древности и топография Киева «дружинного периода» // *Ruthenica*. Київ, 2003. Т. II. С. 26–52; Комар А. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева. С. 132–134; *Sahaidak M. Medieval Kiev*. P. 138 ff.

³¹ ПВЛ. С. 27.

³² Там же. С. 37.

³³ Ср.: Джаксон Т.Н. *Austr í Görðum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках*. М., 2001. С. 57–58.

рическую основу обнаруживает и другая традиционная этимология скандинавского наименования Киева: от *kæna* — «лодка особого вида», *Kænugarðr* — «укрепленный двор, к которому прибывали лодки»³⁴, ситуация, соответствующая последним открытиям на Подоле, который регулярно заливался при разливах.

³⁴ Там же. С. 58.

Т.М. Калинина

ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА
АРАБСКИМ УЧЕНЫМ X в. АЛ-МАС‘УДИ*

В XIV в. арабо-мусульманский мыслитель Ибн Халдун писал об Абу-л-Хасане ибн ал-Хусейне ал-Мас‘уди, ученом, жившем в первой половине X в.: «Упоминание об общих условиях на широких просторах [Земли], о поколениях [людей] и эрах является важнейшей основой для историка, на которую направлены его устремления и посредством которой становятся ясными собранные им сведения. Этому историку посвящали целые работы. Так же поступил ал-Мас‘уди, сочинив свои “Промывальни золота”. В этом труде он объяснил условия жизни народов и стран вплоть до своего времени — на Западе и на Востоке. Масуди также рассказал о религиозных верованиях и обычаях этих народов...»¹.

В 1828 г. в Петербурге востоковед Д’Оссон выпустил на французском языке книгу, написанную от лица вымышленного персонажа, некоего Абу-л-Касима². В ней содержались фрагменты из средневековых арабских сочинений о народах и территориях Восточной Европы и Азии. В их числе приводились сведения из двух сохранившихся трудов арабского писателя ал-Мас‘уди. Один назывался «Промывальни золота и рудники самоцветов» (=«драгоценностей»). Поначалу он был известен в Европе под неверным названием «Золотые луга и россыпи драгоценностей»³. Затем было выбрано наименование «Промывальни золота и рудники самоце-

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Проект «Геополитические факторы в историческом развитии Древнерусского государства».

¹ Цит. по: *Микульский Д.В.* Арабский Геродот. М., 1998. С. 224–225.

² *Des peuples du Caucase et des pays au Nord de la Mer Noire et de la Mer Caspienne dans le 10-me siècle, au Voyage d’Abou-El-Cassim*, par M.C. D’Ohsson. Paris, 1828.

³ *Maçoudi. Les Prairies d’or / Texte et trad. par C. Barbier de Meynard, Pavet de Courteille.* Paris, 1861–1877. Т. I–IX (далее: *Maçoudi*).

тов» (=«драгоценностей»)⁴. Ныне предложено более литературное название «Золотые копи и россыпи самоцветов»⁵. Другой труд назывался «Книга предупреждения и пересмотра»⁶ (иногда ее переводят как «Книга указания и пересмотра»⁷ или «Книга указания и наблюдения»⁸). Сам ал-Мас‘уди насчитывал 36 своих книг, и большая часть их утрачена, по-видимому, безвозвратно. Здесь мы не будем останавливаться на проблеме принадлежности ал-Мас‘уди сохранившихся фрагментов книги «Ахбар аз-заман»; по этому поводу у исследователей нет единого мнения.

Данные ал-Мас‘уди о географии, исторической этнографии, истории Евразии настолько поразили Д’Оссона, — а он одним из первых привел эти материалы, что он назвал ал-Мас‘уди «арабским Геродотом», сравнив его, таким образом, с античным отцом истории⁹. Бельгийский ученый А. Сартон в 20-х гг. XX в. в своем «Введении в историю науки» назвал ал-Мас‘уди «мусульманским Плинием», сравнив его со знаменитым римским ученым I в. н.э. Плинием Старшим¹⁰. Английский арабист Х.А.Р. Гибб писал о книге ал-Мас‘уди «Золотые копи и россыпи самоцветов», что нет более замечательного произведения на арабском языке¹¹, а И. Крамерс, востоковед и знаток арабской средневековой географии, отмечал, что наш автор — «один из самых оригинальных писателей X в.»¹². О таких высоких оценках деятельности ал-Мас‘уди недавно напомнил исследователь его творчества Д.В. Микульский¹³.

Были, однако, и другие оценки деятельности арабского ученого: как несерьезного, близкого к «современному газетному писа-

⁴ Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1957. С. 172.

⁵ Микульский Д.В. «Золотые копи...» ал-Мас‘уди и их место в арабской словесности // Абу-л-Хасан ‘Али ибн ал-Хусейн ибн ‘Али ал- Мас‘уди. Золотые копи и россыпи самоцветов. [История Аббасидской династии: 749–947 гг.] Сост., пер. с арабского, примеч., коммент. и указ. Д.В. Микульского. М., 2002. С. 37.

⁶ Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. С. 172.

⁷ Гибб Х.А.Р. Арабская литература. Классический период. М., 1960. С. 59.

⁸ Микульский Д.В. «Золотые копи...». С. 6–7.

⁹ Des peuples du Caucase. P. V.

¹⁰ Sarton G. Introduction to the History of Science. From Homer to Omar Khayyam. Baltimore, 1927. Vol. I. P. 638.

¹¹ Гибб Х.А.Р. Арабская литература. С. 59.

¹² Kramers J.H. Djughrafiya // Enzyklopaedie des Islam. Ergänzungsband. Lief. 5. Leiden; Leipzig, 1938. S. 67.

¹³ Микульский Д.В. «Золотые копи...». С. 36, 40.

тельству, не относящемуся к настоящему знанию»¹⁴. Такое отношение к работам ал-Мас‘уди было оценено И.Ю. Крачковским как «чрезмерная модернизация»¹⁵. Другие исследователи считали, что творчество ученого близко ‘*адабу*, т.е. развлекательному жанру¹⁶. Наконец, указывали на особый беллетризованный, занимательный характер сочинений ал-Мас‘уди, при этом относящийся к жанру исторических хроник¹⁷.

Дата рождения ал-Мас‘уди точно не установлена, условно исследователями принимается 896 г., год же смерти известен — 956. Род ал-Мас‘уди происходил от сподвижника пророка Мухаммада ‘Абдаллаха ибн Мас‘уда, на что и указывает его прозвание (*нисба*). Видимо, по принадлежности к столь уважаемому роду, как и к слою образованного мусульманина, писателя, ал-Мас‘уди относился к категории *хасса*, т.е. избранным, элите¹⁸. Родившись в Багдаде, в тогдашней столице мусульманского мира, ал-Мас‘уди много путешествовал по свету. Он бывал в Иране, Индии, Восточной Африке, Аравии, на юго-западном побережье Каспия, в Сирии, Египте, Палестине¹⁹. На местах ал-Мас‘уди собирал разнообразные сведения о народах и землях. Его интересовала история, образ жизни, верования как тех народов, на территории которых он оказался, так и окружающих, и более отдаленных. Он пользовался не только расспросными сведениями, но и литературными.

Категория времени в исторических сюжетах книг ал-Мас‘уди была для автора понятием отнюдь не философским, но практически необходимым. В «Книге предупреждения и пересмотра», обращаясь к отсчету времени, он писал: «Нет такого народа, как среди пови顺ующихся закону религии, так и среди иных, древних и поздней-

¹⁴ *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien den Geschichte des 9 und 10 Jahrhunderts (ca. 840–940). Leipzig, 1903. S. XXXV.

¹⁵ *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература. С. 171.

¹⁶ *Pella Ch.* Al-Mas‘udi // *The Encyclopaedia of Islam. New Edition.* Leiden; L., 1984. Vol. VI. P. 784.

¹⁷ *Микульский Д.В.* «Золотые копи...». С. 34–35; *Он же.* Арабо-мусульманская культура в сочинении ал-Мас‘уди «Золотые копи и россыпи самоцветов» («Мурудж аз-захаб ва ма‘адин ал-джаухар»). X век. М., 2006. С. 33–41.

¹⁸ *Shboul Ahmad M.H.* Al-Masudi and his World. A Muslim Humanist and his Interest in non-Muslims. L., 1979. P. 1–29; *Микульский Д.В.* «Золотые копи...». С. 19.

¹⁹ *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература. С. 171–172; *Shboul Ahmad M.H.* Al-Mas‘udi and his World. P. 1–27; *Микульский Д.В.* Арабский Геродот. М., 1998.

ших, который не имел бы своего летоисчисления, не возвращался бы к нему и не пользовался бы им как опорой в большинстве своих дел. [Счет лет] воспринимал потомок от предка, и остающийся в живых — от уходящего [в мир иной]. Ведь благодаря летоисчислению познаются великие события и важные дела, то, что происходило в минувшие времена и в прошлые века»²⁰. Ал-Мас‘уди отметил подсчет эпох у древних народов «по важнейшим событиям, большим изменениям и правлениям великих царей», а также счета эр по всемирному потоку и по времени «смещения языков в Вавилоне»²¹. Ученый рассказывал, как велся счет времени у персов-огнепоклонников, древних греков и римлян, коптов, израильтян; христиан, индийцев, китайцев, арабов, а также о продолжительности существования Земли²².

Перечислив своих предшественников, писавших о прошлых временах (ас-Серахси, ал-Джайхани, Ибн Хордадбеха и других), ал-Мас‘уди отмечал: «Хотя наша эпоха — поздняя в сравнении с той, к которой принадлежат предшествующие авторы, и наши дни удалены от их времен, мы все же надеемся, что не окажемся позади в сравнении с ними при [создании] сочинения, задуманного нами, и в достижении поставленной цели. Если они обладают первенством в начинании, то за нами то преимущество, что мы следуем [за ними]. Мысли могут сходиться, и идеи совпадают, и часто последующий [автор] лучше составляет свои сочинения, и излагает яснее: ведь его делает мудрее опыт, он опасается проверки и остерегается допустить ошибку. Отсюда происходит непрерывное развитие наук, не имеющее границы; последующий отыскивает то, чего не находил первый, и это не имеет ни ограничивающего предела, ни [какой-либо] установленной цели. Аллах великий и могучий возвестил об этом, сказав: “Ведь выше всякого обладающего знанием есть знающий”. Однако многим людям свойственно восхваление древних и прославление книг предшественников, они превозносят прошедшее и порицают существующее ныне, хотя в книгах новейших [авторов] много больше полезного и немало поучительного»²³.

²⁰ *Kitab at-tanbih wa'l-ischraf auctore al-Masûdi...* / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894. P. 196 (далее: *al-Masûdi*). Все переводы из этого труда в статье принадлежат покойному проф. В.М. Бейлису, с уточнениями и небольшими исправлениями автора статьи, не меняющими смысла фраз.

²¹ *al-Masûdi*. P. 197; *Maçoudî*. T. IV. P. 100–114.

²² *al-Masûdi*. P. 196–228; *Maçoudî*. T. I. P. 183–207.

²³ *al-Masûdi*. P. 76.

Эта позиция была свойственна не только ученым-прозаикам. Она напоминает подход к временным дистанциям арабского филолога IX в. Ибн Кутайбы, который писал относительно выбора поэтов: «[я] не смотрел на древнего среди них почтительным взором за его древность, а на позднего — пренебрежительным взором за то, что он поздний, напротив, я смотрел беспристрастно на обе группы, и дал каждому его долю, и воздал каждому должное... Однако же Аллах не отдал науку, поэзию и красноречие одному времени из всех времен и не наделил им один народ из всех народов, но Он сделал это общим и разделил между своими рабами во всякий век, и Он сделал всякого древнего новым в его эпоху и всякую знатность — происходящей из самородности...»²⁴. Подобных взглядов зачастую придерживались и другие писатели и поэты средневековья. Они не следовали той концепции, что древность важнее или лучше современности. Эта позиция объясняется общей принципиальной относительностью всякого временного превосходства: ученые как бы «снимали» временной барьер между разными поколениями авторов, что в целом характерно для традиционалистского сознания средневековых мыслителей²⁵.

Исходя из такого постулата, ал-Мас'уди ведет рассказы о давних временах так, чтобы повествование плавно переходило от древних эпох к современным ему событиям, ссылаясь на мнения других ученых или полемизируя с ними.

В «Книге предупреждения и пересмотра» находится «Рассказ о семи народах прежних времен, их языках, их воззрениях, о местах их расселения, о том, чем отличается каждый народ от других и [прочем], относящемся к этому». Этот пассаж не имеет аналога в более ранней книге, «Золотые копи и россыпи самоцветов»; сам же автор упоминает, что в своих предшествующих произведениях он подробно говорил об этих народах. В главе о семи народах ал-Мас'уди отмечает, что «те, кто занимался историей народов прошлого и местами их расселения, утверждает, что в древние времена было семь народов, могущественных и славных, и что они отличались [друг от друга] по трем свойствам: по чертам внешности, особенностям нравов и по их языкам»²⁶. Востоковед В.М. Бейлис отме-

²⁴ Цит. по: Куделин А.Б. Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи. М., 2003. С. 192.

²⁵ Куделин А.Б. Арабская литература. С. 188–198.

²⁶ *al-Masûdi*. P. 77–78.

чал, что эту главу можно считать «первой в арабской исторической литературе попыткой обзора великих цивилизаций древности»²⁷.

После упоминания каждого народа ал-Мас'уди акцентирует внимание на том, что у этой общности людей некогда был один владыка и один язык, хотя при этом он отмечал существование наречий в персидских языках, различий среди тех, кто пользовался сирийском языком, отличие хазарского языка от тюркских. Сирийский язык, как считал ал-Мас'уди, был первым языком, на котором изъяснялись Адам и Ева; он считал еврейский и арабский языки «ближайшими» к сирийскому и подчеркивал, что разница между ними невелика.

Первым народом им названы персы (*ал-фурс*), указан географический ареал их проживания, но об их истории в этой главе сказано совсем мало.

Вторыми упомянуты халдеи (*ал-калданйун*). Отмечено, что имя халдеев было упомянуто в Библии и у древнегреческих авторитетов: Аристотеля и Птолемея. Среди халдеев названы ниневийцы, ассирийцы, набатеи и другие народы. Некоторые этнонимы объяснены: так, имя набатеев якобы восходит к некоему Набиту ибн Басура ибн Сама ибн Нуху, т.е. к потомку Ноя. Кораническая традиция, как считает ал-Мас'уди, связывает название «арамеи» с названием народа *араман*, которое якобы приняло это имя после гибели народа *самуд*, наказанного Аллахом за неверие. При этом ал-Мас'уди ссылается на Ибн ал-Калби и «прочих ученых арабов». Халдеи восприняты также и как предки арабов, чему в этой главе уделено более всего внимания. Автор ссылается на йеменских «знатоков преданий» и собирателей генеалогий (*ансаб* и *ахбар*)²⁸. При изложении истории халдеев и связанных с ними племен ал-Мас'уди отмечает древнюю преемственную линию развития людских общностей Ирака, Сирии, Палестины, Аравии.

Третьим народом названы древние греки (*ал-йунанийун*), византийцы (*ар-рум*), славяне (*ас-сакалиба*), франки (*ал-ифранджа*) и «те, кто соседят с ними в северной населенной четверти Земли под названием *ал-Джарби*». Здесь также отмечено наличие единого владыки и одного языка.

²⁷ Бейлис В.М. Представления о цивилизации древности и раннего средневековья в системе исторических знаний ал-Йакуби и ал-Масуди // Ислам и проблемы межкультурных взаимодействий. М., 1994. С. 50.

²⁸ Об использовании информации «собирателей преданий» см.: Миккульский Д.В. Арабо-мусульманская культура. С. 89–91.

Четвертые — это ливийцы (*лубиййа*); здесь перечислено население Северной Африки, в том числе египтяне, а также обитатели южной части населенной четверти Земли. У всех их некогда тоже имелись, как считал наш автор, один владыка и один язык.

Пятый народ — тюрки (*ат-турк*). Перечислены их виды (карлуки, огузы, кимаки, токузогузы, хазары). О хазарах сказано, что по-тюркски этот народ называется *сабир*, а по-персидски — *хазаран*; имя же этого народа, по словам ал-Мас'уди, было арабизировано и стало *ал-хазар*. Среди тюрков тоже зарегистрировано наличие одного владыки и единого языка, за исключением языка тех же хазар, который не считался тюркским, хотя сами хазары отнесены ученым к оседлым тюркам.

Шестым народом названы разные виды индийцев и синдийцев.

Седьмым — китайцы (*ас-Син*) и корейцы (*ас-Силла*); они выделены как потомки 'Амура, сына Ноя, сына Яфета, т.е. персонажа, восходящего к Гомеру и Яфету. Однако это не означает, что именно эти народы выделяются как самые древние. Как и в других случаях, отмечен их единый властитель и единый язык.

Формула «царь у них один, и язык их единый» в тексте ал-Мас'уди относится к сакральному, мифологическому времени²⁹. Автором показан переход от времени мифологического, когда у народов был один царь и один язык, к языческому: «Затем умножилось потомство, поколения сменяли друг друга, разделились народы и племена, стали различаться языки... Народы уподоблялись один другому и видоизменялись, различаясь по воззрениям и в том, чему они поклонялись, по местам, где они обитали и где совершали обряды. И эти семь народов стали отличаться один от другого: у каждого был свой царь. Все они были идолопоклонниками: каждый народ почитал идола и создавал изображение божества, отличавшегося от божеств, изображениям которых поклонялись другие народы»³⁰. Ал-Мас'уди не проявляет эмоционального подхода к эре почитания идолов как худшей по сравнению с эпохой почитания единого Бога. Вместо этого он объясняет причину существования языческого времени: «Эти [языческие] изображения воздвигались как воплощение высших субстанций и небесных тел, являющихся ликами сфер семи [светил]: двух, т.е. Солнца и Луны, и пяти: Сатурна, Юпитера, Марса, Венеры и Меркурия, и прочих тел, обла-

²⁹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 119, 156.

³⁰ *al-Masūdi*. P. 84.

дающих влиянием на этот земной мир»³¹. К той же фазе языческого периода относится утверждение нашего автора, что обсуждения религиозных или политических смут решались семью мудрецами, которые собирались семь раз, в разные эпохи³². Сакральное число 7 здесь подчеркивает языческую эпоху. Ал-Мас‘уди сам отмечал сакральный смысл числа 7, когда писал, со ссылкой на Гиппократ: «Все в этом мире устроено по “семерке”: звезд — 7, климатов — 7, дней [недели] — 7»³³.

В рассматриваемой главе «Книги предупреждения и пересмотра» ал-Мас‘уди не упоминает о прошлых временах третьего, четвертого, пятого, шестого и седьмого народов. История всех этих древних народов освещена как в труде «Золотые копи и россыпи самоцветов», так и в «Книге предупреждения и пересмотра».

Первыми, как уже говорилось, выделены персы. Из числа персидских источников (вероятно, в арабских переводах) ал-Мас‘уди назвал Хвадай-намак, Китаб ас-Сакисаран, Китаб ал-Бикар, Китаб ал-Карнамадж и другие. Из арабских источников, рассказывавших о персидской истории, ал-Мас‘уди использовал сведения Мухаммада ал-Калби, Абу ‘Убайда Ма‘мара ибн ал-Мунтанна, Ибн Хордадбеха, ат-Табари и других.

История персов начинается с упоминания легендарного первочеловека иранской мифологии и героя эпической традиции Джайумарта и завершается последним царем Сасанидского Ирана Йездигердом III (632–651)³⁴. Повествуя о первой династии персидских царей, ал-Мас‘уди пересказывает иранский эпос, подробно изложенный позднее в «Шах-намэ» Фирдоуси, о легендарных правителях Джаме (Джамшиде), Хушанге, Заххаке — воплощении зла, и Афризуне (Феридуне) — носителе добра, победившем Заххака. Вторая династия персидских царей, упоминаемая ал-Мас‘уди, также взята из иранской мифологии и известна из «Шах-намэ»: царь Манушахр и его потомки восходят к мифической династии Пишдадидов, потомкам Африсуна, в свою очередь являвшегося потомком Ираджа — одного из трех братьев, между которыми Бог разделил Землю. Последним царем этой династии назван Гаршасп, упомянутый и в «Шах-намэ». Третья династия персидских владык также

³¹ Ibidem.

³² Ibidem. P. 84–85.

³³ *Maçoudî*. T. I. P. 182.

³⁴ *al-Masûdî*. P. 85–111; *Maçoudî*. T. I. P. 161–214; T. II. P. 105–241.

связана с эпосом и в основном совпадает с данными «Шах-намэ». Речь идет о династии Кайанидов, состоящей из царей Кай-Кубаза, Кай-Кауса, Кай-Хусрау, Кай-Лухрасба и Кай-Биштасба. Кроме информации о династии царей легендарных, здесь рассказано о событиях реальных: появлении Зороастра (араб. *Зардушт*), религии огнепоклонников (*ал-маджус* — «магов») и священной книге Авесте (*ал-Абаст* или *ал-Абастак*). Упомянуто также имя Александра Македонского, который завладел царством персов и убил Дару ибн Дару, т.е. последнего царя Ахеменидов Дария III Комодана (336–330 гг. до н. э.), войска которого были разбиты при Арбеле в 331 г. до н. э. Четвертая династия персидских царей обозначена словосочетанием *мулук ат-таваиф*, которое переводится и как «удельные князья», и как «диадохи»; точное же значение: «владыки уделов». Здесь речь идет об эпохе после смерти Александра Македонского: о «ста царях персов, набатеев и арабов», которые царствовали «от границ областей Ассирии до крайних пределов стран чужеземцев» (*аджам*: термин обозначал у арабов неисламские народы). Ал-Мас'уди упоминает, что самыми могущественными из них были *ал-Ашгани*, т.е. Аршакиды, парфянская династия, и перечисляет их царей, причем приводимые имена не всегда соответствуют реальным властителям. Пятая династия персидских владык посвящена Сасанидам, здесь имена, время царствования и события указаны достаточно точно; упомянут Маздак-«еретик» и изложено его учение. Ал-Мас'уди специально отмечает, что он пользовался некоей «огромной книгой», переведенной с персидского на арабский язык, где подробно перечислялись персидские цари, были нарисованы их портреты, рассказано об искусстве их правления, постройках и т.п.

Как видно, ал-Мас'уди в рассказе о персидских владыках ведет повествование от времен мифических до реальных, не выделяя их специально. При этом он утверждает, что использовал только персидские источники и избегал привлекать сообщения греческих, византийских и еврейских (*ал-исра'или*) авторов.

В «Золотых копиях» истории людей, названных в главе о семи древних народах халдеями, отведены части: «О царях Мосула и Ниневии, или ассирийцев», «О царях сирийцев» и «О царях вавилонян и халдеев»³⁵. Халдеями некогда называлось население Южной Месопотамии, жившее в первой половине I тысячелетия до н.э. на северо-западном берегу Персидского залива. Принадлежали они к арамейским

³⁵ *Maçoudi*. Т. I. P. 155–165, 167–214.

племенам. После прихода к власти в Вавилоне халдейской династии (626–538 гг. до н. э.) это название распространилось на всех жителей Вавилона. Ал-Мас‘уди почерпнул сведения о них из неких «древних хроник» и астрономических таблиц. Исследователи считают, что им были привлечены христианские и сирийские хроники³⁶. Большую часть имен перечисленных царей идентифицировать не удастся. Часть же относится к династии Ахеменидов, а не Вавилона или Ассирии.

О самих халдеях ал-Мас‘уди писал как о древнем народе, научившем человечество добывать медь и железо, строить города и дороги, развивать земледелие, наблюдать за небесными светилами. Имеется описание развалин столицы Ассирии в его времена. В целом изложение истории народов и царей Ассирии и Вавилона подчинено движению от древних времен до настоящих, хотя здесь большее внимание уделено цивилизациям древности.

Об истории древних греков, римлян, византийцев ученый получил сведения от воина и дипломата Абу ‘Умайра ат-Тамими, известного морского военачальника Льва Триполитанина, византийца, принявшего ислам и воевавшего на стороне мусульман. Пользовался он и книгами предшественников: Ибн Хордадбега, Кудама ибн Джа‘фара, несохранившейся книгой выкупленного византийского пленника Муслима ал-Джарми, писавшего о Византии и окружающих народах. Ал-Мас‘уди использовал также хронику александрийского монаха V в. Анниана, произведения христианских ученых, писавших по-арабски, православных иерархов Евтихия Александрийского, Агапия Манбиджского, несторианского писца Йа‘куба ибн Закарии, яковитского священника Абу Закарии Данха, маронитского ученого Кайса ал-Маруни³⁷.

Ал-Мас‘уди считал Византию наследницей древнего Рима. Историю царей этих государств он начинал с Ромула (*Румулуса*) и Рэма (*Армануса*), сыновей волчицы, основавших город Рим (*Румийу*), по названию которого население государств именовалось «румийцами» (*ар-румийа*). Кроме этих двух царей, как писал ал-Мас‘уди, были и другие властители, но первым, кто числился в некоей «древней летописи», был Гай Юлий Цезарь. Подробно и в основном правильно ал-Мас‘уди перечислил всех римских и византийских императоров вплоть до своего времени, 345 г. хиджры, т.е. 956 г. н.э., до времени властвования халифа ал-Мути, начавшего править в 946 г.

³⁶ *Shboul Ahmad M.H.* Al-Masudi and his World. P. 120–121.

³⁷ *Ibidem.* P. 229–242; *Микульский Д.В.* Арабский Геродот. С. 174–176.

В истории государства *ар-Рум* ал-Мас'уди выделял три периода: первый — правление языческих императоров от Ромула до Диоклетиана (284–305 гг.); второй период — царствование христианских императоров, начиная с основателя Константинополя Константина (306–337 гг.), который принял христианство; третий этап посвящен истории Византии после возникновения ислама.

«Рассказ о греческих царях и о том, сколько лет они царствовали» ал-Мас'уди начинает с Филиппа, отца Александра Македонского, и заканчивает повествованием о царице Клеопатре; далее следуют рассказы о римских царях — от Юлия Цезаря до Константина Багрянородного, причем подчеркнута, что в книге речь идет как о язычниках, так и о принявших христианство. При этом дан подсчет количества владык-язычников и общее количество лет их правления, и то же проделано в отношении царей-христиан, начиная с Константина Великого³⁸. В особую главу выделены сведения о царях Рума от возникновения ислама до X в.; тем самым подчеркнута роль Византии. Как было неоднократно отмечено исследователями, таким способом ал-Мас'уди показывал преемственность истории древнегреческой, римской и византийской³⁹.

История византийских правителей связывается ал-Мас'уди с арабо-византийскими войнами, происходившими в сравнительно недавний и современный ал-Мас'уди периоды времени. В ряде случаев ал-Мас'уди сопоставляет времена правления византийских царей и сасанидских владык, при этом специально отмечая достоверность и путаницу относительно дат и времени царствований тех или иных правителей в разных источниках и оговаривая достоверность своих сведений. Таким образом, и здесь отмечена связь времен языческих и «исторических».

В «Книге предупреждения и пересмотра» мало места уделено истории франков и славян. Но в «Золотых копиях» есть сведения о франках, галисийцах и лангобардах⁴⁰, основанные на данных западных информаторов и источников⁴¹. Одну из книг ученый видел в 947 г., когда жил в Египте. Ал-Мас'уди перечисляет королей фран-

³⁸ *Maçoudi*. Т. I. Ch. 25–30; Т. II. P. 250–355; *al-Masûdi*. P. 112–177.

³⁹ *Shboul Ahmad M.H.* Al-Masudi and his World. P. 261–262; *Бейлис В.М.* Представления о цивилизации. С. 46; *Микульский Д.В.* Арабский Геродот. С. 181.

⁴⁰ *Maçoudi*. Les Prairies d'or. Т. I. P. 359–360, 363; Т. III. P. 66–78.

⁴¹ *Lewis B.* The Muslim Discovery of Europe // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1957. Vol. 20. P. 410; *Shboul Ahmad M.H.* Al-Masudi and his World. P. 190–192.

ков от Хлодвига (*Клудувих*) (481–511) до Людовика IV (936–954); впервые в арабской литературе упоминает столицу франков — Париж (*Бариза*). В этой же книге есть известия о славянах; к ним наш автор причисляет венгров и немцев⁴².

Упомянут общий для единого славянского племени *в.линана* царь по имени *М.джак*, после смерти которого славянские народы разделились и каждым стал править свой владыка. По поводу идентификации этого имени имеются самые разные версии: польский король Мешко I; древлянский князь Мал; посол антов Мезамер, убитый в ставке аварского кагана; библейский Мешех; титул правителя сообщества неких славян, названный у Феофилакта Симокатты «Мужок» (μουσοῦκα); Карл Великий, имя которого искажено до неузнаваемости, либо это — его эпитет, трансформированный из латинского Magnus, либо его славянское прозвище *Мужжик*⁴³. Как бы ни интерпретировать это имя, не исключено, что ал-Мас'уди воплотил здесь идею существования единого царя и одного языка народа *в.линана* в мифологические времена. Хотя указание конкретного имени царя и названия народа могут и свидетельствовать о существовании информатора, который поставил ал-Мас'уди вполне реальные данные.

Имя *в.линана* имеет множество идентификаций: воляняне, причем разные; жители Волина; *валитаба* — нем. *велетаби*, т.е. лютичи; венеты⁴⁴. В другом фрагменте ал-Мас'уди дает пере-

⁴² *Maçoudi*. Т. I. P. 253–254; Т. III. P. 61–65; *al-Masûdi*. P. 67.

⁴³ *Charmoy M.* Relation de Mas'oudi et d'autres auteurs musulmans sur les anciens Slaves. Paris, 1832–1833. P. 94–95; *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. S. 147; *Westberg F.* Ibrahim's ibn Jakub's Reisebericht über die Slavenländer aus dem Jahre 965 // Записки Императорской Академии Наук. СПб., 1898. Сер. 8. Е. 73. № 4. С. 58. Примеч. 2; *Widajewich J.* Masudi o Wioletach // Pamiętnik Słowiański. Kraków, 1949. Т. I. S. 55–82; *Lewicki T.* Jeszcze o Wioletach w opisie Słowiańszczyzny arabskiego pisarza z X w. al-Masudi // Pamiętnik Słowiański. Kraków, 1951. Т. II. S. 113–116; *Ковалевский А.П.* Славяне и их соседи в первой половине X в. по данным аль-Масуди // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских народов. М., 1973. С. 70, 71, 76; *Овчинников О.* Народы Центральной Европы за книгою ал-Масуди (до питання про «державу волянян») // Східний Світ. Київ, Т. 2'95–1'96. С. 77–81; *Мишин Д.Е.* Ас-Сакалиба (славяне) в исламском мире. М., 2002. С. 67–68. (Все предположения достаточно шатки, только гипотеза А. Овчинникова не выдерживает никакой критики, т.к. само слово «мужик» появилось в славянском языке значительно позже X в.)

⁴⁴ *Charmoy M.* Relation de Mas'oudy. P. 94–95; *Westberg F.* Ibrahim's ibn Jakub's Reisebericht. С. 47–49; *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. S. 12, 84; *Ковалевский А.П.* Славяне и их соседи. С. 70, 76–77; *Shboul Ahmad M.H.* Al-Masudi and his World. P. 182; *Мишин Д.Е.* Сакалиба. С. 66–67.

чень названий славянских племен, причем в славянской передаче, большая часть которых более или менее идентифицируется: ободриты с князем Мстиславичем (?), дулебы с правителем Венцеславом (921–929), моравы или мораване, сорбы, хорваты, стодоране, майнские славяне, возможно, кашубы или дошане и ряд других племен, идентификация которых затруднительна⁴⁵. В число славянских племен ал-Мас‘уди включил также немцев и саксов (*ан-намджин и шакшин*). В другом разделе рассказано о трех правителях славян: Лудийар, ал-Авандж (вариант — ал-Ифрандж) и царь тюрок (*малик ат-турк*), хотя и идентификация имен, и сама принадлежность к славянам вызывает до сих пор у исследователей споры⁴⁶. Заметно, что ал-Мас‘уди и здесь следует принципу плавного перехода от времен более или менее мифологических к недавним, реальным.

Сведений об одном из семи древних народов *лубийа*, т.е. именно о ливийцах, у ал-Мас‘уди почти нет. Но в это понятие входили египтяне, жители Магриба и Африки. Известий же о Египте, его памятниках и людях, о народах *ал-хабаша*, т.е. абиссинцах (современных эфиопах), нубийцах, зинджах и других народах Африки у него довольно много в обеих книгах, как и описаний моря *Хабаша* и моря *Зиндж* — западной части Индийского океана⁴⁷. Рассказ ал-Мас‘уди о прародителе населения Египта потомке Ноя Байсаре, его сыне — правителе Египта Мисре, по имени которого и названа страна (по-арабски, Египет — *Миср*) и последующих царях-фараонах носит легендарный характер. Но упоминания о царях нубийцев, зинджей и других народов Африки вполне достоверны. Есть известия и об обычаях и законах, особо уделяется внимание фауне тех мест (рассказывается о слонах, жирафах, о скоте, которым пользуются африканские народы) и флоре; много места уделено описанию Нила. Таким образом, в повествованиях о народах Африки ал-Мас‘уди не всегда придерживается того принципа единства правления и языков в древние времена, который был высказан им в главе «О семи народах в прежние времена».

⁴⁵ Ковалевский А.П. Славяне и их соседи. С. 70, 72–75; *Shboul Ahmad M.H. Al-Masudi and his World*. P. 183–184; *Мишин Д.Е.* Сакалиба. С. 63–65.

⁴⁶ Ковалевский А.П. Славяне и их соседи. С. 71, 75–76; *Shboul Ahmad M.H. Al-Masudi and his World*. P. 184–185; *Мишин Д.Е.* Сакалиба. С. 68–72.

⁴⁷ *Maçoudi*. T. I. P. 206, 231–234, 237–238, 368, 382–384; T. III. P. 2–3, 6–8, 27, 30–35, 37–44, 51; *al-Masûdi*. P. 19, 24, 32, 51, 57–58, 69–70, 80, 90, 157, 223–224, 226, 329–330.

В сохранившихся книгах нашего автора нет единого рассказа о тюрках, хотя упоминания о них есть⁴⁸. Ал-Мас'уди располагал данными о тюрках как из книг, так и из непосредственных наблюдений и расспросов. Помимо уже упомянутого перечисления видов тюрков, учёный передает сведения о тюрках как потомках легендарного персидского царя и героя Афридуна, точнее, его сына Туджа, который владел восточной частью обитаемого мира. По версии же, восходящей к библейской, тюрки были потомками одного из сыновей Яфета, владевшего областями Севера. Поскольку Север отличался холодом и сыростью, то его обитатели — тюрки, по мнению ал-Мас'уди, были толстокожими, краснолицыми, имели маленькие узкие глаза. Расположение тюрков далеко от Солнца также неблагоприятно сказалось на их культурном облике: они оказались последними в ряду «цивилизованных» народов. Верховным владыкой их некогда был *хакан*, но во времена ал-Мас'уди тюрки, по его словам, уже были не единым народом, а разделились на много ответвлений, расположившихся на обширной территории от Европы до Китая, со своим хаканом у каждого. Ученый знал тюрков вблизи Аральского моря (*бахр ал-Джурджани*), среди которых выделялись силой и воинственностью огузы, самые маленькие ростом и самые узкоглазые. Ал-Мас'уди располагал сведениями о войнах у Арала разных племен тюрков, в результате которых печенеги (*баджнак* и *баджни*) и предки венгров (*баджгард* и *нукарда*) передвинулись на запад, дошли до пределов Византии и осели на ее северных границах, а часть их стала служить в византийских военных гарнизонах и участвовать в войнах, которые вела Византия.

Таким образом, в рассказах о тюрках, хотя и не сведенных воедино, ал-Мас'уди достаточно последовательно придерживается теории древнего единого народа, единого правителя и единого языка, за некоторыми исключениями (о языке хазар см. выше).

При изложении сведений об Индии, ал-Мас'уди пользовался как трудами предшественников, где имелись соответствующие сведения (ал-Хасана ибн Мусы ан-Наубахти, Абу-л-Касима ал-Балхи, ал-Йа'куби, Ибн Хордадбеха и др.), так и собственными наблюдениями и результатами расспросов во время поездки по Индии⁴⁹.

Рассказывая об индийцах (*ал-Хинд* — Индия, *ас-Синд* — у арабов северо-западная территория Индии, современный Пакистан),

⁴⁸ *Maçoudi*. Т. I. P. 262, 289; Т. II. P. 9, 59; *al-Masûdi*. P. 37.

⁴⁹ *Микульский Д.В.* Арабский Геродот. С. 149–150.

ал-Мас'уди отмечает, что именно они первыми разработали такие науки, как астрономия и астрология. Автор пишет об истории индийцев, что в древние времена у них не было верховного владыки, затем родовитые люди избрали царя *Бархаму* (вероятно, Брахму, индуистское верховное божество), который был наимудрейшим и справедливейшим правителем, а далее стали править *ал-барахима*, т.е. брахманы, отличавшиеся от прочих желтыми повязками. Отметив таким образом систему кастового деления индийского общества, ученый полагал ее весьма разумной, основанной к тому же на иерархическом строе самой Вселенной⁵⁰. Ал-Мас'уди рассказал и о современных ему государствах на территории Хинда и Синда, и о городах, где ему удалось побывать, и о внешнем облике индийцев, и об обычае сожжения мертвых, и о реке Инд — ее истоке и устье. Он особо подчеркивал мудрость и разумность индийских правителей и ученых.

В целом, в изложении впечатлений и знаний об Индии можно выделить принцип единого правления в древние времена, упомянутого в главе о семи древних народах. Однако если в ней отмечалось единство языков в древности, то в «Золотых копиях» преподнесено действительное положение дел, а именно, что язык жителей Синда отличается от других языков, на которых говорили обитатели Хинда.

В Китае ал-Мас'уди не был, а сведения о нем взял из труда Абу Зайда ас-Сирафи «Цепочка историй». Китайцы, по мнению ученого, выделялись как торговцы и ремесленники, а правители их установили мудрые и справедливые законы в своей стране. Возводя родословную китайцев к Абуру, потомку Яфета, ал-Мас'уди подчеркивал, что в прежние времена Китай был единым царством, в котором правили справедливые владыки. Они поклонялись звездам и предкам, установили в обществе иерархическое разделение и правили мудро и справедливо, хотя были язычниками. Однако процветание Китая было неспроста: по мнению ал-Мас'уди, один из китайских царей был тайно предан исламу (эта история рассказывалась среди арабов не только ал-Мас'уди). Поведав о древней истории Китая, ученый отметил, что процветание империи продолжалось вплоть до восстания Хуан Чао 874–884 гг., после этого в стране началась смута⁵¹. Таким образом, в изложении истории Китая легко выделяются периоды легендарные и реальные.

⁵⁰ *Maçoudi*. Т. I. P. 148–177, 206–208, 372–381; Т. IV. P. 44–45.

⁵¹ *Ibidem* Т. I. P. 286–287, 290–324; Т. IV. P. 52–54.

Как можно заметить, когда ал-Мас‘уди пересказывает информацию о легендарных временах и героях, то он по существу не задается вопросом об их подлинности. Как всякий средневековый, а тем паче восточный, мыслитель, он тем самым следует авторитету, канону или клише, которые лежат в основе его информации по принципу «эстетики тождества». Ю.М. Лотман так определял это понятие: «Эстетика тождества — сумма принципов, которая основывается на полном отождествлении изображаемых явлений с уже известными аудитории и вошедшими в систему “правил” моделями-штампами»⁵². Применение системы «эстетики тождества» в разных литературах разрабатывали затем другие исследователи⁵³. А.Б. Куделин, однако, вслед за П. Зюмтором, обратил внимание на «идею эволюции средневековой традиции, обусловленную индивидуально-авторской инициативой и “движением истории”»⁵⁴. Именно по такому принципу в вопросах, например, подлинности времени царствования того или иного правителя ал-Мас‘уди и приводит разные мнения, и оспаривает предшественников.

Можно констатировать, что ал-Мас‘уди, в рассказе о семи народах, отчетливо обрисовал пределы их культурного универсума, включив в перечень древних такие, о которых ни в каких генеалогиях и древних книгах не могло быть и речи — славян, франков, тюрок. Следовательно, для нашего автора время — линейно и непрерывно; оно включает в себя периоды мифологические, языческие и реальные на одном уровне. Как писал М.М. Бахтин, средневековому мыслителю, «чтобы понять мир, нужно сопоставить все в одном времени, т.е. в разрезе одного момента, нужно видеть весь мир как одновременный»⁵⁵.

В такой среде, где эпохи существуют как бы одновременно, не разделяясь по качественным категориям (лучшие или худшие времена), тем не менее выделяются народы, лучшие по пространственно-

⁵² Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике. Вып. 1 // Труды по знаковым системам. 1. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1964. Вып. 160. С. 173.

⁵³ Рифтин Б.Л. Метод в средневековой литературе Востока // Вопр. лит. 1969. № 6. С. 76, 79; *Он же*. Типология и взаимосвязи средневековых литератур // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974. С. 32, 37; Мейлах М.Б. К вопросу о поэтике средневековой литературы. Поэзия трубадуров // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1970. Т. 29. Вып. 4. С. 297. «Эстетикой привычного» назвала эту особенность арабской литературы Б.Я. Шидфар: Шидфар Б.Я. Образная система арабской классической литературы. М., 1974. С. 180.

⁵⁴ Куделин А.Б. Арабская литература. С. 205.

⁵⁵ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 307.

му расположению на Земле, по разумению не только ал-Мас'уди, но и других арабских средневековых ученых. Переход от временного восприятия мира к пространственному происходит с помощью географических образов: пространственное восприятие мира включает в себя географический компонент, а пространственное представление об окружающем мире и являет собой географический образ⁵⁶.

Организуя известный мир как пространственный, ал-Мас'уди приводил перечень земель по климатам. Учение о семи климатах как выражение пространственного образа мира было воспринято арабами из греческих и сирийских переводов трудов Птолемея⁵⁷.

В античности одним из инструментов создания географического образа мира была система «климатов». Греческое слово *τό κλίμα* (мн.ч.: *τά κλίματα*) происходит от глагола *κλίνω* — «склонить(ся)», «наклонять(ся)» — и переводится как (1) «склон, скат, спуск»; (2) «страна света, климатический пояс»⁵⁸, причем последние значения вторичны, основаны на первом. Термин *κλίμα* иногда произносят по-русски как «клима́т», поскольку это греческое слово — среднего рода⁵⁹. Однако это наблюдение относится скорее не к произношению слова-термина, а к употреблению его в эпоху средневековья в отношении причерноморских областей — территории Херсона (античного Херсонеса) и окрестностей, а также подвластных Хазарии районов; эти земли назывались Климатами⁶⁰.

Однако географический смысл слова *κλίμα* отнюдь не тождественен приведенному названию. «Значение этого термина в сфере географии можно определить так: наблюдаемый в данной местности угол наклона небесной сферы, который можно точно выразить в числах, а также географическая широта, которую характеризует этот угол»⁶¹. Появление системы семи климатов связывают с именами Гиппарха и Эратосфена; после них теорию развивали Марин

⁵⁶ *Замятин Д.Н.* Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М., 2004. С. 14–23.

⁵⁷ *Honigmann E.* Die sieben Klimata und die *πόλεις ἐπίσημοι*. Heidelberg, 1929.

⁵⁸ Древнегреческо-русский словарь / Сост. И.Х. Дворецкий. М., 1958. Т. I. 954–955.

⁵⁹ *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 2. С. 1311. Примеч. 297.

⁶⁰ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М., 1991. С. 281–283. Примеч. 14; С. 333. Примеч. 3; *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. Ч. 1. С. 572–581.

⁶¹ *Щеглов Д.А.* Система семи климатов Птолемея и география Эратосфена // Вестник древней истории. 2005. № 3. С. 244.

Тирский и Клавдий Птолемей⁶². Разделение было произведено в зависимости от сравнительной длины дня и ночи или склонения солнца к экватору. Птолемей первым дал строгое описание семи климатов — широт, следующих с интервалом в полчаса: Мероэ, Сиена, Нижний Египет, Родос, Геллеспонт, середина Понта, устье Борисфена⁶³. Именно семь широт-климатов Птолемея, впервые отделенные от всех остальных возможных широт, были основой позднейшего «канонического статуса» этой системы⁶⁴.

Системой семи климатов (у арабов — *иклим*) как широтных зон, внутри которых располагались народы и местности, пользовались арабские географы IX в. ал-Хорезми (отсчет климатов шел с запада на восток) и ал-Фергани (отсчет климатов у него — с востока на запад). Положение *иклима* зависело от светового дня и склонения солнца к экватору. Схемы, принятой ал-Фергани, придерживались ученые X–XIII вв.: Ибн Русте, Ибн ал-Факих, Агапий Манбиджский, «Чистые братья», ал-Бируни, ал-Казвини и др., хотя сами описания климатов у них различны. Понятие *иклим* наиболее внятно было определено в географическом трактате «Чистых братьев» (так называлась культурно-религиозная община, действовавшая в X в. в Басре): «Климаты — [это] семь частей, начертанных в населенной части Земли. Каждый из климатов — как бы разостланный ковер, протянувшийся по длине с востока на запад, а по ширине с юга на север. Климаты различны по длине и ширине. Самый длинный и самый широкий — первый, так как длина его с востока на запад около 3000 фарсахов⁶⁵, а ширина с юга на север около 500 фарсахов. Наименьший же из них по длине и ширине седьмой климат, так как длина его с востока на запад около 500 фарсахов, а ширина его с юга на север около 700 фарсахов... Границы климатов определяются по [долготе] дня и различиям в прибавлении его»⁶⁶.

У иных географов (ал-Истахри, Ибн Хаукал) термином *иклим* называлась не широтная зона, а просто обширная область, округ или даже государство.

⁶² Honigmann E. Die sieben Klimata; Neugebauer O. A History of Ancient Mathematical Astronomy. Berlin; Heidelberg; N.Y., 1975.

⁶³ Мѣик Н. Idrisi und Ptolemaeus // Orientalistische Literaturzeitung. Leipzig, 1912. Bd. XV. S. 403–406; Щеглов Д.А. Система семи климатов. С. 248.

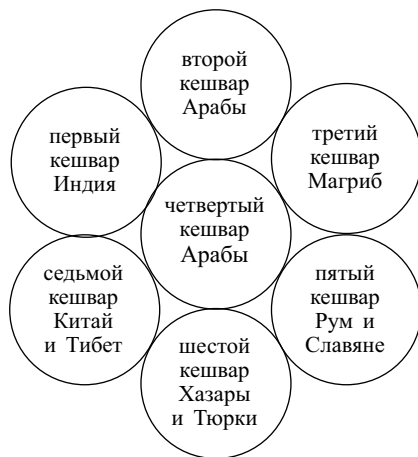
⁶⁴ Щеглов Д.А. Система семи климатов. С. 249.

⁶⁵ Фарсах — персидское слово *парасанг*: мера длины около 6 км.

⁶⁶ Калинина Т.М. Арабский источник X в. (географический трактат «Чистых братьев») о территории СССР и сопредельных районах // ДГ. 1982 г. М., 1984. С. 200.

Ал-Масуди тоже знал как термин *иклим*, так и систему семи климатов, при этом он считал, что климаты — это не что иное, как иранские *кешвары*. Система кешваров — это иранская традиция деления мира на области, где климаты выглядели как круги, один из которых находился посередине, а остальные шесть располагались вокруг и касались центрального и друг друга. Ал-Мас'уди так описал эту систему климатов: «Рассказ о семи климатах, о том, как они разделены, об их границах, о суждениях относительно их длины и ширины и [другом], что касается этого. Все то, что является обитаемой землей, подразделяется на семь частей, каждая из которых называется *иклим* (климат. — *Т.К.*). Разделение климатов обитаемой Земли Севера сделано так, что они расположены по окружности. В ее середине помещен четвертый климат, т.е. климат *Бабила* (Вавилон), а шесть [остальных] — по окружности вокруг него. Каждый климат имеет 700 фарсахов как в длину, так и в ширину. Первый климат — *ал-Хинд*, второй — *ал-Хиджжас* и *ал-Хабаша* (Абиссиния, соврем. Эфиопия), третий — *Миср* (Египет) и *Ифрикия* (Тунис), четвертый — *Бабил* (Вавилон) и *ал-Ирак*, пятый — *ар-Рум*, шестой — *Йаджудж* и *Маджудж* (библейские народы Гог и Магог), седьмой — *Й.а.м.арис* (?) и *ас-Син*»⁶⁷.

В книге ал-Бируни «Вразумление начаткам науки о звездах» сохранилась подобная схема кешваров, хотя и несколько иная по расположению народов в ней⁶⁸:

⁶⁷ *al-Masūdi*. P. 32.

⁶⁸ Аль-Бируни Абу-р-Райхан Мухаммад ибн Ахмад. Книга вразумления начаткам науки о звездах // Абу-р-Райхан ал-Бируни. Избранные произведения. Ташкент, 1975. Т. VI. С. 113.

Однако есть у нашего автора описания климатов, которые как будто не соответствуют теории семи кешваров. В «Золотых копиях» ал-Мас‘уди так распределял земли: первый климат занимают Вавилон, Хорасан, Ахваз (провинция Халифата, соврем. Хузистан), Мосул (город в Северном Ираке), Джибал (горная область в Ираке, древняя Мидия); этот климат находится под знаком Овна и Стрельца, его планета же — Юпитер. Во втором климате находятся Синд, Хинд и Судан; его знак Зодиака — Козерог, планета — Сатурн. В третьем климате — Мекка, Медина, Йемен, Та’иф (город в Аравии), Хиджаз и земли между ними; знак Зодиака этого климата — Скорпион, планета — Венера. Четвертый климат принадлежит Египту, Ифрикийе, территории берберов, Испании и прилегающим областям; знак Зодиака — Близнецы, планета — Меркурий. Пятый климат — Сирия, земли Рума, Джазира (Месопотамия); находится климат под знаком Водолея, планета же — Луна. В шестой климат входят территории тюрок, хазар, Дейлема и славян; знак Зодиака — Рак, планета — Марс. Седьмой климат — область *ад-Дайл* (?) и Китай; знак Зодиака — Весы, планета — Солнце⁶⁹. Он писал также, что «все города в климатах [находятся] на одной линии... и все климаты также [находятся] на [одной] прямой линии, такими я видел их на изображении [карты] ал-Ма’муна и других картах»⁷⁰.

Не исключено, что подробное описание климатов в книгах ал-Мас‘уди соответствует карте, изготовленной для халифа ал-Ма’муна, о которой наш автор упоминал неоднократно.

Таким образом, вероятнее всего, ученым были использованы разные источники при рассказах о семи климатах. Он и сам подтверждал это обстоятельство упоминанием о различных точках зрения предшествующих мудрецов на теорию семи климатов.

Кроме нее, наш ученый рассказывал о делении земли на четверти: восток и юг с жарой и сухостью, преобладающими из-за близости солнца; запад и север с доминирующими холодом и влажностью из-за отдаленности светила. По мнению ал-Мас‘уди, обитатели восточной четверти отмечены могуществом власти правителей и благородством душ, склонностью к искусствам и наукам; жители западной четверти отличаются склонностью к набожности и благочестию.

Среди разных народов наш автор выделял именно персов, поскольку они жили в четвертом, срединном климате Вавилона (*Баби-*

⁶⁹ *Maçoudi*. Т. I. P. 181–182.

⁷⁰ *al-Masûdi*. P. 70.

ла). Именно такое положение, по мнению ал-Мас'уди, определило величие власти персов, древность и упорядоченность их правления, свойственную им добрую политику и мягкость по отношению к подвластному населению, заселенность и процветание областей, подчиненность многих владык мира их власти. «Именно из-за его (климата — Т.К.) центрального положения, о котором мы упоминали, владыки древних народов поселились здесь, ведь отношение владыки к государству таково, как отношение сердца к телу, где оно находится»⁷¹.

Напротив, отдаленные от центра земли и солнца народы называются мало цивилизованными: «Что до обитателей северной четверти земли, то это те, у которых солнце удалено от зенита, пребывающие на севере, такие, как славяне, франки и их соседи. Власть солнца над ними слаба из-за удаленности от него, над их областями господствует холод и влажность, у них сменяют друг друга снег и мороз, поэтому среди них редок пылкий темперамент. Их тела стали увеличенными, их природные свойства стали грубыми, а характер неуравновешенным, их умы не развиты, а языки тяжеловесны. Цвет [кожи] стал белым сверх меры настолько, что от белизны перешел в голубой, их кожа тонка, а плоть груба. Глаза тоже стали голубыми, их волосы не курчавятся и стали рыжими из-за преобладания влажных паров... А у тех, кто не относится к ним и обитает далее на север, господствует тупость, грубость и жестокость, и эти качества умножаются по мере их удаления к северу». Сюда же относятся тюрки: «Лица их стали круглыми, а глаза маленькими, по той причине, что в их лицах [должно] удерживаться тепло, когда их телами овладевает холод. А поскольку холодный темперамент порождает обилие крови, цвет [их тел] становится красным: ведь последствие охлаждения таково, что тепло собирается в одном месте и проявляется здесь... Что же касается тех, кто находится за этой широтой на расстояние свыше 60 миль, то это — народы *йаджудж* и *маджудж* (легендарные библейские *гог* и *магог* — Т.К.), они живут в шестом климате, они, поистине, из числа животных». Жители южной четверти земли также грубы и неотесанны из-за слишком близкого положения к солнцу, где оно палящее и обжигающее; это люди чернокожие и курчавые⁷².

⁷¹ *al-Masûdi*. P. 36.

⁷² *Ibidem*. P. 23–24.

Таким был результат осознания и осмысления географического пространства арабским автором, опиравшемся на традиционные и новые представления средневековых ученых. Ал-Мас‘уди смог осуществить переход от временного представления о прошлых и настоящих народах к пространственному определению их места. В представлениях ал-Мас‘уди образ пространства стал одновременно и образом времени; их роли смыкаются и являют собой достаточно отчетливую пространственно-временную картину мира, свойственную средневековым хранителям знаний, — хронотопа, по мысли М.М. Бахтина⁷³.

⁷³ Бахтин М.М. Вопросы литературы. С. 235.

Матюшина И.Г.

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ
В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ЛИРИКЕ

Древнеанглийская поэзия никогда не была обойдена вниманием ученых и до сих пор изучается самым пристальным образом, однако, насколько известно, не существует исследований, посвященных анализу того, как в ней трактуется пространство и время.

В современных критических исследованиях прослеживается склонность к детальным жанровым атрибуциям англосаксонских произведений и, следовательно, к изучению их в максимальной изоляции. К группе элегий, как правило, причисляются следующие семь англосаксонских поэм: «Руины», «Скиталец», «Морестранник», «Деор», «Вульф и Эадвакер», «Жалобы жены» и «Послание мужа». Из этой группы многие исследователи (тоже по разным причинам) исключают «Руины», «Деор» и «Послание мужа». «Деор» считают то героической поэмой, то заклинанием¹, то просительной поэмой². «Послание мужа», наименее элегическое по тону, интерпретируется критиками как «персонифицирующая» (*prosopopoeic*) аллегория, в которой рассказ ведется от лица рунической палочки или некоего друга — «представителя» мужа, или Святого Креста³. «Скиталец» и «Морестранник» рассматриваются и как аллегории⁴, и как покаянные поэмы⁵,

¹ Bloomfield M. The Form of Deor // Publications of the Modern Language Association of America. 1964. Vol. 79. P. 534–541.

² Eliason N.E. «Deor» — a Begging Poem? // Medieval Literature and Civilization / Ed. D.A. Pearsall, R.A. Waldron. L., 1966. P. 185–192; 1969. P. 55–61.

³ Kaske R.E. A Poem of the Cross in the Exeter Book: «Riddle 60» and «the Husband's Message» // Traditio. 1967. Vol. 23. P. 41–71.

⁴ Smithers G.V. The Meaning of the «Seafarer» and the «Wanderer» // Medium Ævum. 1957. Vol. 26. P. 137–153; 1959. Vol. 28. P. 99–104.

⁵ Henry P.L. The Early English and Celtic Lyric. L., 1966. P. 133–176.

и как произведения, относящиеся к литературе мудрости⁶, и как прения⁷.

Элегиями в полном смысле слова обычно считают только «Жалобы жены» и «Вульф и Эадвакер»⁸. Однако и «Вульф и Эадвакер», наиболее темное и фрагментарное из всех англосаксонских произведений, долгое время относили к загадкам (разгадка которой — «Кюневульф»⁹). В настоящее время этот фрагмент причисляют к философско-элегической любовной поэзии. «Жалобы жены» часто рассматривают как монолог, произнесенный героем, а не героиней¹⁰, специально оговаривая случаи текстуального употребления местоимений женского рода. Обычно предполагается, что жанр «женской песни» (*Frauenlied*) в древнеанглийской поэзии не был развит. Более того, высказывалось даже мнение, что ни одна древнеанглийская поэма не может быть с достаточными основаниями причислена к жанру элегии¹¹.

Действительно, отнести определенную группу англосаксонских поэтических памятников к одному жанру так же трудно, как и определить меру их лиричности. Древнеанглийские произведения ускользают от однозначных жанровых атрибуций и благодаря единообразию их формальной организации — все они сочинены аллитерационным стихом, и из-за однородности используемого ими поэтического языка — кеннинги, синонимика, формульные словосочетания унаследованы англосаксонскими поэтами из общей поэтической традиции¹². Не выделяются древнеанглийские «элегии» или те памятники, которые можно было бы условно на-

⁶ Bloomfield M. Understanding Old English Poetry // *Annuaire Mediaevale*. 1968. Vol. 9. P. 5–25.

⁷ Pope J.C. Dramatic Voices in the «Wanderer» and the «Seafarer» // *Franciplegius: Medieval and Linguistic Studies in Honor of F.P. Magoun* / Ed. J.B. Bessinger, R.P. Creed. N.Y.; L., 1965. P. 164–193.

⁸ Timmer B.J. The Elegiac Mood in Old English Poetry // *English Studies*. 1942. Vol. 24. P. 33–44.

⁹ Rieger H.M. Über Cynewulf // *Zeitschrift für deutsche Philologie*. 1869. Bd. I. S. 215–219.

¹⁰ Stevens M. The Narrator of the «Wife's Lament» // *Neuphilologische Mitteilungen*. 1968. Bd. 69. P. 72–90.

¹¹ Renoir A. The Least Elegiac of the Elegies: A Contextual Glance at the Husband's Message // *Studia Neophilologica*. 1981. Vol. 53. P. 69–76.

¹² О жанровых и формальных особенностях древнеанглийских поэтических памятников см.: Смирницкая О.А. Поэтическое искусство англосаксов // *Древнеанглийская поэзия* / Изд. подг. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М., 1982. С. 171–232.

звать лирическими, и преобладающим в них настроением. Как не раз упоминалось в литературе, для всей англосаксонской поэзии характерно «трезвое достоинство и признание трагической серьезности жизни»¹³. Тем не менее, мы попытаемся показать, что некоторые особенности все же отличают определенную группу памятников от остальной древнеанглийской поэзии. К этим особенностям, в частности, следует отнести способы трактовки пространства и времени в той группе памятников, которые можно причислить к лирическим.

Все поэмы, говоря о которых можно (с разной долей условности) использовать термин «лирика», сохранились в единственной рукописи — так называемой «Эксетерской книге», подаренной епископом Леофриком (ум. 1072 г.) библиотеке собора в Эксетере (где она хранится и поныне). Хотя рукопись можно датировать с большой вероятностью (она была, скорее всего, написана в 970–980 гг. в западной части Уэссекса), время и место создания содержащихся в ней поэм вызывает разногласия ученых: хронологические атрибуции варьируются между VII и X вв. включительно, локализация — между Уэссексом и Нортумбрией. Большинство исследователей полагают, что поэмы «Эксетерской книги» сочинены в VIII–IX вв. и отражают смутность и неустойчивость этого периода английской истории (войны нортумбрийских и мерсийских правителей, уничтожение родов, падение городов).

Создание произведений «Эксетерской книги» с их описаниями бренности всего мирского и вечности духовного, небесного, несомненно, связано с распространением христианства. Эти лирические поэмы во многом отличаются по тону и настроению от привычной нам «личной» лирики, оплакивающей или прославляющей индивидуальные горести и радости. Как правило, их основные темы обусловлены универсальными мотивами: трагичности бытия, мимолетности мирской славы. В своих лирических произведениях англосаксонские поэты размышляют о всеобщности судьбы людей, их обреченности, предвосхищая многие темы современной лирики с ее акцентами на слабости человека, бренности красоты, вечности тайны смерти.

Лирические англосаксонские поэмы обычно представляют собой монологи, в которых от первого лица рассказывается о про-

¹³ *Kennedy Ch. The Earliest English Poetry: A Critical Survey of the Poetry Written before the Norman Conquest. L., 1943. P. 20.*

шлой жизни лирического героя. Каким бы ни было это прошедшее, счастливым или несчастливым, оно всегда противопоставляется настоящему. Англосаксонская лирика не только говорит о былых утратах и страданиях в настоящем (а нередко и возможном утешении в будущем), но и всегда выражает отношение к этому лирического героя. Образ лирического героя и характерное для англосаксонской поэзии внимание к изображению его переживания появляются в ней не сразу. Попытаемся расположить древнеанглийские поэтические памятники в порядке, определенном, условно говоря, мерой их «лиричности», и рассмотрим особенности трактовки пространства и времени в наиболее ранних образцах лирической поэзии.

ЛИРИЧЕСКИЕ ФРАГМЕНТЫ В ЭПИЧЕСКОЙ И ГЕРОИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Первый лирический фрагмент в «Беовульфе», который условно можно назвать «Плачем последнего отпрыска великого рода» (2231–2270), посвящен теме *sic transit*. Великая нация людей исчезла, остался последний представитель некогда могущественного рода. Он унаследовал все родовое богатство, но дни его сочтены, и недолго осталось ему наслаждаться своим сокровищем. Он относит весь клад в курган на берег моря и там охраняет его, пока не приходит смерть:

«Swa giomormod / gιοhδο mænde // an æfter eallum, / unblīde hwe[arf] // dægес ond nihtes, / ođđæt deaðes wylm // hran æt heortan» — «Так грустный духом, / он оплакивал свои несчастья, // одинокий, всех переживший, / нет ему покоя // ни днем, ни ночью, / пока длань смерти // не сожмет его сердце» (2267–2270a)¹⁴.

Элегические мотивы сосредоточены преимущественно в речи этого последнего отпрыска великого рода. Его лирический моно-

¹⁴ Здесь и далее примеры древнеанглийской поэзии приводятся по: The Anglo-Saxon Poetic Records: a collective edition. Vol. I–VI / Ed. G. Ph. Krapp, E. van K. Dobbie. N.Y.; L., 1936–1954 (1931. Vol. 1: The Junius Manuscript; 1932. Vol. 2: The Vecelli Book; 1936. Vol. 3: The Exeter Book; 1953. Vol. 4: Beowulf and Judith; 1932. Vol. 5: Paris Psalter; 1942. Vol. 6: The Anglo-Saxon Minor Poems). Перевод на русский язык за исключением специально оговоренных случаев выполнен автором статьи. В скобках даны номера строк по памятникам, буквы соответствуют номерам полустиший (*a* — первое полустишие в долгой строке, *b* — второе полустишие).

лог, пронизанный жалобой на миновавшее величие прошлого, начинается с обращения героя к земле:

«Heald þu nu, hruse, / nu hæleð ne moston, // eorla æhte!» — «Храни ты теперь, земля, / то, что мужи не смогли сохранить, // достояние вождей!» (2247–2248a).

Погиб великий род, все прожили свои жизни, все своей чередой покинули пиршественные палаты. Не осталось никого, кто мог бы вычистить оружие, покрывшееся пылью и ржавчиной. И воины, и их доспехи глеют в земле:

«Guðdeað fornam, // feorhbealo frecne / fyra gehwylcne // leoda minra / þara ðe þis lif ofgeaf, // gesawon seledream. / [Ic] nah hwa sweord wege // oððe fe[ormie] / fæted wæge, // dryncfæt deore; / dug[uð] ellor sceoc» — «Смерть в битве унесла, // страшное горе, / каждого мужа // из моего рода, / все отдали жизни: // они видели радость пиршественных палат. / Никого нет у меня, кто бы мог носить меч // или заставить сверкать / блестящую чашу, // дорогой пиршественный сосуд; / воины отошли в мир иной» (2249a–2254).

Так, из некогда славного рода остался один, чтобы скорбеть о прошедшем величии, один, кому даровано еще несколько дней или лет, пока и его не достигнет смерть. О былом могуществе напоминают лишь сокровища, которым тоже суждено вернуться в землю. Все погружено в молчание, покой смерти и непрерывный ход неостановимого времени. Настоящее в этом фрагменте совмещается с прошедшим, которое оказывается бесконечно более реальным — утраченное в прошлом делает вечным нынешнее горе. Эта особенность восприятия времени, сообщаемая субъективностью памяти говорящего, придает лирическую окрашенность всему отрывку.

Второй, еще более краткий лирический фрагмент в «Беовульфе» может быть условно назван «Плачем отца». Этот лирический отрывок связан с рассказом Беовульфа о смерти Херебальда, убитого своим братом. Горе его отца (дяди Беовульфа), старого короля Хредела, сравнивается с горем отца, чей сын был повешен на виселице. На нарративном уровне основанием для этого сравнения служит то, что ни один из них не может отомстить за смерть сына. Этот лирический фрагмент кажется инкорпорированным в эпическую ткань «Беовульфа» с единственной целью — он служит тому, чтобы дать лирическое объяснение (а возможно и психологическое обоснование) чувствам Хредела:

«Swa bið geomorlic / gomelum ceorle // to gebidanne / þæt his byre ride // giong on galgan, / þonne he gyd wrece, // sarigne sang, / þonne his sunu hangað // hrefne to hroðre, / ond he him helpe ne mæg // eald ond infrod, / ænige gefremman. // Symble bið gemyndgad / morna gehwylce // eaforan ellorsið; / oðres ne gymeð // to gebidanne / burgum in innan // yrfewardas, / þonne se an hafað // þurh deaðes nyd / dæda gefondad. // Gesyhð sorhcearig / on his suna bure, // winsele westne, / windge reste // reote berofene. / Ridend swefað, // hæleð in hoðman; / nis þær hearpan sweg, // gomen in geardum, / swylce ðær iu wæron. // Gewiteð þonne on sealman, / sorhleoð gæleð // an æfter anum; / þuhte him eall to rum, // wongas ond wicstede». — «Так горестно / старому мужу // вынести то, / что его сын скачет // юным на виселице; / тогда он жалобу слагает, // скорбную песнь, / тогда как сын его висит // на радость воронам, / и он ему помочь не может, // старый и мудрый, / ничего не может сделать. // Постоянно напоминает ему / каждое утро // о гибели сына; / другого не хочет // он ждать / в твердыне // наследника, / когда одного // постигла нужда смерти, / привела к концу. // Печально смотрит он / на жилище сына, // покинута пиршественная палата, / ветром продуваемое место отдохновения // лишено радости; / всадники спят, // воины в могилах; / нет звуков арфы, // нет веселья в палатах, / как некогда бывало. // Так идет он ко сну, / тоскливую песнь поет // один об одном; / все кажется ему слишком просторным // — и поля, и жилище» (2444–2462a).

После гибели сына безутешный отец ходит по своим владениям, где в прошлом радовался пирам и забавам. С тоской смотрит он туда, где жил его сын, — не слышно там ни звуков арфы, ни веселья, как прежде. Во фразе «все кажется ему слишком просторным — и поле, и жилище» поразительно точно использована чисто психологическая деталь (когда дом или комната недавно умершего вдруг начинают казаться огромными и пустыми). Всего в нескольких строках описывается вся безнадежность горя старика-отца, потерявшего сына. Здесь нет места действию, речь идет только о чувствах. Жилище сына, пустое и безмолвное, — символ неутолимого горя отца.

В приведенных строках некоторые детали как будто лишены уместности. Сын скорбящего старца мертв. Но кто же те воины и всадники, которые спят в своих могилах? Может быть, это только конвенциональные образы исчезнувшего прошлого, чьи призрачные тени вызываются воспоминаниями лирического героя и в таких англосаксонских произведениях, как «Скиталец» и «Руины». Кажется, что элегическая условность, а не нарративная функциональность

приводит их на память в «Беовульфе», предвосхищая универсальность лирического топоса.

Можно предположить, что этот лирический отрывок приобретает в эпическом памятнике особую композиционную функцию. Он задает тон всей финальной части поэмы, предвосхищая гибель самого главного героя, чьим дружинникам тоже суждено «спать в могиле», а пиршественным палатам — стоять «продуваемыми ветром». Рассказ Беовульфа о трагическом прошлом превращается в эмоциональное провидение им своего будущего. Таким образом, весь лирический фрагмент, описывающий переживания главного героя, оказывается эмоционально нагруженным, чем оправдывается его включение в основную эпическую ткань поэмы.

В приведенных фрагментах «Беовульфа» характерные черты, ассоциирующиеся в современном восприятии с лирической поэзией, присутствуют в эмбриональном виде. Тем не менее «плачами» оба отрывка могут быть названы лишь условно. По своим жанровым признакам они более близки к элегиям, ибо сочиняются не в момент гибели тех, о ком скорбит герой, но тогда, когда память принуждает его вспомнить о них. Неявно выражена, особенно в первом фрагменте, субъективная позиция говорящего. Всего один раз появляется в этих лирических фрагментах «Беовульфа» обращение от первого лица («Нет у меня никого», 2252). О рассказчиках в обоих фрагментах говорится в третьем лице — описывается их горе, вызванное утратой сородичей, гибелью сына; на самом же деле — всего героического, эпического мира.

Можно высказать предположение, что древнеанглийская лирика зарождается как выражение ностальгических чувств, вызванных утратой ценностей эпоса. Этот эпический, героический мир всюду напоминает о себе в стадиально ранней лирике: и характерной для эпоса детализацией в перечислении, и конвенциональной формульностью языка обоих отрывков. Очевидно, из эпоса (как будет показано ниже) унаследованы древнеанглийской лирикой и ее главные мотивы пути, путешествия (*sip*), и ее основной тон подчеркнутой объективности, дистанцированности. Склонность к объективизации переживания позволяет ввести в лирику гномические мотивы — индивидуальное чувство обобщается и возвышается до общечеловеческих переживаний. Характерно окончание первого лирического фрагмента в «Беовульфе», где рассказчик заключает повествование о своих несчастьях и гибели сородичей гномической фразой о «страшной смерти» (*bealocwealm*), унесшей

многих из «рода людского» (*feorhcynn*). Гибель последнего представителя некогда великого племени кладет конец его скорбному рассказу. Этому, возможно, одному из самых типологически ранних лирических монологов в англосаксонской поэзии не суждено перейти ни в более распространенную гномику, ни в полном смысле слова лирику.

* * *

Как и в приведенных отрывках из «Беовульфа», лирические и героические мотивы образуют единую ткань в такой древнеанглийской поэме, как «Деор». Лирический фрагмент — заключительная часть этого произведения — помещен в контекст аллюзий на древнегерманские героические сказания. Из семи строф, на которые делится поэма, первые пять посвящены персонажам и сюжетам германских легенд: пленение Веланда Нидхадом (Веланд «изведал изгнание <...> горести терпел, страдал и тосковал он по сотоварищам, в холодном зимнем изгнании, часто беды приходили, когда его Нидхад» пленил: «то прошло, и это пройдет»); месть Веланда сыновьям Нидхада и его дочери Беадохильд (Беадохильд, соблазненная Веландом, больше горевала о «бремени во чреве», чем о гибели братьев; не могла она с легким сердцем подумать, что выйдет из этого: «то прошло, и это пройдет»); любовь Геата к Мэдхильд («безграничной стала страсть Геата, эта горькая любовь лишила его сна»: «то прошло, и это пройдет»); изгнание Теодрика (Теодрик правил мэрингами тридцать лет: «то прошло, и это пройдет»); «волчий нрав» Эорманрика (Эорманрик был жестоким правителем готов, «не один муж сидел, печалью скованный, ждущий беды, часто желая» избавиться от его страшной власти: «то прошло, и это пройдет»).

Шестая строфа заключает гномическое размышление о «дарах людских» — о том, что Господь дарует милость одним и наказует других: «Сидит опечаленный заботой, лишенный радостей, грустит в душе, о себе самом думает, что бесконечен удел страдающий. Тогда может он размыслить про то, что в этом мире мудрый Господь все изменяет; многим мужам честь и славу посылает, некоторым — горестную участь» (28–34). Эта гномическая строфа, также содержащая типический для лирики образ «опечаленного заботой, лишенного радости» героя, который размышляет «о себе самом», подготавливает переход от краткого изложения герман-

ских героических сказаний к собственно лирическому завершению поэмы:

Þæt ic bi me sylfum	secgan wille,	О себе самом хочу поведать, что я был однажды певцом Хеоденингов, любезным господину, мое имя было Деор. Многие зимы верно служил милостивому повелителю, пока Хе- орренда — человек, искусный в пес- нях, то право на землю получил, ко- торое защитник воинов прежде мне даровал. То прошло, и это пройдет!
þæt ic hwile wæs	Heodeninga scop	
dryhtne dyre,	me wæs Deor noma.	
Ahte ic fela wintra	folgað tilne,	
holdne hlaford,	oþþæt Heorrenda nu,	
leodcraeftig monn,	londryht gefah	
þæt me eorla hleo	ær gesealde.	
þæs ofereode:	þisses swa mæg!	

(35–42)

Процитированные восемь строк, заключающие поэму, вне сомнения, могут быть отнесены к лирическим, прежде всего потому, что речь здесь ведется от первого лица, рассказывается о несчастьях, выпавших в прошлом на долю самого поэта. Более того, эта последняя строфа придает оттенок личного переживания и тем германским героическим сказаниям, которые упоминались в предшествующих строфах. Поэт, страдающий в несправедливом изгнании, утешает себя мыслью о еще горших бедах, ставших уделом славных героев прошлого. Авторское «я» здесь в большой степени иллюстративно — пример несчастий самого певца так же показателен, как и судьба героев германских героических сказаний в других *exempla*, и подтверждает главную мысль — и гномической строфы, и всей поэмы — о бренности всех земных горестей и радостей¹⁵. Как и всегда в древнеанглийской лирике (что легко заметить и на примере «Беовульфа»), личное чувство включено здесь в более универсальный контекст. Не только гномическое размышление о человеческой судьбе в «юдоли страданий», но и рефрен поэмы напоминает о том, что все горести мирской жизни преходящи. Этот подчеркнуто «стоический» рефрен, героические аллюзии, занимающие, несмотря на компрессию, большую часть поэмы, управляют и сковывают выражение непосредственных переживаний поэта. Как и в «Беовульфе», общий тон произведения остается объективным и отстраненным, о самих несчастьях поэта говорится сдержанно и сжато, в чем, вероятно, определенную роль играет и текстуальная краткость «Деора» (всего 42 строки).

¹⁵ Гвоздецкая Н.Ю. Язык и стиль древнеанглийской поэзии. Проблемы поэтической номинации. Иваново, 1995. С. 64–71.

Имя главного героя древнеанглийской поэмы — Деор («дикий зверь»), встречается в странном для современного читателя контексте: «мое имя было Деор» (*me wæs Deor nama*, 37*b*). Остается только догадываться о коннотациях употребленной здесь формы прошедшего времени: героя звали Деор в то время, когда он был «певцом Хеоденингов», пользовавшимся расположением своего господина и имевшим «право на землю». Ныне утративший свой героический мир, дружинный певец лишается и своего имени. Нельзя исключать, что Деор — реальное имя неизвестного нам англосаксонского скопа, однако возможно, что это — некий фиктивный персонаж или ритуальная маска. Очевидно, что, как и нехарактерная для древнеанглийской поэзии строфика, будто ищущая для лирики наиболее приемлемую форму самовыражения, необычное имя, вынесенное в заглавие этого произведения, говорит о поисках обозначения произносящего лирический монолог персонажа, отличного и от автора, и от действующего лица, но предвосхищающего появление образа лирического героя в англосаксонской поэзии.

МЕДИТАТИВНАЯ ЛИРИКА

Произведения, которые можно отнести к англосаксонской медитативной лирике — «Смирение», «Скиталец», «Морестранник», «Рифмованная поэма», «Руины», сходны с поэмой «Деор», а отчасти и с лирическими фрагментами «Беовульфа» и общей темой — индивидуального страдания, и образом главного героя — мучающегося изгнанника, и характерной трактовкой времени. Однако те признаки лирики, которые мы наблюдали в эмбриональном виде на примере эпических и героических памятников, присутствуют здесь в полной мере.

Лирическая часть включена в англосаксонскую поэму «Смирение» (или «Молитва изгнанника»). Как показывает второе название произведения, оно могло бы быть причислено к жанру молитвы и отнесено к духовной поэзии: начальные 80 строк заключают молитву о милости Господней и имеют много общего с покаянными псалмами. Первая (молитвенная) часть поэмы может быть названа лирической в том отношении, что это — личное высказывание, обращенное к Господу (для обозначения Бога в первых четырнадцати строках используется десять эпитетов). Начальная, молитвенная часть сменяется картиной несчастной жизни, посылаемой герою в наказание за грехи. Молитва произносится изгнанником нака-

нуне его смерти, перед концом «быстротечных дней» («leogendum dagum», 31) — земной жизни. Как и в лирических фрагментах в «Беовульфе», настоящее смыкается с минувшим: герой просит о помощи теперь, так как совершил грехи в прошлом. Описание его нынешнего состояния (он запятнан грехом и боится за свою душу) ведет к еще одному упоминанию прошедшего: в пору своей молодости он прогневал Бога. Однако герой выражает благодарность за ниспосланные ему в юности испытания и находит мужество радостно принять все трудности, которые суждены ему в будущем. В молитву вплетается главная тема всей англосаксонской лирической поэзии — изгнания. Настоящее героя — горестное «лирическое» настоящее, время страданий, одиночества вдали от родины, от дружеского участия родных. Если в молитве герой-грешник кается, то во второй лирической части герой-изгнанник жалуется: его дух смятен, его сердце полно печали.

Изгнанник говорит о себе как об оставшемся «без друзей» («wineleas», 91) и «лишенном человеческих радостей» («leodwynna leas», 90). В прошлом он грешил, совершал злодеяния и навлек на себя гнев Божий (78b–91). Теперь в горестном настоящем он, оторванный от Господа и людей, обречен многие годы терпеть «скорбное мученичество» («martirdom deorne», 81a–82): нищету, тяготы бездомности и страха. Как и у всех героев англосаксонской лирики, его «...сердце всегда печально, / поутру дух его болен» («...a sefa geomor, / mod morgenseoc», 95b–96a), «Одинокий // и лишенный человеческих радостей / не может так больше жить // оторванный от друзей изгнанник, / гневается на него Господь...» («Ne mæg þæs anhoga, / leodwynna leas, / long drohtian, // wineleas wræcca / is him wrað meotud...», 89b–91a).

За исключением двух приведенных и шести последующих строк, описывающих мучения изгнания и одиночества, вся поэма представляет собой рассказ от первого лица. Изменение лица в этом произведении функционально обусловлено: оно начинается с молитвы, произносимой от первого лица (1–76), затем описываются прошлые грехи кающегося и кара за них (77–84). Так предваряется следующая часть, повествующая в третьем лице о страданиях «несчастливого — лишённого друзей» в настоящем. Заканчивается это описание словами, вводящими последнюю лирическую часть поэмы: «Ic bi me tylgust secge þis sarspel» (96b–97a) — «Я о себе самом (или в «связи с самим собой») рассказываю эту горестную историю».

Далее следует изображение страданий главного героя, где сказчик вновь возвращается к повествованию от первого лица:

...ond	ymb	sip	spræce,	...и говорю о своем пути, борясь с
longunge fus,		ond on lagu þence.		тоской, и думаю о море. Не знает
Nat min			<...>	мой <...>, как мне купить лодку для
hwy ic gebycge		bat on sæwe,		моря, корабль для путешествия; нет
fleot on færoðe.		Nah ic fela goldes,		у меня много золота, ни тех дру-
ne huru þæs freondes		þe me gefylste		зей, которые могли бы помочь мне
to þam siðfate,		nu ic me sylf ne mæg		на моем пути, теперь я сам не могу
fore minum wonæhtum		willan adreogan		исполнить своей воли из-за нужды
Wudu mot him weaxan,		wyrde bidan,		моей. Леса могут цвести, судьба
tanum lædan.		Ic for tæle ne mæg		ждать, побегов расти; я же по своей
ænigne moncynnes		mode gelufian,		вине не могу никакого повелителя
eorl on eple.		Eala, dryhten min,		людей на земле сердцем возлюбить.
meahtig mundbora,		þæt ic eom mode /s/eoc,		Увы, Господи мой, могуществен-
bittre abolgen.		Is seo bot æt þe		ный Защитник. Я болен сердцем,
butan earfofum		ænge þinga,		горько страдаю, одно спасение в
feasceaft hæle,		foldan /w/unian.		Тебе после жизни. Я, несчастный
				человек, не могу никак жить без
				страданий в свете на этой земле.

(96b–113)

Многое в этих строках не вполне понятно, что объясняется, в частности, палеографическими трудностями. Лирический герой должен отправиться в путь, но опасается этого. «Путь» (*sið*) может метафорически обозначать иную жизнь, и тогда вся поэма должна быть понята как приготовление и размышление о собственной смерти. Герой готовится к ней, страшится ее и просит Божьей помощи — так эта часть текста связывается с первой — молитвенной и покаянной. В поэме «Смирение» речь идет, по-видимому, о двойном изгнании: с одной стороны, вынужденном и реальном, с другой — желанном и отнесенном в будущее. Описание вынужденного изгнания в настоящем также допускает два уровня истолкования: буквальное и метафорическое — греховность жизни в этом мире. Тогда желанное плавание, к которому стремится и которого боится герой, вновь может быть понято как буквально, так и метафорически — как грядущее путешествие в мир иной, ведущее к обретению утраченного блаженства.

Вне зависимости от того, как толковать эту часть поэмы, ее главная тема — индивидуальная вина, порождающая глубоко личную трагедию, не вызывает сомнений. Безусловна также причастность этой темы к лирике. В «Смирении» используются характерные для фольклорной лирики стилистические приемы, например психологи-

ческий параллелизм, причем в его употреблении сказывается жанровая синкретичность поэмы. В последней лирической части произведения изгнанник уподобляет себя лесу, который живет своей судьбой, простирая всюду цветущие ветви и зеленеющие побеги (см. в приведенном выше фрагменте 105–106), в то время как он сам, отягощенный грехами, обречен жить с сердцем, закрытым для любви. В первой (духовной, молитвенной) части использован тот же образ: грешник называет себя «ветвью, побегом» на теле Господнем и молится о том, чтобы дьявол никогда не увлек «этот побег на ненавистный путь» («Ne læt þu mec næfre deofol, seþeah, // þin lim lædan / on laðne sið», 52b–53).

И в последней лирической, и в первой молитвенной части герой последовательно изображен озабоченным только своим личным спасением. Судьбы мира не представляют с его точки зрения интереса, ибо только на него одного направлена вся тяжесть гнева Господня. Страдающий, мучимый раскаянием герой, сознающий, что сам виновен во всех несчастьях, — главный персонаж и одновременно главная тема в поэме «Смирение». Возникновение именно в духовной поэзии образа говорящего от своего имени героя, скорее всего, связано с христианскими представлениями о собственной вине и личном спасении. Может быть, описание трагических переживаний героя, данное в чисто индивидуальном плане, послужило причиной того, что в научных исследованиях «Смирение» обычно трактуется как произведение не столь общезначимое (но, как следует добавить, оттого не менее лиричное), как другие англосаксонские поэмы, к рассмотрению которых мы переходим.

* * *

Англосаксонская лирическая поэзия достигает наивысшего развития в произведениях «Скиталец» и «Морестранник». Герои обеих поэм — изгнанники. Несмотря на сугубо личный характер их жалоб, они изображены не просто как индивидуумы. Типическая или иллюстративная функция образа героя подчеркивается его анонимностью: в «Скитальце» он просто — «одинокий» (*I*), с тяжелым сердцем совершающий свой путь (*sib*) по темным волнам и обреченный напрасно искать пиршественные палаты и того господина, который одарит его советом и любовью. Герои в этих поэмах выступают как представители всего человечества, живущего в природном мире после грехопадения. Этого мира страшился, предвидя

его, Адам в англосаксонской «Книге Бытия», когда понял, что за предательство Господу ему будет суждено стать скитальцем и мореплавателем в бурном море. Нет сомнения в том, что основная тема англосаксонской лирики — изгнания, скитаний, одиночества — развивается под сильным влиянием христианства.

Отождествление лирического героя со всем природным миром после падения подчеркивается и образной тканью англосаксонских поэм. День здесь сведен к ночи и предрассветным сумеркам, самому тревожному времени в древнегерманской поэзии, когда чаще всего происходят несчастья. Ранним утром (вероятно, перед рассветом — *uht(a)*) разворачивается действие многих древнеанглийских лирических поэм. Это — время особенных мучений, самой горестной, разрывающей душу, тоски (ср. употребленное в любовной поэме «Жалобы жены» слово «*uhtsearu*» — «утреннее горе, забота», 7), одиночества (ср. строку из «Жалоб жены»: «*fonne ic on uhtan / ana gonge*» — «тогда я утром / одна иду», 35). В лирическом отрывке «Беовульфа» несчастный отец каждое утро («*morne gehwylce*», 2450) оплакивает своего повешенного сына. Сильный ветер часто поднимается ранним холодным утром, усиливая горе и тоску лирического героя. В том же фрагменте «Беовульфа» страдающий отец горестно смотрит на покинутое, продуваемое ветрами жилище своего сына (2455–2457). В «Скитальце» герой говорит: «*Oft ic sceolde ana / uhtna gehwylce // mine seare swiþan*» («Часто должен я один / каждое утро // о моей печали говорить», 8–9). Контексты, подобные приведенным, помогают понять «*mod morgenseoc*» — «душу, больную утром» («Смирение», 96), лирического героя англосаксонской поэзии.

Неполон и годовой цикл героя лирических англосаксонских поэм. В «Скитальце» он живет в единственном времени года — зимнем, с его бурями, штормами, ледяным морем («*hrimcealde sæ*», 4), инеем, градом и снегом («*hrim and snaw, / hægle gemenged*», 48). Бушующие волны, ночь, зима усиливают впечатление вселенского хаоса и потерянности в нем героя. Реалистичность и изобразительность деталей — редкостно правдивые картины природы — заставляли предполагать Нортумбрию с ее суровым климатом в качестве родины этой поэмы.

Холод, зима и мороз, так же как и утро, ассоциируются в древней английской лирике с несчастьями и страданиями: в «Скитальце» лирический герой называет себя «*wintersearig*» — «опечаленным зимней заботой»; в «Деоре» Веланд страдает от «*wintercealde*

wtæse» — «зимнестуденой боли» (наказания, несчастья, 4a); инеем («hringeat», 4a; «hrim on lime», 4b) покрыты развалины, символизирующие упадок — тлен и бренность всего земного в поэме «Руины».

В приведенных (и подобных им) строках важно не только денотативное значение, но и ассоциативный ореол использованных слов. В «Скитальце» холод, стужа и горе ассоциируются с морем (101–105), в «Морестраннике» лирический герой, тоже страдающий во время морского плавания, оказывается узником ледяных оков (8–10). Описания морской бури (ср. «Скиталец», 3–4; 46–49; 101–105; «Морестранник», 7–11a; 14–25; 30–32) метафорически передают наивысшие страдания героя. В «Жалобах жены» героиня представляет себе мщение своему мужу «под каменным холмом, овеваемым бурями, омываемом морем» (48–50). Применительно к этим картинам можно говорить о лирических пейзажах, изображенных как антитеза описанию райских куш в англосаксонских духовных поэмах, таких как «Книга Бытия» и «Феникс». Вероятно, в подобных сценах поэт стремился не столько к реалистичности деталей, сколько к созданию у читателя определенного настроения.

Легко заметить, как раскрывается в англосаксонской медитативной лирике взаимосвязь природы и жизни героя, появляются элементы психологического параллелизма. Дни счастья для Скитальца миновали, властелина унесла смерть («моего золотого / друга тьма земли покрыла» — «goldwine minne / hrusan heolster biwra», 22), изгнание обрекло героя на вечное странствие по ледяному морю, где на смену свету и радости пиршественных палат пришли мрак и стужа, нарушаемые не ласковыми голосами любимых друзей, а пронзительными криками чаек. Изображению привязанности героя к его повелителю посвящены едва ли не самые проникновенные во всей древнеанглийской поэзии строки, полные любви и страстной нежности:

<p>þinceð him on mode clyppe and cysse honda ond heafod, in geardagum</p>	<p>þæt he his mondryhten ond on cneo lecge swa he hwilum ær giefstolas breac.</p>	<p>кажется ему в мыслях, что он владыку обнимает, и целует, и ему на колени кладет руки и голову как прежде, когда он получал в былые дни дары престола.</p>
<p>(41–44)</p>		

Вновь и вновь вспоминает Скиталец свою счастливую юность, верную службу любимому господину, пиры в праздничных палатах, шум веселых застолий, — все, что было «прежде, когда он получал

в былые дни дары престола». В тумане и ледяных волнах чудятся Скитальцу дорогие ему в прошлом лица друзей, но этим миражам суждено раствориться в предрассветной дымке, принуждая героя еще горше осознать свое одиночество в настоящем. Как и в «Беовульфе», в «Скитальце» удивительна верность этой психологической детали — человек, потерявший близких, видит их во сне, а просыпаясь, с новой болью осознает свою утрату. Контраст между сном и явью подчеркивается описанием времени года и природы: в мире сна тепло, наяву — зима.

Однако слушателю (или читателю) не дается возможность непосредственного сопереживания лирическому герою. Этот сон приписывается Скитальцем какому-то гипотетическому, «лишенному друзей мужу». Аналогичный прием дистанцирования характерен для всей поэмы: герой часто описывает, не что и как он чувствует, а то, что другой чувствовал бы в сходных обстоятельствах. Говоря о создаваемом этой поэмой образе Скитальца, можно с полным правом назвать его лирическим героем, отличным от фигуры рассказчика или автора.

Этот лирический герой пока в основном статичен. Образ пассивного героя, глубоко погруженного в себя, составляет контраст деятельным персонажам героических поэм. Жалующийся изгнанник, а в некотором смысле и предвосхищающие его фигуры — Деор, последний отпрыск великого рода, отец, плачущий по сыну в «Беовульфе», — составляют эмоциональную антитезу таким эпическим героям, как, например, сам Беовульф, говорящий Хродгару, что лучше отомстить за друга, чем горевать (1384b–1385), или «славный воин» Гутлак, в одиночку одержавший победу над силами зла, или апостол Андрей, освободивший из темницы святого Матфея и стойко перенесший истязания людоедов-мирмидонян, в духовных эпических древнеанглийских поэмах «Гутлак» и «Андреас».

Скитальца можно сравнить с Сатаной из англосаксонской «Книги Бытия». Оба они — вечные пленники своей памяти, наяву грезящие о милостях властелина, богатых дарах и товарищах юности. Для обоих Рай безвозвратно исчез — изгнание из него означает для них утрату господина. Как и Сатана, который восклицает: «опутали меня путы железные, оковали оковы, и покинула сила, я цепями тяжкими связан накрепко» (136–139), «я окован прочно, и ни прочь не уйти» (144), «держат меня оковы, кольца несокрушимые» (148; перевод В. Тихомирова), Скиталец «скован». Его грудь («ferðloca» — «оковы души») «крепко скована» («fæste binde», 13), «заледенела» («ferðloca

freorig», 33a). Сам он находится в изгнании далеко «за оковами волн» («ofer waþema gebind», 24b), «тоска вновь крепнет // у того, кто должен / часто возвращаться // за оковы волн / усталой душой» («searo bið geniwad // þam þe sendan sceal / swiþe geneahhe // ofer waþema gebind / werigne sefan», 56–57). Скиталец обречен вечно странствовать и оплакивать свою судьбу. Он оглядывается на прошедшее, на родину, на тот идеализированный героический мир, к которому был бы счастлив вернуться, и навсегда остается внутри замкнутого круга своих воспоминаний о прошлом.

Образ темницы, оков, заключения можно назвать центральным в древнеанглийской лирике. В «Скитальце» в качестве ключевого слова употреблен глагол *bindan* — «связывать, сковывать», пять раз встречающийся только в речи главного героя. Часто используются в этой поэме сложные слова со вторыми элементами *loca* — «заключение» и *sofa* — «ограниченное (замкнутое) пространство, комната, сундук». В «Жалобах жены» жилище героини описывается словами «земляная пещера» («eorðscræf», 28, 36), «земляные палаты» («eorðsele», 29), создающими впечатление могилы (что побудило многих исследователей считать героиню или похороненной заживо, или умершей, а всю поэму — ее загробным монологом¹⁶). Только воображение способно разомкнуть тесные границы этой темницы и вызволить из неволи душу героя: «se hreo hyge», 16a — «встревоженную (как море в шторм) душу». С темой скованности, несвободы контрастируют образы бесконечного пространства (часто морского), темы скитальчества, беспокойных поисков героя. Тот же образ используется и в описании странствующей души-птицы в «Морестраннике» (58–64a, см. ниже).

Мятущаяся душа героя устремляется в воспоминания о бесконечно желанном «дружинном» прошлом, однако создатель поэмы показывает, что этот мир обречен на уничтожение Господом. Индивидуальная трагедия Скитальца универсализируется и обобщается темой бренности земного существования. Лирика объединяется с гномикой. Скитания героя из локальных становятся экзистенциальными.

Нельзя не отметить прекрасной структурированности всей поэмы «Скиталец», где обе темы параллельно развиваются между вступи-

¹⁶ Lench E. The Wife's Lament: A Poem of the Living Dead // Comitatus. 1970. Vol. 1. P. 3–23; Tripp R.P. The Narrator as Revenant: A Reconsideration of Three Old English Elegies // Papers on Language and Literature. 1972. Vol. 8. P. 356–360; Johnson W.C. The «Wife's Lament» as Death-Song // The Old English Elegies: New Essays in Criticism and Research / Ed. M. Green. Rutherford; Madison; Teaneck, 1983. P. 69–81.

тельными и заключительными строками. Открывается поэма гномическими стихами (1–5), выражающими внутреннюю потребность в произнесении монолога: «Часто одинокий / о милости просит» («Oft him anhaga / are gebideð»). После этого герой, говорящий от первого лица, перечисляет свои беды (зимняя стужа, опасности, таящиеся в море, тоска по утраченному счастью, желание обрести друга и покровителя). Лирическая часть вновь сменяется гномической, вводящей тему всеобщей обреченности:

«Swa þes middangeard // ealra dogra gehwam / dreoseð ond fealleþ. // Forþon ne mæg wearþan wis / wer ær he age // wintra dæl in woruldrice. / Wita sceal gefyldig» (62b–65) — «Так этот мир // каждый день / клонится к гибели и упадку. // Поэтому не может человек стать мудрым, / пока не получит // свою долю зим в этом мире. / Должен мудрый муж быть терпеливым».

Лирические, ностальгические интонации уступают здесь место глобальному осмыслению вселенской трагедии. Прошлое счастье лирического героя безвозвратно разрушено, однако его горе в настоящем представляется как часть общей картины падения мира:

Eall is earfoðlic	eorþan rice;	Все полно тяготами в царстве земном; изменяется по закону судьбы мир под небесами. Здесь богатство не вечно, здесь друзья не вечны, здесь человек не вечен, здесь родичи не вечны. Все на земле станет пустынным.
onwendeð wyrda gesceaft	weoruld under heofonum.	
Her bið feoh læne,	her bið freond læne,	
her bið mon læne,	her bið mæg læne.	
Eal þis eorþan gesteal	idel weorþeð.	
	(106–110)	

Этими строками вводится третье, последнее, гномическое размышление, проводящее параллель между личной судьбой героя и всего света. Фокус повествования изменяется: индивидуальное становится надличным. Поэтическая жалоба расширяется до эсхатологического видения целого мира. Несмотря на замкнутость в обреченной на гибель юдоли страданий, лирический герой приходит к осмыслению своей индивидуальной судьбы как части общемировой трагедии всего земного.

Внутренний мир героя, его микрокосм приобретает макрокосмический характер, когда он вспоминает о бренности всего человечества, о пустых, заброшенных зданиях, которые некогда служили людям надежным укрытием и были приютом счастья. Образ могилы, где погребен властелин (23), символически расширяется и

охватывает все сущее: разрушенные «крепости великанов» («enta geweorc», 87), покинутые жилища — огромное кладбище, заполненное памятниками былой славы. Горечь утраты, тоска по навсегда потерянному порождают у лирического героя череду риторических вопросов и восклицаний на тему *ubi est*: «Куда канул конь? Куда канул воин? Куда канул раздаватель сокровищ? Куда канули пиршественные палаты? Куда канули радости застолий? Увы, яркая чаша! Увы, воин в кольчуге! Увы, слава правителя!» (92–95a).

Тема бренности всего земного, осознаваемой лирическим героем, вводит христианские мотивы в поэму. Переход к ней вполне естествен и подсказан противопоставлением изменчивости, трагической обреченности земного бытия и вечности райского блаженства. Поэма оканчивается, как и начиналась, обращением к милости Господней. Скиталец («eardstapa» — букв. «ступающий по земле», б) — герой лирической части поэмы становится «мудрым душой» («snottor on mode», III) — героем заключительной, гномической ее части.

Если первую часть поэмы можно было бы условно описать как героическую, то вторую следовало бы назвать духовной. Однако основная тема второй части раскрывается в поэме не в полном согласии с гомилетической традицией, к которой она, скорее всего, восходит. В отличие от проповедей, традиционно содержащих, как и поэма «Скиталец», риторические вопросы о том, где теперь блага мирские, и отсылающих за пугающим, но правдивым ответом к картинам могильного тлена, в «Скитальце» те же вопросы вызывают у героя ностальгию. Невозможно представить, что для лирического героя «раздаватель сокровищ» («maþþungyfa», 92b), о котором он вспоминал с нежной любовью, или «яркая чаша» («beorht bune», 94a) утратили ценность, так как обратились в прах. Напротив, именно поэтому все ценности «дружинного» мира, канувшие в прошлое, обретают для лирического героя особую значимость. Настоящее дало ему горький урок, он понял, что на земле все самое дорогое и любимое должно быть утрачено, но именно это, наполняя его душу тоской и горем, учит его смирению и дает надежду на спасение в будущей жизни.

Тема возможного спасения в жизни иной присутствует в соответствии с идеальной архитектуроникой поэмы только во введении (1–5) и в заключении (III–III5). Основная же часть содержит описание беспросветного отчаяния и ничем не облегчаемого страдания в настоящем (афористически суммированное в строке: «усталому духом

не побороть судьбы» — «Ne mæg werig mod wyrde wiðstondan», 15). Безднадежность мироощущения героя обусловлена неосуществимостью его желаний — вернуться в прошлое, обрести героический мир, безвозвратно и навсегда утраченный.

Так же, как и Скиталец, лирический герой другой англосаксонской поэмы «Морестранник» приходит в результате своих раздумий о жизни и смерти к осознанию всеобщего упадка и ничтожности мирской славы. В отличие от Скитальца, чьи размышления, почти исключительно ностальгические, и скитания, безусловно, навязаны ему извне враждебным роком, Морестранник отправляется в странствие по своей воле, хотя тем самым и обрекает себя на страдания. Если Скиталец изображен пассивным и погруженным в интроспекцию, то Морестранник активно и эмоционально героичен. Ради Господа становясь изгнанником, он надеется победить дьявола и обрести благодать (107b). Временному благополучию и мирной жизни на берегу он предпочитает морские бури. С беспокойным морем метафорически отождествляется мятущаяся душа лирического героя: «min modsefa / mid mereflode» (59) — «моя душа / с потоком морским». Его чувства во время плавания переданы оксюмороническими строками: «Calde gefrunen // wæron mine fet, / forste gebunden, // caldum clomum, / þær þa ceare seofedun // hat umb heortan» (8b–11a) — «Холодом поражены // были мои ноги, / морозом связаны, // ледяными оковами, / тогда стонали мои горести, // жаркие в сердце».

Эволюция образа лирического героя отражена в композиции всей поэмы, чье единство не нарушается контрастом первой части с ее пронзительными воспоминаниями о прошедших радостях и описаниями морских бурь в настоящем и второй части, всецело сосредоточенной на предвосхищении иной жизни в будущем. Средствами психологического параллелизма в первой части с графической наглядностью передан индивидуальный опыт лирического героя (морское плавание с его зимней стужей). Во второй части, гомилетической и вводящей эсхатологические мотивы, повествуется о неизбежности смерти, упадке всего земного и возможности счастья лишь в ином мире. Эти основные темы введены при помощи двух видов речевых актов: утверждения того, что мирская жизнь мертва, и увещевания, содержащего призыв к иной жизни, переплетающихся в последовательности *abab* (строки 66b–71 и 80b–90 — утверждение; 72–80a; 106–125 — увещевание). И увещевание, и утверждение, составляющие вторую часть поэмы, тесно связаны с

главными темами и образами первой части при помощи необыкновенно богатой и выразительной лексики.

Образ моря предстает то в буквальном (в первой части), то в переносном, аллегорическом значении — «житейское море» (во второй части). Основные образы первой части: зима, мороз, сковывающий землю, град, пронсящийся над волнами, дают лирическому герою импульс для осознания собственной греховности, обреченности, т.е. чувствам, выражению которых посвящена вторая часть. Описание осени в поэме отсутствует, однако гомилетическая часть содержит его метафорический вариант — картину увядания, угасания мира и старца (89–96), завершающую годовой круг времен в поэме. Лирические пейзажи весны — зеленеющие рощи, цветущие равнины — заключают надежду на спасение, возрождение (48–49). Кукушка с ее «тоскующим голосом» возвещает наступление лета и пробуждает «горькую печаль // в сокровище груди» (т.е. в душе; «sorge beodeð // bitter in breosthord», 53b–55a).

Картины цветущей весной и летом природы (рощи, поляны) — конвенциональные образы, ассоциирующиеся в древнеанглийской поэзии с темой Рая, вселяют в лирического героя желание пуститься в путь. Несмотря на перенесенные страдания, связанные с морским плаванием (и описанные в первой части поэмы), Морестранник вновь решается отправиться в странствие. Если его отношение к морю и к путешествию, превращающемуся из вынужденного в желанное, меняется в ходе повествования, то его отношение к суше и мирной жизни на берегу остается неизменным.

Образ праздного, нерадивого человека, который не в состоянии понять несчастий изгнания, все время преследует лирического героя и вновь, и вновь появляется в поэме. В последнем фрагменте, противопоставляющем лишения морских путешественников и благополучие домоседов, Морестранник уже не ограничивается намеками, а прямо говорит о быстротечности мирской жизни: «эта мертвая жизнь, // брeнная (преходящая) на суше» («þis deade lif, // læne on londe», 65b–66a). Тема, заданная оксюмороническим сочетанием «мертвая жизнь» и подчеркнутая неожиданностью фразы «брeнная (букв. — недостаточная) жизнь на суше», развивается в еще более личном утверждении лирического героя: «Я не верю, // что земные богатства / останутся вечными» («Ic gelyfe no // þæt him eorðwelan / ece stondeð», 66b–67). Далее следует гномическое обобщение об упадке мира, неизбежности старости, смерти и Божьего суда, заставляющее предполагать, что до сих пор речь шла о морском

плавании в метафорическом смысле, символически изображающем духовные искания и лишь использующем конвенциональные образы мореплавания, т.е. о том путешествии, которое можно совершить, и не выходя из монастырской кельи или пещеры отшельника. Нельзя исключать также, что имеется в виду путешествие в мир иной — упоминание о смерти содержится в конце поэмы: «Горе тому, кто не боится Господа, / смерть приходит к нему неожиданно» («Dol biþ se þe him his dryhten ne ondrædeþ; / cymeð him se deað unþinged»), 106).

Исход духовных (и реальных) странствий лирического героя поэмы неизвестен (39–41), но в отличие от Скитальца без тоски оглядывается он на тот мир, который оставляет (44). И в «Скитальце», и в «Морестраннике» оценка «срединного мира» (*middangeard*) одинакова, вся земная слава и красота кажутся бранными и неуклонно движутся к гибели. Различным оказывается только эмоциональное отношение к героическому дружинному миру. Если восклицания Скитальца: «Увы, яркая чаша! / Увы, воин в кольчуге!» («Eala beorht bune! / Eala byrnwiga!»), 94) проникнуты ностальгией и полны идеализации, то слова Морестранника подразумевают осуждение: «Дни миновали, все гордые замыслы земного царства» (80b–81).

Морестранник отрицает героический мир, даже посмертную славу, если душа запятнана грехом. В «Скитальце» лирический герой жалуется на быстротечность жизни и обреченность мира. Для описания его горя, вызванного невозвратимостью утрат, поэт избирает лирический жанр, близкий к элегии. Автор «Морестранника» оказывается склонным к гомилетическому жанру, с чем, вероятно, связана большая эксплицитность дидактики в этой поэме. Применительно к «Морестраннику» верно утверждение о том, что в отличие от лирики нового времени, англосаксонские элегии направлены не столько «на разведывание глубин собственной души», сколько «на осознание себя в свете истины христианского учения, извне данной и непреложной»¹⁷.

Тематически близка рассмотренным англосаксонским памятникам «Рифмованная поэма». Свое название это произведение получило благодаря последовательному применению рифмы, как конечной, так и в отдельных группах строк внутрискитальной, добавляющейся к обязательной аллитерации. Подобная звуковая организация делает «Рифмованную поэму» уникальной в древнеанглийской литературе

¹⁷ Гвоздецкая Н.Ю. Язык и стиль древнеанглийской поэзии. С. 70.

и, возможно, объясняет ее необычную лексику (использование редких слов и окказионализмов), а также многосмысленность и тему ноту содержания.

Как и «Скиталец», «Морестранник» и «Смирение», «Рифмованная поэма» связана с общей темой «человек и время» универсальным параллелизмом микрокосма — жизни индивидуума и макрокосма — судьбы всего земного. Эта связь, коренящаяся в христианском осмыслении человека как *homo ab humo*, находит отражение во всей древнеанглийской медитативной лирике. Так, в «Морестраннике» неразрывно соединены судьбы земли (*eorþe*), всего мира (*middangeard*) и каждого человека (*monna gehwylc*): «Слава повержена; // величие земли старится / и дряхлеет; // так же, как и каждый человек / в этом мире» («Blæd is gehnæged; // eorþan indryhto / ealdað ond searað; // swa nu monna gehwylc / geond middangeard», 88b–90). Сходным образом вся структура «Рифмованной поэмы» основывается на параллелизме в описании одряхления, старения человека и упадка мира. Когда герой поэмы был молод и силен, мир вокруг него был полон жизни и радости (9–10). Но все изменилось, когда он состарился (45–46), — теперь стар каждый человек, так как мир достиг своего последнего возраста. Таким образом, судьба *homo*, и судьба *humus* оказываются постоянно и неразрывно сплетенными в воображении создателя поэмы.

Из четырех рассмотренных произведений этот параллелизм наиболее последовательно прослеживается именно в «Рифмованной поэме», которая тематически оказывается ближе всего к «Скитальцу». Так же, как в «Скитальце», в ней описывается былое счастье и настоящие беды героя, причем рассказ тоже ведется от первого лица. Вместе с тем по композиции «Рифмованная поэма» несколько отличается и от «Скитальца», и от других упомянутых англосаксонских памятников, которые начинаются с изображения несчастий героя, изгнанного, греховного, страдающего, в настоящем, т.е. «в момент речи» — и затем противопоставляют это горестное «сегодня» счастливому прошедшему или блаженному будущему. Напротив, «Рифмованная поэма» сначала описывает былое величие героя, а затем переходит к его бедствиям в настоящем.

В содержании произведения можно условно выделить следующие основные части: ретроспективное повествование лирического героя о миновавших радостях (3–42); его сетования на преклонный возраст (43–52); осознание им того, что прошедшее было только приготовлением к неизбежной смерти (как образно сказано в поэме, вся

жизнь героя была посвящена лишь тому, что он «могилу копал, / и этой мрачной могилы // избегнуть плоть не может» — «*ƿæt ic grofe græf, / ond ƿæt grimme græf // flean flæsce ne mæg*», 71–72a). В конце «Рифмованной поэмы» лирический герой выражает удовлетворение при мысли о том, что его ожидает истинное блаженство взамен того ложного, к которому он стремился в земной жизни (79–87).

Нельзя не заметить, что с самого начала произведения ясно прослеживается его тропологическая интенция. Открывается поэма воззванием к Господу (предвосхищающим заключение), помещающим лирического героя в ряд всех Божьих творений и сравнивающим его с цветком «*blostma*», которому суждено цветение и скорое увядание. Затем поэт обращается от микрокосма — к макрокосму, от преклонного возраста лирического героя — к заката мироздания (ср. в христианской философии истории, восходящей к Блаженному Августину, гармонизацию шести возрастов мира с числом дней творения и с шестью периодами в жизни человека, от младенчества до дряхлости). Конец поэмы (72–77) можно отнести как к судьбе самого рассказчика, так и к уделу всего человечества. Заключение имеет самый общий характер и обращено ко всему роду людскому.

В последних частях поэмы исчезают местоимения первого лица, однако и в ее начале, и в середине обращения от первого лица кажутся не более чем условным приемом. Лирический герой не рассказывает ни о воображаемой внутренней борьбе, ни о своих действительных переживаниях. В его монологах нет никакой двойственности чувств, никаких следов личного конфликта, поисков выхода или примирения с неизбежным. Переход к теме *ubi sunt* и увещевание, обращенное к читателю, ничем не подготовлены и не следуют из контекста произведения. Вся поэма напоминает перечисление традиционных для англосаксонской лирики бедствий и страданий. Автор поэмы не делает попытки создать иллюзию непосредственности переживаний и тем мотивировать употребление местоимений первого лица. «Рифмованная поэма» не так психологически сложна, как знаменитые лирические песни изгнанников.

Подобно «Рифмованной поэме» (и прославившим древнеанглийскую поэзию жалобам Морестранника и Скитальца), теме бренности земного счастья посвящено произведение, условно называемое «Руины». Если «Рифмованная поэма», как и «Скиталец» и «Морестранник», истолковывает природу превратностей судьбы с христианской точки зрения, то в «Руинах» не выражены явно ни христианские, ни языческие мотивы, причудливый синтез которых

характерен для большинства англосаксонских поэм. Это произведение независимо и от гномической традиции, влияющей на всю древнюю английскую лирику. В отличие от всех англосаксонских лирических памятников, содержащих дидактические сентенции, «Руины» начисто лишены какого бы то ни было морализаторства.

В поэме дается подчеркнуто отстраненное описание разрушений и упадка в настоящем и изображение былого величия. С этим величием прошлого все время соотносится настоящее с его разором и тленом. Перед нами предстает ряд живых картин, живописных сцен, а не произносится философский монолог и не ведется повествование, как в других англосаксонских лирических поэмах. Это произведение допускает самые различные истолкования, и в том состоит его особое воздействие на читателя или слушателя, как средневекового, так и современного.

Ключ к пониманию поэмы — постоянное ощущение противопоставления прошлого и настоящего, красоты и разрушения, счастья и горя: «каменная стена великолепна» («Wrætlic is þes wealstan», 1a) — «разрушенная судьбой» («Wyrdе gebræcon», 1b); «хватка земли / хранит строителей <...> / сотни поколений / людей умерли» («Eorðgrap hafað / waldendwyrhtan <...> / of hund cnea / werþeoda gewitan», 6b–7a, 8b–9a) — «эти стены пережили... / многие царства» («Oft þæs wag gebad... / rice æfter ofrum», 9b, 10b); «жилища были прекрасны, / были многие бани, // величественные здания, / большой шум дружин, // медовые палаты, / полные людской радостью» («Beorht wæron burgræced, / burnsele monige, // heah horngestreon, / heresweg micel, // meodoheall monig, / mondreama full, 21–23b) — «город разрушился, / и те многие, кто могли бы починить его, // лежат в могилах. / Поэтому дворцы обратились в руины» («Brosnade burgsteall, / betend crungon, // hergas to hrusan. / Forþon þas hofu dreorgiað», 28–29) — «где в былые дни многие люди // радостные духом и сверкающие золотом, / украшенные великолепием, // гордые и хмельные, / сияющие в боевых доспехах, // любовались сокровищами» («fær iu beorn monig, // glædmod ond goldbeorht, / gleoma gefrætwed, // wlonc ond wingal, / wighyrstum scan», 32b–34).

В первых строках поэмы кратко выражена ее главная тема, напоминающая читателю, что все творения человека, как и сам он, тленны — описание развалин превращает их в символ людской бренности. Внимание привлекается сначала к судьбе зданий («дворцы разрушились, / в прах обратилось творение великанов» — «burgstede burston, / brosnað enta geweorc», 2), затем к судьбе их

создателей («хватка земли хранит строителей» — «eogðgrāp hafað / waldendwyrhtan», 6b–7a). Совершенство творения прошлого возникает перед глазами поэта: сияющие здания, бани с высокими стропилами — все полно ликованья и радости. Внезапно картина меняется: чума уносит жизни людей, град разрушается; ничего, кроме развалин, не остается там, где прежде счастливые люди веселились, наслаждаясь изобилием в «медовых палатах». Мотив пира часто появляется в англосаксонской поэзии, начиная с лирических фрагментов «Беовульфа»: «все отдали жизни: // лишились радости пиршественных палат. / Никого нет у меня, кто бы // мог носить меч или заставить сверкать / блестящую чашу, // дорогой пиршественный сосуд / <...> Нет ни радости арфы, // восхищения веселящим деревом» (2251–2254, 2263–2264). Как правило, этот мотив ассоциируется с тем эпическим дружинным прошлым, о котором ностальгически тоскует лирический герой: так, Скиталец мечтает о том, чтобы его приветил кольцедробитель, «добрый, в доме, / и в медовых застольях захотел бы осиротевшего // утешить лаской» (27–29¹⁸). Ограниченность мотива пира прошлым и его отсутствие в настоящем во всех древнеанглийских элегиях¹⁹ так же поэтически значимы, как и в «Руинах».

В конце поэмы фокус сужается снова — от описания развалин города к изображению горячих источников. В рукописи последние строки не поддаются прочтению, однако и в них, как можно предположить, величие минувшего противопоставляется упадку настоящего.

Во всех древнеанглийских лирических произведениях прошлое контрастирует с настоящим, в «Руинах» то же противопоставление включает картины жизни и тлена. Контраст, наиболее последовательно проведенный в этой поэме, можно назвать общим поэтическим принципом англосаксонской лирики.

Многое в «Руинах» говорит о том, что рассказчик описывает увиденное им самим — изображение природы не исключает идентификации с конкретным местом в Англии, скорее всего с развалинами римских бань в Бате. Вполне возможно, что в этом произведении выражено личное переживание, вызванное собственным наблюдением

¹⁸ Пер. В.Г. Тихомирова. Цит. по: Древнеанглийская поэзия / Изд. подг. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М., 1982.

¹⁹ Мельникова Е.А. Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987. С. 173.

нием поэта, — в его размышлениях перед покинутыми зданиями оживают воспоминания о былом великолепии городов, прошедшей славе и могуществе людей, некогда их населявших.

Близкую параллель описанию разрушений в «Руинах» можно привести из поэмы «Скиталец»:

þonne calle þisse worulde	wela weste stondeð,	все богатства мира пустыми стоят; повсюду в этом срединном царстве ветром продуваемые стены высятся, инеем покрытые. Жилища в развалинах; пиршественные палаты разрушились. Правители лежат, лишённые радости; великие воины все пали в славе у стены.
swa nu missenlice geond þisne middangeard	weallas stondað,	
winde biwaune	Hryðge þa ederas;	
hrime bihrorene.	Waldend licgað	
woriað þa winsalo.	duguþ eal gecrong,	
dreame bidrorene;		
wlonc bi wealle.		(74–80a)

Общую черту обеих поэм составляет параллелизм быстротечной человеческой доли и судьбы городов и зданий, воздвигаемых людьми для собственных удовольствий. Описанием развалин — одного из многих образов, определяющих сложнейшую архитектонику поэмы «Скиталец», в «Руинах» ограничена главная и единственная тема произведения. Оплакивая неизбежность упадка и разрушений, лирический герой «Скитальца» скорбит о собственной судьбе, равно как и о бренности всего земного. В «Руинах» же лишь звучит голос рассказчика, но ничего не сказано о нем самом. В отличие от Скитальца и героев других англосаксонских лирических поэм (включая фрагменты «Беовульфа») не известен ни его возраст, ни пол, ни чувства, ни душевное состояние.

Это произведение подчеркнуто безлично и объективно, в нем не происходит никаких событий, никто не совершает во время произнесения монолога никаких действий. Если что-то и происходит, то не в далеком прошлом и не в действительности, но в воображении того, кому принадлежит звучащий в «Руинах» лирический голос. Описываемое им прошлое, былая слава постепенно становятся для него более зримыми, чем созерцаемые разрушения и тлен в настоящем. Течение времени определяет структуру и композицию поэмы, и время оказывается ее основной темой. Поразительно, как передано в произведении ощущение вечности, неизменности созерцаемых развалин и физической вовлеченности в это, ставшее вневременным, прошлое лирического героя, чье присутствие заставляет услышать в молчаливых руинах пульсацию времени. Лирическому герою нет нужды более явно вмешиваться в ход поэмы, делая какие-либо лич-

ные замечания или говоря о своих переживаниях. Слушатели и без того превосходно чувствуют и его благоговение перед могуществом времени, и способность противостоять этой разрушительной власти силой своего воображения.

Тема разрушения и упадка городов и зданий существует в средневековой литературе на правах лирического топоса. В англосаксонской поэзии эта тема предвосхищается лирическим фрагментом «Беовульфа», заключающим плач отца по погибшему сыну: «покинута пиршественная палата, / ветром продуваемое место отдохновения // лишено радости; всадники спят, // воины в могиле; / нет звуков арфы, // нет веселья в палатах, / как некогда бывало». Древняя кельтская поэзия тоже дает примеры того, как описывается разрушение некогда славных и процветающих городов и строений: это и знаменитая поэма о Кинддилане, вложенная в уста его сестры Хеледд (IX в.), и стихотворение о покинутом хозяевами очаге Регеда (IX в.).

Наиболее близко к англосаксонской поэме «Руины» валлийское хвалебное стихотворение о былом величии крепости Тенби (IX в.) из «Книги Талиесина»²⁰, открывающееся призывом поэта к Господу, к которому обращена просьба о ниспослании защиты от врагов и о возвращении власти роду Аб Эрбина. Для описания крепости (каждая из девяти строф которого начинается строкой «прекрасное укрепление») неизменно используется настоящее время: «Прекрасное укрепление стоит над широкой водой, неприступная крепость, окруженная морем» (3). «Прекрасное укрепление стоит высоко. Великолепны удовольствия, высока ему хвала. Прекрасно все кругом, ограда защитников» (8). Настоящее время сменяется прошедшим, когда речь идет о былых радостях, сопутствовавших обитателям крепости и в их числе лирическому герою: «Там была дружина и была песня в укреплении <...> Перед великим господином, нападающим на врага, далеко прославленным воином, они собирались» (3). «Прежде чем уйти в сосновый гроб, он давал мне мед и вино из стеклянной чаши» (4). Переключение из настоящего времени в прошедшее, совершающееся в пяти строфах поэмы, сообщает особую пронзительность горю лирического героя, напоминающего «последнего отпрыска великого рода» в «Беовульфе». Для него нет актуального настоящего, в его воображении павшая крепость Тенби

²⁰ Здесь и далее примеры из валлийской «Книги Талиесина» цит. по: The Book of Taliesin / Ed. J.G. Evans. Llanbedrog, 1910.

существует вечно; былое счастье, о котором он говорит в своем монологе, для него реально и значимо.

О древней крепости в Рат Имган (*Ráth Imgain*, совр. Ратанган), оставшейся покинутой многими поколениями правителей (перечисляются семь имен сменивших друг друга королей) и их воинами, идет речь в одном из ранних ирландских стихотворений (IX в.) «Лейнстерской Книги»: «Крепость перед дубовым лесом, она принадлежала Бруидги, она принадлежала Каталю. <...> Крепость остается после каждого правителя, воины спят в земле»²¹. Легко заметить вербальное сходство со строками англосаксонской поэмы «Руины» («Хватка земли, крепкое объятие могилы хранит мощных строителей, умерших и тленных, пока не минет сотня поколений людей», 6–10), также говорящими о том, что развалинам зданий суждено пережить их создателей.

Ирландское стихотворение о крепости в Рат Имган с его основной темой *sic transit*, заключающее размышление о бренности земной власти, конечности человеческой жизни, заставляет вспомнить рассказ, посвященный падению Тары, который приводится в «Календаре Энгуса» (ок. 800 г.): «Могущественная крепость Тары погибла, когда погрузилась в сон ее королевская власть; благодаря многим достопочтенным героям (=клирикам) великая вершина Маха (Армы) остается» (165). «В прах — великое горе — обратилась гордыня всегда храброго Лоэгайре; имя Патрика, сияющее, знаменитое, прославляется» (169). «Вера укрепилась; она доживет до Судного Дня; виновные язычники вымерли, их крепости необитаемы» (173). «Крепость Круахана достигла конца, вместе с Айлилем, отпрыском победы. Великолепно превосходство над знатными людьми: то, что в монастыре Клонмакнойс» (177).

Напомним, что Тара, о гибели которой идет речь в поэме, была не только резиденцией верховного правителя всей Ирландии, но и одним из двух (вторым был Уснех) важнейших языческих культовых центров страны. Именно с Тарой, правители которой по преданию вступали в священный брак с землей Ирландии, связано представление о сакральной власти короля над всей страной. В Таре — священной столице Ирландии, устраивались уходящие в глубину веков языческие празднества, обеспечивавшие закон-

²¹ Здесь и далее примеры ирландской поэзии цит. по: *Early Irish Lyric Eighth to Twelfth Century* / Ed. with Translation, Notes, and Glossary by G. Murphy. Oxford, 1977.

ность и благополучие королевской власти. Согласно легендам, правителей Тары хоронили в Круахане, о «конце» которого идет речь в приведенном фрагменте. О Круахане в преданиях повествуется как о столице западного королевства Коннахт, сакральном друидическом магическом центре, резиденции королевы Медб и короля Айлиля, чье имя тоже встречается в тексте поэмы. В V в. верховным королем Ирландии был упоминаемый в поэме Лоэгайре, который не пожелал принять христианство и отказался склониться перед святым Патриком, так как друид предостерег его, что святой отнимет у правителя власть над живыми и мертвыми. Напротив, привратник Лоэгайре, по преданию, сделался едва ли не первым монахом в Ирландии. Известный ирландский святой, Руадан проклял Тару, и после VI в. в языческой столице больше не решался поселиться ни один ирландский король. Начиная с этого времени все верховные ирландские короли стали христианами.

Не требуется проницательности, чтобы понять основную тему приведенного нами фрагмента, говорящего не только о разрушении Тары и конце ирландской королевской династии, но и о превосходстве христианства над язычеством. Бренность языческих крепостей и городов противопоставляется вечности ценностей новой веры: Тара гибнет, существование крепости Круахана подошло к концу, однако обитель Армы остается на все времена, так же как и монастырь Клонмакнойс; гордыня языческого короля Тары Лоэгайре привела его к гибели, но имя святого Патрика славится в веках. Нет сомнения в том, что тема руин трактуется здесь в духе христианского назидания. Более того, благодаря топическому характеру, эта тема, возможно, служит своеобразным сигналом жанра — проникнутых ностальгией поэм о минувших героических временах. Используемая как средство выражения эмоциональной оценки древних героических поэм, данной христианским автором, эта тема сама по себе свидетельствует об устойчивости традиционной топики.

Скорее всего, тема разрушения городов распространяется в средневековой литературе под воздействием христианских сочинений о суетности всего земного. Блаженный Августин в проповеди о разрушении Рима («De excidio urbis Romae sermo») рассказал о причинах падения этого города, а позднее в сочинении «О Граде Божиим», тоже написанном под впечатлением от разгрома Рима готами в 410 г., — о том, почему обречены на гибель все «гра-

ды земные»²². Комментарии к третьей книге «О Граде Божиим» переросли под пером Орозия в его «Истории против язычников» («*Historiarum adversus paganos libri septem*», ок. 418 г.) в еще одно объяснение причин разрушения Вавилона и Рима. В следующем веке дань традиции отдал Гильдас в сочинении «О разрушении и завоевании Британии» («*De excidio et conquestu Britanniae*», ок. 515–547), которое было особенно почитаемым в Европе. Алкуин, именовавший Гильдаса «*Gildas sapientissimus*», тоже подробно разрабатывал этот топос в элегии «О разрушении монастыря в Линдисфарне» скандинавами в 793 г.

Одно из самых ярких произведений на эту тему — элегия «О разрушении Тюрингии» Венанция Фортуната (VI в.), описавшего от лица принцессы Радегунды судьбу ее германской родины:

Conditio belli tristis, sors invida rerum!
 Quam subito lapsu regna superba cadunt!
 Quae steterant longo felicia culmina tractu
 victa sub ingenti clade cremata iacent.
 Aula palatino quae floruit antea cultu,
 hanc modo pro cameris maesta favilla tegit.
 Ardua quae rutilo notuere ornata metallo,
 pallidus oppressit fulgida tecta cinis.

(1–8)

Горестное состояние, вызванное войной,
 злая судьба вещей! Как внезапно гордые
 царства превращаются в руины! Крыши,
 что счастливо стояли веками, повержены и
 сожжены до полного уничтожения.
 Дворец, что прежде сверкал красотой и
 изяществом, теперь венчают тлеющие
 уголья — вместо арок. Бледный пепел
 запорошил высокие здания, что сияли,
 украшенные золотом.

Венанций Фортунат, несомненно, основывался как на традиции, восходящей к Блаженному Августину, так и на поэтических опытах римских поэтов: Лукана («*Фарсалия*» I. 24), Вергилия («*Энеида*», кн. 12), и особенно философских элегий Овидия о скорбных событиях его жизни. Соединение христианской и античной традиции характерно для произведений непосредственных предшественников Венанция Фортуната, галльских и итальянских поэтов V в., внесших вклад в разработку темы руин. Таковы приписываемая Просперу Аквитанскому «Песнь о провидении Господнем» («*Carmen de Providentia Divina*», ок. 415–416 гг.) и анонимные поэмы V в. «О, благородный Рим» («*O Roma Nobilis*») и «Об изменении судьбы Рима» («*De Mutata Romae Fortuna*»), где вновь дается христианское объяснение падению Рима, восходящее к Блаженному Августину.

²² Цит. по: *Августин Блаженный. О Граде Божиим*, к Марцеллину против язычников двадцать две книги. Киев, 1880.

Разрушение городской цивилизации античности, на смену которой пришла сельская культура Средних веков, падение Римской империи, нашествие германских племен предоставляли все условия, необходимые для развития этой топики. В более позднее время элегии были внушены поэтам видом Рима, лежащего в руинах после войны Генриха IV с Григорием VII. Таковы, например, элегии Хильдеберта Лаварденского (1056–1133): «Нет тебе равного, Рим, хотя ты почти и разрушен, / — Но о величье былом ты и в разрухе гласишь. / Долгие годы твою низринули спесь, и твердьни / Цезаря, храмы богов ныне в болоте лежат...»²³, которые сравнивали с сонетами «Древностей Рима» Дю Белле.

Сочинения о разрушении Рима и обреченности мирских городов Хильдеберта, Алкуина, Венанция Фортуната и раннехристианских галльских и итальянских поэтов основаны на сочинениях Блаженного Августина, Орозия, Гильдаса, в свою очередь восходящих к традиции ветхозаветных книг, полных страстных пророчеств и скорбных плачей о покинутых и разрушенных городах (Книги пророка Исаии 13–37, Книги пророка Иезекииля 4–43, Книги пророка Иеремии 1–52, Книги Плача Иеремии 1–2). В отличие от раннесредневековой лирики разрушение городов в Ветхом Завете описано обобщенно, не так как если бы оно происходило на глазах наблюдателя. Изображение реальных развалин вытесняется символическим значением происходящего. Архитектурные подробности играют в описании руин несравненно менее важную роль, нежели смысловая нагруженность происходящего для настоящего и будущего: во всех книгах Ветхого Завета идет речь о том, что разрушение города посылается Господом как кара за грехи его правителей и обитателей.

Говоря о происхождении лирической топики руин, уместно вспомнить о едва ли не древнейших в мировой словесности фольклорных плачах о падении городов, распространенных в шумерской поэзии (например, плач о разрушении города Лагаша во время войны его правителя Урунимгины с Лугальзагеси, царем Уммы, плач о гибели Ура, о гибели Шумера и Аккада, плач «Проклятие Аккаду»). При несомненной связи с ритуалом все шумерские плачи о падении городов имеют фольклорный характер, что подтверждается, в частности, их формальной организацией (использованием повторов, параллелизмов, простейших созвучий).

²³ Пер. Ф.А. Петровского в кн.: Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М., 1972. С. 210.

Предположение о фольклорном источнике лирической темы упадка городов и разрушения зданий не исключает того, что на ее становление оказала влияние античная поэзия: описание разрушения Трои, содержащееся в 12-й книге «Энеиды» Вергилия, философские элегии Овидия о превратностях его собственной судьбы («Послания с Понта», «Тристии», с которыми сравнивали и древнеанглийские элегии «Скиталец» и «Морестранник»). Еще более важны для развития этой темы и превращения ее в топику картины руин в Священном Писании и в христианских сочинениях о суетности всего земного. Можно заключить, таким образом, что в теме руин, очевидно, восходящей к фольклорному жанру, но опосредованному библейской традицией, христианской культурой и античностью, отразилась судьба лирической поэзии Средневековья, обязанной своим появлением тем же культурным и литературным традициям.

ПЕРВЫЕ ОБРАЗЦЫ ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКИ

В отличие от четко структурированных медитативных произведений («Рифмованной поэмы», «Смирения», «Скитальца», «Морестранника»), которые состоят из двух контрастирующих или параллельных частей — лирической и гномической, описывающих прошлое и настоящее, стихотворения с любовной тематикой имеют менее строгую композицию. Эти поэмы — «Жалобы жены» и «Послание мужа» — образуют отдельную группу в корпусе англосаксонской лирики, выделяясь и своей тематикой, и образом лирического героя, и формальными особенностями. В наибольшей степени это касается произведения, лирической героиней которой выступает женщина, — «Жалобы жены». С некоторой долей условности этот памятник может быть отнесен к древнему и почти не сохранившемуся лирическому жанру «женских песен».

Главная трудность в интерпретации поэмы «Жалобы жены» объясняется тем, что речь в ней идет не о происшествиях, не о действиях, а только о чувствах героини. Мучимая неизвестностью и страдая от разлуки с по-прежнему желанным супругом, она произносит свой драматический монолог. Напоминая вероломному супругу о взаимных обетах верности («что ничто, кроме смерти, не разединит» их — *ƿæt unc ne gedælde / nemne deað ana*, 22), героиня с горечью признает, что родственникам мужа удалось разлучить их

(«*ƿæt hy todælden unc*», 12*b*), и теперь все забыто им, «как будто бы никогда и не существовало» («*swa hit no wære*», 24*b*).

Ощущение былого счастья героини вместе с любимым мужем усиливается тем, сколь пронзительно описано ее одиночество в безрадостном настоящем: «должна я сидеть / все долгие летние дни, // оплакивая свои пути несчастья» («*ƿær ic sittan mot / sumorlangne dæg*, // *ƿær ic wepan mæg / mine wræcsipas*», 37–38), в то время как «близкие есть на земле, // живущие любовью, / ложе делят» («*Frynd sind on eorþan, // leofe lifgende / leger weardiað*», 33*b*–34). В «Жалобах жены» (и во всех англосаксонских лирических поэмах) выражается сугубо субъективное восприятие времени и устанавливается свое определенное соотношение настоящего и прошедшего. Однако если в медитативной и духовной лирике осознается переходящее всех ценностей: жизни человека, отношений людей, цивилизаций, то в «Жалобах жены» все лирическое время относится к «вневременному» настоящему, настоящему «без конца». «Сейчас» для героини статично и неизбежно: она обречена сидеть в темнице под дубом все «долгие летние дни» («*sumorlangne dæg*», 37*b*). Максимум субъективности достигается тем, что время измеряется чувствами героини: «Стара эта земляная пещера, / вся я полна тоски» («*Eald is þes eorðsele; / eal ic eom oflongad*», 29) — параллелизм, подчеркнутый полной корневой рифмой в ключевых словах строки *eald* — «старый» и *eal* — «вся». Даже воображение героини не способно избавить ее от преисподней, в которую она заточена. Как образно сказал Т.А. Шиппи, «В “Жалобах жены” описано то душевное состояние, когда ум крутится вокруг событий прошлого и не может найти отдохновения»²⁴.

Рассказ героини о прошедшем (17*b*–25*a*) тоже лишен линейной временной последовательности. Сначала говорится, что муж героини уехал. Иллюзия последовательности создается употреблением наречий: *aeresta* — «сначала», *ða* — «тогда, потом»: (тогда) она сама отправилась в путь (9*a*), потом родственники мужа стали тайно вынашивать замыслы о том, как разлучить супругов (11–13). В конце концов героиня была изгнана на остров (15–16). Затем она вновь возвращается мыслями к тому, как они с мужем обменялись взаимными обетами верности (22–23), но: «потом это изменилось. // Сейчас так, / как будто и никогда не было // нашей дружбы» («*Eft is ƿæt onhworfen. // Is nu / swa hit no wære // freondscipe uncer*»,

²⁴ Shippey T.A. Old English Verse. L., 1972. P. 72.

23b–25a). Ход событий, во многом сложных и запутанных, передает противоречивость чувств героини. Можно предположить, что в контексте поэмы важна не столько последовательность событий, сколько их эмоциональное восприятие лирической героиней. Непереносимость, «вневременность» настоящего, условно говоря, отменяет прошедшее: «потом это изменилось. Сейчас так, как будто и никогда не было...». Ощущение вечности настоящего усиливается благодаря тому, что в поэме отсутствует будущее, какая бы то ни было перспектива. Героиня говорит, что «навсегда» (*æfre*) останется смятенной ее душа (39–41).

Описание безнадежного положения героини, будто «выключенной» из хода времени, позволяет до некоторой степени противопоставить «Жалобы жены» другим лирическим поэмам. Во многих из них присутствует, пусть и отдаленно, перспектива будущего — вечности, следующей за земной жизнью (как в «Скитальце», «Морестраннике», «Рифмованной поэме»). В «Жалобах жены» время воспринимается предельно субъективно. В отличие от духовной и медитативной лирики здесь нет чувства истории, нет предвкушения будущей жизни, нет никакого ощущения иного времени, кроме того, которым героиня меряет собственное бытие. В восприятии времени поэма следует раннесредневековым концепциям с их максимальной индивидуальностью (ср. в «Исповеди» Блаженного Августина: «В тебе, душа моя, измеряю я время. <...> Впечатление от проходящего мимо остается в тебе, и его-то сейчас существующее, я измеряю, а не то, что прошло и его оставило. Вот его я измеряю, измеряя время. Вот где, следовательно, время или же времени я не измеряю»²⁵). Благодаря сугубой субъективности во всем, включая восприятие времени, «Жалобы жены» оказывается едва ли не самой лиричной из всех англосаксонских поэм.

В соответствии с канонами древнеанглийской лирики в эту поэму инкорпорировано, на первый взгляд, иножанровое заключение. Лирическая исповедь героини прерывается гномическим размышлением (42–50a): «Всегда должно мужу молодому / быть печальным духом» («A scyle geong mon / wesan geotommod», 42), которое, казалось бы, предлагает переносить выпадающие на долю каждого смертного несчастья со стоической твердостью. Вместе с тем можно найти почти построчные текстуальные параллели между основной лирической и финальной гномической частью и показать, что, вопреки распространенному мнению, переход от описания индиви-

²⁵ *Аврелий Августин. Исповедь* / Пер. М.Е. Сергеенко. М., 1997. С. 229.

дуального, личного, рожденного собственными страданиями героини к гномическому не только не противоречит прямому контексту поэмы, но и непосредственно из него следует.

Так, лирическая часть начинается с того, что героиня описывает свои мучения вдали от родины: «Всегда страдала я от несчастий в изгнании» («A ic wite wonn / minra wtæcside», 5). В гномической части эта тема развивается; устанавливается, условно говоря, причинно-следственная связь между бедами героини и молодого мужа: (поэтому)

«всегда пусть молодой муж, / будет печален духом; // который жесток в помыслах своего сердца, / так же как имеет он // приятную наружность, / пусть имеет он заботу в груди, // череду бесконечных горестей; / пусть только от него единственного будет зависеть // вся его радость в этом мире» («A scyle geong mon / wesan geomormod, // heard heortan gepoht, / swylce habban sceal // bliþe gebæro / eac þon breostceare, // sinsorgna gedreag, / sy æt him sylfum gelong // eal his worulde wyn, 42–46a).

Иными словами, пусть у этого «молодого мужа» не будет никаких радостей, кроме тех, которые может принести жребий изгнанника: «Пусть будет так, // что изгнанный из своей родной страны» («sy ful wide fah // feorres folclondes», 46b–47a), — как была изгнана я сама (т.е. героиня лирической части поэмы), — «мой друг будет сидеть // под холмом, / подвластный всем бурям, // друг, печальный духом, / в окруженном водой // мрачном жилище» («fæt min freond siteð, // under stanhlipe, / storme behrimed, // wine werigmod / wætre befloweren, // on dreorsele», 47b–50a), так же как и я должна жить в этой «земляной пещере» («in þam eorðscræfe», 29b). «Мой друг будет терпеть // великую душевную тоску» («dreogeð se min wine // micle modceare», 50b–51a), как и я терпела «утреннюю тоску» («Hæfde ic uhtceare», 7b) и страдаю от «этой душевной тоски» («fære modceare», 40a). «Он будет вспоминать очень часто // более радостное жилище» («he gemon to oft // wynlicran wic», 51b–52a), как и я предаюсь воспоминаниям в этом «месте, лишенном радости» («wic wunna leas», 32a). «Горе тому, // кто покинет / своего возлюбленного со скорбящим сердцем!» («Wa bið þam þe sceal // of langoþe / leofes abidan!», 52b–53) — этим восклицанием заканчивается это самое безнадежное и самое лиричное из всех англосаксонских произведений. Героиня не находит утешения ни в воспоминаниях о безмятежном прошлом (как в «Руинах»), ни в упованиях на милость Господа в будущем (как во всей остальной древнеанглийской лирике).

Легко заметить ту искусность, с которой вплетены в лирическую ткань поэмы гномические мотивы: героиня размышляет о том, что покинувший ее муж не сможет забыть счастливого прошлого, как бы ни сложилась его судьба. Злой рок, разлучивший супругов, часто вмешивается в жизнь смертных, но и горе следует переносить мужественно. Лирическое начало «пронизывает» гномическую часть поэмы — героиня и проклинает предавшего ее мужа, и страдает ему из глубины своих горестей, напоминая и себе, и ему о необходимости терпения.

Ситуация, в которой произносит свой монолог героиня «Жалоб жены», воспроизводится в поэме «Послание мужа» — последней из сохранившихся лирических англосаксонских поэм, которые нам надлежит рассмотреть. Женщина здесь также разлучена со своим возлюбленным или мужем, который «уплыл по волнам» («Послание мужа», 41–44a, ср. «Жалобы жены», 6–7a). Таким образом, как и во всей древнеанглийской лирике, мотив изгнания оказывается здесь основным и объединяется с другой традиционной лирической темой, противопоставляющей прошлое (*aerdagum*) настоящему (*nu*). Однако в «Послании мужа» (в отличие от привычной реализации этого контраста в англосаксонской лирике) настоящее лучше прошедшего, что придает поэме некий осторожный оптимизм.

«Послание мужа» — наиболее простая по композиции из всех древнеанглийских лирических поэм. В ней ярче всего выражено повествовательное, и, соответственно, слабее всего — лирическое начало. Возможно, это вызвано тем, что основная часть монолога произносится не главными персонажами — мужем и женой, а неким третьим лицом — посредником между ними. Если не во всей поэме, то по крайней мере в большей ее части, — лирический голос принадлежит деревянной дощечке, на которой рунами начертано послание мужа (очевидно, находящегося в изгнании), адресованное его жене. В этих частях лирическое начало играет подчиненную роль — речь идет о том, как дерево, на котором впоследствии было начертано послание, росло на морском берегу, спрятанное от людских глаз и доступное лишь нежному объятию волн. Это одинокое создание не могло и представить себе, что когда-нибудь будет наделено даром речи; но вот искусство человека позволило ему донести до жены тайное послание о верности и любви ее мужа, предназначенное лишь ей одной.

В последней части поэмы лирический герой начинает говорить от лица самого мужа и напоминает жене об их взаимных обетах, при-

несенных до того, как вражда сородичей разлучила супругов. Теперь, когда все опасности, стоявшие на их пути, благополучно преодолены, счастье мужа омрачается только его разлукой с любимой женой. Поэтому он просит ее, как только кукушка печально позовет с лесного холма, поспешить на корабль и отплыть к нему на юг, не позволяя никому ни воспрепятствовать, ни отложить ее путешествие. В настойчивых напоминаниях об обетах верности, которые муж обращает к своей жене, сквозит его тревога и сомнение в ее чувствах.

Как в «Жалобах жены», в поэме «Послание мужа» любящие разлучены злым роком, но здесь верность и преданность одного из них сообщают всей поэме устремленность в будущее. Однако в отличие от поэмы «Жалобы жены», трагическая судьба героини которой обрекала ее на более экспрессивное изъяснение чувств и, следовательно, большую лиричность, «Послание мужа» напоминает размеренное, хорошо структурированное обращение одной договаривающейся стороны к другой. Если лирическую героиню «Жалоб жены» мучили в ее одиночестве воспоминания о счастливом прошлом, о влюбленных, «делящих ложе» («*leger weardiað*», 34b), то герой «Послания мужа» заглядывает в будущее и заявляет через своего посланца, что наивысшим счастьем для него будет вместе с женой «делить казну, / чеканные кольца, // червонное золото», одаряя этими богатствами свою дружину («*ætsonne / sibþan motan // secgum ond gesiþum / sinc gedælan, // næglede beagas*», 33–35a).

Можно предположить, что перемена тональности в «Послании мужа» по сравнению с сетованиями героини в поэме «Жалобы жены» обусловлена «переменой пола» лирического героя. Если жалоба и, следовательно, в известном смысле, лирика входят в культурную роль женщины (очевидно, генетически связанную с женскими ритуалами оплакивания покойника), то произносящий жалобу мужчина в какой-то степени присваивает себе «женскую роль». Приняв на себя пассивную роль жалобщика, герой, который «обречен на бездействие и не может проявить себя иначе, как в силе духа и силе чувства»²⁶, становится отшельником, изгнанником, странником, скитальцем. В отличие от «женских песен» в «мужских» лирических поэмах, таких, как «Скиталец», «Морестранник», жалобы обычно имеют не любовный, а философский характер. Так формируется новая культурная роль мужчины, что происходит, вероятно, не без влияния «женской» лирики.

²⁶ Смирницкая О.А. Поэтическое искусство англосаксов. С. 214.

Уместно сравнить англосаксонские жалобы изгнанников со знаменитой поминальной песней Эгиля «Утрата сыновей»²⁷, которая по своей теме, системе образов, поэтическому языку ближе всего к древнескандинавским «женским песням» (жалобам Гудрун в эддических «Речах Хамдира» и «Подстрекательстве Гудрун»). Поэма Эгиля, единственная «мужская» жалоба в скандинавской литературе, сочинена скальдом по предложению женщины — его дочери Торгерд, и не просто в усадьбе (*innan stokks*), пределами которой ограничивалась обычно социальная роль женщины, но внутри той комнаты, где он лежал, запершись, горюя (т.е. подчеркнуто — *innan stokks*²⁸). Исполнил ее Эгиль тоже в окружении женщин («Асгерд, Торгерд и других домочадцев»), в известном смысле присваивая себе женскую культурную роль. Как пишет по этому поводу Карол Клоувер, «“Утрата сыновей” Эгиля звучит как жалоба женщины потому, что в каком-то глубоком культурном смысле она таковой и является»²⁹.

Возвращаясь к англосаксонским «женским песням» и «Посланию мужа», можно заметить в этих поэмах черты сходства, предвосхищающие типологические особенности любовной лирики. Акцент в них ставится на частных, индивидуальных ситуациях. Стремление к глобальности обобщений, столь характерное для медитативной лирики, здесь полностью отсутствует. Лирических героинь этих поэм трудно назвать представителями всего человечества, обобщающими свой эмоциональный опыт в гномических размышлениях. Судьбы людские интересуют героинь любовных произведений несравненно меньше, чем их собственные. В отличие от героев медитативной лирики они не идеализируют прошлое, существуя лишь в настоящем с его болью, страстью, благословением и проклятьем тому, кто обрек их на горе.

* * *

Итак, попытаемся в самом общем виде охарактеризовать те представления о времени и пространстве, которые можно наблюдать на примере древнеанглийской лирики начиная со стадиально

²⁷ Egill Skallagrímsson Sonnatörrek. Den norsk-islandske skjaldedigtning. B: Rettet tekst. Ugd. Ved Finnur Jónsson. 2 udg. København, 1973. S. 34–37.

²⁸ Ср.: Clover C. Regardless of Sex: Men, Women, and Power in Early Northern Europe // *Speculum*. 1993. Vol. 68. № 2. 1993. P. 382.

²⁹ Ibid. P. 384.

наиболее ранних образцов, инкорпорированных в основной эпический контекст «Беовульфа» и восходящих к традиции плача, и с тех древнейших «женских песней», которые дают «мужской» лирике свои жанровые формы.

На фоне эпической, дидактической, духовной, гномической поэзии древнеанглийские лирические поэмы выделяются относительно малым объемом (самая длинная поэма «Морестранник» включает 124 строки). Вербальная краткость — характерная черта лирической поэзии, обусловленная «краткостью» описываемого в ней события. В отличие от больших форм, например эпических, изображающих продолжительные действия и требующих нескольких (многих) персонажей, те древнейшие произведения, которые можно назвать лирическими, обычно в соответствии с общими канонами лирики выделяют одного героя, показанного в единственной ситуации и в единственный момент. Ситуативность лирики можно противопоставить сюжетности эпоса.

Индивидуальность переживаемого утверждается в древнейшей лирике двумя основными способами: представлением всего рассказа от первого лица и противопоставлением настоящей ситуации или переживаний лирического героя в настоящее время прошлому, как его собственному, так и прошедшей/настоящей жизни других людей. Таким образом, чувства лирического героя представляются как более индивидуальные, что интенсифицирует переживаемое им.

Оба лирических фрагмента «Беовульфа» пронизаны ностальгическим чувством, вызванным утратой всего героического, эпического мира. Скорбь о былом величии рода, о гибели сына, осознание неизбежности смерти, почти физическое ощущение неостановимости времени делают прошедшее более реальным, чем настоящее. Время здесь осмысляется не как цикличное, но как линейное со всей его необратимостью и неизбежностью.

Для лирических фрагментов «Беовульфа» характерна та же общая основная тема, что и для всех типологически ранних лирических поэм англосаксов, — одиночества. Эта тема, превращенная в древней лирике в своеобразную «культурную» позицию, аномальна для более архаической поэзии. Связанные с темой одиночества мотивы изгнания, скитания, путешествия обычно обусловлены чувством утраты чего-то желанного для лирического героя. Этим утраченным, но желанным может быть прошедшее, жизнь, возлюбленный, юность, состояние духовной гармонии, вся цивилизация. Выражение горя, связанного с невыполнимостью желания, принимает форму моно-

логической лирической жалобы. В «Скитальце» одиночество героя, его тоска по счастливому прошлому приближают его к лирическому герою эпохи романтизма, изливающему боль своего сердца, когда он не может более сдерживаться. В «Морестраннике» лирический герой пытается посредством своего монолога разрешить обуревающие его сомнения и примирить соблазны сиюминутной мирской жизни с открывающимися ему вечными истинами. В «Деоре» певец пытается с помощью поэзии спасти себя от грядущих бед, которые, как он надеется, будут развеяны его поэтическим словом.

В любовной лирике страдания героя/героини, вызванные разлукой с любимым, усиливаются воспоминаниями о былых радостях или, как, например, в «Жалобах жены» (33–36), противопоставлением собственных горестей в настоящем блаженству счастливых влюбленных. В духовной лирике, например в древнеанглийской поэме «Смирение», прошлое с его мирскими наслаждениями контрастирует с настоящим, исполненным физических страданий и предвосхищения будущего. В «Рифмованной поэме» основная тема — бренность земной жизни и необходимость покаяния — раскрывается на примере жизни лирического героя. Основной прием описания во всей англосаксонской лирической поэзии — контраст — приобретает в этом произведении особенную выразительность: за рассказом героя о прошлом — веселой юности следует внезапный переход к отрицанию земных радостей в повествовании того же героя о страданиях старости в настоящем.

Подобно духовной лирике, поэма «Руины» посвящена описанию бренности всего земного, неизбежности упадка и разрушения. Композиция этого произведения тоже строится на контрасте прошлого и настоящего, подчеркнуть который позволяет прием перечисления (земные богатства изображаются сначала в их величии, а затем — подвергнутыми разрушению и тлену). Поэма «Руины» дает единственный пример описательной лирики во всей англосаксонской поэзии.

В медитативной поэзии лирический герой ставится в ситуацию изолированности от общества и осознает одновременно и неизбежность собственной гибели, и обреченность этого общества. Переживания героя из индивидуальных, локальных становятся экзистенциальными.

И в ранней медитативной, и в духовной, и отчасти даже в любовной поэзии лирический герой говорит от лица всего страдающего, кающегося человечества. Справедливо, однако, что «поэтическое

Я» для Средних веков значило нечто отличное от более поздних эпох. Сущность «поэтического Я» в Средние века составляет репрезентативная, иллюстративная роль поэта как представителя всего человечества, как говорящего от лица всех, а не одного. Поэтому в рассматриваемых произведениях с такой легкостью совершается переход от речи об индивидуальных эмоциях к универсальным чувствам, от лирики к гномике. Гномические мотивы создают перспективу в восприятии переживаемого лирическим героем (и читателем/слушателем). Одновременно с этим и усвоение дидактической задачи облегчается благодаря образному раскрытию основной темы. В медитативных и духовных лирических произведениях, главные темы которых связаны с универсальностью земных страданий и непрочностью всякого величия в этом мире, введение образа лирического героя, повествующего языком поэзии о своих страданиях и переживаниях, позволяет автору раскрыть главную тему, избегая прямой дидактики.

Тем же целям служат все образные средства ранней лирики. Изображение конкретных картин, лирических пейзажей со всей реалистичностью и детализованностью описаний помогает создать определенное настроение, вызвать переживание. Объективность, реалистичность в изображении деталей и явлений не делает раннюю лирическую поэзию менее индивидуальной, субъективной в выражении эмоций. С самого ее появления эта двойственность фокуса достигается в лирике благодаря своеобразию ее образной системы.

Стремление к максимальной объективности описания лирического фона соседствует с беспредельной гиперболизацией в изображении эмоций. И в «Деоре», и в «Жалобах жены», и в «Скитальце» речь идет о том, что из-за невыносимых страданий жизнь лирического героя подошла к концу. В «Руинах», «Морестраннике», «Скитальце» слушателей (или читателей) потрясают картины «тотального» (= лирического) разрушения: «властители лежат (мертвые)» («Скиталец», 78), «строители пали, воины — в земле» («Руины», 28), «пали все эти дружинники» («Морестранник», 86). Множественное число в этих примерах приобретает конвенциональную лирическую нагруженность, превращая гиперболу в характерную черту образной системы в ранней лирике.

Относительное отсутствие динамики повествования сближает древнейшие лирические монологи с фольклорной песней. Однако статичность, фиксированность на единичной ситуации свойственна

лишь самой стадияльно ранней лирике, например инкорпорированным в эпос лирическим фрагментам. Для этих протолирических форм характерна парциальность, отнесенность к определенному периоду времени и сочетанию обстоятельств или событий, которые не могут повториться. Образный мир в них описывается не в движении и развитии, но как ряд последовательных стадий. В типологически поздней лирике отдельные эпизоды начинают распределяться в определенном пространственно-временном порядке, а возможные отступления от него приобретают особую семантическую нагруженность и используются как средство выражения повышенной эмоциональности в изъяснении чувств автора или лирического героя.

IV. Древнерусский текст и книга

Л.В. Столярова

ЗАКАЗЧИКИ ДРЕВНЕРУССКИХ КОДЕКСОВ XI–XIV вв.
Ч. 4: Заказчики XIV в., упомянутые в записях на книгах*

В XIV в. произошли существенные изменения в организации книгописания на Руси. К концу столетия завершился церковный период в развитии древнерусской книги. На смену ему пришел период церковно-монастырский, продолжавшийся вплоть до второй половины XVI в. (до начала книгопечатания в России). Первый период характеризовался абсолютным преобладанием пергаменных кодексов и до конца XIV в. (а именно до утверждения на Руси общежительного монастырского устава) был связан с развитием книжного дела в городских монастырях и церквях. Во второй период произошли перемены как в использовании материала для письма (распространение бумаги), так и в организации книгописания (появление с конца XIV — первой половины XV, а особенно в начале XVI в. скрипториев в крупных пригородных монастырях-землевладельцах)¹. В XIV в. книгописание продолжалось на северо-востоке, северо-западе и юго-западе Руси, в том числе на территориях, вошедших в состав Великого княжества Литовского. Особенно интенсивное книгописание фиксируется в это время в Новгороде и Пскове². Сохранившиеся источники позволяют предположить, что книгописные мастерские в Пскове в XIV в. существовали в церквях Воскресения Христова в Домантове стене (1309 или 1310 г.), Николы над Греблей в Домантове стене (1312–1313, ок. 1330 г.),

* Статья написана в рамках исследовательского проекта РФФИ № 07-06-00310: «Типологический и синхронистический методы сравнительного изучения истории России и других стран Европы в средние века и раннее новое время (источниковедческие аспекты)».

¹ *Столярова Л.В.* Книга в культуре Древней Руси (XI–XIV вв.) // ПИ. Вып. 1 (12). М., 2006. С. 50–76; *Она же.* О начальном этапе в истории книги Древней Руси (XI–XIV вв.) // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2006. Вып. 2. С. 50–62.

² *Она же.* Псковские скриптории XIV в. // ДГ. 2000 г. Проблемы источниковедения. М., 2003. С. 360–377.

Воздвижения Креста на Красном Дворе в Пскове (1382 г.), св. Ильи в Кулейском погосте (первая половина XIV в.), Рождества Богородицы в Снетогорском монастыре (вторая половина XIV в.)³. В 1386 г. для псковского монастыря Петра и Павла на Середкине в новгородском Софийском соборе был заказан Параклитик.

В качестве места переписки кодексов в источниках XIV в. фигурируют: новгородский Софийский собор (1356, 1362 (?), 1365, 1369, 1370, 1386 гг.), монастыри св. Саввы (1369 г.), Святотроицкий на Видогощи (ок. 1380–1389, 1386 гг.), подмосковный Троице-Сергиев (1380 г.), серпуховской Богородицы Зачатия Высоцкий (1381–1382 гг.), Андроников в Москве (1390/91 г.), Богородицы Введения в Переславле (1389–1425 гг.), новгородский Богородицы Рождества на Лисичьей Горке (1397 г.), а также церкви: св. Екатерины в Луцке (1384 г.) и Воздвижения Честного Креста в Москве (1389–1406 гг.). Отмечаются контакты с книгописными центрами Константинополя: в 1383 г. там было переписано Евангелие⁴, а в 1388 г. — Диоптра инока Филиппа (в монастыре Перивлепт)⁵.

В XIV в. существенно изменился социальный состав заказчиков пергаменных кодексов⁶. Указание заказчика (стяжателя) имеет место в 39 из 50 записей писцов XIV в. В подавляющем большинстве случаев такого рода сведения помещены в выходных, реже — в именных и вкладных записях. Как правило, указание заказчика в выходных записях содержится в формулах «списана бысть книга сия... повелением X», «написано бысть... повелением X» и их эквивалентах. Всего в записях писцов XIV в. в качестве заказчиков упомянуты 1 митрополит⁷, 13 епископов (архиепископов)⁸,

³ Столярова Л.В. Псковские скриптории. С. 360–377.

⁴ ГИМ. Син. № 742.

⁵ ГИМ. Чуд. № 15. Л. 90 об.–91.

⁶ Данные о заказчиках бумажных кодексов XIV в. в настоящей статье не учитываются.

⁷ РНБ. Ф.п.I.18. Л. 207 а-б (1393 г.); Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. М., 2000 (Далее: Столярова Л.В. Свод). № 373.

⁸ РНБ. Соф. № 2. Л. 269 об. (ок. 1325–1330 или 1352–1359 гг.), Столярова Л.В. Свод. № 228; РГАДА. Ф. 381. № 8. Л. 1656 (ок. 1325–1330 или 1352–1359 гг.), Столярова Л.В. Свод. № 229; ГИМ. Син. № 70. Л. 176 об. (1355 г.), Столярова Л.В. Свод. № 272; РГАДА. Ф. 381. № 163. Л. 82г (1356 г.), Столярова Л.В. Свод. № 274; РНБ. Соф. № 3. Л. 253г (1362/63 г.), Столярова Л.В. Свод. № 279; ГИМ. Воскр. № 17. Л. 142 (1365 г.), Столярова Л.В. Свод. № 281; РНБ. Соф. № 198. Л. 133 об. (1369 г.), Столярова Л.В. Свод. № 285; РНБ. Ф.п.IV.2. Л. 172г–173а (1377 г.), Столярова Л.В. Свод. № 309; РНБ. Погод. № 26. Л. 247г (1391 г.), Столярова Л.В.

1 владычный наместник⁹, 7 игуменов (два из которых — юрьевские архимандриты)¹⁰, 5 чернецов¹¹, 1 священник¹², 4 церковных старосты¹³, 5 бояр¹⁴, 1 князь¹⁵. Социальный статус трех заказчиков писцы XIV в. никак не определили, назвав их только по имени¹⁶ (7,9 % от общего числа известных заказчиков книг XIV в.).

Неясны число и (или) социальный статус заказчиков 11 рукописей XIV в. В выходных записях на них прямое указание заказчика подменено формулой «при X, при X₁, при...»¹⁷, либо скрыто в сло-

Свод. № 372; РНБ. ОЛДП. Ф.6. Л. 227 (1397 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 381; РНБ. Ф.п.I.41. Л. 222б (1397 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 385; БАН. 01.34.7.5. Л. 115 (1398 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 388; ГИМ. Син. № 600. Л. 71 об.–72 (1400 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 389.

⁹ РГАДА. Ф. 381. № 2. Л. 151г (ок. 1341 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 240.

¹⁰ ГИМ. Син. № 722. Л. 180б (1307 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 161; ГИМ. Хлуд. № 29. Л. 219г (1323 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 227; РГБ. Рум. № 302. Л. 113а-б (1369 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 284; БАН. 31.7.2. Л. 259а-б (1377 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 310; ГИМ. Чуд. №10. Л. 216 об. (1388 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 354; ГИМ. Хлуд. № 37. Л. 1 (ок. 1389–1406 гг.), *Столярова Л.В.* Свод. № 359; РНБ. Ф.п.I.21. Л. 166а (ок. 1389–1425 гг.), *Столярова Л.В.* Свод. № 366.

¹¹ ГИМ. Син. № 172. Л. 202 об. (1313 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 196; БАН. Арх. ком. № 189. Л. 216а-г (1339 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 239; РГБ. Муз. № 1364. Л. 148 (1343 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 244; ГИМ. Син. № 932. Л. 82 (1344 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 252; ГИМ. Муз. № 4040. Л. 156 об. (1395 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 380.

¹² ГИМ. Син. № 932. Л. 82 об. (1344 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 252.

¹³ ГИМ. Син. № 15. Л. 128в-г (ок. 1309 или 1310 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 168; РГАДА. Ф. 381. № 2. Л. 151г (ок. 1341 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 240; ГИМ. Син. № 837. Л. 136 об.–137 (1369 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 283; РГАДА. Ф. 381. № 10. Л. 137 об. (первая половина XIV в.), *Столярова Л.В.* Свод. № 395.

¹⁴ ГИМ. Син. № 235. Л. 336 об. (ок. 1343 г.), *Столярова Л.В.* Древнерусские надписи XI–XIV вв. на пергаменных кодексах. М., 1998. С. 174–176; *Она же.* Свод. № 243; ГИМ. Син. № 240. Л. 186 об. (1400 г.; поименованы четверо новгородских бояр).

¹⁵ РНБ. Ф.п.IV.2. Л. 172г–173а (1377 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 309.

¹⁶ ГИМ. Син. № 896. Л. 98 об. (1311 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 169; РГАДА. Ф. 381. № 177. Л. 81б (ок. 1330 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 234; РГАДА. Ф. 381. № 172. Л. 98 об. (1382 г.; в качестве заказчика упомянуты «кто давал куны на сия книги»), *Столярова Л.В.* Свод. № 345. Подробнее см.: *Столярова Л.В.* Из истории книжной культуры русского средневекового города. XI–XVII вв. М., 1999. С. 37–42.

¹⁷ ГИМ. Син. № 239. Л. 210 (ок. 1313 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 211; ГИМ. Син. № 67. Л. 189 (1354 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 267; ГИМ. Син. № 68. Л. 178г (1357 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 276; ГИМ. Син. № 69. Л. 211 об. (1381 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 343; РГАДА. Ф. 381. № 172. Л. 98 об. (1382 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 345; Флоренция, б-ка Лоренцо Медичи (1384 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 347; ГИМ. Син. № 838. Л. 182 об. (1386 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 349; ГИМ. Чуд. № 15. Л. 90 об.–91 (1388 г.), *Столярова Л.В.* Свод. № 358; ГИМ. Хлуд. № 37. Л. 182 (ок. 1389–1406 гг.), *Столярова Л.В.* Свод. № 365. Об употреблении формулы «при X, при X₁,...» в выходных записях XIV в. см.: *Столярова Л.В.* Древнерусские надписи. С. 115–120.

ве «всех» («...и всех бояр и всеи улицы Кузмодемьяне...»¹⁸, «...и всех кулиянь»¹⁹). Сомнение вызывает, в частности, употребление формулы «при X, при X₁» в выходной записи Псалтири 1384 г., в которой, вероятно, кроме указания дополнительного времени переписки кодекса скрывается указание коллективного заказчика — детей луцкого кн. Любарта-Дмитрия Гедиминовича — Федора (Федота), Лазоря и Семена Дмитриевичей, а также луцкого епископа Ивана²⁰. Не ясно, являются ли заказчиками Евангелия 1358 г. московский в. кн. Иван Иванович и митрополит Алексей, упомянутые в выходной записи писца Лукьяна все в той же формуле «при X, при X₁». Никаких иных упоминаний лиц, причастных к книгопроизводству, в этой записи нет²¹. Нет и прямого указания заказчика в выходной записи Пандектов Никона Черногорца 1381 г., где в формуле «при X...» фигурирует игумен серпуховского Высоцкого монастыря Богородицы Зачатия Афанасий²². Не исключено, что в формуле «при X, при X₁, при X₂...» упомянуты и заказчики Параклитика 1386 г. — поп Федор, игумен Матфей и церковный староста Дионисий Буяцкович: «списаны быша книги сия къ святому апостолу Петру и Павлу на Сиротькино при попе Фодоре, при игумине Матфеи, при старосте Дионисьи Буяцковице»²³. Очень вероятно, что в перечисленных случаях формула «при X, при X₁...» поглотила прямое указание заказчика. Однако в подавляющем большинстве случаев формулы «при X, при X₁...» и «списана бысть книга сия... повелением X», «написано бысть... повелением X» в выходных записях соседствуют.

Некоторые из заказчиков XIV в. выступали инициаторами изготовления трех и более сохранившихся пергаменных рукописей. Многократными заказчиками были новгородские архиепископы Моисей (5 кодексов, один из которых был изготовлен в его бытность игуменом монастыря Успения Богородицы в Коломцах²⁴),

¹⁸ Указаны наряду с новгородскими боярами Юрием Онцифоровичем, Дмитрием Микитиничем, Василием Кузьминичем и Иваном Даниловичем — заказчиками Пролога 1400 г. (ГИМ. Син. № 240. Л. 186 об.).

¹⁹ «Все кулияне» упомянуты наряду с «рабом Божиим Анфимом, старостой святого Или» — заказчиком Евангелия первой половины XIV в. (РГАДА. Ф. 381. № 10. Л. 137 об.).

²⁰ Столярова Л.В. Свод. № 347. С. 349–351.

²¹ ГИМ. Син. № 69. Л. 221.

²² ГИМ. Син. № 193. Л. 211 об.

²³ ГИМ. Син. № 838. Л. 182 об.

²⁴ ГИМ. Хлуд. № 29. Л. 219г.

Алексий (3 кодекса) и Иоанн (4 кодекса). По крайней мере, 4 заказа были коллективными. В целом же в XIV в. книги переписывались в основном по заказу представителей черного и белого духовенства (73,6 % от общего числа заказчиков XIV в., известных по имени).

Ни один единоличный княжеский заказ, начиная с середины XII в., не связан с Новгородом. Трое предполагаемых князей-заказчиков XIV в. (если в этом конкретном случае наша трактовка формулы «при X, при X₁» верна) были коллективными инициаторами создания одной рукописи — Псалтири 1384 г., а в качестве их созаказчика выступил епископ (см. выше). В то же время, подавляющее большинство кодексов XIV в., сопровождаемых записями писцов со сведениями о заказчике, так же как и кодексы XI–XIII вв., происходят из Северо-Запада Руси. Очевидное уменьшение роли князей в организации книгописания в XIV в. (2,6 % от общего числа заказчиков книг этого времени, известных по имени) по сравнению с предшествующим периодом (37,9 % от общего числа заказчиков XI–XIII вв.) связано с изменением статуса и роли князя в Новгородской земле. Среди заказчиков рукописей XIV в., происхождение которых связано с Новгородом, абсолютно преобладают представители черного духовенства: 11 новгородских кодексов изготовлены по заказу новгородских архиепископов (Моисея, Алексия и Иоанна), 1 кодекс — по заказу игумена, 1 — монаха, 1 — по коллективному заказу игумена, священника и церковного старосты и 1 — по коллективному заказу четырех новгородских бояр «и всеи улицы Кузмодемьяне»²⁵. Две рукописи изготовлены по заказу церковного старосты, изготовление одной новгородской рукописи инициировано игуменом, священником и церковным старостой.

В Пскове в это время в организации книгописания усиливается роль института церковных старост. Из сохранившихся псковских кодексов XIV в. по одному были заказаны игуменом и чернецом, и один — совместно чернецом и священником; изготовление одного кодекса было инициировано псковским боярином. Остальные четыре рукописи, в выходных записях которых содержится указание заказчиков, были переписаны по инициативе или при участии церковных старост. При этом в трех случаях из четырех заказ на изготовление книги был коллективным и сделан совместно церковными старостами и священником; владычным наместником и церковным

²⁵ ГИМ. Син. № 240. Л. 186 об.

старостой; церковным старостой и «всеми кулиянами». Социальный статус заказчиков двух псковских кодексов не ясен.

Происхождение пяти достоверно московских кодексов XIV в. связано с деятельностью в качестве заказчиков двух митрополитов и двух великих князей, одного архимандрита и одного чернеца. Две сохранившиеся переяславские рукописи, в выходных записях которых поименованы заказчики, связаны своим происхождением с деятельностью игуменов — настоятеля Николаевского на Болоте монастыря Дмитрия (1377 г.) и Саввы — игумена монастыря Богородицы Введения (ок. 1389–1425 гг.). Выходные записи рукописей, достоверно изготовленных в XIV в. в Галиче Костромском, Суздале, Серпухове, Киеве и Луцке, содержат довольно лаконичные и отрывочные сведения о заказчиках, не позволяющие делать сколь-нибудь широких обобщений об организации книгопроизводства в этих центрах.

Произошедшие в XIV в. в организации книгописания изменения не повлияли на общую тенденцию изготовления книг. Заказ на производство рукописи делался в связи с предстоящим вкладом или для удовлетворения внутренних нужд духовной корпорации, представителем которой был заказчик (как правило, игумен, священник или церковный староста). Ниже мы попытаемся обратиться к исследованию процесса книгописания на заказ в разных центрах средневековой Руси XIV в. С одной стороны, последовательно изучая каждый из известных заказов, мы будем стремиться выявить определенные общие для книгописной продукции того или иного центра книгописания (Москва, Новгород, Переяславль, Псков, Серпухов, Смоленск и др.) черты, с другой — исследуя заказы конкретных лиц на изготовление кодексов, попытаемся прояснить спорные вопросы их происхождения.

I. МОСКВА

1. Заказ великого князя или чернеца? Сийское евангелие²⁶

В июне 1829 г. во время археографической экспедиции на Двину П.М. Строев обнаружил в Антониево-Сийском монастыре лицевое пергаменное Евангелие, относящееся по палеографическим при-

²⁶ Данная часть написана совместно с С.М. Каштановым.

знакам и по имеющейся в нем записи с датой к первой половине XIV в.²⁷ По месту находки Евангелие получило название Сийское, утвердившееся за ним в литературе²⁸. Однако предназначалось оно не для Антониево-Сийского монастыря, основанного в 1520 г.²⁹, а для монастыря св. Богородицы на Двине, как об этом свидетельствует выходная запись, помещенная в конце рукописи. Приведем текст выходной записи Сийского евангелия полностью:

(л. 216а) В лѣт(о) 6000-иѣ 800-иѣ 47-иѣ, индикта 12, миротворенаго и с(о)лн(е)чн(о)го круга въ 4-иѣ лѣт(о) висикостное, жидовьсего ирук | въ 7-иѣ лѣт(о), ѡпакта 18 лѣт(о), въ | 5-и каландъ м(е)с(я)ца марта, | жидовьскы нисана, написа(н)о быс(ть) сиѣ Юсу(н)с(ели)иѣ въ градъ Мо(с)ковъ на Двину къ с(вя)тѣи Б(огороди)ци | повелениѣмъ рабомъ б(о)ж(и)мъ | Ананию чернцемъ. Ѡ семь | бо князи великомъ Иванъ | пр(о)рокъ Юзекии гл(а)г(о)л(е)тъ: В послѣднеѣ время въ апустѣвшии зе(м)ли на западъ встанеть | ц(е)с(а)рь, правду любай соудъ, | не по мзѣдѣ судаи, ни в поношениѣ поганымъ странам. | При семь будетъ тишина ве(л)ья в Роуской земли и вси(а)ють въ дни его правда, яко | же и быс(ть) при его ц(а)рствѣ. Хвали(т)ь Римьская земля Петра | и Павла, Асиа — Иоана Бо(го)слове(ц)а, Индииска — Фому, Юра(л. 216б)поль — Филипа, Руская | земле — перевознаго | ап(осто)ла Андрѣя, Гречьская земля ц(е)с(а)ра Костанти(н)а. Сему бл(а)городному | князю великому Ивану, |

²⁷ БАН. Арх. ком. № 189. Л. 216–216 об. Факсимильное воспроизведение записи: *Вздорнов Г.И.* Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков. М., 1980. № 29. Л. 216–216 об. Текст записи неоднократно издавался. — См., например: *Бугославский Г.[К.]* Рукописное пергаменное Евангелие апракос Антониева-Сийского монастыря 1339 года // *Архангельские епархиальные ведомости.* 1902. Ч. неофициальная, год XV. № 23. С. 812–827; № 24. С. 844–863 (публикация текста на С. 845–846); *Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР: Описание русских и славянских рукописей XI–XVI веков / Сост. Н.Ю. Бубнов, О.П. Лихачева, В.Ф. Покровская.* Л., 1976. С. 79–80; *Вздорнов Г.И.* Искусство книги. № 29 (Введение).

²⁸ Библиографию Сийского евангелия см.: *Вздорнов Г.И.* Искусство книги. № 29; см. также: *Орешиников А.В.* Материалы к русской сфрагистике // *Тр. Московского нумизматического общества.* М., 1903. Т. 3. Вып. 1. С. 119–121; *Черетин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 14; *Он же.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 513–515; *Кучкин В.А.* Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты? // *Источниковедение отечественной истории.* М., 1989. С. 210, 218. Описание кодекса см.: *Бугославский Г.[К.]* Рукописное пергаменное Евангелие. С. 812–827, 844–863; *Пергаменные рукописи.* С. 78–82.

²⁹ *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. [Т]. 2. С. 57–59. № 618.

створшему дѣла подо|бна в Руской земли пра|вовѣрному ц(е)с(а)-
 рю Коста|нтину, ѿ семь бо пѣсно|словьць гл(аголе)тъ: Постави, |
 г(оспод)и, законодавца на|д ними, да разумѣю|тъ ѡзыци, ѡко ч(е)-
 л(о)в(е)ци | суть. То же рек: Б(ож)е, судь ц(е)с(а)р(е)ви | даи же
 правду с(ы)н(о)ви ц(е)с(а)р(е)ву. | Сии бо князь великой | Иоа(н)
 имѣвше правыи | суд пач(е) мѣры, поминаа | б(о)ж(е)ственаѣ
 писанииа | исправльнииа с(вя)т(ы)хъ и | пр(е)п(о)д(о)бных ѡ(те)ц
 по прави|ломъ моноканунны|мъ, ревнуа правовѣрн|ому ц(е)с(а)рю
 Оустия|ноу. || (л. 216в) В то бо время бл(а)гоч(е)стия | велию во-
 сиивши, многи|мъ с(вя)т(ы)мъ ц(е)рквамъ съзи|даемымъ, оучнию
 б(о)ж(е)ственныхъ словесъ ѿт о|устъ ѡго, ѡко источнику | велию
 текущую, напаа|ющи бл(а)гоч(е)ст(и)выхъ с(вя)т(ите)ль | сердца и
 х(ри)с(т)олюбивыхъ | въ ѡго державѣ людиі, | безбожнымъ юреса|мъ
 преставшимъ при ѡ|го державѣ, многимъ | книгамъ написаны|мъ
 ѡго повелениемъ, | ревнуа правовѣрному | ц(е)с(а)рю гречьскому
 Ману|илу, любиа с(вя)т(и)т(е)льскыи санъ, постничьскою жить|ю
 любиа, оудержаѣ правовѣрную с(вя)тую вѣроу, | сирымъ в бѣдахъ
 по|мощникъ, вдовци ѿт | насилникъ изимаа, || (л. 216з) ѡко ѿт
 оустъ лвовъ, всеи Роу|ской земли поминаа веле|гл(а)сно державу
 ѡго ц(а)рства. Си|и бо великий рабъ б(о)ж(и)и Анани|а черн(е)ць
 поминаа ѡго с(вя)т(ите)льскыи санъ, гора д(у)х(о)вною мы|слию
 къ Б(о)гови, хотаи видѣти | вышнии Юр(у)с(а)л(и)мъ, поминаѣ |
 д(у)шею первыхъ правовѣр|ныхъ ц(е)с(а)ри и всѣхъ с(вя)т(ы)хъ, и |
 м(о)л(и)твою прародитель своих. | А писали многогрѣшн|и дьяци
 Мелентии | да Прокоша, бл(а)г(о)с(л)о(в)и(те) и|хъ, а не клените.

Итак, запись на л. 216–216 об. начинается с указания даты на-
 писания Евангелия. Затем говорится, где оно было написано («въ
 граде Москве»). После этого сказано, куда оно направляется («на
 Двину къ святей Богородици»). Затем упоминается заказчик кодекса
 («повелениемъ рабомъ божьимъ Ананиею чернцемъ»). Далее идет
 пространная Похвала великому князю Ивану (Ивану Калите), кото-
 рый дважды как бы отождествляется с чернецом Ананией: «Ана-
 ниею чернцемъ. О семь бо князи великомъ Иване...»; «Сии бо
 великий рабъ божи Анания чернецъ». Заключительная фраза на-
 писана кинovarью, отступя на одну строку от предшествующего
 текста, более крупными буквами: «А писали многогрешнии дьяци
 Мелентии да Прокоша, благословите ихъ, а не клените».

Текст записи Сийского евангелия сделан одним из основных по-
 черков кодекса (почерк Ia по нашей классификации; подробнее см.
 ниже). Это свидетельствует о том, что запись более или менее син-

хронна основному тексту кодекса. Вместе с тем дата, содержащаяся в начале записи, состоит из ряда противоречащих друг другу элементов: «В лето 6000-ное 800-е 47-е, индикта 12, миротворенаго и солнечного круга въ 4-е лето високостное, жидовьсего ирук въ 7-е лето, епакта 18 лето, въ 5-и каландь месяца марта, жидовьскы нисана, написано бысть сие Еуангелие...». В записи поражает обилие и разнообразие элементов датировки, собранных как будто нарочно для того, чтобы показать читателю хронологическую эрудицию составителей или сбить с толку тех, кто захочет разобраться, когда же на самом деле Евангелие было написано.

В дату записи входят десять элементов: 1) число года по византийской эре от С.М. — 6847; 2) индикт — 12; 3) номер года в «миротворенном» круге — [4?]; 4) номер года в солнечном круге — 4; 5) указание на високос; 6) указание типа года по еврейской эре — «ирук»; 7) номер года в еврейском «малом цикле» — 7; 8) эпакта — 18; 9) число дня и месяц по римскому календарю — «5-и каландь месяца марта»; 10) еврейское название месяца — «жидовьскы нисана». Номер года в «миротворенном» круге автор записи не указывает, как бы отождествляя его с номером года в солнечном круге. Вместе с тем это разные понятия. Номер года в «великом миротворном круге» есть остаток от деления числа года по византийской эре на 532³⁰. Для 6847 г. он равен 463.

При установлении даты кодекса большинство исследователей не принимало в расчет иных хронологических показателей, кроме года, индикта, месяца и числа. Уже первые описатели Евангелия считали указание на 12-й индикт ошибкой, т.к. 6847-му сентябрьскому году соответствует 7-й индикт. Путем вычитания 5508 из 6847 год написания рукописи был определен как 1339 (И.И. Срезневский, А.И. Соболевский, И.М. Сибирцев и др.). Поскольку 5-й день мартовских календ равен 25 февраля невисокосного года (26 февраля високосного года), датировка записи 25 февраля 1339 г. возможна при сентябрьском и ультрамартовском стилях. При мартовском же начале года из 6847 надо вычитать для февраля не 5508, а 5507, что дает 1340 г. Н.А. Мещерский впервые попытался истолковать термин «ирук» записи. Он сопоставил его с древнееврейским понятием «сана ирук», обозначающим «долгий год», который иначе может

³⁰ *Пентковский А.М.* Календарные таблицы в русских рукописях XIV–XVI вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3. Ч. 1. С. 141.

быть определен как високосный год. Древнееврейский «долгий», или високосный, год отличается от простого наличием второго месяца адар. 1340 г. был високосным по эре от Р.Х., а в еврейском календаре ему соответствовал високосный же 5100 г. На основании этого совпадения Н.А. Мещерский предположил, что в записи имелся в виду не 6847 простой год, а 6848 високосный сентябрьский год, и датировал запись 25 февраля 1340 г.³¹ Однако указанию на високосный год противоречит 7-й номер года в «малом» (19-летнем) цикле. 7-й год цикла никогда не был високосным или «долгим». Таковыми являлись соседние с ним 6-й и 8-й годы³². Следовательно, предложенная Н.А. Мещерским датировка отнюдь не сняла всех противоречий, имеющих в хронологической части записи.

В отличие от Н.А. Мещерского, Г.И. Вздорнов исходил из допущения, что автор записи пользовался мартовским стилем. Он предложил два варианта даты: либо 25 февраля 1339 г., либо (если отбросить слово «каландь») 5 марта 1340 г.³³ Но оба варианта невозможны при мартовском начале года, ибо в первом случае для февраля надо вычесть 5507 из 6847, что дает 25 февраля 1340 г. (вариант Мещерского), а во втором случае для марта следует вычесть 5508 из 6847, что дает 5 марта 1339 г.

Новую попытку решить загадку записи Сийского евангелия принял Я.Н. Щапов. С одной стороны, он признал вероятной ту датировку Евангелия, которую предложил Г.И. Вздорнов: 5 марта 1340 г. С другой стороны, ссылаясь на частные случаи датировки календами при указании не следующего, а текущего месяца, Щапов допустил, что в записи шла речь не о календах марта, а фактически о календах апреля: 28 марта 1340 г.³⁴ Этот вариант возможен лишь при дате «6848».

Нам представляется, что в литературе не было найдено удовлетворительного объяснения хронологических противоречий в записи

³¹ Мещерский Н.А. К датировке «Похвалы Ивану Калите» // Вестник Ленинградского ун-та. Л., 1967. № 2. Серия «История — язык — литература». Вып. 1. С. 137–139; *Он же*. К изучению ранней московской письменности // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 93–103.

³² Mahler E. Handbuch der jüdischen Chronologie. Leipzig, 1916. S. 356, 372; ср.: Цыбульский В.В. Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока: Синхронистические таблицы и пояснения. М., 1964. С. 216.

³³ Вздорнов Г.И. Из истории искусства русской рукописной книги XIV века // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. С. 142–143.

³⁴ Щапов Я.Н. Древнеримский календарь на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. статей. М., 1978. С. 340–341.

на Сийском евангелии. В настоящей работе авторы ставят своей целью не только показать степень несогласованности различных элементов записи, но и попытаться раскрыть причины этой несогласованности в связи с изучением вопроса о происхождении рукописи.

Начнем с числа года: 6847. Ему могли соответствовать месяц и число (25 февраля), а также номер года в еврейском «малом цикле» — 7. В 268-м «малом цикле» 7-м был 5099 г. эры от Адама. Он начинался 15 сентября 1338 г. (1 тишри) и кончался 3 сентября 1339 г. (1 тишри нового, 5100 г. приходилось на 4 сентября 1339 г.)³⁵. 25 февраля находилось в пределах совпадения 5099 г. эры от Адама с 1339 г., что говорит в пользу датировки записи 1339, а не 1340 г. 6847 г. византийской эры приравняется к 1338/39 г. по сентябрьскому и ультрамартовскому стилям и к 1339/40 г. по мартовскому стилю. При сентябрьском начале года на 1338 г. приходятся месяцы с сентября по декабрь, а на 1339 г. месяцы с января по август. При ультрамартовском стиле к 1338 г. относятся март–декабрь, а к 1339 г. январь и февраль. Мартовское начало года предполагает, что март–декабрь 6847 г. проходят в 1339 г., а январь–февраль в 1340 г. Наибольшее по протяженности совпадение с годом эры от Адама имеет, следовательно, сентябрьский год, он близок к нему по датам начала и конца года. Одновременное использование эры от Адама и эры от С.М. вообще наиболее логично при сентябрьском начале года.

Сравнивая число года — 6847 — с другими элементами даты в записи, легко установить, что большая часть этих элементов не согласуется с числом года. Таковы индикт 12 (в 6847 г. — 7), круг солнца 4 (в 6847 г. — 15), эпакта 18 (в 1338, 1339 и 1340 гг. соответственно 28, 9 и 20)³⁶, указание на високос (6847 г. не был високосным).

Но согласуются ли приведенные элементы между собой? Оказывается, что согласуются попарно. В XIV в. 12-й индикт приходился на годы 6822, 6837, 6852, 6867, 6882 и 6897, из которых лишь один — 6837 — помещается в хронологических рамках княжения Ивана Калиты. На эру от Р.Х. он может быть переведен как 1328/29 или 1329/30. 12-й индикт в 1329 г. совпадал с 18-й эпактной. Это единственное их совпадение на протяжении XIV–XV вв.

³⁵ *Mahler E.* Handbuch. S. 568–569.

³⁶ *Ginzler F.K.* Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie. Leipzig, 1914. Bd. 3. T. 1. S. 402.

4-й круг солнца в XIV в. приходился на 6808, 6836, 6864 и 6892 гт. Все они были високосными. Из них к периоду княжения Ивана Калиты относится только один год — 6836, т.е. 1327/28 или 1328/29.

Обратим внимание на хронологическую близость индикта и эпакты, с одной стороны (6837 г.), и круга солнца, с другой (6836 г.). В рамках 6837 г. имеется период, которому соответствует 4-й круг солнца. Это март–декабрь 1328 г. при ультрамартовском начале года. Но на данном отрезке времени индикт ультрамартовского 6837 г. уменьшается на 1 и становится 11, превращаясь тем самым в индикт сентябрьского 6836 г. Остается признать, что круг солнца указан в записи с разницей в год сравнительно с индиктом и эпактой.

Итак, наиболее ранняя дата, которую мы косвенным путем (через круг солнца) устанавливаем в записи, — это 6836 г. Следующая дата, прикрытая ссылкой на индикт и эпакту, — 6837 г. И, наконец, последняя, открыто объявленная дата, — 6847 г.

Если не считать запись позднейшей подделкой (а против этого свидетельствует совпадение ее почерка с одним из почерков основного текста), хронологическую трехслойность даты записи можно объяснить только тем, что в ней объединена информация нескольких записей. Мы полагаем, что позднейшая запись, 1339 г., заменила предыдущие, вобрав в себя элементы их хронологии. Но где могли находиться предшествовавшие ей, несохранившиеся записи? Для ответа на этот вопрос надо внимательно присмотреться к палеографическим и кодикологическим особенностям Сийского евангелия.

Кодекс, заключающий в себе Сийское евангелие, представляет собой пергаменную рукопись на 216 нумерованных листах. Текст написан уставом в два столбца. Имеются заставка и инициалы, выполненные в стиле тератологического орнамента. На л. 172 об. помещена миниатюра «Отослание апостолов на проповедь». Как уже говорилось, в выходной записи указано, что писцами рукописи являлись «многогрешнии дьяци Мелентии да Прокоша» (л. 216 об.). Г.К. Бугославский различал в рукописи два почерка и считал, что они идут попеременно. Так, по его мнению, первые две строки кодекса написанным первым, лучшим почерком, третья строка «как бы вторым почерком и т.д.»³⁷. Бугославский отметил, что во

³⁷ Бугославский Г.[К.] Рукописное пергаменное Евангелие. С. 861.

втором столбце л. 81 об. почерк «крупнее принятого в евангелии и не так чист». Почерк I (лучший) он приписывал Мелентию, считая его старшим, более опытным писцом, почерк II («неустановившийся») — Прокоше, чье имя, приведенное в уменьшительной форме, давало исследователю основание для заключения, что это был молодой человек³⁸. Кроме того, Бугославский связал с разницей почерков и различие в употреблении гласных «о» и «е»: «особе», «тобе» в тексте, написанном поч. I, и «себе», «тебе» в тексте, написанном поч. II. Принимая во внимание это различие, Бугославский допускал, что обладатель поч. I (Мелентий) был выходцем из южной Руси (откуда происходил митрополит Петр, и, возможно, часть его клириков), обладатель же поч. II (Прокоша) являлся уроженцем северной или средней Руси³⁹. Вместе с тем указывающее на московский говор написание «апустевши земли» в выходной записи, почерк которой Бугославский отождествляет с почерком Мелентия, заставило его предположить, что и этот, старший писец тоже был уроженцем средней полосы, а не юга: он строго следовал южному правописанию в основном тексте исключительно в силу своей профессиональной опытности, не позволяя себе, в отличие от Прокоши, невольных отступлений от списываемого «образца»⁴⁰.

В последующих трудах, посвященных Сийскому евангелию, речь идет, как и в работе Бугославского, только о двух почерках этой рукописи⁴¹. Однако палеография Евангелия представляется нам более сложной. При наличии двух почерков, которые можно считать основными, наблюдаются и определенные отступления от них. По близости почерковых вариантов к тому или иному основному почерку мы обозначаем эти варианты как Ia, Pa и Пб. В целом картина распределения почерков выглядит, с нашей точки зрения, следующим образом: поч. I — л. 1–49, 58об. (строки 10–24 второго столбца) — 81 об.; поч. Ia — л. 49об.–58, 58об. (строки 1–9 второго столбца), 82–111, 173–216 об.; поч. II — л. 112–113об.; поч. Pa — л. 114–144; поч. Пб. — л. 144об.–172об. Не менее 15 раз писцы меняли чернила. Кроме писцов основного текста, над рукописью

³⁸ Там же. С. 861–863.

³⁹ Там же. С. 862.

⁴⁰ Там же. С. 862–863.

⁴¹ *Сморгунова Е.М.* Древнейший московский рукописный памятник (Палеографическое описание и вопрос об оригинале рукописи 1339 г. БАН, № 338) // *Источниковедение и история русского языка.* М., 1964. С. 121; *Пергаменные рукописи.* С. 78 и др.

работал еще некто Иоанн, рисовальщик заставки и инициалов, а также безымянный художник, автор миниатюры, помещенной в Евангелии. Имя Иоанн известно из записи в основании заставки на л. 1: «Господи, помози многогрешному Иоанну [писати]⁴² заставицю сию». Г.К. Бугославский отождествлял Иоанна с автором миниатюры⁴³.

Кодекс, содержащий Сийское евангелие, состоит из 28 тетрадей. Их состав следующий: тетрадь № 1 — л. 1–7 об., № 2 — л. 8–15 об., № 3 — л. 16–23 об., № 4 — л. 24–31 об., № 5 — л. 32–39 об., № 6 — л. 40–47 об., № 7 — л. 48–55 об., № 8 — л. 56–63 об., № 9 — л. 64–71 об., № 10 — л. 72–79 об., № 11 — л. 80–87 об., № 12 — л. 88–95 об., № 13 — л. 96–103 об., № 14 — л. 104–111 об., № 15 — л. 112–119 об., № 16 — л. 120–127 об., № 17 — л. 128–135 об., № 18 — л. 136–143 об., № 19 — л. 144–151 об., № 20 — л. 152–159 об., № 21 — л. 160–167 об., № 22 — л. 168–172 об., № 23 — л. 173–180 об., № 24 — л. 181–188 об., № 25 — л. 189–196 об., № 26 — л. 197–204 об., № 27 — л. 205–214 об., № 28 — л. 213–216 об. Большинство тетрадей пронумеровано буквенными цифрами. Номер тетради ставился на обороте ее последнего листа, на нижнем поле. Не имеют буквенного номера тетради № 2 и 22 (по нашей нумерации). Обычный размер тетради — 8 листов. От этой нормы отступают тетради № 1, 22 и 28. В тетради № 1 (л. 1–7 об.) отсутствует лист, предшествовавший современному л. 1. По сохранившейся узкой полоске пергамена у корешка перед л. 1 видно, что он был вырезан. Этот лист составлял пару с нынешним л. 8 (сейчас в тетради только 7 листов). К остатку вырезанного листа позднее был приклеен лист бумаги, соединенный с переплетом.

Тетрадь № 22 состоит из 5 листов (л. 168–172 об.). От одного листа сохранился остаток у корешка шириной в 0,12 см внизу, 0,2 см в середине и 0,17 см сверху листа. Этот остаток расположен после л. 172. В тетради № 22 парными являются л. 169 и 172, 170 и 171. Вырезанный лист составлял пару с л. 168. Тетрадь № 28 содержит 4 листа (л. 213–216 об.). Они представлены двумя парами: 1) л. 213 и 216; 2) л. 214 и 215.

Кроме неполных тетрадей, следует отметить наличие в рукописи места, где текст был смыт на довольно значительном протяжении. Это л. 111–111 об.: на л. 111 смыты четыре последние строки пер-

⁴² В рукописи слово пропущено; в квадратных скобках добавлено по смыслу.

⁴³ *Бугославский Г.[К.]* Рукописное пергаменное Евангелие. С. 818.

вого столбца и весь второй столбец, на л. 111 об. — текст обоих столбцов.

Таким образом, из рукописи явно удалялись какие-то части текста, что подкрепляет наше предположение о возможности существования в ней более ранних записей, впоследствии изъятых. Однако где именно, в какой тетради могли находиться эти записи или запись? У нас нет уверенности в том, что выходная запись была помещена на первом, ныне отсутствующем листе первой тетради. По предположению О.С. Поповой⁴⁴, поддержанному Г.И. Вздорновым⁴⁵, вырезанный первый лист Сийского евангелия можно отождествить с пергаменным листом из коллекции Гос. Русского музея, содержащим миниатюру «Поклонение волхвов»⁴⁶. Против этого отождествления говорит меньший размер листа из коллекции Русского музея (22,2 x 30,6 см) по сравнению с форматом листов основной части Сийского евангелия (24,5 x 31,4 см).

Разницу форматов листов Сийского евангелия и листа с миниатюрой из коллекции ГРМ можно было бы объяснить тем, что лист ГРМ обрезан. Но ведь и листы кодекса, содержащего Сийское евангелие, тоже обрезались. От этого сильно пострадали пояснительные надписи к евангельским чтениям на нижних полях листов, сделанные почерком XV в. Видимо, вскоре после XV в. у Сийского евангелия сменился переплет. Возможно, он менялся и позже. Сейчас рукопись Сийского евангелия имеет пергаменный переплет (XVIII в.?). Его верхняя и нижняя крышки расписаны акварелью в стиле барокко. Хорошая сохранность листа, находящегося в коллекции ГРМ, позволяет думать, что он в течение долгого времени помещался внутри кодекса и был обрезан, вероятно, не раньше XVIII–XIX вв. Если этот лист являлся до XVIII–XIX вв. частью рукописи Сийского евангелия, то, будучи вырезан из него, он мог быть подогнан под формат другого кодекса, меньшего по размеру,

⁴⁴ *Попова О.С.* Русская книжная миниатюра XI–XV вв. // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1983. Сб. 3. С. 40–42; ср.: *Попова О.* Les miniatures russes du XIe au XVe siècle. Leningrad, 1975. P. 66–72. Первоначально О.С. Попова сообщила свое наблюдение Г.И. Вздорнову в устной форме — см.: *Вздорнов Г.И.* Из истории искусства. С. 149–150.

⁴⁵ *Вздорнов Г.И.* Из истории искусства. С. 149–150.

⁴⁶ ГРМ. Др. гр., 8. Миниатюра издана: *Вздорнов Г.И.* Искусство книги. С. 29, доп. См. также: *Белова Л.Б., Кукушкина М.В.* К истории изучения и реконструкции рукописного собрания Антонијево-Сийской библиотеки // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 156–157.

чем Сийское евангелие. Вместе с тем на листе из коллекции ГРМ как будто не видно следов его прикрепления к корешку рукописи.

В пользу гипотезы О.С. Поповой свидетельствует, по мнению Г.И. Вздорнова, наличие отпечатков изображения золотых капителей и стилизованных цветов миниатюры на л. 1 кодекса, к которому предшествующий лист (ныне отсутствующий в Евангелии) прилегал своей оборотной стороной, где, видимо, и была помещена миниатюра, тогда как лицевая сторона листа оставалась чистой.

Загадку представляет смытое место на л. 111–111 об. Теоретически здесь могла находиться какая-то запись типа выходной, поскольку на л. 111 об. кончалась одна из тетрадей кодекса (№ 14) и проходила граница почерков (почерк Ia на л. 82–111 и почерк II на л. 112–113 об.).

Еще больше оснований предполагать наличие выходной записи в первоначальном составе тетради № 22, где отсутствует, по крайней мере, один лист, находившийся после л. 172. Обозначим его условно как л. 172а. Если тетрадь № 22 была шестилистной, то л. 172а являлся последним листом этой тетради, и на нем мог стоять буквенный номер «22». Тетрадь № 22 явно завершался какой-то этап работы над Сийским евангелием. Во-первых, здесь проходит очередная граница почерков и чернил: на л. 172–172 об. заканчивается почерк Пб., а с л. 173 возобновляется другими чернилами прекратившийся после л. 111 почерк Ia, который затем господствует до конца книги.

Во-вторых, на л. 172 об. помещена миниатюра. Если согласиться с мнением О.С. Поповой и Г.И. Вздорнова о том, что миниатюра была также на обороте ныне отсутствующего первого листа кодекса, факт присутствия миниатюры на л. 172 об. может рассматриваться как признак окончания на л. 172 основного текста Евангелия: оно открывалось миниатюрой и миниатюрой же заканчивалось. К тому же, миниатюра л. 172 об. помещалась в конце Евангелия от Матфея.

В-третьих, шестилистный состав тетради № 22 (если не считать, что в ней могли находиться еще два листа, которые впоследствии была удалены) служит намеком на ее расположение в конце кодекса. В древнерусских кодексах последняя тетрадь часто бывала меньшего размера, чем предшествующие: предвидя окончание работы, писцы отводили на последнюю тетрадь ограниченное число листов пергамента, дабы не расходовать зря этот дорогостоящий материал.

Обращение к нумерации тетрадей показывает, однако, что почерк и чернила буквенных номеров меняются не после 22-й, а лишь после 24-й тетради: номера 25–27 написаны другим почерком, чем предшествующие, и очень светлыми, полустершимися чернилами. Особую палеографическую проблему представляет номер последней, 28-й тетради⁴⁷. Он принадлежит к тому же типу и написан тем же почерком (Ia), что и номера 1, 3–21, 23, 24. Номер находится в середине нижнего поля л. 216 об. Первая цифра номера — «К» (20) — читается без затруднений, в то время как вторая цифра испорчена круглым штампом «Рук. отд. БАН СССР». Она может быть прочитана как «В» (2) или «И» (8). Поскольку тетрадь, которая отмечена этим номером, является по счету 28-й, большинство исследователей читали вторую цифру номера как «И» (8). При просмотре ее через увеличительное стекло можно заметить тончайшую соединительную линию между верхними концами левой и правой «вертикалей» буквы. Кроме того, создается впечатление, что правая «вертикаль» состоит из двух круглящихся верхней и нижней линий. Прочтение второй буквы номера как «В»⁴⁸ и, следовательно, всего номера как «КВ» (22) дает основание для допущения, что л. 216 и парный с ним л. 213 находились раньше в составе 22-й тетради, где л. 216 об. являлся последним, поскольку на нем стоял номер тетради, а л. 213 — первым.

В этом случае получается, что тетрадь № 22 была нормальной восьмиступенчатой тетрадью. Тогда наличие на тетрадах № 23 и 24 номеров того же типа, что и на предыдущих тетрадах, можно объяснить тем, что они нумеровались заранее, в расчете на продолжение текста Евангелия, но после того, как работа по нумерации тетрадей была доведена до № 24, переписка Евангелия остановилась на тетради № 22. Впрочем, такой ход дела был возможен и при шестиступенчатом составе тетради № 22.

Гипотеза о вхождении л. 213 и 216 в состав 22-й тетради предполагает, что л. 213 (как первый в тетради № 22) шел сразу после л. 167об. (последнего в тетради № 21). Однако в рукописи мы не

⁴⁷ Трудно согласиться с утверждением Е.М. Сморгуновой, что «тип нумерации во всей рукописи единый... Нумерация тетрадей последовательная, без пропусков (от А до КИ...)» — см.: *Сморгунова Е.М.* Древнейший московский рукописный памятник. С. 122.

⁴⁸ Мы пользовались также консультациями сотрудников ОР БАН, из которых М.В. Кукушкина и Е.В. Афанасьева склоняются к чтению неясной буквы как «В», а О.П. Лихачева — скорее как «И», хотя и она не исключает возможности другого чтения («В»).

наблюдаем никакой стыковки текста л. 167 об. с текстом л. 213. Более того, текст л. 167 об. продолжается без перерыва на л. 168, а текст л. 213 является естественным продолжением текста л. 212 об., последнего в тетради № 27. Итак, по тексту, л. 213–213 об. между л. 167 об. и 168 совершенно не нужен и является здесь инородным телом, в то время как в тетради № 28 он на своем месте и продолжает текст тетради № 27. Остается допустить, что в составе тетради № 22 л. 213–213 об. и 216–216 об. были чистыми. Они могли предназначаться для миниатюр, для пропущенных часов великой пятницы, для чтения субботы великой недели (к которому был составлен только заголовок) и т.п. Мы можем предполагать все, что угодно, но это не докажет факта пребывания л. 213 и 216 в составе тетради № 22. Столь же трудно доказать, что номер тетради на л. 216 об. — «КВ» (22), а не «КИ» (28). Бесспорно лишь то, что из тетради № 22 был вырезан лист, следующий за л. 172, и на этом утраченном листе вполне могла находиться выходная запись, более ранняя, чем та, которая ныне присутствует на л. 216–216 об.

Принадлежность почерка записи на л. 216–216 об. к варианту Ia не позволяет говорить о большом разрыве во времени между окончанием текста Евангелия на л. 215 об. и появлением записи на следующем листе. Вместе с тем некоторые особенности соотношения текста записи и Евангелия, а также специфика разлиновки л. 216–216 об. показывают, что запись возникла как особый документ и, по-видимому, не сразу после окончания основного текста кодекса. На л. 215 об. во втором столбце заполнены только 14 строк, остальные 10 оставлены чистыми, запись же начата не на этих свободных строках, а на новом, 216 листе. Она выполнена более мелким письмом, чем текст Евангелия. Лишь в конце записи фраза о писцах, отделенная от предыдущего текста чистой строкой, написана крупными буквами киноварью⁴⁹.

Запись отличается от текста Евангелия количеством строк в столбце. Во всем кодексе, кроме л. 216–216 об., столбцы имеют по 24 строки. Листы были разлинованы по трафарету. Расстояние между столбцами составляет 1,4 см, ширина каждого столбца — 8 см, высота — 24 см. Некоторые колебания этих величин от листа к листу (до 0,1–0,2 см) связаны с особенностями способа разлиновки: расчерчивалось одновременно по два развернутых пергаменных

⁴⁹ В отличие от чернильных строк записи, содержащих примерно по 18 букв каждая, киноварные строки состоят в среднем из 15 букв.

листа, наложенных друг на друга, т.е. за один присест разлиновывалось сразу полтетради (4 листа in-2⁰). Линии продавливались на верхнем и отпечатывались на нижнем листе. Иногда из-за большой плотности пергамена линии разлиновки на нижнем листе несколько смещались или отпечатывались неотчетливо.

Развернутый лист, из которого сформированы л. 213 и 216, был первоначально разлинован на 24 строки по общему правилу с помощью трафарета. Об этом свидетельствует прежде всего то, что на л. 213 насчитывается 24 строки и имеются все другие признаки трафаретной разлиновки. Более сложная картина на л. 216. Сейчас здесь 25 строк в каждом из двух столбцов и столько же строк в первом столбце л. 216 об., второй столбец которого не дописан до конца (окончание записи занимает в нем первые 11 строк, написанных чернилами, 4 строки, написанные кинovarью, и одну чистую строку между чернильным и кинovarным текстом). Ширина левого и правого столбцов л. 216 различается и составляет соответственно 9,7 и 7,7 см (на остальных листах ширина обоих столбцов — 8 см), высота столбца — 25 см (на других листах — 24 см), расстояние между столбцами равняется 1,5 см вверху и 1,4 см внизу (на других листах — 1,4 см на всем протяжении столбцов).

Вместе с тем эта разлиновка накладывалась на уже бывшую здесь трафаретную разлиновку. Так, через весь первый столбец л. 216, на расстоянии 8 см вправо от его левого края, проходит вертикальная линия, особенно заметная на уровне 1–3 и 22–23 строк. По трафаретной разлиновке эта линия должна была служить правой границей первого столбца. Однако при новой разлиновке правая граница первого столбца передвинулась на 1,7 см вправо и совпала с бывшей левой границей второго столбца. Впрочем, следы первоначальной разлиновки не всегда отчетливы на л. 216–216 об. Это объясняется не только воздействием вторичной разлиновки, но, возможно, и тем, что открытый лист, из которого образовывались л. 213 и 216, занимал нижнее положение в паре листов, подвергавшихся одновременной разлиновке.

Таким образом, палеографический и кодикологический анализ рукописи позволяет предположить, что ее формирование прошло несколько этапов. Какая-то остановка в создании кодекса произошла, возможно, после того, как была закончена тетрадь № 22. Не исключена вероятность паузы и перед включением в книгу выходной записи на л. 216–216 об. Можно указать, по крайней мере, три места в изучаемой рукописи, куда могли быть внесены записи,

предшествовавшие ныне существующей выходной записи 1339 г. Это, во-первых, утраченный первый лист первой тетради (если не принимать в расчет гипотезу О.С. Поповой и Г.И. Вздорнова о тождестве первого листа Сийского евангелия с листом, хранящимся отдельно в Русском музее и содержащим миниатюру «Поклонение волхвов»); во-вторых, л. 111–111 об., где смыт какой-то текст, и, наконец, в-третьих, вырезанный лист тетради № 22, находившийся после л. 172 об. и условно обозначаемый нами как л. 172а. Последняя локализация представляется наиболее вероятной.

Выше отмечалось, что самая ранняя дата, фигурирующая в записи, — 4-й круг солнца, соответствующий в пределах княжения Ивана Калиты 6836 високосному году. Выражение «лето високосное, жидовьсего ирук» восходит, вероятно, к записи 6836 г., но только после «ирук» в этом случае могло или совсем не быть указания на номер года в «малом цикле» эры от Адама, или вместо 7-го должно было быть указано 14-е «лето». Сентябрьский 6836 г. при переводе на эру от Р.Х. составляет промежуток между 1 сентября — 31 декабря 1327 г. и 1 января — 31 августа 1328 г. Ближайшим к нему високосным годом по эре от Адама был 5087 г., 14-й в 267-м «малом цикле». Он начинался 30 августа 1326 г. (1 тишири) и кончался 16 сентября 1327 г. (1 тишири нового, 5088 г. падало на 17 сентября 1327 г.)⁵⁰. Следовательно, совпадение високосов по византийскому и иудейскому календарям в пределах 4-го круга солнца, или 6836 г., имело место 1–16 сентября 1327 г. Какова была политическая ситуация на Руси в этот момент?

После событий в Твери 15 августа 1327 г., приведших к гибели Шевкала (Щолкана) и его войска, Иван Калита отправился в Орду⁵¹ (возможно, он был вызван туда ханом Узбеком)⁵². Легко догадаться, что Калита хотел снять с себя ответственность за действия тверского великого князя Александра Михайловича, руководителя августовского восстания против татар, и, воспользовавшись его виной перед ханом, получить ярлык на великое княжение. Точная дата отъезда Ивана Даниловича неизвестна. Из Орды Иван Калита вернулся «зимой», значит, уехал туда он не позже сентября–октября 1327 г. В политической обстановке, создавшейся после 15 августа

⁵⁰ *Mahler E.* Handbuch. S. 568–569.

⁵¹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 168.

⁵² *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. 1 С. 73.

1327 г., московской власти было очень важно укрепить свои политические связи с Новгородом и Двинской землей. Новгородцы, имевшие договор с Александром Михайловичем, заключенный, по-видимому, между 12 апреля и 15 августа (по Янину, в первые месяцы) 1327 г.⁵³, разорвали союз с тверским князем, опасаясь татарской расправы, и признали сюзеренитет Ивана Даниловича. По мнению Янина, это произошло в августе 1327 г.⁵⁴ Конечно, такой поворот мог совершиться только после 15 августа 1327 г. Во всяком случае, когда тверской великий князь Александр Михайлович сделал попытку скрыться в Новгороде, он не был там принят⁵⁵. Это и неудивительно: еще до отъезда в Орду Иван Калита послал в Новгород своих наместников⁵⁶. В Псковской I летописи рассказывается под 6835 (1327) г. о том, что русские князья (во главе с Иваном Калитой) «подъяша... всю область новгородскую от Белоозера и от Заволочия» для соединения с новгородской и прочей русской ратью, собранной против Александра Тверского⁵⁷.

«Заволочием» называлась, как известно, Двинская земля. Ей придавалось большое значение в политических планах московских князей XIV–XV вв. Иван Калита стремился усилить свою власть в Новгороде и на Двине не только с помощью военных и административных мер, но и посредством превращения некоторых местных монастырей в опорные пункты московского влияния. Так, в середине 1330-х гг. он выдает жалованную грамоту Новгородскому Юрьеву монастырю⁵⁸. Не без участия Калиты (даже если не отождествлять его с чернецом Ананией) состоялась, по-видимому, и отправка Евангелия в Богородицкий монастырь на Двине. Думается, что само основание этого монастыря было связано с политической ситуацией, сложившейся после тверского восстания в августе 1327 г. В записи на Сийском евангелии монастырь именуется «святой Богородицей». Так же определяется он и в актах XV в. О его посвящении Успению Богородицы говорится в

⁵³ ГВНП. № 14. С. 26–28; *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы. Ч. 1. С. 301; *Зимин А.А.* О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями // ПИ. [Вып.] 5. М., 1956. С. 313, 327; *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 179; *Он же.* Новгородские акты. С. 161–163.

⁵⁴ *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 180.

⁵⁵ НПЛ. С. 341; *Экземлярский А.В.* Великие и удельные князья. Т. 1. С. 73.

⁵⁶ ПСРЛ. СПб., 1851. Т. V. С. 217; ср.: НПЛ. С. 341.

⁵⁷ Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 16.

⁵⁸ ГВНП. № 86. С. 143. В.Л. Янин датирует грамоту 1335 г. (*Янин В.Л.* Новгородские акты. С. 164. № 84).

источниках XVII в.⁵⁹ и более поздних⁶⁰. В XIX в. в Лявлинском приходе существовали две церкви — каменная и деревянная, в каждой из которых имелось по чудотворной иконе Успения Божьей Матери⁶¹. Обе эти церкви достаточно поздние: каменная была сооружена в 1804 г. на средства архангельского купца Андрея Харитоновича; строительство деревянной церкви относят к 1589 г.⁶² Монастырь «святой Богородицы» мог быть посвящен одному из четырех богородичных праздников: Благовещению, Рождеству, Успению или Покрову Богородицы. Несмотря на отсутствие прямых свидетельств XIV–XV вв. о посвящении монастыря именно Успению Богородицы, позднейшая информация кажется в данном случае заслуживающей доверия, ибо маловероятно, чтобы монастырь менял свое посвяtitельное имя на протяжении веков.

Избиение татар в Твери в 1327 г. произошло в день Успения Богородицы, 15 августа. Не связано ли с этим событием избрание посвяtitельного имени, на первый взгляд совершенно традиционного, для монастыря на Лявле? Мы полагаем, что Лявлинский монастырь возник вскоре после 15 августа 1327 г. Упоминаемые в записи на Сийском евангелии 4-й круг солнца и високос ведут нас к 6836 (1327/28) г. Судя по названию монастыря, его создателем мог быть сторонник тверского великого князя Александра Михайловича, с которым новгородцы были в союзе в 1327 г. и чей подвиг основатель монастыря хотел увековечить в самом имени обители.

У Сийского евангелия, вероятно, был протограф, где имелась запись об основании монастыря в високосный год 4-го круга солнца. Не исключено, что запись сопровождалась похвалой великому князю Александру Михайловичу. Последний находился в Твери, по

⁵⁹ См., например, определение монастыря в писцовых книгах: *Богословский М.[М.]* Земское самоуправление на русском севере в XVII в. М., 1909. [Т.] 1, прилож. С. 21; см. также грамоту 1653 г.: Сборник грамот коллегии экономии. Т. 2. № 14. Стб. 36.

⁶⁰ *Соколов Н.* Описание города Холмогор. С. 235; *Зверинский В.В.* Материал. Т. 2. С. 391. № 1322 и др.

⁶¹ *Легатов И.* Исторический очерк. С. 7.

⁶² Там же. С. 7–11 (строительство деревянной церкви автор датирует 1589 г.); ср.: *Давыдов А.И.* К вопросу о хронологической атрибуции памятника архитектуры — шатровой церкви в селе Лявля Приморского района Архангельской области // Актуальные вопросы изучения экономического и культурного развития Европейского Севера СССР. Тезисы докладов к 3-й зональной научно-теоретической конференции молодых ученых по общественным наукам. Архангельск, 2–3 июня 1982 г. Архангельск, 1982. С. 72–74 (на статью А.И. Давыдова наше внимание обратил А.Г. Мельник).

крайней мере, до зимы 1327/28 г., пока не вернулся из Орды Иван Калита, организовавший поход на Тверь⁶³. Возможно, за это время в Твери было создано начатое в первых числах сентября 1327 г. Евангелие, предназначенное для отправки на Двину. Однако послать его по назначению, видимо, не успели до прихода московских войск, и оно попало в руки Ивана Калиты в результате взятия Твери объединенными московско-суздальско-татарскими силами. Что касается развития книжной культуры в Твери в 20-х гг. XIV в., то оно зафиксировано источниками⁶⁴.

Тверская идея не была оставлена без внимания в Москве. Глубокая заинтересованность московского князя в создании форпостов своего влияния на Двине побуждала его искать себе союзников. Не позднее 1329 г. Иван Калита совместно с новгородским посадником Даниилом и тысяцким Аврамом отправляет грамоту двинскому посаднику «на Колмогоры» с предписанием соблюдать интересы некоего Михаила, которому великий князь «приказал... Печерскую сторону», Кергольский погост и Волок⁶⁵. Местные землевладельцы характеризуются в грамоте как «бояре двинские». Им запрещалось «вступаться» в промысловые угодья и «места», пожалованные ватаге Михаила. Богородицкий Лявлинский монастырь, находясь в Княжеостровской волости, тоже зависел (прямо или косвенно) от «бояр двинских», представленных в XV в. Степаном Есифовичем и его дочерью Настасьей, а в XIV в., вероятно, их предками.

М.М. Богословский относил Лявлю к числу владений новгородских бояр Борецких: «Борецким принадлежали области Лявля и Малокурье в устье Двины, земли по р. Кудиме к 3[ападу] от двинского устья, Ненокса, Сумский посад, Вирма, устье реки Выга, Кемь...»⁶⁶. Исследователь ссылается на известный труд К.А. Неволлина о пятинах и погостах новгородских, а также на предисловие к «Списку населенных мест» Архангельской губернии и на «Описание» Холмогор и Двинского края Н. Соколова. Между тем Неволлин говорит о бывшей «боярщине» Марфы Исаковой только применительно к вотчине Соловецкого монастыря в Выгоозерском уезде на устье

⁶³ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 168.

⁶⁴ *Вздорнов Г.И.* Искусство книги. С. 42–43, 46–47, 54. № 18, 19.

⁶⁵ ГВНП. № 85. С. 142–143; АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 3. С. 16. О дате грамоты см.: *Янин В.Л.* Новгородские акты. С. 163. № 83.

⁶⁶ *Богословский М.[М.]* Земское самоуправление на русском севере в XVII в. М., 1909. [Т.] 1. С. 8.

р. Выга и по р. Вирме⁶⁷. Неволин цитирует показания писцовых книг, и приводимые им сведения заслуживают доверия, чего нельзя с такой же уверенностью сказать об информации, содержащейся в работе Н. Соколова, который, не ссылаясь на источники, утверждает, что Борецким «принадлежала Борецкая волость в нынешнем Шенкурском уезде — Кемь, Сумский посад, земли по Двинскому устью в нынешнем Архангельске и его уезде: Лявля, Малокурье, Кудьма, Ненокса и проч.»⁶⁸. Правда, остановившись на слове «уезде», как раз перед словом «Лявля», автор делает подстрочное примечание: «На другие волости Борецких нет указаний; по всей вероятности, их было много в Заволочье, если Борецкие могли делать такие подарки монастырю Соловецкому в 1450 г., каковы были целая Кемская волость и Сумский посад, Малокурье, Кудьма, Ненокса и проч.»⁶⁹. Таким образом, ясно, что у Соколова, на чей труд впоследствии ссылался М.М. Богословский, Лявля попала в число владений Борецких не на основании сведений источников, а по аналогии с другими северными волостями.

В актах XV в., касающихся волости Княж-остров, где находился Лявлинский монастырь, никаких упоминаний о принадлежности этой волости Борецким нет. Не входил Княж-остров и в сферу ведения ростовских князей, на землевладение которых в Подвинье было обращено особое внимание в новейшей историографии⁷⁰. Земли, принадлежавшие ростовским князьям, лежали значительно южнее Лявли, и если «Сея» упоминается в числе их владений⁷¹, то это еще не значит, что к ним же относилась и Лявля. «Речка Сея», в районе которой позднее возник Антониево-Сийский монастырь, числилась в XV в. за князем Константином Владимировичем Ростовским, но она — левый приток Двины, а Лявля — правый. Сия протекает юго-западнее Лявли, в достаточном удалении от нее. К тому же, в XIV–XV вв. Лявлинский монастырь не имел еще никакого отно-

⁶⁷ Неволин К.А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты (=Записки имп. Русского географического общества. Кн. 8). СПб., 1853. Прилож. С. 168–169.

⁶⁸ Соколов Н. Описание города Холмогор с очерком древней истории Двинского края // Архангельские губернские ведомости. 1858. Ч. неофициальная, № 30. С. 234.

⁶⁹ Там же. С. 234, примеч. 22.

⁷⁰ Зарубин Л.А. Важская земля в XIV–XV вв. // ИСССР. 1970. № 1. С. 180–187; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 275–279.

⁷¹ АСЭИ. Т. 3. № 16. С. 33; Кучкин В.А. Формирование. С. 278.

шения к Антониево-Сийскому, основанному в XVI в. и ставшему патроном Лявлинского монастыря лишь с 30-х гг. XVII в.

В документах второй половины XV в., возникших в связи с новгородско-московскими земельными разборками, Княж-остров определяется как владение московских великих князей⁷². Так, в списке двинских земель 70-х гг. XV в. он фигурирует в следующем контексте: «Княж остров, Низовская лука вся до моря, Солонбал, Терпилов погост, Уна, Ненокса — то все вотчина осподарей великих князей. А искал того Строганов на Есипе на Ондреянове да на Иване на Григориеве, на всех боярех на двинских»⁷³. Распространение власти «всех» двинских бояр на перечисленные территории, равно как и признание последних «вотчиной» московских великих князей, служит показателем того, что Княж-остров и соседние с ним земли искони были общим достоянием Двинской земли, не являясь доменом ни ростовских князей, ни какой-либо семьи новгородских бояр. В уставной грамоте великого князя Василия I Дмитриевича Двинской земле (около 1397 г.) размер «хоженого» «до Княжа острова» устанавливается в размере четырех белок⁷⁴. «Хоженое» получал «дворянин» (пристав) великокняжеского наместника за вызов в суд. Поскольку в уставной грамоте великий князь «пожаловал боярь своих двинских, также сотского и всех своих черных людей Двинские земли», можно думать, что упоминаемые в грамоте территориально-административные единицы, оказавшиеся под эгидой московского наместника (в том числе и Княж-остров), находились в непосредственном ведении местных властей, представленных теми же «боярами двинскими» и сотским. Следовательно, посылка Евангелия на Двину, кто бы ни планировал эту акцию — тверской князь или московский, имела целью заручиться поддержкой именно Двинской земли, «двинских бояр» и «черных людей».

Вернемся теперь к нашему предположению о том, что осенью-зимой 1327/28 г. какой-то протограф Сийского евангелия был создан в Твери и попал в Москву в результате похода Ивана Калиты на Тверь. К сожалению, подтвердить эту догадку невозможно ничем, кроме указания на 4-й круг солнца и високос в записи на Сийском евангелии. Следующая дата, которая устанавливается по той же записи, — сентябрьский 6837 (1328/29) г. (=12-й индикт и 18 эпакта).

⁷² АСЭИ. Т. 3. № 14, 16. С. 30, 33.

⁷³ Там же. № 16. С. 33.

⁷⁴ Там же. № 7. С. 21.

Что скрывается за этой датой? Окончание работы с протографом Сийского евангелия и появление в нем новой записи вместо старой или окончание какого-то этапа по составлению самого Сийского евангелия? Если Калита действительно обрел в Твери Евангелие, адресованное двинскому Богородицкому монастырю, то дальнейшая работа над этим кодексом могла быть поручена скорее всего митрополиту и его клирикам. Судя по летописным известиям, Калита действовал в тесном контакте с митрополитом Феогностом, греком, прибывшим на Русь в 6836 (1327/28) г.

Во времена Калиты составление книг было для Москвы делом новым. Сийское евангелие считается первым датированным кодексом, созданным в Москве. Вместе с тем в летописях отмечается развитие книжного дела при Калите. Заложив в 1330 г. Спасо-Преображенский монастырь в Кремле, Иван Калита «приведе ту перваго архимандрита, Иоана именемъ, мужа честна, сказателя книгамя...»⁷⁵. Однако до основания Спасо-Преображенского монастыря единственным центром книгописания в Москве являлся, по-видимому, митрополичий двор. Г.К. Бугославский полагал, что писавшие Сийское евангелие «дьяци Мелентии да Прокоша» принадлежали к митрополичьему «штату», перебравшемуся из Владимира в Москву вместе с митрополитом Петром⁷⁶. Словом «дьяки», «дьяци» в записях на книгах определяли себя обычно дьяконы и причетники. Социально-сословный статус книжных переписчиков XIV в. выясняется главным образом по записям на кодексах новгородского происхождения. Среди установленных нами 40 писцов рукописных книг XIV в., указавших свой социальный статус, было 13 дьяконов и 1 протодьякон⁷⁷.

Что представляли собой «дьяки», писавшие великокняжеские завещания, не вполне ясно. Первую духовную Ивана Калиты «писаль дьякъ князя великого Кострома»⁷⁸. Во второй духовной Калиты и в завещании Семена Гордого писец не упоминается. Обе духовные Ивана II «писаль Нестерко», не названный дьяком⁷⁹. Видимо, он же, но

⁷⁵ ПСРЛ. Т. XXV. С. 169.

⁷⁶ Бугославский Г.[К.] Рукописное пергаменное Евангелие. С. 812–827, № 24. С. 844–863, особ. стр. 860.

⁷⁷ Столярова Л.В. К вопросу о социальном составе древнерусских писцов XIV в. // Уваровские чтения-II. Муром, 21–23 апреля 1993 г. М., 1994. С. 185, 187; Она же. Из истории книжной культуры русского средневекового города XI–XVII вв. М., 1999. С. 37–42.

⁷⁸ ДДГ. № 1 (а). С. 8.

⁷⁹ Там же. № 4 (а, б). С. 17, 19.

уже как «дьякъ Нестеръ»), писал первую духовную Дмитрия Донского⁸⁰. Вторую духовную Дмитрия Донского «писать Внуку»⁸¹, должностное положение которого в документе не указано. Особенно интересно выражение «дьякъ князя великого» в первой духовной Ивана Калиты. Оно свидетельствует о том, что при Калите должность дьяка могла быть не только церковной, но и придворной. Мы, однако, не думаем, что писцы Сийского евангелия Мелентий и Прокоша входили в состав великокняжеских дьяков. Если бы они выступали в этой официальной роли, едва ли перед определением их должности стоял бы уничижительный эпитет «многогрешнии». К тому же, поскольку институт великокняжеских дьяков был явлением новым в первой половине XIV в., в записи следовало бы ожидать такого же уточнения статуса дьяков, какое имеется в первой духовной Ивана Калиты: «князя великого».

Текст записи на Сийском евангелии характеризует ее автора как человека образованного — не только начитанного в Библии, но и свободно оперирующего фактами византийской истории (см. Похвалу Ивану Калите), знакомого с иудейской и римской календарными системами. С грамматической точки зрения особый интерес представляет оборот «повелениемъ рабомъ божьимъ Ананиею черньцемъ», в котором содержится указание заказчика кодекса. Постановка слов, определяющих действие («повелениемъ...») и действителя («рабомъ божьимъ...»), в одном и том же (творительном) падеже не свойственна русскому языку. Действитель должен был обозначаться словами, стоящими в родительном падеже. Именно такое соотношение падежей наблюдаем в других записях на кодексах XIII–XIV вв.: «...повелениемъ благовернаго князя новоградскаго Дмитрея...» (Кормчая, около 1280 г.)⁸², «...повелениемъ и стяжаниемъ раба божия Власия черньца и Семена попа Парушкова внука...» (Ирмологий, 1344 г.)⁸³, «...замышленьемъ Олексия Костянтиновича...» (Евангелие апракос, 1354 г.)⁸⁴, «...повелениемъ боголюбиваго архиепископа новоградскаго Моисея...» (Евангелие апракос, 1355 г.)⁸⁵, «...повелениемъ архиепископа новоградскаго Моисея...» (Пролог на сентябрь–февраль, 1356 г.)⁸⁶.

⁸⁰ Там же. № 8. С. 25.

⁸¹ Там же. № 12. С. 37.

⁸² ГИМ. Син. № 132. Л. 1.

⁸³ Там же. № 932. Л. 82 об.

⁸⁴ Там же. № 67. Л. 189.

⁸⁵ Там же. № 70. Л. 176 об.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 381. № 163. Л. 82 об.

Необычное для русского языка согласование слов, определяющих действие и действующего, нельзя считать ошибкой писца, поскольку в записи на Сийском евангелии не одно слово, а все четыре слова, обозначающие действующего, последовательно даны в творительном падеже. Эта конструкция напоминает форму латинского герундива в творительном падеже или форму абсолютного причастного оборота. Слово «повелениемъ» не является причастием, но оно выражает действие и поэтому играет роль, аналогичную герундиву. Наличие в записи латиноподобного оборота наряду с употреблением в дате римских календ и эпақты позволяет думать, что к составлению рассматриваемого текста имел отношение сам митрополит Феогност, известный своей образованностью и прошедший школу «латинской дипломатики» в постлатинской Византийской империи. Упоминание в Похвале святительского сана, Божественных писаний и в особенности «правил моноканунных», столь ценимых митрополитами, также косвенно свидетельствует о причастности Феогноста к составлению записи. Если он и не приложил к ней «руку» в буквальном смысле слова, то, по крайней мере, здесь угадывается его «диктат» (*dictat*).

Весьма интересно правописание имени «Ананія». В обоих случаях его употребления в записи оно начинается с буквы «А». Между тем в летописях и актах это имя представлено, как правило, вариантом «Онания». Еще Г.К. Бугославский отмечал наличие в записи признаков аканья («...апустевшии земли») и считал это характерной чертой говора северной или северо-восточной Руси. Однако в северорусских памятниках XIV–XVI вв. мы чаще всего встречаем «о» на месте теперешнего «а» в именах типа «Андрей», «Александр» и др. Поэтому замеченные в записи признаки аканья едва ли можно считать результатом московского влияния. Скорее, тут можно видеть следы греческого влияния, которое шло от митрополита Феогноста и его клириков, привезенных из Византии.

Участием митрополита Феогноста могла быть отмечена не только последняя редакция записи, содержащая Похвалу Ивану Калите, но и более ранняя стадия работы над Сийским евангелием (см. выше). Имеющаяся в выходной записи на Сийском евангелии отсылка к 12-му индикту и 18 эпакте дает основание предполагать, что какая-то запись появилась в 1329 г. либо в протографе этого кодекса, либо в нем самом. При втором варианте мы должны допустить факт начала работы над Сийским евангелием в 1328 г. Не исключено, что в записи 6837 (1328/29) г. уже указывались месяц и число, приведен-

ные в более поздней редакции записи: «въ 5-и каландъ месяца марта, жидовьскы нисана». Нисан в 1329 г. начинался 2 марта⁸⁷, т.е. его начало почти совпадало с началом марта по юлианскому календарю, и отождествлять нисан с мартом не было большой натяжкой. Но в записи имелся в виду счет дней по римскому календарю, поэтому едва ли под 5-м днем от мартовских календ подразумевалось не 25 февраля, а 5 марта, как думает Г.И. Вздорнов.

26 марта 1329 г. Иван Калита прибыл в Новгород, чтобы сесть на новгородском столе. Его приезд был внушительно обставлен. Вместе с ним приехали два тверских князя, один суздальский, «и иных много князей русских». Явился и митрополит Феогност⁸⁸. Сопоставляя дату приезда Ивана Калиты в Новгород с предполагаемой датой записи на Сийском евангелии или на его протографе в 1329 г., нетрудно заметить, что рукопись могла быть в каком-то виде подготовлена к «выходу в свет», а вернее к отправке в монастырь, непосредственно перед отъездом великого князя из Москвы. Если в это время первая часть Сийского евангелия была готова, то запись в нем находилась, скорее всего, в конце тетради № 22, на л. 172а, впоследствии отрезанном.

Возможно, ссылка на чернеца Ананию восходит к записи 1329 г. Принятое в последнее время в литературе отождествление Анании с великим князем Иваном Даниловичем как будто вытекает из текста сохранившейся записи. Вместе с тем не все исследователи склонялись к такому отождествлению. Г.К. Бугославский полагал, что Анания был чернецом или даже строителем вновь основанного монастыря и почитателем великого князя Ивана Даниловича, чем и объясняется «заказ им евангелия для Лявлинского монастыря в Москве, а не в Великом Новгороде, к которому Двинская земля тянула в религиозном отношении»⁸⁹. По мнению автора, после указания заказчика (чернеца Анании) в рукописи пропущен характерный для многих записей оборот типа «при великомъ князе Московскомъ Иване Даниловиче»⁹⁰. «Если вставить в запись эти слова, — замечает Бугославский, — то усматриваемая в ней нескладица совершенно исчезает»⁹¹. Исследователь не вполне прав относительно исчезно-

⁸⁷ *Mahler E. Handbuch. S. 216.*

⁸⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 169; НПЛ. С. 342; *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья. Т. 1. С. 74; *Янин В.Л.* Новгородские акты. С. 163.

⁸⁹ *Бугославский Г.[К.]* Рукописное пергаменное Евангелие. С. 859.

⁹⁰ Там же. С. 847.

⁹¹ Там же.

вения «нескладицы», ибо в конце записи имеется еще одно место, где Анания ассоциируется с Иваном Калитой. Как дополнить или изменить текст в этом месте, Бугославский не указывает.

М.Н. Тихомиров видел в чернеце Анании заказчика кодекса и не отождествлял его с Иваном Калитой, полагая, что в существующей записи соединены два текста — собственно запись о написании книги и «особый памятник» — Похвала Ивану Калите⁹². Мысль М.Н. Тихомирова о соединении в дошедшем тексте двух разных источников кажется нам плодотворной. В отличие от Бугославского, который авторство Похвалы приписывал все тому же Анании⁹³, мы полагаем, что Похвала возникла позднее первоначальной записи на Сийском евангелии.

В дошедшем тексте записи на л. 216–216 об. изучаемой рукописи есть два места, которые позволяют отождествлять Ананию с Иваном Калитой. Первое место находится в начале записи: «...и повелениемъ рабомъ божьимъ Ананиею чернцемъ. О семь бо князи великомъ Иване пророкъ Езекии глаголетъ...». Предположить, как это делал Бугославский, наличие пропуска между словами «чернцемъ» и «О семь бо князи великомъ...» вполне логично. Читатель еще не догадывается, что чернец Анания — это и есть великий князь Иван, а автор записи уже говорит: «О семь бо князи великомъ Иване...». Следуя Бугославскому, который ссылается на записи XV–XVI вв.⁹⁴, можно указать и целый ряд записей XIV в., где наряду с заказчиком упоминается князь, в чье правление составлялся кодекс: «...при великом князи...», «...при благовернемъ великомъ князи...», «...при князи великомъ...», «...при велицемъ и благороднемъ князи...», «...при благовернемъ и богохранимемъ князи нашем...», «...при державе великого князя...»⁹⁵. В том случае, когда сам князь был заказчиком, это прямо оговаривалось в записи: «...повелениемъ благовернаго князя...»⁹⁶.

В Сийском евангелии великий князь не значится в качестве заказчика рукописи. Эту роль исполнял чернец Анания. Обычно чер-

⁹² Тихомиров М.Н. Древняя Москва (XII–XV вв.). М., 1947. С. 187, примеч. 1; *Он же*. Средневековая Москва в XIV–XV вв. М., 1957. С. 241, примеч. 1; *Он же*. Древняя Москва XII–XV вв.: Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. М., 1992. С. 27–29.

⁹³ Бугославский Г.[К.] Рукописное пергаменное Евангелие. С. 859–960.

⁹⁴ Там же. С. 847.

⁹⁵ ГИМ. Син. № 67. Л. 189; № 68. Л. 178 об.; № 837. Л. 137; Хлуд. № 37. Л. 182; БАН. 31.7.2. Л. 259; РНБ. Ф.п.1.41. Л. 222; Музей древнерусского искусства им. Андрея Рублева. Кп. 952. Л. 271 об.

⁹⁶ ГИМ. Син. № 132. Л. 1.

нецы не сообщали в записях своего светского имени. Из десяти известных нам чернецов, являвшихся писцами или заказчиками книг в XIII–XIV вв., только Анания может оказаться в этом плане исключением, если считать, что он именовался одновременно великим князем Иваном. Все остальные выступают лишь под монашескими именами. Таковы Симон, «чернец» Юрьева монастыря в Новгороде (1270 г.); Родион, «чернец» Пантелеймонова монастыря в Пскове (1313 г.); Пахомий, «чернец» (1343 г.); Власий, «чернец» (1343/44 г.); Иоанн Телеш, «чернец» (1354 г.); Афонасий, «черноризец» (1369 г.), Антоний, «чернец» (1388 г.); Алексей, «инок» (1395/96 г.); Иоанн, «черноризец» (1397/98 г.)⁹⁷. Следовательно, указание чернеца под двумя именами — монашеским и светским — не свойственно записям XIV в. Это обстоятельство в сочетании с отсутствием плавного перехода от обозначения заказчика к Похвале Ивану Калите делает вероятным предположение, что в начале записи пропущено выражение о составлении рукописи в период правления Ивана Калиты.

Второе место в записи, где Анания как бы отождествляется с Иваном Калитой, находится в конце Похвалы, перед фразой о писцах рукописи: «...помяная велегласно державу его царства. Сии бо великии рабъ божию Анания чернецъ помяная его святительский санъ, горя духовною мыслию къ Богови, хотяи видети вышнии Ерусалимъ, поминае душею первыхъ правоверныхъ цесарии всехъ святыхъ и молитвою прародитель своихъ». Выражение «великии рабъ божию» нельзя считать нормальным оборотом речи, характерным для языка и стиля XIV–XV вв. Определение «рабъ божию» употреблялось либо без эпитетов, либо предварялось уничижительными эпитетами — «грешныи», «грешные худыи», «многогрешныи», «смиренныи» и т.п. Назвать «раба божьего» «великим» значило войти в противоречие с самим смыслом понятия «рабъ божию». Выражение «великии рабъ божию» не встречается больше ни в одной из записей XI–XV вв. Поэтому, скорее всего, слово «великии» относилось в первоначальном тексте к титулу Ивана I, т.е. к слову «князь».

Порядок слов в великокняжеском титуле зависел от характера документа и от фразы, в составе которой употреблялся титул. В интитуляции княжеских актов слово «великии» ставилось после слова

⁹⁷ РГБ. Ф. 178. № 1364. Л. 148; Ф. 256 (Румянц.). № 105. Л. 167 об.; № 302. Л. 113; ГИМ. Син. № 67. Л. 189; № 172. Л. 202 об.; № 333. Л. 151 об.; № 932. Л. 82 об.; Чуд. № 10. Л. 216 об.; Муз. № 4040. Л. 156 об.

«князь». Такой порядок весьма строго соблюдался в договорных и жалованных грамотах. Но вне интитуляции он мог нарушаться даже в актах. В докончании Семена Гордого с братьями наряду с оборотом «князь великий» дважды употреблено выражение «к великому князю»⁹⁸. В записях на книгах слово «великий» ставилось перед словом «князь» довольно часто⁹⁹. В выходной записи на Сийском евангелии сочетание этих слов встречается трижды, и каждый раз слово «князь» предшествует слову «великий». Как видно, авторы записи придерживались интитуляционной схемы. Перед словами «раб божий» слово «великий» употребляется в записи в последний раз. Можно думать, что и в этом случае ему должно было предшествовать слово «князь».

Слово «великий» перед словами «раб божий» появилось, скорее всего, в результате ошибки диктата. Диктатор продолжал говорить о великом князе («Сии бо...») и поставил на первое место в его титуле эпитет «великий», однако, осознав свою ошибку, он переключился с великого князя на заказчика кодекса, Ананию, и всю последующую похвалу адресовал ему. Вполне естественно, что в этой похвале упоминается в первую очередь «его святительский сань». Вся остальная часть похвалы заказчику Евангелия в значительной мере повторяет то, что уже ставилось в заслугу великому князю: любовь к Богу, поминание первых правоверных цесарей. Новым моментом является только ссылка на молитву прародителей. Нанизывая одну серию похвал на другую, диктатор создавал впечатление близости или идентичности великого князя и Анании, хотя, строго говоря, прямого отождествления этих персонажей в записи нет.

Похвала, в которой как бы подводятся итоги княжения Ивана Калиты, конечно, не могла быть написана в 1329 г. Она — продукт более позднего дополнения и обработки краткой записи 1329 г. Применяя догадку Бугославского к записи 1329 г., можно предположить, что после обозначения заказчика в ней делалось указание на время княжения Ивана Калиты. Какое именно выражение было при этом употреблено, сказать трудно. Поскольку в последней редакции записи, где помещена Похвала Ивану Калите, упоминается «держава его царства», не исключено, что в первоначальной записи говорилось: «при державе великого князя...» (ср. выше). Однако

⁹⁸ ДДГ. № 2. С. 11–13.

⁹⁹ См., например: ГИМ. Син. № 6. Л. 189; № 68. Л. 178 об.; БАН. 31.7.2. Л. 259; РНБ. Ф.п.1.41. Л. 222.

выражение «при князи великомь...» (ср. там же) больше соответствует порядку слов в титуле Ивана Калиты, трижды приводимом в Похвале.

Сомнения в возможности отождествления «чернеца Анании» с Иваном Калитой требуют поиска иных вариантов идентификации личности этого монаха. В Московской Руси XIV в. имя «Анания» было распространено, по-видимому, довольно слабо. Первый зафиксированный в летописях случай употребления его здесь в качестве крестильного имени относится к 1390 г., когда митрополит Киприан крестил на р. Москве под именем Анании выезжего из Орды татарина Бахтыхозю¹⁰⁰. Правда, в dokonчании Семена Гордого с братьями середины XIV в. среди послухов фигурирует «Онанья околничии»¹⁰¹. В Новгороде и Пскове XIII–XV вв. имя «Анания» («Онания») встречается чаще, чем в Москве. Это имя носили некоторые видные политические и военные деятели северных республик: новгородский посадник в 1254/55 и 1256/57 гг., псковский посадник в 1364/65–1366/67 гг., новгородский тысяцкий в 1397/98 г. (Онания Константинович), новгородский воевода в 1434/35 г. (Онания Семенович)¹⁰².

Во всех приведенных случаях дело касалось распространения имени «Анания» среди мирян. По-видимому, его получали люди, родившиеся в дни памяти того или иного из святых Ананий. Память библейских отроков Анании, Азарии и Мисаила праздновалась, согласно Гротефенду, 16 декабря¹⁰³, согласно Сергию — 17 декабря¹⁰⁴. Память пророка Анании русская церковь отмечала 27 марта¹⁰⁵, а память преподобного Анании — 21 марта¹⁰⁶. Святой Анания, живший в I в. н.э., ученик апостолов, или один из 70 апостолов, почитался и римской, и греческой церковью. В церковно-историческом словаре Бодриляра говорится, что римская церковь празднует его память

¹⁰⁰ ПСРЛ. СПб., 1848. Т. IV. С. 97–98; Л., 1925. Т. IV (2-е изд.). Ч. 1. Т. IV. Вып. 2. С. 369; СПб., 1851. Т. V. С. 244.

¹⁰¹ ДДГ. № 2. С. 13.

¹⁰² Указатель к первым восьми томам ПСРЛ. Отдел 1: Указатель лиц. СПб., 1898. С. 18.

¹⁰³ Taschenbuch der Zeitrechnung des deutschen Mittelalters und der Neuzeit / Entworfen von Dr. H. Grotefend. 10. erweiterte Aufl. / Hrsg. von Dr. Th. Ulrich. Hannover, 1960. S. 33.

¹⁰⁴ *Сергий [Спаский], архиеп.* Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 2. С. 583.

¹⁰⁵ Там же. С. 629.

¹⁰⁶ Там же.

25 января, греческая — 1 октября¹⁰⁷. Сергей относит память этого святого к 4 января и 1 октября¹⁰⁸. Святой мученик Анания времен Диоклетиана (начало IV в. н.э.) упоминается в латинских мартирологах под 27 января, 15 февраля и 27 марта. Греческая церковь посвящает его памяти день 26 января¹⁰⁹. Что касается русской церкви, то Сергей указывает праздник священномученика Анании под 26 января¹¹⁰, а Богословский словарь — под 27 января¹¹¹.

Святой Анания Перс («Персиянин»), время жизни которого не поддается датировке, почитался как западной, так и восточной церковью. Его память праздновалась обеими церквями 1 декабря¹¹². Память другого Анании, мученика персидского, русская церковь отмечала 17 апреля¹¹³. Наконец, память еще одного священномученика Анании греческая и русская церковь праздновали 9 июля¹¹⁴. Сергей упоминает также Ананию, мученика коптского, не внесенного в месяцеслов греко-русской церкви. Его память он относит к 3 октября и 12 декабря¹¹⁵.

Таким образом, наибольшее количество дат празднования памяти св. Анании приходится на январь (4, 25, 26, 27) и декабрь (1, 12, 16, 17), затем идут март (21, 27) и октябрь (1, 3). Единичными датами отмечены февраль (15), апрель (17) и июнь (9). Полное отсутствие дней памяти св. Анании наблюдается в мае, июле, августе, сентябре и ноябре. Если мы возьмем только те дни, которые признавались русской церковью, то число дат сократится не намного:

¹⁰⁷ Dictionnaire d'Histoire et de Géographie ecclésiastiques / Publié sous la direction de Mgr. A. Baudrillart, recteur de l'Institut Catholique de Paris, P. Richard, U. Rouziès et A. Vogt avec le concours d'un grand nombre de collaborateurs. Paris, 1914. Т. 2. Col. 1431–1432. № 1.

¹⁰⁸ *Сергий [Снасский], архиеп.* Полный месяцеслов. Т. 2. С. 7, 406.

¹⁰⁹ Dictionnaire d'Histoire et de Géographie ecclésiastiques. Т. 2. Col. 1432. № 3.

¹¹⁰ *Сергий [Снасский], архиеп.* Полный месяцеслов. Т. 2. С. 40.

¹¹¹ Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1992. Т. 1. Стб. 151.

¹¹² Dictionnaire d'Histoire et de Géographie ecclésiastiques. Т. 2. Col. 1436. № 8; *Сергий [Снасский], архиеп.* Полный месяцеслов. Т. 2. С. 372, 583; Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. Стб. 151. Тогда же отмечалась память Анании, епископа Эфесского — см.: *Сергий [Снасский], архиеп.* Полный месяцеслов. Т. 2. С. 629.

¹¹³ *Сергий [Снасский], архиеп.* Полный месяцеслов. Т. 2. С. 583; Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. Стб. 151.

¹¹⁴ Dictionnaire d'Histoire et de Géographie ecclésiastiques. Т. 2. Col. 1432. № 2; *Сергий [Снасский], архиеп.* Полный месяцеслов. Т. 2. С. 629.

¹¹⁵ *Сергий [Снасский], архиеп.* Полный месяцеслов. Владимир, 1901. Т. 1. С. 686, 697, 703.

выпадут лишь 25 января, 15 февраля и 16 декабря. Концентрация «ананиевских» дат в январе и декабре сохранится.

В дни памяти св. Анании имя «Анания» («Онания») могли получить, вероятно, как новорожденные или новообращенные, которых крестили, так и те, кто постригался в монахи. По наблюдениям С.В. Сазонова, русских князей вплоть до 1364 г. нарекали при постриге именем того святого, чья память отмечалась в день пострижения¹¹⁶. Возможно, это правило распространялось не только на князей, но и на всех мирян вообще. Поскольку смена эпохы происходила в сентябре¹¹⁷, 6837 г., характеризующийся совпадением 12-го индикта и 18-й эпохы, следует считать сентябрьским, т.е. начинавшимся 1 сентября 1328 г. и кончавшимся 31 августа 1329 г. Если связывать появление записи на Сийском евангелии с пострижением какого-либо светского лица в монахи под именем Анании, то факт такого пострижения надо отнести к одной из дат, когда праздновалась память св. Анании. В 6837 г. это был период с 1 октября 1328 г. по 9 июня 1329 г. Ближе других к дате, указанной в Сийском евангелии, т.е. к 25 февраля, стоит 15 февраля. Память св. Анании отмечалась 15 февраля римской церковью, но не отмечалась греческой и русской, вследствие чего этот день едва ли можно считать вероятной датой предполагаемого пострижения. Вернее относить его к 26 или 27 января, хотя любое приурочение такого рода гадательно, тем более, что мы не знаем, какое число и месяц приводились в записи 1329 г. и приводились ли они там вообще.

Из послефевральских дат памяти св. Анании обращает на себя внимание 27 марта, когда русская церковь праздновала день пророка Анании, а римская — священномученика Анании. В 1329 г. это был следующий день после приезда Ивана Калиты в Новгород (26 марта). Возможно, кто-то из новгородцев стал 27 марта постриженником и получил иноческое имя Анании, столь любимое и распространенное в Новгороде. Думается, что этим постриженником мог оказаться новгородский посадник Даниил. Он упомянут в новгородско-тверском договоре (1327 г.)¹¹⁸ и в грамоте Ивана

¹¹⁶ Сазонов С.В. Монашеское имя Александра Невского и традиции монашеского имянаречения в средневековой Руси // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1994. Вып. 6. С. 21.

¹¹⁷ Grotfeld H. *Zeitrechnung des deutschen Mittelalters und der Neuzeit*. Scientia Verlag Aalen, 1970. Nachdruck der Ausgabe Hannover, 1891. Bd. 1. Glossar und Tafeln. S. 50–51.

¹¹⁸ ГВНП. № 14. С. 26–28.

Калиты на Двину (1327–1329 гг.)¹¹⁹. В.Л. Янин предполагает, что ему принадлежала печать с надписью «Данилова печать»¹²⁰. Не зафиксированное в летописях посадничество Даниила В.Л. Янин относил сначала к периоду с февраля 1327 г. по февраль 1328 г.¹²¹, а затем — к 1327–1329 гг.¹²² По словам ученого, «...Данила умер (или перестал быть кончанским представителем в посаднической элите) не позднее 1329 г.»¹²³.

«Дотягивать» посадничество Даниила до 1329 г. исследователя побудили, вероятно, два факта: 1) приезд Ивана Калиты в Новгород 26 мая 1329 г. и его довольно длительное пребывание там (около года)¹²⁴; 2) наличие грамоты на Двину, составленной от имени Ивана Калиты, посадника Даниила и тысяцкого Аврама. Последний упоминается в летописях в качестве тысяцкого в 1328, 1340 и 1348 гг. Что касается посадника, то кто им был непосредственно после Даниила, неясно. В 1332 г. посадником являлся Варфоломей Юрьевич, а тысяцким Остафий Дворянинец¹²⁵. В 1332 г. новгородцы отняли посадничество у Федора Ахмыла и дали Захарию Михайловичу, затем отняли у Захария и дали Матвею Коске¹²⁶.

Когда В.Л. Янин в своей более ранней работе ограничивал пребывание Даниила в посадниках 1327–1328 гг., он исходил из «регулярного срока» посадничества, длившегося с февраля по февраль, в данном случае с февраля 1327 г. по февраль 1328 г.¹²⁷ Соглашаясь с предположением, что Даниил действовал в качестве посадника еще и в 1329 г., мы должны допустить возможность факта его избрания на второй срок в феврале 1328 г. Но в этом случае посадничество Даниила кончалось в феврале 1329 г. Следовательно, грамота на Двину, составленная от имени Ивана Калиты, посадника Даниила и тысяцкого Аврама, могла быть выдана скорее до, чем после при-

¹¹⁹ ГВНП. № 85. С. 142–143; АСЭИ. Т. 3. № 3. С. 16.

¹²⁰ Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 226, 227, 231; ср.: Он же. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 2. С. 119, 217. № 692.

¹²¹ Он же. Новгородские посадники. С. 41, 179, 180, 182–184, 227.

¹²² Он же. Новгородские акты. С. 23, 163. № 83.

¹²³ Там же. С. 163. № 83.

¹²⁴ 10 мая 1330 г. Иван Калита заложил в Москве церковь «во имя Преображения господина нашего Иисуса Христа» (ПСРЛ. Т. XXV. С. 169). Значит, он вернулся в Москву из Новгорода до этого срока. В 1331 г. Иван Калита ездил в Орду (*Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья. Т. 1. С. 75).

¹²⁵ Янин В.Л. Новгородские акты. С. 163. № 83.

¹²⁶ НПЛ. С. 344–345; *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья. Т. 1. С. 353.

¹²⁷ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 180.

езда Калиты в Новгород. Не исключена полностью и вероятность продолжения посадничества Даниила до 1332 г. Впрочем, отсутствие сведений о посадниках за 1329–1331 гг. является признаком нарушения новгородского самоуправления во время пребывания в Новгороде Ивана Калиты. В этот период произошли «кадровые» перемены в составе не только светских, но и церковных властей. В 6838 (1330) г. постригся в схиму новгородский архиепископ Моисей — добровольно, как подчеркнуто в летописи, хотя новгородцы умоляли его остаться на своем посту. В результате новгородцы «быша без владыки 8 месяць», а затем избрали в архиепископы Григория Калику, нареченного в иноческом чину Василием¹²⁸. Если Новгород обходился в течение 8 месяцев без владыки, то на время он мог оказаться и без посадника — особенно в условиях, когда в Новгороде находился великий князь, а Новгородской землей управляли его наместники. Конечно, пострижение посадника Даниила не обязательно относить к 27 марта 1329 г. Для датировки этой акции подходят также 17 апреля или 9 июня 1329 г., когда отмечались — в первом случае память Анании, мученика персидского, во втором — память священномученика Анании.

Изложенные соображения склоняют нас к отказу от предположения, что дата 25 февраля имела уже в записи 6837 г. на Сийском евангелии. Более вероятным представляется факт пострижения Даниила под именем Анании между 27 марта и 9 июня 1329 г., за чем последовало внесение записи в Евангелие. Но запись возникла не позднее 31 августа 1329 г., когда оканчивался сентябрьский 6837 г. с 12-м индиктом и 18-й эпактной. Составление записи в Москве позволяет думать, что новопостриженный был отправлен из Новгорода в Москву, где находился сначала на митрополичьем подворье, а потом, возможно, в Спасо-Преображенском монастыре, созданном в 1330 г. Отсутствие в 1329 — начале 1330 г. в Москве как великого князя, так и митрополита не позволило решить вопрос об отправке Сийского евангелия на Двину. Оно осталось в Москве и было дополнено, вероятно, тетрадями № 23–28, где впоследствии появилась новая выходная запись, заменившая старую.

Вторичное посещение Новгорода Иваном Калитой относится к 1334–1335 гг.¹²⁹ Великий князь приехал в Новгород 16 февраля

¹²⁸ НПЛ. С. 342–343; *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья. Т. 1. С. 352.

¹²⁹ НПЛ. С. 346–347; ПСРЛ. Т. XXV. С. 171; *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья. Т. 1. С. 75; *Янин В.Л.* Новгородские акты. С. 163–164.

6842 (1334) г., «в четверток на мясопустной недели»¹³⁰. Характеристиками 1334 г. являются индикт 2, эпакта 14 и круг солнца 10. Соответствующие показатели 1335 г. — 3, 25 и 11¹³¹. В дате записи на Сийском евангелии этих цифр не находим. Следовательно, нет оснований предполагать, что во время второго пребывания Ивана Калиты в Новгороде рукопись как-то использовалась.

Окончательная, дошедшая до нас редакция записи возникла в 6847 г. В ней элементы старых датировок были объединены под новым, 6847 г. без какой-либо корректировки их с числом года, за исключением указания номера года в иудейском «малом цикле»: 7. Этот номер, как мы уже говорили, соответствует 5099/1339 г. Но определение 6847/5099 г. в качестве високосного, или «ирук», было очевидной ошибкой. Ни по византийской, ни по иудейской эре этот год не был високосным: им являлся следующий, 6848/5100 г., 8-й в «малом цикле».

Но, может быть, термином «ирук» обозначался не високосный, а «избыточный» простой год в 355 дней, отличный от «правильного» года в 354 дня и «недостаточного» в 353 дня? Для установления продолжительности года в еврейском календаре надо знать день недели 1 тишири и день недели 15 нисана. 1 тишири 5099 г. приходилось на 15 сентября 1338 г., вторник. 1 нисана 5099 г. совпадало с 11 марта 1339 г., которое было четвергом¹³². 15 нисана 5099 г. также было четвергом. Следовательно, число дней 5099 г. равнялось 354¹³³. Этот год относился к числу «правильных» и не мог быть определен как «ирук»¹³⁴.

Поскольку 5099 г., 7-й в 268-м «малом цикле», не был ни високосным, ни «избыточным», определение «ирук» можно считать заимствованным из более ранней записи, относящейся к другому году. Выше мы пытались доказать, что ссылка на високос и «ирук» связана с упоминанием 4-го круга солнца, приходившегося на 6836 г. Таким образом, нет необходимости совмещать нес совме-

¹³⁰ НПЛ. С. 346.

¹³¹ *Ginzel F.K. Handbuch. Bd. 3. Tafel 1. S. 402.*

¹³² *Mahler E. Handbuch. S. 525, 568–569.*

¹³³ Ср.: *Ермолаев И.П. Историческая хронология. Казань, 1980. С. 201. Табл. 39а.*

¹³⁴ Слово «ирук» означает «длинный», «долгий»: [арук, арох] — длина; [орок] — длинный, долгий (*Шаниро Ф.Л. Иврит-русский словарь. М., 1963. С. 51–52*). Ср. термин «иббур», которым обозначался високосный год (*Цыбульский В.В. Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока: Синхронистические таблицы и пояснения. М., 1964. С. 215. Примеч. 2*).

стимое: 6847/5099 г. (7-й в «малом цикле») и високос. Отбросив указание на високос как восходящее к более ранней записи, мы имеем все основания датировать последнюю редакцию записи 1339 г., а не 1340 г.

Косвенным подтверждением вероятности возникновения записи на Евангелии в феврале 1339 г. является ход событий в 1338–1339 гг. Ряд обстоятельств вызывал в это время беспокойство у Ивана Калиты. В 1338 г. его старинный соперник Александр Михайлович Тверской вышел из Орды с ярлыком на тверское княжение¹³⁵. Среди князей Ростово-Суздальской земли зрело недовольство действиями московского великого князя¹³⁶. В конце 1338 или в начале 1339 г. Иван Данилович со старшими сыновьями Семеном и Иваном отправился в Орду, послав в Новгород своего младшего сына Андрея¹³⁷. Для малолетнего князя (ему было в начале 1339 г. только 11 лет)¹³⁸ Евангелие могло служить и «верительной грамотой», и гарантией безопасности, и залогом успеха при выполнении поручений отца.

Вполне вероятно, что чернец Анания, доживший до 1339 г., был отправлен в Новгород вместе с князем Андреем Ивановичем. Он-то и мог быть непосредственным доставщиком Евангелия в монастырь Богородицы на Двине. Похвала ему в конце Похвалы Ивану Калите играла роль необходимой рекомендации для вновь прибывшего, который должен был стать монахом или настоятелем Богородицкого монастыря. Политическое значение этого монастыря в конце 1338 — начале 1339 г. определялось не только его стратегическим положением на севере Двинской земли, у моря, но и возможной связью с тверским князем Александром Михайловичем. Сопоставляя наиболее раннюю дату, отразившуюся в записи на Сийском евангелии, — 6836 (1327/28) г. и факт посвящения монастыря Успению Богородицы, т.е. празднику, во время которого Александр Михайлович совершил свой ратный подвиг (15 августа 1327 г.), мы пытались доказать, что оригинал Сийского евангелия возник в Твери не позже зимы 1327/28 г. Кодекс предназначался для монастыря Успения св. Богородицы, создаваемого в Двинской земле,

¹³⁵ НПЛ. С. 349; ПСРЛ. Т. IV (2-е изд.). Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 267; Т. V. С. 221; СПб., 1856. Т. VII. С. 205; *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья. Т. 1. С. 76.

¹³⁶ Там же. С. 76–77.

¹³⁷ ПСРЛ. Т. VII. С. 205; СПб., 1863 (репр. — М., 1965). Т. XV. Стб. 421; Т. XXV. С. 172; *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья. Т. 1. С. 77, 355.

¹³⁸ Андрей родился 4 июля 1327 г. (ПСРЛ. Т. XXV. С. 168).

чьей поддержкой тверской князь хотел заручиться, бросив вызов Орде и предвидя враждебные действия со стороны Москвы и ее союзников. Иван Калита подхватил тверскую инициативу и намеревался еще в 1328–1329 гг. завязать отношения с Богородицким Успенским монастырем, однако интронизация московского князя в Новгороде в марте 1329 г. и бегство тверского князя в Псков уменьшили актуальность поставленной задачи, и посылка Евангелия задержалась (может быть, также из-за того, что переписка рукописи остановилась на тексте Евангелия от Матфея и кодекс нуждался в завершении).

В 1338 г., когда Александр Михайлович получил ярлык на тверское княжение, соперничество между тверским и московским великими князьями вновь обострилось. В этих условиях Иван Калита счел нужным послать в Богородицкий монастырь на Двине «своего человека» (чернеца Ананию), чтобы тот личным авторитетом и богатым даром в виде роскошного кодекса склонил монастырь к союзу с московским князем, которому в рукописи посвящалась пышная Похвала. В 1338/39 г. налаживать отношения с Двиной было самое время. Неудачный поход московской рати на Двину, за Волок, в 1337 г., сильно скомпрометировал Ивана Калиту, чьи люди «посрамлены быша и ранени»¹³⁹. В 1338 г. велись военные действия со шведами в Кореле, Обонежье и др.¹⁴⁰

Если наша идентификация чернеца Анании как бывшего новгородского посадника Даниила верна, то, скорее всего, авторитет заказчика Евангелия и посланца великого князя был значительным. Туманная легенда о посаднице Настасье, поставившей церковь над могилой своего брата Стефана, могла иметь одним из источников какие-то дошедшие в искаженном виде сведения о посадническом прошлом чернеца Анании. Не превратили ли «старые памятухи»¹⁴¹ Ананию в Анастасию под влиянием позднейших данных о посаднице Настасье и Настасье Степановой, внучке двинского посадника? И не был ли Стефан «братом» в монашеском смысле слова, первооснователем Богородицкого монастыря?

Датировка последней редакции записи на Сийском евангелии 25-м февраля 1339 г. исключает возможность отождествления чернеца

¹³⁹ НПЛ. С. 347–348; ПСРЛ. Т. V. С. 220; Т. VII. С. 204; *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья. Т. I. С. 76.

¹⁴⁰ Там же. С. 354.

¹⁴¹ Такое выражение употреблено в Новгородской II летописи под 6947 (1438/39): ПСРЛ. Т. XXX. С. 199.

Анании с Иваном Калитой. Из православных памятей св. Анании ближайшими к 25 февраля были 26 и 27 января, из католических — 15 февраля. Очень мало вероятно, что в один из этих дней 1339 г., т.е. более чем за год до смерти, Иван Калита постригся в монахи под именем Анании. В 6847 (1338/39) г. великий князь был еще жив и бодр. Ни одна летопись не относит его смерть к этому году. Согласно летописям, Иван Калита умер 31 марта¹⁴² 6848 (1340) или 6849 (1341) г.¹⁴³ Дату «6848» находим в летописях Новгородской I¹⁴⁴, Авраамки¹⁴⁵, Симеоновской¹⁴⁶, Никоновской¹⁴⁷, Устюжской¹⁴⁸, Супрасльской¹⁴⁹, Никифоровской¹⁵⁰, в Рогожском¹⁵¹ и Владимирском¹⁵² летописцах, в сокращенных летописных сводах 1493 и 1495 гг.¹⁵³ По свидетельству Н.М. Карамзина, тот же год значился в Троицкой летописи¹⁵⁴. Напротив, летописи Новгородская IV¹⁵⁵, Софийская I¹⁵⁶, Суздальская по Академическому списку¹⁵⁷, Ермолинская¹⁵⁸, Тверская¹⁵⁹, Воскресенская¹⁶⁰, Вологодско-Пермская¹⁶¹, Никаноровская¹⁶², Типографская¹⁶³, Львовская¹⁶⁴, Московский летописный свод конца

¹⁴² В одном из списков Ермолинской летописи вместо «31» указано «30» марта 6849 г. (ПСРЛ. Т. XXIII. С. 105).

¹⁴³ В Холмогорской летописи о смерти Ивана Калиты сообщается под 6851 (1343) г. — см.: ПСРЛ. Л., 1977. Т. XXXIII. С. 82.

¹⁴⁴ НПЛ. С. 351.

¹⁴⁵ ПСРЛ. СПб., 1889. Т. XVI. Стб. 70.

¹⁴⁶ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. XVIII. С. 93.

¹⁴⁷ ПСРЛ. СПб., 1885. Т. X. С. 211.

¹⁴⁸ ПСРЛ. Л., 1982. Т. XXXVII. С. 72.

¹⁴⁹ ПСРЛ. СПб., 1907. Т. XVII. Стб. 31, 125; М., 1980. Т. XXXV. С. 46.

¹⁵⁰ ПСРЛ. Т. XXXV. С. 28.

¹⁵¹ ПСРЛ. Пг., 1922 (репр. — М., 1965). Т. XV (2-е изд.). Вып. 1. Стб. 52.

¹⁵² ПСРЛ. Т. XXX. С. 106.

¹⁵³ ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. XXVII. С. 239, 324.

¹⁵⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1842 (репр. — М., 1988). Примеч. к Т. IV. Стб. 120, примеч. 318; Приселков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950 (Düsseldorf, 1970. Slavica. Reprint № 37). С. 364.

¹⁵⁵ ПСРЛ. СПб., 1848. Т. IV. С. 55; Пг., 1915. Т. IV (2-е изд.). Ч. I. Вып. 1. С. 270.

¹⁵⁶ ПСРЛ. Т. V. С. 222.

¹⁵⁷ ПСРЛ. Л., 1926. Т. I (2-е изд.). Вып. 1. С. 531; Л., 1928. Вып. 3. С. 531. В первом издании Т. I эта летопись определяется как Троицкая (ПСРЛ. СПб., 1846. Т. I. С. 231).

¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. XXIII. С. 105.

¹⁵⁹ ПСРЛ. СПб., 1863 (репр. — М., 1965). Т. XV. Стб. 422.

¹⁶⁰ ПСРЛ. Т. VII. С. 206.

¹⁶¹ ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. XXVI. С. 113.

¹⁶² ПСРЛ. Т. XXVII. С. 64.

¹⁶³ ПСРЛ. Пг., 1921. Т. XXIV. С. 117.

¹⁶⁴ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. XX. Ч. I. С. 180.

XV в.¹⁶⁵, летописные своды 1497 и 1518 гг.¹⁶⁶, Пискаревский летописей¹⁶⁷ помещают известие о смерти Ивана Калиты под 6849 г.

Каждая группа летописей представлена разновременными сводами, и трудно согласиться с мнением, что 6848 г. указывается в более древних летописях, а 6849 — в более поздних¹⁶⁸. Нельзя признать точным и утверждение о том, что в дореволюционной историографии смерть Калиты датировалась обычно 1341 г., а в советской — 1340¹⁶⁹. Еще Н.М. Карамзин датировал смерть Калиты 1340 г.¹⁷⁰ Этой же датировки придерживался М.Д. Хмыров¹⁷¹. А.В. Экземплярский колебался между двумя датами, приводя и ту, и другую¹⁷². К 1341 г. относили смерть Ивана Калиты С.М. Соловьев¹⁷³, А.Е. Пресняков¹⁷⁴, а позднее Н.А. Баумгартен¹⁷⁵. Тот же год фигурирует в некоторых публикациях и исследованиях советского периода, например, в ГВНП¹⁷⁶, в работах В.Л. Янина¹⁷⁷.

Как особая проблема датировка смерти Ивана Калиты была поставлена Н.Г. Бережковым в рамках его общего исследования хронологии русского летописания. Монография Бережкова вышла в свет в 1963 г., после смерти автора. Однако еще в 1958 г. на мнение Бережкова ссылался А.А. Зимин, объясняя противоречие в летописных датах тем, что 6849 г. мог быть дан по ультрамартовскому стилю, при котором для месяцев с марта по декабрь из числа года

¹⁶⁵ ПСРЛ. Т. XXV. С. 172.

¹⁶⁶ ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. XXVIII. С. 70, 230.

¹⁶⁷ ПСРЛ. М., 1978. Т. XXXIV. С. 109.

¹⁶⁸ См.: *Кучкин В.А.* Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты? // *Источниковедение отечественной истории.* М., 1989. С. 217.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ *Карамзин Н.М.* История. Кн. 1. Т. IV. С. 131 и примеч. к Т. IV. Стб. 120, примеч. 318.

¹⁷¹ *Хмыров М.Д.* Алфавитно-справочный перечень государей русских и замечательнейших особ их крови // *Календарь для всех на 1870 г.* СПб., 1870. С. 42–43. № 97.

¹⁷² *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья. Т. 1. С. 79, 355.

¹⁷³ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 3–4 // *Соловьев С.М.* Соч.: в 18 кн. М., 1988. Кн. II. С. 234 (интересно, что ссылка дается на Никоновскую летопись, где указан 6848, а не 6849 г.).

¹⁷⁴ *Пресняков А.Е.* Образование великорусского государства. Пг., 1918. С. 160.

¹⁷⁵ *Baumgarten N., de.* Généalogie des branches régnantes des Rurikides du XIIIe au XVIe siècle // *Orientalia Christiana.* Vol. XXXV-1. № 94. Roma, 1934. Table II. № 5. P. 13, 14.

¹⁷⁶ ГВНП. № 84, 85. С. 142.

¹⁷⁷ *Янин В.Л.* Новгородские акты. С. 163, № 83: «...до самой смерти великого князя в 1341 г.».

по эре от С.М. надо вычитать 5509. Поскольку 6849 минус 5509 равно 1340, Зимин склонялся к датировке смерти Калиты 1340 г.¹⁷⁸ Эту же дату приводит Л.В. Черепнин в своей книге о Русском государстве XIV–XV вв.¹⁷⁹

Выход в свет монографии Н.Г. Бережкова в 1963 г. позволил читателям познакомиться с его обоснованием датировки смерти Ивана Калиты. Бережков связывал появление в летописях даты 6849 г. не с применением в них ультрамартовского стиля, а с тем, что в ряде летописей статья 6847 г., предшествующая известию о смерти Ивана Калиты, «была искусственно разбита на две, под 6847 и 6848 гг.»¹⁸⁰. Бережков сопоставил дату смерти Калиты с датами последующих событий, представив определенную систему датировок, в рамках которой смерть Калиты может быть отнесена только к 1340 г.¹⁸¹

После выхода в свет монографии Н.Г. Бережкова датировка смерти Ивана Калиты 1340 г. стала господствующей в нашей историографии. Из этой даты исходил И.А. Голубцов при установлении *terminus ad quem* недатированных грамот с именем Ивана Калиты в интитуляции¹⁸². В.А. Кучкин, безусловно принимая в качестве даты смерти Ивана Калиты 1340 г., высказал мысль, что правильная дата — 6848 г. — встречается «в более древних летописях и в летописях, использовавших старую летописную традицию»¹⁸³.

Датой Сийского евангелия Кучкин вслед за Н.А. Мещерским признает 25 февраля 1340 г. и, отождествляя чернеца Ананию с Иваном Калитой, рассматривает эту дату как *terminus ad quem* последней духовной Ивана Калиты, где тот фигурирует под именем «Ивань», а не «Анания»¹⁸⁴. Однако какой смысл отодвигать датировку духовной до 25 февраля 1340 г., если в ней есть прямое указание на то, что она составлена перед поездкой Ивана Калиты в Орду?¹⁸⁵ Последняя из его поездок в Орду состоялась в 6847 (1338/39) г., когда он взял

¹⁷⁸ Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // ПИ. М., 1958. [Вып.] VI. С. 279 и примеч. 26.

¹⁷⁹ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 511, 512, 520.

¹⁸⁰ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 296, 345, примеч. 17.

¹⁸¹ Там же. С. 296.

¹⁸² АСЭИ. Т. 3. № 2, 3. С. 15–16.

¹⁸³ Кучкин В.А. Сколько сохранилось духовных грамот. С. 217.

¹⁸⁴ Там же. С. 218.

¹⁸⁵ ДДГ. № 1 (а, б). С. 7, 9: «ида въ Ворду».

с собой старших сыновей, Семена и Ивана¹⁸⁶. По возвращении из этой поездки Иван Калита в Орду как будто не ездил, но осенью 1339 г. направил туда своих сыновей Семена, Ивана и Андрея¹⁸⁷. Правда, Суздальская летопись по Академическому списку сообщает, что в 6848 (1339/40) г. Иван Данилович вновь отправился в Орду¹⁸⁸. Эта летопись принадлежит к числу тех, которые относят смерть Калиты к 6849 г. Однако в других летописях ничего не говорится о поездке Ивана Калиты в Орду после возвращения оттуда его сыновей. Поездка 6848 г. не укладывается в хронологию событий последних месяцев жизни Ивана Калиты при датировке его смерти 1340, а не 1341 г.

Запись на Сийском евангелии, если датировать ее 25 февраля 1339 г. и связывать с миссией Андрея, может послужить ориентиром для уточнения даты поездки Ивана Калиты в Орду со старшими сыновьями в 6847 г. Вероятно, отъезд Андрея в Новгород состоялся более или менее одновременно с отъездом Ивана Калиты, Семена и Ивана в Орду, т.е. вскоре после 25 февраля 1339 г. Повидимому, в феврале 1339 г. была написана и последняя духовная Ивана Калиты.

Датировка записи на Сийском евангелии 25 февраля 1340 г. кажется нам невозможной по ряду причин. Такая датировка предполагает, что составитель записи пользовался мартовским стилем. Это не согласуется с его ориентацией на эпакты, которые менялись 1 сентября, и на иудейский календарь, в котором начало года было близко к началу года по сентябрьскому стилю. 6847 г. мог быть определен как високосный лишь в том случае, если принималось мартовское начало года и эра не от С.М., а от Р.Х. При подобном допущении 6847 г. в январе–феврале был тождествен високосному 1340 г. по эре от Р.Х. Високосный 5100 г. по эре от Адама (год «ирук») начинался 4 сентября 1339 г. и кончался 22 сентября 1340 г. (на 23 сентября 1340 г. приходилось 1 тишри нового, 5101 г.)¹⁸⁹. Од-

¹⁸⁶ ПСРЛ. Т. VII. С. 205; СПб., 1863 (репр. — М., 1965). Т. XV. Стб. 421; Т. XXV. С. 172; *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья. Т. 1. С. 77, 355.

¹⁸⁷ ПСРЛ. Т. VII. С. 205; Т. XXV. С. 172; *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья. Т. 1. С. 78.

¹⁸⁸ ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1. С. 230 (летопись именуется Троицкой); Л., 1926. Т. 1 (2-е изд.). Вып. 1. С. 531; Л. 1928. Т. 1 (2-е изд.). Вып. 3. С. 531; А.В. Экземплярский отмечает это событие под 1340 г. (*Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья. Т. 1. С. 78).

¹⁸⁹ *Mahler E.* Handbuch. S. 568–570.

нако в записи указан не 8-й год в «малом цикле», которым являлся 5100 г., а 7-й, представленный 5099 невисокосным годом. Поскольку 5099 г., 7-й в 268-м «малом цикле», соответствовал сентябрьскому 6847 г. (об этом см. выше), мы имеем два согласующихся между собой показателя — 6847 и 7 — при одном показателе, который им противоречит (високос). Следовательно, перевес данных — в пользу восприятия 6847 г. как сентябрьского, т.е. 1338/39 г.

Когда мог Иван Калита постричься в монахи и принять схиму перед смертью 31 марта 1340 г.? Летописи сообщают о том, что он умер «в чернецах и во схиме»¹⁹⁰, но не указывают дату его пострижения. Обычно акт принятия князем схимы совпадал с соборованием и непосредственно предшествовал кончине¹⁹¹. Промежуток в 8 дней между пострижением и смертью тверского князя Михаила Александровича в 1399 г.¹⁹² можно считать необычно длинным¹⁹³. Иван Калита, если полагать, что он был постриженником уже 25 февраля 1340 г., прожил в схиме более месяца и оставался при этом великим князем. Русским государям, в отличие от сербских¹⁹⁴, было несвойственно совмещать светскую власть с монашеским чином. Месяц такого совмещения в 1340 г. кажется маловероятным. Еще менее вероятен год с лишним при датировке записи 1339 г. К тому же, едва ли Иван Калита постригался под именем Анании в ближайший к 25 февраля день памяти св. Анании — 15 февраля. Это был католический, но не православный праздник. Следовательно, предполагаемое пострижение великого князя под именем Анании надо отодвинуть к 26 или 27 января, когда св. Анания поминался православной церковью. Однако это еще больше удаляет дату пострижения от даты смерти Ивана Калиты и тем самым увеличивает до двух месяцев период совмещения им светской власти и чернецкого чина.

Придерживаясь гипотезы относительно тождества Ивана Калиты и Анании, остается только встать на точку зрения Я.Н. Щапова, считавшего возможным датировать запись календами апреля, т.е. 28 марта¹⁹⁵. В этом случае мы вправе думать, что Калита постригся под именем Анании 21 или 27 марта, на память преподобного Ана-

¹⁹⁰ См., например: ПСРЛ. Т. XXV. С. 172.

¹⁹¹ Сазонов С.В. Монашеское имя Александра Невского. С. 21.

¹⁹² ПСРЛ. Т. XVIII. С. 145–148.

¹⁹³ Сазонов С.В. Монашеское имя Александра Невского. С. 21.

¹⁹⁴ На эту разницу наше внимание обратил В.А. Водов.

¹⁹⁵ Щапов Я.Н. Древнеримский календарь на Руси. С. 340–341.

нии или пророка Анании (о датах праздников св. Анании см. выше). Между тем, датировка записи апрельскими календами меняет год записи: для марта–апреля при мартовском или сентябрьском начале года из 6847 следует вычитать не 5507, как для января–февраля, а 5508, что дает 1339 г. Предположение об ультрармартовском стиле потребует вычитания 5509 и даст 1338 г. Следовательно, отождествление Ивана Калиты с чернецом Ананией ведет либо к тупиковым вариантам датировки записи, либо к предположению, что великий князь, в нарушение обычаев, более или менее длительное время совмещал светскую власть и монашеский сан.

Против датировки записи на Сийском евангелии 1340 г. свидетельствуют не только хронологические расчеты, но и факты, говорящие о существенном изменении политической ситуации февраля 1340 г. по сравнению с февралем 1339 г. В конце октября 1339 г. в Орде были убиты тверской великий князь Александр Михайлович и его сын Федор, а сыновей Ивана Калиты хан отпустил зимой 1339/40 г. «с пожалованиемъ... с любовью»¹⁹⁶. Таким образом, положение Ивана Калиты в конце 1339 — начале 1340 г. упрочилось, исчез его главный политический противник — тверской князь Александр Михайлович, соперничество с которым, возможно, являлось одной из причин посылки Евангелия на Двину в феврале 1339 г. Зимой 1339/40 г. Иван Калита разорвал союзнические отношения с Новгородом и свел оттуда своих наместников¹⁹⁷. Завязывать в этих условиях дружеские связи с двинским монастырем было делом не только политически мало перспективным, но и практически трудным. Посланцу Ивана Калиты пришлось бы, в частности, ехать по враждебному краю, из которого были удалены великокняжеские наместники.

В последнее время вопрос о датировке записи на Сийском евангелии был еще раз поднят в монографии А.А. Романовой, посвященной изучению русских календарно-хронологических источников XV–XVII вв.¹⁹⁸ Романова приводит лишь отдельные соображения в пользу мнения о согласованности некоторых второстепенных элементов даты с основным ее элементом — числом года. Автор справ-

¹⁹⁶ Цит. по: ПСРЛ. Т. XXV. С. 172.

¹⁹⁷ НПЛ. С. 350–351; ПСРЛ. Т. V. С. 222; Т. VII. С. 205; Т. X. С. 208; Т. XXV. С. 172; А.В. Экземплярский отмечает это событие под 1340 г. (*Экземплярский А.В. Великие и удельные князья. Т. 1. С. 78, 555*).

¹⁹⁸ Романова А.А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв. СПб., 2002. С. 56–57, см. также: С. 57–58, примеч. 138.

ляется с проблемой несогласованности между числом года (6847) и кругом солнца (4), произвольно предполагая, что под кругом солнца подразумевалась вруцелета (Д). Также легко решает она вопрос о високосе, объясняя его упоминание тем, что январь–февраль мартовского 6847 г. приходится на високосный 1340 г. по эре от Р.Х. Значит, составитель записи год приводил по эре от С.М., а високос определял по эре от Р.Х. Как-то трудно в это поверить. К тому же у 1340 г. вруцелета не Д, а S. Романова не ликвидирует и противоречия между числом года, с одной стороны, и индиктом и эпактой с другой. Об этом расхождении она вообще не упоминает. Автор игнорирует и наше наблюдение о том, что приведенное в записи число года в еврейском «малом цикле» (7) согласуется с 6847 сентябрьским или ультрамартовским, а не мартовским годом.

Датируя запись 26 февраля 1340 г., А.А. Романова вернулась к датировке Н.А. Мещерского (25 февраля 1340 г.), но по-другому, чем он, интерпретировала ссылку источника на «жидовьсего ирук в 7-е лето». Вместо этого чтения, имеющегося в источнике, Романова предлагает свою реконструкцию: «Жидовь сего [года] и рук(а)»¹⁹⁹. Нам представляется, что такая реконструкция, во-первых, текстологически не оправдана, и, во-вторых, ничего не меняет в том факте, что 6847 г. действительно соответствует 7-му году еврейского «малого цикла». В 268-м «малом цикле» 7-й год равен 5099 г. от Адама, синхронному в основной своей части 1339 г. Можно выразить сожаление, что А.А. Романова, коснувшись некоторых календарно-хронологических моментов, не уделила внимания другим сторонам нашей концепции, связанным с изучением проблем кодикологии, источниковедения и политической истории Руси XIV в.²⁰⁰

¹⁹⁹ Там же. С. 57.

²⁰⁰ *Каишанов С.М., Столярова Л.В.* Еще раз о дате т.н. Сийского евангелия // Сообщения Ростовского музея. Ярославль, 1995. Вып. 8. С. 3–48; *Столярова Л.В.* Древнерусские надписи XI–XIV вв. на пергаменных кодексах. М., 1998. С. 332–337; *Она же.* Свод. С. 237–258. В недавно вышедшем томе Сводного каталога славяно-русских рукописных книг XIV в. принята датировка Сийского евангелия 1340 г., произвольно предпочтенная составителями дате «1339 г.». Далеко не полная библиография кодекса сопровождается здесь иногда глухим указанием: «дата записи...» (Сводный каталог славяно-русских рукописных книг. XIV век. / Отв. ред. А.А. Турилов. М., 2002. № 119. Вып. 1. С. 237–240). В этом мы видим досадное нарушение принципа, проводимого в Сводном каталоге рукописей XI–XIII вв., где тот или иной кодекс, датировка которого спорна, было принято помещать под всеми датами, которые когда-либо обосновывались (в библиографическом разделе) и обязательно сопровождать избранную составителями дату знаком вопроса. В этом проявлялось не только уважительное отношение к аргументам предшествующих исследователей, но и облегчалась работа

Итак, мы попытались обосновать наибольшую вероятность датировки Сийского евангелия 25 февраля 1339 г. и малую вероятность отождествления его заказчика, чернеца Анании, с Иваном Калитой. Наши предположения о личности чернеца Анании носят, конечно, гипотетический характер и рассматриваются нами как один из возможных вариантов решения вопроса.

читателей с каталогом, когда речь шла об описании кодексов, известных в историографии под разными датами (см., например: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. / Отв. ред. Л.П. Жуковская. М., 1984. № 20, С. 63; № 32, С. 74; № 51, С. 91–92; № 117, С. 143–144; № 174, С. 194–197 и др.). Продолжение нашего исследования о заказчиках древнерусских кодексов см.: ДГ. 2009 г. М. (в печати).

Т.Н. Джаксон

ЧУВСТВО ПРОСТРАНСТВА

Об исследовании Fabienne L. Michelet «Creation, Migration and Conquest. Imaginary Geography and Sense of Space in Old English Literature» (Oxford University Press, 2006, 297 pp.)*

Книга швейцарской исследовательницы Фабьен Л. Мишле, основанная на ее докторской диссертации, защищенной в 2003 г. в Женевском университете, посвящена изучению англосаксонского *пространственного imaginaire*. Термин *l'imaginaire* — «воображаемое», предложенный и широко используемый Жаком Ле Гоффом¹, трудно поддается определению, поскольку «воображаемое» по природе своей не имеет четких границ. Ле Гофф определяет его на основании трех «референтных систем», с которыми у «воображаемого» имеются общие точки соприкосновения. Прежде всего, на понятийном уровне делается попытка разграничить «воображаемое» и «представление». Последний термин обозначает «преобразование воспринятой индивидом внешней реальности в ментальный образ», «идею» этого реального явления или события, в то время как «воображаемое» «занимает лишь часть поля представления» и относится «к области изначально креативной, поэтической»: «воображаемое» создается фантазией, базирующейся на литературных или художественных образах. Далее следует понятие «символического». О символическом значении можно говорить в том случае, если изучаемый объект «вписывается в определенную систему ценностей, исторически сложившуюся или идеальную». Для точного определения категорий «воображаемого» и «символического» их тоже необходимо четко разграничить. Кроме того, по мнению Ле Гоффа, следует провести границу между «воображаемым» и «идеологическим», каковое «является носителем мировоззрения, стремящегося

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 07-01-00058.

¹ См.: *Le Goff J. L'imaginaire medieval. Essais. Paris, 1985; Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М., 2001.*

навязать представлению смысл, искажающий реальность, как фактическую, так и воображаемую». Ученый не сомневается в том, что любые документы, с которыми работает историк, содержат частицу «воображаемого». Образы, порожденные воображением, воплощены не только в иконографической и художественной продукции, но они также «населяют универсум ментальных образов». Историка интересуют «коллективные образы, возникшие в ходе истории, образы, формирующиеся, трансформирующиеся, деформирующиеся, образы, получающие свое выражение в словах, сюжетах». Историческое исследование непременно должно включать в себя изучение образов, порожденных воображением общества². Итак, согласно Ле Гоффу, *l'imaginaire* представляет собой часть образного поля, но вместе с тем и нечто, выходящее за его пределы, поскольку это — созидательная часть мысленного описания реальности. *L'imaginaire* — это всегда культурный продукт, но это и историческая реальность³.

В работе Ф. Мишле ставится вопрос о том, как конкретное общество (англосаксонская Англия, т.е. Англия VI–XI вв.) думает о пространстве, создает определенную пространственную организацию, обозначает свое место в этом пространстве, определяет свою идентичность. В свете работ Анри Лефевра, Жака Ле Гоффа, Поля Зюмтора исследовательница формулирует три возможных уровня анализа. Прежде всего, существует *топографическое пространство*. Оно требует изучения физической географии места обитания социальной группы, ландшафтных характеристик, пространственного распределения групп населения. На топографическом уровне исследуются вопросы освоения территории, ее заселения и преобразования. Второй уровень анализа связан с *культурой пространства*. Здесь рассматриваются присущие традиции концепты пространства, сохраненная традицией информация о географии и космологии, эволюция представлений о пространстве. Наконец, на третьем уровне изучается пространство как *ментальная структура*. Отличие от второго уровня заключается в том, что здесь исследуется пространственное воображение индивида и общества. К примеру, оценочные характеристики пространства — *внутри–наружи, выше–ниже* и т.п. с присущим им символическим значением — наполняют пространство смыслом и более живучи, чем представления о конкрет-

² Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. С. 5–12.

³ Le Goff J. Qu'est-ce que l'histoire de l'imaginaire // Sens et place des connaissances dans la société. Paris, 1986. Т. I. P. 239.

ном пространстве. Анализ Ф. Мишле, как она утверждает, занимает место на границе второго и третьего уровней, в их переплетении и взаимовлиянии. Хотя они и связаны с различными аспектами пространства, эти два уровня анализа трудно разграничить, ибо их объект — это всегда продукт человеческого мышления.

Образ физического пространства — результат не только его восприятия, но и его культурной концептуализации⁴. Пространство никогда не нейтрально. Его нельзя изучить как таковое. Оно, точнее его образ, несет в себе предыдущие знания и оценочные суждения. Пространство не есть объективная категория. Ф. Мишле указывает на три необходимых условия изучения пространства, сформулированные Полем Зюмтором⁵: во-первых, пространство следует рассматривать только как мыслительную категорию — человеческий фактор всегда следует принимать в расчет; во-вторых, необходимо помнить, что как мыслительная категория пространство имеет целью наполнить смыслом окружающий мир и поместить его в определенные хронологические рамки; в-третьих, не следует забывать, что всякая попытка человека понять окружающий его мир приводит к созданию символического окружения. В результате ни одна точка пространства не нейтральна, не лишена значения. В работе Ф. Мишле ставится задача исследовать культуру пространства, нашедшую отражение в географических описаниях и на картах мира, с одной стороны, и образ пространства и пространственные представления, созданные пространством как мыслительной структурой, — с другой.

Важным понятием для исследования англосаксонского чувства пространства, наряду с *l'imaginaire*, выступает *ментальная карта*. Под *ментальной картой* Ф. Мишле понимает воображаемую картину мира, состоящую из образов непосредственного окружения, всего мира и/или всего космоса, на которую оказала влияние традиция и которая наполнена смыслом. Исследовательница выделяет несколько самых важных аспектов *ментальной карты* и иллюстри-

⁴ Ср.: «Образ — это максимально дистанцированное и опосредованное представление реальности» (*Замятин Д.Н.* Географические образы в гуманитарных науках // Человек. 2000. № 5. С. 81–88). Ср. также: «Каждое место в пространстве — это не только реально наблюдаемые объекты и признаки; каждое место бесконечно интерпретируется, оценивается; так создаются специфические *пространства представлений*» (*Митин И.И.* На пути к мифогеографии России: «игры с пространством» // Вестник Евразии. 2004. № 3. С. 140).

⁵ *Zumthor P.* La Mesure du Monde. Paris, 1993. P. 15.

рует их примерами из англосаксонской литературы (подчеркну, что речь идет не о специальных географических сочинениях, а, в первую очередь, о литературных нарративных памятниках).

Географические расстояния на ментальной карте не всегда измеряются при помощи объективных критериев. Оценка расстояния прежде всего эмоциональна. Так, к примеру, болото чудовища Гренделя в «Беовульфе» — место таинственное, но находится где-то рядом; оно появляется всякий раз, когда по ходу повествования появляется соответствующий персонаж. Или еще один пример: отстояние Англии от континента (близко — далеко) трактуется в источниках то как что-то положительное, то как что-то отрицательное.

Любая политическая сила на ментальной карте получает свои — порой воображаемые — *границы* (пример из «Беовульфа»: чертог Хеорот, построенный королем Хродгаром). В раннем средневековье возрастает роль границ, поскольку все чаще возникает опасность вторжения извне, постоянно существует внешняя угроза. Для ментальной карты существенна оппозиция *внутри–снаружи*. Граница двойственна: с одной стороны, она разделяет внутреннее и внешнее, но, с другой стороны, она является тем местом, где внутреннее и внешнее соприкасаются. В архитектуре оппозиция *внутри–снаружи* имеет свою кульминацию в образе здания. Главная функция здания — привнесение порядка в пространственный хаос. Здание для людей выполняет защитную функцию. К примеру, чертог Хеорот в «Беовульфе» выполняет защитные функции, организует пространство в земле данов, является границей внешней тьмы и внутреннего света, служит местом соприкосновения светлых и темных начал; дверь этого зала — проход, соединяющий два различных мира, и это пространство не безопасно.

Границы вызывают к жизни понятие *центра* и служат возникновению оппозиции *центр–периферия*. Центр — не фиксированное место в пространстве, но по отношению к нему определяется периферия. Центр всегда наполнен определенным смыслом. На ментальной карте могут сосуществовать различные центры, при этом реальные географические и политические центры не всегда совпадают с вымышленными.

Центральность и маргинальность определяют место индивидуума в пространстве. Нахождение в пространстве — не чисто топографическое: оно является существенной составляющей в процессе *самоидентификации*. Раннее средневековье — время поиска территории, на которую может распространяться юрисдикция. Соответ-

ственно, локализация оказывается процессом самоидентификации. Ощущение идентичности приходит вместе с ощущением пространства. Хороший правитель должен знать землю и народы, на ней обитающие (таков, к примеру, англосаксонский король Альфред). Другими словами, знать пространство — это в каком-то смысле доминировать над ним.

Прежних обитателей какой-либо территории или претендентов на нее выгодно представлять в дурном свете (дикие, чудовища, нецивилизованные). В результате *осознания своей «особости» (othering)*, самоосознания, изображения себя иными, чем противники, можно как бы лишить противников прав на ту территорию, на которую они претендуют. Так, изображая Гренделя и его мать как чудовищ, автор «Беовульфа» «выводит их» из числа претендентов на власть над датским государством.

Итак, формирование ментальной карты, интерес к географическому и космологическому знанию являются следствием желания контролировать пространство, стремления полнее осознать собственную идентичность. Чувство пространства связано с местом индивидуума в пространстве, поскольку любое размышление о пространстве зависит от «точки зрения»⁶. Она задает центр и периферию, служит основой деления на своих и чужих. Организация пространства, самоопределение находят словесное оформление в повествованиях, обращенных в прошлое, но оправдывающих сегодняшнее распределение пространства, либо рисующих утерянный идеал и тем самым ориентированных в будущее. Ф. Мишле подчеркивает, что *повествовательная литература* играет важную роль в осуществлении контроля над пространством. Легенды о происхождении (*narratives of origin*) делятся на две группы. Первая из них — *narratives of creation* — это изложение космогонических мифов, отражающих изначальную организацию пространства. Вторая — *narratives of migration* — рассказы о преодолении больших расстояний и об установлении контроля над новыми территориями. В этих легендах происходит смешение временных и пространственных элементов, поскольку миграция — это не только перемещение в пространстве, но и временной промежуток. Легенды о происхождении, таким образом, оправдывают присвоение определенной территории, описывая либо ее появление в результате божественного акта творения,

⁶ Подробнее см.: Подосинов А.В. *Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии.* М., 1999. С. 460–466.

либо ее захват (завоевание) в результате когда-то ранее имевшей место миграции.

Вопрос о выборе источников для такого исследования — вопрос непростой. Ссылаясь на Ле Гоффа⁷, Ф. Мишле предупреждает читателей против ограничений в отборе географических свидетельств. Информация должна квалифицированно извлекаться из разнообразных памятников. Древнеанглийских географических документов крайне мало: к ним могут быть причислены лишь вводный раздел, написанный королем англосаксов Альфредом к его переводу «Истории против язычников» Павла Орозия (ок. 890 г.), и Англосаксонская карта (*Cotton Map*, вторая четверть XI в.)⁸. К этой первой группе источников можно присоединить вторую, которую Ле Гофф характеризует как *les documents indirects, inconscients, ou involontaires* «документы косвенные, неосознанные или непроизвольные»⁹, и это — литературные сочинения. Они дают богатый материал для изучения *пространственного imaginaire*. Но они же задают и нелегкие методологические вопросы: как вычленишь из них географические свидетельства и как использовать косвенную информацию. Среди источников, избранных Ф. Мишле для анализа, оказываются сочинения древнеанглийской поэзии и документы более исторического свойства, такие как «Церковная история» Беды Достопочтенного или Англо-Саксонская хроника. Порой, как справедливо отмечает исследовательница, довольно трудно провести границу между поэтическим и историко-географическим, поскольку такие древнеанглийские поэмы, как «Исход» или «Беовульф», например, могут рассматриваться как поэтическая фиксация отдаленных исторических событий. Весь корпус используемых в исследовании текстов хорошо знаком специалистам по англосаксонской литературе. Ф. Мишле ставит своей целью не столько исчерпывающее привлечение источников, сколько их новое прочтение в свете обращенных к ним новых вопросов.

Основные географические идеи и космологические доктрины средневековья были в значительной степени наследием античности. Наряду с Плинием, Солином, Помпонием Мелой, Орозием, Этиком Истером, Равеннским Анонимом, также несомненным авторитетом

⁷ *Le Goff J. Discorso di chiusura // Popoli e paesi nella cultura altomedievale. Spoleto, 1983. Т. 2. P. 805–838.*

⁸ Датировка более четкая, чем у Ф. Мишле, по кн.: *Чекин Л.С. Картография христианского средневековья VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1999. X.2.*

⁹ *Le Goff J. Discorso di chiusura. P. 813.*

выступала Библия. Расширение ментальной географии в англосаксонский период происходило, по мнению Ф. Мишле, в попытках правителей «поселить» своих предков в более широком христианском и/или германском мире, а также в описаниях христианских миссий в отдаленных землях.

Три части монографии Ф. Мишле, посвященные последовательно сотворению мира, миграциям и завоеванию, вполне самостоятельны, и эффект единства достигается накоплением материала для характеристики англосаксонского *пространственного imaginaire*.

Первая часть — «Творение». Одна из ее глав (гл. 2) изучает поэтические повествования о сотворении мира («Христос и Сатана», «Гимн» Кэдмона, «Видсид» и др.) и процесс установления контроля над пространством. Сотворение мира, как следует из рассказов о нем, связано с пространством. Пространством правит Бог. Падение Люцифера и изгнание Адама и Евы тоже связано с пространством. Бог решает (знает заранее), кому и где обитать в творимом им мироздании. Его противники этого не знают: Сатана не знает размеров ада; Адам, вкусив запретного плода, задается вопросом, как им с Евой жить в этом мире. Пространство конечно, но в нем есть и внутренние границы. Небо воспринимается как крыша, как божественный контроль, как объятие. Локализация — это всегда процесс идентификации. Повествования о возникновении космоса и земли рисуют идеальное устройство, при котором каждый владеет тем, что ему отведено, а попытки получить больше приравниваются к восстанию, бунту. И все же противники Бога нередко апеллируют к тому состоянию, когда пространство не было разделено. До первородного греха пространство не поделено так, как после него. История человечества — проклятие и завоевание. Обретение пространства — начало культуры, консолидация идентичности общества.

Другая глава первой части (гл. 3) концентрируется на сложной структуре пространства. Как утверждает Ф. Мишле, основная задача хорошего вождя — защита отечества, а эпическая поэзия хранит память об отвоевании пространства у чудовищ или враждебных соседей. Чтобы обозначить свое собственное пространство, обществу необходимо организовать себя вокруг какого-либо центра. Центр — это важный элемент как в реальной, так и в воображаемой пространственной организации. Соответственно, при наличии центра возникает и периферия, а значит, необходима граница, отделяющая «нас» от «них». В главе — на материале англосаксонских поэм

«Беовульф» и «Юдифь» — рассматривается соотношение центра и периферии, обсуждается неизбежность вторжения извне (с периферии в центр), фокусируется внимание на понятии границы.

Еще одна глава первой части (гл. 4) посвящена развитию, изменению ментальной карты на примере смены положения на ней Британии. На материале античных и англосаксонских текстов, а также раннесредневековых карт исследовательница демонстрирует метаморфозу: как из «дикой», «чужой» страны Британия превращается в новый политический, культурный и религиозный центр. Речь идет не о реальном положении страны. Ф. Мишле приводит в этой связи высказывание Патрика Готье Дальше о том, что источники содержат информацию не о реальности, а о концепциях¹⁰. Именно поэтому речь идет о ментальном, о том, что важно в географических описаниях, например, о связи знания и власти, или о локализации и самоидентификации. В этой главе прослеживается эволюция географических знаний от античности до англосаксонской Англии. Как можно видеть, классические авторы подчеркивают, что Британия расположена далеко от континентальной Европы, изолированно. У Цезаря развита идея, что чем дальше на север, тем более дикие народы проживают там; центр цивилизованного мира — Рим, а Британия лежит на окраине этого мира; да и в самой Британии та же ситуация — чем севернее, тем дальше от цивилизации. У Страбона периферия — место обитания диких и варварских существ; северный предел человеческого обитания — Иерне (Ирландия); жители Ирландии, по словам Страбона, — более дикие, чем жители Британии. А вот Тацит пишет об Агриколе, который сам побывал в Британии; и в его изображении Британия — самая северная земля, но не край земли, поскольку Агрикола первым проплыл вокруг нее и обнаружил ее островной характер. Край земли — это Туле, но в текстах Туле объединяется с Британией, т.к. лежит позади нее, и тем самым Британия оказывается пограничной территорией между своим и чужим.

От Пифея до Исидора Британия принадлежит к периферии. Но центр и периферия, границы и расстояния — понятия субъективные, и, конечно же, обитатели Британии не ощущали себя маргинальными жителями периферии. Личный опыт вступал в противо-

¹⁰ *Gautier Dalché P.* De la glose à la contemplation. Place et fonction de la carte dans les manuscrits du haut Moyen Age // *Géographie et culture: La représentation de l'espace du VIe au XIIe siècle.* Aldershot, 1997. P. 771.

речие с географическим знанием. Беда Достопочтенный и Эльфрик превращают Британию в страну, где живут люди и куда можно доплыть. Король Альфред при переводе Орозия переопределяет место Британии на карте мира. Как он это делает? Он не дополняет в процессе перевода скупое и не совсем точное описание Британии у Орозия; он радикальным образом реорганизует европейские границы, но не говорит ничего о границе северной; наконец, он включает в свой перевод отчет халогаландца Охтхере о плавании в Бьярмию, чтобы с его помощью внести ясность в вопрос о северных границах Европы. Бьярмы, по мнению Ф. Мишле, — это особая общность людей, как бы некий «центр»; Охтхере попадает туда, где сосуществуют знание и культура, но это на севере, севернее Британии, а значит, Альфред включает рассказ о бьярмах, чтобы сделать свой двор главным центром (у него три центра — Рим, двор Альфреда и бьярмы). Всё это, полагает Ф. Мишле, переключается с центрами «Беовульфа». Под пером Дикуила Туле превращается в реальный остров — Исландию¹¹, периферия отодвигается вдаль, а Британия смещается к центру. Происходит смещение перспективы: центр описания у Дикуила — Британия; двор Альфреда — это то место, куда прибывают путешественники; их отчеты служат расширению общего географического кругозора; в свою очередь, географические знания — это свидетельство власти. Западносаксонский королевский двор тем самым символически расширяет свой контроль над территориями, открытыми и помещенными на карту во время этих путешествий.

Изменение положения Британии можно проследить и с помощью картографических свидетельств. Карта, помимо чисто географических данных, всегда содержит дополнительную информацию. На ней отражаются космологические, политические или религиозные взгляды ее автора. Кроме реальной картины, в ней содержится мысленная картина. Особенно это справедливо относительно *mappe mundi*, которые воспроизводят реальность, не поддающуюся восприятию. Изображение на *mappe mundi* всегда условное (нет точки в реальном пространстве, с которой можно было бы увидеть то, что изображено на такой карте). Карты — это способ структурирования мира в соответствии с различными социальными и политическими связями. Карта — атрибут власти. Хорошему правителю необходимо

¹¹ Ср.: Джаксон Т.Н. *Ultima Thule* в западноевропейской и исландской традициях // ДГ. 2003 г. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 63–72.

знание мира и (символическое) доминирование в нем, т.е. способность воспроизвести его картографически¹², его измерение (так, для Дикуила, по его утверждению, сведения, собранные специальными людьми, посланными императором Теофилом, важнее сведений Плиния). Создание карты — всегда вопрос установления центра и периферии, выяснение, где «мы» и где «они». На Альбийской карте (Испания или юг Франции, втор. пол. VIII в.) Британия помещена на краю ойкумены; карта подчеркивает ее изолированность¹³. На Рипольской карте (Каталония, 1055/56 г.) Британия и Ирландия лежат во внешнем океане¹⁴. На Сен-Северской карте (Гасконь, сер. XI в.) Британия — один из четырех островов на севере во внешнем океане¹⁵. Всё это южные карты; в отличие от них, *Cotton Map* — Англосаксонская карта (Кентербери, 2-я четв. XI в.) — создана в Англии¹⁶ (стоит подчеркнуть, что это — единственная сохранившаяся карта англосаксонского периода). Здесь Британия окружена островами, к тому же правильно показана ее соотнесенность с континентом. Британия здесь вовсе не на периферии. Она больше по размеру, чем должна бы быть. Да и ее окруженность островами указывает на ее, пусть локальную, центральность.

Итак, король Альфред при переводе Орозия и автор *Cotton Map* изменяют границы Северной Европы и минимизируют периферийность, маргинальность Британии. Центральность и периферийность меняются местами — Британия становится центром. Изменяя свое географическое положение, островные авторы по-новому интерпретируют самих себя. При этом происходит перемещение религиозного центра. Ряд примеров из Англо-Саксонской хроники и некоторых других источников демонстрирует, что Британия встает в один ряд с Иерусалимом, Афинами и Римом, занимая свое место в христианской истории.

Вторая часть монографии Ф. Мишле — «Миграции». Ее первая глава (гл. 5) посвящена анализу древнеанглийских агиографических поэм, в которых рассказывается о том, как святые (Андрей, Елена, Гутлак) отправлялись в неизвестные и дальние земли с целью отвоевания их для христианства. В результате этих предприятий ментальное пространство расширялось, пограничные территории

¹² *Gautier Dalché P.* Tradition et renouvellement dans la representation de l'espace géographique au XIe siècle // *Géographie et culture*. P. 125.

¹³ *Чекин Л.С.* Картография христианского средневековья VIII–XIII вв. VII.1.

¹⁴ Там же. XII.1.

¹⁵ Там же. XI.4.

¹⁶ Там же. X.2.

включались в ранее знакомый мир. Особо выделяется в этих поэмах мотив путешествия в поисках земли. В поэмах демонстрируется, как христианство изменяет существовавшее в античности соотношение между землями и не-землями: пограничные территории, не-земли, последовательно превращаются в религиозные центры.

Если в гл. 5 специальному рассмотрению подвергся мотив путешествия, то в следующей за ней главе (гл. 6) исследовательница останавливает свое внимание на мотиве миграции. Источником здесь выступает местная англосаксонская поэзия, основанная на Священном Писании. Миграция подразумевает путешествие не с целью открыть, картографировать, а затем контролировать неизвестную до этого периферию, а с целью достичь предназначенной тому или иному народу обетованной земли. Та же тема присутствует в историографических прозаических повествованиях о движении англосаксов в Англию и о ее завоевании. Англосаксы никогда не забывали, что они пришли с континента. Это была их коллективная память, основа их коллективной идентичности. Она хранила образ англосаксов как заслуженно обосновавшихся на острове, но и (что сложнее для интерпретации) как жестоких захватчиков.

Третья часть — «Завоевание» — состоит всего из одной главы (гл. 7), посвященной нарративным стратегиям, применявшимся при описании завоевания Британии. В этой главе рассматриваются сочинения, которые с большим основанием можно отнести к разряду исторических, а именно хроники, но даже в них топография Британии не свободна от влияния *пространственного imaginaire*, т.е. от существующего в обществе представления о пространстве. В хрониках присутствуют описания Британии и рассказы о миграции германских племен с континента в Британию. Миграция и завоевание (захват, покорение) идут рука об руку, но захват ведет к формированию новой территориальной единицы, нового политического и ментального пространства, а значит, — это процесс созидания (творения). Итак, наконец, замыкается круг: вместе соединяются все три составляющие этой книги — миграция и завоевание вновь приводят к акту творения.

Но германские племена не жили в Британии изначально, и поэтому им пришлось в V–VI вв. завоевывать остров силой оружия. Авторы хроник применяют две нарративные стратегии, две «уловки», чтобы оправдать насилие: это — использование библейской риторики, указание на землю обетованную, на избранность народа англосаксов, с одной стороны, и использование героического стиля, в особенности превознесение их военной мощи — с другой. Так,

Беде пришлось изобразить германские племена (которые, по мнению Гильдаса, сформулированному в его «De Excidio Britonum», были наказанием Господним) как избранный народ, предназначенный для больших свершений в христианской церкви, а Англо-Саксонская хроника, напротив, превознесла силу англосаксов, которые военным захватом обосновали свое право на эту землю.

Суперобложка книги Ф. Мишле воспроизводит миниатюру из парижской рукописи *Liber Floridus* Ламберта Сент-Омерского (ок. 1120 г., рукопись ок. 1260 г.), на которой изображен император Август, держащий в правой руке меч, а в левой — «круг земной», разделенный на три части по принципу карт (*mappae mundi*) типа T-O¹⁷. Исследовательница полагает, что эта миниатюра отражает традиционный мотив — хороший правитель, будь то Цезарь, Август или Феодосий Флавий, непременно ассоциируется с картографическими предприятиями, ибо только идеальный правитель может сравняться с Творцом в постижении пространства. Тем самым, возникает топос: хороший правитель проводит кадастрирование всего обитаемого мира и создает карту мира (*mapa mundi*). Именно так, о чем свидетельствует миниатюра, воспринимает Ламберт Сент-Омерский императора Августа. Видимо, основанием для подобного отношения к императору послужил текст Евангелия от Луки (2.1) «*Exiit edictum a Cesare Augusto ut describeretur universus orbis*» («вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле»), который располагается по кругу изображения. И хотя в Библейском тексте речь идет о *переписи населения* (ср. 2.2: «Эта перепись была первая в правление Квирина Сириею»; 2.3: «И пошли все записываться, каждый в свой город»), слова «*describeretur universus orbis*» нередко прочитывались (и средневековыми, и современными) учеными как «описание круга земель»¹⁸. Иллюстрация отражает одну из основных идей монографии Ф. Мишле, а именно мысль о том, что знание мира, ощущение пространства, представление о пространстве и (символическое) доминирование в нем являются одним из неперенных условий жизни социума. Пространственный *imaginaire* одного социума — англосаксонской Англии — очень ярко и полно представлен в этой книге.

¹⁷ Та же иллюстрация повторяется и в тексте книги (с. 144).

¹⁸ См.: *Brincken A.D. von den. «...Ut describeretur universus orbis» / Zur Universalkartographie des Mittelalters // Methoden in Wissenschaft und Kunst des Mittelalters (Miscellanea Mediaevalia. 7). Berlin, 1970. S. 249–278.*

И.Г. Коновалова

И.К. Фоменко. ОБРАЗ МИРА НА СТАРИННЫХ
ПОРТОЛАНАХ. ПРИЧЕРНОМОРЬЕ. КОНЕЦ XIII–XVII в.
(М.: Индрик, 2007. — 408 с.; ил.)

Рецензируемая монография принадлежит к числу безусловных де-зидерат отечественной историографии. Подобного рода книгу давно ждали медиевисты, историки России, специалисты по исторической географии и картографии, искусствоведы. Работа И.К. Фоменко посвящена исследованию средневековых морских карт и, по мысли автора, призвана решить ряд задач: во-первых, «раскрыть значение и особенности средневекового портолана как исторического источника» (с. 8)¹; во-вторых, «сформулировать, отработать и по возможности обобщить те специальные исследовательские подходы и процедуры, с помощью которых можно извлечь конкретную информацию того или иного рода из такого специфического источника, как средневековая морская карта» (с. 8); в-третьих, реконструировать этническую, социально-политическую, хозяйственно-экономическую и религиозную ситуацию в Причерноморском регионе по данным морских карт (с. 9). Таким образом, И.К. Фоменко ставит перед собой триединую задачу источниковедческого, методического и конкретно-исторического плана.

С этой целью автором проанализировано — в факсимильных публикациях и *de visu*² — более 200 морских карт, атласов и карт иного рода (в том числе монастырские *mapae mundi*) начала XIV — конца XVII в. (с. 19), лоции XIII — начала XVIII в. и античные периплы (с. 20), а также другие источники — записки

¹ Здесь и далее все ссылки на рецензируемую книгу даются в тексте.

² К сожалению, автор, отмечая это обстоятельство (с. 19), не указывает, какие именно карты были изучены им в рукописях. Судя по «Таблице средневековых картографических школ», это как минимум неопубликованные Морской атлас Баттиста Аньезе 1546 г. из коллекции ГНБ, морские карты Дж. Руссо 1569 и 1577 гг. из коллекции РНБ, а также анонимная морская карта 1578 г. из собрания ЛОИИ РАН (последнее почему-то названо «ЛОИ РАН»; см. с. 250).

путешественников, летописи, археологические, эпиграфические и нумизматические памятники.

Структура монографии восходит к диссертации, защищенной автором в 2001 г.³ Вводная часть, помимо собственно Введения (с. 7–10), содержит обзоры историографии (с. 11–18) и источников (с. 19–24). Основная часть исследования состоит из четырех глав: «Морская карта и ее создатели» (с. 17–44), «Стилистические особенности и функции морской карты» (с. 55–76), «Топонимика» (с. 103–119) и «Изображения» (с. 131–176). После Заключения (с. 217–219), Библиографии (с. 221–228) и Списка сокращений (с. 228) помещены многочисленные Приложения: «Таблица средневековых картографических школ» (с. 231–250), две «Сводные таблицы сравнительной номенклатуры» (с. 251–348), «Таблица важнейших топонимов» (с. 349–354), «Таблицы флагов» (с. 355–392), «Таблица роз ветров» (с. 393–396), а также авторские карты-реконструкции: вексиллографическая и этнолингвистическая карты Причерноморья, этнополитическая карта Крыма IX–XV вв., а также экономическая карта Крыма того же периода, содержащая сведения о православных епархиях на полуострове. Именной и географический указатели в книге отсутствуют, что, впрочем, отчасти компенсируется подробными топонимическими таблицами.

Книга прекрасно иллюстрирована. Она содержит 75 цветных иллюстраций (изображения морских карт и иных памятников картографии периода Средневековья и Нового времени, фотокопии страниц средневековых рукописей, репродукции картин и т.п.) и 12 черно-белых, а также 5 авторских цветных фотографий с видами генуэзских крепостей в Крыму. Следует отметить высокое качество иллюстраций и цветных карт-реконструкций, что, как и полиграфическое исполнение книги в целом, является несомненной заслугой издательства «Индрик».

В части 1 главы I, озаглавленной «Феномен морской карты», прежде всего обращает на себя внимание терминологическая не-

³ *Фоменко И.К.* Морские карты как исторический источник: Причерноморье, конец XIII–XVII вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001. Отдельные фрагменты текста книги несут на себе следы переработки диссертационного исследования в монографию. Характеризуя изученные им источники, автор пишет: «Следующий значительный массив материалов, использованных в диссертации...» (с. 22). В Заключение включены дежурные фразы о практическом значении проделанной работы и т.п. (с. 217–219), уместные, скорее, в автореферате диссертации, но не указано, какой новый картографический материал вводится автором в научный оборот.

внятность в определении самого объекта исследования, которая будет сопровождать читателя на протяжении всей книги. Вопрос же о терминологии в данном случае весьма важен по ряду причин. Во-первых, навигационные пособия, рассматриваемые в монографии, существовали в двух ипостасях — в виде карты и в форме лоции, для обозначения которых в Средневековье использовались различные термины. Средневековые мореплаватели проводили четкое различие между картами и лоциями, применяя к первым термин *carta*, *tabula* или *mappa*, а ко вторым — *portolano* или *compasso*⁴. Во-вторых, контуры морских карт неоднократно использовались при составлении карт мира, в принципе не предназначавшихся для навигационного применения, что заставляет проводить различие — в том числе и терминологическое — между этими двумя типами источников. В-третьих, в посвященной морским картам историографии не было и нет терминологического единства: если во французской, итальянской, испанской, португальской литературе для обозначения навигационных пособий картографического характера употребляется термин «морская карта», то англоязычные исследователи, считая его слишком общим, предпочитают термин «карта-портолан» (*portolan chart*), в то время как в немецкой историографии можно встретить такие термины как «румбовые карты» (*Rhumbenkarten*), «компасные карты» (*Compaskarten*) или «локсодромные⁵ карты» (*loxodromischen Karten*)⁶; в отечественной литературе средневековые морские карты обозначаются, как правило, термином «портолан (портулан)»⁷.

И.К. Фоменко отмечает, что итальянское слово *portolano*, означающее «описание морских направлений», было введено в научный оборот, «чтобы не смешивать понятие карты и письменных навигационных маршрутов» (с. 27), но, по-видимому, считает, что это было сделано напрасно, так как на этой же странице сообщает: «Портоланы представляли собой первые современные научные кар-

⁴ *Magnaghi A.* Nautiche carte // *Enciclopedia italiana di scienze, lettere ed arti.* Roma, 1934. Vol. 24. P. 323; *Campbell T.* Portolan Charts from the Late Thirteenth Century to 1500 // *The History of Cartography.* Chicago; L., 1987. Vol. 1: Cartography in Prehistoric, Ancient and Medieval Europe and the Mediterranean / Ed. J.B. Harley, D. Woodward. P. 375.

⁵ Локсодрома — кривая на поверхности вращения, пересекающая все меридианы под постоянным углом.

⁶ Обзор терминологических различий см.: *Campbell T.* Portolan Charts. P. 375.

⁷ *Салищев К.А.* Картоведение. М., 1982. С. 315–317; Географический энциклопедический словарь: Понятия и термины. М., 1988. С. 239.

ты». Чтобы разграничить два вида средневековых навигационных пособий автор прибегает к множеству терминов.

Навигационные пособия картографического характера именуются в книге следующим образом: «портолан» (в заглавии книги, в аннотации к книге на с. 4, а также на с. 7–20, 27–44, 55–60, 62, 65–68, 71, 73–76, 103, 107, 108, 113–119, 133–135, 137–142, 144–155, 157, 158, 160–165, 167–176, 217–219, 231), «карта-портолан» (с. 8, 27–29, 76, 217–218), «графический портолан» (с. 13, 15, 19, 24, 219), «рисованный портолан» (с. 66), «морская карта» (в аннотации к книге на с. 4, с. 8–19, 22, 27–41, 43, 44, 55–59, 61–68, 71, 73, 74, 76, 103, 104, 107–109, 111, 113, 114, 116–119, 131, 133, 135, 137–140, 143–160, 162–164, 167–176, 217, 218, 231), «морская карта-портолан» (с. 7, 15, 18, 19, 27, 36, 42, 55, 56, 59, 60, 62, 67), «графическая морская карта» (с. 219), «навигационная карта» (с. 8, 9, 11, 14–16, 27–35, 37, 41, 42, 44, 55–59, 62, 63, 65–68, 73–76, 108, 118, 119, 133, 138, 140, 141, 148, 152, 155, 158, 162, 167, 170, 217, 231), «навигационная карта-портолан» (с. 67, 70), «навигационная морская карта» (с. 30), «компасная, или румбовая карта» (с. 27–36, 38), «навигационное руководство» (с. 117). В оглавлении большинства разделов книги использован термин «морская карта» (гл. I, II; часть 1 гл. I, часть 2 гл. IV), лишь в названии части 2 гл. II говорится о «морских картах-портоланах».

Для обозначения лоций автор также употребляет целый ряд терминов: «портолан» (с. 20, 27), «словесный портолан» (с. 13, 15, 19, 20), «письменный портолан» (с. 20, 69, 103, 104, 107–109, 113, 116, 118, 151, 175, 218, 219), «неграфический портолан» (с. 118), «морское руководство» (с. 104, 106, 117), «письменное морское руководство» (с. 105, 111, 118, 143), «навигационное руководство» (с. 68), «письменное навигационное руководство» (с. 17, 71, 108, 218), «письменное руководство по навигации» (с. 71, 108), «нарративное навигационное руководство» (с. 10), «письменный навигационный маршрут» (с. 27, 68), «письменное руководство» (с. 118), «руководство по навигации» (с. 20, 68, 70), «руководство для мореходов» (с. 118), «навигационная практика» (с. 20, 70), «справочник морских направлений» (с. 68, 69, 70).

Такая избыточность терминологии, к тому же вводимой, за редким исключением, без всяких авторских пояснений, приводит к тому, что выражения, используемые автором для обозначения объекта своего исследования, вообще перестают восприниматься как термины. Если и карту, и лоцию можно назвать одним словом «пор-

толан», то есть ли между ними разница? Чем отличается «навигационное руководство», выходящее из-под пера картографа (с. 117), от «навигационного руководства», являвшегося «существенным дополнением к картам» (с. 68)? Если про «словесный портолан» автор поясняет, что «такое название применяется для навигационных руководств, в которых отсутствует графическое изображение» (с. 19), то зачем для обозначения тех же самых руководств вводить еще термины «письменный портолан» (видимо, калька с англ. *written portolan*) и «неграфический портолан»?

Склонность автора к терминологическому творчеству проявилась и по отношению к предложенному А. Норденшёльдом термину *normal portolano*. Вместо того, чтобы использовать уже принятый в науке термин или обосновать нецелесообразность его использования, И.К. Фоменко говорит о «типичном портолане» (с. 29), «типичной карте» (с. 31), «сложившейся модели портолана» (с. 56), «стандартной морской карте» (с. 111), предоставляя читателям самим судить о том, что могли бы означать все эти выражения. Несколько раз автор прибегает к термину «горловина портолана» (с. 62, 66, 174, рис. 13 к гл. II, рис. 38 к гл. IV), который также не комментирует.

Попутно заметим, что со многими другими терминами автор также обращается весьма вольно. Хорография, по его мнению, — это «леса и горы, пейзажи» (с. 167); поэтому он пишет о «хорографии на портоланах» (с. 14), «хорографических элементах на карте» (с. 168), а карту Фра Мауро 1459 г. называет «классическим образцом хорографической работы» (с. 167), как будто это не памятник картографии, а текст типа «Географии» Страбона.

Термином «перипл», которым вообще-то принято обозначать описание плавания вдоль морских берегов, обозначается путь росов из Внешней России в Константинополь (с. 107), рассказ о котором содержится в сочинении Константина Багрянородного, а также итинерарий митрополита Пимена от Москвы до Константинополя (с. 135–136).

Вместо использования терминов «этнотопоним» и «топоэтноним» автор многократно употребляет слова «топоним» и «этноним» как синонимы, например: «О той роли, которую сыграло в истории северного Причерноморья Древнерусское государство, говорит количество связанных с ним топонимов — 10, из которых 6 — этнонимы!» (с. 107; см. также с. 105–109). Встречается и термин «антропоним» в значении «топоним»: «Следует упомянуть также

о существовании на морских картах четырех антропонимов, связанных с именами реально существовавших людей, а также полупегандарного Ээта (оппонента аргонавтов), без учета топонимов, связанных с христианскими святыми. Это антропонимы Ногай, расположенный близ эстуария Днестра; Дадиан, находящийся южнее Севастополя; возможно, Ээт на юго-востоке Причерноморья и антропоним Фарнаксия (остров в юго-западном Причерноморье)) (с. 109).

Династия монгольских правителей Ирана Хулагуидов (называемых на с. 139, 148 «Хулагидами») одновременно именуется династией «Ильханидов» (с. 139, 144, 147, 148, 164), а монгольский Иран — соответственно — «государством Ильханидов» (с. 163, 218) или «Ильханидским государством» (с. 148), в то время как «ильхан» — это титул, а не имя собственное, поэтому называть правителей Ирана «Ильханидами» — это все равно, что всех правителей тюркских каганатов называть по их титулу «Каганидами».

Выражение «гидронимы рек» (с. 117) свидетельствует о непонимании автором содержания термина «гидроним», не требующего после себя упоминания типа того водного объекта, к которому данный термин относится. В «Сводной таблице сравнительной номенклатуры — I» упоминаемый в сочинении ал-Идриси гидроним *nahr danū* (арабское обозначение реки Дунай) почему-то отождествлен не с одним из гирл дунайской дельты, а с населенными пунктами — совр. Вилково и средневековым Ликостомо (с. 252).

Множество терминов в книге написаны с ошибками. Слово «вексиллография» и его производные во всех без исключения случаях употребления написаны неправильно: «векселлография» (с. 158), «векселография» (с. 139), «векселографическая реконструкция» (с. 144, 160), «векселографическая карта-реконструкция» (с. 219); «Векселографическая карта» (с. 6, а также цветная вкладка в конце книги). Направление на Ка'бу, соблюдаемое во время совершения мусульманской молитвы, названо «кублой» (с. 172), а не «киблой»; наименование ордена Иоаннитов написано с одной *н* (с. 158), хотя принято с двумя; в слове «сотериология» также допущена ошибка: «Миниатюры служили для украшения карты, а также выполняли сотерологические функции» (с. 173).

Но вернемся к аналитической части работы. В разделе «Феномен морской карты» кратко изложены основные теории происхождения средневековых морских карт, а также технология их

составления и характерные черты (с. 27–34). В части 2 главы I (с. 35–44) собрано множество интересных сведений о средневековых картографрах — об их социальных корнях, национальной принадлежности, вероисповедании, профессиональной специализации, условиях работы и т.п. Кроме того, здесь же затронут вопрос о картографических школах, которому специально посвящена часть 1 главы II (с. 55–66).

Выделение картографических школ в рецензируемой книге проведено в соответствии с уже сформулированными в историографии признаками⁸ и основано на «стилистических особенностях выпускаемой картографами продукции» (с. 35, 55), использовании «национальных цветов в декоративном оформлении карты» (с. 55), на объеме «передаваемой информации, главным образом того, что касается terra ferma» (с. 55), а также на форме пергамена, на котором изготовлена карта (с. 55). В конечном итоге решающим фактором оказывается «прежде всего центр, где изготавливался портолан», поэтому все картографические школы носят национальный характер: итальянская, каталанская, португальская, испанская, турецкая, критская, далматинская, марсельская (с. 55–56).

Время формирования и расцвета картографических школ определяется автором весьма противоречиво. С одной стороны, говорится о картографических школах «конца XIII — первой половины XVII в.» (с. 55), откуда можно заключить, что к концу XIII в. они уже сложились и просуществовали в этом качестве как минимум до первой половины XVII в. Далее автор уточняет, что до второй половины XIV в. имело место «значительное взаимовлияние» различных картографических школ, после чего «в картографической продукции стал доминировать регионализм» (с. 103), так что «о чистоте стиля можно говорить лишь применительно к XIV–XV вв. С середины XVI в. национальные особенности в картографии интегрируются, происходит смешение стилей различных европейских школ» (с. 57). Однако одновременно с этим утверждается, что картографические школы возникли не в XIII, а в XVI в. (с. 8), причем в этот же самый период в оформлении карт «нарастает эклектизм» (с. 8, 57), т.е. оказывается, что становление школ шло параллельно с размыванием стилевых различий между ними.

⁸ См. обзор литературы: *Campbell T. Portolan Charts. P. 392–398.*

Наглядным дополнением к данному разделу служит составленная автором «Таблица средневековых картографических школ» (с. 231–250), которая, как справедливо замечено в книге, может быть использована в качестве самостоятельного справочника. То же самое можно сказать и о двух таблицах флагов (с. 355–392) и таблице роз ветров (с. 393–396).

В части 2 главы II рассматривается применение морских карт (с. 67–76). Автор приводит много ценных сведений об использовании карт в навигационной практике, а также об употреблении их в декоративных целях. В принципе в этом же разделе логично было бы обсудить и вопросы, связанные со степенью достоверности морских карт как источника, однако замечания по этому поводу рассредоточены по остальным разделам книги (см. с. 7, 9, 66, 73, 116, 217).

Называя морские карты «точнейшим документом своего времени» (с. 8, 173; см. также с. 7, 157), автор вместе с тем отмечает и определенные особенности этого источника, снижающие его достоверность. Так, по его наблюдению, «картографическая форма отстает от политической (экономической) ситуации в среднем на 15–20 лет» (с. 119), нередко «картографы намеренно искажали существовавшие политические реалии» (с. 131), к примеру, отказывались помечать на своих картах фактории конкурентов (с. 155) или укрупняли значки, обозначавшие собственный город (с. 171), а после перехода Черного моря под власть турок продолжали рисовать флаги христианских государств над черноморскими портами (с. 76, 146, 151, 159, 164).

Главы III и IV посвящены рассмотрению информации морских карт о Причерноморье. Безусловной заслугой автора является то, что он обратил внимание на важность морских карт как источника по этнополитической, социально-экономической и религиозной истории региона и показал широкие возможности их использования в этом направлении. Ценно также и то, что результаты своей работы автор представил не только в текстовой форме, но и в виде красочных карт-реконструкций (Вексиллографическая и Этнолингвистическая, относящиеся ко всему Причерноморью, а также две карты Крымского полуострова) и трех сравнительных топонимических таблиц (с. 251–354).

Что касается «Этнолингвистической карты», то вызывает возражение принцип, положенный в основу ее составления. Он нацелен на выяснение «характера того или иного топонима — местный

он или привнесенный» (с. 104), но при этом почему-то предполагает игнорирование лингвистической формы самого топонима. В результате получается, что, к примеру, топонимы *Varna*, *Rosico*, *Barbarexe*, *Perezo*, *flumen Elexe*, *Cauo de Zagor*, *Insula Rossa*, *Varangolimen*, *Roxofar*, *Varandigo* квалифицируются автором как «славянские»; *Mauro Zaquee* и *Alba Zaquia* — как «северокавказские»; *Balla Matrega* и *Chumania* — как «тюркские» и т.п. Автор полагает, что по зафиксированной морскими картами и портоланами форме топонима можно «в ряде случаев определить исходное значение топонима» (с. 104). По-видимому, называя топонимы славянскими, тюркскими, латинскими, греческими, автор имел в виду прежде всего это «исходное значение» топонима, отражавшее участие того или иного народа в освоении пространства Причерноморья.

На с. 105 говорится, что «Этнолингвистическая карта» является также реконструкцией «этнической ситуации в регионе». Остается неясным, этническая ситуация какого времени имелась в виду. От эллинской колонизации до конца XVII в.? Но ведь сам автор неоднократно отмечает, что этническая ситуация в этом регионе всегда была очень подвижной (с. 104, 105, 110).

Методику составления помещенных в Приложении сравнительных топонимических таблиц автор не раскрывает. Первая графа первой таблицы (с. 251–258) называется «Сводный перипл античных названий» и, судя по относящейся к ней сноске, составлена на основе ряда публикаций различных географических сочинений античного времени — периплов, трудов Страбона и Птолемея. Возникает вопрос: а что в таком случае представляют собой топонимы в этой графе — записанное кириллицей среднее арифметическое транскрипций в использованных автором источниках?

Вопросы, касающиеся точности передачи топонимов, встают и в связи с другими местами таблиц. Так, во второй таблице (с. 258–264), где приведены данные лоции из сочинения Абу-л-Фиды, указано, что автор опирался на издание Ж.Т. Рено, включающее в себя арабский текст и его перевод на французский язык. В соответствующей графе таблицы топонимы даны латиницей и кириллицей, т.е. в принципе должны были бы передавать транскрипцию Рено в первом случае и авторскую транскрипцию арабской формы наименования — во втором. Результаты сличения записи топонимов в рецензируемой книге и в том источнике, на который там дана ссылка, таковы:

топонимы Абу-л-Фиды по книге И.К. Фоменко	топонимы Абу-л-Фиды в передаче Ж.Т. Рено	кириллическая транскрипция топонимов
<i>Alconstantynua</i> / ал-Кустантинийа Estantoul / Истанбул	Alcostantyny Estantoul	ал-Қустантїнийа Иҫтанбұл
<i>Sakji</i> / Сакчи	Sacdji	Ҷақджи
<i>Akdja-Karman</i> / Акджа-Карман	Acdja-Kerman	Ақджә-Кармән
<i>Sarai-Karman</i> / Сарай-Карман	Sarou-Kerman	Сәрү-Кармән
<i>JATR-TAG</i> / ДЖАТР-ТАГ	Djatherthag	Джәтар-Ғәг
<i>Soudac</i> / Судак	Soudac	Сӯдақ
<i>Kaffa</i> / Кафа	Caffa	ал-Кафә
<i>Kertsch</i> / Карш	Kertsch	ал-Карш
<i>Azak</i> / ал-Азак	Azof, al-Azac	ал-Азақ
<i>Ojacrac</i> / ал-Шакрак	Schacrac	ал-Шақрәқ
<i>Taman</i> / ал-Таман	Thaman	ал-Ғәмән
<i>Sokhoum</i> / Сухум	Sokhoum	Суҳӯм
<i>QIASA</i> / АЛ-КЯСА	(Al)kassa	ал-Касә
<i>Trebizonde</i> / Атрабзун, <i>Атрабзундат</i> , <i>Аркшиятун</i>	Trébizonde	Атрабзӯн
<i>Samsoun</i> / Самсун	Samsoun	Сәмсӯн
<i>Sinub</i> / Синуб	Sinope	Синӯб
<i>Kinli</i> / Кинли	Kinoli	Кинли
<i>Kagrou</i> / Кагру	Kidrou	Китру
<i>Bantarikly</i> / Бантарикли	Bantarikly	Бантариқли
<i>Kerbey</i> / Карби / <i>Карбай</i>	Kerbey	Карби
<i>Aldjeroun</i> / ал-Джарун	Aldjeroun (Aldjedonn)	ал-Джарӯн

Как видно, передача многих топонимов автором (они выделены курсивом) отличается от транскрипции Рено или неверно передает наименование кириллицей. Неточно указаны и страницы издания: описание Черного моря в сочинении Абу-л-Фиды помещено на

страницах 31–34 (арабского текста), а не 30–35, как стоит в сноске к таблице⁹. Прописными буквами мною выделены наименования, добавленные в лоцию Абу-л-Фиды самим И.К. Фоменко из других частей сочинения арабского географа. Так, сообщение о городе *ал-Касā* Абу-л-Фиды приводит со ссылкой на ученого и путешественника второй половины XIII в. Ибн Са‘ида ал-Магриби и локализует в Восточном Причерноморье. В этом же регионе Абу-л-Фиды помещает и еще ряд пунктов, характеризующихся им как приморские¹⁰, но сведения о них в таблицу не включены. Почему для *ал-Касы* сделано исключение, не объясняется. Топоним «Джāтар-Тāг» (Чатыр-Даг) встречается в описании крымского города *Қирқри* (Кырк-Ер, совр. Чуфут-Кале): «Рядом с городом имеется огромная гора, поднимающаяся до неба и называемая Джāтар-Тāг; ее видно с судов, плавающих по морю Крыма»¹¹. Таким образом, при составлении таблицы автор весьма вольно обошелся с текстом Абу-л-Фиды, фактически сконструировав лоцию из трех фрагментов, взятых им из разных частей сочинения арабского географа.

Во второй графе первой таблицы помещены (по изданию К. Миллера) латинские транскрипции причерноморских топонимов, нанесенных на карту ал-Идриси, но почему-то проигнорированы его более подробные — по сравнению с картой — черноморские лоции, к тому же доступные в переводах на европейские языки и прокомментированные¹². Во второй таблице (с. 258–264), где приведены данные лоции из сочинения Абу-л-Фиды, также следовало не ограничиваться французским переводом Ж.Т. Рено, а использовать (или хотя бы упомянуть для сведения читателей) имеющийся пере-

⁹ К тому же и ссылка на сочинение Абу-л-Фиды приведена крайне неряшливо: отсутствует диакритика, в одном случае нет пробела между словами, имя арабского географа написано то как *Aboulféada*, то как *Abulfida*, т.е. оба раза неправильно (должно быть: *Géographie d'Aboulféda: Texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde aux frais de la Société Asiatique* par M. Reinaud et Mac Guckin de Slane. Paris, 1840; *Géographie d'Aboulféda traduite de l'arabe en français et accompagnée de notes et d'éclaircissements* par M. Reinaud. Paris, 1848. Т. II. Première partie).

¹⁰ *Géographie d'Aboulféda: Texte arabe*. P. 203.

¹¹ *Ibid.* P. 215. Ссылки на этот фрагмент, в отличие от сообщения об *ал-Касе*, в рецензируемой книге нет.

¹² Недков Б. България и съседните ѝ земи през XII век според «Географията» на Идриси. София, 1960; Бейлис В.М. Ал-Идриси о портах черноморского побережья и связях между ними // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н/Д, 1988. С. 67–76; Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999.

вод лоции на русский язык¹³. Это позволило бы автору избежать как отдельных неточностей в отождествлении наименований разных источников, так и излишней категоричности в соотношении топонимов, упоминаемых в разных источниках, друг с другом.

Табличная форма подачи топонимического материала не избавляет автора от необходимости обоснования предлагаемых им отождествлений. Конечно, когда речь идет о крупных и хорошо знакомых мореплавателям портовых городах вроде Константинополя, Трапезунда, Таны, Каффы, Судака, Варны и некоторых других, проблем с локализацией не возникает. А как быть с редко посещаемыми пунктами, небольшими стоянками, неизвестными по другим источникам, или с такими, идентификация которых продолжает оставаться предметом дискуссии? К примеру, автор помещает фигурирующий в лоции ал-Идриси город *Армұкастрұ* близ Варны, хотя в литературе существует не менее разработанная версия локализации этого пункта в районе оз. Разелм. Отождествление реки *Данұ* именно с Килийским гирлом дунайской дельты (вытекающее из того, что автор сопоставляет гидроним с совр. Вилково) совершенно произвольно; это никоим образом не следует из опубликованной К. Миллером карты ал-Идриси и противоречит данным его лоции. Города *ал-Лāниййа*, *Астабриййа*, *Ашкисиййа*, информация о которых у ал-Идриси настолько скудна, что не позволяет отождествить их с каким-либо пунктом Восточного Причерноморья (на что неоднократно указывалось в литературе)¹⁴, И.К. Фоменко уверенно помещает — соответственно — в Геленджике, южнее Сухуми и в устье р. Риони (с. 255–256). Специалисту, знакомому с сочинением ал-Идриси, совершенно очевидна несостоятельность такого утверждения, не подкрепленного никакими аргументами, но читатель, который будет пользоваться таблицами как самостоятельным материалом, вполне может отнестись к ним с таким же доверием, как к таблице умножения, и воспринимать все эти сопоставления как твердо установленный факт.

Следует сказать несколько слов об оформлении работы. Судя по отсутствию каких-либо упоминаний об издательском редакторе в

¹³ Коновалова И.Г. Черное море в описании Абу-л-Фиды // Сборник Русского Исторического общества. М., 2003. Т. 7 (155): Россия и мусульманский мир. С. 51–57.

¹⁴ Разбор известий и историографию см.: Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. С. 152–160, 176–177.

выходных данных книги, остается предполагать, что она издана в авторской редакции. Приходится признать, что это не пошло монографии на пользу.

Во-первых, рецензируемая работа просто пестрит стилистическими ошибками. Так, автор зачастую не считает нужным проводить разницу между предметом (или лицом) и его изображением на карте: «Святые расположены по углам карты» (с. 66); «флаги помещались над стилизованным городом» (с. 133); «флаги с тамгой реют на морских картах ...» (с. 137); «в легенде под Сараем на Волге говорится...» (с. 137); «царь сидит под изображением города, расположенного в северном Причерноморье» (с. 142); «на всем побережье южного Причерноморья существует только один топоним» (с. 146); «Карпаты на навигационных картах помещались редко» (с. 167); «города на этом портолане утопают в зелени» (с. 168); на морском атласе «присутствует одно-единственное лиственное дерево» (с. 168); «на морских картах группы зданий, покрытых черепичной и свинцовой кровлей, опоясывают мощные стены и башни» (с. 170). В принципе, конечно, можно догадаться, что автор имеет в виду, но порой такая небрежность в формулировках приводит уж к совершенно абсурдным утверждениям: «Реки символически показаны волнистой линией, ширина их на картах значительно превышает реальную» (с. 169). Не менее впечатляющие примеры описания картографических изображений см. на с. 137–142, 154, 159, 161, 164, 168, 169, 174.

Во-вторых, оставляют желать лучшего библиографические описания. Почти повсеместно отсутствует диакритика в ссылках и в списке источников и литературы, к тому же в них много опечаток. Бросается в глаза разноречивость в библиографических описаниях: иногда та или иная работа цитируется просто по названию, без указания имени автора; не всегда имя автора выделено курсивом; выходные данные и номера томов бывают приведены в разном порядке; издатель может быть указан после года издания; часть сокращений раскрывается в тексте или в библиографии, а не в списке сокращений. Значительная часть изданий, упомянутых в тексте, отсутствует в списке библиографии. Полный перечень всех этих неточностей привести просто невозможно ввиду ограниченного объема рецензии.

На некоторые работы ссылки в тексте даются по одним изданиям, а в списке источников и литературы указываются другие. К примеру, в тексте монографии приводится ссылка на сочинение Клавихо по

изданию 1881 г. (с. 21, 146, 147, 148, 150, 156, 157, 158), а в списке источников — на современное издание И.С. Мироковой (с. 224).

Наименования некоторых средневековых сочинений на разных страницах книги могут выглядеть по-разному. Работа Бартоломео Крещенцио на с. 20 называется «Искусство навигации в Средиземном море», а на с. 31 — «Плавание по Средиземному морю». Об итальянской лоции конца XIII в. говорится то как о «Compasso da navigare» (с. 13), то как «Lo compasso da navigare» (с. 68), «Lo compasso» (с. 68), «Компассо да Навигаре» (с. 19, 71), «Компассо» (с. 19, 20, 69, 71, 117, 118, 143, 153); «Liber compassum» (с. 19, 69).

Есть неточности в написании имен собственных. Так, инициалы Тизенгаузена — В.Г., а не В.Т. (как на с. 22, 111, 223), фамилия И. Лелевеля по-русски пишется с одним «л», а не с двумя (с. 11; там же она и по-французски указана неверно). Инициалы Норденшёльда переданы то как Н.А.Э. Норденшельд (с. 11), то как А.Е. Норденшельд (с. 13, 14, 28, 29), хотя следовало — А.Э. Норденшёльд.

Нумерация иллюстраций к книге беспорядочна. Цветные репродукции на вклейках и черно-белые, помещенные в составе текста, имеют общую нумерацию (за исключением двух, которые даны без номеров — с. 115, 132). Относящиеся к гл. I цветные репродукции имеют порядковые номера 1–7 и 9, а присутствующая в тексте этой главы иллюстрация идет под номером 8 (несмотря на то, что она является первой по счету во всей книге). В гл. II черно-белые рисунки имеют номера 9, 23, 24 и 26, цветные — 2, 1, 3, 6, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 15, 17, 18, 19, 21, 20, 27, 25, 22; т.е. рисунков под номером 9 оказывается два. Цветные иллюстрации к III главе приведены в таком порядке: 1, 4, 2, 3, 8, 5, 9, 10 (6 и 7 — черно-белые). В текст гл. IV включены иллюстрации под номерами 18а, 20а, 28, а цветные репродукции к этой главе пронумерованы следующим образом: 1–8, 10, 11, 12, 9, 13–23, 25, 24, 26, 27, 29–41. Нигде нет указаний на источники иллюстраций, опубликованных в книге, за исключением фотографий, сделанных самим И.К. Фоменко (рис. 4, 5, 9 к гл. III, рис. 3, 26 к гл. IV).

Отсылки к иллюстрациям в тексте иногда некорректны. Так, например, говоря на с. 104 о том, что «определение этимологии географических названий, их исходных форм и значений представляет серьезные трудности», автор отсылает читателя к рис. 1 (надо думать, этой же главы). Этот рисунок, на котором изображена часть карты, сопровождается подписью «Византийский манускрипт XIII в. с изображением восточного Причерноморья и части Анатолии. Возможно,

изготовлен в Константинополе». Какое отношение к этимологическим изысканиям имеет именно данная карта, остается неясным.

Приводя данные Абу-л-Фиды о нижнедунайском городе *Сақджи*, автор отсылает к рис. 3 — репродукции двух страниц из рукописи сочинения Абу-л-Фиды, которые повествуют совсем о другом регионе (о городах Армении и Азербайджана). Правда, рис. 3 прекрасно демонстрирует, как в принципе выглядят составленные арабским географом топонимические таблицы — вероятно, это и надо было оговорить, отсылая читателя к иллюстрации.

Если за стилистические особенности своей работы и слабо отредактированный текст И.К. Фоменко целиком отвечает сам, то ответственность за многочисленные ошибки в орфографии и пунктуации разделяет с издательским корректором М.В. Архиреевым. О некоторых ошибках, встречающихся в книге, даже неудобно говорить, так как с ними принято прощаться еще в средней школе: «крещенный» (как прил.; с. 38) вместо «крещеный», «серебряная» (с. 76) вместо «серебряная», «песчаный» (с. 116, 117) вместо «песчаный», «развиваться» (о флаге; с. 139) вместо «развеваться», «нимало» (с. 145) вместо «немало», «значек» (с. 171) вместо «значок», «толмачем» (рис. 9 к гл. IV) вместо «толмачом», «контоминация» (с. 290) вместо «контаминация», и т.п. Однородные члены предложения, причастные обороты и придаточные предложения далеко не всегда бывают выделены запятой (с. 19, 21, 28, 108, 168 и др), порой отсутствует согласование слов, не проставлены скобки. Чего стоит хотя бы подпись к рис. 17 к гл. II: «Лист портолана с изображением на карте французского, английского и ирландского побережий со святыми сценой Благовещения и св. Николаем Мирликийский) из атласа Пьетро Весконтэ 1321 г.» (с. 93).

В целом монография И.К. Фоменко оставляет двойственное впечатление. На авторе лежала большая ответственность перед отечественной аудиторией, поскольку это первая монографическая работа такого рода на русском языке, в связи с чем для большинства российских читателей она просто неизбежно будет играть роль историографического путеводителя и библиографического справочника. В этом смысле книга абсолютно незаменима, поскольку является единственным на сегодняшний день русскоязычным изданием, посвященным средневековым морским картам, и первым систематическим исследованием образа Причерноморья в памятниках средневековой морской картографии. Многие из изложенных выше замечаний, взятые каждое по отдельности, могут показаться просто

мелочными придирками желчного рецензента, но в совокупности они свидетельствуют — что приходится констатировать с огромным сожалением — об удручающей небрежности, с которой выполнено исследование, и это заставляет относиться к изложенному в монографии фактическому материалу, интерпретациям автора и библиографическим отсылкам с большой осторожностью.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ — Античная древность и средние века
АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М.
БАН — Библиотека Академии наук
БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб.
ВВ — Византийский временник. М.
ВЕДС — Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Тезисы докладов (Материалы конференции). М.
ВИ — Вопросы истории. М.
Воскр. — Собрание рукописей Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, ГИМ
ГА Арх. обл. — Государственный архив Архангельской области
ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949
ГИМ — Государственный исторический музей
ГРМ — Государственный Русский музей
ДГ — Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования (до 1991 г.: Древнейшие государства на территории СССР). М.
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЖС — Живая старина
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности
ИСССР — История СССР. М.
Лавр. — Лаврентьевская летопись
Муз. — Музейское собрание рукописей, ГИМ
НИС — Новгородский исторический сборник
НПЛ — а) Новгородская первая летопись; б) Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под. ред. и с предисл. А.Н. Сонова. М.; Л., 1950; 2-е изд. (репринтное): ПСРЛ. М., 2000. Т. 3
ОИ — Отечественная история
ПВЛ — а) Повесть временных лет; б) Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева.

- Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп., подгот. М.Б. Свердлов. СПб., 1996
- ПИ — Проблемы источниковедения
- ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV в. Л., 1981
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- ПЭ — Православная энциклопедия
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов
- РГБ — Российская государственная библиотека
- РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд
- РИБ — Русская историческая библиотека
- РНБ — Российская национальная библиотека, Отдел рукописей
- РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XV вв.). М.
- СДЭС — Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1; 1999. Т. 2; 2004. Т. 3
- Син. — Синодальное собрание рукописей, ГИМ
- СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. XI — первая половина XIV в.; 1988. Вып. 2. Ч. 1–2. Вторая половина XIV–XVI в.
- СС — Советское славяноведение (с 1991 г.: Славяноведение). М.
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом). СПб.
- ЧОИДР — Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.
- Хлуд. — Собрание рукописей А.И. Хлудова, ГИМ
- Чуд. — Собрание рукописей московского Чудова монастыря, ГИМ
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М.
- ASC — The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Cambridge
- BGA — Bibliotheca geographorum arabicorum
- ÍF — Íslenzk fornrit. Reykjavík
- JbbGO — Jahrbuch für Geschichte Osteuropas. München. Neue Folge
- JEGPh — Journal of English and Germanic Philology. Urbana (Ill.)
- KLNM — Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder fra vikingetid til reformationstid. København; Malmö; Oslo
- MGH — Monumenta Germaniae Historica
- SS — Scandinavian Studies. Menasha (Wisc.); Lawrence (Kansas)
- SUGNL — Samfund udgivelse af gammel nordisk litteratur. København

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
----------------------	---

I. Описание и моделирование пространства

в средневековых текстах

<i>Подосинов А.В.</i> Карта и текст: два способа репрезентации географического пространства в античности и средневековье	5
<i>Суровенков Д.И.</i> Категория пространства в хронике Комита Марцеллина (в контексте ранней латиноязычной христианской хронистики)	22
<i>Мельникова Е.А.</i> Пространственная ориентация в Повести временных лет	73
<i>Толочко П.П.</i> Древний Киев в представлениях современников	95
<i>Котляр Н.Ф.</i> Изменчивость представлений о Русской земле в летописных контекстах XI–XIII вв.	104
<i>Вилкул Т.Л.</i> «Сторона / страна»: словоупотребление и географические представления летописцев XI–XIII вв.	115
<i>Коновалова И.Г.</i> Образы Ойкумены в средневековой мусульманской географии	135
<i>Сверрир Якобссон.</i> Народы Аустрвега и исландская картина мира: Прощание с историческим мифом	142
<i>Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.</i> Панегирические формулы щедрости правителя на пути из варяг в греки	172
<i>Ерёмченко А.Б.</i> Сюжет и пространство в викингских сагах	188
<i>Вин Ю.Я.</i> Пространство поздневизантийского села в социокультурном измерении	199
<i>Каштанов С.М.</i> О земельных владениях белозерских князей в Пошехонье	230
<i>Приложение.</i> Документы копийной книги Павло-Обнорского монастыря	264

II. Время источника и время в источнике

<i>Котляр Н.Ф.</i> Событийная хронология Галицко-Волынского свода	281
<i>Гуцин А.Р.</i> В поисках начала суточного круга в домонгольской Руси: к постановке проблемы. (По произведениям Кирилла Туровского)	297
<i>Арутюнова-Фиданян В.А.</i> Время компилятора	309

<i>Матузова В.И.</i> Время в «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга	321
<i>Гимон Т.В., Метлицкая З.Ю.</i> Хронологические указания Англо-Саксонской хроники (конец IX — первая половина XII в.)	331
<i>Глазырина Г.В.</i> Время в древнеисландских сагах (история, повседневность, временные ориентиры)	355

III. Пространственно-временные представления средневекового автора

<i>Петрухин В.Я.</i> Пространство и время киевской легенды	381
<i>Калинина Т.М.</i> Восприятие времени и пространства арабским ученым X в. ал-Мас‘уди	396
<i>Матюшина И.Г.</i> Пространство и время в англосаксонской лирике	418

IV. Древнерусский текст и книга

<i>Столярова Л.В.</i> Заказчики древнерусских кодексов XI–XIV вв. Ч. 4: Заказчики XIV в., упомянутые в записях на книгах	461
--	-----

Рецензии

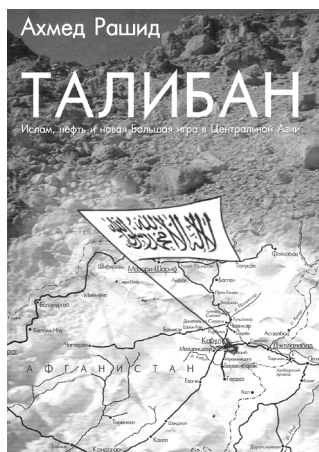
<i>Джаксон Т.Н.</i> Чувство пространства. Об исследовании Fabienne L. Michelet «Creation, Migration and Conquest. Imaginary Geography and Sense of Space in Old English Literature» (Oxford University Press, 2006, 297 pp.)	509
<i>Коновалова И.Г.</i> [Рец. на:] <i>И.К. Фоменко.</i> Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в. (М.: Индрик, 2007. — 408 с.; ил.)	521

Список сокращений	537
-------------------------	-----

Для заметок

Для заметок

СПИСОК КНИГ, ИЗДАНЫХ «РУССКИМ ФОНДОМ СОДЕЙСТВИЯ ОБРАЗОВАНИЮ И НАУКЕ»

Рашид А. Талибан: Ислам, нефть и новая большая игра в Центральной Азии / Пер. с англ. М. Поваляева. 2003. — 368 с.
ISBN 5902005035 (рус.)
ISBN 1860644171 (англ.)

Книга известного пакистанского журналиста Ахмеда Рашида посвящена истории движения «Талибан», которому в ходе кровопролитной гражданской войны почти удалось захватить власть в Афганистане. События 11 сентября 2001 года, однако, поставили точку в победоносном марше талибов. Специфическая ценность книги в том, что ее первое издание вышло до 11 сентября, и читатель может видеть события так, как видел их внимательный и хорошо информированный наблюдатель в 90-х годах прошлого

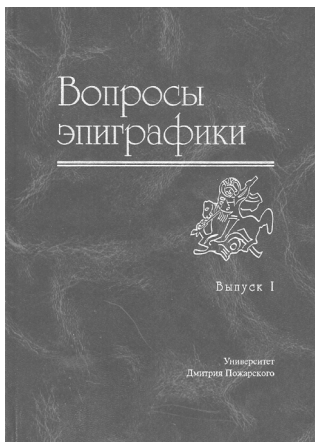
века. Особое внимание в книге уделено геополитическим и геоэкономическим факторам, обусловившим взлет и падение талибов. Книга подробно рассказывает о соперничестве нефтяных корпораций за влияние в Афганистане и о той роли, которую великие и малые державы сыграли в истории Центральной Азии за последние 10 лет.

Ревзин Г. Путешествие в Античность. 2006.
ISBN 5912440036

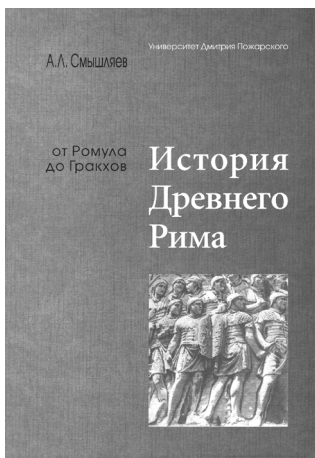
«До Ближнего Востока в последние десятилетия (то есть тогда, когда античные памятники этих мест сделалось возможным изучать) добирались многие специалисты, но, как правило, вовсе иного профиля, отнюдь не историки искусства. Они тоже были озабочены проблемами имперского строительства, но прагматичного, никак не идеального. Ревзин — из немногих, изучающих сегодня эти места с точки зрения идеала. Вдумайтесь: все те храмы и форумы, до которых Ревзин доехал, добрался, которые сфотографировал, описал, — этого в русских книгах по искусству не существовало вообще. Этого в нашем знании античности не было вовсе — а вот теперь есть» (Максим Кантор. «Путешествие из античности и обратно»).

Папка: 61 таблица с фотографиями и комментариями + брошюра.

Вопросы эпиграфики. Выпуск 1. Сб. ст. / Под ред. А.Г. Авдеева. 2006. — 248 с. ISBN 591244001X

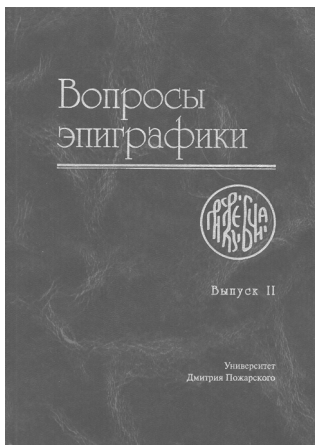
Сборник состоит из трех разделов. Первый раздел посвящен памяти доцента исторического факультета МГУ Д.А. Дрбоглава. Второй раздел — «Публикации и исследования» — содержит статьи по вопросам эпиграфики Древней Индии, Южного Причерноморья античной эпохи, позднесредневековой Италии, генуэзских колоний Крыма, а также старорусской и греческой Украины второй половины XVII в. В третьем разделе — «Научный архив» — публикуется исследование Н.И. Новикова о надписях на изразцах из Ново-Иерусалимского монастыря.

Смышляев А. Л. История Древнего Рима от Ромула до Гракхов: Учебное пособие. 2007. — 200 с. ISBN 9785912440021

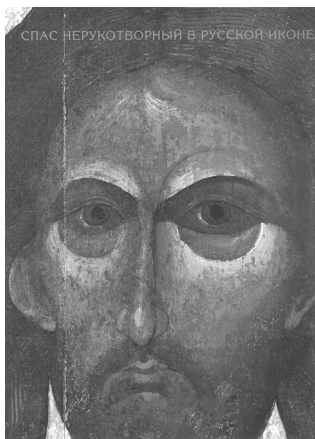
«История Древнего Рима от Ромула до Гракхов» представляет собой первую часть учебника, адресованного учащимся старших классов гуманитарных лицеев и гимназий, а также студентам первых курсов исторических факультетов университетов. Она охватывает эпоху с VIII по середину II в. до н. э., то есть время формирования и расцвета римской гражданской общины и складывания Римской средиземноморской державы. Дается подробная характеристика как процессов формирования основных институтов и социально-политических структур Рима-полиса и Рима-империи, так и самих этих

институтов и структур. Учебник снабжен иллюстрациями, картами и словарями (географическим, мифологическим, биографическим). В приложении дается подробная библиография отечественных и переведенных на русский язык зарубежных работ по истории и культуре Древнего Рима.

Вопросы эпиграфики. Выпуск 2. Сб. ст. / Под ред. А.Г. Авдеева. 2008. — 290 с. ISBN 9785912440045

Сборник состоит из четырех разделов. Первый раздел посвящен эпиграфическим памятникам Востока; второй — греческим надписям античного и византийского времени; третий — публикациям и исследованиям русских надписей XI–XIX вв.; четвертый раздел содержит «Научный архив», в котором дается краткий обзор монографий и сборников статей по эпиграфике, изданных в России в 2006 г., и Интернет-ресурсов по античной эпиграфике.

Спас Нерукотворный в русской иконе / Авторы-сост.: Л.М. Евсеева, А.М. Лидов, Н.Н. Чугреева. 2008. — 440 с: илл.

Цель настоящей книги — с возможной полнотой представить развитие иконографии Спаса Нерукотворного в русском искусстве. Данный образ Христа — это одна из главных святынь христианского мира. Он представляет собой плат с запечатленным на нем ликом Спасителя, который, согласно древнему преданию, возник не по воле художника, но как явленное чудо. По мысли византийских богословов, нерукотворно возникший на плате образ подтверждал как божественную природу Христа, так и реальность его пребывания на земле. В первой главе книги на основе имеющихся у

науки источников, дошедших до нас в греческих, латинских, сирийских и армянских рукописях, реконструируется история реликвии Нерукотворного Образа до ее исчезновения в XIII в. Другие главы посвящены русским иконам Спаса Нерукотворного XII–XVI вв., а также XVII–XX вв. В книге рассмотрена история данной традиции и практики богослужения с участием икон Святого Лица.

**ДРЕВНЯЯ РУСЬ
В СВЕТЕ
ЗАРУБЕЖНЫХ
ИСТОЧНИКОВ**

Хрестоматия

I
том

АНТИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джек-сон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Том I: Античные источники. Сост. А.В. Подосинов. 2009. — 352 с. ISBN 978-5-91244-004-5

Первый том Хрестоматии «Древняя Русь в свете зарубежных источников» содержит фрагменты сочинений античных и раннесредневековых авторов, написанных на древнегреческом и латинском языках и составляющих свод древнейших источников по истории Северного Причерноморья и Восточной Европы. Хронологический охват материала — от Гомера (VII в. до н. э.) до Иордана и Равеннского Анонима (VII в. н. э.). Публикация каждого фрагмента в русском переводе сопровождается вступительной статьей и историко-филологическими комментариями.

**ДРЕВНЯЯ РУСЬ
В СВЕТЕ
ЗАРУБЕЖНЫХ
ИСТОЧНИКОВ**

Хрестоматия

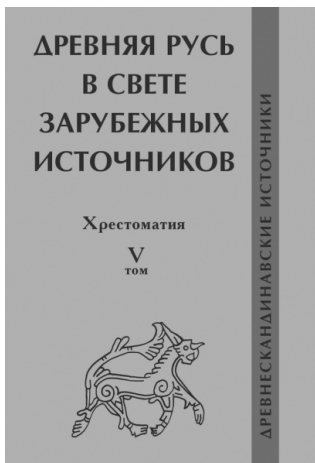
III
том

ВОСТОЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джек-сон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Том III: Восточные источники. Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. 2009. — 264 с. ISBN 978-5-91244-006-9

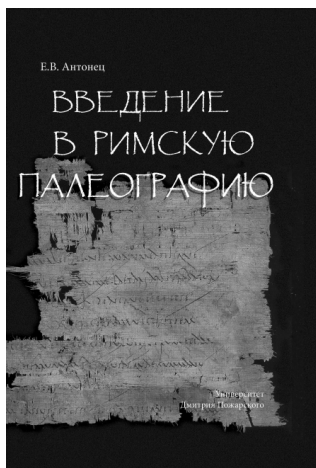
Третий том Хрестоматии «Древняя Русь в свете зарубежных источников» посвящен источникам на арабском, персидском и еврейском языках. В сборнике приводятся фрагменты географических, исторических и энциклопедических трудов, записок путешественников, эпистолярных сочинений. Хронологический охват материала — IX–XVI вв.

Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Том V: Древнескандинавские источники. Сост. Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельникова. 2009. — 384 с. ISBN 978-5-91244-005-2

Пятый том Хрестоматии «Древняя Русь в свете зарубежных источников» посвящен древнескандинавским источникам. Скандинавские письменные памятники IX–XIV вв. представляют собой одну из самых больших групп среди иностранных источников, содержащих сведения по истории Древней Руси. В их число входят скальдические стихи, рунические надписи, историографические сочинения, исландские саги (родовые, королевские, о епископах, о древних временах), норвежские гомилярии и жития святых, исландские географические сочинения, исландские анналы.

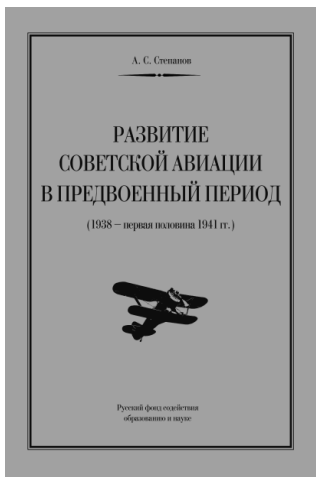
исландские географические сочинения, исландские анналы.

Антонев Е.В. Введение в римскую палеографию. 2009. — 400 с. ISBN 978-5-91244-018-2

Книга представляет собой первое в отечественной палеографии исследование, специально посвященное латинскому письму античного периода (I в. до н. э. – V в. н. э.). В ней рассматриваются основные аспекты письменной культуры Древнего Рима: материал письма, формы античной книги, виды бытования повседневных записей и документов. Подробным образом исследуется эволюция римского письма, анализируются все типы античного латинского письма. История письма иллюстрируется образцами,

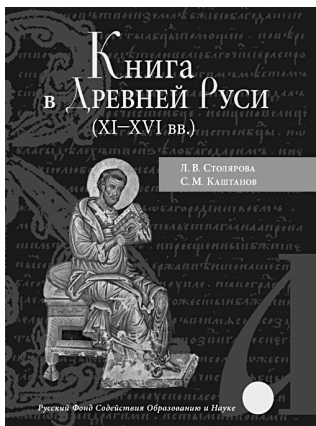
охватывающими весь комплекс письменных памятников античности, включающий эпиграфические материалы, восковые и деревянные таблички, а также новые папирусные находки. Особое внимание уделяется сохранившимся античным рукописям классиков римской литературы — Вергилия, Цицерона, Тита Ливия, юридических сочинений.

Степанов А.С. Развитие советской авиации в предвоенный период.
ISBN 978-5-91244-020-5

Данная книга, написанная доктором исторических наук А.С. Степановым, является первой в серии монографий автора, посвященных развитию советской авиации в 30-х годах XX века, и отражает результаты его многолетних исследований. Несмотря на высокий интерес к авиации в кругу профессиональных исследователей и любителей, примеры комплексного и системного изучения данной темы встречаются крайне редко, как в России, так и за ее пределами. Настоящее исследование сделано на базе шести государственных архивов Российской Федерации, автором также проведен подробный анализ отечественной и зарубежной литературы. Приложения, включающие сто таблиц с различным фактическим материалом, могут быть полезными для специалистов как гуманитарного, так и технического

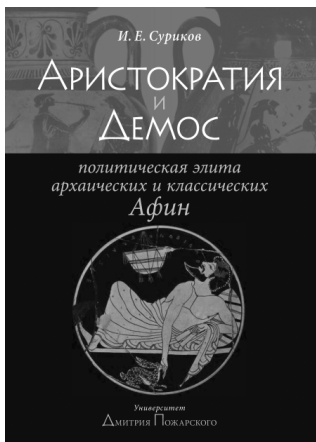
профиля. В отличие от распространенной ныне тенденции давать минимальное количество ссылок на использованные источники и литературу, автор придерживается строгой традиции составления научных текстов, поэтому каждый раздел монографии снабжен соответствующими сносками. Эту книгу автор хотел бы посвятить светлой памяти Владимира Венедиктовича Рогожина — своего первого научного руководителя.

Столярова Л.В., Кашганов С.М. Книга в Древней Руси (XI—XVI вв.). 2009. — 424 с. : илл. — (В лаборатории источниковедения).
ISBN 978-5-91244-016-8

Настоящая монография посвящена изучению книжной и письменной культуры XI—XVI вв., а также разработке новых методов исследования сохранившихся памятников письменности Древней Руси. Исследование строится на принципиально новой методической базе, основу которой составляет комплексный подход к источникам разных видов, сочетание методов текстологического, палеографического, кодикологического и дипломатического анализа. В книге анализируются древнейшие источники по истории отечественной книжной культуры, вводятся

новые данные по политической, социально-экономической и социокультурной истории Руси XI—XVI вв., на широком историческом фоне реконструируется деятельность книгописных центров Новгорода, Пскова, Ростова, Москвы и др. Раскрывается ктиторская деятельность князей и церковных иерархов, изучаются взаимоотношения княжеской власти и церкви в Древней Руси, анализируются обстоятельства создания ряда пергаменных и бумажных кодексов, уточняется место их изготовления, идентифицируются почерки их писцов. Большое место отводится изучению общего и особенного в организации книжного дела в раннесредневековой Европе, Византии и на Руси, в специфике письма и хранения книг, а также в воспроизведении изветшавших оригиналов и др.

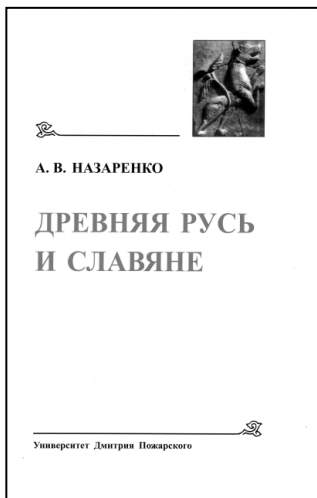

Суриков И.Е. Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин: Учебное пособие по спецкурсу для исторических факультетов вузов. 2009. — 256 с.

ISBN 978-5-91244-011-3

Огромную роль в общественной жизни древнегреческих государств играли политические элиты различного характера. Поэтому одной из наиболее серьезных проблем, встающих в связи с изучением античного греческого полиса и сложившегося в его рамках социума, является роль политических элит в нем. В книге освещается круг проблем, связанных с местом элит в полисе, их типологией, их механизмами власти и идеологическим обоснованием этой власти. Затронуты

такие вопросы, как основные типы полисных элит, методы достижения и сохранения влияния, практиковавшиеся элитами, взаимоотношения элит и гражданского коллектива, их эволюция в связи с изменением общих исторических условий. Территориальные и хронологические рамки книги — Афины VII–IV вв. до н. э. Среди ее героев — такие выдающиеся государственные деятели, как Солон, Фемистокл, Перикл, Алкивиад и др.

Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год) / Ин-т всеобщей истории. — 2009. — 528 с.

ISBN 978-5-91244-009-0

Сборник, издаваемый к 60-летию историка и филолога Александра Васильевича Назаренко, посвящен преимущественно истории Древней Руси. В нем собраны работы ученого главным образом последних лет, переиздаваемые в исправленном или сильно расширенном виде, а также новые статьи. Затронуты проблемы политического строя Руси XI–XII вв. (династические порядки и междукняжеские отношения, политическая история отдельных княжеств), истории церкви (становление и развитие епархиальной структуры Киевской митрополии, брачное право, феномен паломничества), государственной

идеологии, историографии, топонимии (названия «Великороссия», «Малороссия», «Новороссия») и этимологии как древнерусского времени (название Киева), так и более раннего (скифский этноним «сколоты»). Этот корпус дополняют несколько работ по истории и историографии славян.

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ

- ✓ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Том II: Византийские источники / Сост. М.В. Бибииков.
- ✓ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Том IV: Западноевропейские источники / Сост. А.В. Назаренко.
- ✓ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие для студентов вузов / Отв. редактор Е.А. Мельникова.
- ✓ Мельникова Е.А. Олег — великий князь земли Русской: историческое предание в интерпретации средневекового историка.
- ✓ Столярова Л.В. Детектив XVI в. Смерть царевича, Годунов и др.
- ✓ Глазырина Г.В. История одного похода: от события к литературной традиции.
- ✓ Коновалова И.Г., Мельникова Е.А. Топоним без места на карте: о специфике средневековых географических названий.

Из серии «Геополитика и геоэкономика»

- ✓ Книги Э. Лютвака:
 - «Стратегия и тактика политических переворотов».
 - «Стратегия: логика войны и мира».
 - «Стратегия Византийской Империи».
- ✓ Иванов Н.С. История политических переворотов в Латинской Америке.

Из серии «Экономика»

- ✓ Великие депрессии двадцатого столетия / Под ред. Эдварда Прескотта. Пер. с англ.

**Более подробную информацию о наших книгах
Вы можете найти на сайте:**

www.s-and-e.ru

Книги нашего издательства можно приобрести
в магазинах:

1. Интернет-магазины: www.biblion.ru и www.urss.ru

2. Книжные магазины:

Москва

- «Книжная галерея "НИНА"» (м. «Павелецкая», ул. Бахрушина, д. 28. www.kniginina.ru).
- «ФАЛАНСТЕР» (м. «Пушкинская», Мал. Гнездицкий пер., д. 12. www.falanster.ru).
- «ГНОЗИС» (м. «Парк Культуры», Зубовский пр., д. 2; 1-й гуманитарный корпус МГУ).
- «АКАДЕМКНИГА» (м. «Академическая», ул. Вавилова, д. 55/7).
- «АКАДЕМКНИГА» (м. «Цветной бульвар», Цветной бульвар, д. 21).
- «У КЕНТАВРА» (м. «Новослободская», ул. Чайнова, д. 15: здание РГГУ).

Санкт-Петербург

- «КНИЖНЫЙ ОКОП» (Тучков пер., д. 11/5, лит. А, пом. 15-Н).
- «ИСТОРИЧЕСКАЯ КНИГА» (ул. Чайковского, д. 55. www.aletheia.spb.ru).

Научное издание

Ответственный редактор тома *Г.В. Глазырина*

**Древнейшие государства Восточной Европы. 2006 год:
Пространство и время в средневековых текстах**

Редактор *О.В. Гусакова*
Верстка *Н.А. Колгарёва*

Подписано в печать XX.XX.2009 г. Формат 60 × 90^{1/16}.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 33 п. л. Тираж 3000 экз. Заказ №

Русский Фонд Содействия Образованию и Науке
Университет Дмитрия Пожарского
119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 13
www.s-and-e.ru

121099, Москва, Шубинский пер., д. 6
ППП «Типография “Наука”»